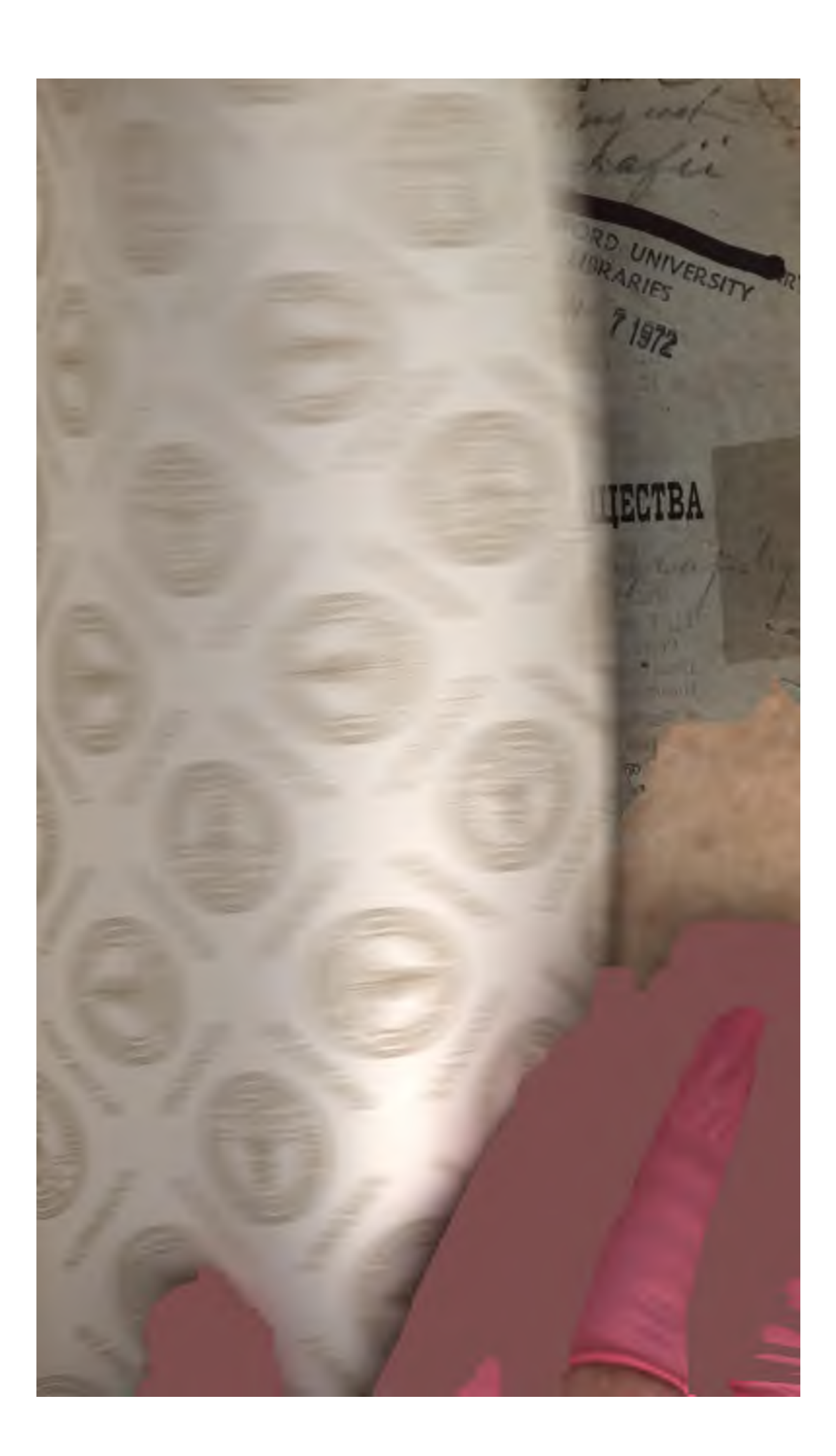
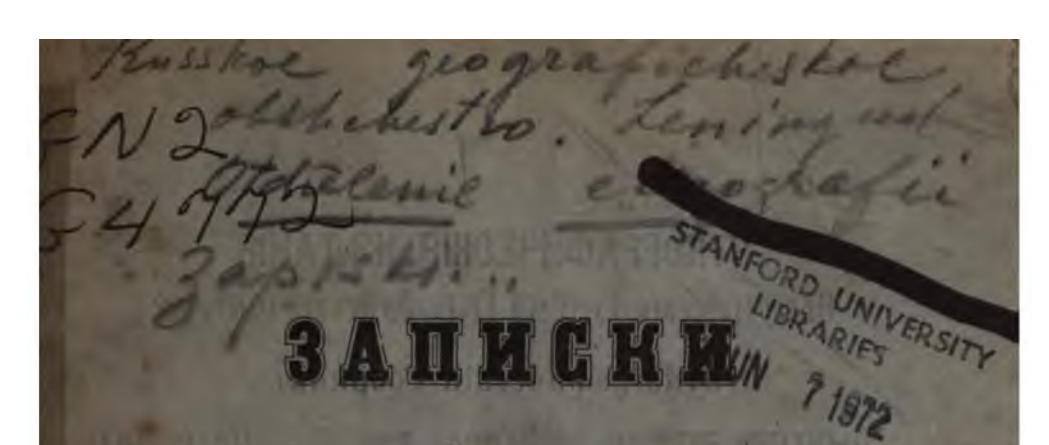
STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891


ORD UNIVERSITY
LIBRARIES
7 1972
ЩЕСТВА



ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ

ТОМЪ ПЯТЫЙ

ИЗДАНЪ ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ
ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ
О. Ѳ. МИЛЛЕРА и В. А. ГИЛЬТЕБРАНД

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1873

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества:

Этнографическій Сборникъ:

Выпускъ первый, 1853, подъ ред. Н. И. Надеждин… и К. Д. Кавелина. Ц. 1 р. 50 к.

Собраніе мѣстныхъ этнографическихъ описаній Россіи: Сельцо Васильев… ское, Нижегородскаго уѣзда.—Сельцо Ульяновка, Лукояновскаго уѣзда.— Волость Покровско-Ситская, Мологскаго уѣзда.—Приходъ Станиловской на Сити, Ярославскаго уѣзда.—Бытъ крестьянъ Тверскаго уѣзда.—Бытъ крестьянъ Нижнедѣвицкаго уѣзда.—Село Бобровки, Ржевскаго уѣзда.— Приходъ Остринскій, Лидскаго уѣзда.—Село Кобылья, Новградъ-Волын… скаго уѣзда.—Мѣстечко Александровка, Сосницкаго уѣзда.—Домашній бытъ Малоросса, Хорольскаго уѣзда.

Выпускъ второй, 1854, подъ ред. К. Д. Кавелина. Ц. 1 р. 50 к.

Собраніе мѣстныхъ этнографическихъ описаній Россіи: Село Давшино, Пошехонскаго уѣзда.—Село Липицы, Каширскаго уѣзда.—Село Голунь и Новомихайловское, Новосильскаго уѣзда.—Бытъ Бѣлорусскихъ крестьянъ.

Выпускъ третій, 1858. Ц. 1 р. 50 к.

…атьи о Русскихъ и ихъ соплеменникахъ: Слобода Трехъизбянская,
…ѣльскаго уѣзда.—Бытъ Малорусскаго крестьянина, преимущественно
…тавской губерніи.—Замѣтки о западной части Гродненской губер-
…ографическій взглядъ на Виленскую губернію.

…скъ четвертый, 1858. Ц. 1 р. 50 к.

…ъ инородцахъ: О Карагассахъ.—Самоѣды Мезенскіе—Богатыр…
…Минусинскихъ Татаръ.—Курсъ буддійскаго ученія.—О религіи
…Черемисъ, Казанской губерніи.—Этнографическія замѣчанія
…астрена о Лопаряхъ, Корелахъ, Самоѣдахъ и Остякахъ.

… пятый, 1862, подъ ред. Н. В. Калачова и …нскаго. Ц. 2 р. 50 к.

…я, описанія и матеріалы: Очеркъ этнографіи Русскихъ Евре-
…ь изъ путешествія въ Хиву.—Остатки Славянъ на южном…
…го моря.—Волжско-Двинскіе удѣльные крестьяне.—Город…
…естьянъ Обоянскаго уѣзда.—Вельскіе свадебные об…
…й указатель.

…—Сибирскіе дворяне и дѣти боярскіе.—Опись го…
Смѣ… …тая опись того же города.—Рѣка Локня.—Из…
рода Шу… …Былины объ Иванѣ Грозномъ.—Стихъ о дѣ…
книги Козм… …дика…
…12 пятницахъ.—Молитва св. Іосафа.—Стихи о временахъ ан…
ви.—Стихъ о 12 пятницахъ.—Сказаніе о дѣстовкѣ.—Черты религіозности.—Нравы Мол…
тихристовыхъ.—Сказаніе о дѣстовкѣ.—Черты религіозности.—Нравы Мол…
даванъ.—Крестьянскіе нравы Тотемскаго уѣзда.—Обычаи въ Зарайскѣ…
уѣздѣ.—Свадебные обычаи въ Ржевскомъ уѣздѣ.—въ Холмогорскомъ уѣз…
дѣ.—Чертежъ З. Двины 1701 года, съ картою.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ОБЩЕСТВА

РАФІИ

НІЕМЪ

БРАНДТА

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ

ТОМЪ ПЯТЫЙ

ИЗДАНЪ ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ
дѣйствительныхъ членовъ
О. Ѳ. МИЛЛЕРА и П. А. ГИЛЬТЕБРАНДТА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Майкова, въ домѣ Министерства Финансовъ, на Дворцовой площади
1873

КАЛЕНДАРЬ ПО НАРОДНЫМЪ ПРЕДАНІЯМЪ, ВЪ ВОЛОЖИНСКОМЪ ПРИХОДѢ

(Виленской губерніи, Ошмянскаго уѣзда).

I.

Должно сознаться, что преданія праздничныя исключительно спасли въ Западно - Русскомъ народѣ закваску православія и Русской національности. Объ этомъ можно судить по тому, что и католики простолюдины придерживаются такихъ праздниковъ *) и постовъ и въ такіе дни, которые соотвѣтствуютъ святцамъ православной церкви и не чествуются католическимъ костеломъ.

Добавить ли къ тому еще, что времена праздничныя составляютъ для народа пока единственный способъ счета времени, потому что не многіе въ народѣ знаютъ названія мѣсяцевъ и счетъ чиселъ, но большею частію опредѣляютъ время такъ: „за двѣ недѣли до запустъ колядныхъ родилась Настуля, по Колядахъ **) во столько-то дней сталъ паробокъ на службу, до Миколы за столько-то дней сѣялъ то-то, по Госпожѣ въ столько-то времени вышла за мужъ“ и т. п. Народная хозяйственная метеорологія тоже крѣпко связана со днями праздничными, съ которыми много соединено, въ извѣст-

---

*) Православный народъ въ Западномъ краѣ характеристически называетъ себя «Русаками», — праздники свои — Русскими святками».

**) О значеніи Колядъ *см. ниже.*

*

ныхъ случаяхъ, разныхъ примѣтъ, суевѣрій, предразсудковъ, своеобычныхъ обрядовъ; потому что на народныя преданія наложили печать свою и окружающая среда католичества, и отжившее время уніи и даже обще-Славянская миѳологія, хотя ничто не въ состояніи заглушить элементовъ Православія.

Какъ же народъ распредѣляетъ время праздниковъ по своимъ преданіямъ? Довольно замѣчательнымъ способомъ, такъ что, безъ всякихъ справокъ съ книгою, крестьяне, особенно пожилые, въ головѣ постоянно имѣютъ календарь на весь годъ, по которому никогда не ошибутся въ дняхъ даже самыхъ незначительныхъ церковныхъ полупраздниковъ—*присвятковъ*, по мѣстному выраженію. Я набрелъ на этотъ народный способъ веденія календаря по слѣдующему случаю. У насъ прежде былъ приходскій праздникъ въ день св. великом. Параскевіи, 28 Октября. Во время крѣпостной зависимости, когда крестьяне отбывали барщину, этотъ день считался рабочимъ, и потому напрасны были призывы пастырей на храмовой праздникъ. Такъ онъ былъ и оставленъ. Но съ прекращеніемъ крѣпостной зависимости, намъ, обоимъ священникамъ прихода, пришло на мысль возстановить праздникъ. Объявили мы заранѣе народу о днѣ праздника, пригласили ближайшихъ священниковъ къ сослуженію и въ наступившій день, при стеченіи народа, отходила уже утренняя служба (начинается въ 8 часовъ),— какъ вдругъ меня требуютъ къ больному за 8 верстъ. Я поѣхалъ, исполнилъ требу, но на обратномъ пути выговаривалъ своему подводчику за то, что, несмотря на наши неоднократныя просьбы и предостереженія, они норовятъ требовать къ больному не въ будній день, но въ праздничный, когда много службы въ церкви; и вотъ я теперь рискую не попасть на обѣдню въ день своего храмового праздника.

„Это для меня горько, сказалъ я ему, развѣ ты не зналъ, что нынѣ день праздника нашей святой Параскевіи?“

— Да чему-жь я не зналъ, отвѣтилъ онъ, *) мы *изъ вѣку* (испоконъ вѣка) всегда *святкуемъ Параску* (празднуемъ Параскевію).

---

*) Я не буду выражаться по бѣлорусски. Только приведу самыя оригинальныя выраженія и, пожалуй, сохраню складъ простой рѣчи.

„Ой лжешь, должно быть; потому что у васъ не было обыкновенія собираться въ этотъ день на храмовой праздникъ.

— Можетъ гдѣ и не святковали, но наша деревня всегда святковала, и я тебѣ, *отчинку*, (отче) скажу, почему: — потому, видишь-ли, когда-то былъ такой *случай*, что за работою панскою, до этого самаго дня, одинъ хозяинъ у насъ не успѣлъ выорать своей *бульбы* (картофеля), то онъ въ этотъ день пошелъ съ волами на бульбище, хоть его сосѣди остерегали, что Параски день, — негодится. „*Ничимъ* (ничего), я *раздзеру* это свято“, сказалъ онъ и пошелъ *олешникомъ* (межь ольховыми порослями); якъ вогналъ волы въ эту кудру (чащу), то ни въ задъ имъ, ни впередъ, — рванулъ и *раздзеръ* волы на мѣстѣ. Вотъ съ той поры ни-ни не робимъ (не работаемъ) въ этотъ день“.

„Гмъ, да какъ же ты разсчитаешь, что въ этотъ именно день приходится Параскевіи праздникъ?“ Я заподозрѣвалъ, что онъ ловко увертывается.

— Какъ? да вотъ какъ: отъ *Покровъ* (1-го (Окт.) *первая Параска* (14 Окт.) черезъ двѣ недѣли, *недопущая* дня. Коли Покровы *въ недзѣлю* (въ воскресенье) то первая Параска чрезъ двѣ недѣли, — въ субботу, а отъ этой Параски *до другой Параски* (28 Окт.) тоже двѣ недѣли и тоже въ субботу.—

Признаюсь, меня, привыкшаго подчиняться печатному календарю, изумилъ такой находчивый способъ опредѣленія по памяти дней полупраздничныхъ; но теперь не до того было, а послѣ я поближе постарался познакомиться съ народными календарными преданіями. Впрочемъ справки мои у молодыхъ грамотѣевъ были напрасны; тѣ тоже привыкли подчиняться печатному календарю. „Да какъ же намъ угадать, говорятъ они; глянемъ въ книгу, то и знаемъ; коли крестикъ, чи курсывыми литерами написано, то значитъ праздникъ.“ Только пожилые хозяева, въ особенности бабы, ведутъ свой оригинальный счетъ времени, но тѣ чрезвычайно неохотно отвѣчаютъ на неудачно предложенные вопросы. Имъ страннымъ кажется, почему священникъ спрашиваетъ, когда онъ лучше ихъ самихъ знаетъ, когда какой праздникъ, да еще объ этомъ объявляетъ въ церкви; должно быть въ этомъ вопросѣ что̀-то кроется. Нужно разными

вопросами о томъ, какой зимы или весны ждать намъ,—затронуть народныя примѣты и преданія о праздникахъ.

„Послушай, такая-то, скажи, на какой недѣлѣ случится такой-то присвятокъ?“ Та удивленно посмотритъ и скажетъ: „не вѣдаю; я тыкеля (только) то вѣдаю: *улій* (влѣй) *да выпъешь.*“ Рѣшительно откажется и потомъ въ сторонѣ кому либо намекнетъ: „батюшка съ мене жартуе“ (шутитъ). Я позову ее къ себѣ. „Ну, послушай, вѣрь, что спрашиваю не для шутокъ, но видишь-ли: разъ выхожу *въ недѣлю,* послѣ обѣдни, изъ церкви и слышу, какъ бабы говорятъ межъ собой: и почему это батюшка не наказалъ, что завтра свято?“ Какое, думаю, завтра свято, гляжу по книгѣ, что небольшой церковный праздникъ. Знай я, что народъ привыкъ въ такіе дни праздновать, я бы приглашалъ приходить на службу.

— То правда, и меня *задзивило*, что батюшка на такой-то день и на такой-то не наказывалъ народу.

„Ну вотъ видишь, потому-то я и хочу собрать свѣдѣнія, чтобы знать, какіе здѣсь у народа почитаются дни за праздничные.“ Послѣ того она, пожалуй, не поскупится на отвѣты.

— Вотъ видишь-ли, скажу я въ восхищеніи, даже незначительные, церковные, чисто Русскіе праздники вы святкуете. И какъ это удержалось у тебя въ головѣ, когда приходятся присвятки? Сама ли ты это высчитала для своей памяти, или тебя кто научилъ этакъ высчитывать?

— Якъ-то сама? Это уже *съ предъ часовъ* (издревле) *карта карцѣ заказывае* (т. е. поколѣніе поколѣнію передаетъ).—

Какое мѣткое выраженіе о преемствѣ живущихъ преданій!

Впрочемъ такія преданія нельзя собрать отъ одного лица, тѣмъ болѣе, что однѣ деревни празднуютъ тѣ дни, которые не празднуются другими. Есть особые праздники надрѣчныхъ деревень, особые полевыхъ, особые пущевыхъ, особые рыболововъ, пчеловодовъ и т. п.

II.

Вотъ какіе выводы передаетъ *карта карцѣ* относительно опредѣленія дней праздничныхъ. Сообщу при этомъ кое что̀ объ обычаяхъ народныхъ, связанныхъ съ тѣми днями.

Народъ ведетъ особый счетъ праздникамъ—тѣмъ, что̀, по выраженію его, *одного тыдня пильнуюць* (держатся одной седмицы — непреходящіе) и такимъ, что̀ *змѣняются* (преходящіе). Скажемъ сначала о подвижныхъ праздникахъ, зависящихъ, какъ извѣстно, отъ дня Пасхи.

Мѣсяцъ и число дня Пасхи крестьяне опредѣлительно сами обозначить не могутъ безъ объявленія священника о днѣ заговинъ; но судятъ, кромѣ того, по тѣмъ срокамъ, до какихъ только не отказываютъ имъ записать оглашенія о желающихъ вступить въ бракъ. Не то справляются у грамотѣевъ, по календарю печатному. Знаютъ только, что Пасха всегда празднуется послѣ *полни, ветошомъ,* (послѣ полнолунія, въ послѣднюю четверть), а заговины, что̀ предъ великимъ постомъ, — всегда *молодзикомъ* (новолуніемъ). По связи съ этимъ, что заговины (сырные) приходятся молодикомъ, крестьяне судятъ о величинѣ мясоѣда, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о срокѣ Пасхи, смотря по тому: если молодикъ придется *Колядами* (о Рождествѣ, серпокъ новол.), то считаютъ мясоѣда 8 недѣль а если молодикъ на новый годъ, то мясоѣдъ долгій — 9 недѣль, съ масляною включительно.

Впрочемъ о величинѣ мясоѣда, болѣе или менѣе приблизительно, судятъ по мясоѣдамъ прошлаго года. Если, напримѣръ, прошлаго года числилось мясоѣда 6 недѣль (съ масляною, какъ считаютъ у насъ въ народѣ), то въ настоящемъ году мясоѣда придется 9 недѣль (безъ масляной 8) а въ слѣдующемъ, — только 7 недѣль (по церковному счету 6) и очень хорошо знаютъ, что мясоѣда въ 4 недѣли и меньше никогда не бываетъ. Разумѣется, заключеніе по мясоѣдамъ прошлаго года не всегда вѣрно, но приблизительно довольно вѣрно. Величины вѣдь пасхальныхъ годовъ состоятъ только изъ 50, 51, 54 и 55 недѣль (см. у Хавск. III кн.); и хотя порядокъ слѣдованія ихъ самый измѣнчивый, но чаще всего случается что послѣ пасхальнаго года въ 51 недѣлю слѣдуетъ — въ 55 и послѣ того — въ 50 нед. Наприм. вотъ ближайшіе къ намъ пасхальные годы:

Пасхальн. годъ	$18^{59}/_{60}$	въ 51 нед.	$18^{60}/_{61}$	въ 55 нед.	$18^{61}/_{62}$	въ 50 нед.
»	$18^{62}/_{63}$	» 51 »	$18^{63}/_{64}$	» 55 »	$18^{64}/_{65}$	» 50 »
»	$18^{65}/_{66}$	» 51 »	$18^{66}/_{67}$	» 55 »	$18^{67}/_{68}$	» 50 »

Оттого чаще случается, приблизительно, принимая, для круглаго счета, однѣ недѣли безъ лишнихъ дней, — что послѣ 6 или 7 недѣль мясоѣда слѣдуютъ 9 или 10 нед., а послѣ того 7 или 8 нед. включительно съ недѣлею масляницы, какъ считаетъ у насъ народъ. Недѣля же масляницы потому идетъ въ счетъ недѣль мясоѣда, что крестьяне въ здѣшнемъ краѣ, подъ вліяніемъ Католичества, во время Уніи, пріобыкли ѣсть мясное въ эти дни; и потому еще держатся этого отступленія, что здѣшняя мѣстность рѣшительно небогата пастбищами для скота и масло—продуктъ весьма дорогой. У иныхъ больныхъ крестьянъ нѣту ложки масла къ овсянкѣ. Точно также даже самая мелкая рыба — у насъ рѣдкость. Впрочемъ крестьяне *пущевые* (что̀ въ лѣсахъ), тѣ въ масляницу не ѣдятъ мясного и строго это соблюдаютъ; потому что *про свой обиходъ* имѣютъ масло. Нѣкоторыя семьи крестьянъ *полевыхъ* тоже соблюдаютъ постъ масляницы, по особому какому либо случаю или обѣту.

На масляной недѣлѣ никакихъ не водится особыхъ забавъ въ нашемъ народѣ; онъ не умѣетъ такъ повеселиться, какъ Великороссы: ни качелями, ни катаніями не развлекается; приглашеній не дѣлаютъ другъ другу; блины тоже не составляютъ особенной принадлежности масляницы, потому что блины подаются на каждый, что̀ называется, *богатый* столъ, ради праздничнаго случая. Конечно, крестьяне не упустятъ случая въ масляницу угобзиться виномъ; впрочемъ нельзя сказать этого о большинствѣ. На заговѣнье обыкновенная ѣда, кромѣ блиновъ и разныхъ *стравъ* (блюдъ—кислаго, прѣснаго), это: *верещака* (т. е. колбасы и солонина поджаренная, съ соусомъ и блинами), *кишки*, налитыя кровію свѣже-заколотаго борова, съ крупами и запеченныя, *сѣканка* и т. п.

Въ великомъ посту на первой недѣлѣ очень мало причастниковъ. Можетъ быть, это потому, что прихожане, любящіе часто исповѣдываться, находятъ, что очень много времени оставалось бы отъ покаянія до Пасхи, еслибы на первыхъ недѣляхъ поста выполнить долгъ христіанскій. Съ третьей недѣли собирается до 500 человѣкъ причастниковъ.

Въ посту пробавляются самою неизысканною пищею, что̀ сырое, что̀ вареное: капуста, бураки, картофель, бобы, горохъ, овсяный

кисель и пр. Вмѣсто постнаго масла затирается сырая конопля. Рѣдко кто имѣетъ насушенную въ печи, на соломѣ, рыбу, или медъ. Огурцовъ не солятъ.

Въ среду на четвертой седмицѣ великаго поста, такъ называемую въ народѣ *средопостіемъ,* а чаще—*крестцы,*—до полудня занимаются работою и въ это время дѣятельно хозяйками пекутся такъ называемые *крестцы,* т. е. пироги (рѣдко пшенные) на крестъ сваленные, съ макомъ, медомъ, или, если скудно, съ коноплями. Почему этотъ день и пироги называются *крестцами,* неизвѣстно; вѣроятно, надо думать, потому, что, по церковному, недѣля эта называется *крестопоклонною*—въ честь креста. Пекутся еще въ этотъ день, кромѣ подобія крестнаго орудія, пироги на манеръ хозяйственныхъ орудій, такъ называемые: *соха, коса, серпы;* т. е. изъ тѣста зачинается пирогъ на подобіе сохи съ ярмомъ, полукруглой косы, серпа, *бороны*—пирогъ круглый, съ наложенными на немъ сверху маленькими пирожками, на подобіе рубьевъ бороны. При этомъ мальчикъ попроситъ спечь ему *пужку* (кнутикъ) и ему спекутъ долгій, *шиловаценькій* пирожокъ: пускай, молъ, каждый своимъ тѣшится.

Послѣ полудня народъ рѣшительно не работаетъ въ честь достигнутаго средопостія и тогда столъ бываетъ почище, съ селедкою, водкою, пивомъ и т. п. Замѣчательно, что часто случающійся объ эту пору Еврейскій праздникъ „Пуримъ“ тоже почему-то называется Евреями и крестьянами — „жидовскіе крестцы“. Многіе Евреи, по невѣжеству, думаютъ, что этотъ праздникъ у нихъ потому называется крестцами, что въ оное время Аманъ задумалъ Евреевъ приневолить къ принятію Христіанства (за 470 слишкомъ лѣтъ до Христа).

Въ вербное воскресенье народъ является въ церковь съ огромными пуками вербъ, яловца (можжевельника) и т. п. Мальчики постегиваютъ другъ друга вербочкою, говоря: „не я бью, верба бье, за тыдзень (за недѣлю) великъ день“. Первый разъ выгоняютъ скотинку въ поле непремѣнно вербочкою.

Въ чистый четвергъ, по народному названію, иначе въ великій, считаютъ нужнымъ до-дня подмести хату, чтобы все лѣто блохъ не было, мыть голову, чтобы цѣлый годъ чистая была, а кто въ

этотъ день осмѣлится съ утра выкупаться въ прорубкѣ, по морозу, то вѣрятъ, что тотъ не будетъ боленъ во весь годъ. Къ вечеру, сумерками, въ этотъ день народъ издревле привыкъ въ огромномъ числѣ собираться на чтеніе евангелій св. страстей. Не участвовать въ этой службѣ считаетъ каждый непростительнымъ. Не смотря на болото, мужики, дѣвки верхомъ на лошадяхъ прискачутъ къ церкви. Выходъ къ чтенію евангелія нѣсколько паръ братчиковъ сопровождаетъ съ зажженными свѣчами и всѣ, кто ни есть въ церкви, слушаютъ евангелія со свѣчкою въ рукахъ. Бдѣніе оканчивается почти къ полуночи.

На выносъ плащаницы въ крѣпостное время никто не собирался. Въ послѣднее время нашими неустанными усиліями народъ привязался и къ этому обряду; даже въ память своего освобожденія отъ крѣпостной зависимости пріобрѣлъ богатую плащаницу—въ выраженіе своихъ чувствъ благодарности къ Богу и Государю. Теперь къ выносу плащаницы народъ стекается во множествѣ, заблаговременно.

Въ великую субботу, еще утромъ, у многихъ крестьянъ вся стряпня къ Пасхѣ окончена. Обыкновеніе устроять *свянцоное,* т. е. освященный пасхальный столъ изъ плотныхъ холодныхъ кушаньевъ, повсемѣстно въ Западной Россіи. Разнообразіе свянцонаго у крестьянъ ограничивается пшеннымъ куличемъ (у многихъ самымъ чернымъ), хлѣбными *лепешками* *), жареннымъ поросенкомъ, кускомъ жаренной говядины или телятины, жареннымъ пѣтухомъ; а изъ пущевыхъ охотниковъ многіе припасаютъ себѣ на этотъ случай кое-чтò изъ мелкой дичи. Все это укладываютъ въ *лубку* (овальный коробъ изъ коры) въ которой поросенокъ со вздернутыми къ верху ножками и непремѣнно съ хрѣномъ во рту занимаетъ самое видное мѣсто; тутъ же положатъ колбасъ, свѣжаго сыру, горшечекъ масла, горсточку соли и нѣсколько яичекъ, окрашенныхъ лукомъ, древесною корою, или березовыми почками, цвѣтомъ дремы (подснѣжника). Всегда кладется одно обобранное яичко и съ такими лубками выжидаютъ, въ субботу, пріѣзда священника, для

*) Изготовленными, впрочемъ, про бѣдныхъ.

освященія. Священникъ на своей подводѣ, по заранѣе объявленному маршруту, объѣзжаетъ отдаленные уголки своего прихода и надъ выставленными въ рядъ лубками читаетъ молитвы, окропляетъ брашна и уѣзжаетъ себѣ въ слѣдующую деревню, надѣленный отъ каждой лубки *волочебнымъ* (крашеннымъ яичкомъ) *и куракомъ* (булочкою чернаго хлѣба въ 2 фунта, для рабочихъ).

На пасхальную заутреню народъ изъ дальнихъ деревень стекается заблаговременно и еще съ вечера можно замѣтить цѣлыя толпы пилигримовъ съ закинутыми на плечи праздничными сапогами, башмаками и др. нарядомъ.

Въ прежнее время, до мятежа, ночью являлись подъ окнами хоры *волочебниковъ*, являвшіеся за волочебнымъ (т. е. пасхальнымъ яичкомъ) съ усердными пѣснями въ честь хозяевъ и дѣточекъ ихъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ пѣсней:

а) Господарю (хозяину) и господынѣ (хозяйкѣ).

Ой чи дома, пане господарю?
Ой виножъ, вино зеленое.
А хочь дома не окажется,
Ой виножъ, вино зеленое.
(Припѣвъ этотъ за каждымъ стихомъ повторяется).
Въ козловые боты обувается,
Пойдзе въ поле жито глядзѣць,—
На горѣ похилилося (такъ густо),
Въ долинѣ въ трубы повилося;
Часто, густо на небѣ звѣзды,
Часцѣй, гусцѣй на нивѣ копки, (копа—60 сноповъ).
О дай, Боже, въ добромъ здоровьи
До дому звозиць, въ торпы зложиць.
О дай Боже—въ торпѣ прикладно,
На току молотно, въ орудзѣ (закромѣ) присыпно,
Въ млынѣ примольно, въ дзѣжи (квашнѣ) подыходно,
Въ печи румяно, на столѣ сытно, въ семьи зладно.
Пане господарю, не томи госцей, надари бардзѣй,
Невелимъ даромъ, битымъ талеромъ;
Нашъ даръ невеликъ, дзверьми неходзиць,
Презъ окно шые (дается).
Почальнічку по дзесятничку (гривнѣ),
А мѣхоношу по три грошу;
А музыцѣ горкая доля,
Горкая доля,—кварту горѣлки,
Сыру на тарелку, пирогъ на закуску.
Господыня! твоя рѣчь —
Сковородку— въ печь, а по слонину, въ клѣць.

б) Мальчику (положимъ Ѳединькѣ).

Ой у поли межа (прип. *Ой виножъ, вино зеленое*).
Перезъ тую межу куна бѣжиць; (или соколъ)
А молодый Ѳедзинька мѣциць,
Мѣциць, хоче куну забиць,
Мѣциць, мѣциць, хоче застрѣлиць.
Стала-жъ яна у его просицися:
Молодзенькій Ѳедзинька,
Не бій мене, не стрѣляй мене.
Ой якъ будзешь женитися,
Буду я тобѣ въ отгодзѣ (отслужу),
Въ великой пригодзѣ, —

Я твою панну перенесу,
А цебе молодого перевезу;
Я твово коня въ плавъ пущу.
Молодзенькій Өедзинька!
Не томи госцей, надари бардзѣй.
Нашъ даръ невеликъ, дзверьми не ходзиць,
Предъ окно шые (дается):
Зъ великихъ пановъ хоць по 100 рублевъ,
Зъ меньшихъ пановъ,—по тридцать рублевъ, и прочее.

в) Дѣвочкѣ (положимъ Надинькѣ).

На синемъ Дунаи, (прип. „ой виножь,")...
На бѣломъ камени,
Красная панна, слична молодзенька,
Слична молодзенька, молодая Надзенька
Ручки мыла, персцень уронила.
Пошла жь яна кола бережочку,
Кола бережочку, по желтомъ песочку.
Встрѣла жь яна трехъ рыболовничковъ.
—„Вы рыболовнички, вы брацики,
Закиньце-жь мнѣ шелковъ неводъ,
Зловице-жь мнѣ сребрянъ персцень.
Буду я вамъ въ отгодзѣ, въ великой пригодзѣ, —
За одного сама пойду,
За другого сестру отдамъ,
За трецяго хоць товаришку;
Сестру отдамъ въ злоцѣ,
Товаришку въ аксамицѣ (бархатѣ)
Сама пойду въ разумѣ.»
Молодая Надзечка, не томи госцей и проч.

г) Пѣсня: Сойка.

Ляцѣла сойка сохацистая (прип. ой виножь).
Погубляла перья позлоцистыя.
Вышла, выцекла красная паненька,
Слична молодзенька, молодая Надзенька,
Тоя перья подобрала, въ рукавецъ склала;
Понеслажь яна да до злотничка.
«Ой вы злотнички, вы работнички,
«О скуйце жь мнѣ три надобьейки (надобныя вещи)
«Первое надобье—руцвяный вѣнецъ,
«Другое надобье—сребрянъ персцень,
«А трецье надобье—золотый кубокъ.
«Руцвяный вѣнецъ, что вѣнчацися,
«Сребрянъ персцень, что мѣняцися.
«Золотый кубокъ, что витатися.
«Красная паненька, слична молодзенька,
«Не томи госцей, на дари бардзѣй и проч.

Съ полудня народъ уже цѣлыми толпами стекается къ вечернѣ. Пестрѣетъ вся площадь церковная лентами, платками, нарядами. За вечерней, съ пѣніемъ стихиръ: „да воскреснетъ Богъ..." крестный ходъ съ несмѣтной массой обходитъ церковь и послѣ службы начинаются игры: горки, съ которыхъ катаютъ яйца, или сбиваютъ въ рукахъ яйца, или качаются на качеляхъ. Училищные мальчики обходятъ съ поздравленіями, причемъ поютъ церковныя стихиры; нѣкоторые вызываются прочесть евангеліе. Нищіе тоже являются за своею долею.

Почти цѣлую свѣтлую недѣлю народъ не работаетъ. Кромѣ пер-

выхъ трехъ дней великаго праздника, въ середу, почитаемую *градовою*, ради бѣдствій отъ града, тоже не работаютъ. Въ четвергъ— кермашъ *) на базарѣ,—тоже не до работы: кто скотъ покупаетъ, кто продаетъ, кто вымѣниваетъ, кто выводитъ на показъ знахарю жеребятъ, или телятъ, поглядѣть во рту, обречены ли они дескать, судьбою на съѣденіе волкамъ? Крестьяне и Евреи то и дѣло гарцуютъ на испытываемыхъ лошадяхъ. Въ пятницу, какъ первую вообще послѣ важнаго праздника, народъ воздерживается работать, какъ говорятъ старожилы: „дзѣля (ради) церкви". Такихъ пятницъ въ году празднуется мѣстнымъ народомъ нѣсколько. А именно: первая послѣ праздника Рождества Христова, пятница на масляной, на свѣтлой недѣлѣ **), *третяя* пятница послѣ Пасхи, *пятая* пятница послѣ Пасхи, такъ называемая *градобойная или ледоватый дзень*;—среда и пятница послѣ Пятидесятницы и *десятая* пятница послѣ Пасхи, называемая *дзесятухою*.

Трудно добраться у народа объясненія, почему эти пятницы такъ почитаются. Нѣкоторые помнятъ, что прежде *кермаши* были въ эти пятницы, но Евреи успѣли съ панскою дворнею переложить ихъ на четвергъ, потому что въ пятницу наступающій праздникъ шабаша не позволялъ имъ пользоваться, до поздняго времени, торговлею. Кермаши же въ пятницу были, какъ говоритъ народъ, *дзѣля церкви*, потому, якобы, что въ пятницу освящали старенькую церковь. Я же думаю, что еще потому основаніе было для кермашей въ пятницу, что „слово *пятница* есть переводъ Греческаго имени—*Параскева*, коимъ названа великомученица по случаю рожденія ея въ день пятницы, который родители ея особенно проводили въ постѣ (ради страданій и смерти Господа). Произнося *Параскева*—это Греческое имя великомученицы, Русская Церковь соединяетъ съ нимъ и переводъ его на нашемъ отечественномъ языкѣ, потому что этотъ переводъ усвоенъ имени великомученицы согласно съ толкованіемъ, какое она сама дала, на Греческомъ

---

*) Однодневная ярмарка.

**) Суевѣріе примѣнило къ этой пятницѣ празднованіе и для того, чтобы слюна не текла у воловъ.

языкѣ, своему имени, предъ своими мучителями, которые спрашивали ее о значеніи его". (Дни Богосл. Дебол. I, 442).

Въчесть того, что имени *Параскевы нареченныя пятницы* посвящена Воложинская церковь, по документамъ, въ 1710 г., и были устроены, съ давнихъ временъ, ярмарки въ тѣ пятницы, которыя слѣдуютъ послѣ важныхъ праздниковъ и въ которыя народъ до сего дня не позволяетъ себѣ работать, особенно *въ пятую* пятницу и *десятую* послѣ Пасхи.

Къ слову должно сказать, что народъ сильно привязанъ къ церкви св. Параскевіи, потому что на памяти его три безпощадныхъ пожара истребили все почти мѣстечко кругомъ церкви, не тронувъ ея. Послѣдній пожаръ, истребившій въ мѣстечкѣ до ста слишкомъ строеній въ 1865 г., былъ на нашихъ глазахъ, и отъ пламени, истребившаго домъ въ 30 шагахъ отъ церкви, перенеслись сильнымъ вѣтромъ искры надъ столѣтнею тесовою крышею церкви и зажгли строенія католическаго монастыря.

Въ случаѣ спасенія отъ пожара прихожане первую жертву подносятъ къ иконѣ св. великомученицы и на церковь смотрятъ съ благоговѣніемъ. Церковь эта въ нынѣшнемъ году зачислена приписною, потому что намѣсто ея построена новая деревянная церковь во имя св. равноап. Константина и Елены и кромѣ того недавно перестроенъ на церковь обширный великолѣпный каменный костелъ, по поводу присоединенія болѣе 950 душъ къ православной паствѣ.

О поминовеніи на Радоницу скажется послѣ.

Въ Ѳомину недѣлю, по народному на *проводы* (т. е. препровожденье праздника), какъ извѣстно, раздается въ церкви *артосъ*. При этомъ рѣшительно нельзя соблюсти порядокъ; иногда приходится раздавать артосъ на погостѣ, во избѣжаніе давки. Въ прежнее время удавалось слышать, какъ вдругъ опѣшитъ какую нибудь крестьянку православный:—„ты-жь католичка, чего сюда идешь; небось не даютъ этаго въ костелѣ".

Само собою, что въ зависимости отъ пасхи считаютъ въ народѣ, на 6-й недѣлѣ въ четвергъ, праздникъ Вознесенія, по мѣстному выраженію: *Вшествіе* (на небо). Въ этотъ день, изъ года въ годъ, одна деревенька въ 2-хъ верстахъ всегда приглашаетъ къ себѣ крестный ходъ изъ самой церкви.

Слѣдующій праздникъ Пятидесятницы называютъ въ народѣ: *Семуха* (потому что до него проходитъ отъ Пасхи 7 недѣль). Это тоже, что *Семикъ*.

Народъ приноситъ на этотъ праздникъ цвѣты въ церковь; ставить березки здѣсь тоже въ обычаѣ. На другой день праздника болѣе чѣмъ въ другое время благословляется браковъ, потому что хозяева имѣютъ въ виду настоящее время косьбы и жатвы, когда семьянинъ нуженъ. Вечеромъ этого дня настаетъ такъ называемое *пастушково свято*. Пастухи тогда выпрашиваютъ у хозяевъ сало, яйца, пирогъ и на ночлегъ, при кострахъ огня, устрояютъ *балекъ*, т. е. пекутъ яичницу, пьютъ водку, рѣзвятся и ликуютъ.

На слѣдующей, 9-й недѣлѣ отъ Пасхи, въ четвергъ празднуется такъ называемый народомъ *девятникъ*. Мѣстная, Западно-Русская церковь тогда торжественно празднуетъ „достопамятное возсоединеніе уніатовъ съ православною церковью" и полагается въ этотъ день крестный ходъ, совершаемый и у насъ. Въ этотъ день тоже ставятся березки, для украшенія церкви, а прихожане приносятъ съ собою къ службѣ *зеліе*, т. е. цвѣты, вѣнки травъ, которые прячутъ къ Иванову дню. У Католиковъ тогда торжество Тѣла Христова.

На слѣдующей 10-й недѣлѣ отъ Пасхи, въ пятницу, какъ уже было сказано, называемую *дзесятой*, народъ не работаетъ *а-ни-га* (нисколько) въ нашемъ приходѣ, въ честь церкви *Параскевы пятницы*. Впрочемъ и въ другихъ мѣстностяхъ дзесятуха празднуется ради града и это должно приписать былому вліянію (вѣроятно запугиванію градомъ и громомъ) почтенныхъ Іезуитовъ, которые на этотъ день возвѣщали самый торжественный свой Іезуитскій праздникъ: Sanctissimi Cordis Jesu (свят. сердца Іисусова). Въ честь сердца Іисусова существовали даже женскія католическія общины изъ міранъ, которыя обязаны были носить шхаплеры (парамоны) и возобновлять ежегодно обѣты дѣвства и т. п.

Теперь относительно чествованія дней подвижныхъ слѣдуетъ еще сказать о Петровомъ постѣ. Какъ извѣстно, продолжительность его зависитъ отъ ранней или поздней Пасхи. Если постъ бóльшій, въ народѣ выражаются—*Тройца большая*, если меньшій—*Тройца меньшая*. Къ сожалѣнію, у насъ прихожане не всѣ въ

положенное время заговляются передъ Петровымъ постомъ. Крестьяне *пущевые и рѣчные* весь постъ постятъ по уставу церкви, а нѣкоторые только постятъ двѣ послѣднія недѣли до Петрова дня. Это должно приписать неимѣнію рыбы, и даже конопли, въ это время, и работамъ полевымъ. Впрочемъ непощеніе нѣкоторыхъ дней въѣлось вѣками, черезъ унію; но и то должно сказать, что во время соблюдаемаго поста и больной не рѣшится оскоромиться и довольствуется самою скудною пищею. А пища въ Петровомъ посту обыкновенно хлѣбъ съ лукомъ и квасомъ, овсянная милта *) и т. п.

III.

Перехожу теперь къ днямъ *неподвижныхъ* праздниковъ и полупраздниковъ (присвятковъ—дней церковныхъ.)

Хотя священникъ всегда объявляетъ о днѣ важныхъ праздниковъ, но въ головѣ крестьянина дни эти имѣютъ свои сопоставленія, а зависимо отъ нихъ сопоставляются менѣе важные дни присвятковъ. Народъ не знаетъ, въ какія они числа мѣсяца полагаются, но опредѣляетъ срокъ ихъ по тому, *какою они тыдня пильнуюць по Колядахъ* (какой недѣли держатся послѣ дня Рожд. Христ.) и крестьяне знаютъ заранѣе впередъ, сколько еще недѣль до такого-то праздника. А въ какой день недѣли онъ случится, объ этомъ судятъ по днямъ прошлогодняго счета; они помнятъ, что прошлаго года такой то праздникъ былъ, положимъ, въ понедѣльникъ, стало быть въ нынѣшнемъ году будетъ во вторникъ. Въ случаѣ високоса, когда переступаетъ такой счетъ черезъ день, то о високосѣ, или, по здѣшнему, о годѣ *переступномъ* или *прибышовомъ* судятъ по тому, въ какой день придется праздновать „*Сорокѝ*“ (40 Севаст. мучен. 9 Марта), такъ какъ это первый мартовскій присвятокъ, слѣдующій послѣ прибышоваго дня 29-го Февраля. Коль

---

*) *Милта* (иначе толокно) приготовляется такимъ образомъ: овесъ заливъ водою, парятъ горячими каменьями въ ушатахъ, потомъ сцѣживаютъ на рѣшето, сушатъ въ печи, толкутъ въ ступѣ, подсѣваютъ и мелютъ на муку. Эту-то муку употребляютъ въ пищу, заливъ холодною водою и замѣшавъ гуще или рѣже.

скоро *Сороки* пришлись не въ тотъ день, въ который слѣдовало бы ожидать ихъ сряду, послѣ прошлогодняго термина, но днемъ позже,—стало быть годъ переступный и уже днемъ позже придут-ся всѣ слѣдующіе за симъ праздники.

Начнемъ съ праздника Рождества Христова, какъ такого неподвижнаго въ числахъ дня, отъ котораго зависятъ всѣ сопоставленія, по народнымъ счисленіямъ, неподвижныхъ праздниковъ.

На примѣтѣ у народа, что въ какой день недѣли случится праздникъ Рождества Хр. (положимъ въ воскресенье),—въ тотъ же день придется Новый годъ, день мучен. Агаѳіи и, если не высокосный годъ, то въ тотъ же день—Юрія весенняго, Юрія осенняго, Спасъ и Покровъ. По молодику на Коляды, какъ уже говорено, примѣчаютъ о величинѣ мясоѣда.

Наканунѣ Рождественскаго праздника, вечеромъ (въ сочельникъ) устрояется по домамъ *кутья* изъ нѣсколькихъ постныхъ блюдъ, примѣрно: селедки, верещаки, изъ селедки съ лукомъ *и поливкою* (соусомъ), олатокъ (лепешекъ жаренныхъ въ постномъ маслѣ), крупника кислаго, овсянаго киселя, *груцы* (толченнаго ячменя) съ сытою. Ѣдятъ на подостланномъ подъ скатертью сѣнѣ, въ память того, что Христосъ родился въ ясляхъ на сѣнѣ.

Рождество Христово, по простонародному—*Рожество*, а чаще *Коляды*; хотя послѣднее слово—происхожденія языческаго, но употребляется въ смыслѣ—*святки. Колядовать* значитъ—славить, *коляду дать*—надарить ради праздника Христова колбасою, хлѣбомъ, лопаточкою. Колбасы и кишки составляютъ необходимую принадлежность колярнаго стола. Колбасу и лопаточку несетъ, кто имѣетъ усердіе, и въ церковь на пользу причта; съ колбасою да хлѣбомъ отправляютъ и слугъ, оставляющихъ службу обыкновенно на другой день праздника (день св. Іосифа), послѣ даннаго обѣда. Это самое хлопотливое и пренепріятное время для хозяевъ. Въ одинъ день, въ одно время и, очень некстати, праздничное, повсемѣстно слуги требуютъ разсчета и покидаютъ службу; рѣдко которые остаются на прежнемъ мѣстѣ.

Каждому паробку и дѣвкѣ дорога тогда свобода пожуировать на *крищахъ*, а пока о хлѣбѣ насущномъ нечего заботиться, потому что, въ случаѣ отхода, слуга снабжается отъ хозяина булкою хлѣ-

ба, по крайней мѣрѣ фунтовъ въ 20, 30,—къ томужъ колбасою, кускомъ солонины. Встрѣчныхъ, по булкамъ хлѣба, еле тащимымъ, можно узнать, кто вольная птица, еще не нанятъ. Слуги тогда себѣ цѣну знаютъ и потому ужасно тароваты на честь и угожденіе со стороны хозяевъ, которые, такъ сказать, должны домогаться неотступными просьбами услугъ ихъ.

За ними погоня производится, съ утра, по всѣмъ корчмамъ, и тамъ, какъ на биржѣ, совершаются всѣ сдѣлки, не безъ участія Евреевъ, при чемъ иной разъ выпрашивается отсрочка на нѣсколько святочныхъ дней погулять на игрищахъ. Многіе хозяева средняго класса и арендные владѣльцы остаются на эти дни безъ души въ людской и принуждены бываютъ сами поить свой скотъ и прибѣгаютъ къ посредничеству факторовъ Евреевъ въ наймѣ слугъ. Иной разъ слуга и станетъ на службу, а на другой день улепетываетъ. А книжечки отъ него нечего требовать; съ условіемъ на книжечкѣ никто не пойдетъ служить.

На *игрища* собираются преимущественно паробки, хлопцы и дѣвки въ корчмы, гдѣ при звукахъ неистово пиликающей скрыпки, молодежь оттопываетъ свои, самые незатѣйливые, танцы, въ которыхъ хлопецъ выказываетъ всю свою размашистость и удаль вскидываніемъ ногъ; ангажированная же болѣе скромно, подъ тактъ, съ ноги на ногу то поднимается, то опускается, какъ утка.

Для разгульныхъ колядныхъ дней имѣются разныя пѣсни, напр.:

„Пошла Коляда колядуючи,
„За ей дзѣвки жебруючи,
„Одна просиць, другая носиць.
„Покинь просиць, цяжко носиць,—
„Перешла сельцо,—достала яйцо,
„Перешла другое,—згубила и тое,
„Перешла трецее,—згинула сама.
„Отъ и Коляда!

На канунѣ новаго года устраивается *жирная кутья*, иначе называемая *щедрухою*. Тутъ то и наступаетъ элементъ миѳологическій, обще-Славянскій—гадать. Особенно дѣвки гадаютъ о своемъ замужествѣ—разными пріемами. Наприм. каждая кидаетъ собакамъ оладки (лепешки) и чью первую онѣ схватятъ, та и надѣется прежде выйти за мужъ. Или подымается дѣвка нести *беремя* дровъ (бремя, сколько захватитъ), сброситъ ихъ и считаетъ: если окажется полѣнъ четное число—*до пары*, то быть ей въ парѣ, подъ вѣнцомъ, а нѣтъ,—оставаться въ одиночествѣ. А то еще дѣвки, по

мѣстному выраженію, *ополаюць черевики*, т. е. наберутъ полныя ночевки (корытцо) башмаковъ и вытряхиваютъ ихъ, какъ пшеницу, отъ пыли; чей прежде башмакъ вытряхнется, та и надѣется прежде выйти за мужъ. Болѣе задорныя невѣсты подходятъ къ окнамъ подслушивать, что̀ прежде будетъ произнесено въ хатѣ: „бывай здоровъ, прощай", или,—„сядь, посиди". Если первое, то примѣта хорошая,—придется оставить отца, родимую хату и итти замужъ; если же сверхъ чаянія послышится, какъ нетерпѣливая мать въ хатѣ вдругъ прикрикнетъ на своего неугомоннаго шалуна: „да сядзь, кабъ ты макомъ сѣлъ",—то подслушивавшая, какъ ошпаренная, удираетъ отъ окна, предется дескать—сидѣть въ дѣвкахъ.

Въ навечеріе Богоявленія многіе имѣютъ обыкновеніе съ посудинами приходить въ церковь за водою, которая въ народѣ такъ и называется *Іорданскою.* Воду эту хранятъ въ продолженіи цѣлаго года, какъ такую, которая не портится; на тощакъ пьютъ ее, особенно больные. До самаго вечера этого дня многіе ничего не ѣдятъ. Вечеромъ ѣдятъ такъ называемую *бѣдную кутью*, т. е. самую скромную, постную. Въ день Богоявленія (Крещенія) собирается громадное множество народа,—шествующаго съ крестнымъ ходомъ на *Іордань*, устроенную на ключевомъ водоемѣ и здѣсь, еще въ продолженіе освященія воды, уже многіе стоятъ на готовѣ, съ отпущенными на бичевкѣ жбанами, чтобы изъ подъ животворящаго креста, погружаемаго въ воду, набрать освященной струи.

На 6-й недѣлѣ отъ Колядъ, праздникъ Срѣтенія зовется народомъ: *Громницы.* Это уже вліяніе Католичества, которое въ этотъ день установило освящать восковыя свѣчи, зовомыя по костельному: *громницами*, на томъ основаніи (какъ значится въ катехизисѣ Іезуита Лоицкаго, 1748 г., издан. Виленск. Академіи) „что громятъ онѣ силу бѣсовскую, дабы невредила громами, молніями, проливными дождьями и градомъ, легко низводимыми, по допущенію Божію, чародѣями или волшебницами". Народъ съ своей стороны вѣритъ, что такія свѣчи полезно употреблять для отогнанія вѣдьмъ отъ коровъ, къ которымъ онѣ, дескать, въ видѣ жабъ подползаютъ, взбираются по ногамъ къ выменамъ и высасываютъ молоко. Но громничная свѣча, прилѣпленная къ косяку хлѣва, недопускаетъ

*

вѣдьмъ до таковыхъ операцій и слѣды безсильной злобы ихъ остаются на изгрызенномъ воскѣ свѣчи.

Конечно самое приличное употребленіе освященныхъ свѣчей— въ часъ исхода умирающаго—имѣетъ разумное основаніе, и потому православные священники не отказываются прихожанамъ въ день Срѣтенія освѣщать свѣчи, хотя и стараются объяснить народу, что приличнѣе всего, на случай исхода, сберегать свѣчи, съ которыми слушаются въ чистый четвергъ евангеліе св. страстей и крестной смерти Господа.

По внушенію правосл. пастырей обычай приносить громницы выводится.

За три дня до Срѣтенія считается въ народѣ присвяткомъ день подъ именемъ *Василія да Григора* (трехъ святителей, 30 Янв.) а въ три дня послѣ Срѣтенія празднуется присвятокъ *Агаѳіи*, приходящійся въ тотъ же день недѣльный, что и прошлое Рождество Хр. Въ день Агаѳіи приносятъ къ освященію хлѣбъ, натыканный кусками соли, по выраженію народа *помоцный* (полезный) *коровѣ*, которой этотъ хлѣбъ *„зачепливаютъ на рожки, кабъ уроковъ небоялася"*. Въ случаѣ пожара бросаютъ этотъ хлѣбъ или въ огонь, чтобы потухъ, или въ чистое поле,—чтобы туда направился вѣтеръ. Обыкновеніе освящать хлѣбъ Агаѳіи усвоено отъ католиковъ и, не извѣстно почему, но выводится.

На одиннадцатой недѣлѣ отъ Колядъ считаютъ присвятокъ подъ именемъ: *Сороки* (40 Севаст. мучен. 9-го Марта) и, если не въ високосъ, то они придутся въ тотъ же день недѣли, что и Срѣтеніе. Это праздникъ преимущественно пчеловодовъ. На Сороки дѣлаютъ клецки изъ тѣста и бросаютъ въ варъ. Изъ 40 клецокъ одну утромъ съѣдаютъ и, если морозъ, то находятъ, что еще 40 морозовъ будетъ. Мальчики утромъ выходятъ босые на дворъ и стараются черезъ стреху (кровлю) перебросить 40 тресокъ; если удачно перебросятъ, то, дескать, будетъ удача на находку птичьихъ гнѣздъ, что чрезвычайно интересуетъ пастушковъ.

На слѣдующей 12-й недѣлѣ отъ Колядъ празднуется присвятокъ преимущественно надрѣчныхъ крестьянъ и рыболововъ,— день св. *Алексѣя*, въ который собирается къ исповѣди болѣе 500 душъ. На примѣтѣ у народа, что если Сороки на 11-й недѣлѣ были, по-

ложимъ, въ четвергъ, то на 12-й—придется день Алексѣя въ пятницу, а на 13-й недѣлѣ—Благовѣщеніе въ субботу.

Настоящій весенній у народа день—*вешняго Юрія*. Уже накану-нѣ съ вечера на улицѣ *привѣтствуютъ* весну пѣснями: „да поможи, Боже, весну заспѣваци, и лѣто закликаци, на цеплое лѣто и на буйное жито, на ядренистое и на колосистое“ и проч. Праздникъ Юрія (23 Апрѣля) считается на 17-й недѣлѣ отъ Рожд. Христ. и на томъ днѣ недѣли, если не високосъ, въ который приходилось Рождество. Въ Юрьевъ день соблюдается крестьянами строжайше постъ за скотину. На силу я могъ убѣдить когда-то, что по поводу Пасхи въ Юрьевъ день грѣшно и не прилично поститься. Но уже во второй день праздника непремѣнно отностятся, если случится на ту пору день Юрія; или хоть одно лицо въ хатѣ заставятъ непремѣнно отпостить. Съ Юрьева дня начинаются, по требованіямъ, обѣдни за хозяйство и молебны Св. Георгію, съ молитвою изъ большого требника, за стадо скота. Въ самый день Юрія раненько крестьяне обходятъ нивы съ пирогомъ, водкою, селедкою; мужчины обтыкаютъ межу косточками, береженными отъ Пасхальнаго стола, если это въ Пасхальную седмицу; молодица, вышедшая той зимы въ хату замужъ, покрываетъ всходы ржи полотномъ (что, мимоходомъ сказать, дѣлаетъ она опять надъ первымъ сжатымъ снопомъ), а дѣвки, иной разъ приглашенныя нарочно *пѣть Юрія*, обходятъ ниву съ пѣснями. За тѣмъ на границѣ поля пьютъ и закусываютъ въ честь покровителя своихъ стадъ и хозяйства.

Вотъ одна изъ пѣсень, записанная мною:

„Юрій! вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпускай росу
На цеплое лѣто,
На буйное жито,
На ядренистое,
На колосистое;
Людзямъ на здоровье,
Паномъ на змиренье;
Паномъ пановаць,
Жидомъ арендоваць“.

Затѣмъ выкликаютъ хозяина — «выходить на улочку» и желаютъ ему

«Пиво робиць, — сына жениць,
«Горѣлку гнаць, — дочку замужъ даваць.

На 20-й недѣлѣ отъ Рожд. Хр. весьма уважается Николинъ день (9-го Мая), а наканунѣ Николина дня, 8 Мая, чествуется, по вы-

раженію народному, *Никоминъ бацько* (отецъ; разумѣется здѣсь Ап. и Ев. Іоаннъ Богословъ). Въ день Николая пастухи и ночлежники устраиваютъ на ночлегѣ *балекъ* (пирушку), какъ и въ день Сошествія Св. Духа.

На 26-й недѣлѣ отъ Колядъ празднуется день *Ивана Купалы*. На канунѣ этого дня, ночью, крестьяне, бывало, раскладывали костры огня (чему потворствовали нерѣдко помѣщики) и чрезъ эти огни прыгали, кругомъ плясали, пѣли пѣсни, большею частію *брендзюшки* (непристойныя), по сознанію самого народа. Въ эту ночь простонародье особенно находится подъ обаяніемъ миѳическаго. Наприм. въ народѣ вѣрятъ, что въ эту ночь можно найти цвѣтъ папоротника и съ нимъ клады, а если пролежать въ папоротникѣ, то говорятъ, что можно все знать тогда, что на свѣтѣ дѣлается; „но кто-жь его улежицъ", —наивно сознаются. Вѣрятъ, что въ эту ночь особенно шныряютъ по свѣту вѣдьмы, оборотни и вся нечистая сила и многимъ людямъ чудилось даже, будто они слышали на свои уши, какъ въ эту таинственную ночь, подъ пѣсню ночлежниковъ, скакалъ невидимкою, очевидно,—*благій* (слово, неизвѣстно почему, соотвѣтствующее—*нечистому*, не хорошему; *благое* дитя—негодное); потому что, къ общему ужасу, слышно было, какъ что-то такое „взбѣжало на мостикъ, стучало, топало, щелкало, плескало и потомъ завертѣлось въ лѣсу, ажно лоза ломалась и—ночлежники присмирѣли".

Теперь, съ распространеніемъ грамотности и съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, обычай бѣснованія въ ночь Купалы отчасти выводится, потому что скупѣе стали и на дрова и не изъ чего раскладывать костры.

На Ивановъ день, по повѣрью, солнце *играетъ* при восходѣ, т. е. будто прыгаетъ, двоится, разбѣгается; но никто этого не видѣлъ, „*бо нельзя глядзѣцъ*"—какъ замѣчаютъ при этомъ; дескать солнце *не велицъ*, *кляне*,—„вы, дескать, люди, цѣлый годъ по сороку разъ играете, дайте мнѣ поиграть хоть одинъ разочекъ". Гораздо болѣе заняты крестьяне въ этотъ день тѣми мѣрами, которыя принято тогда принимать противъ навожденія вѣдьмъ и нечистой силы. И для того втыкаютъ тогда надъ окнами и дверями избы вѣтки дубковъ, рябины, осины, крапивы. Въ церковь къ

обѣднѣ приносятся огромные вѣнки и пуки зѣлія, сохраняемаго еще съ девятникова дня, къ освященію, съ цѣлію покурить отъ *переполоху* (испуга), боли, уроковъ и т. п. У избъ выставляются, на длинныхъ шестахъ, вѣники, и этими вѣниками въ первый день праздниковъ: Рождества, Пасхи, Пятидесятницы, выметаютъ хату, чтобы не было въ хатѣ зароковъ на дѣтей.

На 27-й недѣлѣ отъ Рождества—праздникъ *Петра.* Въ этотъ день многіе, ради постнаго сбереженія, усердствуютъ приносомъ въ церковь сыра и хлѣба на пользу причта. Въ три дня послѣ Петра празднуется, по народному прозванію, *Петрова матка*— (мать; это, по святцамъ, положеніе ризы Пресв. Богородицы, 2-го Іюля). Въ этотъ день, несмотря на страдную пору косьбы, прихожане не отваживаются работать. Въ народѣ ходитъ преданіе, что одинъ хозяинъ, въ разрѣзъ съ прочими, рѣшился косить, сказавъ: „зарѣжу я Петрову матку“ (т. е. съ косою буду праздниковать)— „Якъ же стало ему рѣзать животъ, то рѣзало, ажь покуль незарѣзало; такъ іонъ и померъ“.

Вотъ для образца двѣ пѣсни, пѣваемыя на Купалу и Петра:

«Боже мой! Да у—въ городзѣ гардовица *), Боже мой!
» Цяжка дзѣцюкамъ Петровица, Боже мой!
» Идзице, дзѣціотки, гарду рваци, Боже мой!
» Лягчей будзе Петра ждаци, Боже мой!
» Рвали гарду, не вырвали, Боже мой!
» Ждали Петра, не приждали, Боже мой!
» Рѣчка, по рѣчцѣ челночекъ плыве, Боже мой!
» Да у—въ томъ челночку бѣлый молойчикъ, Боже мой!
» Кудзерки чеше, перечешуе, Боже мой!
» Плывице кудры до моей милой, Боже мой!
» Послухайце, чтò мила говорыцъ, Боже мой!
» «Чи вспоминае, чи проклинае», Боже мой!
» » Охъ милый мой, глумился мной, Боже мой!
» » Сѣялъ полынь на моемъ сердцѣ, Боже мой!
» » Да клалъ огни на моихъ плечкахъ, Боже мой!
» » Робилъ скрыпки зъ моихъ ручекъ, Боже мой!
» » Увязывалъ коня до моихъ косокъ, Боже мой!
» » Пущалъ рѣчки зъ моихъ очекъ“ Боже мой!

---

*) *Гардовица, гардá, гардóвка*—растеніе, полезно дѣйствующее, по расказамъ людей деревенскихъ, противъ парывовъ, коклюша и пр. Кажется, это—мальва курчаволистная (Malva crispa, Slaz).

«Боже мой! Милая моя! неправда твоя, Боже мой!
» Я сѣялъ полынь у чистомъ поли, Боже мой!
» Я клалъ огни у щиримъ бори, Боже мой!
» Увязывалъ коня у бѣлой березѣ, Боже мой!
» Я пущалъ рѣки крыничныя (ключевыя), Боже мой!
» Я робилъ скрыпки изъ бѣлой липки" Боже мой!

На Петра.

«Боже мой! Петрова ночка невеличка, Боже мой!
» Я молодзенька не доспала, Боже мой!
» Не доспала, шнуры сукала, Боже мой.
» Сукала шнуры едвабные, (шелковые), Боже мой!
» Я—й сему тому запродавала, Боже мой!
» Своему милому дорого давала, Боже мой!
» Сему тому на засцѣжки (запонки), Боже мой!
» Своему милому на подвязки, Боже мой.

На 30-й недѣлѣ отъ Рожд. Хр., за 5 дней до Борисова дня, въ тотъ же день недѣльный, что̀ и праздникъ Петра,—приходится праздновать память св. прор. *Иліи*, весьма чествуемую народомъ. Въ этотъ день въ народѣ непремѣнно ожидаютъ грозы, во время которой, полагаютъ, Илія ѣздитъ по небу. За семь дней до запустъ (заговинъ) Спасовыхъ чествуется день *Бориса и Глѣба*, въ который крестьяне не позволяютъ себѣ работы тяжелой, какъ-то пахать, жать. Многіе носятъ не только имя Бориса, но и прозываются по фамиліи Борисомъ. Въ слѣдующій день послѣ Бориса чествуется св. Анна (успеніе св. Анны, 25 Іюля). Въ этотъ день многіе въ приходѣ считаютъ долгомъ отправиться за верстъ 15, въ Вилейскій уѣздъ, въ приписную церковь, находящуюся въ урочищѣ *Острово*, Хольхельскаго прихода, въ которой почитается чудотворная икона; и тамъ побывавъ у исповѣди, жертвуютъ по 20 копѣекъ на поминовеніе.

Заговляются въ Спасовъ постъ, въ свое время, спустя недѣлю послѣ Бориса, въ тотъ же день недѣльный. *Спасъ* (Преображенье, 6 Авг.) приходится, если не високосъ, въ тотъ же день недѣльный, что̀ и минувшее Рождество Христово, а до слѣдующаго праздника Рождества Хр. отъ Спаса считаютъ ровно 20 недѣль. На Спаса приносятъ къ освященію фрукты, а въ особенности мѣшечекъ сѣмянъ ржи на посѣвъ.

Праздникъ Успенія называютъ въ народѣ: *Спленіе*, а чаще— *Госпожа первая* или *пречистая*. Это братскій праздникъ. Отъ *первой Госпожи до Госпожи второй* или *Госпожки* (Рождество Пресв. Богородицы, 8 Сент.) считаютъ 3 недѣли, а отъ *Госпожки* до *Покрововъ* (1 Окт.)—тоже 3 недѣли приблизительно. На Успеньевъ день многіе, ради постныхъ сбереженій, приносятъ въ церковь сыры и хлѣбъ на пользу причта. Въ этотъ день та особенность соблюдается, что съ давнихъ временъ, послѣ крестнаго хода отбираются, на серединѣ церкви, у аналоя, братскіе взносы двухъ родовъ. Постоянные братчики вносятъ по 20 коп., съ отмѣткою въ братской книгѣ, а остальные прихожане кто 3 коп., кто 5— на поминовеніе, въ пользу братской суммы. Въ слѣдующій день (Нерукотворен. образа) служится братская обѣдня. Еще одна заздравная обѣдня за братство совершается въ свѣтлый понедѣльникъ, а двѣ заупокойныя братскія службы совершаются на Радоницу и спустя недѣлю послѣ Димитрія.

Не лишнее кстати сказать нѣсколько словъ о Воложинскомъ братствѣ, хотя рѣшительно не имѣется письменныхъ къ тому документовъ. Объ этомъ братствѣ написалъ статью мой совмѣстникъ по приходу, Воложинскій благочинный священ. Антоній Адамовичъ. Онъ полагаетъ, что Воложинское церковное братство основалось около 1683 г. „По крайней мѣрѣ въ этомъ году явилась неотразимая потребность въ существованіи подобнаго братства въ м. Воложинѣ. Это былъ роковой годъ для Воложина. Въ этомъ году владѣлецъ этого мѣстечка, богатый помѣщикъ Служко, строитель здѣшней православной церкви, измѣнилъ вѣрѣ отцовъ своихъ, оставилъ Православіе и перешелъ въ Латинство. Находясь въ городѣ Минскѣ на сеймикахъ, онъ былъ увлеченъ ксензами Бернардинами въ религіозный споръ, вышелъ изъ терпѣнія и, въ припадкѣ гнѣва, убилъ однаго бернардина. Страшась казни за убійство, принялъ Римско-Католическое исповѣданіе, обязался построить Латинскую каплицу въ м. Воложинѣ и содержать при ней на свой счетъ нѣсколько ксензовъ Бернардиновъ. Такимъ образомъ нечаянно, негадано, явилась въ Воложинѣ, среди Православнаго народонаселенія, Латинская каплица и „Латинскіе ксензы Бернардины, пустившіеся всячески уловлять

„Православныхъ въ Латинскія сѣти. Прежде всего совращены бы-„ли ими люди дворовые, а отъ нихъ папизмомъ начали заражаться „и деревенскіе жители. Люди православные встревожились, сом-„кнулись въ тѣсный кружокъ, чтобы успѣшнѣе отстаивать свои „отеческія преданія. Такимъ образомъ возникло при церкви Св. „Параскевіи братство".—

Замѣчательный фактъ совращенія Служки, воеводы Троцкаго, заявленъ самими Бернардинами въ изданной ими книжицѣ объ освященіи Воложинскаго костела; но полагать должно, что братство основалось или позже,—во время построенія Параскевіевской церкви (въ 1710 г.), или гораздо раньше 1683-го года, именно въ тѣ дни, когда еще Служко не противодѣйствовалъ Православію, но напротивъ искалъ оплота для Православія въ братствѣ, къ которому, вѣроятно, по современной ревности многихъ знатныхъ поборниковъ Православія, и самъ принадлежалъ. Иначе чѣмъ объяснить — вѣроятно, несамовластно же присвоенное, но дарственное право — варить, ко дню братскаго праздника, медъ и пиво и продавать ихъ въ этотъ день богомольцамъ, — какимъ пользовались братчики въ прежнее время? Братчики, кромѣ заботы о благолѣпіи церкви, считали своею обязанностію, въ прежнее время, строго слѣдить за нравственностію въ приходѣ и за такіе проступки, какъ любодѣяніе, съ разрѣшенія настоятеля, наказывали виновныхъ на колокольнѣ ударами веревки отъ колокола. Призрѣніе бѣдныхъ и погребеніе умершихъ, въ особенности неимущихъ, составляли также заботу братства. И до сихъ поръ существуетъ *братскій* (деревянный) *домъ*, т. е. богадѣльня (теперь заново отстроенная) при церкви. Въ ней имѣются чистая комната для пріема причта и посѣтителей, и помѣщенія для трехъ призрѣваемыхъ семействъ, исправляющихъ рабочую службу при церкви. Хоругви считаются принадлежностію братства и зовутся на языкѣ народномъ: *братствомъ*, по отношенію къ тому, что на крестныхъ ходахъ большею частію хоругви и свѣчи несутся братчиками и пріобрѣтаются на счетъ братства. Въ случаѣ похоронъ братчика, пожертвовавшаго отъ себя особо хоругвь, — нерѣдко ставятъ эту хоругвь въ изголовьи могилы, на время, пока опущенный гробъ незасыпанъ. Призрѣваемые въ братскомъ домѣ надѣляются въ из-

мѣстные заупокойные дни, отъ приношеній прихожанъ, такимъ количествомъ хлѣба, соли, колбасъ, лопатокъ, что имъ хватаетъ на весь годъ. За это они, кромѣ службы церковной, должны тогда же, при подачкѣ, проговорить за упокой диктуемыхъ именъ молитвы и отъ себя пожеланія съ принятыми для сего причитываніями. Объ этомъ упомяну въ своемъ мѣстѣ.

Ровно чрезъ двѣ недѣли послѣ Успеньева дня, и въ тотъ же день недѣльный, что̀ и Успенье, празднуется народомъ, въ строгомъ постѣ, — Усѣкновеніе главы Предтечи.

За два дни до праздника Рождества пресв. Богородицы нѣкоторыми только мѣстностями прихода чествуются такъ называемые въ народѣ *Чуды* (*чудо* св. Архистрат. Михаила въ Хонѣхъ, 6-го сент.) Этотъ день для многихъ памятенъ тѣмъ, что нерѣдко случается, по выраженію крестьянъ, въ этотъ день такой сильный вѣтеръ, что *верне озероды, съ бобомъ и горохомъ*, (опрокидываетъ рѣшетки, устраиваемыя для провѣтриванія сноповъ.)

Рождество Пресв. Богородицы (8 сент.) зовется въ народѣ *Госпожкою богатою*, потому что у хозяевъ собрана уже къ тому времени пшеница и ради этого пекутъ великій пирогъ. Послѣ этого дня сѣвба озимаго хлѣба считается позднею (особенно, какъ думаетъ народъ, если уже у Евреевъ вколоченъ рабиномъ колъ на дворѣ молельной школы, какъ сигналъ для начатія построекъ кущей.)

Черезъ недѣлю (14 сент.) наступаетъ праздникъ Воздвиженія, на языкѣ народа — *Здвиженье*. Нѣкоторые крестьяне въ этотъ день не остерегаются заниматься работою. Очевидно, это должно приписать тому, что прежде помѣщики не признавали этого праздника, ради рабочаго дня барщины, но постъ, соблюдаемый въ этотъ день даже Католиками простолюдинами, доказываетъ остатокъ уваженія къ дню. — „Постите ли въ этотъ день, спросилъ я у одной католички. — А какъ же, разъ только неосторожно забѣлила я горшки молокомъ въ этотъ день, отвѣчала она, — то курицѣ тогды жь голову такъ потцяло подъ дзверима. Зъ гетой поры сцерегуся скоромицься."

За 5 дней до Покрова чествуется день *Ивана* (Богослова, 26 сентября).

Покровы (1 окт.), по мѣстному выраженію, приходятся въ тотъ

же день недѣли, что и минувшее Рождество Хр., если только не високосъ. Отъ *Покрововъ* считаютъ въ народѣ 12 недѣль до праздника Рождества, именно 6 недѣль до Филиппова поста и 6 недѣль поста. Отъ *Покрововъ* считаютъ *до первой Параски* (14 окт.) двѣ недѣли *недопущая дня*, а отъ этой *до другой Параски* (28 окт.) тоже 2 недѣли, и въ тотъ же день она придется, что и первая.

Еще въ Октябрѣ *заморозками* чествуется *Мартинъ* (кажется, 12 окт.) Это такъ называемое *мельниково свято*. Мельники *пьютъ тогда на камени горълку* (на жерновѣ водку). Такое же свято мельниково соблюдается и въ апрѣлѣ.

На 4-й недѣлѣ отъ Покрова, за два дня до *другой Параски*, чествуютъ *Дзмитра* (Димитрія Солунск., 26 окт.). Задолго до Димитріева дня начинаются въ церкви поминовенія усопшихъ, особенно совершаемыя въ Димитріеву субботу и спустя недѣлю послѣ Димитрія (на слѣдующій день послѣ чествуемыхъ народомъ *Косьмы и Даміана*), когда совершается и братская заупокойная обѣдня. Въ дни этихъ поминовеній каждый хозяинъ приходитъ къ своей службѣ съ кошелемъ черезъ плечо, откуда достаетъ разныя подаянія и надѣляетъ кусками хлѣба, сыра, колбасъ и проч. призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ дѣдовъ, бабъ и цѣлыя толпы нищихъ, усаживающихся рядами въ притворѣ и на паперти церковной. Тотъ, кто подаетъ, приговариваетъ: „помяни, дзѣду, или бабко, такую-то душечку", положимъ Янукову, на что нищіе и *шпитальные* (что въ богадѣльнѣ) отвѣчаютъ молитвами повседневными, съ причитываніемъ своей импровизаціи.

Вотъ одна изъ такихъ импровизацій, записанная свящ. Адамовичемъ:

Помяни, Боже,
Янукову душечку
При ясныхъ свѣчахъ,
При голосныхъ звонахъ.
Допровадзь, Боже,
Янукову душечку
До раю свѣтлаго,
До неба святого!
Нэхай тамъ ена
Со святыми почиваиць,
Цябе доуго поджидаець,
Здороуемъ подкрѣпляиць,
Богатствомъ надзѣляиць.
А ты, человѣку,
Во у всемъ твоемъ вѣку,
Будзь милосцивымъ,
Всегды справедливымъ.
Будзь къ добру скорымъ,—
Ня будзешь хворымъ!
Ня спій доуженько,
Уставай раненько,
Ходзи у церкву часценько.

Молись горачэнько
До Бога милого,
До Миколая старого,
До Юрья святого,
До Госпожи дзѣвицы,
До Параски менченицы,—
Ка бъ дали намъ змилованье,
Попомъ упомянтанье,

На свѣцѣ замиранье,
Злыдня (*) успакаенье.
А царю—крѣпосць-славу,
На усю яго дзержаву!
Ка бъ дни были красные,
Соунинкомъ ясные,
Лѣцячки пагодливые,
У мѣру дождливые.

Заупокойная служба и подаянія убогимъ составляютъ собственно церковную сторону поминовеній и отбываются прихожанами, когда посвободнѣе, а домашнюю составляетъ устроенный въ извѣстный срокъ, съ разными обрядами, поминальный столъ, слывущій въ это дмитровское время исключительно подъ именемъ *Дзѣды*, или еще иначе *Хавтуры*. *Обходзиць дзѣда* значитъ кушать въ память предковъ; слово же *хавтуры*—носитъ характеръ языческой тризны, извѣстной у Жмудиновъ-Литовцевъ подъ именемъ *Хавтуросъ*, у которыхъ, вѣроятно, по сосѣдству заимствовали это слово и Бѣлоруссы. Для *дзѣдовъ*, т. е. поминальныхъ столовъ, настаетъ время собственно послѣ Дмитріева дня и существуютъ большею частію четыре срока: *первые дзѣды* начинаются въ четвергъ послѣ Дмитріева дня, *вторые дзѣды*—въ субботу послѣ того же дня; *третьи*—въ воскресенье, *четвертые* и послѣдніе въ субботу, передъ рождественскими заговинами. Каждая деревня, даже каждая семья имѣетъ свой день изъ этихъ сроковъ, соблюдаемый каждый годъ неотмѣняемо. Ко дню своихъ *дзѣдовъ* крестьяне приглашаютъ заранѣе родственниковъ и сосѣдей на хавтуры, и послѣ неугомоннаго стряпанья во весь день, вечеромъ настаютъ обряды дзѣдовъ. Прилѣпляется восковая свѣчка хоть къ стѣнкѣ, отпираются окно и двери для свободнаго пропуска почившихъ духовъ, и заранѣе приглашенный грамотѣй, умѣющій пѣть церковныя надгробныя пѣсни и молитвы,—начинаетъ пѣть, а всѣ ему подпѣваютъ, какъ умѣютъ. Послѣ молитвы садятъ на почетномъ мѣстѣ не хозяина, которому нужно хлопотать около

*) Злыдня—подъ этимъ разумѣется злая, горькая доля, воплощенная, по легендамъ, въ образѣ старой, злющей и противной женщины, и преслѣдующая бѣднаго человѣка, коимъ удалось ей завладѣть. Грозное значеніе этого слова миновалось, и усвоивается вообще злочинцамъ, бездѣльникамъ.

гостей, но самаго уважаемаго родственника, или умѣющаго начинать общія молитвы; возлѣ него справа *на заслонѣ* (т. е. съ боку стола на скамьѣ) усаживается баба, гостья, коей обязанность— отливать ложкой на уголъ стола изъ каждаго подаваемаго блюда, прежде чѣмъ станутъ имъ угощаться, по *дробинцѣ изъ стравы* (по немножечку навара и кусочку мяснаго), кромѣ блюдъ *коровнихъ* (т. е. молока, сыра и т. п.). Это крошечное угощеніе удѣляется для почтенія почившихъ предковъ и остается оно нетронутымъ на скатерти черезъ всю ночь. Блюдъ на этомъ вечерѣ подается у бѣдныхъ до семи, а у богатыхъ до одиннадцати и болѣе, но всегда съ *лишкою* (т. е. нечетное число). Примѣрно 1-е блюдо—горохъ съ маковымъ молокомъ, 2-е крупникъ (отваръ) кислый съ грибами или рыбою. Первыя два блюда должны быть постныя. 3-е блюдо— капуста кислая съ говядиною, 4-е—крупникъ прѣсный, всегда съ пѣтухомъ или курицею и всегда цѣльною, т. е. неразрѣзанною на порціи, но конечно потрошенною. 5-е—юшка изъ свинаго мяса и непремѣнно съ свиною головою (хоть поросенка, если бѣдные). 6-е — верещака изъ колбасъ и солонины съ соусомъ и блинами Когда хозяева незажиточны, то къ этимъ блюдамъ, въ качествѣ послѣдняго, присоединяется 7-е блюдо, непремѣнно каша (кутья), а если зажиточны, то столъ продолжается, примѣрно, въ слѣдующемъ порядкѣ: 7-е блюдо—жаркое изъ говядины, 8-е—макаронъ (лапша) съ молокомъ или масломъ; 9-е—сыръ въ маслѣ; 10-е— молоко кислое; 11-е—каша ячная, съ масломъ, или саломъ; каша— непремѣнно послѣднее блюдо и затѣмъ—молитва. Включается иной разъ въ эту программу яичница, сѣканка, или что нибудь другое, и тогда выходитъ блюдъ 13-ть. Само собою, что горѣлка (водка) и пиво составляютъ принадлежность стола.

Послѣ такихъ *дзѣдовъ* у одного хозяина, гости отправляются по приглашенію къ другому, а потомъ и къ третьему, и такія церемоніи тянутся до зари. На вопросъ: ужели гости наѣдаются всего предлагаемаго, умный человѣкъ отвѣтитъ: „не хай (пусть) Богъ крещёнаго крые (избавитъ) отъ этого. Сразу ѣдятъ, а потомъ — по крышечкѣ (крошечкѣ); толька ласка (угожденіе) хозяину дѣлается.“ Впрочемъ бывали случаи опаснаго обжорства. Самое слово *хавтуры* стало у крестьянъ синонимомъ обжорства. Крестьяне

часто подтруниваютъ надъ тѣмъ, кто шляется по хавтурамъ, дескать только и смотритъ того, гдѣ бы натрескаться. Слово *дзѣды* часто употребляется иронически, въ смыслѣ поживы; ну теперь дзѣды курамъ, говорятъ, когда выпадетъ курицамъ счастливый случай поживиться разсыпаннымъ зерномъ. Гдѣ чувствуется нечистый воздухъ, — такъ и замѣтятъ:“ что̂ это у васъ, дзѣды?...“

Кромѣ извѣстной поры дзѣдовъ, соблюдаются поминальные обычаи, но уже въ меньшей степени (впрочемъ, тоже съ отливаніемъ угощенія на уголъ стола): — а) въ мясопустную субботу, б) вечеромъ передъ *Радоницею* (такъ и зовутъ), в) въ субботу передъ Сѣмухою (Пятидесятницею) и г) въ субботу передъ Димитріевымъ днемъ, которая зовется уже *поддзѣдкомъ*. Очевидно, дни эти соблюдаются по преданіямъ Правосл. церкви. Новопреставленные покойники поминаются на третій день *(третины)*, на *шестины* (сорокустъ, на шестой недѣлѣ послѣ кончины) и въ день годовщины, по преданіямъ церкви. Тогда тоже устраивается столъ, но чаще всего, на встрѣчу дню смерти, т. е. не числу мѣсяца, но дню въ недѣлѣ. Случись въ этотъ день постъ, все мясное изготовляется, ставится на столъ, отливается на уголъ; но или не ѣдятъ того дня изъ этого стола, или ждутъ до пѣтуховъ. Впрочемъ на это есть множество условій; если наприм. новая хата еще не освѣщена и не отпразднованы *входчины* (новоселье), то пока нельзя устроить поминальнаго стола.

Отъ *Косьмы—Даміана* спустя недѣлю, въ тотъ же день седмичный, празднуется Михайловъ день (8 Нояб.). Отъ Михайлова дня спустя недѣлю и недопущая дня,—заговины; а отъ заговинъ, спустя недѣлю, въ тотъ же день, что̂ и заговины, празднуется по народному названію: *Святая Богородица* (введеніе во храмъ Пресв. Богород., 21 Ноября).

На 2-й недѣлѣ рождественскаго поста особенно чествуется день *Юрія осенняю* (26 Нояб.), приходящійся въ тотъ же день недѣльный, что́ и Юрій весенній. Почему этотъ день особенно чествуется? Извѣстно, что по святцамъ подъ 26 Ноября значится: „освященіе храма св. великомуч. Георгія, иже въ Кіевѣ, у златыхъ вратъ св. Софіи“. Поводъ къ установленію этого празднованія подало слѣдующее событіе: „Ярославъ, по окончаніи и освященіи Софійскаго

храма (1037 г.), положилъ построить монастырскій храмъ въ честь своему ангелу, великомуч. Георгію. Строеніе храма шло неуспѣшно; работниковъ было мало, отъ того что опасались, не лишиться бы платы за работу для князя; добрый князь „повелѣ возити куны на возѣхъ въ комары (подъ своды) золотыхъ воротъ и возвѣстиша людемъ на торгу, да возметъ кождо по ногатѣ (12½ к. сер.) на день". Работниковъ явилось множество и храмъ оконченъ. Митрополитъ Иларіонъ освятилъ его въ 26 день Ноября и уставилъ, чтобы 26 день Ноября былъ послѣ того ежегоднымъ праздникомъ св. Георгія" (Истор. Рус. Церкви Преосв. Филарета § 17. М. 1859 г.) Относить ли поэтому празднованіе сего дня въ Западно-Русскомъ народѣ ко временамъ Ярослава Мудраго, установителя этого праздника, который часто дѣлалъ походы противъ Ятвяговъ и заселялъ ихъ область и большую часть Литвы Русскимъ народомъ; или къ тому обстоятельству, что осенній Юрьевъ день служилъ нѣкогда срокомъ для отхода крестьянъ отъ землевладѣльцевъ? Но благ... говѣніе къ этому дню Западно-Русскаго народа замѣчательно.

На 5-мъ днѣ послѣ Юрія, въ день Андрея, дѣвки постя... лый день до заката солнца, и воздерживаются говорить. В... сѣютъ коноплю и ленъ на прорубкѣ, или колодезѣ, при... „Дай Боже знаць, съ кимъ вѣкъ коротаць",—и послѣ... кто присвится.

На 5-мъ днѣ послѣ Андрея чествуется день *Вар...* особенно надрѣчными деревнями, чтобы, дескать, ск... не вваливались въ воду и не топились. Этотъ день счи... родѣ рождественскимъ *средопостіемъ*, какъ *крестцы* въ ... посту. Въ этотъ день Варварииъ ѣдятъ *вареники* изъ ... макомъ, медомъ, или коноплею, варенные, или печенные.

Черезъ день глубоко уважается праздникъ *зимнюю Ни...* торый придется въ дняхъ недѣльныхъ позже днемъ отъ ... дня весенняго; наприм., если весенній былъ во ... ній въ среду; такъ запримѣчено народомъ.

Черезъ два дня послѣ Николина чествуется *зи...* Св. Анны, 9 Дек.), а отъ Анны остаются двѣ н... до праздника Рождества Христова.

тся ребенку.

числится на

время по

ю: даже

й вѣрный

-то случилось

я впервые

ужпвавшаго

настоящаго

понимапья. и

ъ присвятковъ.

ился онъ съ

вятка, кажется.

чески—крестнику

тить, что въ

улъ онъ головой. —

къ свою бороду.

отправляется

ходомъ сказать.

язаны къ Христіанскимъ

ый полупраздникъ

, чтобы не накликать

ощаго такое значеніе

вій при выполненіи

стно, что ни одинъ

ое

ше-

овая

среда

женіе

мъ ко-

ею про-

печетъ бо-

ферическихъ

лѣ вѣтра. (Въ

здникъ обродился

комъ хорошо ульи

третьяго дня, какъ

тьяго года плоды бу-

искать, самое лучшее

жеребцовъ, бычковъ

птицъ для насѣста

на постройки, а главное

мется, полною чашею.

лѣтямъ и вообще

сѣкомыхъ и чер-

врода на небо-

ли затмѣній, ко-

никовъ и постовъ „*Русскихъ*", равно и давать на поминовеніе въ церковь за обливавшихъ нѣкогда своимъ потомъ Русскій грунтъ. Тоже выполняли и Православные, сидящіе на грунтѣ Католическомъ. Впрочемъ грунты Католическіе у насъ рѣдкость и вотъ, между прочимъ, почему легокъ былъ у насъ переходъ крестьянъ къ Православію.

IV.

Закончивъ, такъ сказать, *святцы*, кои вѣками сложились въ головахъ нашихъ прихожанъ, я не могу нѣсколько не коснуться народныхъ понятій и примѣтъ касательно другихъ календарныхъ предметовъ, относящихся къ народному времячисленію.

Время фазисовъ луны неупустительно примѣчается народомъ. Они называются, по мѣстному, *квадрами*. Но собственно крестьянъ интересуетъ не астрономическая пора четырехъ видоизмѣненій луны, а только—когда настанетъ *молодзикъ, полнь и ветошокъ*. Молодзикъ — собственно *новая* луна, въ видѣ узенькаго серпочка, впервые показавшаяся на западѣ, черезъ 2 или 3 дня послѣ астрономической поры новолунія; полнь—полнолуніе, а ветошокъ — это самый маленькій рожокъ ущерба, въ послѣднюю четверть, показывающійся на востокѣ передъ самымъ разсвѣтомъ. И если кто изъ народа упуститъ изъ виду, когда настанетъ молодикъ, то непремѣнно объ этомъ справится; но многіе крестьяне держатъ себѣ на умѣ, что извѣстный фазисъ, положимъ молодикъ или ветошокъ, если послѣдній разъ показался въ понедѣльникъ, то въ слѣдующій разъ,—*пору перецяне*, т. е. появится во вторникъ. Очевидно, такая примѣта основана на большинствѣ случаевъ, что фазисъ луны въ слѣдующій разъ появляется слѣдующимъ днемъ въ недѣлѣ противъ прежняго раза.

Неизвѣстно почему, молодикъ вызываетъ какое-то суевѣрное благоговѣніе въ народѣ. Какъ только крестьяне впервые завидятъ серпокъ молодика, тотчасъ крестятся и привѣтствуютъ его словами: „молодый молодзичокъ, великій князь, поздравляй насъ; дай намъ здоровье, способъ и раду до жиця, себѣ на прибытокъ, а намъ на спа́сенье", — и затѣмъ читаютъ молитвы: „Отче нашъ, Богородице

дѣво“ и другія повседневныя. Въ первое воскресенье послѣ новолунія, въ такъ называемую *молодзиковую недѣлю*, прихожане особенно собираются во множествѣ въ церковь, причемъ многія бабы и старики считаютъ долгомъ быть у исповѣди и св. причастія. До того простирается уваженіе къ молодиковой недѣлѣ,—что въ обыкновенную недѣлю крестьяне, пожалуй, еще простятъ маленькое нарушеніе праздника, но въ молодиковую недѣлю такое нарушеніе считается непростительнымъ грѣхомъ. „Тожь молодзиковая недзѣля“,—напомнятъ нарушителю. Должно быть окружающая среда Іудейства и Католичества повліяла на такое религіозное уваженіе къ новомѣсячіямъ въ народѣ. У Католиковъ, по нѣкоторымъ костеламъ, въ молодиковыя недѣли совершаются за обѣднею процессіи *по стаціямъ* (страстныя иконы), и это, конечно, влечетъ богомольцевъ къ суевѣрному почитанію самаго молодика.

Впрочемъ отъ новолуній народъ всегда ждетъ атмосферическихъ перемѣнъ: или погоды послѣ дождей, или дождя послѣ вѣтра. (Въ послѣднемъ случаѣ выражаются въ народѣ: „молодзикъ обродился и умылся или окрестился“. Говорятъ, что молодикомъ хорошо ульи ставить,—дескать, пчелы собираются; опять, если третьяго дня, какъ завидятъ молодика, привить деревцо, то третьяго года плоды будутъ; развѣ — рука *худая*. Передъ *полнею*, дескать, самое лучшее время кабановъ колоть, легчать (выложить) жеребцовъ, бычковъ кабанчиковъ и т. п., чтобы *полнѣли;* сажать птицъ для насѣста сѣять и садить въ огородѣ, срубать лѣсъ на постройки, а главное —хату закладывать, чтобъ была, что̀ называется, полною чашею. *Ветошкомъ*,—самое лучшее на глисты давать дѣтямъ и вообще предпринимать средства истребленія вредныхъ насѣкомыхъ и червей въ огородѣ.

Кромѣ луны мало что̀ привлекаетъ вниманіе народа на небосклонѣ, развѣ необыкновенное явленіе кометы, или затмѣній, которыя, по повѣрью, предвѣщаютъ нѣчто недоброе, въ особенности войну. Впрочемъ, если наглядно объяснить крестьянамъ нашимъ причины затмѣній, то легко они соглашаются съ научною теоріею. Даже изумленные правдоподобнымъ объясненіемъ, отблагодарятъ они наивнымъ комплиментомъ: „о то, Боже, дзиво, что за одного *битаго* даютъ дзесять небитыхъ“.

Камень зъ неба (метеоръ) наводитъ сильное опасеніе, какъ предвѣстіе ожидаемой кары съ неба; впрочемъ, по понятіямъ бабъ, онъ съ пользою можетъ быть употребленъ въ томъ случаѣ, когда „коровка безъ конца бѣгае“ (за быками). Тогда достаточно навѣсить ей на шею этотъ талисманъ.

Время восхода луны въ разныхъ фазахъ, равно появленіе утренней и вечерней *зорочки* (звѣздочки) даетъ крестьянамъ возможность судить приблизительно о томъ, сколько въ ту пору времени, т. е. какъ рано, или какъ поздно. Когда не видятъ луны, положимъ осенью, когда вставать надо рано, для молотьбы, — то они руководствуются въ опредѣленіи времени положеніемъ на небосклонѣ, *ситца* или *рѣшетни* (созвѣздіе плеядъ). Примѣрно, около заговинъ Филипповыхъ, если встать ночью и если *ситцо́* будетъ уже *на полднѣ* (на югѣ), то пора вставать; тогда до свѣту можно, въ 4 цѣпа, вымолотить три копы (копа — 60 сноповъ). Если же ситцо̂ держится на востокѣ довольно высоко, то еще рано вставать.

Днемъ судятъ о времени по высотѣ солнца на горизонтѣ, или длинѣ тѣни, принимая за полдень ту пору, когда можно перешагнуть тѣнь свою.

V.

Касательно смѣны четырехъ временъ года имѣется множество примѣтъ, но, кажется, самъ народъ убѣдился, что рѣдко онѣ оказываются состоятельными; по крайней мѣрѣ многіе наивно замѣчаютъ: „безъ поры не будзе поры“. Вообще о веснѣ говорятъ: „въ Марци зима не гине, въ Апрѣлѣ трава не расце“,—и потому не зѣваютъ запастись кормомъ. „Кто мае кормъ, говорятъ, у того—весна поздняя, кто не мае—ранняя“. Но ранняя или поздняя весна будетъ, а самое лучшее, дескать,—„выховай послѣ Колядъ три пяць, (3 × 5 = 15 недѣль), — то людзи въ поле лѣпяць, (устремляются на работу); а удова то и въ 12 недзѣль хозяйство правитъ“ (вдова безъ мужа заранѣе старается).

Болѣе или менѣе судятъ о зимѣ и веснѣ потому: а) если передъ Спасомъ, за недѣльку, аисты станутъ приготовляться къ отлету, то полагаютъ раньше зима станетъ и будетъ морозная, а весна—

теплѣйшая, если же передъ Госпожею, — то будетъ осень теплая, весна холодная; если анисты отлетаютъ за 15 недѣль до Рождества Христ., то и прилетъ ихъ ожидается за 15 недѣль послѣ Рожд. Христ., „а когда бусіолъ (аистъ) поцяне, то и весна поцяне". б) Если *менокъ* (ментузъ=налимъ) *на нересту* (метанія икры) передъ запустами Филипповыми, то ожидаютъ весны ранней, если же передъ осеннимъ Юріемъ,—то весны поздней. Настоящая зима считается съ Николина дня, по пословицѣ: „Варвара варицъ, Никола гвоздзицъ". в) Когда зимою въ лѣсу погонитъ вѣтеръ *гальè* (сучья, иглы и др. лѣсной соръ) по снѣгу, такъ что бѣлый снѣгъ становится грязнымъ, то черезъ 3 мѣсяца послѣ того должно, какъ полагаютъ, *зрушиць зиму*(тронется снѣгъ). Ожидаютъ большею частію, что снѣгъ долженъ тронуться на день Матѳея (это, по Католич. святцамъ, и кажется 24 Февр.).

Въ народѣ говорятъ, что „на Мацѣя дорога поцѣе, на сорокѝ древа отпущаются, на Алексѣя рыба хвостомъ ледъ ломае, а на Благовѣщеніе прилетаетъ *бусіолъ* (аистъ)." Это уже принято за средній выводъ.

Раньше всего у насъ появляются жаворонки и потому въ народѣ думаютъ, что они не отлетаютъ на зиму, но зимуютъ подъ камнемъ. По мнѣнію народному, глубоко вкоренившемуся, ласточки тоже не отлетаютъ на зиму, но замираютъ на днѣ рѣки, у береговъ, соединенныя длинными вереницами, а весною снова оживаютъ. Въ этомъ мнѣніи опираются на тѣ факты, что рыболовы вытаскивали ихъ въ такомъ множествѣ, что неводъ рвался и многіе собственными глазами видѣли, какъ вытаскивались ласточки, вмѣстѣ нобравшіяся лапкой за лапку. Кстати, къ числу оригинальныхъ басень должно отнести и то, что, по понятіямъ народа, кукушка не имѣетъ самца и это основывается на томъ, что многіе видали, какъ она подлетаетъ подъ пѣтуха и заигрываетъ съ нимъ.

Послѣ жаворонковъ появляются плиски, затѣмъ водяныя птицы, дикія утки, гуси, въ честь которыхъ мѣсячный путь на небосклонѣ названъ въ народѣ *гусиною дорогою*, потому что, дескать, этой дорогой гуси идутъ *въ вырей* (т. е. въ отлетъ, въ невѣдомыя страны; *вырь въ рѣкѣ* — глубокое, темное мѣсто.) Потомъ прилетаютъ аисты, журавли, кулики, зяблики, дрозды и др., позже—перепелки, *дрячи*

(дергачи) *жоувны* (иволги) и проч. *Зюзюлька* (кукушка) первый разъ кукуетъ на Юрія и тогда уже считается настоящая весна, привѣтствуемая пѣснями, какъ я уже говорилъ.

Полагаютъ, что если плиска и аисты раньше покажутся весною, то ленъ уродится въ томъ году отмѣнно. Вообще, по народнымъ примѣтамъ, птицы даютъ поводъ ко многимъ предзнаменованіямъ, суевѣрно принимаемымъ *). Особенно за вѣщунью, въ отношеніи урожаевъ, почитается перепёлка. Въ народѣ принимаютъ за несомнѣнное, что сколько разъ прозвучитъ ея голосъ вечеромъ, или рано утромъ, то столько злотыхъ (злотъ = 15 коп.) будетъ стоить въ томъ году шестнастка ржи (1/16 доля бочки или четверикъ). Проголоситъ она, наприм., 3 раза, или 6, или на дорогой годъ 8 разъ, даже 10, — то будетъ четверикъ стоить 3, или 6, 8, 10 злотыхъ. Иногда насчитаютъ такихъ звуковъ заурядъ меньше и потомъ больше, — наприм. то три — четыре, то пять — шесть; тогда полагаютъ, что сначала, осенью, хлѣбъ будетъ нѣсколько дешевле, а послѣ подъ весну дороже. Относительно плохихъ годовъ вотъ еще примѣта: когда выпадетъ 6 недѣль мясоѣда передъ великимъ постомъ, то будетъ голодный годъ. Когда по календарю значится литера (ключь) А, *то еще га*, — годъ будетъ порядочный. Литера В — хорошій годъ; а когда Е, — *то все поѣ, и скоцину и людзей.* Когда рыба ловится въ изобиліи, то ожидаютъ голоднаго года, по пословицѣ: „когда рыбно, то голодно." Когда пчела не выходитъ съ улья до Благовѣщенія, то будетъ хорошее урожайное лѣто, а когда покажется раньше, — то плохое, скудное. Обильный покосъ и теплая осень предвѣщаетъ длинную зиму и истощеніе корма, какъ гласитъ пословица: „коли выкосишь завоньки, (ложбины вонючихъ лужъ), — то и выпрячешь засторонки" (опорож-

---

*) Наприм. нетолько крестьяне, но и Евреи вѣрятъ, что на пожаръ неминуемо являются стаями такія птицы, въ видѣ бѣлыхъ утокъ, коихъ въ другое время никто съ роду не видывалъ. Онѣ почитаются за бѣлыхъ морскихъ воронъ (не сороки ли?) Первое пѣніе кукушки при деньгахъ почитается благопріятнымъ для кармана, а при порожней калитѣ, зловѣщимъ. Если сорока стрекочетъ, то ожидаются гости. Карканью вороны приписываютъ многіе зловѣщее что либо, кончину и т. п.

нишь гумно). Вслѣдъ за обиліемъ ягодъ предполагають жестокую зиму. „Мокрый май—лито якъ гай.“

О погодѣ дѣлаются предположенія тоже преимущественно по наблюденіямъ надъ птицами, животными и т. п. примѣтами. Напр. *стрункъ* (зяблинъ) поетъ на тепло, свищетъ на холодъ. *Пигавка* (пигалица) на дождь присѣдаетъ по полю. Куликъ напротивъ на погоду оставляетъ болота и летаетъ по полю; дергачъ на погоду *дерется* вечеромъ. Сѣрая ворона иногда прилетаетъ и досѣдаетъ до воды на дождь; гуси и утки передъ ненастьемъ безпокойно полощутся въ водѣ и крикливо гогочутъ; тогда же и ласточки припархиваютъ надъ водой. Если въ продолжительное ненастье неугомонно защебечутъ воробьи и заорутъ пѣтухи, то можно ожидать наступленія погоды, равно если куры раньше сядутъ. Снигирь зимою поетъ на снѣгъ, вьюгу и слякоть.

Къ этому можно прибавить и другіе признаки касательно погоды, по замѣчанію народному. Хорное кваканье *турчаковъ* (лягушекъ) съ пріятною трелью, въ вечерніе сумерки, предвѣщаетъ ясную погоду. Тоже знаменуетъ неустанное летаніе нетопырей послѣ захожденія солнца, рѣзвый полетъ съ жужжаніемъ хрущей и др. жуковъ. Напротивъ на дождь и ненастье лягушки и жабы квакаютъ крикливо и непріятно; мухи, комары и блохи надоѣдаютъ назойливѣе и несноснѣе. Если пчела вечеромъ возвращается поздно въ улей, то надо ожидать дождя; а когда въ самый закатъ солнца сидитъ въ ульѣ, то предполагается погода. Если вечерними сумерками рыба играетъ и плещется на поверхности воды, то это признакъ хорошей погоды, а когда выскакиваетъ и надъ водой ловитъ мошекъ, то это — на дождь и ненастье. Тоже ожидаютъ дождя, если изъ убитой острымъ орудіемъ рыбы долго течетъ кровь. Если ноготки утромъ пораньше развернутъ вѣнчики своихъ цвѣтовъ, то ожидается погода, если позже, около полудня, то напротивъ дождь, гроза. Морозный иней на травѣ знаменуетъ наступленіе дождя, напротивъ обильная роса съ утра и вечера, безъ вѣтру,— погоду.

Угадываютъ еще погоду по свѣтиламъ, восходу и закату солнца, облакамъ и т. п. Наприм., когда *обродился* мѣсяцъ или солнце (туманный кругъ около свѣтилъ), то будетъ мятелица; радужный

туманъ около луны показываетъ на вѣтры, ненастье; столбы около солнца, — на морозы. А лѣтнею порою восходъ солнца, со столбами, знаменуютъ погоду. Напротивъ, если при восходѣ солнца румяный шаръ свѣтила кажется большимъ противу обыкновеннаго, то предполагается вѣтеръ, буря, дождь. Если заходитъ солнце, а на противуположной сторонѣ, съ востока, показываются тучки, или заходящее солнце прячется въ тучку, или если выходитъ подъ тучей, то все это обѣщаетъ непогоду. Сверкающій блескъ звѣздъ знаменуетъ погоду, тусклый, — противное; зарницы — погоду; напротивъ *богатка* (радуга) предвѣщаетъ продолженіе дождя. Первый громъ весною принимается за признакъ настоящаго тепла. Кто услышалъ, какъ первый разъ гремитъ, тотъ тогда же долженъ *чрезъ голову куляцъ* (кувыркнуться), чтобы грому не бояться.

Кромѣ того судятъ о погодѣ по сонливости въ человѣкѣ и домашнихъ животныхъ, по звонкому и глухому звуку въ лѣсу, по прозрачной и мутной водѣ, по прямому и разстилающемуся направленію дыма, по направленію вѣтра, по сырости на разныхъ предметахъ и т. п. физическимъ явленіямъ; всего не перечесть *).

VI.

Затронувъ народную метеорологію, нельзя не коснуться нѣсколько мѣстныхъ климатическихъ условій и не привести нѣсколько воспоминаній крестьянъ объ исключительныхъ случаяхъ въ измѣненіи климата и погоды. Климатъ здѣсь нельзя назвать надлежаще умѣреннымъ, потому что многіе виды растеній, охотно прозябающіе гораздо сѣвернѣе, здѣсь не такъ легко уживаются. Напр.:

---

*) Кстати, сообщу какого способа держатся у насъ нѣкоторые хозяева средней руки въ своихъ метеорологическихъ выводахъ: замѣчаютъ въ тетрадь, аккуратно, по два и по три раза въ день, атмосферическія перемѣны въ зимнее время и выводятъ изъ оныхъ замѣтокъ заключеніе о состояніи погоды для лѣтняго времени, примѣняя числа ноября къ маю, такъ что день Рождества Христова придется соотвѣтствующимъ дню Рождества Предтечи, мятель — грозѣ, снѣгъ — дождю, морозъ — погодѣ и т. п. Впрочемъ, многіе, оказавшись не кстати вѣщунами, бросили свои выводы.

озимой пшеницы здѣсь почти никто не сѣетъ; чечевицу, просо рѣдко кто разводитъ, развѣ для роскоши, въ огородѣ. О разведеніи сурѣпицы никто изъ крестьянъ понятія не имѣетъ. Тыква, кукуруза, сливы рѣдко дозрѣваютъ. Огурцы приходится отсѣвать нѣсколько разъ. Каштанъ плохо приживаетъ и медленно поднимается. Яровая сѣвка начинается почти въ недѣлю и позже послѣ Пасхи, и раньше 12 Апрѣля рѣдко когда можно начать сѣвбу. Пастбище считается собственно годнымъ для подножнаго корма съ Николина дня, *пастушкова свята*. Почти въ послѣднихъ числахъ Іюля начинается жатва ржи, а посѣвъ озими послѣ 15-го Августа. Съ огородовъ убираютъ порядочными холодами. Особенно измѣнчива температура до послѣднихъ чиселъ Мая; послѣ перваго весенняго тепла настаютъ холода и морозы. „Вотъ Май, говорятъ,— воломъ дай, а самъ на печку утикай„ (удирай). Мѣстные ученые приписываютъ такіе холода таянію снѣговъ въ Норвежскихъ горахъ и движенію льдовъ на Ледовитомъ океанѣ; а простонародье пришло къ такому афоризму: „до Святаго Духа не скидай кожуха (тулупа), а по Святымъ Духу, — въ тымъ самымъ кожуху".

Нельзя не пожаловаться, что мѣстная открытая возвышенность, чрезвычайно холмистая, не защищена отъ дѣйствія холодныхъ вѣтровъ, потому что хорошо сохраняемые лѣса какъ нарочно покрываютъ болѣе низменныя мѣстности.

Но что̀ всего хуже, постоянно замѣчается измѣненіе климата къ болѣе низкой температурѣ. Зимы становятся продолжительнѣе и суровѣе, лѣто короче. Уже на Алексѣя рыба хвостомъ льда не ломаетъ.

На Благовѣщеніе аисты прилетятъ, да нерѣдко, заставъ еще снѣгъ на гнѣздахъ, отлетаютъ опять *на низъ* *). Старики утверждаютъ, что покуда „Кацеринушка забрала край (Импр. Екатерина II),—зимы были короче, а якъ забрала,—лѣто стало короче".

Многіе помнятъ, какъ на Параскевію (28 окт.) картофель выпа-

*) Кстати сказать, *низомъ* у насъ зовется полуденная сторона, представляющая, относительно Володжина, низменную равнину. *Горами и Россией* зовется восточная сторона, дѣйствительно гористая, по которую лежитъ Великороссія. *Сердзитымъ сѣверомъ* зовутъ собственно сильный вѣтеръ со стужею.

хивали съ поля. Давно когда-то былъ такой годъ, что многіе хозяева, запоздавшіе съ озимою сѣвбою, за барщиною,—сѣяли озимую рожь послѣ первыхъ снѣговъ, передъ самыми рождественскими праздниками. Старики сказываютъ, будто были такіе годы, что на Юрія, весною, колосилась озимая рожь.

Изъ числа грозныхъ атмосферическихъ явленій особенно памятенъ всѣмъ случай въ кермашъ на масляной недѣлѣ, бывшій тому лѣтъ съ 20-ть (кажется въ 1847 г.), — когда, послѣ яснаго, слегка морознаго дня (что̀ чрезвычайно благопріятствовало торгу), вдругъ, въ самый разъѣздъ, на закатѣ солнца, разыгралась ужасная мятель съ невыносимой стужей. Многіе крестьяне сбились съ знакомаго пути и не достигли своихъ окрестныхъ деревень. До 20 человѣкъ въ приходѣ буквально замерзли на смерть на пути. Заблудившихся и погибшихъ нашли еле на четвертый день, съ выклеванными глазами и обезображенными трупами. Разсказываютъ про одну крестьянку, что она, тогда же застигнутая мятелью въ полѣ, отпрягла лошадь, привязала ее къ оглоблямъ и, накрывшись тулупами, кои не успѣла сбыть на ярмаркѣ,—прикрыла себя опрокинутыми санями; тѣмъ она спаслась отъ погибели. Крестьянинъ одинъ догагался тогда же взобраться на гору и всю ночь до разсвѣта двигался по горамъ, не спускаясь въ долину, по которой ему слѣдовало ѣхать; иначе его бы замело снѣгомъ.

Нельзя также не упомянуть о томъ, что внезапные проливные дожди бывали тутъ причиною несчастныхъ случаевъ, потому что, по причинѣ холмистой мѣстности и окружающихъ возвышенностей, дождевая вода въ нѣсколько минутъ накоплялась до того въ дрянной рѣченкѣ Воложинкѣ (которую иной разъ въ пору и гусю перейти), что срывала берега, деревья, постройки и заносила пескомъ луга на большихъ пространствахъ. Одинъ разъ, въ минутномъ разливѣ, съ ревомъ бросилась вода съ рѣчки на проѣзжую дорогу высокою стѣною, и неожиданно затопила фургонъ Еврейскій, съ лошадьми и пассажиркою, ѣхавшею на свадьбу и бывшею почти у цѣли своего путешествія! Въ другой разъ, зимою, послѣ дождя, въ нѣсколько минутъ, рѣчка взломала покрывавшій ее крѣпкій ледъ, и напоромъ льдинъ сорвало каменный мостъ у плотины небольшой мельницы — на одинъ жерновъ.

VII.

Чтобы наконецъ завершить статью о времячисленіи нашего народа, не лишнимъ считаю привести оригинальный способъ веденія въ народѣ хронологіи. Народъ непривыченъ считать время по годамъ, какъ принято отъ Рождества Господня; но какъ въ году пріурочиваетъ недѣли къ извѣстнымъ праздникамъ, не зная мѣсяцевъ, такъ на своемъ вѣку пріурочиваетъ годы къ извѣстнымъ событіямъ въ своей жизни. Только число переживаемаго года многіе знаютъ, а относительно прошлаго времени никто изъ крестьянъ не знаетъ, въ какомъ году онъ родился и сколько ему лѣтъ. Старикъ, наприм., ссылается на то, что *„якъ Кацерина ольщь забирала"*, то онъ былъ *ладнымъ* пастушкомъ и помнитъ какъ первый *козаковскій* полкъ вступалъ. Такихъ стариковъ засталъ я въ приходѣ до семи; нынѣ доживаютъ вѣкъ свой трое. Пожилой крестьянинъ ссылается на то, что уже *во Французы* (въ отечеств. войну) онъ оралъ, и т. п. Въ новѣйшихъ событіяхъ народъ ссылается на первое повстанье, на памятный кермашъ „якъ змерзали люди", на *холерію*, якъ змирали люди, на *помърію* (якъ размежевывали грунты) на голодъ, коего наступленіе считается непремѣннымъ послѣ того, какъ *ланцугъ* (межевая цѣпь) пройдетъ по землѣ; также на поморъ скота и др. несчастія. Въ ближайшихъ событіяхъ ссылаются на то время, когда вышелъ манифестъ *на волю*, когда былъ панскій мятежъ, когда прошла коммиссія (повѣрочная) (послѣ чего вышелъ опять неурожайный годъ, потому что ланцугъ прошелся по землѣ), когда были пожары и когда святили церкви.

О порѣ года живо возникаетъ соображеніе по тому, кросна ли (станокъ) тогда сновали для тканія холста, или еще только пряли; въ огородахъ ли пололи, или косили, жали; однимъ словомъ— по праздникамъ, или по работамъ, живо вспоминаютъ моментъ извѣстнаго случая и событія.

Священникъ Іоаннъ Верманъ.

1867 г. Іюня 14 дня.

Заключительное примѣчаніе.

Достопочтенный авторъ предшествующей статьи, вполнѣ основательно допуская существованіе миѳическаго начала въ народной обрядовой старинѣ, не всегда однако же примѣчаетъ его въ томъ или другомъ, передаваемомъ имъ обрядовомъ дѣйствіи. Такъ, на прим., *пужки* (кнутики), какіе пекутъ дѣтямъ на средокрестной недѣлѣ, должны находиться въ связи съ Малороссійскою обрядовою пѣснею на новый годъ, въ которой изображается ходящимъ *съ пугою* св. Илья (замѣнившій громовника), ударами ея вызывающій ростъ жита и т. д. (см. въ моей христом. стр. 5-ую). Не слѣдуетъ забывать и существующаго въ разныхъ странахъ Европы обрядоваго хожденья по улицамъ съ бичами, ударамъ которыхъ приписывается благотворная сила, съ чѣмъ несомнѣнно связаны и наши, также, конечно, обрядовые, по первоначальному смыслу, удары вербою. Употребленіе на Рождествѣ различнаго рода блюдъ изъ свинины, существующее по всей Европѣ, должно быть объясняемо миѳическою связью этого животнаго съ солнечнымъ началомъ (см. въ моемъ Истор. Обозр. Р. Слов. стр. 40-ую). Различныя повѣрія, соединяемыя съ молодикомъ, объясняются тою связью, какая усматривалась между явленіями небесными и явленіями человѣческой жизни: прибыль мѣсяца вызывала прибыль успѣха въ человѣческихъ предпріятіяхъ и т. п. Относительно *вырья*, куда отлетаютъ птицы, надо замѣтить. что едва ли можетъ тутъ служить объясненіемъ *вырь* въ рѣкѣ. И у Малороссіянъ имѣются преданія о *виріи*, теплой, лежащей у моря странѣ, куда улетаютъ птицы на зиму. Еще въ поученіи Мономаха говорится о томъ, что птицы идутъ (т. е. обратно) изъ *Ирья*. Это, несомнѣнно, страна миѳическая, о значеніи которой подробно говорилъ г. Аѳанасьевъ еще въ ст. своей о Буянѣ островѣ (Врем. Моск. Ист. Общ. 1851 г., IX) Впрочемъ въ статьѣ своей въ Вил. Вѣстникѣ и самъ о. Берманъ выпустилъ *вырь въ рѣкѣ*.

Ор. Миллеръ.

БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ,

Собранныя И. И. Носовичемъ.

БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ.

I.

Предварительный взглядъ на характеръ Бѣлорусскихъ пѣсень.

Бѣлорусскія простонародныя пѣсни можно назвать безъискусственнымъ, но не лишеннымъ изящества изложеніемъ чувствъ простого, необразованнаго народа при радостныхъ, забавныхъ, не менѣе какъ и при скорбныхъ, печальныхъ и непріятныхъ обстоятельствахъ жизни человѣка.

Бѣлорусскія пѣсни очень многія составляютъ глубокую старину, изъ вѣка въ вѣкъ устнымъ единственно путемъ перешедшую къ нынѣшнимъ простолюдинамъ, и эти старинныя пѣсни носятъ типъ Славянскаго, а въ особенности Кривичскаго племени.

Не излишнимъ считаю здѣсь сказать, что названіе Кривичи, равно какъ и самыя старинныя пѣсни принадлежатъ всѣмъ вообще племенамъ, населявшимъ, и нынѣ кореннымъ потомкамъ ихъ, населяющимъ все пространство Бѣлорусской страны, кромѣ Литовцевъ. Эти всѣ племена сосредоточиваются подъ однимъ именемъ Кривичи, по Польски Kriwiczy и Германски Krewings, т. е. Кровичи, кровныя родственныя племена, по производству слова Кривичи отъ Бѣлорусскаго слова: кровь-криви; такъ какъ отъ этого же имени производятся слова: кривавецъ,—(кровавикъ, сердоликъ), кривавый, кривяницъ и проч.

Древность Бѣлорусскихъ пѣсень ясно видна изъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

1) Въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ и нынѣ Бѣлорусскими простолюдинами, оказываются слова совершенно вышедшія изъ употребленія въ живомъ простонародномъ говорѣ, какъ-то: бояре, боярочка, Ляхъ—Полякъ, Царь-городъ, шарварка, шестакъ и другія.

2) Выражаются древнія воинскія обстоятельства, напр.

Ѣдуць татарскія рацы,
Хочуць твойго коня взяци.

—

Якъ поѣхавъ королевичъ да на уполеванне.

—

А поѣхавъ сынъ Данила на войну воеваци.

3) Въ старинныхъ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ, и нынѣ употребляемыхъ Бѣлорусскими простолюдинами, выражается духъ не крестьянскаго быта, а свободнаго и самостоятельнаго сословія и даже богатаго, какъ-то:

Бояре (сваты) вороты облегли,
Посыпали золото по скамьи.

—

Што у бѣломъ на конику бѣломъ, то мой свекорка.

—

Закоснички паничи,
Што ѣздзице по ночи?

—

Дзѣвочки боярочки,
Кладзице подарочки:
Молодые молойчики
Кладзице червончики.

Здѣсь предстоитъ вопросъ: не были ли въ древности простолюдины свободны и собственники земель, подобно какъ однодворцы и даже нынѣшняя шляхта, прежде нежели подпали они подъ администрацію сильныхъ Польскихъ помѣщиковъ, которые поработили ихъ, и земли ихъ защитали своими собственными?

Чѣмъ древнѣе Бѣлорусская пѣсня, тѣмъ, кажется, болѣе про-

глядываетъ въ ней образованность и изящество творчества въ сравненіи съ пѣснями позднѣйшаго сложенія, какъ-то:

Подъ имъ коникъ брое (шалитъ),
Копыцикомъ землю крое (кройтъ),
Вочами звѣзды личе (считаетъ),
Вушами войну чуе (слышитъ).

—

N. у кромѣ *(лавкѣ)* вѣнокъ сторговавъ;
Што ни дожджикъ не змоче,
Ни совникъ не зсуше,
Ни вѣтрикъ не звѣе.
Вѣтрикъ повѣе,—лялея (лилія), *)
Дожджикъ покропе,—зеленѣе,
Сонце пригрѣе,—ёнъ спѣе.

—

Пора жонки домовъ ици:
Поцеряла заря ключи,
Коло постаци **) идучи,
Да съ соуникомъ гуляючи.
А съ мѣсикомъ гукаючи.

Но многія изъ старинныхъ пѣсень потеряли свой колоритъ при переходѣ изъ устъ въ уста, или чрезъ пропускъ слова, или чрезъ безнужное прибавленіе слова, или болѣе чрезъ измѣненіе слова, по недоразумѣнію, какъ, напримѣръ, въ послѣдней пѣсни: «А съ мѣсикомъ гукаючи.» Бѣлорусскій глаголъ—гукацъ съ кѣмъ—значитъ разговаривать, а гукáць—звать къ себѣ. Въ этой картинѣ, гдѣ заря, или вечерняя звѣзда играетъ роль красавицы, любезно провожающей отходящаго гостя и между тѣмъ зовущей къ себѣ другого, приближающагося, приличнѣе сказать: гукàючи кого, нежели гукаючи съ кѣмъ. Нѣкоторыя же въ простонародіи такъ испорчены старинныя пѣсни, что даже и смысла нѣтъ.

Поэтическія красоты, которыми, по представленнымъ мною выше образцамъ, отличаются старинныя пѣсни, заставляютъ заключить,

*) См. въ Бѣлор. Словарѣ г. Носовича стр. 275 *(Лялея)*.
**) *Постáць* — полоса съ дозрѣвшею рожью.

что Бѣлорусское Кривичское нарѣчіе въ старину было удѣломъ не одного Бѣлорусскаго простонародія, но и высшаго класса народа, который не лишенъ былъ совершеннаго образованія: но воспитаніе дѣтей въ іезуитскихъ школахъ вытѣснило привязанность въ нихъ къ родному нарѣчію Польскимъ элементомъ. Не смотря на это, привязанность эта не умирала совершенно: г. Чечотъ въ предисловіи своемъ къ изданнымъ имъ въ Вильнѣ въ 1846 году Бѣлорусскимъ пѣснямъ говоритъ, что даже въ лѣта его дѣтства Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ staruszkowie panowie między sobą mówić lubili (стр. 1).

Во всѣхъ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ, и въ особенности старинныхъ, господствуетъ тоническое стихосложеніе, въ которомъ удареніе главнаго въ смыслѣ слова подчиняетъ себѣ всѣ прочихъ словъ слоги и ударенія такъ, что Бѣлорусскій стихъ состоитъ изъ пиррихіевъ и сугубыхъ амфибрахіевъ, независимо отъ числа слоговъ. Напр. Коморочки мои. Подъ имъ коникъ брое, копыцикомъ землю крое. Размѣръ стиховъ бываетъ независимъ отъ числа слоговъ или а) въ одинъ темпъ, какъ-то:

Коморочки мои,
Не кусайце мене,
А кусайце пановъ,
Што не пускаюць домовъ...

—

б) или въ два темпа, какъ-то:

Старикѝ | собѣ мы тўтъ,
Сядзимъ съ бабами | на кўтъ *(передній уголъ)*
Межъ собою | станемъ зюкаць *(бесѣдовать)*
И подъ ря́дъ | горѣлку клюкаць...

в) или въ три темпа, какъ-то:

Макъ зеле́ный | макъ червоный | у пôвночи квицець
Тамъ за горою | тамъ за другою | мене та́тка кличець.

Тактъ въ три темпа господствуетъ болѣе въ старинныхъ пѣсняхъ.

II.

Объ употребленіи Бѣлорусскихъ пѣсень.

Употребленіе Бѣлорусскихъ пѣсень можно раздѣлить:

I) По обстоятельствамъ общественной жизни, какъ-то: а) праздничныя, поздравительныя, весеннія и игрищныя на Ивана Купалу, б) при общественныхъ лѣтнихъ полевыхъ работахъ, особенно жнивныя; в) пѣсни веселаго содержанія, употребляемыя при общественныхъ сходбищахъ и при плясках; г) любовныя и д) состоящія въ быляхъ и расказахъ;

II) По обстоятельствамъ семейной жизни, какъ-то: а) свадебныя, б) крестинныя, в) колыбельныя, г) разныхъ въ семействѣ перемѣнъ и невзгодъ, д) рекрутства, е) сиротства и ж) овдовѣнія.

О ПРАЗДНИЧНЫХЪ ПРОСТОНАРОДНЫХЪ БѢЛОРУССКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

Бѣлорусскія простонародныя пѣсни, принаровленныя къ праздничному какому либо дню, не суть молитвенныя, но обыкновенно распѣваемыя для домашняго или собесѣдническаго увеселенія, или въ родѣ поздравленія съ праздниками.

Простолюдины кромѣ Бога и святыхъ угодниковъ Его олицетворяютъ даже самые факты изъ земной жизни Спасителя, Божіей Матери и Божіихъ угодниковъ. Они въ простотѣ сердца говорятъ: „Благослови разговѣцьца, святое Рождество, Великодне, Успеннико. Поможи намъ, святая Десятуха“ и проч.; даютъ святымъ свои эпитеты по ихъ мученической смерти или дѣйствіямъ, какъ - то: „Иванъ-Головорѣзъ, Иванъ-Купала, Сава—бацька Николинъ, Сороки святые, Недѣля Св. Отцовъ—Дзѣды и проч. Но это невинное уклоненіе отъ принятыхъ Православною церковью терминовъ ни гдѣ не доходитъ у Бѣлорусскихъ простолюдиновъ до признаковъ остатка древняго Славянскаго язычества (?) самыя даже обрядовыя обыкновенія, при празднованіи урочныхъ дней, нисколько не напоминаютъ ничего кумирнаго: самыя даже пѣсни ихъ, не смотря на

свою наивность, дышатъ обращеніемъ къ Богу, испрошеніемъ благословенія на начинанія и упованіемъ на милость Его.

Въ нѣкоторыхъ праздничныхъ пѣсняхъ употребляются имена лицъ, какъ бы представителей праздника или праздничныхъ забавъ, которыхъ нынѣ между простолюдинами совершенно нѣтъ, кромѣ того, что они упоминаются только въ пѣсняхъ, какъ-то:

Ѣхала Коляда колядуючи,
За ею хлопцы жебруючи *(прося милостыни)*.

—

Звала Купала Иллю на игрище.

Западные, особенно Польскіе миѳологи, не понимая точнаго значенія словъ «Коляда и Купала», выдумали изъ нихъ небывалыя божества, которымъ будто бы Славяне Бѣлорусскіе покланялись и приносили жертвы. *) Но ни въ одной изъ Бѣлорусскихъ пѣсень нѣтъ ни малѣйшаго намека, по которому можно было бы судить, что эти названія суть остатки боготворенія небывалыхъ кумировъ— Коляды, Купалы и другихъ под.

1. **Коляда.** Въ Бѣлор. нар. 1) Коляда означаетъ α) доброхотное даяніе священно-и церковно-служителямъ, ѣздящимъ по домамъ своихъ прихожанъ для сбора хозяйственныхъ для себя продуктовъ, β) вознагражденіе священнику, посѣщающему прихожанъ своихъ съ крестомъ во время праздниковъ Рождества Христова, γ) самый собиратель доброхотнаго даянія. (Ишла Коляда по лёду, разсыпала Коледа колёду). Но слово Коляды имѣетъ совсѣмъ другое значеніе. Это есть праздничные дни Рождества Христова, продолжающіеся отъ 25-го декабря по 6-го января. Очень несправедливъ выводъ западныхъ миѳологовъ (Сестренцевичъ Богушъ), что яко-бы Ко-ля-до былъ какое-то божество древнихъ Славянъ, которому празднованіе совпадало съ праздниками Рождества Христова, якобы кутья подносилась въ видѣ жертвы небывалому божеству за годичные урожаи и якобы разныя хлѣбныя сѣмена, употребляемыя для кутьи, и застиланіе стола сѣномъ суть видимыя жертвы выдуманному

*) Польскіе миѳологи гораздо болѣе правы, чѣмъ оно кажется почтенному собирателю. *Прим. О. М.*

божеству. Употребленіе колива въ навечеріи Рождества Христова и Богоявленія освящено церковію, какъ пищи, приличной постнымъ днямъ; а сѣномъ застилаютъ столъ вечеромъ предъ Рождествомъ Христовымъ въ воспоминаніе Спасителя-младенца, лежавшаго въ ясляхъ *).

2. Купала. Такъ называли древніе Бѣлорусскіе простолюдины и нынѣшніе называютъ Святого Іоанна Крестителя: вмѣсто Іоаннъ Креститель, они говорятъ: Иванъ Купала. Слѣдовательно существованіе, по мнѣнію Славянскихъ миѳологовъ, какого-то древняго баснословнаго божества Купалы, которому будто покланялись древніе Славяне, есть очевидная выдумка. Она не имѣла бы мѣста, еслибы миѳологи обратили вниманіе на то, что слово Купала происходитъ отъ купать; Греч. βαπτίζω—крестить. Нѣтъ никакого основанія думать, что вошедшее въ обыкновеніе у Славянскихъ племенъ гулянье молодыхъ парней и дѣвицъ съ плясками подъ звуки пѣсней на канунѣ 24-го іюня есть остатокъ боготворенія идола Купалы. Въ одной изъ Бѣлорусскихъ старинныхъ пѣсень слова „самъ Богъ купався", ясно доказываютъ, что, по мнѣнію самихъ простолюдиновъ, Иванъ Купала есть Іоаннъ Креститель **).

---

*) Также нелѣпо дѣлать выводъ изъ словъ простолюдиновъ Борисовскаго уѣзда: „забили кобана Колядзѣ" (вѣрно: къ Колядамъ), якобы слова эти указываютъ на приношеніе кабановъ въ жертву идолу, о которомъ простолюдины и понятія не имѣютъ. Opisanie powiatu Borisorskiego 1848 г. стр. 383. *Прим. Собирателя.* Объ обрядовомъ употребленіи въ колядный праздникъ именно *свинины* см. выше въ примѣчаніи моемъ къ статьѣ свящ. Бермана, стр. 44. Также въ моемъ Ист. Об. Р. Слов. стр. 40—42.

Прим. О. М.

**) Миѳическая подкладка въ пѣсняхъ купальскихъ еще ярче кидается въ глаза, чѣмъ въ колядныхъ пѣсняхъ. Нѣтъ никакой возможности объяснить христіанскимъ значеніемъ праздника Рождества Іоанна Предтечи ни употребительнаго по всей Европѣ въ ночь на Ивановъ день зажиганья костровъ и перепрыгиванья черезъ нихъ, ни скатыванья горячихъ колесъ въ воду, ни отыскиванья кладовъ при помощи разцвѣтающаго въ эту ночь папоротника, и т. д. Нашему почтенному собирателю, если онъ совершенно уже не вѣритъ современной наукѣ сравнительной миѳологіи, слѣдовало бы вспомнить, по крайней мѣрѣ, про сѣтованія нашихъ древнихъ проповѣдниковъ на тѣ языческіе обряды, которыхъ держался (и держится еще) народъ, какъ бы наперекоръ Христіанскому смыслу праздниковъ. *Прим. О. М.*

III) Изъ стариннаго припѣва къ Малороссійской пѣснѣ: „На тихинькомъ Дунаѣ—диду калина, лели малина“ Славянскіе миѳологи извлекли небывалыя Славянскія божества: Дидо—божество, неблагопріятствующее любви и Леля—Славянскаго Амура. Но если разсмотрѣть съ критическимъ вниманіемъ этотъ припѣвъ, то въ немъ нисколько не выказываются какія-то выдуманныя божества, а выявляется прямой смыслъ: дѣду — старику, холостяку горькая калина, а Лешенькѣ, Лелю, молодчику, красавцу—малина.

IV) Сюда можно отнести и другія названія выдуманныхъ небывалыхъ божествъ, какъ-то: Бордзи и Кляскуна, Жевжыка, Сварога. Изъ нихъ 1) Бордзя,—старинное, нынѣ нигдѣ неслышимое слово—значило борзая, быстрая дѣвица. 2) Кляскунъ—значитъ мальчикъ шалунъ, линейкою или лучиною производящій трескъ. 3) Жевжыкъ—живчикъ значитъ—маленькая вертлявая рыбка, и мальчикъ живой, надоѣдающій шалостями. 4) Сварога—Бѣлор. сварюга значитъ брюзгунъ, ворчащій за всякую бездѣлицу. Если внимательно разсмотрѣть корень и значеніе этихъ словъ, какъ разсмотрѣны Коляда и Купала, то и эти выдуманныя божества исчезнутъ, какъ призраки, или какъ сонныя видѣнія.

Тоже относится и къ слѣдующимъ созданьямъ догадливыхъ миѳологовъ: *Баба-Яга, Бѣлунъ, Вовколакъ, Воструха, Гарникъ, Дзѣдка, Злыдзень, Знічка, Зорка, Ледащикъ, Ныдзень.* Разсмотримъ эти слова. 1) Баба-Яга. Это не повѣрье, а Бѣлорусская басня о злой волшебницѣ, дѣлающей ночью разныя пакости и о которой говорится, что она „въ ступѣ ѣдзиць, товкачомъ погоняець, а помяломъ слѣдъ заметаець“ и что она ночью дѣлаетъ разныя пакости людямъ.

2) Бѣлунъ,—также басенка о сѣдомъ старикѣ, якобы живущемъ во ржи при дорогѣ. „Онъ, кажуць, показываецца бѣдняку, идущему по дорогѣ и просиць его уцерць ему носъ, съ котораго цекуць возгри; коли гетый не згадзицца да утрець, то Бѣлунъ высыпиць ему золото изъ своей торбы“. Эта басенка имѣетъ наставительную цѣль—не пренебрегать стариковъ, если они неопрятны (?)

3) Вовколакъ значитъ по предразсудкамъ простолюдиновъ—оборотень, или человѣкъ, обращенный силою волшебства въ волка. Переносно значитъ—злой человѣкъ, смотрящій угрюмо изъ подлобья, какъ волкъ.

4) Воструха значитъ только: 1) съ язычкомъ острымъ, язвительная женщина, наносящая колкости; 2) осока, подобно серпу рѣжущая пальцы: „на воструха палецъ порѣзавъ“.

5) Гарникъ въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи ничего болѣе не значитъ, какъ только—трава приворотень, пригарнывающая, по предразсудку простолюдиновъ, къ любви. „Оттопи гарнику въ молоцѣ и дай мужику своему выпиць, дакъ и будзецъ цебе любиць“.

6) Дзѣдка значитъ—старый нищій съ котомкою за плечами и съ двумя посохами, которыми впрочемъ пугаютъ неспокойныхъ дѣтей. „Дзѣдка хорошо пѣецъ. Мовчи! Дзѣдка почуе́ць, придзець и въ торбу возмецъ“.

7) Злыдзень: 1) бѣднякъ, несчастливецъ; слово ругательное: „за злыдня николи гетаго не пойду за-мужъ;“ 2) попрошайка. „Надокучивъ мнѣ злыдзень гетый, дай ему то того, то другого. „Злыдни, склоняемое во множ., значитъ: бѣдственное положеніе. „Сядзѣвъ три дни, а высѣдзѣвъ злыдни“. Посл. „Злыдни возме́шь“.

8) Зничка просто значитъ: 1) звѣздочка, появившаяся на небѣ и вдругъ скрывшаяся, какъ метеоръ, 2) ругательное слово на отбѣгающаго отъ работы. „Зничку гетого ни коли не спотачишь, *(найдеть)* за работою“

9) Зо́рка, уменьш. слово отъ—заря. Сочинитель этаго небывалаго божества извлекъ его изъ изрѣченія простолюдиновъ, дурно имъ понятаго: „Што уже зъ е́го, кали ёнъ не ўзоркій“, т. е. слѣпой, потерявшій зоркость; но онъ, записавъ это выраженіе неправильно: „што зъ его, коли о́нъ не у зорки“, создалъ небывалое божество—Зорка.

10) Лядащикъ, по понятію простолюдиновъ, не значитъ злой духъ, а значитъ человѣкъ дурного поведенія. Почему творецъ этого, боготворимаго якобы простолюдинами, злого духа подъ именемъ ледащика дурно понялъ пословицу: „зъ ледащикомъ спознався, зъ разуму спався“ т. е. со строптивымъ развратился.

11) Ныдзень и ныдница, отъ гл. ныць—изнывать, значитъ не болѣе, какъ терпящій нужду, изнываніе *).

---

*) См. Бѣлорусскія народныя повѣрья, статья первая и вторая—въ Прибавленіяхъ къ Ж. Мин. Нар. Просв. 1846 г. въ отдѣленіи Литературномъ псевдонима Древлянскаго и въ Литер. Приб. къ Ж. М. Нар. Просв. Декабря 1852 г. статью г. Шпилевскаго. *Прим. г. Носовича.*

Подобнымъ же образомъ Польскіе миѳологи, изъ страсти преслѣдовать все православное, невинныя обыкновенія простолюдиновъ въ день Радоницы посѣщать могилки своихъ родныхъ съ разными съѣдобными припасами, приличными поминовенію, и водкою, обратили въ остатокъ языческихъ жертвъ древнему могильному божеству Копшѣ. Но копшею (отъ копать) въ старину назывался гробокопатель *).

БѢЛОРУССКІЕ ПРАЗДНИКИ.

1. Коляды.

Коляды суть праздничные дни, простирающіеся отъ навечерія предъ 25 Декабря по 7 Января. Колядные праздники между простолюдинами начинаются бѣганьемъ по домамъ своей деревни мальчиковъ, не смотря на жестокость морозовъ, съ поздравленіемъ, за которое они получаютъ по горсти орѣховъ отъ старушекъ, запасшихся ими нарочито на этотъ предметъ. Мальчики собираютъ орѣхи для обыкновенной между ними по вечерамъ игры въ „цотъ и лишку“.

Характеръ колядныхъ праздниковъ вездѣ одинаковъ и простолюдины проводятъ ихъ также весело и угощательно, какъ и прочія сословія, по пословицѣ: пришли Колядки, блины да ладки. Особенность у простолюдиновъ заключается въ томъ, что колядные вечера у нихъ чрезвычайно чтутся святыми и всякая работа запрещена, а поэтому они всѣ колядные вечера посвящаютъ на посѣщенія или, лучше, на общія собранія въ сельскомъ трактирѣ, т. е. въ корчмахъ, которыя въ Бѣлоруссіи бываютъ довольно вмѣстительны, потому что по селамъ и деревнямъ они служатъ заѣзжими до-

*) Если изслѣдователи въ области народной миѳологіи и бываютъ склонны къ натяжкамъ и если не всѣ ихъ толкованія въ частности выдерживаютъ строгую критику, то основное ихъ заключеніе о народномъ *двоевѣріи* самымъ непосредственнымъ образомъ совпадаетъ со свидѣтельствомъ самой нашей древней церкви. Нельзя не замѣтить, что гораздо глубже г. Носовича смотритъ на этотъ предметъ достопочтенный священникъ Берманъ въ своемъ выше напечатанномъ календарѣ Воложинскаго прихода.

ками. Если же гдѣ не вмѣстительно, то простолюдины выбираютъ на этотъ предметъ обширную избу у своего сосѣда и тамъ устанавливаютъ ресурсы или клубъ по своему вкусу, съ скоморохой или съ деревенскими флейтами, посредствомъ складки.

Коляды отличаются отъ прочихъ праздниковъ тѣмъ, что имѣютъ три сочельные дня, или такъ называемыя кутьи: двѣ постныя, очень благоговѣйно проводимыя простолюдинами, предъ Рожд. Христ. и предъ Богоявленіемъ; средняя-же изъ нихъ, называемая богатою, отличается обиліемъ кушаньевъ.

2. Благовѣщенье.

Благовѣщенье есть праздникъ, чрезвычайно уважаемый простолюдинами такъ, что, по мнѣнію ихъ, "и птушка на Благовѣщенье не кладзець гнѣзда". *) Подъ вечеръ Благовѣщенія дѣвицы собираются на какую либо гору "гукàць" (кликать) весну словами: „Благослови, Божія Маци, весну гукàци, зиму замыкаци, лѣто отмыкаци", и за тѣмъ поютъ пѣсни, приличныя обстоятельствамъ времени.

3. Вербница.

Вербное Воскресенье, въ отношеніи простонародныхъ обычаевъ, имѣетъ ту особенность, что изъ каждаго дома деревни или села непремѣнно должно быть хотя одно лицо въ церкви у заутрени, чтобы получить освященную вербу. По выходѣ изъ церкви всѣ вообще сѣкутъ ёмко другъ друга поочередно въ родѣ поздравленія, приговаривая: „не я бью, бербá бьець, хира въ лѣсъ, здоровье въ косци." За это поздравленіе не могущіе обратно поздравить очень благодарятъ, хотя бы было и ощутительно для ихъ тѣла. Вербу эту хранятъ въ домѣ, какъ святыню.

4. Великодне или Воскресеніе Христово.

Воскресенію Христову предшествуетъ Чистый Четвертокъ. Въ Чистый Четвертокъ простолюдины непремѣнно стараются до разсвѣта вымыться въ банѣ, а также многія женщины соль и мыло выкладываютъ на ночь предъ Чистымъ Четвергомъ на открытый

*) Мнѣніе обще-Русское. *О. М.*

воздухъ и потомъ прячутъ, почитая ихъ лѣкарствомъ отъ суроцъ—отъ урѣченія или призорства. Есть Бѣлорусское повѣрье, что воронъ до разсвѣта въ Чистый Четвертокъ носитъ своихъ дѣтей купать въ рѣку.

Торжество Святой Пасхи простолюдинами отправляется болѣе скромными увеселеніями—посѣщеніемъ другъ друга и сходбищами молодыхъ людей на улицѣ, гдѣ занимаются различными сельскими играми. Отъ давнихъ временъ даже до конца второй половины нынѣшняго XIX столѣтія многіе промышленные крестьяне ходили по домамъ своихъ сосѣдей, поздравляя съ праздниками Воскресенія Христова стихами на Бѣлорусскомъ нарѣчіи, а многіе, составивъ группу изъ человѣкъ пяти или шести, ходили по селамъ, по домамъ помѣщиковъ, дворянъ и чиновниковъ, поя волочебныя пѣсни. Особенно это обыкновеніе господствовало въ Минской губерніи. Обыкновенные дары имъ за поздравленія были: яйца, сыръ, сало, колбасы и нерѣдко деньги. Общество волочебниковъ составляли: запѣвало или починальникъ, подпѣвалы или помощники его, скрипачъ или дудочникъ и сборщикъ подаяній или мѣхоношъ. Всѣ эти лица подходятъ подъ окно поздравляемаго хозяина и поютъ такъ, что запѣвало поетъ соло стихи, а прочіе послѣ каждаго стиха поютъ припѣвъ. Нынѣ православное духовенство уничтожило этотъ обычай бродить по домамъ съ пѣніемъ.

5. День Святаго Георгія.

Юрьевъ день считается у простолюдиновъ днемъ особенной важности. Простолюдины почитаютъ святого Георгія, какъ покровителя всей растительности, отмыкающаго землю и выпускающаго теплую росу, а также и какъ покровителя домашняго скота. *) Въ первомъ отношеніи они говорятъ: „Юрій съ цепломъ, а Микола съ кормомъ.“ Утромъ рано всѣ хозяева выпускаютъ лошадей на Юрьеву росу, а всякая хозяйка соблюдаетъ набожное обыкновеніе, выпуская изъ хлѣва коровъ, окроплять ихъ святою крещенскою водою и тихонько ударять накрестъ по крестцу вѣтвію, хранимою въ каждомъ домѣ отъ вербной недѣли, и встрѣчать пастушка съ хлѣ-

---

*) Неужели и тутъ не видно слѣдовъ миѳа? *О. М.*

бомъ-солью, при чемъ даетъ ему яйцо, или сыръ, или кусокъ свиного сала.

Дѣвицы въ этотъ день выходятъ въ поле и поютъ тамъ юрьевскія или весеннія пѣсни.

6. Радоница.

Радоница — день, посвященный поминовенію умершихъ. Это есть дѣйствительно радость о воскресшемъ Спасителѣ, возвѣщаемая живыми усопшимъ катаніемъ краснаго яйца по могилкѣ родного, съ произношеніемъ троекратно: Христосъ Воскресъ! Радоница въ Бѣлоруссіи обыкновенно празднуется во вторникъ Ѳоминой недѣли. День этотъ имѣетъ тройственный характеръ: рабочій, печальный и веселый. Бѣлоруссы эти три характера выражаютъ тремя стишками: „на радоницу д'обѣда пашуць, п'обѣдзи плачуць, а у вечери скачуць.“

Утро простолюдины проводятъ въ работѣ, занимаясь паханіемъ огородовъ; послѣ обѣда, одѣвшись по праздничному, всѣ идутъ на кладбище, которое во многихъ мѣстахъ носитъ имя Красной Горки или Красной Нивки. Пришедши на кладбище всѣ, похристосовавшись съ лежащими въ могилѣ, т. е. покатавши яйца по могилкамъ, мущины въ большомъ смущеніи сидятъ по краямъ могилъ, а женщины усердно въ голосъ на распѣвъ плачутъ, импровизируя причитыванья. Молодые между тѣмъ парни бьютъ или катаютъ яйца до тѣхъ поръ, пока явится священникъ для отпѣванія панихидъ надъ могилками каждаго семейства. По окончаніи панихидъ священникъ благословляетъ трапезу всѣмъ и отъѣзжаетъ къ кладбищу другой ближайшей деревни. Оставшіеся поминальщики надѣляютъ нищихъ блинами и маленькими пшеничными лепешками, рѣзниками, и, составивъ между собою общій столъ, подкрѣпляютъ силы свои водкою и разными, снесенными сюда закусками, такъ что печаль ихъ обращается въ радость. По возвратѣ же въ свою деревню, молодежь принимается за деревенскіе танцы при кабакѣ подъ звуки дудочника, а старики и старухи тутъ же бесѣдуютъ, подчивая другъ друга водкою; молодухи между тѣмъ запѣваютъ различныя пѣсни, и такъ такое увеселеніе продолжается до поздняго вечера.

7. Духовъ день.

Въ этотъ день женщины приносятъ въ церковь къ обѣдни связки травъ различныхъ съ цвѣтами, а нѣкоторыя съ корнями, и просятъ священника послѣ литургіи освятить. Эти травы и коренья составляютъ ихъ домашнюю аптеку на цѣлый годъ,—отъ всѣхъ болѣзней. Вечеромъ послѣ полудня дѣвицы всего селенія совокупно идутъ въ лѣсокъ и каждая особо завиваетъ на деревѣ вѣнокъ съ гаданьемъ; ежели вѣнокъ въ теченіи недѣли не усохнетъ, то желаніе исполнится благопріятно, ежели же усохнетъ, то это предвѣщаетъ несчастливый исходъ гаданія. Почему въ слѣдующее воскресенье на заговины предъ постомъ Петровымъ опять собираются и идутъ въ тотъ же лѣсокъ развивать свитые ими вѣнки, предполагая, что дерево проклинать будетъ дѣвицу, которая не разовьетъ своего вѣнка. Эти обѣ прогулки дѣвицъ сопровождаются разными пѣснями.

8. Иванъ Купала.

Бѣлорусскіе простолюдины, особенно женщины, даже изъ мѣщанъ и шляхты, вѣрятъ, что въ ночь предъ днемъ Рожденія Іоанна Крестителя волшебницы или вѣдьмы тайно выходятъ изъ жилищъ своихъ невидимками, чтобы дѣлать зло людямъ въ ночное время, а именно: заламывать заломы во ржи, копать ядовитыя коренья для отравленія, отбирать молоки у коровъ и насылать червей въ горлачи. *) Нѣкоторыя хозяйки дома, по совѣту „знахарей“ — чтобы оградить въ эту ночь свою скотинку отъ нападенія вѣдьмы, вѣшаютъ надъ воротами хлѣва страстную свѣчу, которая, по вѣрованію ихъ, имѣетъ силу не пропустить вѣдьмы въ хлѣвъ. Вѣдьма со злости искусаетъ всю свѣчу, но не въ силахъ сдѣлать ни малѣйшаго вреда скоту. Мальчики на этотъ предметъ разводятъ огонь за огородомъ, чтобы попрепятствовать вѣдьмамъ воспользоваться темнотою ночи и выходить изъ своихъ жилищъ, и чтобы спасти рожь отъ заломовъ. Это повѣрье и обыкновеніе, нынѣ обветшалое, кажется баснословнымъ, но въ самомъ началѣ

---

*) *Горлачъ* — молочный кувшинъ.

нынѣшняго столѣтія иногда появлялось въ сущности, какъ и мнѣ случилось видѣть въ селѣ Лобановкѣ Чериковскаго уѣзда, гдѣ мнѣ мимоѣздомъ случилось ночевать предъ днемъ Рождества Іоанна Крестителя.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, говорятъ, парни и мальчишки складывали костеръ изъ поношенныхъ лаптей, онучъ, испорченныхъ веревокъ и старыхъ лубокъ; а въ другихъ мѣстахъ въ тотъ же вечеръ, т. е. 23 Іюня, при закатѣ солнца, для воспрепятствованія волшебницамъ, порядочные мальчики на огородѣ, въ отдаленности отъ строеній, вколачивали въ землю длинный колъ, обвязанный кругомъ свиваемою соломою, обкладывали его также кругомъ соломою и кострою отъ конопли до самаго верха; на самое остроконечіе кола взлагали порядочную связку соломы и посредствомъ длиннаго шеста, съ конца зажженнаго, зажигали эту свѣчку. На этотъ факелъ всѣ сбѣгались, исключая и женщинъ, бѣгали кругомъ его, бросая въ него сухія вѣтви дерева.

Въ иныхъ мѣстахъ парни и дѣвицы проводятъ навечеріе праздника Іоанна Крестителя гораздо приличнѣе и наивнѣе. Послѣ полудня они, по условію, сколько дѣвицъ, столько и парней, всѣ разомъ отправляются на лугъ подлѣ рѣки или озера и, пришедши на избранное мѣсто, сперва каждое лицо собираетъ луговые цвѣтки и дѣлаетъ вѣнокъ. По свивкѣ вѣнка попарно, какъ попало, пускаютъ поочередно свои вѣнки на воду и слѣдятъ за уплываніемъ ихъ. Это есть невинное гаданіе о судьбѣ своей: напр. разлученіе вѣнковъ означаетъ не судьбу парѣ; потонетъ ли одинъ вѣнокъ— смерть; остановится ли одинъ вѣнокъ и прилучится къ другому— не быть въ парѣ съ избраннымъ лицомъ и проч. Это подаетъ и парнямъ и дѣвицамъ причину къ разглагольствію и смѣхамъ. По окончаніи этой забавы, всѣ выбираютъ одного изъ парней лучшаго и одну изъ дѣвицъ лучшую и ставятъ ихъ царемъ и царицею начинаемыхъ танцевъ; становятся всѣ попарно, поютъ купальныя пѣсни и подъ звуки ихъ танцуютъ. Главный купалишъ и главная купалка распоряжаются танцами. Уставши немного, какъ дѣвицы, такъ и парни садятся въ кружокъ и дѣвицы вынимаютъ принесенный ими запасъ закусокъ, подчуютъ кавалеровъ и сами угощаются. По окончаніи закуски, опять по голосу старшаго купалиша

и старшей купалки становятся въ пары и танцуютъ, пока настанетъ вечеръ.

Есть еще повѣрье, хотя въ настоящія времена уже обратившееся въ басню, яко бы въ ночь предъ днемъ Ивана Купалы огромныя денежныя суммы, даже съ заклятіемъ зарытыя въ древности въ землю, сами выходятъ на поверхность для пересушки; яко бы стражею этихъ пересушивающихся богатствъ бываетъ нечистая сила, разными привидѣніями угрожающая дерзающему подступить къ нимъ; яко бы къ безпрепятственному овладѣнію ими служитъ единственнымъ средствомъ огнистаго цвѣта цвѣтокъ папоротника, который въ самую полночь разцвѣтаетъ и въ туже минуту отцвѣтаетъ и скрывается въ травѣ, никѣмъ не видимый. Если кому въ эту полночь случится итти по папоротнику, то онъ счастливцу можетъ запасть въ лапоть, и тогда никакая нечистая сила не посмѣетъ оспаривать открывшихся сокровищъ у обладателя папоротнаго цвѣтка. Многіе молодые люди, бывало, пускались бродить чрезъ цѣлую ночь по лѣсу съ папоротникомъ, но никто изъ нихъ не былъ въ числѣ счастливцевъ.

Еще есть повѣрье, якобы солнце при восхожденіи своемъ въ день Рождества Іоанна Крестителя играетъ, то вспрыгивая вверхъ, то принимая разные цвѣта брилліанта, изумруда, аметиста и другихъ драгоцѣнныхъ камней, то вдругъ увеличиваясь. Полагать можно, что это явленіе природы могли замѣтить только тѣ, которые чрезъ цѣлую ночь бодрствовали, ища сушащихся сокровищъ и надѣясь быть счастливыми обладателями папоротнаго цвѣтка.

9. Чуды.

6 Сентября. Воспоминаніе чудесъ въ Хонѣхъ отъ Архистратига Михаила.

У простолюдиновъ Чуды есть праздникъ глубоко уважаемый, такъ что по многимъ мѣстамъ во время его ни пашутъ, ни жнутъ, ни рубятъ, а въ особенности не молотятъ и даже противъ этого дня въ гумнѣ не раскладываютъ огня, говоря, что у всѣхъ тѣхъ горятъ гумны, которые на Чуды раскладываютъ огонь.

10. Дзѣды.

Какъ ни странно названіе поминальной субботы—Дзѣды, оно вполнѣ выражаетъ мысль: 1) воспоминанія отцовъ седьмого вселенскаго собора (?) въ Октябрѣ и 2) поминовенія своихъ родителей, дѣдовъ и прадѣдовъ и моленія за упокоеніе ихъ. *)

Есть повѣрье, яко бы прадѣды, дѣды, родители и проч. родные, умершіе въ эту субботу, приходятъ въ гости на обѣдъ къ дѣтямъ своимъ, почтившимъ ихъ поминовеніемъ въ церкви. Для этого нѣкоторые хозяйки дома, накрывъ столъ бѣлою скатертью, ставятъ на столъ полныя мисы, налитыя ото всѣхъ, приготовленныхъ въ этотъ день кушаньевъ, и вся семья смиренно, съ какимъ-то благоговѣніемъ стоитъ предъ столомъ нѣкоторое время, яко бы времени, пока покойники покушаютъ хлѣба-соли, потомъ вся семья садится за столъ обѣдать. Говорятъ, что бываютъ такіе избранные, которые удостоиваются видѣть всѣхъ родственниковъ умершихъ, рядомъ сидящихъ за столомъ, какъ живыхъ. Но только избранники эти должны приготовить себя къ тому, а именно: предварительно чрезъ цѣлый годъ не смѣяться и болѣе молчать. Хозяйка же, если бы хотѣла видѣть „родзицелей", т. е. покойниковъ, сидящихъ за столомъ и обѣдающихъ, то должна съ самаго утра и до самаго обѣда и отхода покойниковъ-гостей ни съ кѣмъ не говорить. Одна, говорятъ, хозяйка, выдержавъ эпитимію молчанія, дождалась увидѣть покойниковъ, какъ живыхъ, входящихъ въ избу. Но, къ несчастію, обрадовавшись прибытію ихъ, вскрикнула, и всѣ гости загробнаго міра во мгновеніе ока ушли назадъ. Слѣдующій расказъ еще наивнѣе о неудачѣ, помѣшавшей дзѣдамъ—покойникамъ отобѣдать у своихъ живыхъ внуковъ. Семьянинъ одного двора захотѣлъ видѣть непремѣнно своихъ покойныхъ дѣдовъ, т. е. отца дѣда, прадѣда и дядей за обѣдомъ въ Дмитровскую Субботу, сидящихъ за столомъ въ своемъ домѣ. Онъ цѣлый годъ не смѣялся и болѣе молчалъ все. Накопецъ видитъ, что когда мать его поста-

*) Воспоминаніе отцовъ 7 Собора—11 Октября; поминальная же суббота (дмитровская) въ концѣ мѣсяца (26 Окт. св. Димитрія Солунскаго). Едва ли между двумя этими днями имѣется какая нибудь связь. *Прим. О. М.*

7. Духовъ день.

Въ этотъ день женщины приносятъ въ церковь къ обѣдни связки травъ различныхъ съ цвѣтами, а нѣкоторыя съ корнями, и просятъ священника послѣ литургіи освятить. Эти травы и коренья составляютъ ихъ домашнюю аптеку на цѣлый годъ,—отъ всѣхъ болѣзней. Вечеромъ послѣ полудня дѣвицы всего селенія совокупно идутъ въ лѣсокъ и каждая особо завиваетъ на деревѣ вѣнокъ съ гаданьемъ; ежели вѣнокъ въ теченіи недѣли не усохнетъ, то желаніе исполнится благопріятно, ежели же усохнетъ, то это предвѣщаетъ несчастливый исходъ гаданія. Почему въ слѣдующее воскресенье на заговины предъ постомъ Петровымъ опять собираются и идутъ въ тотъ же лѣсокъ развивать свитые ими вѣнки, предполагая, что дерево проклинать будетъ дѣвицу, которая не разовьетъ своего вѣнка. Эти обѣ прогулки дѣвицъ сопровождаются разными пѣснями.

8. Иванъ Купала.

Бѣлорусскіе простолюдины, особенно женщины, даже изъ мѣщанъ и шляхты, вѣрятъ, что въ ночь предъ днемъ Рожденія Іоанна Крестителя волшебницы или вѣдьмы тайно выходятъ изъ жилищъ своихъ невидимками, чтобы дѣлать зло людямъ въ ночное время, а именно: заламывать заломы во ржи, копать ядовитыя коренья для отравленія, отбирать молоки у коровъ и насылать червей въ горлачи. *) Нѣкоторыя хозяйки дома, по совѣту „знахарей“ — чтобы оградить въ эту ночь свою скотинку отъ нападенія вѣдьмы, вѣшаютъ надъ воротами хлѣва страстную свѣчу, которая, по вѣрованію ихъ, имѣетъ силу не пропустить вѣдьмы въ хлѣвъ. Вѣдьма со злости искусаетъ всю свѣчу, но не въ силахъ сдѣлать ни малѣйшаго вреда скоту. Мальчики на этотъ предметъ разводятъ огонь за огородомъ, чтобы попрепятствовать вѣдьмамъ воспользоваться темнотою ночи и выходить изъ своихъ жилищъ, и чтобы спасти рожь отъ заломовъ. Это повѣрье и обыкновеніе, нынѣ обветшалое, кажется баснословнымъ, но въ самомъ началѣ

*) *Горла́чъ* — молочный кувшинъ.

нынѣшняго столѣтія иногда появлялось въ сущности, какъ и мнѣ случилось видѣть въ селѣ Лобановкѣ Чериковскаго уѣзда, гдѣ мнѣ мимоѣздомъ случилось ночевать предъ днемъ Рождества Іоанна Крестителя.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, говорятъ, парни и мальчишки складывали костеръ изъ поношенныхъ лаптей, онучъ, испорченныхъ веревокъ и старыхъ лубокъ; а въ другихъ мѣстахъ въ тотъ же вечеръ, т. е. 23 Іюня, при закатѣ солнца, для воспрепятствованія волшебницамъ, порядочные мальчики на огородѣ, въ отдаленности отъ строеній, вколачивали въ землю длинный колъ, обвязанный кругомъ свиваемою соломою, обкладывали его также кругомъ соломою и кострою отъ конопли до самаго верха; на самое остроконечіе кола взлагали порядочную связку соломы и посредствомъ длиннаго шеста, съ конца зажженнаго, зажигали эту свѣчку. На этотъ факелъ всѣ сбѣгались, неисключая и женщинъ, бѣгали кругомъ его, бросая въ него сухія вѣтви дерева.

Въ иныхъ мѣстахъ парни и дѣвицы проводятъ навечеріе праздника Іоанна Крестителя гораздо приличнѣе и наивнѣе. Послѣ полудня они, по условію, сколько дѣвицъ, столько и парней, всѣ разомъ отправляются на лугъ подлѣ рѣки или озера и, пришедши на избранное мѣсто, сперва каждое лицо собираетъ луговые цвѣтки и дѣлаетъ вѣнокъ. По свивкѣ вѣнка попарно, какъ попало, пускаютъ поочередно свои вѣнки на воду и слѣдятъ за уплываніемъ ихъ. Это есть невинное гаданіе о судьбѣ своей: напр. разлученіе вѣнковъ означаетъ не судьбу парѣ; потонетъ ли одинъ вѣнокъ—смерть; остановится ли одинъ вѣнокъ и прилучится къ другому—не быть въ парѣ съ избраннымъ лицомъ и проч. Это подаетъ и парнямъ и дѣвицамъ причину къ разглагольствію и смѣхамъ. По окончаніи этой забавы, всѣ выбираютъ одного изъ парней лучшаго и одну изъ дѣвицъ лучшую и ставятъ ихъ царемъ и царицею начинаемыхъ танцевъ; становятся всѣ попарно, поютъ купальныя пѣсни и подъ звуки ихъ танцуютъ. Главный купалишъ и главная купалка распоряжаются танцами. Уставши немного, какъ дѣвицы, такъ и парни садятся въ кружокъ и дѣвицы вынимаютъ принесенный ими запасъ закусокъ, подчуютъ кавалеровъ и сами угощаются. По окончаніи закуски, опять по голосу старшаго купалиша

и старшей купалки становятся въ пары и танцуютъ, пока настанетъ вечеръ.

Есть еще повѣрье, хотя въ настоящія времена уже обратившееся въ басню, яко бы въ ночь предъ днемъ Ивана Купалы огромныя денежныя суммы, даже съ заклятіемъ зарытыя въ древности въ землю, сами выходятъ на поверхность для пересушки; яко бы стражею этихъ пересушивающихся богатствъ бываетъ нечистая сила, разными привидѣніями угрожающая дерзающему подступить къ нимъ; яко бы къ безпрепятственному овладѣнію ими служитъ единственнымъ средствомъ огнистаго цвѣта цвѣтокъ папоротника, который въ самую полночь разцвѣтаетъ и въ туже минуту отцвѣтаетъ и скрывается въ травѣ, никѣмъ не видимый. Если кому въ эту полночь случится итти по папоротнику, то онъ счастливцу можетъ запасть въ лапоть, и тогда никакая нечистая сила не посмѣетъ оспаривать открывшихся сокровищъ у обладателя папоротнаго цвѣтка. Многіе молодые люди, бывало, пускались бродить чрезъ цѣлую ночь по лѣсу съ папоротникомъ, но никто изъ нихъ не былъ въ числѣ счастливцевъ.

Еще есть повѣрье, якобы солнце при восхожденіи своемъ въ день Рождества Іоанна Крестителя играетъ, то вспрыгивая вверхъ, то принимая разные цвѣта бриліанта, изумруда, аметиста и другихъ драгоцѣнныхъ камней, то вдругъ увеличиваясь. Полагать можно, что это явленіе природы могли замѣтить только тѣ, которые чрезъ цѣлую ночь бодрствовали, ища сушащихся сокровищъ и надѣясь быть счастливыми обладателями папоротнаго цвѣтка.

9. Чуды.

6 Сентября. Воспоминаніе чудесъ въ Хонѣхъ отъ Архистратига Михаила.

У простолюдиновъ Чуды есть праздникъ глубоко уважаемый, такъ что по многимъ мѣстамъ во время его ни пашутъ, ни жнутъ, ни рубятъ, а въ особенности не молотятъ и даже противъ этого дня въ гумнѣ не раскладываютъ огня, говоря, что у всѣхъ тѣхъ горятъ гумны, которые на Чуды раскладываютъ огонь.

10. Дзѣды.

Какъ ни странно названіе поминальной субботы—Дзѣды, оно вполнѣ выражаетъ мысль: 1) воспоминанія отцовъ седьмого вселенскаго собора (?) въ Октябрѣ и 2) поминовенія своихъ родителей, дѣдовъ и прадѣдовъ и моленія за упокоеніе ихъ. *)

Есть повѣрье, яко бы прадѣды, дѣды, родители и проч. родные, умершіе въ эту субботу, приходятъ въ гости на обѣдъ къ дѣтямъ своимъ, почтившимъ ихъ поминовеніемъ въ церкви. Для этого нѣкоторые хозяйки дома, накрывъ столъ бѣлою скатертью, ставятъ на столъ полныя мисы, налитыя ото всѣхъ, приготовленныхъ въ этотъ день кушаньевъ, и вся семья смиренно, съ какимъ-то благоговѣніемъ стоитъ предъ столомъ нѣкоторое время, яко бы времени, пока покойники покушаютъ хлѣба-соли, потомъ вся семья садится за столъ обѣдать. Говорятъ, что бываютъ такіе избранные, которые удостоиваются видѣть всѣхъ родственниковъ умершихъ, рядомъ сидящихъ за столомъ, какъ живыхъ. Но только избранники эти должны приготовить себя къ тому, а именно: предварительно чрезъ цѣлый годъ не смѣяться и болѣе молчать. Хозяйка же, если бы хотѣла видѣть „родзицелей", т. е. покойниковъ, сидящихъ за столомъ и обѣдающихъ, то должна съ самаго утра и до самаго обѣда и отхода покойниковъ-гостей ни съ кѣмъ не говорить. Одна, говорятъ, хозяйка, выдержавъ эпитимію молчанія, дождалась увидѣть покойниковъ, какъ живыхъ, входящихъ въ избу. Но, къ несчастію, обрадовавшись прибытію ихъ, вскрикнула, и всѣ гости загробнаго міра во мгновеніе ока ушли назадъ. Слѣдующій расказъ еще наивнѣе о неудачѣ, помѣшавшей дзѣдамъ—покойникамъ отобѣдать у своихъ живыхъ внуковъ. Семьянинъ одного двора захотѣлъ видѣть непремѣнно своихъ покойныхъ дѣдовъ, т. е. отца дѣда, прадѣда и дядей за обѣдомъ въ Дмитровскую Субботу, сидящихъ за столомъ въ своемъ домѣ. Онъ цѣлый годъ не смѣялся и болѣе молчалъ все. Накопецъ видитъ, что когда мать его поста-

---

*) Воспоминаніе отцовъ 7 Собора—11 Октября; поминальная же суббота (дмитровская) въ концѣ мѣсяца (26 Окт. св. Димитрія Солунскаго). Едва ли между двумя этими днями имѣется какая нибудь связь. *Прим. О. М.*

вила на столъ всѣ мисы горячихъ кушаньевъ, чрезъ вершокъ курной избы ихъ лѣзутъ и спускаются покойный отецъ его, дѣдъ и прадѣдъ и сѣли чинно за столъ; вдругъ видитъ, что покойный дядя его тоже хочетъ пролѣзть тѣмъ же путемъ, но борона, которую онъ тащилъ за собою, не сгибалась подобно тѣлу и не пускала его сквозь вершокъ избы: борона эта была уворована дядею еще въ земной его жизни и онъ грѣхъ этотъ, не сознавшись священнику на духу, занесъ на тотъ свѣтъ. Это обстоятельство, что дядю у вершка задержала борона, такъ показалось смѣшнымъ духовидцу нашему, что онъ захохоталъ. И всѣ родичи вылетѣли изъ за стола тѣмъ же путемъ черезъ вершокъ, недотронувшись до хлѣба-соли гостепріимной его матери.

Въ иныхъ мѣстахъ существуетъ иное обыкновеніе угощать въ этотъ день покойниковъ-дѣдовъ. Хозяйка изъ каждой мисы наливаетъ понемножку на тарелочку деревянную, а хозяинъ льетъ туда-же немного горѣлки изъ рюмки и эту тарелку ставятъ у отвореннаго окошка для невидимыхъ гостей *).

11. Къ праздникамъ Бѣлорусскимъ можно отнести свѣчныя отправленія молебствій.

Заведеніе свѣчныхъ молебствій, отправляемыхъ по домамъ избраннымъ праздникамъ господскимъ или угодникамъ Божіимъ, съ приличнымъ угощеніемъ посѣтителей таковаго отправленія, ведетъ начало свое изъ глубокой древности. Въ историческихъ актахъ Западной Россіи, собранныхъ протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ, видно, что старинные обыватели и купцы всѣхъ почти Бѣлорусскихъ городовъ и многолюдныхъ мѣстечекъ (пригородковъ) имѣли набожное обыкновеніе нетолько въ храмахъ, но и по своимъ домамъ приглашать духовенство для торжественнаго отправленія молебствія въ большіе праздничные годовые дни, какъ-то: Рождество и Воскресеніе Христово, день св. Троицы и въ 7-ю субботу по Воскресеніи Христовомъ, на Благовѣщеніе, Рождество, Успеніе и Покровъ Пресвятой Божіей Матери и въ дни избранныхъ ими святыхъ угодниковъ Божіихъ, какъ-то: святителя Нико-

---

*) Ср. съ обычаемъ Олон. губ. (моего Ист. Об. Р. Слов. стр. 93) Также Новгор. Сборн. I, 286. *Прим. Ор. Миллера.*

лая Чудотворца, святого Георгія Побѣдоносца, святыхъ Апостоловъ Петра и Павла и святого Архистратига Михаила. По совершеніи молебствія, они торжествовали эти дни съ угощеніемъ всѣхъ гостей, присутствовавшихъ при немъ, столомъ и нарочито для этихъ дней приготовленнымъ питнымъ медомъ. Но какъ медъ питной составлялъ напитокъ, принадлежавшій королевскому откупу, то купцы и мѣщане городовъ: Вильна, Минска, Витебска, Орши, Мстиславля, Кричева и другихъ просили королей польскихъ дозволить имъ свободу къ опредѣленнымъ праздничнымъ днямъ безпошлинно самимъ варить медъ и употреблять таковой въ теченіи исключительнаго на этотъ предметъ времени. Члены свѣчного общества сносили сотовой медъ въ складъ до 10 пудъ на каждый праздникъ, воскъ же отъ каждыхъ 10 пудовъ обращали въ пользу церквей, а доходъ отъ питного меда на милосердныя и богоугодныя дѣла (см. А. З. Р. т. III, № 109 и 131 и т. IV № 38 и 39). Изъ этихъ обществъ составлялись братства, имѣвшія общественные домы, гдѣ они собирались. Братства эти по большимъ городамъ нашедши средства расширить доходы свѣчныхъ обществъ до значительныхъ размѣровъ, старались поддержать Православіе и устраивали училища, богадѣльни и другія полезныя заведенія. (См. т. IV № 119, 217, 218 и 219).

Въ нынѣшнія времена между Православнымъ простонародіемъ, даже между дворянами околицъ и между городскими мѣщанами подобнымъ образомъ празднуется отправленіе свѣчныхъ молебствій, но раздѣляясь на два рода отправленія. Первое: отправленіе свѣчныхъ молебствій принимаетъ на себя одинъ, безъ соучастія другихъ, домовитый хозяинъ въ селеніи, по какимъ либо обстоятельствамъ въ жизни своей положившій святое обѣщаніе завесть въ домѣ своемъ ежегодное празднованіе свѣчного молебствія избранному имъ Господскому или Богородичному празднику, или одному изъ святыхъ угодниковъ Господнихъ. Для этого онъ первоначально беретъ у священника огарокъ обыкновенной церковной свѣчки въ основаніе заводимой имъ свѣчи и къ этому огарку, увеличивая фитиль, прибавляетъ воску, сколько найдетъ возможнымъ. Сдѣланную простымъ образомъ свѣчу ставитъ онъ передъ иконою въ обыкновенномъ мѣстѣ на кутѣ, вмѣсто подсвѣчника, въ неболь-

шой лубочкѣ, наполненной рожью или пшеницею. Потомъ проситъ своего приходскаго священника прибыть къ нему въ избранный имъ праздникъ по отправленіи литургіи для совершенія молебствія въ его домѣ. Къ этому молебствію онъ обыкновенно приглашаетъ родственниковъ своихъ, кумовей и, по усмотрѣнію, сосѣдей, которые, само по себѣ, на увеличеніе свѣчи на будущее время приносятъ воскъ, или деньги на воскъ. По совершеніи молебствія съ освященіемъ всего дома святою водою, скота и гумна, хозяинъ угощаетъ всѣхъ обѣдомъ. При угощеніи употребляется водка, а иногда и пиво.

Въ одномъ селѣ или деревнѣ могутъ быть два или три или болѣе хозяина, которые, подобно первому, отправляютъ въ домахъ своихъ свѣчныя молебствія въ другіе дни праздниковъ или въ честь другихъ святыхъ, которыхъ они избрали своими покровителями.

День отправленія свѣчного молебствія Бѣлоруссы проводятъ какъ день великаго праздника и часто праздникъ оканчивается очень шумно подъ вліяніемъ угощенія водкою. Бывало даже, что слѣдующій день и даже третій празднуютъ простолюдины въ корчмѣ: но священники запрещеніями уничтожили этотъ вредный для хозяйства обычай.

Свѣча такимъ образомъ отъ прибавленія ежегодно воска хозяиномъ и пожертвователями увеличивается, такъ что черезъ 4 года вѣситъ до 2 пудовъ, равно какъ и наличныхъ денегъ, приносимыхъ вмѣсто воска, доходитъ до 6 и болѣе рублей. Когда свѣча сдѣлается тяжела, то хозяинъ, снявъ съ нея верхнюю небольшую часть, гдѣ она зажигается, отвозитъ весь воскъ въ церковь и впослѣдствіи времени, когда къ нему еще и еще прибавятъ, съ согласія священника и церковнаго старосты, продаетъ, и деньги, совмѣстно съ собранными, какъ выше сказано, обращаетъ, по совѣту священника, на покупку или новаго евангелія, или чаши, или утвари церковной, или на пріобрѣтеніе колокола или на починку церкви.

Другой родъ отправленія свѣчного молебствія есть дѣло не одного хозяина, а нѣсколькихъ въ одномъ селеніи или даже мѣстечкѣ, въ честь одного и того же праздника или святого угодника Божія. Эта свѣча называется общинною или мірскою. Одному хозяину селенія, при вспомоществованіи другихъ только воскомъ въ свѣчномъ дѣлѣ, ощутительно тяжело дѣлать ежегодно угощеніе при

этомъ случаѣ, а также каждый разъ удовлетворять священника и причетъ за пріѣздъ и совершеніе молебствія въ его домѣ; почему участвующіе въ этомъ отправленіи охотно приняли, по предложенію священника, на себя очередь отправленія молебствія въ извѣстный день въ ихъ домѣ въ послѣдующіе годы и весь порядокъ угощенія и удовлетворенія духовенства.

Для этого между хозяевами-братчиками заведенной мірской свѣчи условливается порядокъ, кому за кѣмъ ежегодно принимать въ свой домъ свѣчу. Таковая передача свѣчи требуетъ нѣкоторыхъ церемоній или простонародныхъ обрядовъ, а именно: въ слѣдующій день послѣ отправленія свѣчного молебствія утромъ приходитъ къ прежнему хозяину новый братчикъ, т. е. берущій къ себѣ заведенную свѣчу, съ сосѣдомъ, для свидѣтельства. Хозяйка отставляетъ столъ, покрываетъ его бѣлою скатертью и вноситъ на него цѣлый хлѣбъ и полную бутылку водки, а хозяинъ, взявъ съ кута свѣчу и икону, ставитъ на главномъ концѣ стола; потомъ, взявъ бутылку съ водкою и наливъ полную рюмку, стоя у главнаго конца стола, кланяется братчику, стоящему противъ него у другого конца, пьетъ за здравіе его, немножко прихлебывая изъ нея и такъ, не допивая, передаетъ новому братчику, который также отхлебываетъ немножко и передаетъ хозяину. Чередуясь такимъ образомъ три раза, послѣдній оканчиваетъ всю рюмку. Это дѣйствованіе называется у простолюдиновъ: перепивать свѣчу. Тогда хозяинъ, взявъ въ одну руку свѣчу, а въ другую икону, становится у главнаго отъ кута угла, а братчикъ у прямого угла на крестъ, крестится и дѣлаетъ земной поклонъ иконѣ. Потомъ оба переходятъ по порядку къ слѣдующимъ угламъ стола съ подобнымъ же поклоненіемъ со стороны братчика. Это обхожденіе кругомъ стола продолжается три раза. За окончаніемъ третьяго обхожденія, выходятъ изъ избы и идутъ всѣ въ домъ братчика. Хозяйка за иконою несетъ хлѣбъ въ рѣшетѣ. За прибытіемъ къ дому братчика, хозяйка его встрѣчаетъ церемоніею съ хлѣбомъ-солью и, сдѣлавъ вмѣстѣ съ мужемъ три земные поклона предъ иконою, новобратчикъ принимаетъ отъ прежняго хозяина икону и свѣчу, а хозяйка его хлѣбъ и идутъ въ избу, гдѣ все оканчивается легкимъ угощеніемъ.

*

Свѣчныя молебствія у Бѣлорусскихъ простолюдиновъ совершаются, по собственному хозяина дома желанію, въ слѣдующіе дни праздниковъ.

1) Васильевская свѣча,—на новый годъ.

2) Благовѣщенская, большею частью отправляемая женщинами.

3) Юрьевская или Юрьевщина,—въ день св. Георгія, 23 Апрѣля

4) Мироносицкая, отправляемая женщинами, особенно по мѣстечкамъ и городамъ, съ отправленіемъ молебствія при близкомъ источникѣ, при которомъ находится часовня или крестъ.

5) Микольская или Микольщина, въ честь Св. Николая Чудотворца, 9 Мая.

6) Предтеченская, 24 Іюня.

7) Петро-Павловская, 29 Іюня.

8) Ильинская, 20 Іюля.

9) Глѣбоборисовская 24 Іюля въ честь Глѣба и Бориса, покровителей полевыхъ работъ и рабочаго скота.

10) Успенская, 15 Августа.

11) Спасская, 16 Августа.

12) Хроловская или Хроловщина, 18 Августа, въ честь Флора и Лавра, почитаемыхъ простонародіемъ покровителями домашняго рогатаго скота.

13) Малая Пречистенская, 8 Сентября.

14) Покровская или Покровщина, 1 Октября.

15) Козмодемьяновская, 1 Ноября.

16) Михайловская или Михайловщина, 8 Ноября.

17) Екатерининская, 24 Ноября, отправляемая обществомъ женщинъ.

18) Варваринская, 4 Декабря, отправляемая обществомъ женщинъ.

19) Микольская, 6 Декабря.

О пѣсняхъ, употребляемыхъ при полевыхъ работахъ, и въ особенности о жнивныхъ.

Полевыя работы, какъ мужскія, такъ и женскія, бываютъ: 1) Одиночныя, по собственному хозяйству; 2) съ помощію прошенныхъ на толоку сосѣдей, и 3) пригонныя—господскія. Работы мужскія, какъ одиночныя, такъ и совмѣстныя, рѣдко оглашаются пѣснями;

мущины поютъ только въ случаѣ куража въ веселой дружественной бесѣдѣ и на свободѣ отъ работы, какъ-то: на крестинахъ, вечеромъ послѣ отправленія свѣчного молебствія, вечеромъ при угощеніи на толокѣ и при другихъ подобныхъ случаяхъ, гдѣ они ничѣмъ не озабочены, но въ полѣ они рѣдко очень вдаются въ пѣсни. Но женщина, хотя бы и одна работала въ полѣ, непремѣнно развлекаетъ одиночество свое, чтобы тѣмъ дать отголосокъ другой, подобной себѣ труженицѣ, въ недалекомъ разстояніи работающей. Женщина даже за прялкою въ домѣ или при мытьѣ бѣлья на рѣкѣ—поетъ. Полевыя же работы женскія, какъ-то: полотье взошедшаго посѣва, уборка конопли или льну и собираніе ягодъ и грибовъ никогда не совершаются безъ пѣсень разнаго содержанія. Но жатва имѣетъ въ своемъ отдѣлѣ обильный запасъ пѣсень: ея обстановка, особенно при совмѣстныхъ занятіяхъ на собственномъ или господскомъ полѣ, возбуждаетъ фантазію и поэтическую импровизацію новыхъ пассажей, какъ-то: Коморочки мои, не кусайце мене, кусайце пановъ—не пускающь домовь. Или: пора, жонки, домовь ици, поцеряла заря ключи и т. д.

Праздничныя пѣсни.

А. Колядныя.

а) Поздравительныя.

1.

Старый Восипъ бородатый
Всполохався, скочивъ съ хаты:
„Што гето, дзѣтки, за прокуда?
Небо горпць, надъ чудомъ чудо!“
Вангели хорошо спѣваюць,
На жулейчикахъ (*свирѣлкахъ*) играюць,
Кажуць: Христосъ народзився,
Въ Вихлеемѣ намъ зъявився.
Побѣжимъ вси до Него,
Привитаемъ *) мы Его.
Неба и земли князь богатый
Не прибрався въ царски шаты (*ризы*),
Нема у Его жменьки (*горсточки*) сѣнца,
А ни полоценца рубца, **)
Тольки надъ Имъ дышець бычокъ,
Зъ другой строны ослячокъ.

2.

Химка зъ Ганкою, двѣ молодзицы,
Принясли на куццю по латушцѣ (*мисочкѣ*) пшеницы,
А Борисъ стоицъ подъ вокномъ,
Дзержицъ поставчикъ (*сосудецъ*) съ толокномъ.
Кузьма и Дзеньянъ, два Литвины,
Принесли горшочекъ боцьвиння.

---

*) *Витдць*—привѣтствовать.
**) *Рубъ*—толстая одежда.

Пречистая поглядае,
На Литвиновъ нарекае:
„Якъ же вы глупы, Литвины,
Не ѣсць Христосъ мой боцьвиння,
Принесице кашки зъ молочкомъ,
Альбо зъ медо́вымъ сочкомъ;
За то Христосъ ласковъ будзець,
По вѣкъ вѣковъ не забудзець.“

3.

Ой стукъ, матка, стукъ,
Што-то ёно тутъ?
Ци хто стрѣху разрывае,
Ци хатоньку верне?
    Цихо, сынку, морозъ стучиць,
    Колядыньку голосиць;
    Будуць блинки и ковбасы,
    Горѣлочка зъ медкомъ.
Пойдзешь, сынку, до сусѣда
Пѣсенку спѣваци.—
Ой у тэй часъ ты зобачишь
Што стучѣло въ хацѣ.
    Што тэй морозъ, моя матка,
    У сусѣда не бывае?
    То я цеперь да побѣгу
    Пѣсенку спѣваци.
Нехай, сынку, почекаемъ (*подождемъ*)
Бѣленькаго свѣту.
Въ той часъ будзе пора̀ спѣвацъ,
Што Богъ народзився;
А ты, бѣдный да мой сынку,
Въ тэй дзень отговѣвся.

4.

Скинія всезлатая, ковчегъ завѣта
Знаменуетъ въ пелены Христа одѣта:

(Припѣвъ) Радуйся Марія, радуйся присно-Дѣво,
О нетлѣнномъ рождествѣ Твоемъ!
Въ Виѳліемѣ надъ вертепомъ звѣзда явися
И въ вертепѣ въ яслях Христосъ родися.
Радуйся Марія, радуйся присно-Дѣво,
О нетлѣнномъ Рождествѣ Твоемъ!

б) Пѣваемыя на игрищахъ и сходбищахъ.

Тыдзень, тыдзень (*недѣля*) до Колядъ
Панъ съ челядзи да и нерадъ.
Скажу, панъ, тобѣ безъ спорокъ (*споровъ*),
Мнѣ уже твой хлѣбъ ставъ горекъ,
Отдай панъ мнѣ коляду,
Уже я отъ цебе пойду.

5.

Да́й ѣхавъ я ѣхавъ, (припѣвъ) Ко́леда!
Мимо гаю зеленаго, Коледа!
Мимо саду вишневаго, К.
Да бачивъ (*увидѣлъ*) я яблонку, К.
Зелененька цвѣла, К.
Да бѣлымъ цвѣтомъ, К.
Да широкимъ листомъ, К.
Якъ и не зачепавъ, К.
За голинку (*вѣточку*) не бравъ, К.
Да чекавъ я весны, К.
Да цѣплаго лѣцичка, К.
Кабъ ёна дозрѣла, К.
И мнѣ молодому поспѣла, К.
Ѣхавъ я молодзенекъ, К.
Мимо цесцина двора, К.
Да бачивъ дзѣвочку, К.
Хорошéнько убрана, К.
По двору похожае, К.
Я жъ и не чепавъ, К.

И за ручку не бравъ, К.
Кабъ ёна выросла, К.
Да за меня пошла, К.

6.

Да казавъ хмѣлёкъ, да на тычинцѣ сидзючи:
Чему мене да не брали?
Да казавъ хмѣлекъ, да посыхаючи:
Чёмужъ мене да не ховали?
Уже жъ вы мене цеперь не возьмеце,
А ни въ бѣлые мѣшечки,
А ни въ дубовыя кадочки:
Ужо жъ я разкачуся,
Ужо же я разсыплюся.
Да казавъ Кузёмка, да выходзючи съ хаты:
Чёму мене въ восень не женили?
Ужо жъ вы мене цеперь не удзержице,
Ужо жъ вы мене цеперь не углѣдзице,
А ни у бѣлой сермяжцѣ,
А ни въ новой хатцѣ.
Пойду жъ я блукаючи (*блуждая*),
Собѣ дзѣвоньку шукаючи.

7.

У Левона куцьцю товкуць
Куць, куць, куцьцю товкуць,
У Левона вороты завѣшаны
Сукномъ да червоною китайкою.
У середу снѣгъ напавъ,
А мой милый съ коня спавъ,
Якъ спавъ, такъ и лежиць,
Покуль мила прибѣжиць.
А якъ мила прибѣжала,
За рученьку подзержала:
Устань, милый, не лежи,
Пойдзи коня привяжи.

8.

Вечеръ, вечеръ, вечериночка...
Хто тамъ ѣдзе? Горениночка,
Ѣдзѣ Андрейко пьяный:
„Отчини, Кацеринка, я твой коханый“.
—Не отчинюся, брата боюся,
А процивъ цебе сама лйсцемъ сцелюся.

9.

Идзи прочь, не морочь, съ своимъ залецаннемъ (*увѣреньемъ*)
Оддай мою шириночку съ разнымъ вышиваннемъ;
Оддай мое два персцёнка, треццю закоклюшку,
Коли мене ты не любишь, люби хоць лягушку.
Идзи прочь, не морочь, идзи собѣ къ бѣсу:
Не для цебе веселюся, свою бѣду цѣшу.

10.

Гэй-чукъ, дзѣвка, люблю цебе,
Не ѣшь хлѣба, возьму за себе.
Дзѣвка того послушала,
Три дни хлѣба не кушала.
— А скурвы сынъ обманивъ
И зъ голоду уморивъ.
— А ты, дзѣвка, не дмися, *)
Возьми блиновъ, нажрися.

11.

Черезъ горочку три сцежечки (*тропиночки*), Боже нашъ!
Ишли туды три дзѣвочки, Боже нашъ!
Одна ишла въ золоцѣ, Б. н.
Другая въ аксамицѣ, Б. н.
Трецця въ розумѣ. Б. н.
Што въ золоцѣ, то Васйлькова, Б. н.

---

*) *Дмйцьца*—надмеваться, гнѣваться.

Што въ аксамицѣ, то Максимкова, Б. н.
Што въ розумѣ, то Янечкина, Б. н.
Я золота хоць припозычу (*призайму*), Б. н.
Аксамиту хоць прикуплю Б. н.
А розуму а ни вцяць, а ни взяць. Б. н.

12.

Ель моя зелёная! свекрова шалёная (*злая*)!
Загадала мнѣ три дзѣлы дзѣлаци:
Першее дзѣло въ недзѣлю плацьце жлукциць (*бучить*),
Другое на морѣ бѣлиць,
Трецçее дзѣло верхъ лѣсу сушиць.
Свекровка, моя маточка!
Я не Татарка въ недзѣлю жлукциць,
Я не вуточка на морѣ бѣлиць,
Я не совнико (или соненько) верхъ лѣсу сушиць,
Я не зорочка на небѣ качаць,
Я не щурочка (*мышенокъ*) въ орѣшкў складаць.

в) На счетъ собирателей подаянія и скомороховъ колядныхъ.

13.

Пріѣхала Коледа на сивомъ конику,
Поставила Коника у одринцѣ (*конюшнѣ*),
Сама сѣла на куцѣ у перинцѣ,
Поставила дудочки на стовпѣ:
Грайце дудочки голосно
Скачце дзѣвочки хо́рошо.

14.

Пошла Коледа колядуючи
Да за ею хлопцы жебруючи. Коледа!
Пошла Коледа по леду
Разсыпала Коледа коляду.
А вы дзѣвочки не гуляйце,
Да йдзице коле ду сбирайце! Коледа!

Праздничныя пѣсни.

А. Колядныя.

а) Поздравительныя.

1.

Старый Восипъ бородатый
Всполохався, скочивъ съ хаты:
„Што гето, дзѣтки, за прокуда?
Небо горыць, надъ чудомъ чудо!“
Вангели хорошо спѣваюць,
На жулейчикахъ (*свирѣлкахъ*) играюць,
Кажуць: Христосъ народзився,
Въ Вихлеемѣ намъ зъявився.
Побѣжимъ вси до Него,
Привитаемъ *) мы Его.
Неба и земли князь богатый
Не прибрався въ царски шаты (*ризы*),
Нема у Его жменьки (*горсточки*) сѣнца,
А ни полоценца рубца, **)
Тольки надъ Имъ дышець бычокъ,
Зъ другой строны ослячокъ.

2.

Химка зъ Ганкою, дзвѣ молодзицы,
Принясли на куццю по латушцѣ (*мисочкѣ*) пшеницы,
А Борисъ стоиць подъ вокномъ,
Дзержиць поставчикъ (*сосудецъ*) съ толокномъ.
Кузьма и Дземьянъ, два Литвины,
Принесли горшочекъ боцьвиння.

---

*) *Витдць*—привѣтствовать.
**) *Рубъ*—толстая одежда.

Пречистая поглядае,
На Литвиновъ нарекае:
„Якъ же вы глупы, Литвины,
Не ѣсць Христосъ мой боцьвиння,
Принесице кашки зъ молочкомъ,
Альбо зъ медо́вымъ сочкомъ;
За то Христосъ ласковъ будзець,
По вѣкъ вѣковъ не забудзець.“

3.

Ой стукъ, матка, стукъ,
Што-то ёно тутъ?
Ци хто стрѣху разрывае,
Ци хатоньку верне?
  Цихо, сынку, морозъ стучиць,
  Колядыньку голосиць;
  Будуць блинки и ковбасы,
  Горѣлочка зъ медкомъ.
Пойдзешь, сынку, до сусѣда
Пѣсенку спѣваци,—
Ой у тэй часъ ты зобачишь
Што стучѣло въ хацѣ.
  Што тэй морозъ, моя матка,
  У сусѣда не бывае?
  То я цеперь да побѣгу
  Пѣсенку спѣваци.
Нехай, сынку, почекаемъ (*подождемъ*)
Бѣленькаго свѣту.
Въ той часъ будзе пора̀ спѣваць,
Што Богъ народзився;
А ты, бѣдный да мой сынку,
Въ тэй дзень отговѣвся.

4.

Скинія всезлатая, ковчегъ завѣта
Знаменуетъ въ пелены Христа одѣта:

8.

Вечеръ, вечеръ, вечериночка...
Хто тамъ ѣдзе? Горениночка,
Ѣдзѣ Андрейко пьяный:
„Отчини, Кацеринка, я твой коханый“.
—Не отчинюся, брата боюся,
А проциъ цебе сама лисцемъ сцелюся.

9.

Идзи прочь, не морочь, съ своимъ залецаннемъ (*увѣреньемъ*),
Оддай мою шириночку съ разнымъ вышиваннемъ;
Оддай мое два персцёнка, треццю закоклюшку,
Коли мене ты не любишь, люби хоць лягушку.
Идзи прочь, не морочь, идзи собѣ къ бѣсу:
Не для цебе веселюся, свою бѣду цѣшу.

10.

Гэй-чукъ, дзѣвка, люблю цебе,
Не ѣшь хлѣба, возьму за себе.
Дзѣвка того послушала,
Три дни хлѣба не кушала.
— А скурвы сынъ обманивъ
И зъ голоду уморивъ.
— А ты, дзѣвка, не дмися, *)
Возьми блиновъ, нажрися.

11.

Черезъ горочку три спежечки (*тропиночки*), Боже нашъ!
Ишли туды три дзѣвочки, Боже нашъ!
Одна ишла въ золоцѣ, Б. н.
Другая въ аксамицѣ, Б. н.
Трецция въ розумѣ. Б. н.
Што въ золоцѣ, то Васи́лькова, Б. н.

*) *Дмицьца*—вадмеваться, гнѣваться.

Што въ аксамицѣ, то Максимкова, Б. н.
Што въ розумѣ, то Янечкина, Б. н.
Я золота хоць припозычу (*призайму*), Б. н.
Аксамиту хоць прикуплю Б. н.
А розуму а ни вцяць, а ни взяць. Б. н.

12.

Ель моя зелёная! свекрова шалёная (*злая*)!
Загадала мнѣ три дзѣлы дзѣлаци:
Першее дзѣло въ недзѣлю плацьце жлукцыць (*бучить*),
Другое на морѣ бѣлиць,
Трецее дзѣло верхъ лѣсу сушиць.
Свекровка, моя маточка!
Я не Татарка въ недзѣлю жлукциць,
Я не вуточка на морѣ бѣлиць,
Я не совнико (или соненько) верхъ лѣсу сушиць,
Я не зорочка на небѣ качаць,
Я не щурочка (*мышенокъ*) въ орѣшку складаць.

в) На счетъ собирателей подаянія и скоморохов колядныхъ.

13.

Пріѣхала Коледа на сивомъ конику,
Поставила Коника у одринцѣ (*конюшнѣ*),
Сама сѣла на куцѣ у перинцѣ,
Поставила дудочки на стовпѣ:
Грайце дудочки голосно
Скачце дзѣвочки хорошо.

14.

Пошла Коледа колядуючи
Да за ею хлопцы жебруючи. Коледа!
Пошла Коледа по леду
Разсыпала Коледа коляду.
А вы дзѣвочки не гуляйце,
Да йдзице коле ду сбирайце! Коледа!

15.

У пановъ нихто безъ спросу
Не поткнецъ въ бесѣду носу:
А нашъ братъ сусимъ просцякъ,
Въ корчму смѣло лѣзѣцъ ўсякъ.
Нашъ такій мужицкій норовъ
И безъ зову и безъ споровъ,
Почувъ — граюць ци пѣюць,
Ци побачивъ, а й дзѣ пьюць,
По неволѣ туды ноги
Найдуць хоць и три дороги.
Старцу если не накладъ:
Походзець подъ самый ладъ.
Особливо у Коляды
Побесѣдовацъ мы рады,
Намъ тогды слободный часъ,
Не неволюць паны насъ.
У пановъ своя бесѣда!
Каженъ любиць у сусѣда
Поцягнуць (*потянуть*) и погуляць.
И нашъ братъ на тую-жь стаць:
Тымъ смѣлѣй коли въ кишени (*карманъ*)
Гроши ў кого завинѣли.
Якъ колядны придуць святки,
Разомъ ўси бацькй й матки
Бредуць въ корчму на банкетъ,
И дзѣтва за ими вслѣдъ.
Соберуцца молодзицы,
Хлопцы и красны дзѣвицы,
Молодый увесь народъ
На игрище въ карогодъ.
Позовуць сюды Архипку;
Молодзецъ—въ свою ёнъ скрипку!
На уси животы берець,
Веселухи ўсе дзерець!

Ци на йгрищи, ци веселле (*свадьба*),
Хоць то правда, ёнъ съ похмелля
Не выходзиць, всёгды керъ (?)
Да ўжо жъ и на скрипку звѣрь.
Позаймёмъ услоны (*скамьи*), лавки;
Троху тутъ и не безъ давки.
А дзѣвчаты и хлопцы,
Удалые молойцы,
Розные выводзиць скоки,
Хто въ прйсядку, а хто въ боки.
Тутъ то ёсць на што глядзѣць!
Туто иншій молодзецъ
Розныя, якъ бы зъ навуки,
Выкидаець въ танцахъ штуки;
Отобиць усихъ дзѣвчатъ:
Тутъ нихто ему не братъ.
То присядзець, то подпригнець,
То вочами ёнъ подмигнець,
То верцицца якъ турокъ (*волчокъ*),
Маргелку (*шапку*) схиливъ на бокъ,
То присвиснець, то притóпнець,
То подъ ладъ въ ладони хлопнець,
То штурхнець (*бросится*) подъ бокъ кому,
Не мѣшали штобъ ему,
То вьюномъ околъ дзѣвокъ,
Не жалѣець своихъ цэвокъ (*голеней*),
Въ емъ уся говорицъ косць,
Всимъ себрамъ (*пріятелямъ*) своимъ на злосць.
Ёнъ въ кругу летаець птицей
За имъ дзѣвки вереницей.
Старики-жь собѣ мы тутъ
Сядземъ зъ бабами на кутъ,
Межъ собою станемъ зюкаць (*бесѣдовать*)
И подъ рядъ горелку клюкаць.
Ци Левонъ, ци не Левонъ,
Зъ ряду ў насъ нихто не вонъ!

Никому мы не даруемъ,
Попиваемъ и старуемъ (*толкуемъ*)
Безъ горхухи не тый ладъ
Усякъ найгрищи выпиць радъ.
Наша складка не богата
Въ доволь по кварцѣ на брата.
Хто поважно тутъ сѣдзиць,
За лучиной хто глядзиць,
Хто пѣець, хто пипку курыць,
Казки кажець, а хто дуриць,
Альбо кошели (*сплетни*) плецець
На сусѣди, — якъ живець.
Кажному тутъ ёсць работа,
Кажному своя охота.
Коли жъ придзець намъ пора,
Чесно пойдземъ до двора.
Коли жъ черци насъ поднукнуць
Болѣй выпиць, болѣй клюкнуць;
Ну! тогды не быць добру,
Дойдзець кажному себру.
Ци хто выпьець болѣй кварты,
Ну тогды худые жарты;
Пойдзець тутъ сусимъ къ бѣдзѣ,
Достанецца й бородзѣ.
Неуковырные (*неугомонные*) поганцы
Иніе поднимуць танцы:
Примуцца дзѣлиць чубы,
Понастàлюць (*понатруть*) вочи, лбы.
У кого й сермяжку знимуць
До расчцоту якъ непримуць
Што ёнъ лишнее набравъ,
Альбо въ чимъ другимъ не правъ.
Дзѣло дойдзець до чубайки (*вихрà*),
Не разнимуць безъ нагайки.
А на завтра икономъ
Ни похмелле бизуномъ

Усихъ, кого заставъ, поцѣшиць
И спину порядкомъ счешиць.
Тутъ, при неладу такомъ,
Наше брацця, хто съ умкомъ
Цихенько съ игрища драла.
Колибъ тая не хворала!

16.

Антонъ козу ведзець,
Антонъ и погоняець,
Не попало по козѣ
Да и'Антоновой нозѣ. (Пѣсня не вся) *)

17.

Вѐчеръ вѐчеръ вечѐра
На припечку сѣдзѣла,
Кудзелочку верцѣла,
На сусѣдку глядзѣла,
Одна одну спихнула,
И ноженьку звихнула.

Б. Благовѣщенскія и весеннія.

1.

Благовѣщеннико святое,
Пошли совнико золотое,
Штобъ земелька отышла,
Да красна Весна къ намъ пришла,
Штобъ распусцилися вѣточки,
Штобъ раскраснѣлися квѣточки,
Штобъ луги зазеленѣлися,

---

*) Полный пересказъ этой пѣсни у Зѣнкевича въ Пинскихъ пѣсняхъ стр. 40 Ср. у Рипинскаго въ книжечкѣ: Białoru, стр. 181—182. Коза несомнѣнно имѣетъ тутъ миѳическое значеніе (Снегир. Пр. и Обр. II, 69. Grimm, D. Mythol. 483) *Прим. О. М.*

Наши пашеньки одзѣлися.
А й мы пойдземъ въ лѣсъ по маточку.
Ци за щавлемъ въ свою нивочку.

2.

Ой ты, Весна, Весна! што жъ ты намъ принесла?
Ой, ничего не принесла, да зъ засиковъ жито выгребла.
Принесла я, принесла малымъ дзѣткамъ по яечку,
Молодымъ молодкамъ по сыночку,
Старымъ бабулькамъ по кiёчку,
Молодымъ дзѣвицамъ по вѣночку,
А добрымъ дзѣцюкамъ (*парнямъ*) по конёчку.

3.

Благослови, Божiя маци, весну гукаци,
Зиму замыкаци, лѣто отмыкаци.

В. На св. Георгiя.

Ой выйду я на вулочку, бычки бушуюць,
Юрья, Юрья! бычки бушуюць!
Бычки бушуюць, бо весну чуюць,
Юрья, Юрья! бо весну чуюць.
(Первое полустишiе всякiй разъ повторяется).
Зашумѣли рѣчки, лёды поплыли,
Зачернѣла землица, бо поорали,
Зазеленѣла береза, бо попукалася,
Зазеленѣла долина, цвѣтки зацвѣли.
Зазеленѣла дубрава, пташки спѣваюць.
Ой выйду я, выйду цвѣтки собираци,
Цвѣтки собираци, да вѣночки вици,
Вѣночки вици, Юрья хвалици (или: славици).

2.

Разыгрався Юрьевъ коникъ,
Разбивъ камень копыцикомъ:

У томъ камни ядзерка нѣтъ,
У нашихъ дзѣцюковъ правдыньки нѣтъ.
Разыгрався Юрьевъ коникъ,
Разбивъ орѣхъ копыцикомъ,
Въ томъ орѣху ядзерко ёсць.
У нашихъ дзѣвочекъ правда ёсць.

Г. На Воскресеніе Христово.

1.

Дзень добрый тобѣ, пане господарю!
Христосъ Воскрёсъ сынъ Божій!
Да черезъ поле, широкое поле,
Хр. В. (припѣвъ за каждымъ стихомъ).
Да черезъ межи золоценькія
Ишли цекли волочебнички,
Да пыталися славнаго пана,
Славнаго пана, пана господаря.
Да чимъ же ёнъ уславився?
И добро́мъ своимъ, и дворо́мъ своимъ.
Помета́юць дворы усё па́вимъ перомъ,
Усё павимъ перомъ, золотымъ крыломъ.
Ставляе столы ўсё цисовые,
Засцилае столы ўсё китайкою,
Усё китайкою ўсё зелёною,
Ставляе кубки ўсё серебряные,
Наливае кубки зеленымъ виномъ,
Зеленымъ виномъ, чорнымъ пивомъ,
Чорнымъ пивомъ, да солодкимъ медомъ.
Зеленое вино пану господарю,
Чорное пиво для жоны его,
Солодокъ медокъ для его дѣтокъ.
Дай тобѣ Боже, пане господарю,
Да пиво варици, да сына женици,
Горѣлочку гнаци, дочки отдаваци.

Дай тобѣ Боже, пане господарю,
И у коморѣ, и у оборѣ (*скотномъ дворѣ*),
А гдзѣ гора, тамъ жита копа,
Гдзѣ тольки логъ, тамъ сѣна стогъ.
Пане господарю! Не кажи такъ ици,
Не кажи такъ ици, кажи надарици;
Да наши дары не великіе;
Волочобнички не докучнички;
Да въ годъ ходзюць, да Бога просюць.
Починальничку по дзесятничку,
Старшему пѣвцу да копу яецъ,
А михоношу (или кошеленошу) да пирогъ къ носу.

2.

Ишли пришли волочобнички, Хр. в. С. Б.
Играючи и спѣваючи, Хр. в. С. Б.
Добраго пана шукаючи.
Добры вечоръ, пане господарю!
Ци спишь, ци такъ лежишь, нашъ государю?
Коли да спишь, Богъ съ тобою,
Коли жь не спишь, мовь зо мною.
Отчини вокно, поглядзи на дворъ:
На твоемъ дворѣ стоицъ шацеръ
Новюсенькій, бѣлюсенькій.
А въ тымъ шатрѣ золотое кресло,
На тымъ креслѣ самъ Богъ сѣдзицъ;
Передъ Богомъ стояць уси святочки (*праздники*),
Яны шикуюцца *), да рахуюцца (*считаются*),
Которому святу напередъ пойци.
Святые Сорокй напередъ пошли, (9 Марта)
Святый Лексѣй сохи чешецъ, (17 Марта)
Благовѣщеннѐ да завориваецъ, (25 Марта)
Святый Вербичъ censbербу посвѣцаецъ, (Вербное Воскресенье)
Чистый Чецверъ ячмень засѣваецъ;
Святое Величко съ краснымъ яичкомъ, (Пасха)

*) *Шиковдцьца*—становиться въ порядокъ по чинамъ.

Да першій дзень пироги маюць,
А середній дзень добре погуляюць,
А послѣдній дзень выправляюць.
Святый Юрій, Божій посолъ, (23 Апрѣля).
Божій посолъ до Бога пошовъ,
А узявъ ключи золоценькіе,
Отомкнувъ землю сырюсенькую (*очень сырую*),
Пусцивъ росу цеплюсенькую,
На бѣлый цвѣтъ и на увесь свѣтъ.
Святый Микола по межахъ ходзиць, (9 Мая).
По межахъ ходзиць, да жито родзиць,
Уросився, умочився,
Подъ золотой поясъ подоткнувся.
Святое Ушесця жито выплываець, (Вознесеніе).
Святая Семуха навóзы возиць, (Семикъ).
Навозы возиць, да Бога просиць.
Святый Дзевятникъ жито ровнуёць,
Святая Дзесятуха жито красуець *).
Святый Иванъ пчелы садзиць (24 Іюня).
Подъ перелазомъ (*оградою*) по шесцеро разомъ.
Святый Петро жито спѣлиць, (29 Іюня).
Святый Кузьма серпы робиць
Золотые, новые и сталёвые; } (1 Іюля).
Святый Дземьянъ сѣно гребець.
Святый Илля—славная жнея, (20 Іюля).
Святый Борисъ снопы зносиць, (24 Іюля).
Святыя Ганны домовь звозюць, (25 Іюля).
Святый Спасъ жито посвѣцаець, (6 Августа).
Больша Пречистая попары **) мѣшаець, (15 Августа).
Попары мѣшаець—жито засѣваець.
Меньшая Пречистая ей помогаець; (8 Сентября).
Здвиженна святое зъ поля збираець; (14 Сентября).
Святый Михайло съ холоднымъ вѣтромъ; (6 Сент. или 8 Нояб.?)
Святый Покровъ землю покрывъ, (1 Октября).

*) О значеніи этихъ дней см. выше въ статьѣ св. Бермана.
**) Попѣръ—поле, оставленное на годъ для отдыха.

Землю листомъ, а воду ледомъ;
Святый Юрій снѣгомъ мосцицъ, (26 Ноября).
Святый Микола морозомъ гвоздзицъ. (6 Декабря).
Пришли Колядки, господарямъ порядки, (Рождество).
Святоя Василля дзѣжу (*квашню*) мѣсицъ, (Новый годъ).
Дзѣжу мѣсицъ, пироги печецъ
И рогатые и богатые.
Святое Водокреще воду посвѣцаецъ, (Крещенье).
Воду посвѣцаецъ—людзей покропляецъ;
Святое Стрѣченне лѣто сострѣкаецъ. (2 Февраля).
Пришли Сороки до другихъ Сороковъ.
Дай же, Боже, господарёмъ здоровья,
Дай же, Боже, кабъ жито родзило
На нивѣ копами, а въ гумнѣ скирдами,
На току ўмолотомъ, а въ арудзѣ (*закромъ*) споромъ,
Въ арудзѣ споромъ, а въ прудзѣ намоломъ,
У дзѣжѣ подходомъ, а у печи ростомъ,
А у печи ростомъ, на столѣ сыцёмъ (*жиромъ*).
Пане господарю, дари госцей,
Дари госцей, да не бавь (*медли*), барджѣй (*скорѣе*)!
Наши дары не величкіе,
У дзвери не лѣзуцъ, а ў вокно шіюцъ.
Починальничку да копу яецъ,
Помогальничкамъ по дзесяточку,
Для мѣхоноша досицъ (*довольно*) три гроша,
А скоморохова горька доля:
Што даюцъ тольки, берецъ и тое.
Коли не даримъ, проси у хату,
Мы и на тое приступаемъ:
Кварту горѣлки, сыръ на тарелку.

За каждымъ стихомъ, который поетъ одинъ запѣвало съ музыкантомъ, всѣ хоромъ поютъ: Христосъ воскресъ Сынъ Божій! У нѣкоторыхъ прибавляютъ:

Дарй, господарю, славный мужу!
Гетымъ даромъ ты не выдасися,

Заживешь отъ Бога великой хвалы,
А отъ людзей великой славы.

Ежели, въ случаѣ нерасположенія хозяевъ, получатъ отказъ, то, не теряя бодрости, безъ обиды хозяину, припѣваютъ:

Перешли сельцо, здобыли яйцо,
Перешли другое—поцеряли й тое!

Иногда же въ такомъ случаѣ поютъ:

Родзи, Боже, жито дробно и рѣдко,
Кабъ съ конца въ конецъ зародзивъ звонецъ. *)

3.

Ишли по дорозѣ волочобнички,
Христосъ воскресъ Сынъ Божій! (послѣ каждаго стиха)
Волочилися, помочилися...
Ишли пришли къ тому двору,
А въ томъ дворѣ паня добрая,
Паня добрая, не спѣсивая.
Въ первомъ часу до завутрени
Бѣлые камни раскацилися,
Жовты пески поразсыпалися,
А невѣрные попугалися,
Ницъ на земельку покидалися.
Уставъ же Христосъ да изъ гробика,
Его личико свѣтлёшенько,
Его плацьцице да бѣлюсенько,
Да явився жъ Енъ Мироносицамъ,
А дали потомъ всѣмъ Апостоламъ.
Православныя жь всѣ спровѣдали,
Якъ мы вамъ цеперь исповѣдали.
Не томице вы насъ, подарице насъ:
Починальничку чарку горѣлки,
Еще сала кусокъ подмазаць вусокъ,

*) Колокольчикъ—цвѣтокъ, растущій отъ частыхъ дождей.

Кажному пѣвцу по красному яйцу,
Мѣхоношому торбу съ грошами.

Слѣдующіе поздравительные стихи въ старину сочинены кѣмъ то изъ грамотныхъ простолюдиновъ, знающимъ священную исторію ветхаго завѣта.

Пречистая середь ночи
Пусцилася со всей мочи,
Плачучи на гробъ Христовъ,
На Голгофу межъ кустовъ.
Поздзирала вельми ноги,
Бо боялась синагоги,
И наткнулась на Христа.
Ёнъ её спросивъ спростà:
Штожъ ты, моя маци, плачёшь?
Я воскресъ, сама ты бачёшь.
Хоць на пупъ жиды кричаць,
Што нарушена печаць;
Хоць жовнерамъ (*солдатамъ*) дали плату
Штобъ брехали тамъ Пилату,
Што ихъ змогъ найкрѣпкой сонъ,
И Христа хтось вынесъ вонъ.
А я много мѣвъ работы
Подъ часъ святыя суботы,
Покуль пекло (*адъ*) погасивъ
И Адама воскресивъ.
Якъ почула злая сила,
Што самую смерць скосило;
Побѣжали къ Аарону—
Справку вывесць по закону,
Ци пришовъ Мессіи часъ,
Штобъ отъ пекла усихъ Ёнъ спасъ?
Ааронъ очки надзѣвъ
И въ Библіи поглядзѣвъ,
Не уцерпивъ, засмѣявся.
Куцый заразъ догадався,

Бѣжиць на пекельну браму (*ворота*),
Ажъ идзець Христосъ къ Адаму
И въ архиву скоро шасъ!
Ажъ пекельня затреслась.
Куцый зашатався съ ляку (*со страху*),
Трудно стало небораку (*бѣдняку*);
Предъ Христомъ ни мертвъ, ни живъ,
А Христосъ его спросивъ:
„Гдзѣ старенька баба Ева
Што грызнула плодъ отъ древа?"
Куцый кочергу узявъ,
Въ печи крѣпко помѣшавъ.
Ева вылѣзла изъ печи,
Обгорѣли вельми плечи,
А за ею и Адамъ,
Ажъ Христосъ здзивився самъ:
Весь избитъ и исколотъ;
Зъ голоду запавъ животъ!
Горько, горько зарыдавъ,
И на Еву поглѣдавъ.
Взявъ его Христосъ за руки,
Расказавъ про свое муки,
Отпусцивъ обоихъ въ рай,
Штобъ забыли гетый край.
Тутъ Адамъ изъ пекла драла,
Ева на вси жилы брала:
На бѣгу догнали Лота,
Ажъ кровава пѣна зъ рота,
Якъ енъ чиниць въ райскій садъ,
Не огляждаясь назадъ.
Ной старенькій спотыкався
И до раю прямо дрався.
Славный богатырь Самсонъ
Што бывъ вельми ласъ (*лакомъ, охочъ*) на сонъ,
И што здався на покусу (*искушеніе*),
Крикнувъ Навину Исусу,

Штобъ енъ сонце придзержавъ,
Покуль вечеръ не наставъ.
 Праведныя души вышли;
Илія на коняхъ въ дышла,
Елисею давъ жупанъ.
Разступився Іорданъ,
Стали райскія вороты
Насцижъ въ дзень новой Суботы.
Тутъ премудрый Соломонъ
Зазвонивъ у райскій звонъ.
Ўси собралися по звону,
По заслугамъ, по закону,
Посадзили ўсихъ за столъ.
Тутъ и Божій бывъ престолъ.
Самъ Богъ яйцами златыми
Похристосовався зъ усими,
Разговѣвся святый міръ
И почався вѣчный пиръ.
Новое подали пиво;
Тутъ Давыдъ усимъ на дзиво
Пріударивъ въ гусли такъ,
Што не уцѐрпѣлиниякъ.
Сарра въ тую же годзину
Прежъ всихъ вышла на средзину,
Съ Авраамомъ въ танецъ шла,
Ў всихъ на ноги подняла.
Исаакъ процерши вока
Сталъ съ Ревеккой Сарры съ боку.
Яковъ кинувъ свой костыль,
Ставъ при ихъ, взявши Рахиль.
Тутъ придавъ Іуда жару,
Взявши подъ ручку Ѳамару!
Тутъ припомнила Эсѳиръ
Красенъ съ гуслями Псалтыръ,
Тутъ ударили въ тимпаны,
Во всѣ струны и органы

Ажъ до олтаревыхъ рогъ,
Штобы бывъ прославленъ Богъ.
Тутъ и бабки, тутъ и внучки
Вси побралися за ручки,
Пошли въ вѣчный корогодъ.
Слава Богу въ родъ и родъ!

Д. Купальныя.

1.

Совнико, совнико! чёму Иванова ночка невеличка?
Совнико, совнико! Бо ты рано усходзишь,
С. с.! рано усходзишь да играючи
С. с.! играючи, Яна взвеличаючи.
С. с.! Дзѣвонька да не выспалася,
С. с.! шнурки вязала,
С. с.! шовковые, да свадебные
С. с.! сему, тому продавала,
С. с.! свойму милому да даровала,
С. с.! сему, тому по три гроши,
С. с.! Свойму милому, што найхорошій.

2.

С. с.! Иванъ съ Петромъ ходзюць,
С. с.! да по межамъ ходзюць,
С. с.! да жита глядзяць,
С. с.! да идучи говорили:
С. с.! Усё жито доброе,
С. с.! Юрасево еще лѣпшее,
С, с.! Габрусево да найлѣпшее;
С. с.! Юрасево въ трубы въецца,
С. с.! Гаврусево въ скирды кладзецца.

3.

Сегодни Купала, завтра Иванъ,
Будзець, дзѣвочки, лихинько вамъ.

Ишла паненка черезъ боръ
На ей сукенка въ дзевяць полъ;
Стала сукенка шумѣци,
Зелёна дуброва горѣци.
    Пошли дзѣвочки тушици,
    Золотыми кубочками воду носици.
    Колько въ кубочку воды ёсць,
    Только въ дзѣвочкахъ правды ёсць.
Сегодни Купала, завтра Иванъ.
Будзець, хлопцы, лихинько вамъ.
Ишла паненька черезъ боръ;
На ей сукенка въ дзевяць полъ:
Стала сукенка шумѣци,
Зелёна дуброва горѣци.
    Пошли хлопцы тушици,
    Рѣшетами воду носици.
    Колько въ рѣшецѣ водицы ёсць,
    Только въ хлопцахъ правды ёсць.
Сегодня Купала, завтра Иванъ,
Будзець, жонки, лихинько вамъ.
Ишла паненка черезъ боръ,
На ей сукенка въ дзевяць полъ.
Стала сукенка шумѣци,
Зелёна дуброва горѣци.
    Пошли жоночки тушици,
    Чепцами воду носици.
    Колько въ чепцу воды ёсць,
    Только въ женахъ правды ёсць.

4.

Ай нѣту, нѣту купалиша
Да надъ нашего мо̂ло̂йца Якуша.
Енъ на конику выѣзжаець,
Себѣ дзѣвоньки выглядаіць.
Самъ же ёнъ ѣдзиць на конику,
Дзѣвоньку везець на возику,

Самъ же ѣдзиць въ атласѣ,
А дзѣвоньку везець у покрасѣ,
Самъ же ёнъ ѣдзиць якъ жаръ гориць,
Дзѣвоньку везець, якъ цвѣтъ цвѣцець.

5.

Звала Купалка Иллю на игрище:
Ходзи, Иллища, ко мнѣ на игрище!
— Не маю часу, купалочка,
Мнѣ гету всю ночку нацо не спаци,
Надо не спаци, жита пильноваци (*стеречь*),
Кабъ змія заломовъ не ломала,
У жици коренпя не копала,
У коровъ молоки не отбирала.
Отбери, Боже, тому ручки, ножки
Со лба вочки.

6.

Купалочка, гдѣ твоя дочка?
— А въ горо́дцѣ на погодзѣ красочки (*цвѣтки*) рвець.
Звивши вѣночикъ, пошла у тано́чекъ;
А у тано́къ идучи, похвалилася:
Нихто у мене вѣночка не зимёць!
А гдзѣ узялися буйные вѣтры,
Зняли зъ головки вѣночикъ,
Понесли на синее море.
Пошла дзѣвица, шукаючи, пытаючи.
Спотыкае трёхъ рыболововъ:
Ахъ, рыболовы, братцы мои!
Чи не видзѣли вѣночка мойго?—
Ой, дзѣвица, ни шукаць, ни пытаць:
Твой вѣнокъ на синемъ морѣ;
Будземъ сѣци закидаць—вѣнка шукаць (*искать*).
Вы, рыболовы, братцы мои,
Одному отдамъ золотый персцень,
Другому отдамъ шолко́ву хустку (*платокъ*),

А за трецьцяго я сама пойду.
Што персцень дала—меньшій брацецъ,
Што хустку дала—середній брацецъ,
А за старшаго сама пошла.

7.

Цёмная ночка купалочка,
На морѣ вутки купалися,
На бережочку сушилися;
Наша Настулька засмуцилася,
Што ее дары не прядзеные,
Хоць прядзеные, не свиваные,
Хоць свиваные, не снуваные,
Хоць снуваные, не вытыканые,
Хоць вытыканые, не бѣлёные,
Хоць бѣлёные, не дзѣленые,
Тому сему по локцику,
Свойму милому не мѣрючи.

8.

Купала на Ивана! ай дзѣ ночевала?
Купала на Ивана! ночевала у Ивана.
Купала на Ивана! што у Ивана вечерила?
Купала на Ивана! вечерила варенище на оленцы.
Купала на Ивана! ѣла рыбку съ перцомъ,
Купала на Ивана! ѣла чеснокъ зъ олейцомъ.

9.

У пана Ивана посередь двора
Стояла верба, на вербѣ горѣли свѣчки.
Зъ той свѣчки капля упала—возеро стало,
Въ томъ возерѣ самъ Богъ купався
Зъ лытками (*ногами*) межъ витками. *)

---

*) У Терещенки V, 77; съ дитками, судитками. *О. М.*

10.

Иванъ да Марья
На горѣ купалися.
Гдзѣ Иванъ купався
Берегъ колыхався,
Гдзѣ Марья купалася
Трава разсцилалася.

Пѣсни полевыхъ работъ, а особенно жнивныхъ.

1.

Собирайцеся тучки въ кучки,
Да заразъ дожджикъ будзе
Хозяинамъ на вздыханье,
А намъ на оддыханье.

2.

Золото мое, золото, на току молочено,
На столѣ посыпано; хто золото полічецъ (*сочтетъ*),
Тэй на войну не поѣдзецъ.
Да нашъ панъ молодзенькій золото полічецъ,
На войну не поѣдзецъ самъ,
Пошлецъ службу молодого и коня вороного;
Коникъ будзе гарцоваци, служка воеваци,
А нашъ панъ полеваци.

3.

Да ӣграло совнико, играло;
Не много жь ѐно играло;
У хмурку (*тучку*) сховалося,
Дождчу боялося.
Комарочки мое,
Не кусайце мене,
А кусайце пановъ,
Не пускаюцъ што домовъ.

4.

Коли жъ тая середа пройшла,
Якъ я не ѣвши на пригонъ пошла,
Весь дзень жала не лѣнилася,
Злому войту поклонилася;
А цеперь же не о чемъ тужиць:
Войтъ пьяный у корчмѣ лежиць.

5.

Да зелёный боръ, зелёный надъ усими борами,
Да славёный нашъ панъ, славёный надъ усими панами.
У нашего пана куня на дворѣ играе,
На дворѣ играе, соболя́ вызывае:
Собблю, собблю, погуляемъ зъ тобою,
Развеселимъ пана и паню молодую.

6.

Да ужо жь вечеръ вечерѣёць,
Нашъ панъ веселѣёць,
По постацямъ поѣзджае,
Свое жнейки пригоняе:
Жнице по постаци, жнице,
Сами себе не пожнице
Да й мене пана молодого,
Мене пана богатаго,
Мойго коня стрекатаго (*пестраго*).

7.

Да уже вечеръ вечерѣе,
Наша пани веселѣе,
По постаци походжае,
На погоду заглядае:
Дзякуй Богу за погоду,
Што мои жнеи въ полю,
Косцы мое на болоцѣ,
Уси людзи на рабоцѣ.

8.

Да у вашего папа,
Да не добрая слава
По мѣсяцу жито жали,
По зарямъ копы клали.
Цемно въ полѣ, цёмно;—
Бодай (*дай Богъ*) ему цемнѣй было.
Што до хаты не пущае.
Да на полю насъ тримае (*держитъ*),
Да мы съ поля позно йдзёмъ
Да пригонятаго клянёмъ.

9.

Пора жонки домовъ ици, || Поцеряла зоря ключи,
Поцеряла зоря ключи, || Коло постаци идучи,
А съ совникомъ гуляючи, || А мѣсика гукаючи,
А взойдзице ясны зорки || И найдзице ключи звонки:
Пора землю отмыкаци, || Пора росу выпущаци.

10.

Сцюдзеная роса пала.
Пусци мене домовь, папи;—
Мое домы далекіе,
Переходы великіе,
А семь миль горою ици,
А восьмая долиною,
Дзевятая къ свикратку въ дворъ,
А свикратокъ переймае
Съ цисовыми ведзерками,
Шовковыми почопками, *)
А шлець мене молодзицу
У дунай **) по водзицу.
А свекратокъ мой татонька,
Не воды жь ты жадаешь,
Мене зъ свѣта сбываешь.
Хоць ты мене зъ свѣта збудзешь,
Усё тобѣ одно будзёць.

---

*) *Почопка*—дужка у ведра (Словарь г. Носовича, стр. 490).

**) *Дунай* тутъ, вѣроятно, *рѣка вообще*.—*О. М.*

11.

Ци вышла цёмная туча съ за цемнаго лѣсу?
Не вышла цёмная туча съ за цёмнаго лѣсу,
Тольки вышевъ зъ буйнаго вѣтру дробный дожджикъ.
Ци вышла наша добродзѣйка передъ жнейками?
Не вышла наша добродзѣйка передъ жнейками,
Тольки высылала сынковъ соколковъ и дочекъ перепелокъ;
Пытае: ци много нажали?
Мы сжали поле не змѣрное, копы не зличенне.

в) Во время толоки или при прошеныхъ жнеяхъ.

12.

Разгорися вечерняя зорка передъ ранней,
Росходзися нашъ паночекъ передъ жнейками,
Разставляйце цисовые столы, цисовенькіе,
Наливайце золотые кубки, золоценькіе,
Разсцилайте шо̂вковые обрусы, шовковеньки,
Привитайце першую жнейку постацяночку,—
Сыръ на тарелку и кварту горѣлки.

13.

Да гудзець поле, гудзець,
Толока съ поля идзець.
Нашъ панокъ не злекайся (*пугайся*),
У покоикъ не ховайся (*прячься*),
Выкаци бочку пива,
А другую горѣлочки,
Мы жнейки не жовнерки (*солдатки*),
Не попьемъ усей горѣлки,
Наша пани мила
Дасць намъ бѣлаго сыра.

14.

У нашего господаря
Кудрявая голова
Ёнъ кудзерками потресець;
Намъ горѣлочки принесець;
Енъ кудзерками повороцить,
Горѣлочку подсолодзить.

г) Во время дожинокъ.

15.

Принесли пану вѣнокъ
Зъ широкого поля, зъ ядренаго жита.

Панъ свойго панства не страцицъ,
Намъ за вѣнокъ заплацицъ.
Хоць червоный злотый *) для нашей охоты,
Житу на урожай, а пану на довгій вѣкъ,
Пану вѣнокъ, а намъ горѣлки жбанокъ.

16.

У нашего пана пригоже на дворѣ,
Хорошо на дворѣ побудованы свирны (*кладовыя*),
Гонтами (*тесомъ*) побиваны, соболями покрываны;
Коло того будыночку **) не соколъ летаецъ,
Нашъ панъ похожаецъ, якъ макъ зацвѣтаецъ,
Да за имъ дзѣтки, якъ садовыя квѣтки.

17.

Да што у полю гудзецъ?
Да весёлъ посолъ идзецъ,
Весёлыя вѣсци несецъ
Да до славнаго пана.
Хоць не много пожано,
Да много нажали.
Да сто копъ до обѣда,
Да другія до полудня,
А трецція до вечери.
То для нашего пана добрая слава

18.

Судзивъ Боже пожацъ, || судзи жь, Боже, и спожицъ. ***)
Перенесъ Богъ черезъ серпокъ, || перенеси жь, Боже, черезъ легенькій душокъ. ****)
Дай же, Боже, || на току умолотомъ,
У дзѣжи (*квашнѣ*) подходомъ, || у печи ростомъ;
У печи ростомъ || на столѣ сыцьцю! (*сытостью*)
Не могу болѣй рачицъ (*желать*) ||, прошу пана выбачицъ. (*извинить*)

---

*) Монета—цѣною въ 15 коп. сер.

**) *Будынокъ*—господскій домъ (Словарь г. Носовича, стр. 37).

***) *Спожиць, споживаць*—употреблять въ пользу (Слов. г. Носовича, стр. 605).

****) *Душокъ*—теплота на осѣти или овинъ (Слов. г. Носовича, стр. 149).

19.

Паночекъ, паночекъ, || Прими нашъ вѣночекъ,
Запали, паня, свѣчку, || Да выйдзи намъ на сустрѣчку.
Паночекъ, паночекъ, || Перейми жь нашъ вѣночекъ.
Вѣночекъ панъ переймаёць, || Золото даваёць,
Насъ хлѣбомъ и солью || Въ добрымъ здоровью надзѣляё
А мы жнейки жали, || Силку поцеряли || И на гето заробл

20.

У насъ сяпни (*сегодня*) война была,
Усе поле звоевали,
Змели поле мецелками,
Идзёмъ домовь веселками.
Нивка, моя нивка,
Оддай мою силку.

21.

Дубочекъ зелёненькій
Нашъ панъ молодзенькій,
Лѣщина цемнѣйша,
Наша пани молодзѣйша.
Щасця-долю маюць
Рано зъ поля збираюць.

22.

Голубокъ щиплець бобокъ,
А голубка пшёночку,
Нашъ панокъ сыщець медокъ,
А паня горѣлочку.

23.

Конецъ нивцѣ, конецъ,
Уплящемъ пану вѣнецъ,
Да ужо жито у конца,
Да нуце дзѣвочки до вѣнца.

Поздравленія.

24.

Винщую (*поздравляю*) пановъ вѣнкомъ,
А паны мене медкомъ,
Перенесъ Богъ черезъ серпокъ,
Перенеси Боже черезъ душокъ (на овинѣ, гдѣ сушатся сн
Черезъ осётку *) матку
Черезъ легкій духъ.

*) *Осётка*—небольшой овинъ (Слов. г. Носовича, стр. 367).

Судзивъ же Богъ пожаць,
Судзижь, Боже, спожиць,
Въ корысци, въ радосци.
Дай же, Боже, паномъ || Зъ гетого добра
Пиво варыць, || Паничовъ жениць,
Горѣлочку гнаць, || Паненóкъ за мужъ отдаваць,
Дай же, Боже, паномъ || Зъ добрыми дзѣтками
На жицце на богацце,
На довгій вѣкъ || И добрый совѣтъ.

25.

Паночекъ, паночекъ, рахуйся (*разсчитывайся*) зъ нами,
Плаци жь, плаци, хоць талерами.
Да мы жь твою нивку зжинали,
Да мы жь свою силку споцеряли.
Слава да и слава, паночекъ, твоя,
Да пьяна, да и пьяна толока твоя,
Да учинивъ, учинивъ паночекъ славу,
Попоивъ, попоивъ толоку свою.
Щекотала сорока на тычинцѣ сѣдзючи,
На тычинцѣ сѣдзючи, на хмѣлинку глѣдзючи.
Похвалився паночекъ зъ панею сѣдзючи,
Попоивъ жнеечекъ зъ дубовой бочечки,
Зъ дубовой бочечки, зъ золотыя чарочки.

26.

Зелéнъ нашь боръ, зелéнъ || Надъ усими борами.
А за што жь ёнъ зеленъ? || Повно красочекъ по ёмъ.
Славенъ нашь панъ, славенъ, || Надъ усими панами.
А за што жь ёнъ славенъ? || Одно гумно жита нажавъ,
А другое яриночки,
А выкацивъ бочку пива, || А другую горѣлочки.
Пійце, дзѣвочки, пиво, || А жоночки горѣлочку.
А дзиво жь намъ, дзиво, || Што шпонное пиво.
Чего тому дзивицися, || што можно напицися?

Пѣсни веселаго содержанія.

а) *Забавныя, даже смѣшныя и разгульныя веселаго содержан употребляемыя при общественныхъ вечерниxъ сходбищахъ и п плясках.*

1.

А ў нашего сусѣда
Учора была бесѣда:
Свиня въ дуду играла,
А курица скакала,
А пѣтухъ припѣвавъ,
И ножкой прибивавъ.

2.

А ў насъ вчора троуръ бывъ,
Комаръ дровъ нарубивъ,
Муха лазню (*баню*) топила,
Блоха воду носила,
А вошь парилася,
Перестарилася,
Съ полка звалилася,
На смерць забилася.
А пошлиць по попа,
По запечнаго клопа.
Стуку-грюку по вулицѣ,
Ѣдзиць клопъ на курицѣ.
Милы мое вороны,
Вы ударьце во звоны!
Милы мое сороки,
Рыйце ямы глыбоки.

3.

Стара баба недужа,
А въ полёты (*на ухаживанье*) досужа:
А у полёгахъ подпила,
На прицечку спаць легла.

А тамъ мыши шалѣли,
Хвартукъ бабѣ проѣли.
Стала баба плакаци:
Нечимъ хвартукъ латаци (*заплатать*).
Заплакала голоскомъ,
Да й зашила волоскомъ.

4.

Охъ ѣла я кисель, да й покапалась:
Кого вѣрно я любила, съ тымъ повадзилася.
А я рыбку варила, да не шумовала *),
А я милаго любила, да не шановала (*не уважала*).
Буду рыбку вариці, буду шумоваци,
Буду мужа любици, буду шановаци.
А я рыбку варила, на кусочки дзѣлила.
У кого черный вусокъ, тому рыбки кусокъ,
У кого рыжа борода, тому й юшки **) шкода.

5.

Ой ты кисель, ты кисель,
Да не мудрый бацькинъ сынъ!
Чему не хорошо ходзишь,
На бокъ шапочки не носишь?
Кабы дзѣвушки любили,
Кабъ малодушки хвалили.

6.

Зайграйце музыки!
Мы лапци велики,
Мнѣ татулька носъ сплёвъ
На святый Покровъ.
А якъ гетые протрецè,
Ёнъ другіе мнѣ сплецè.

---

*) *Шумовáць*: 1) Кипѣть ключомъ, выбивая пѣну. Рыба шумуець. Горшки шумуюць. 2) Снимать съ кипящаго кушанья пѣну. (Слов. г. Носовича стр. 719).

**) *Юшка* — ушица, сокъ отъ чего либо варенаго. Рыбная юшка. (Слов. г. Носовича, стр. 725).

7.

Дзѣвчиница!—„Ты чего?“—
Люби мене голого!
Я кошули не ма́ю,
А женицца думаю.
Якъ кошулю добуду,
Женицися не буду́.

8.

Чикѝ чикѝ, чичику
Ѣдзиць баба на быку,
Пытаецца ў Василя:
—Ци далеко до села?
— Ахъ ты баба биндавока, *)
Видзишь, село не далеко.
Василь кажець: три мили;
Василиха: четыри.
Василиха Василя
Полоникомъ **) зацялà.

9.

Косивъ, бацька, косивъ я,
Косили мы обоя,
Накосили стожокъ сѣна,
Пришла коза да й поѣла. (Не полная)

10.

Апанасъ коней пасъ,
Кацерина бычки;
Почекай, не ўцекай,—
Куплю черевички.

---

*) *Биндавокій* — имѣющій высунувшееся на глазу бѣльмо. (Слов. г. Носовича, стр. 26).

**) *Полоникъ*—деревянная разливная ложка. (Сл. г. Носовича, стр. 462).

Ты Андрей, не дурѣй!
Хвартукъ подзерецца;
Мнѣ татулька пошивъ,
Штобъ Михалка любивъ.

11.

Пошовъ панъ Апанасъ
По горѣлочку для насъ:
Зачепився да за пень,
Простоявъ тамъ цѣлый дзень.
Пришла паня, отчепила,
За горѣлку заплацила;
Идзи жь дурень до дому,
Да не хвались ни кому.

12.

Сѣдзѣвъ я на пни,
Нюхавъ табаку.
Пришовъ ко мнѣ мужъ,
Просиць тобаки.
Я ему недавъ,
Ёнъ же мнѣ задавъ.
Я къ тобѣ, пане,
Разсудзи, пане.
Сѣдзѣвъ я на пни. (И далѣе повторяется до назойливости).

13.

А хто хочець пиво пици?
Пойдземъ до жидовки!
А у жидовки чорны бровки,
Високи подковки.
Високи подковки
На бокъ похилились (*погнулись*),
А на цебя, шмаровозе, *),
Дзѣвки подзивились.

---

*) *Шмаровозъ*—подмазывающій телѣги; неряха, замараха. (Слов. г. Носовича, стр. 714).

Покинь, покинь, шмаровозе,
Подъ возомъ лежаци
Возьми косу да йдзи въ лозу
Травицу скошаци.

14.

Ой тошно мнѣ, не развеселюся:
Хлопцы не любюць, пойду утоплюся.
Ой утоплюся въ зеленомъ винѣ,
Пойду разшибуся ў мягкой svinѣ.
— Стой не разшибайся, душу загубишь,
Скажи мнѣ правду, кого вѣрно любишь?
— Твой шестакъ битый, а мое три грошi;—
Повѣнчаемся, мой милый хорошiй!
— Твой талерикъ битый, моя золотовка;—
Повѣнчаемся, мила бѣлогловка.

15.

Якцичиньки! не могу! (я больна)
Уступила гусеньки на ногу.
— Якая гусенька? — Сѣрая.
Болицъ моя ноженька лѣвая.

16.

Гэй-чукъ дзѣвка, люблю цебе!
Не ѣшь хлѣба, возму цебе.—
Дзѣвка того послушала,
Три дни хлѣба не кушала.
А скурвысынъ обманивъ,
И зъ голоду уморивъ!

17.

Служивъ я у пана першее лѣто,
Выслуживъ у пана курку за гето.

Моя курочка злотоперочка
По двору ходзиць,
Да писклятокъ (*цыплятъ*) водзиць,
Хохолъ надымаець
Писклятъ собираець
И сокочиць: ко, ко, ко.
Служу я у пана другое лѣто,
Выслуживъ у пана индыка за гето.
Мой индыкъ носъ спускаець,
Да индычекъ собираець,
Кричучи: кулдыкъ-булдыкъ.
Моя курка: ко-ко-ко,
Мой индыкъ: кулдыкъ-булдыкъ.
Служу я у пана трецсе лѣто,
Выслуживъ у пана гуся за гето,
Мой гусакъ голову подымаець,
Голову подымаець, гусокъ собираець,
Кричучи: га-га-га.
Моя курка: ко-ко-ко;
Мой индыкъ: кулдыкъ булдыкъ,
Мой гусакъ: га-га-га.
Служу я у пана четвертое лѣто,
Выслуживъ у пана целе (*теленка*) за гето.
Мое целе хвостомъ меле,
Моя курка: ко-ко-ко,
Мой индыкъ: кулдыкъ-булдыкъ,
Мой гусакъ: га-га-га,
Мое целе хвостомъ меле.
Служу я у пана пятое лѣто,
Выслуживъ у пана корову за гето.
Моя корова бодзець здорова.
Моя курка: ко-ко-ко,
Мой индыкъ: кулдыкъ-булдыкъ,
Мой гусакъ: га-га-га.
Мое целе хвостомъ меле,
Моя корова бодзець здорово.

18.

Гэй, кабъ намъ быць веселѣй!
Гэй, кабъ намъ быць посмѣлѣй!
Пойдземъ, брацци, въ кабачокъ,
Выпьемъ горѣлки крючокъ.
Водка крѣпка, мѣра спора,
Будземъ пиць, забудземъ горе;
Брацци, якъ у добрый годъ
Заведземъ тутъ корогодъ.
Пойдзёмъ отъ хаты до хаты,
Ци голышъ хто, ци богатый;
Коли будзець весело̀,
Къ намъ зберѐцца ўсе село.
Карпъ, якъ по колядзѣ зъ мѣхомъ,
Грошей, альбо збожжа, *) смѣхомъ
Соберець, такъ будець ладъ;
Будземъ пиць горѣлку въ рядъ.
Пили бацьки и дзѣды
И мы вступимъ въ ихъ слѣды:
Ены горя незнавали,
Горѣлку добре сцебали (*пили залпомъ*).
Чоломъ, Гришка! чоломъ, Дзёма!
Чоломъ, Кузьма! зови Пахома!
Чего еще будзёмъ чекаць (*ждать*)?
Пора горѣлку пиць, скакаць.
Помовчи лѣпшь, не варися (*не бранись*)
Зъ нами йдзи скакаць, Марися!
Замовчи й ты, Силивонъ!
Не замовчишь, пойдзешь вонъ!
Дзядзька сѣдзиць, пипку курицъ,
Пьецъ горѣлку, вочми жмурицъ;
А дзядзина (*тетка*) не ўважаецъ **),
Цѣлкомъ чарочки глотаецъ.

---

*) *Збожже* — всякій хлѣбъ въ зернахъ и въ посѣвѣ. (Слов. г. Носовича, стр. 196).

**) Въ смыслѣ—не обращаетъ вниманія.

Савка скачецъ, пишёцъ, пышёцъ,
Уморився, ледва дышёцъ.
Борисъ, строгій телялёгъ (?)
Упившися, подъ лавку легъ.
Силивонъ зъ Бориса шкелицъ (*смѣется*),
Пьецъ горѣлку, лухту (*вздоръ*) мелицъ;
За языкъ въ маликъ (*затылокъ*) зловивъ,
Ажъ лбомъ дзвери отворивъ;
Хведосъ за угломъ козлы дзерѐ *),
А Микита носомъ орѐ **).
Ци имъ черци надавали?
Знацъ, что мѣрку перебрали!
Нападаючи на Варьку,
Хведоръ зацѣваецъ сварку (*брань*);
Нехай же ёнъ не звиницъ,
Коли въ вухѣ зазвиницъ.
Ўси съ собою въ драку сцялись,
Свое хохлы дзѣлицъ взя́лись.
На лихо вось тутъ аконо̀мъ
Влецѣвъ, нагрянувъ зъ бизуномъ.
„Тобѣ мужикъ сваволицъ досицъ!
Свербицъ, знацъ, *тая* ***)—перцу просицъ.“
Разсыпались уси наши розно,
Куды попало, куды можно.
Одинъ сховався бывъ подъ столъ,
Его ако́номъ за хохолъ.

19.

Были у бацьки три сыны.
Охъ я! (Припѣвъ этотъ повторяется за каждымъ стихомъ)
А ўси были Васили.

---

*) т. е. его рветъ.
**) Падаетъ пьяный.
***) *Оная*, т. е. неудобоназываемая часть тѣла.

Одзинъ коній пасець,
Другій лапци плецець,
Трецції сѣдзиць на камени,
Дзержиць дуду на ремени.
Енъ повѣсивъ дуду
На зеленомъ дубу.
Буйный вѣцеръ повѣевъ,
Я ўхопиць дуду невспѣивъ.
Дуда зъ дубу звалилася,
На трусочки (*въ дребезги*) разбилася.
Ци не дудка жь была!
Веселуха была,
Веселила мене
На чужой сторонѣ.
Ахъ я бѣдный цеперъ!
Пришлось пасцвиць мнѣ цецеръ (*тетеревей*).
Я цецерку пасу
У кленовымъ лѣсу.
А цецерочка подъ мостъ:
Я цецерку за хвостъ.
Вырвалась моя цецерка,
Оставила съ хвоста перко.
А съ пера я здзѣлавъ дудочку,
Коморову самогудочку.
Ставъ я въ дудочку играци,
Ставъ себе я споцѣшаци.
Несець бацька пирогъ,
Несець матка пирогъ.
Я въ дудочку: гу-гу-гу!
Ўси мнѣ несуць по пирогу.
Назбиравъ я пироговъ
Цѣлыхъ семь коробовъ.
Поставивъ я коробы
Съ пирогами, якъ грибы,
На повѣточку (*навѣсъ*) сушиць,
Ажъ повѣточка крекчиць.

Повѣточку проломило
И целяточекъ побило.
А целяточки ревуць,
Къ господыньцѣ бѣгуць.
Господынька прискочила
И дудочку расчепила.

б) *Пѣсни, поемыя для пляски самими танцующими не только у крестьянъ, но и болѣе у шляхты и даже въ мелкопомѣстныхъ домахъ, вмѣсто музыки.*

1.

А по улицѣ молойчикъ идзець,
По широкой ёнъ дзѣвицу ведзець.
Эй джги, джги, говори! по широкой ёнъ дзѣвицу ведзець.
На ёмъ шапочка бархатная,
Рукавички бараневыя.
(Припѣвъ повторяется со вторымъ стихомъ каждаго куплета).
Дзеверъ, дзеверъ, дзеверинушка,
Ай дзѣ твоя живоцинушка?
Коровочки у дубровочки;
Овечечки возлѣ рѣчечки,
А свиночки на долиночки,
А козеньки возлѣ лозеньки,
А козеньки возлѣ лозеньки,
Лошадочки на площадочки.

3.

Курицъ-вѣецъ мецелица,
Чему старый не женицца?
Ухъ, ухъ, ухъ-у-ха, чему старый не женицца?
(Припѣвъ: ухъ, ухъ, ухъ-у-ха повторяется съ приложеніемъ второго стиха каждаго двустишія).
Да еще-жь я и не старъ;
Еще вусъ мой сивъ не ставъ.

Куриць-вѣець мяцелица,
Твой хохолъ ўжо бѣлѣецца.
Гето-жь бывъ я на гумнѣ,
Пыломъ занесло мене.
А якъ гето да й не пылъ?
Тогды дзѣвки дадуць въ тылъ.
Куриць-вѣець мецелица,
Твое вусы забѣлѣлися.
Гето ѣвъ я молоко;
Не выцерся хорошо.
А якъ не молоко гето?
Кожна прогонець кобѣта (*женщина*).
Куриць-вѣець мяцелица:
Староча голова бѣлѣецца.
Я заразъ пришовъ съ млынка,
То на головѣ мука.
А якъ гето не мука?
Бабы дадуць тумака.

3.

Старый старичище,
Чему не женився?
Гэй! думай, думай, думай, чему не женився?

(Припѣвъ: Гэй! думай, думай, думай! повторяется за кажды двустишіемъ съ прибавленіемъ послѣдняго стиха).

Радъ бы я женицца,
Да некого взяци.
Стару бабу взяци,—
На печцѣ дзержаци;
На печцѣ дзержаци,
Киселемъ кормици;
Киселемъ кормици,
Да сытой поици.
Молодую взяци,—
Небудзець любици.

А хоць и полюбиць,
Мене не обнимець;
А хоць и обнимець,
Да не поцѣлуець;
А хоць поцѣлуець,
Да на землю плюнець.

4.

Ой юръ, юръ, юръ! *)
Да юрочки мое!
Животочки мое!
Да чему-жъ ты, юрокъ,
Да не женишься?
Да и дзѣ-жь ты зимою
Да подзѣнешься?
Ю - - - - - - ръ.
Ой юръ, юръ, юръ!
Да юрочки мое,
Животочки мое!
Охъ и радъ бы-жь я
Да женицися;
Да сороку узяць,—
Щекотлива ее маць:
Усю ночь не спиць,
Ўсе щекочицца,
Ко мнѣ юрочку
Не пригорнецца (*не прижмется*),
Не привернецца.
Ю - - - - - - ръ!
Ой юръ, юръ, юръ! (и далѣе какъ и въ первомъ куплетѣ).
Ой юръ, юръ, юръ!
Да юрочки мое!

---

*) *Юръ* — шалость, своевольство; *юро́къ* — шалунъ, вертлявый мальчикъ (также птичка, предвѣщающая дождь—см. Слов. г. Носовича стр. 725).

Животочки мое!
Охъ и радъ бы же я
Да женицися,—
Да ворону узяць:
Довгоносая мацъ;
Не спиць усю ночь,
Да усе чисцицъ носъ;
Ко мнѣ юрочку
Не пригорнецца,
Не привернецца.
Ю - - - - - - ръ
Ой юръ, юръ, юръ.
Да юрочки мое (и далѣ весь первый куплетъ).

(Въ слѣдующемъ куплетѣ повторяется пять стиховъ второго куплета и продолжается).

Да плисичку узяць *),—
То богатая знаць!
Охъ у плисицы
Да три тысячи!
Усю ночь не спиць,
Треба тысячи личиць (*считать*).
Ко мнѣ юрочку
Не пригорнецца,
Не привернецца.
Ю - - - - - - ръ.

(Опять повторяется первый куплетъ, если находятъ новое лицо изъ птицъ. Но другіе вмѣсто птицъ вставляютъ во второй, четвертый, шестой и далѣе куплетъ, дѣвицъ разнаго состоянія какъ-то:)

Ой юръ, юръ, юръ!
Да юрочки мое!
Животочки мое!
Охъ и радъ бы-же я
Да женицися;

*) *Плисица*—птичка плиска, вертошейка (Слов. г. Носовича, стр. 418).

Да поповну узяць:
Богомолливая мацъ;
Усю ночь не спиць,
Да усе молицца.
Ко мнѣ юрочку
Не пригорнецца,
Не привернецца.
Ю - - - - - - ръ.

(Въ четвертомъ куплетѣ).

Да купчанку узяць:
Не податливая, знаць (*видно*)
Усю ночь не спиць
Ўсе торгуецца....

(Въ пятомъ куплетѣ).

Да жидовку узяць:
То корослива, знаць,
Усю ночь не спиць,
Да ўсе чешёцца....

(Въ дальнѣйшихъ куплетахъ перемѣна лица зависитъ отъ выдумки поющихъ).

в) *Любовныя.*

Я сегодня тутай, а завтра абыйдзѣ (*гдѣ нибудь*);
Шукай мене мой миленькій, якъ совнико зайдзе (*зайдетъ*),
Якъ совнико зайдзе, взыйдуць (*появятся*) ясны зорки,
Тогды придзи, мой миленькій, до моей коморки.
Тамъ увидзишь, тамъ увидзишь мое бѣло личкô;
Тамъ подъ оконцемъ цечець рѣчка, рѣчка не величка.
Гета рѣченька цечець зъ вишнёваго саду.
Кликавъ милый дзѣвчиницу къ собѣ на пораду (*совѣтъ*).
Ой порадзь мнѣ, дзѣвчиночка, якъ родная маци!
Ци мнѣ цеперь женицися, ци восени ждаци?
Ой я тобѣ, мой миленькій, раджу и не раджу (*совѣтую*),
Я съ тобою вечеръ сѣжу, завтра може зраджу (*измѣню*).
Бодай цебе, дзѣвчиночка, съ гетакою радой!

Я съ тобою щиримъ (*искреннимъ*) серцемъ, тыжъ ко мнѣ со зрадой!
Нехже твоя горька доля тогды за мужъ выйдзёць,
Якъ у млынѣ на каменѣ пшениченька взыйдзёць.
Бодай жеть мой миленькій тогды оженився,
Якъ бы въ лѣсѣ на вересѣ (*родъ травы*) сухій дубъ развився.

2.

Ой у полѣ курно да дымно,
За туманомъ свѣту не видно.
Тольки воду брала дзѣвица,
Якъ козакъ поивъ коня въ криницѣ,
Да почавъ ёнъ дзѣвку чепаци,
Съ ведзеръ ее воду выливаци.
— Не выливай, козакъ, зъ ведра воду,
Отъ мачихи буду церпѣть бѣду,
Скажець: гдзѣ ты, сука, пребывала? —
Знаць, съ казаками жартовала (*шутила*).
— Да твоя мачиха, знаць, дужо думна,
А ты, дзѣвонька, да будзь разумна.
Скажи, што гусеньки плыли съ броду
И взмуцили мнѣ чистую воду.
А я дотуль на бережку стояла,
Покуль вода да чистая стала.

3.

Я перепеличка пцичка не величка:
Въ поли летаю, къ древу привертаю,
Къ древу привертаю, сокола шукаю (*ищу*).
Соколъ мой ясный, молойчикъ прекрасный,
Згордзився ты мною, якъ вѣцеръ горою,
Якъ туманъ долиною, якъ сонце калиною.
Вуланъ приглѣдаець за красной дзѣвчиною;
Вуланчикъ до хатки, пытаецца у матки:
— Матулька моя, айдзѣ донька твоя?
— Донька вышла въ поле пшениченьку жаци. —
Вуланъ до пшеницы, ажъ нѣтъ тамъ дзѣвицы.

Вуланчикъ до хатки, пытаецца у матки:
— Матэнька моя, а й дзѣ донька твоя?
— Пошла до гаёчку (*лѣсу*), збираци грибочковъ—
Вуланъ у гаёчекъ, пропавъ и слѣдочекъ.
Вуланчикъ до хатки, пытаець у матки:
— Мамочка моя! айдзѣ донька твоя?
— Пошла до коморы посцель бѣлу слаци.

4.

Ахъ ты, милая моя!
Прошу на хвацеру я.
Приходзи ко мнѣ до дому,
Не быць знаць того никому.
Въ дому писарь мой да я,
Трецці̆й вѣрный мой слуга.
А я вѣрнаго слугу
За цымбалами пошлю,
За медкомъ и за пивцомъ,
За солодзенькимъ винцомъ.
Дамъ червоны черевички,
Съ устужками (*лентами*) невелички,
И бѣлевыя панчошки (*чулки*),
И сафьяновы сапожки
На бѣлыя твое ножки.

5.

Волы мое половые (*бурые*), чему не орецe?
Лѣты мое молодыя, чему не гуляецe?
Волы мое половые, да ўже отъорались:
Лѣты мое молодыя, да уже отгулялись.
Дробна пташечка по лисцикѣ скачёць;
Бѣдный рольничекъ (*земледѣлецъ*) по дзѣвчинѣ плачець.
Якъ не плакаць, не тужиць? слюзы сами люцца;
Вѣсци отъ милой нейдуць, отъ немилой шлюцца.
А хоць шлюцца, хоць не шлюцца, моею не будзе,
Хто дала мнѣ бѣлу ручку, за мной жици будзе.

6.

А на дворѣ снѣгъ напавъ;
А молойчикъ съ коня спавъ.
Якъ съ коня спавъ, такъ лежиць,
Ажно милая бѣжиць.
Скоро мила прибѣжала,
За ручепьку подзержала,
За правую узяла,
И подъ ручку повела.
Въ дворѣ его миловала,
Щиримъ сердцемъ цѣловала.
То Марьяночка была,
То дзѣвчиночка мила.

7.

А въ томъ новомъ селѣ дзѣвчина стояла,
Дзѣвчина стояла, съ милымъ розмовляла.
— Пытаю ў цебѣ, милый, ци много коней маешь?
Коли много маешь, чему жь ко мнѣ не бываешь?
— Одного коня маю, въ дворѣ не тримаю.
Пойдзець конь до криницы зимней воды пици:
Я его поймаю, а поймавши осѣдлаю,
Поймавши сѣдлаю, къ тобѣ прибываю,
Привезу дарунокъ—золотый персцёнокъ,
Золотый персцёнокъ, едвабны панчошки,
Сафьяны сапожки на бѣлые ножки.

8.

Я сама иду и бѣду веду,
Да бѣда моя не дужо ведзецца,
Подъ берёзою спаць кладзецца.
Положу бѣду въ вишнёвомъ саду;
А сама пойду, пойду погуляю,
Якъ бѣла рыбка гуляе по Дунаю.

Тамъ у свѣтлицѣ младый писарь пише,
Дзѣвица за дверьми дзицятка колыше,
Дзицятка колыше, гулечекъ (*голубокъ*) бае,
Гулечекъ бае, кота припѣвае,
Кота припѣвае, дзиця проклинае:
Бодай мое дзиця зъ люльки упало,
Зъ люльки упало скрозь землю пропало,
Моя за тобою уся гульня пропала.

9.

Положу бѣду
Въ зеленомъ саду
Подъ зелёною грушей,
А сама и пойду
На усю ноченьку
На усю цемную гуляци,
Черезъ ноченьку,
Черезъ цемную
Свойго милого шукаци (Не полная).

10.

Ѣхавъ козакъ съ украины,
Пусцивъ коня у долину,
Подъ зелену самъ елину
Легъ на цѣлую годзину.
Щасливая годзиночка!
Пришла къ ему дзѣвченочка:
Устань, козакъ, обудзися,
Ѣдуць Татарскія раци,
Хочуць твойго коня взяци,
Коня взяци вороного,
Цебе забиць молодого.
Коня возьмуць, другій будзе;
Цебе забьюць, жаль мнѣ будзе.
„Знать ты дзѣвка мене любишь,
Што такъ рано мене будзишь!"

Кабъ я цебе не любила,
То бы цебе не будзила.
Цебе, козакъ, щиро люблю,
На край свѣта съ тобой пойду.
„Ты дзѣвица молодая,
Твоя голова глупая!
Гдзѣ со мной тобѣ ходзици,
По усему свѣту бродзици?
Будзешь дома проклинаци,
И на мене нарѣкаци.

11.

На цихенькей рѣчьцѣ писарь гусей стрѣляе,
Писарь гусей стрѣляе, на молойцовъ мигае.
„Вы молойчики мое, а ходзице до мене!
А скажице паненцѣ, што въ червоной сукенцѣ:
Нехай замужъ идзе, а мене не хай не жджè:
Я ўсе ее не люблю, ее замужъ не возму.“
Ена гето почула, въ вишневый садъ махнула:
Накопала коренния съ подъ бѣлаго камення
А вымыла у рѣчьцѣ и варила въ молоцѣ;
Поставила на жару, кипяцила на легцѣ.
Еще корень не ўкипѣвъ, заразъ писарь прилецѣвъ.
„А што-жъ цебе принесло! ци чевночекъ, ци весло?“
Мене сюды принесло ни чевночекъ, ни весло.
Принесъ мене сивый конь до паненкиныхъ вокон.
„А чего жъ ты прилецѣвъ, коли любиць не хоцѣвъ?“
Якъ къ тебѣ мнѣ не лецѣци, коли ўмѣешь чароваци.

г) *Пѣсни, состоящія въ легендахъ или расказахъ.*

А пошовъ сынъ Данило на войну воеваць,
А оставивъ жену Кацю въ дому домоваць (*хозяйничать*).
Обиждалась стара маци на сына Данилу,
Што оставивъ домоваци не ее, а милу.
Ена къ сыну на войну листы (*письма*) посылала,
Што его Кася мила въ хозяйствѣ не дбала (*непопечительна*).

Его сукна дорогія, богатые шаты (*одежды*)
И пистолеты въ злоцѣ повынесла съ шафы.
Молодая его жонка мила Кацерина
Да ему породзила не живого сына
Вороцився домовь скоро изъ войны Данило:
На перейми (*на встрѣчу*) выйшла ему Кацерина мила,
А Данилушка схвацивъ востренeнькій свой мечь,
Милой Кацеринѣ снявъ головеньку съ плечь.
Якъ пришовъ сынъ Данило до палацу (*дворца*) своего,
Ажъ у креслѣ сѣдзиць стара маци его.
А въ другомъ покоику сынъ его маленькій
Живъ и передъ нянею лежиць у колыбельки.
Спомянувся Данило, взявъ ключи отъ шафы
Поглядзѣць, ци цѣлы его дорогія шаты.
Ажно шафы его, якъ были повнюсеньки,
Пистолеты и шаты, якъ были, цѣлюсеньки.
Согрѣшивъ я, маци, согрѣшивъ надъ мѣру,
Согрѣшивъ я, давши твоимъ словамъ вѣру.
Што жь ты, маци, мнѣ зробила? (*сдѣлала*) Ты три человѣка—
Невѣстку, внука и мене згубила на вѣки!
Ты неправдою на грѣхъ мене наусцила,
Внука свойго и мене ты осироцила.

2.

Было село да невесело!
Жили людзи тамъ старинные,
То село было надъ возеромъ.
А зъ возера на продзивъ *) дзиво—
Змѣй престрашный выходзивъ зъ воды,
Хватавъ дзѣцей и большихъ людзей;
Подводзили ему чергою (*поочередно*)
И просили Бога плачучи,
Штобъ избавивъ ихъ отъ эгтого
Страшнаго змѣя проклятаго.

---

*) *Продзивъ*—чудо изъ чудесъ (Словарь г. Носовича стр. 521).

До паньской семьи черга пришла
Треба было самому ици,
Ци свою паню жену весци.
„Ахъ да есць у мене дочечка,
Ена ў мене одзиночечка;
Знаць, ее отдаць намъ бѣдную.“
Плачець уся дворня княжая
На гету печаль великую;
Прiѣзджаёць госць молодзенькiй,
Незнакомый и невѣдомый.
Гетый госць сказавъ паненочцѣ:
Скидай панна свое сукни всѣ,
А по бѣленькей кошулечцѣ
Подперяжи (*повяжи*) поясъ кованый.
Панна къ морю приближаецца,—
А у змѣя зъ роту полыме,
А изъ вочей искры сыплюцца;
Изъ ущей его дымъ сбпаець (*выходитъ клубами*).
Панночка тогда злекавшися (*испугавшись*),
Пала на колѣнки, бѣдная!
Да почула дзивный голосъ къ ей:
„Отвяжи ты поясъ кованый
И обвяжи змѣя поясомъ;
Ведзи змѣя за дворъ на́ поле,
А людзи тамъ змѣя гетого,
Забьюць коллями желѣзными;
А трупъ его на кострѣ спалюць.
Гето такъ усе и здзѣлалось.
На гету радосць великую
Не явився госць невѣдомый...

3.

Да поѣхавъ королевичъ да на полеванне,
Покинувши молодую жену свою въ дому.
Пусцивши коня въ лугъ, легъ на опочиванне.
Королевичу приснився предивнѣйшiй сонъ.

Съ подъ правой руки вылецѣвъ ясный соколочекъ,
А съ лѣвой быстрая стрѣла за имъ у слѣдочикъ.
Ой то, знаць, моя мила да сына родзила:
Не дождавшись бѣла свѣта, да й осироцила.
Королевичь прилецѣвъ скрозь ночь съ быстротою,
Рано рано мой сыночекъ ставъ ты сиротою.
Вчóра зъ вéчера цебе маци породзила,
Сянни свѣта не дождавши, да й осироцила

4.

Была вдовка на Волынцѣ,
Мѣла ена дзевяць сыновъ,
А десятую дочухну.
Тые сыны своевольники,
Не пошли на службу царскую,
Взявъ кій, пошли въ разбойники.
А Ганнуля вышла замужъ,
Да за купчика торговщика.
Да жили ены одзинъ годъ
И другій прожили щасливо,
А на треццій наступаючій
Захоцѣли въ госци къ мамочцѣ.
Ѣдуць поле, ѣдуць другое,
А на треццее узъѣхавши,
Стали ены ночь ночеваци,
Расклали огонь подъ сосною.
Да пришли къ нимъ три разбойника
И забили этого купчика;
Да взяли съ собою вдовеньку.
Въ цемномъ лѣсѣ да дымы дымяць;
Средзь поляны да огни горяць.
Привели туды удовушку,
Посадзили межъ собой ее,
Восемь браццевъ спаць положилися,
Дзевятый сцерегъ удовушку:
„Досиць кручиниць головушку;

А скажи моя лебедушка,
Ты откуль родомъ и племенемъ"?
Запытавъ енъ горемычную.
„Была удовка на Волынонечцѣ,
Мѣла ена дзевяць сыновъ,
А десятую дочушечку,
Да по имени Ганнусечку.
Твое сыны своевольники,
Не пошли на службу царскую,
Взявъ кіи, пошли на разбои.
Я Ганнусечка вышла замужъ
За купчика за торговщика."
—Ой вставайце уси вы бражники!
Шейце мѣхи, да не мѣрючи;
Сыпце золото, не личучи,
Камни дорогіе, на вѣсючи.
Мы сестру свою заудовили,
Ее дзѣтокъ посироцили.—

5.

Ой учора съ самаго вечора
Разбойники собиралися,
Собиралися на разбой пойци.
А съ разбою да чуй свѣтъ пришли.
Да у старшаго разбойника,
Подъѣзджаючи подъ вороты,
Вороный конь копытомъ грюкнувъ,
Штобъ жена вороты отперла.
Вспуцила жена на дворъ мужа
Вотъ тобѣ, жена, одзѣжинка!
Встрехнувши, въ скрыни (*сундуки*) клади собѣ.
Жена стрехнувши, поглѣдзѣла,
Што одзѣнне ей знакомое.
Ой поглѣдзѣла да й заплакала!
Ахъ ты воръ, ты воръ окаянный!
Ты забивъ мойго братца роднаго.

„Охъ! не я, не я забивъ его,
Охъ! не я, то зарубивъ его,
Зарубила цемна ноченька.
Ёнъ да дужо мнѣ на супоръ ставъ,
Не уступивъ енъ мнѣ дороженьки,
Скинувъ только рукавички зъ рукъ,
Отбивався отъ мене палашикомъ,
Я убивъ его не знаючи."

6.

Кузьма сядзѣвши съ Апанасомъ,
Ему говорицъ добрымъ часомъ:
„Минулись давніе годы,
Якъ жили нашй дзѣды:
Богатшее было село,
Якъ мудрыхъ пановъ не было̀:
Уси тогды лѣпѣй гуляли,
Дзесятники насъ не гоняли,
Урядники такъ не карали."
—Цыцъ, братъ, сказавъ Апанасъ;
Цеперешній нашъ лѣпи часъ.
Цеперь тужицъ намъ нѣтъ о чомъ,
На одной мили семъ карчо̀мъ.
А хо̀чучи повеселицьца;
Не треба дали волочицьца,
Цеперя, што только ступивъ,
Кабъ гроши, усе-бъ горѣлку пивъ!
Горѣлки выпьешь, якъ отъ перцу,
По жиламъ пойдзе̃цъ и по серцу
Кузьма за гето въ злоць вступивъ,
Чуць Апанаса не побивъ:
Што ты, дуракъ, мнѣ тутъ бовтаешь?
Тогды у насъ бывало свято,
Коли мецецца было хата,
А гето што цеперъ за дзиво?
Горѣлку гонюць, варюць пиво!

Цеперь веселле ци гуляць,
У Папа треба запытаць;
Давнѣй было дровъ продаси;
Горѣлку пьешь, пирогъ ѣси.
Цеперь панъ пруцикъ запрецивъ
Хиба (*развѣ*) украдкомъ хто схвацивъ.
А то сѣдзи цеперъ безъ соли,
Сѣчь лѣсу не даюць намъ воли.
Бывало хату продаси,
Дакъ добре выпьешь и зъѣси.
Цеперъ же печь штобъ протопиць,
Лозину надо церибиць.
Цепера паньскіе пригоны,
Подводное, да чисты згоны
Отъ церквы отучили насъ.
И въ праздникъ не слабодный часъ;
Церква пуста, якъ стодола (*сарай*).
Ци Михайла, ци Микола.
Цеперъ не то мы дзѣлаць стали,
Хвалици Бога перестали;
Ой да коли й Енъ зъ насъ зашкелиць!
У сихъ разомъ насъ смерць перемелёць.
Да што туть много намъ бовтаць!
Того я только не забуду:
Не надо Бога гнѣвиць!
А прозъ святыхъ Его молиць!
Одзинъ я бывъ сынокъ у таты,
Да енъ бывъ досиць и богатый!
Разъ нѣшто я бывъ занемогъ,
Да и сусимъ уже ставъ плохъ.
Надъ мною мама плакаць стала,
Молясь, Миколѣ обѣщала
Свѣчу справляць и вариць пиво,
Сама покуля и будзець жива;
Тольки-бъ Богъ сына не отбиравъ
И отъ хворобы вызволявъ.

Якъ только то ена сказала,
За разъ хвороба перестала,
Черезъ недзѣли двѣ я уставъ;
Свѣчи разъ не отправивъ тата,
Прицѣрпила за тое хата.
Найлѣпшій здохъ у насъ целенокъ,
А у невѣстки умеръ дзѣценокъ.
Якъ тата гето поцерявъ,
Свѣчу справляць усѐгды ставъ

7.

Да у саду, у саду виноградномъ
Стоиць конь въ уборѣ парадномъ.
Нихто коню заганы (*охулки*) не положиць,
Нихто коню цѣны не наложиць.
Наѣхали купцы зъ Руси крайней,
Повели купцовъ до стайни (*конюшни*),
Заганы коню не наложили,
А цѣну ему положили,
Сто червоныхъ злотыхъ оцѣнили.
Одзинъ купецъ каже: коникъ добрый!
Другій купецъ каже: дуже добрый!
Трецці вскочивъ на коня да й поѣхавъ,
Ѣдзець ёнъ поле, ѣдзець и другое,
На трецціе поле узъѣжджае.
— Ступай коню ширѣй у садочекъ!
Стукни копытомъ у церемочекъ!
Дубовый церемочекъ, разступися!
А ты, моя милая, отзовися!
Ци мнѣ женицися, ци мнѣ журицися?
— Ой ты дружокъ мой вѣрный, не журися (*не печалься*)!
Дождавшись восени, ты оженися!
Возьми себѣ ты жонку—подолянку,
Хорошего роду хоць и мѣщанку!
Возьми себѣ жонку молодую,
Дзѣцямъ моимъ матку не родную!

Ты возьмешь собѣ жонку прекрасную,
На дзѣтокъ моихъ долю нещасную.

Въ 1848 году получена отъ священника изъ Унитовъ, принявшаго Православіе, Мстиславской, Казимирово-Слободской церкви отца Григорія Бочко слѣдующая пѣсня:

8.

Вотъ цеперъ якій людъ ставъ,
Хицеръ, золъ, не удалъ, лукавъ!
Есць такихъ на свѣцѣ много,
Што запомнили на Бога.
Себе любюць ўсего болѣ,
По своей идуць ўси волѣ,
Малу вѣру въ Бога маюць,
Ворожбитовъ призываюць.
Нарѣкаюць въ томъ на Бога,
Што у ихъ не ма пичо́го.
А разбога́ціиць хто,
Штобъ-то дзяковаць (*благодарить*) за то!
Нѣ! не ўзглянець ёнъ на небо,
Ему еще больши треба.
Надъ крохою хлѣба млѣёць:
Дацъ голодному жалѣёць;
Гониць бѣднаго зъ двора,
Хоць я́кая будзь пора.
На небо цеперъ не дбаюць (*не заботятся*):
Мужи по дзвѣ жонки маюць,
Жонки другихъ мужиковъ.
Знаць цеперъ ужъ свѣтъ таковъ;
Знаць цеперъ такіе часы,
Што ўси на чужое ласы (*лакомы*);
Взяць чужое имъ не грѣхъ;
Думаюць,—уйдзецъ за смѣхъ.
Кого мы собе не прочимъ,
Съ тымъ и знацьца мы не хочёмъ:

Хто безъ грошей и безъ хлѣба,
Тыхъ людзей и намъ не треба:
А коли да хто богатъ,
Кажному и сватъ и братъ.
И панъ цягнецъ по богато̂мъ,
Коли судзицъ брата съ брато̂мъ.
Богачъ скривдзивъ, ёнъ и правъ;
Бѣдный скривженъ, чымъ пропавъ.
Выйграць справу ему трудно:
Нудному усюдыхъ (*всюду*) нудно!
Къ справнику енъ не добьецца,
Тольки шiи достаецца,
Къ секлетарю безъ приносу
Не потыкай бѣдный носу.
Было-бъ то надъ чудо̂мъ чудо̂,
Штобъ бѣднякъ правъ выйшовъ зъ суда

На ховтурахъ, ци на ксцинахъ,
На весили, на менинахъ *)
Богатому усяго досъ, **)
А бѣдному скула въ носъ!
Хто ободраный и нагiй,
Къ тому ни якей уваги (*вниманiя*);
А одзѣтаго богато
Маёцъ панъ за пана брата,
Знаюць, ёнъ крутней (*плутовствомъ*) разжився;
Знаюць, слёзъ людзкихъ напився;
Да чесць отъ усихъ ему,
Коли придзёцъ ёнъ къ кому.
А бѣднякъ душой будзь чесценъ;
Ёнъ и злодзѣй и безчесценъ.

Свой свойго, у насъ бывало,
Не допусцицъ а ни мало
До обиды, до криви,

*) *Хавтуры*—погребенiе, поминки. *Ксцины*—крестины. *Веселле*—свадьба.
**) *Досъ*—вм. *досиць*—до сыта, вдоволь.

Хоць ты ему воко рви.
А цеперъ и межъ своими
Хуже, чимъ-си межъ чужими;
Нема ладу, нема миру,
Каженъ собѣ глядзиць къ виру; *)
Нема двора, нема хатки,
Штобъ было безъ жаднэй звадки (*безъ всякой ссоры*);
Згоды (*согласія*) межъ бацьковъ нема,
Гнѣваюцца за дарма̀.
Дзѣци зъ бацькина прикладу (*примѣра*)
Межъ собой немаюць ладу:
Нападаець братъ на брата;
Роднымъ брацциямъ цѣсна хата.
Гонюць сердце, гонюць злосць;
Грыжа, якъ ў собакъ за косць.
Сестра сестрѣ клятбы досыць,—
Кабъ пропала, Бога просиць!
Дзѣци часто бацьку лаюць,
Клянуць матку, зневажаюць:
А убравшися у силу,
Гонюць бацьку у могилу.
Сами смашно **) жруць и пьюць,
Ему поливку (*похлебку*) даюць.
Жаль куска для бацьки хлѣба,
Якъ бы ѣсць ему не треба:
Бацьку свойго за обѣдомъ
Называюць дармоѣдомъ.
А другій такій ёсць шельма,
Што, свое заливши бѣльма ***),
И рукамъ своимъ дасць волю,

*) *Виръ* — вырь, водоротъ въ рѣкѣ или озерѣ; всякое опасное мѣсто. *Виры* — нечистые духи, живущіе въ водяныхъ пропастяхъ (Слов. г. Носовича стр. 58).

**) *Смашно*—тоже что̀ *смачно*—вкусно (Слов. г. Носовича стр. 594).

***) Собственно *бѣльмы*—говорится укоризненно въ смыслѣ: *глаза* (Слов. г. Носовича стр. 41).

На свою не помня долю,
Свойго бацьку пхаець съ хаты.
Ёсць же сынъ такій проклятый,
Хто на бацьку, альбо матку
Съ дуру ляпнець мову (*рѣчь*) гадку;
И за то быць у пекли грѣцьца,
Коли словомъ къ имъ порвецца,
А якіяжъ будуць муки,
Хто взнесець на бацьку руки?
Дзиво намъ, што горькой (?) братъ,
Братнему кавалку (*куску*) радъ.
Всёгды зависць маець голый,
Што у сусѣда хлѣбъ и пчелы.
А вотъ сквапный (*алчный*)! свойго досыць,
А чужую траву косиць;
Чужіе снопы берець
И черезъ межу орець.
Сквапный жадзенъ до чужого,
Сквапному виць треба много,
Хоць свойго ажъ натто маёць,
А чужое ўсе хапаець.
Збожжа *) маець хоць въ запасѣ,
Да не вызволиць ёнъ въ часѣ. **)
А повычиць (*дать въ займы*), то на тое
Квапиць (*алчетъ*) квоты (*проценты*) узяць у двое.
Свѣтъ увесь ёнъ, кабъ примѣвъ (*смогъ*),
Енъ къ собѣ соскресци бъ мѣвъ.
Дзиво жь што злодзѣйски (*воровскіе*) вочи
Лѣзуць красць по клѣцямъ въ ночи.
Много, што на правду плюють,
Кулакомъ подъ носъ тымъ суюць,
Хто по правдзѣ скажець имъ;

*) Збожже—всякій хлѣбъ въ зернахъ и въ посѣвѣ, Божій даръ. (Слов. г. Носовича), стр. 196) Слово весьма древнее, встрѣчающееся уже въ «Судѣ Любуши»: déti vsie tu sboziem vjedno vladu. Пр. О. М.

**) Не поможетъ въ пору—т. е. въ худую пору. О. М.

Не зови его лихимъ,
Не кажи што ёнъ сваволиць;
Правда, кажуць, вочи колиць.
Не по правдзѣ присягаюць,
Не по правдзѣ выцягаець
У бѣдняка акономъ
Буццымъ *(будто бы)* правду бизуномъ.
Не по правдзѣ бѣдныхъ гонюць,
И не къ правдзѣ судъ свой клонюць.
Запытайся правды въ сýдзѣ,
Поглядзимъ, што съ того будзе!
Много ёсць такихъ на свѣцѣ,
Што по злосци лихо плеце,
Язычкомъ своимъ поганымъ
Своихъ брацціи передъ паномъ
Уѣдаець ни за што,
Штобы самому за то
Ласку заслужиць у пана:
Панъ послухаець сатáна,
Здерець спину ажъ до пятъ,
Хоць бы хто й невиноватъ;
Альбо въ некруты небогу,
Альбо въ цяжкую налогу,
Альбо въ дальній трудный пуць
Злые людзи упекуць.
От чего жь такъ, усе што дали (*чимъ далѣе*).
Людзи не полюдзку стали
Злы, зависливы, суцяги,
Пьяницы, альбо плуцяги,
Непокорны, драчуны,
Скваипные до чужбины;
Отъ чего такъ людзи грязны,
Не живуць меж-собѣ въ пріязни?
Отъ чего такъ людзи сами
Лѣзуць въ пекло и зъ цѣпями?
Отъ чего межъ сихъ не ладъ,

Што чужей бѣдѣ ўсякъ радъ?
Ото того што въ серцу Бога
Нема цеперъ ни у кого,
Свята хоць не много маёмъ,
Ици въ церковь забываемъ,
Каждаго святаго дня
Корчма повна до повдня,
Мы до церквы ўси недужи (*недужны*, *больны*),
До молитвы недосужи;
Малый вочче *), што научився,
Якъ подросъ, усе забывся.
Бацька самъ бывъ не цекавъ (*любопытенъ*),
Богородзицы не знавъ;
Вѣрую, хиба (*развѣ*) зъ начала,
Матка може трохи (*немножко*) знала.
Только вспомнимъ мы на Бога,
Коли зайдзець насъ тревога;
Урожай на полѣ плохъ,
Чуемъ, што караець Богъ.
Годы жь хлѣбны (*урожайны*) узъявились,
Зновъ на Бога мы забылись.
Людъ мы плохій! людъ сваволльный!
Къ бѣдному не хлѣбосольный!
А въ корчму—иное дзѣло!
Тамъ душа наша и цѣло!
Охъ! нашь братъ ёсць и такій,
Што ў его и нравъ лихій.
На торгу продасць возъ сѣна,
А што узявъ, въ корчмѣ усё сѣло.
Вдвору съ пьяными вочами,
Вернець съ голыми руками.
А въ дворѣ за тоежь зелле,
Треба взяцца за похмѣлле.
Кольки хлѣба намолоцiць,

*) Т. е. молитву «Отче нашъ». О. М.

У корчомку ўсе волочиць;
Решту (*остатка*) коли будзець што,
На горѣлку прець и то.
Тамъ ёнъ днюець и ночуець,
Скóготу (*вопля*) дзѣцей не чуець.
Тамъ дадуць ему и ѣсци,
Зъ голоду жь въ дворѣ мруць дзѣци.
Придзець въ двору дужо (*очень*) пьянъ,
Да и норовомъ поганъ:
Жонка ци зачнець сварицьца (*браниться*),
Ёнъ кидаецца къ ей бицца,
У сихъ разгониць д' одного.
Кому дзѣло до его?
Передъ имъ и панъ не панъ.
Самъ себѣ ёнъ панъ, якъ пьянъ.
Хто такого здержаць мусиць?
Коли хто чего укусиць,
Не покинець до могилы.
Покуль живы, пійце жилы!
Спившись, двора не пильнуець (*не стережетъ*),
Гдзѣ ночуець, а йдзѣ днюець,
Пьець, покуль зубы сотнець, *)
Ци на холодѣ заснець;
Отморозиць руки-ноги,
Тогды вѣчный ёнъ убогій.
Пойдзець просиць погорѣлымъ,
Буццымъ въ огнѣ обгорѣлымъ,
Таиць, што черезъ своволю
Гетаку наживъ недолю:
Нарѣкаець въ томъ на Бога,
Што за дзень собравъ не много.
Не долужный неборакъ (*слабосильный бѣднякъ*),
Дражнець по дворамъ собакъ;

*) *Сотнуць*, сцинаць—снять, срубить однимъ взмахомъ (Слов. г. Носовича, стр. 608).

Обвандруець (*обойдетъ*) *) уси селы,
Босый, калѣка и голый.
Хто побоженъ (*благочестивъ*), дасць убогу,
Зжалившись къ ему небогу,
А ёнъ што въ дзень соберець,
Въ карчму на горѣлку прець,
Покуль зъ холоду калѣкій
Подъ плетнемъ заснець на вѣки.

Пѣсни, относящіяся къ семейной жизни Бѣлорусскихъ поселянъ.

А. Свадьба.

Свадьба имѣетъ свои необходимыя и, такъ сказать, обычаемъ узаконенные періоды.

Первый періодъ есть—сугляды: **) это есть первое знакомство жениха и невѣсты. Онъ не всегда оканчивается благополучно. Иногда худой пріемъ бываетъ причиною неудачи. «Дзѣвка ничого собѣ, да матка не уковырная», говорятъ недовольные соглядатаи; „добрымъ словомъ не приняли насъ". Но если со стороны жениха замѣчено будетъ какое нерасположеніе, то это считается жестокою обидою для невѣсты. Хотя при суглядахъ не бываетъ пѣсень, но въ одной изъ свадебныхъ пѣсень объ этомъ обстоятельствѣ упоминается:

Коли нашу дзѣвку любишь, дай пирогъ;
А коли не любишь, вонъ за порогъ!
Не хвалися, што ты у насъ бывъ,
Да нашей N не взлюбивъ.

Второй періодъ занимаетъ сватовство. Въ дѣлѣ свадьбы сватъ занимаетъ великій постъ. Родные жениха избираютъ на эту обазанность человѣка пожилого, но не стараго очень, а именно лѣтъ за сорокъ.

---

*) Отд. нѣм. wandern.

**) Смотрины у Великоруссовъ.

Человѣкъ помоложе не можетъ пользоваться тѣмъ уваженіемъ, которое прилично столь довѣренному лицу, а старый не былъ бы въ силахъ выполнить всѣ довольно трудныя выходки, которыхъ требуетъ, по принятому обыкновенію, обязанность свата. Кромѣ того необходимыя условія, соединенныя со званіемъ свата, суть достаточное достояніе, трезвенность, примѣрное поведеніе, почетъ между сосѣдями и сверхъ того способность красить рѣчь свою разными прибаутками, веселость характера, ловкость въ объясненіяхъ и умѣнье развеселить общество приличными шутками. Такъ какъ между крестьянами особенно рѣдки такіе люди, которые бы знали всѣ ухватки, собственно до сватовства касающіяся, то часто случается, что въ одномъ селеніи одинъ для всѣхъ исполняетъ ремесло свата. Случается даже при немноголюдствѣ селенія, что просятъ быть сватомъ и изъ другихъ деревень. Лица, занимающіяся ремесломъ сватовства, имѣютъ на перечетѣ всю холостую молодежь, какъ парней такъ и дѣвицъ, и знаютъ каждаго и добрыя черты и слабости. Почему молодые люди всячески стараются снискать расположеніе общаго свата.

Въ домѣ, гдѣ находится невѣста, въ ожиданіи свата, должно быть все въ чистотѣ и порядкѣ, особенно что́ относится къ занятіямъ невѣсты, чтобы сватъ ничего не нашелъ предосудительнаго. Сватъ по этому предварительно даетъ знать отцу или матери невѣсты или близкому ея родному о своемъ посѣщеніи. Вошедши въ избу, онъ крестится, потомъ кланяется хозяину, сидящему нарочито на кутѣ (переднемъ углѣ). „Здоровъ, здоровъ говоритъ хозяинъ. Сядзь, сусѣдзе, сядзь, будзіешь госць у насъ".

Дзяковаць! Сѣдзѣли на гетой недзѣли!
Да што съ того будзе? Нашъ быкъ
Да къ вашей целушцѣ привыкъ!
Кабъ давъ Богъ того намъ дождаци,
Штобъ вашу целушку да до нашого быка загнаци!

Нѣкоторые иную формулу употребляютъ въ этомъ случаѣ:

У цебе, господарю, ёсць товаръ ледзенецъ,
А у мене ёсць купецъ молодзецъ.

Услышавъ это, хозяинъ встаетъ съ своего мѣста и, взявъ свата

подъ руку, садитъ его на кутъ. Начинается разговоръ о достоинствахъ жениха. Невѣста между тѣмъ при первыхъ словахъ свата уходитъ за двери, чтобы сообщить радостную вѣсть своимъ ближайшимъ подругамъ, которыя уже не пропустили случая прибѣжать, завидѣвъ появленіе идущаго къ сосѣдямъ свата съ торбою. Всѣ онѣ, ставши подъ дверями, вслушиваются въ разговоръ стариковъ.

— „А йдзѣ жь невѣста? спрашиваетъ сватъ. Треба и ее попытаць, ци согласна ёна выйци за нашего молойца?"

— „Вѣдомо альбо соромицца, альбо за дзѣломъ пошла; ена у насъ рукодзѣльница", отвѣчаетъ хозяинъ. А вотъ матка позовецъ ее. На эти слова мать выходитъ и, по нѣкоторомъ сопротивленіи за дверями въ сѣняхъ, вводитъ невѣсту въ избу. Невѣста бѣдная не смѣетъ поднять глазъ и стоитъ при стѣнѣ или у печи, по большей части ковыряя пальцемъ въ ней.*) Сватъ, обращаясь къ ней, говоритъ: „кажись, я не даромъ пришовъ сюды, Ходоска (имя невѣсты). Ци такъ?"

„Штожь ты скажешь, дочка моя? отзывается отецъ. Сватъ просиць, штобъ ты вышла замужъ за NN. Хлопецъ, нечего сказаць, хорошій, да й добраго ойца и матки. Ци пойдзешь за его? Мы цебе не приневоливаемъ." Молчаніе. „Штожь ты мовчишь?—Не хочешь, якъ хочешь. Мы не выпихаемъ свое дзиця со двора".

— Якъ собѣ хочеце, отвѣчаетъ невѣста.

— „Нѣ! коли любишь, то скажи; а не любишь, откажи, говоряць добрые людзи. Мы отдаемъ на твою волю, штобъ ты не плакалась на насъ. Скажи, ци пойдзешь за NN?"

— Штожь дзѣлаць, пойду, коли такъ треба.

— „Вотъ такъ бы давнѣй", говоритъ сватъ, и вслѣдъ за этимъ изъ перевѣшенной у него чрезъ плечо кожаной сумы, называемой у Бѣлорусовъ торбою, которая въ дѣлѣ сватовства есть необходимая принадлежность, тотчасъ вынимаетъ бутылку водки и, поставивъ на столъ, проситъ невѣсту поискать чарки, а мать тѣмъ

*) Т. е. въ печкѣ. Прекрасное истолкованіе этого обрядоваго ковырянія, какъ и другихъ обрядовъ, связанныхъ съ *очагомъ*, можно найти въ разборѣ А. Н. Аѳанасьева книги Fustel de Coulanges «La Cité antique» Вѣстникъ Моск. Археол. Общ. Май—Іюнь 1867). О. М.

временемъ наскоро приготовляетъ закуску. Сватъ, наливъ рюмку, выпиваетъ за здоровье невѣсты, невѣста за здоровье отца, а отецъ за здоровье жены.

Нѣкоторые сваты съ первою рюмкою обращаются къ отцу невѣсты и, выпивши, вынимаютъ изъ сумы пирогъ, сыръ и кусокъ жареной говядины и подаютъ невѣстѣ, которая съ этою закускою идетъ къ своимъ подружкамъ и угощаетъ ихъ. Когда бутылка будетъ опорожнена, то мать невѣсты обертываетъ ее тонкимъ холстомъ и возвращаетъ свату при отъѣздѣ, по поговоркѣ: «свату на штаны.»

Еслибы невѣста или родители ея, поразсудивъ между собою, по отъѣздѣ свата измѣнили свое намѣреніе и отказались отъ жениха, то отецъ на слѣдующій день рано долженъ отнесть свату деньги за употребленную имъ водку и тѣмъ совершается дѣло отказа.

Въ иныхъ мѣстахъ сватъ, не объявляя причины своего прихода, вынимаетъ изъ кожаной сумы бутылку водки и ставитъ на столъ, говоря: „отъ NN челобицце!" Ежели хозяинъ приметъ отъ свата водку и велитъ подать рюмку, то это значитъ, что онъ согласенъ выдать дочь свою за предлагаемаго жениха. Объ этомъ обстоятельствѣ напоминаютъ свадебныя пѣсни N 1 и 2, которыя поются въ послѣдствіи въ родѣ насмѣшки. Но ежели не приметъ сватней водки, то это значитъ отказъ. И весь переговоръ кончается тѣмъ, что хозяинъ ставитъ на столъ бутылку своей водки и подчуетъ свата, говоря: „сватъ не сватъ, а добрый человѣкъ".

Третій періодъ свадьбы есть день змовинъ или великихъ запоинъ. *) Спустя нѣсколько дней послѣ сватняго посѣщенія, назначается день для постановленія условій между родителями брачущихся. Невѣста, сопровождаемая родственницею, идетъ по всѣмъ домамъ родственниковъ и сосѣдей (крестные отецъ и мать и повивальная бабка считаются въ числѣ близкихъ родныхъ). Вошедши въ избу, кланяется почти до ногъ, по порядку, каждому, не исключая дѣтей и челяди, и проситъ самого хозяина на змовины или заручины въ назначенный день.

Какъ цѣль змовинъ есть устроить благосостояніе будущей четы

---

*) *Пропой* у Великоруссовъ. О. М.

подъ кровомъ отца и матери жениха, и какъ невѣста по этому должна оставить домъ родительскій и вступить въ новое семейство: то, чтобы на будущее время оградить ее отъ укорительныхъ упрековъ свекрови и сестеръ мужа въ бѣдности, предварительно сходятся прошенные невѣсты, и подъ предсѣдательствомъ свата большого (такъ называется сватъ, помянутый во второмъ періодѣ свадьбы, для отличія отъ отцовъ невѣсты и жениха, которые вообще между собою по родству, т. е. по браку, называются сватами) и настаиваютъ на томъ, чтобы отецъ и мать невѣсты не допустили, чтобы члены новаго семейства, въ которое должна вступить она, могли выставлять ей на видъ, что она „нищенка, голота, ни съ чимъ пришла туды", и дали бы ей надлежащее приданое и порядочный гардеробъ изъ домашней рухляди.

Старики, исключая отца невѣсты, въ ожиданіи пріѣзда большого свата только совѣщаются между собою, какіе предметы нужно выговорить, судя по состоянію отца невѣсты. Скоро является большой сватъ. Онъ привозитъ невѣстѣ пирогъ, начиненный макомъ съ медомъ. Невѣста, принявъ это, удаляется къ своимъ подругамъ въ чуланъ или клѣть, и тамъ угощаетъ ихъ при пѣніи пѣсни N 3 и другихъ, приличныхъ обстоятельству.

Старики въ присутствіи свата дѣлаютъ окончательное опредѣленіе о приданомъ, по бѣлорусски, *посаг*, и назначеніи всего необходимаго, сидя чинно за столомъ. Не задолго пріѣзжаетъ молодой съ двумя дружками, составляющими его поѣздъ или свиту, и съ тремя свахами, изъ которыхъ главнѣйшая есть его крестная мать, а послѣднія—или сестры замужнія или родственницы. Крестный отецъ жениха служитъ повожатымъ, т. е. извощикомъ помянутыхъ женщинъ. Всѣ четыре мужчины входятъ въ избу въ шапкахъ съ большой надменностію, ни съ кѣмъ не кланяются, кромѣ большого свата, который всѣмъ новоприбывшимъ отвѣчаетъ мгновенно наклоненіемъ головы, надѣвъ также шапку. Это странное обыкновеніе, не вездѣ соблюдаемое, кажется заимствовано отъ Татаръ. *) Женихъ садится подлѣ свата, дружки и прочіе за нимъ

---

*) Т. е. что собственно заимствовано? *надѣваніе шапокъ* или вообще *надменность?* Эта послѣдняя объясняется, помимо всякихъ заимствованій,

рядомъ по всей лавкѣ. Свахи поютъ пѣсню № 4. По пропѣтіи пѣсни, всѣ молчатъ. Лица всего этого общества кажутся задумчивы, не веселы и выражаютъ какое-то неудовольствіе, какъ бы чего имъ недоставало или какъ бы они кого ожидаютъ. Только одинъ сватъ, котораго обязанность поддерживать веселость въ компаніи, затѣваетъ шуточный разговоръ, обращаясь то къ тому, то къ другому, и даже къ женщинамъ. Но всѣ отвѣчаютъ ему молчаніемъ. Видя, что всѣ его шутки и выдумки не срываютъ улыбки съ лицъ присутствующихъ, погруженныхъ въ какую-то задумчивость, и самъ сватъ какъ-то смущается и говоритъ: „Якое тутъ дзѣецца лихо, што мы ўси повѣсили носы? Што гето тутъ такое? Айба! Дай дзѣжъ гето нашъ господарь? Нехай собѣ господыня, въ своемъ дворѣ рохмистриня да йдзѣ жъ-то самъ господарь? Видно што несподзѣвався госцей“. Сказавши это, вдругъ вскакиваетъ съ своего мѣста, идетъ въ сѣни, гдѣ и находитъ хозяина, безъ сомнѣнія поджидавшаго этой сцены, и говоритъ на распѣвъ:

Хвала жь Богу!
Кого шукали,
Того споткали.
Просимъ до хаты!

— Я тамъ може не дуже потребенъ, говоритъ тотъ, какъ будто намекая, что его непригласили къ совѣту.

— А нѣ! господарю!
Мы въ твоей хацѣ,
Просимъ насъ кохаци.

При сопротивленіи хозяина, выходитъ молодой со своими кавалерами и всѣ, снявъ шапки и низко кланяясь, упрашиваютъ войти въ избу; наконецъ на эту игру борьбы выбѣгаютъ свахи и подхватываютъ хозяина подъ руки и вводятъ. Потомъ идутъ къ невѣстѣ, уединившейся со своими подругами въ чуланъ или клѣть, и ее также съ подругами вводятъ въ избу, съ приличными обстоятельствамъ пѣснями. Невѣста, вошедши, начиная отъ свата, всѣмъ

древнимъ насильническимъ значеніемъ полка, дружины, поѣзда жениха, этого *чужого чужанина*, *погубителя*, *разорителя* и т. п. (см. въ моемъ Ист Обозр. Р. Слов. стр. 102. О. М.

присутствующимъ дѣлаетъ, каждому порознь, низкіе поклоны, поддерживаемая своими компаніонками. По совершеніи поклоновъ, она подходитъ къ одной изъ замужнихъ женщинъ, особенно изъ пріѣхавшихъ съ женихомъ, и проситъ ее быть руководительницею во всемъ, такъ какъ у ней въ свѣжей памяти всѣ обстоятельства дѣвицы, выходящей замужъ. Здѣсь, вмѣсто невѣсты, женщины и дѣвицы поютъ пѣсню № 5. Тогда всѣ садятся кругомъ стола, по распоряженію большого свата, такъ: жениха, какъ князя молодого, садятъ на кутѣ на первомъ мѣстѣ противъ невѣсты, которая должна занять мѣсто на другомъ концѣ стола. Подлѣ жениха садится большой сватъ по правой рукѣ, а противъ него, по лѣвой рукѣ жениха, молодуха, по бѣлорусски молодица, руководительница невѣсты. Далѣе садятся мужчины за столомъ такъ, чтобы противъ старшаго дружка сидѣла на скамьѣ съ другой стороны стола большанка, противъ младшаго дружка приданка *), далѣе противъ стариковъ сидятъ сваха и прочія женщины. Отецъ невѣсты оканчиваетъ рядъ мужчинъ, а мать рядъ женщинъ. Когда такимъ образомъ всѣ усядутся, входитъ мать и занимаетъ сказанное мѣсто. За нею вслѣдъ вносятъ на столъ водку и закуску. Наливъ рюмку, она пьетъ, говоря: „Будзь здоровъ, сваточекъ! „потомъ наливаетъ рюмку и подаетъ свату, накрывъ ее бѣлымъ платкомъ“. Сватъ, положивъ платокъ въ карманъ, пьетъ за здоровье невѣсты; невѣста, прикоснувшись губами къ рюмкѣ и покрывши краснымъ лавочнымъ платочкомъ, подаетъ ее старшему дружку жениха. Старшій дружокъ, спрятавъ въ карманъ платокъ, пьетъ за здоровье молодухи, которая въ свою очередь пьетъ за здоровье младшаго дружка и подаетъ ему налитую рюмку, обвивъ ее тесьмой невѣстиной работы. Младшій дружекъ пьетъ за здоровье большанки. Большанка пьетъ, передаетъ рюмку старику, сидящему подлѣ младшаго дружка. Такимъ образомъ рюмка переходитъ по порядку черезъ столъ къ слѣдующимъ изъ пирующихъ, пока дойдетъ до повивальной бабки, которая, сидя подлѣ матери невѣсты, пьетъ за здоровье отца ея, а отецъ обращается съ рюмкою къ зятю, т. е. жениху, на которомъ оканчивается очередь застольныхъ гостей, переходя къ лицамъ, внѣ стола находящимся.

---

*) Приданка—подружка, помогавшая невѣстѣ шить приданое.

временемъ наскоро приготовляетъ закуску. Сватъ, наливъ рюмку, выпиваетъ за здоровье невѣсты, невѣста за здоровье отца, а отецъ за здоровье жены.

Нѣкоторые сваты съ первою рюмкою обращаются къ отцу невѣсты и, выпивши, вынимаютъ изъ сумы пирогъ, сыръ и кусокъ жареной говядины и подаютъ невѣстѣ, которая съ этою закускою идетъ къ своимъ подружкамъ и угощаетъ ихъ. Когда бутылка будетъ опорожнена, то мать невѣсты обертываетъ ее тонкимъ холстомъ и возвращаетъ свату при отъѣздѣ, по поговоркѣ: «свату на штаны.»

Еслибы невѣста или родители ея, поразсудивъ между собою, по отъѣздѣ свата измѣнили свое намѣреніе и отказались отъ жениха, то отецъ на слѣдующій день рано долженъ отнесть свату деньги за употребленную имъ водку и тѣмъ совершается дѣло отказа.

Въ иныхъ мѣстахъ сватъ, не объявляя причины своего прихода, вынимаетъ изъ кожаной сумы бутылку водки и ставитъ на столъ, говоря: „отъ NN челобицце!“ Ежели хозяинъ приметъ отъ свата водку и велитъ подать рюмку, то это значитъ, что онъ согласенъ выдать дочь свою за предлагаемаго жениха. Объ этомъ обстоятельствѣ напоминаютъ свадебныя пѣсни N 1 и 2, которыя поются въ послѣдствіи въ родѣ насмѣшки. Но ежели не приметъ сватней водки, то это значитъ отказъ. И весь переговоръ кончается тѣмъ, что хозяинъ ставитъ на столъ бутылку своей водки и подчуетъ свата, говоря: „сватъ не сватъ, а добрый человѣкъ“.

Третій періодъ свадьбы есть день змовинъ или великихъ запоинъ. *) Спустя нѣсколько дней послѣ сватняго посѣщенія, назначается день для постановленія условій между родителями бракущихся. Невѣста, сопровождаемая родственницею, идетъ по всѣмъ домамъ родственниковъ и сосѣдей (крестные отецъ и мать и повивальная бабка считаются въ числѣ близкихъ родныхъ). Вошедши въ избу, кланяется почти до ногъ, по порядку, каждому, не исключая дѣтей и челяди, и проситъ самого хозяина на змовины или заручины въ назначенный день.

Какъ цѣль змовинъ есть устроить благосостояніе будущей четы

---

*) *Пропой* у Великоруссовъ. О. М.

подъ кровомъ отца и матери жениха, и какъ невѣста по этому должна оставить домъ родительскій и вступить въ новое семейство: то, чтобы на будущее время оградить ее отъ укорительныхъ упрековъ свекрови и сестеръ мужа въ бѣдности, предварительно сходятся прошенные невѣсты, и подъ предсѣдательствомъ свата большого (такъ называется сватъ, помянутый во второмъ періодѣ свадьбы, для отличія отъ отцовъ невѣсты и жениха, которые вообще между собою по родству, т. е. по браку, называются сватами) и настаиваютъ на томъ, чтобы отецъ и мать невѣсты не допустили, чтобы члены новаго семейства, въ которое должна вступить она, могли выставлять ей на видъ, что она „нищенка, голотва, ни съ чимъ пришла туды“, и дали бы ей надлежащее приданое и порядочный гардеробъ изъ домашней рухляди.

Старики, исключая отца невѣсты, въ ожиданіи пріѣзда большого свата только совѣщаются между собою, какіе предметы нужно выговорить, судя по состоянію отца невѣсты. Скоро является большой сватъ. Онъ привозитъ невѣстѣ пирогъ, начиненный макомъ съ медомъ. Невѣста, принявъ это, удаляется къ своимъ подругамъ въ чуланъ или клѣть, и тамъ угощаетъ ихъ при пѣніи пѣсни N 3 и другихъ, приличныхъ обстоятельству.

Старики въ присутствіи свата дѣлаютъ окончательное опредѣленіе о приданомъ, по бѣлорусски, *посагъ*, и назначеніи всего необходимаго, сидя чинно за столомъ. Не задолго пріѣзжаетъ молодой съ двумя дружками, составляющими его поѣздъ или свиту, и съ тремя свахами, изъ которыхъ главнѣйшая есть его крестная мать, а послѣднія—или сестры замужнія или родственницы. Крестный отецъ жениха служитъ повожатымъ, т. е. извощикомъ помянутыхъ женщинъ. Всѣ четыре мужчины входятъ въ избу въ шапкахъ съ большой надменностію, ни съ кѣмъ не кланяются, кромѣ большого свата, который всѣмъ новоприбывшимъ отвѣчаетъ мгновенно наклоненіемъ головы, надѣвъ также шапку. Это странное обыкновеніе, не вездѣ соблюдаемое, кажется заимствовано отъ Татаръ. *) Женихъ садится подлѣ свата, дружки и прочіе за нимъ

*) Т. е. что собственно заимствовано? *надѣваніе шапокъ* или вообще *надменность?* Эта послѣдняя объясняется, помимо всякихъ заимствованій,

рядомъ по всей лавкѣ. Свахи поютъ пѣсню № 4. По пропѣтіи пѣсни, всѣ молчатъ. Лица всего этого общества кажутся задумчивы, не веселы и выражаютъ какое-то неудовольствіе, какъ бы чего имъ недоставало или какъ бы они кого ожидаютъ. Только одинъ сватъ, котораго обязанность поддерживать веселость въ компаніи, затѣваетъ шуточный разговоръ, обращаясь то къ тому, то къ другому, и даже къ женщинамъ. Но всѣ отвѣчаютъ ему молчаніемъ. Видя, что всѣ его шутки и выдумки не срываютъ улыбки съ лицъ присутствующихъ, погруженныхъ въ какую-то задумчивость, и самъ сватъ какъ-то смущается и говоритъ: „Якое тутъ дзѣецца лихо, што мы ўси повѣсили носы? Што гето тутъ такое? Айба! Дай дзѣжъ гето нашъ господарь? Нехай собѣ господыня, въ своемъ дворѣ рохмистриня да йдзѣ жь-то самъ господарь? Видно што несподзѣвався госцей“. Сказавши это, вдругъ вскакиваетъ съ своего мѣста, идетъ въ сѣни, гдѣ и находитъ хозяина, безъ сомнѣнія поджидавшаго этой сцены, и говоритъ на распѣвъ:

Хвала жь Богу!
Кого шукали,
Того спткали.
Просимъ до хаты!

— Я тамъ може не дуже потребенъ, говоритъ тотъ, какъ будто намекая, что его непригласили къ совѣту.

— А нѣ! господарю!
Мы въ твоей хацѣ,
Просимъ насъ кохаци.

При сопротивленіи хозяина, выходитъ молодой со своими кавалерами и всѣ, снявъ шапки и низко кланяясь, упрашиваютъ войти въ избу; наконецъ на эту игру борьбы выбѣгаютъ свахи и подхватываютъ хозяина подъ руки и вводятъ. Потомъ идутъ къ невѣстѣ, уединившейся со своими подругами въ чуланъ или клѣть, и ее также съ подругами вводятъ въ избу, съ приличными обстоятельствамъ пѣснями. Невѣста, вошедши, начиная отъ свата, всѣмъ

древнимъ насильническимъ значеніемъ полка, дружины, поѣзда жениха, этого *чужого чужанина*, *погубителя*, *разорителя* и т. п. (см. въ моемъ Ист Обозр. Р. Слов. стр. 102. О. М.

присутствующимъ дѣлаетъ, каждому порознь, низкіе поклоны, поддерживаемая своими компаніонками. По совершеніи поклоновъ, она подходитъ къ одной изъ замужнихъ женщинъ, особенно изъ пріѣхавшихъ съ женихомъ, и проситъ ее быть руководительницею вовсемъ, такъ какъ у ней въ свѣжей памяти всѣ обстоятельства дѣвицы, выходящей замужъ. Здѣсь, вмѣсто невѣсты, женщины и дѣвицы поютъ пѣсню № 5. Тогда всѣ садятся кругомъ стола, по распоряженію большого свата, такъ: жениха, какъ князя молодого, садятъ на кутѣ на первомъ мѣстѣ противъ невѣсты, которая должна занять мѣсто на другомъ концѣ стола. Подлѣ жениха садится большой сватъ по правой рукѣ, а противъ него, по лѣвой рукѣ жениха, молодуха, по бѣлорусски молодица, руководительница невѣсты. Далѣе садятся мужчины за столомъ такъ, чтобы противъ старшаго дружка сидѣла на скамьѣ съ другой стороны стола большанка, противъ младшаго дружка приданка *), далѣе противъ стариковъ сидятъ сваха и прочія женщины. Отецъ невѣсты оканчиваетъ рядъ мужчинъ, а мать рядъ женщинъ. Когда такимъ образомъ всѣ усядутся, входитъ мать и занимаетъ сказанное мѣсто. За нею вслѣдъ взносятъ на столъ водку и закуску. Наливъ рюмку, она пьетъ, говоря: „Будзь здоровъ, сваточекъ! „потомъ наливаетъ рюмку и подаетъ свату, накрывъ ее бѣлымъ платкомъ“. Сватъ, положивъ платокъ въ карманъ, пьетъ за здоровье невѣсты; невѣста, прикоснувшись губами къ рюмкѣ и покрывши краснымъ лавочнымъ платочкомъ, подаетъ ее старшему дружку жениха. Старшій дружокъ, спрятавъ въ карманъ платокъ, пьетъ за здоровье молодухи, которая въ свою очередь пьетъ за здоровье младшаго дружка и подаетъ ему налитую рюмку, обвивъ ее тесьмой невѣстиной работы. Младшій дружекъ пьетъ за здоровье большанки. Большанка пьетъ, передаетъ рюмку старику, сидящему подлѣ младшаго дружка. Такимъ образомъ рюмка переходитъ по порядку черезъ столъ къ слѣдующимъ изъ пирующихъ, пока дойдетъ до повивальной бабки, которая, сидя подлѣ матери невѣсты, пьетъ за здоровье отца ея, а отецъ обращается съ рюмкою къ зятю, т. е. жениху, на которомъ оканчивается очередь застольныхъ гостей, переходя къ лицамъ, внѣ стола находящимся.

*) Приданка—подружка, помогавшая невѣстѣ шить приданное.

По окончаніи этой застольной очереди, молодуха стелетъ на столѣ бѣлый платокъ, на который женихъ и невѣста кладутъ свои кольца; съ одной стороны два дружка, съ другой молодуха и большанка берутъ по одному концу платка, и подымаютъ вверхъ платокъ съ кольцами выше головъ. Сватъ при этомъ вскрикиваетъ: виватъ! и за нимъ всѣ безъ исключенія кричатъ: виватъ! Платокъ опускается и шумъ умолкаетъ. Поднимаютъ во второй разъ платокъ и опять гремитъ: виватъ! до трехъ разъ. По окончаніи провозглашенія трехъ виватовъ, молодуха, какъ избранная невѣстою въ руководительницы для себя, беретъ кольцо невѣсты и надѣваетъ на палецъ жениха, а кольцо жениха взлагаетъ на палецъ невѣсты.

Послѣ мѣны колецъ, женихъ чрезъ свата посылаетъ невѣстѣ подарокъ, который она принявъ, благодаритъ. Но на шумной свадьбѣ невѣста, принявъ подарокъ, бросаетъ его чрезъ голову на землю: подарокъ подхватываютъ и вручаютъ ей; она опять бросаетъ его чрезъ голову и опять подхватываетъ молодежь. *) За третьимъ разомъ невѣста, какъ-бы убѣжденная сватомъ, принимаетъ подарокъ и передаетъ бальшанкѣ, принадлежащей къ приданкамъ. Это обстоятельство какъ бы приводитъ ее въ стыдъ и смущеніе, и она потупляетъ глаза и отворачивается въ сторону. На этотъ случай молодухи, большанки и прочія женщины поютъ пѣсню № 6.

Послѣ этого всѣ встаютъ изъ-за стола. Женихъ подходитъ къ невѣстѣ и, взявъ ее за руку, выводитъ на середину: всѣ подражаютъ ему, и составляются танцы подъ звуки пѣсень танцовальныхъ, по веселому тону, обыкновенно употребляемыя при пляскахъ. Послѣ танцевъ гости расходятся около полуночи. Бальшанки и прочія приданки чрезъ всѣ дни до свадьбы съ утра до вечера занимаются неотступно у невѣсты шитьемъ приданаго и поютъ разныя пѣсни, подобныя № 7 и 8.

Четвертый періодъ свадьбы есть печеніе коровая. Коровай есть необходимый предметъ въ свадьбѣ не только въ Бѣлорусіи, но даже и во всей Россіи и, кажется, у всѣхъ народовъ Славянскаго поколѣнія.

Приготовленіе коровая имѣетъ свои особенности, смотря по сте-

*) Этимъ, конечно, выражается обрядовое нерасположенье невѣсты къ жениху—*погубителю-разорителю*, и т. д. О. М.

ченію обстоятельствъ и состоянію хозяевъ. Коровай пекутъ и въ домѣ жениха; но въ домѣ невѣсты съ большею церемоніею, съ большими выдумками и съ большею веселостію. Предъ разчиненіемъ коровая поютъ коровайныя пѣсни, и именно № 9. Коровай разчиняется утромъ, за нѣсколько дней передъ свадьбою. Крестная мать невѣсты или старшая въ избѣ, предъ всыпаніемъ муки въ квашню, проситъ благословенія слѣдующею формулою: „Есць тутъ Богъ, бацька и матка родные, сусѣдзи близкіе и дальніе, мужи статечные, бабки запечныя, дзѣтки заплечныя, благословице невѣсцѣ красной коровай учиници". Это повторяетъ она три раза. Потомъ, растворивши, ставитъ квашню въ теплое мѣсто. Сватъ, между тѣмъ, съ боченкомъ, обвязавши его поясомъ или холстомъ, идетъ за водкой, ибо угощеніе коровайницъ составляетъ его обязанность. Къ дальнѣйшему уходу за короваемъ приглашаютъ нѣсколькихъ женщинъ и молодыхъ мужчинъ, которыхъ и называютъ дружками, для прислуги. Мужчины, неся квашню съ тѣстомъ для замѣса, должны три раза перевернуться съ нею кругомъ крыжала и потомъ поставить на него квашню. Сватъ угощаетъ водкою, а хозяева заботятся о закускѣ. Старшая коровайница тою же формулою, какъ и при началѣ, проситъ благословенія замѣсить коровай. Прочія коровайницы по очереди мѣсятъ, замѣняя одна другую, при пѣсняхъ № 10 и 11.

Сватъ, по замѣсѣ коровая, принимается за угощеніе. Между тѣмъ старшая коровайница на закрытую крышкою квашню ставитъ тарелку, на которую всѣ кладутъ подарки для невѣсты при пѣніи пѣсень № 12 и 13. Квашню опять ставятъ въ теплое мѣсто и тутъ поютъ насмѣшливую пѣсню на счетъ коровайницъ № 11.

Приступая накатывать коровай, поютъ пѣсню № 14, и, накатывая его, заставляютъ мужчинъ приготовлять дрова пѣснею № 15. Подъ руководствомъ старшей коровайницы изъ тѣста дѣлаютъ первый коровай въ видѣ полумѣсяца. Другой коровай есть большая коврига, называемая по-бѣлорусски перепечею. Третій составляетъ небольшую булочку, предназначаемую для невѣсты, которая впослѣдствіи съ нею идетъ на рѣку въ первый разъ, будучи уже въ домѣ свекра, мыть бѣлье, для угощенія сосѣдокъ, имѣющихъ прійти къ ней для помощи, какъ водится у простолюдиновъ. Эти три

булки украшены различными, рельефно-устроенными фигурками въ родѣ рѣзьбы. Четвертую булку накатываютъ, для скорѣйшаго спеченія, безъ украшеній, въ родѣ лепехи, которую, по спеченіи, раздѣляютъ между собою для закуски послѣ водки. Сверхъ того, для каждаго ребенка пекутъ по маленькой булочкѣ. Когда короваи будутъ приготовлены, то старшая коровайница опять проситъ благословенія посадить въ печь коровай—по извѣстной формулѣ. Посадивши коровай въ печь, поютъ пѣсню № 12.

Дружки, принадлежащіе къ печенію коровая, занимаются сажаніемъ его въ печь, и каждый разъ, садя коровайныя булки въ печь, ударяютъ лопатою въ своды печи, какъ бы стараясь или проломить сводъ, или сломать самую лопату. Одинъ изъ нихъ подкладываетъ сухія вѣтви изъ чистаго, не бывшаго въ употребленіи, вѣника на жаръ, выгорнутый въ предпечный очагъ, по-бѣлорусски—загнетъ, для поддержанія огня, чтобы короваи зарумянились. Причемъ женщины поютъ на счетъ дружковъ насмѣшливыя пѣсни,—№№ 17, 18, 19 и 20.

По спеченіи всего, коровайницы кладутъ коровай на крышку отъ квашни, покрытую бѣлою скатертью, и всѣ короводомъ кружатся съ нимъ, поя и скача, и, сдѣлавши три оборота, всею толпою несутъ за хозяиномъ въ клѣть, поя пѣсню № 21. Хозяинъ угощаетъ здѣсь всѣхъ водкою. Коровайницы, скача и плеща въ ладоши, на возвратномъ пути изъ клѣти, поютъ пѣсню № 16.

Въ этотъ самый день подобныя сцены печенія коровая совершаются и въ домѣ жениха, разчитывая только время, чтобы съ короваемъ жениха поспѣть въ домъ невѣсты. По спеченіи коровая въ домѣ жениха, садятъ молодого князя на коробку, насыпанную рожью. Крестная мать подстригаетъ ему волоса съ припѣвомъ: „Подстригайся N съ ребячаго стану да въ мужскую славу", а сестра немножко поджигаетъ ихъ зажженною свѣчею, при пѣніи свахами пѣсень. Потомъ всѣ въ домѣ жениха садятся за столъ. Молодой, пристойно одѣтый, въ барашковой на головѣ шапкѣ, съ кокардою изъ красной ленты и съ красною лентою, пришпиленною къ шейному платку, также присѣдаетъ къ столу. Женщины поютъ пѣсни въ честь жениха,—№ 22 и 23. Потомъ всѣ разомъ, взявши по маленькому кусочку хлѣба со стола, выбираются къ не-

вѣстѣ, давая напередъ знать свату о своемъ поѣздѣ. Молодежь, пристойно одѣтая, готовится ѣхать верхомъ, а дѣвицы на телегахъ или саняхъ, смотря по времени. Мать жениха, въ вывороченной шубѣ, обѣгаетъ кругомъ лошадей три раза, обсыпая овсомъ. Въ пути дѣвицы и женщины обыкновенно поютъ пѣсни. Сватъ конно встрѣчаетъ поѣздъ и всѣ вмѣстѣ ѣдутъ къ невѣстину двору, везя свой коровай. Всѣ выходятъ изъ избы на встрѣчу молодого князя; но молодая княгиня съ одною подружкою остается въ избѣ. Братъ невѣсты возвращается къ ней съ ржанымъ хлѣбомъ въ рукѣ, съ коновкою (*кринкою*) съ водою и березовою вѣткою—тремя принадлежностями сельской жизни и трудовъ. Невѣста, закрывшись платкомъ, съ подругою плачевнымъ голосомъ поетъ № 24. А на дворѣ поютъ № 25 и 26.

Братъ беретъ сестру за руку и выводитъ въ сѣни; подведши къ сѣнечнымъ дверямъ и обращаясь ко всему собранію на дворѣ, троекратно взываетъ: „ёсць тутъ Богъ! бацьки и матки родные и крещеные, сусѣды близкіе и дальніе, мужи статечные, бабки залечныя и дзѣтки заплечныя! благословице молодую княгиню на посадъ посадзиць". Три раза отвѣчаютъ: „Боже благослови". Послѣ того братъ беретъ коновку съ водою и ставитъ на полицу (*полку*), а невѣста, покрытая платкомъ, съ плачемъ на распѣвы говоритъ: „Добры вечеръ вамъ, сосѣдзи мое, да йдзице до мене на мое веселле. Таточка мой, мамочка моя, благословице мене на посадъ сѣсци на Божжее мѣсто, подъ вышнимъ вокномъ, подъ Божжимъ крыломъ, гдзѣ Богъ приказавъ, гдзѣ людъ разсказавъ". Получивъ благословеніе, она входитъ въ избу, сопровождаемая отцемъ, матерью и родными, гдѣ уже подъ иконами приготовлено для нея мѣсто, покрытое шубою на выворотъ. Братъ, схвативши сестру и обвертѣвшись съ нею три раза, садитъ ее на шубѣ. Какъ только невѣста сѣла на посадъ или первое въ избѣ мѣсто, вдругъ является дружко жениха, въ видѣ посла. „Добры вечеръ, говоритъ онъ, добры вечеръ тобѣ, пане сваце, и тэй святэй хацѣ, всему міру хрещеному! Приславъ сватъ до свата (т. е. отецъ жениха къ отцу невѣсты, которые считаются родными между собою сватами), свацця до свацци, молодый князь до молодэй княгини. Ёсць тутъ дѣвица зарученая, кабъ намъ была выдадзена! ци чули?"—„Нечули";

отвѣчаютъ ему. Вопросъ повторяется и отвѣтъ тотъ же. На третій вопросъ отвѣчаютъ: „чули“. Тогда старшій дружко жениха, одѣтый въ вывернутую шубу съ плетью, перевѣшенною чрезъ плечо, входитъ въ избу, кладетъ одинъ ржаной хлѣбецъ на столбикъ, находящійся при печи, другой хлѣбецъ на столъ и три мелкія при немъ монеты для невѣсты и начинаетъ брать ее. Дѣвицы отбрасываютъ деньги, отталкиваютъ отъ нея дружка и поютъ пѣсню № 27. Наступаетъ торгъ, дружко прибавляетъ денегъ, но дѣвицы затрудняютъ ему доступъ къ невѣстѣ, поя въ насмѣшку пѣсню № 28.

Дружко однако, молодечески отбросивъ дѣвицъ въ сторону, беретъ невѣсту съ посада и вертится съ нею кругомъ три раза, при чемъ невѣста говоритъ на распѣвъ:

Дружко, дружко,
Не ворачай мене;
Я не колода тобѣ.
Кабъ колода была,
У бору бъ лежала;
Коли бъ была береза,
На межѣ бъ стояла.

Дѣвицы, въ свою очередь окруживъ дружка, связываютъ ему назадъ руки утиральникомъ и шапку его баранью бросаютъ вверхъ, подхватывая каждый разъ. На эти шутки съ дружкомъ поютъ пѣсни №№ 20, 29 и 30. Вдругъ при этомъ вскакиваютъ въ избу другіе два дружка; одинъ изъ нихъ вскакиваетъ на лавку, хлещетъ по стѣнѣ своею плетью, какъ бы обозначая квартиру для стоящихъ на дворѣ сватовъ, и затѣмъ выходятъ оба. Дѣвицы смотрятъ въ окно и поютъ на счетъ жениха, на дворѣ ожидающаго встрѣчи:

Пышна цеща, пышна
На встрѣчу зяцю не вышла. И № 25 и 26.

Наступаетъ формальное принятіе молодого. Выносятъ столъ изъ избы на дворъ и ставятъ его у самыхъ сѣночныхъ дверей, какъ бы баррикаду. Мать, одѣтая въ шубу на выворотъ, выходитъ на дворъ съ хлѣбомъ-солью. Дружки обѣихъ сторонъ соединяются. Мать

наливъ рюмку водки, говоритъ: „Зяцечекъ! подношу тобѣ повную чарку съ щирымъ серцемъ, съ добрымъ здоровьемъ; што мыслю собѣ, то и тобѣ". Зять, принявъ рюмку, выливаетъ чрезъ голову свою; теща наливаетъ другую, и другую онъ также выливаетъ за себя (какъ бы подозрѣвая какую либо измѣну, потому что она сама не пьетъ); третью выпиваетъ и кладетъ въ рюмку серебреную монету и, наливши, подаетъ тещѣ. Теща выпиваетъ и монету беретъ себѣ. Въ это время крестные отцы молодого и молодой подходятъ къ столу съ короваями жениха и невѣсты и каждый изъ нихъ, поднимая свой коровай вверхъ, говорятъ въ родѣ шутки: „мой выше, мой выше". Потомъ кладется на столъ коровай невѣсты, а на верхъ его коровай жениха; а потомъ оба коровая несутъ въ клѣть при пѣснѣ № 21 и другихъ.

Затѣмъ принимаютъ столъ, вносятъ его въ избу и просятъ войти гостей. Садятся всѣ за столъ, пьютъ и закусываютъ, а послѣ дѣвицы поютъ танцовальныя пѣсни и танцуютъ вмѣстѣ до поздней ночи.

Пятый періодъ свадьбы есть дѣвичій вечеръ. На канунѣ дня свадьбы собираются къ невѣстѣ: большанка, приданка, подружка и прочія дѣвицы селенья, поютъ предсвадебныя пѣсни, забавляются играми. Никто изъ мужчинъ постороннихъ, кромѣ домашнихъ, недумаетъ нарушить ихъ забавъ мирныхъ. Иногда приглашается музыкантъ и тогда танцуютъ подъ пѣсни, аккомпанируемыя скрипкою...

Если невѣста сирота, то она, сопровождаемая другими подругами, выходитъ ночью на кладбище къ могилѣ матери или отца и тамъ, приплакивая свое сиротство, проситъ отъ умершихъ родителей благословенья на свой бракъ. На счетъ ея сиротскаго положенія дѣвицы поютъ особенныя приличныя обстоятельству пѣсни печальнымъ голосомъ № 31 и 32.

Въ этотъ вечеръ разчесываютъ невѣстѣ волоса и въ послѣдній разъ заплетаютъ ей косу въ нѣсколько плетеницъ. Причемъ поетъ невѣста со слезами и вмѣстѣ съ нею прочія дѣвицы пѣсню № 33. Потомъ кладутъ на голову вѣнокъ изъ лентъ и прикрѣпляютъ его къ волосамъ съ пѣснею № 22.

Невѣста, вставши, кланяется всѣмъ окружающимъ ее. Всѣ дѣвицы

взявши дружка дружку за руки, садятся за столъ и ужинаютъ. Послѣ ужина всѣ берутъ по кусочку хлѣба и, омочивши въ соль, прячутъ за снуровку при пѣсняхъ, пока разойдутся.

Шестой главный періодъ свадьбы или по-Бѣлорусски „веселля" есть день совершенія брака.

Въ этотъ день церемонія начинается рано расплетеніемъ косы невѣсты. Дружки невѣсты изъ родственниковъ ея являются рано для того, чтобы расплесть косу невѣсты, заплетенную вчера дѣвицами съ большимъ искусствомъ. При появленіи ихъ дѣвицы, предупредивши ихъ приходомъ къ невѣстѣ, поютъ пѣсню, приличную къ этому обстоятельству: № 34. и 35. Одинъ изъ дружковъ закосниковъ вспрыгиваетъ на лавку, и торжественно восклицаетъ, какъ съ амвона: „Есць тутъ Богъ! Бацьки и матки родные и хрещеные, сусѣдзи близкіе и дальніе, благословице красной дзѣвицѣ косу расплетаци". Послѣ этого берутъ подъ руки невѣсту, садятъ на приготовленное лукошко съ рожью, покрытое шубою вверхъ шерстью. Садясь, она плачетъ, а дѣвицы поютъ пѣсни № 33 и 36.

По расплетеніи косы, ведутъ невѣсту и садятъ на кутъ подъ образами, а она на распѣвъ со слезами произноситъ:

Татковъ куточекъ,
Божжій домочекъ,
Благослови до шлюбу (*брака*) ступици!
Коли ты благословишь,
Самъ Богъ благословиць.

Бѣдная сирота, прибавляетъ:

Мене молоду,
Бѣдную сироту.

Вставши съ своего мѣста, она падаетъ къ ногамъ отца и матери. „Таточка мой, маточка моя, благословице мене до шлюбу ступаци. Коли вы благословице, то и самъ Богъ благословиць." Дѣвицы при этомъ поютъ пѣсню № 37. Невѣста обходитъ всѣхъ родныхъ, собравшихся на эту церемонію, и всѣмъ дѣлаетъ земные поклоны, цѣлуетъ и проситъ со слезами благословенія ихъ. Свахи вмѣсто невѣсты припѣваютъ:

Брацитка мой родненькій.
Дай же мнѣ коня у возъ,
Штобъ мене до шлюбу довезъ.

Молодежь между тѣмъ приготовляетъ лошадей. Отправляясь въ церковь, старики мущины садятся на однихъ отдѣльныхъ подводахъ, а женщины и дѣвицы на особенныхъ, а при нихъ помѣщается и скомороха. Невѣста сидитъ съ дѣвицами, большанками и приданками, которыя чрезъ всю дорогу поютъ разныя пѣсни. Молодые же парни ѣдутъ впереди верхомъ.

Если случится ѣхать молодымъ чрезъ плотину съ мельницею, то мельникъ остановляетъ воду, давая понять, что если невѣста проѣдетъ чрезъ остановленную воду, то подвергнется какой либо непріятности. Молодая даритъ ему поясъ и проситъ пустить воду. Таково повѣрье!

Пріѣхавши къ церкви, невѣста должна поклониться до ногъ каждому находящемуся здѣсь, хотя и незнакомому лицу. Когда окончится литургія, невѣста, окруженная дѣвицами, становится у стѣны церковной, женихъ съ дружками идутъ къ невѣстѣ, чтобы взять ее и вести къ налою, но дѣвицы не допускаютъ ихъ до нея, пока женихъ не поклонится имъ каждой въ рядъ. Всѣ присутствующіе простолюдины великое обращаютъ вниманіе па то, какъ горятъ въ рукахъ молодыхъ свѣчи. Свѣчи, горящія ясно, означаютъ, по ихъ мнѣнію, жизнь благополучную. Если огонь на свѣчѣ жениха или невѣсты производитъ трескъ, то это означаетъ неспокойную, бранчивую жизнь брачущихся; но если, сохрани Богъ, угаснетъ чья либо свѣча, то это означаетъ скорую смерть того, чья свѣча угасла.

По выходѣ изъ церкви, молодые вмѣстѣ съ большимъ сватомъ или съ отцемъ невѣсты заходятъ къ священнику, ставятъ на столъ бутылку водки и пшеничный хлѣбецъ. Само собою священникъ этою водкою угощаетъ ихъ, а остатокъ переливаетъ въ свой графинъ и бутылку возвращаетъ.

На возвратномъ пути женихъ долженъ уже ѣхать съ своею невѣстою вмѣстѣ. Женщины и дѣвицы, сопровождавшія молодыхъ въ церковь, чрезъ всю дорогу, не умолкая, поютъ свадебныя пѣсни, а музыкантъ подъигрываетъ имъ на скрипкѣ. По пріѣздѣ домой, мо-

*

лодого съ его дружками садятъ за столъ, а молодую съ ея подружками на другой сторонѣ стола. По окончаніи легкой закуски, всѣ идутъ танцоватъ и гуляютъ до вечера. Къ вечеру приготовляютъ столы для ужина. Молодая, увидѣвъ мать, заботящуюся объ ужинѣ, обнимаетъ ее, а женщины къ этому случаю поютъ пѣсню № 37.

Здѣсь должно замѣтить, что невѣста, сидя за ужиномъ, должна болѣе плакать; иначе подвергается осужденіямъ и насмѣшкамъ. Женщины же на этотъ случай поютъ пѣсни № 38.

Отецъ садитъ на кутъ зятя, какъ князя молодого, а потомъ беретъ за руку дочь и садитъ подлѣ зятя, а за дочерью садитъ сестру его или родную тетку. Женщины по этому случаю поютъ пѣсни № 38. Потомъ, разсадивши всѣхъ по мѣстамъ, отецъ садится самъ и пьетъ водку за здоровье зятя. Зять, обращаясь къ своей новобрачной, говоритъ: „Пью до цебѣ (*имр.*) повнымъ кубкомъ, щиримъ сердцемъ и добрымъ здоровьемъ. Молодая отвѣчаетъ: „Чужъ чуженица *), не пій до мене, пій до самого себѣ, альбо до сестры своей.“ Молодой повторяетъ свою рѣчь, а молодая отвѣчаетъ: „пій до сестры своей“. Молодой въ третій разъ говоритъ: „пью до цебе щирымъ серцемъ и добрымъ здоровьемъ: што мыслю собѣ, то и тобѣ“; и, выпивъ, подноситъ ей рюмку. Молодая, принявъ рюмку, пьетъ за здоровье, матери, и угощеніе продолжается уже обыкновеннымъ порядкомъ При этомъ случаѣ поютъ пѣсню № 1.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодого и молодую садятъ на особомъ отъ общаго стола мѣстѣ и кладутъ предъ ними одну ложку, чтобы они поперемѣнно ѣли ею одною въ знакъ того, чтобы они во всю жизнь свою имѣли единодушіе. Во всякомъ случаѣ молодая должна всѣ пріемы дѣлать со слезами, иначе поютъ ей въ насмѣшку № 39.

При окончаніи ужина молодуха, большанка и свахи въ благодарность тещѣ за ужинъ поютъ пѣсню. № 40.

Послѣ ужина настаетъ забота свахъ перемѣнять костюмъ дѣвичій на костюмъ замужней женщины. Крестная мать молодой, посадивъ ее на лубкѣ съ рожью, покрытой шубою вывороченною, снимаетъ съ головы ея дѣвическую повязку и немножко поджи-

---

*) Въ великорусскихъ пѣсняхъ: *чужой чужанинъ*. О. М.

гаетъ волоса съ четырехъ сторонъ, а сестра молодого, если она замужняя, или вмѣсто ея родственница его, также замужняя, подстригаетъ также съ четырехъ сторонъ на крестъ. Мать крестная владетъ три пасма кужелю молодой на голову, а между тѣмъ свахи, приговивъ всѣ принадлежности замужней женщины, входятъ, снимаютъ ленъ съ головы и зачесываютъ волоса молодой вверхъ, завязываютъ и обертываютъ пасмою чистаго и мягкаго льну, потомъ стараются какъ бы уладить положить ей на голову чепецъ и тканку. Молодая, схвативъ чепецъ, бросаетъ его на печь, но свахи, подхвативъ, надѣваютъ, а за нимъ надѣваютъ и тканку, которую молодая бросаетъ подъ лавку; когда свахи бросаются за тканкою, молодая бросаетъ чепецъ въ окно, но свахи съ пѣснею опять надѣваютъ ей и то и другое, и потомъ завязываютъ наметку *). Всю эту сцену свахи выражаютъ въ пѣсни подъ № 41.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приданки выводятъ молодую въ сѣни по повѣрью, что не годится одѣвать невѣсту въ избѣ, потому что потолокъ избы покрытъ землею: и тамъ налагаютъ на нее чепецъ, тканку и наметку. А также беременная женщина не должна участвовать въ этой церемоніи, ибо думаютъ, что молодая отъ этого будетъ дремлива цѣлый годъ.

Къ прибору замужней женщины принадлежитъ и юбка: но юбку только полагаютъ на виду.

Отецъ, послѣ убора дочери въ наметку, обращаясь къ зятю, говоритъ ему: „Зяцечекъ, даю тебѣ дочку свою въ жену, не хромую, не слѣпую. Давши ей льню, проси сорочекъ, давши жита, спрашивай хлѣба; давши ячменю, спрашивай крупеню, альбо каши; давши пшешицы, спрашивай пирога, а коли не послухаець, возьми шовковинку, навяжи на соломенку, да дай ей, дай хорошенько; а коли й того не послухаець, возьми гужъ, да дай ей, дай гужемъ, и чтобъ цебе почитала мужемъ“. При этомъ наставленіи отца приданки и свахи поютъ пѣсню. № 42.

Молодая, какъ бы сконфуженная словами отца, или стыдясь своего новаго убранства, не оставляетъ своего мѣста, закрывъ лицо свое концами наметки. Отецъ входитъ въ избу, приноситъ

*) Тканка, наметка—головные уборы.

чистый ржаной хлѣбецъ, и, посыпавъ солью, кладетъ на столъ подлѣ дочери, сидящей среди избы не далеко отъ стола и притомъ кладетъ деньги звонкою серебрянною монетою, говоря:

Дарю цебе, дочухна моя,
Хлѣбомъ солью и благословенствомъ,
На больше не сподзѣвайце (*не надѣйтесь*),
Сами себе споромляйце (*поспѣшайте*),
Раненько уставайце,
Другъ друга побужайце.

Молодая отвѣчаетъ въ слезахъ на распѣвъ:

Спасибо тобѣ, мой таточка,
Щиро я тобѣ робила,
Вѣрно я тобѣ служ ила,
Выслужила хлѣба кусочекъ
Да соли дробочекъ.

Здѣсь наступаетъ для всѣхъ очередь дарить молодую, почему дѣвицы поютъ пѣсню № 13. Дружко становится на скамьѣ, объявляетъ всему собранію: „Есць тутъ Богъ! Есць тутъ бацьки и матки родные и хрещеные, есць мужи статечные, бабки запечныя, молодзицы красныя, брацця родные и зводные; дарице молодую“! Приданки и свахи поютъ пѣсню № 43. Дружко, ударя лучиною по столу, говоритъ невѣстѣ: „Твой браценникъ дарыць цебе целковымъ“. Приданки поютъ вмѣсто невѣсты пѣсню № 44. Если кто изъ родныхъ молодой даритъ что̀ изъ домашняго скота, то дружко для юмора говоритъ вмѣсто свиньи: „рюхъ-рюхъ на заводъ“; вмѣсто овцы: „бе-е-е на заводъ“; вмѣсто телки: „Ме-е-е“. Молодая благодаритъ каждаго, склоняя голову.

Когда окончится церемонія подарковъ, всѣ дѣвицы и холостые мущины расходятся по домамъ. Настаетъ достиженіе цѣли брака. Дочь, всегда спавшая предъ глазами родителей, должна теперь идти спать съ молодымъ мужемъ. На это обстоятельство, когда дочь падаетъ къ ногамъ матери, обливаясь слезами, и говоритъ ей: „добраноцъ“! свахи поютъ пѣсню, характеризующую этотъ фактъ (см. № 45).

Проводники ведутъ молодыхъ въ назначенное для нихъ мѣсто покоя, по Бѣлорусски въ клѣць; родители и сосѣди, соблюдавшіе до

этого времени чинность и порядокъ, безъ стѣсненія предаются вполнѣ веселію, открывается разгаръ пиршества. Старики и старушки забываютъ свою старость, пускаются въ пляски и танцы при свадебныхъ иного рода, нежели дѣвическія, пѣсняхъ. Здѣсь у богатыхъ простолюдиновъ вмѣсто пунша пьютъ варенуху, т. е. водку въ муравленномъ горшкѣ съ медомъ, клюквою и пряными кореньями, наглухо запечатанномъ тѣстомъ и сваренномъ въ печи истопленной. Само собою пиршество это кончается крѣпкимъ сномъ всѣхъ.

На завтрашній день, когда наступаетъ время вставать молодымъ, входятъ къ нимъ двѣ молодухи со стороны невѣсты и со стороны жениха, отправлявшія обязанности свахъ, и приносятъ имъ обоимъ бѣлыя рубашки. Обязанность ихъ слѣдить за тайною брачнаго ложа. Когда молодые встанутъ, онѣ вдругъ подаютъ имъ умываться разомъ обоимъ вмѣстѣ, а когда молодые одѣнутся, перемѣшивъ рубахи, онѣ берутъ прежнія рубахи, какъ знаменіе тріумфа, прячутъ у себя и, тотчасъ возвратившись въ избу, поднимаютъ пиръ горой, не объясняя никому причины своей великой радости; однако-жь въ пѣснѣ своей, при пляскѣ и скокахъ (подъ № 46 и 47) даютъ ясное понятіе о причинѣ своего торжества. Тутъ онѣ разсыпаются въ похвалахъ матери, воспитавшей дочь свою на славу великую ея роду.

Но сохрани Богъ, если по тону молодухъ окажется что̀ либо сомнительное: старики сосѣди бушуютъ, разбиваютъ горшки въ дребезги, ломаютъ кочерги, лопаты и прочіе предметы кухонные; даже наносятъ оскорбленія матери и отцу. Приносятъ иногда въ избу ременный хомутъ, и тогда хозяева убѣгаютъ изъ дома, боясь, чтобы они не надѣли его которому нибудь на шею и не таскали бы по домамъ на позорище.

На третій день послѣ свадебнаго дня, молодой собирается съ своею женою ѣхать домой. Предъ самымъ отъѣздомъ всѣ садятся за столъ, кушаютъ, а женщины поютъ пѣсню, соотвѣтствующую приготовленію къ отъѣзду, подъ № 48.

Молодая послѣ закуски, преклонивъ голову предъ домашними иконами, говоритъ на распѣвъ № 49.

Потомъ падаетъ къ ногамъ матери и отца, поетъ совмѣстно

съ отъѣзжающими женщинами пѣсню № 50 и вмѣстѣ же вслѣдъ за пѣснею говоритъ на распѣвъ, садясь на повозку:

Жаль мнѣ кинуци
Татково подворьико,
Маткино прибраннико
И дзѣвоцкое гуляннико.

Если женихъ и невѣста живутъ въ одномъ селеніи, то обрядъ перехода невѣстки въ домъ свекра дѣлается просто съ пѣснями свахъ, приличными этому обстоятельству. Но ежели родители молодого находятся въ другомъ селеніи, то отецъ и мать и родные провожаютъ молодыхъ за селеніе и прощаются. Отецъ благословляетъ ихъ, крестя и говоря: „Нехай васъ Богъ благословляецъ во всемъ счастьи, Аминь“.

Поѣздъ молодого и молодой составляютъ двѣ или три повозки. На первой повозкѣ сидитъ молодой съ молодою, на второй свахи съ молодухою, родственницею молодой, на третьей дружки и закосники. Свахи, отъѣзжая изъ дома тестя, берутъ съ собою свою тайну брачнаго ложа, какъ талисманъ, несущій съ собою силу общаго веселія. Это есть узелъ, въ которомъ заключаются ввернутыя въ чистую простыню и обвязанныя поясомъ двѣ рубахи молодого и молодой.

Послѣ прощанья съ родителями, свахи и молодухи поютъ вмѣсто молодой пѣсню № 51. Проѣзжая чрезъ пахотныя земли своего селенія, молодая и за нею свахи и прочія поютъ пѣсню № 52.

Подъѣзжая къ дому молодаго всѣ громко поютъ № 53.

Принятіе молодыхъ въ домъ отеческій жениха и угощеніе по этому случаю всего собранія составляетъ послѣдній актъ брачнаго торжества.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ выражается желаніе будущаго счастія и согласной жизни новобрачнымъ; какъ у всѣхъ народовъ, такъ и у нашихъ простолюдиновъ, основаніемъ счастія и согласной жизни новобрачныхъ служитъ доброе безукоризненное воспитаніе дѣвицы, будущей матери семейства. Поэтому неудивительно, что наши про-

столюдины на соблюденіе дѣвической невинности и чистоты смотрятъ какъ на соблюденіе религіознаго опредѣленія По мнѣнію простолюдиновъ, существующему отъ древнихъ временъ, дѣвица, сохранившая это свое нравственное достоинство до законнаго времени, есть украшеніе и честь дома своихъ родителей и въ особенности составляетъ славу своей матери. Посторонніе смотрятъ на нее, какъ на залогъ будущаго счастія того, кому она даетъ руку свою. Она вноситъ благословеніе въ то новое семейство, въ которое входитъ она, соединенная законнымъ бракомъ съ его членомъ. Высшій, образованный класъ народа считаетъ неприличнымъ и даже жестокимъ требованіе нашего чернаго народа—ясныхъ доказательствъ честности невѣсты. Но для простого народа это составляетъ такую необходимость, которая славою вѣнчаетъ мать, какъ благоразумную воспитательницу своихъ дѣтейвъ естественныхъ правилахъ нравственности и на всю жизнь сохраняетъ молодую или невѣстку въ домѣ свекра отъ всякихъ упрековъ среди новаго семейства. Дѣвица, не устоявшая противу соблазна, въ новомъ семействѣ теряетъ всякое къ себѣ вниманіе и подвергается презрѣнію. Обличенная, она проситъ у всѣхъ себѣ прощенія, но ничѣмъ не можетъ искупить вины. Всё свадебное торжество въ этомъ прискорбномъ случаѣ обращается, въ ничто и, вмѣсто радости и удовольствія, всѣ ощущаютъ тягость унынія. Самый обрядъ сопровожденія невѣсты въ домъ жениха и пріема ея въ новомъ семействѣ совершенно уничтожается. Напротивъ молодая, оказавшаяся невинною, гордится своимъ положеніемъ и вноситъ въ новое семейство безпритворную радость, веселіе и надежду на Божіе благословеніе и составляетъ собою предметъ всеобщаго уваженія. Рубаха ея брачная, вверченная свахою въ бѣлую простыню и передаваемая ею матери молодого, служитъ доводомъ или порукою въ хорошемъ пріемѣ ея новыми родителями. Свахи, подъѣзжая къ дому отца жениха, уже въ пѣснѣ своей—словами: „веземъ невѣстку якъ сонце"—даютъ полное понятіе о правѣ ея на хорошій пріемъ отъ свекрови.

Молодые, взъѣхавши на дворъ, сходятъ съ своей телѣги и ожидаютъ, пока мать выйдетъ встрѣтить ихъ. Свахи между тѣмъ поютъ №№ 54, 55, 56.

Мать молодого выходитъ въ вывороченой шубѣ на встрѣчу новобрачныхъ съ зажженною свѣчей и съ крышкою отъ квашни. Молодой и молодая падаютъ къ ея ногамъ и цѣлуютъ руку. Молодая потомъ становится предъ нею, склонивъ голову. Свекровь, дотрогиваясь крышкою до головы невѣстки своей, говоритъ слѣдующее:

Свекрова невѣстку навучаець,
Да въ лобъ вѣкомъ мучаець.
Неходзи, невѣстухна, по селу;
Не судзи объ мою семью,
Ни ранняго обѣду ни поздней вечери.

Выслушавъ наставленіе свекрови, молодая кладетъ на вѣко—т. е. крышку отъ квашни, бѣлый хлѣбъ, обернутый холстомъ на исподни свекру и наметку для свекрови. Молодой, взявъ свою жену, вводитъ ее въ избу. Перекрестившись и поклонясь иконѣ, стоящей на кутѣ, бросаетъ свой поясъ на печь. Свахи начинаютъ пѣсни, между тѣмъ прибывшихъ гостей садятъ за столъ и подаютъ молодымъ по ломтю хлѣба и меду на тарелкѣ, говоря на распѣвъ:

Пѣтухъ курку маниць,
На куросадзь садзиць,
Даець меду ѣсци.

Послѣ закуски, молодыхъ отправляютъ въ баню, нарочито на этотъ случай изготовленную, у порога которой разостлана шуба. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оба вмѣстѣ и молодая и молодой моются: а въ нѣкоторыхъ порознь—сперва молодой, а потомъ молодая. Молодая, идучи въ баню, должна надѣть на себя брачную рубаху, привезенную въ связкѣ въ простынѣ. Сестра молодой или близкая родственница, раздѣвая молодую, кладетъ бѣлую рубаху, а скинутую беретъ съ собою и несетъ, пока невѣстка моется, въ избу какъ тріумфъ, скача и бья въ ладоши и припѣвая № 46 и 47. Всѣ присутствующія женщины встрѣчаютъ сестру съ восторженными восклицаніями и танцуютъ съ рубахою, какъ бы съ побѣднымъ знаменемъ. Сестра тотчасъ отправляется въ баню и помогаетъ невѣсткѣ одѣться.

Медъ и баня, по видимому, есть первое и главное угощеніе

новобрачныхъ, возвратившихся домой, не только на Бѣлоруси, но и во всей Россіи, какъ видно изъ поговорки: „медовый мѣсяцъ,“ и изъ пословицы русско-бѣлорусской: „по рукамъ, да и въ баню.“

По приходѣ изъ бани всѣ цѣлуютъ невѣстку и осыпаютъ ласками.. Молодыхъ опять садятъ за столъ и угощаютъ сладкою, т. е. подслащенною медомъ водкою и непремѣнно яичницею.

Молодой на слѣдующій день рано отправляется съ братомъ или ближайшимъ родственникомъ къ тещѣ за приданымъ. Онъ представляетъ ей извѣстную брачную рубаху, въ которой должна быть завита горсть ржи и нѣсколько денегъ. Теща наирадушнѣе принимаетъ зятя и брата его и угощаетъ, чѣмъ только можетъ. Зять проситъ тестя, тещу, приданокъ и всѣхъ родныхъ въ гости въ домъ отца. Теща послѣ угощенья кладетъ зятю за пазуху сыръ, увернутый въ лавочный платокъ, а брату его или родственнику-рукавички. Всѣ не медля собираются ѣхать съ музыкантомъ и во всю дорогу поютъ разныя пѣсни.

Въѣзжая на дворъ свекра, приданки безцеремонно поютъ пѣсню № 56. Молодая выходитъ на дворъ встрѣтить отца, мать и всѣхъ пріѣхавшихъ. Между тѣмъ вносятъ въ клѣть молодой большой круглый съ ушами ящикъ съ крышкою, называемый по бѣлорусски кубелъ, съ приданымъ бѣльемъ и одеждою: сколько на этомъ ящикѣ обручей, столько же молодой даетъ мелкихъ монетъ привезшему приданое его жены.

Всѣ прибывшіе входятъ въ избу, а домашнія свахи привѣтствуютъ прибывшихъ пѣснями съ подыгриваніемъ скоморохи. Въ этихъ пѣсняхъ выказывается пышность хозяевъ и невѣстки. См. № 57 и 58.

Всѣ садятся за столъ и угощаются водкою и кушаньемъ. Послѣ угощенія открываются танцы. Повертѣвшись немного, приданки тутъ повторяютъ обрядъ убора невѣсты, почему выводятъ ее въ сѣни, садятъ на лубку, завязываютъ на головѣ ея платокъ и покрываютъ, не обвязывая, наметкою, потомъ вводятъ въ избу и садятъ ее съ молодымъ за столъ; за столомъ между ними ставятъ метлу, принесенную изъ гумна, какъ принадлежность работы. Молодая принесшему метлу даритъ поясокъ своей работы. Приданки громко поютъ пѣсню № 59, призывая хозяина въ избу.

На этотъ зовъ входитъ отецъ молодого, всходитъ на скамью, снимаетъ покрывало съ невѣстки и вѣшаетъ подлѣ образовъ на крюкъ и, отломивши розгочку отъ метлы, выгоняетъ ею изъ за стола обоихъ, какъ бы высылая на работу. Молодая выпрыгиваетъ изъ за стола первая. Родители молодого мужа ведутъ невѣстку по хозяйственнымъ заведеніямъ. Вездѣ, гдѣ только встрѣтитъ она кого изъ домашнихъ, она даетъ подарки своего рукодѣлья. Всякая дѣвица, въ надеждѣ выйти за мужъ, непремѣнно должна запастись такими подарками заблаговременно.

По возвращеніи невѣстки, подымаются тутъ шалости и разныя выходки на удовольствіе другихъ. Приданки поднимаютъ всѣхъ на ноги, поя пѣсни № 60 и 61. Повторяютъ пѣсни на счетъ дружковъ (см. № 17, 19, 20, 29 и 30). Приданки поя скачутъ по скамьямъ, такъ что онѣ скрыпятъ подъ ихъ ногами. Хозяинъ дѣлаетъ подъ ними подставки. На этотъ счетъ свахи поютъ № 61 и 62, а приданки, какъ бы въ укоръ имъ и тещѣ, поютъ пѣсню № 63, 1 и 2. На это свахи поютъ насчетъ приданокъ № 64.

Чтобы прекратить насмѣшливый споръ въ пѣсняхъ между свахами и приданками, хозяйка, мать молодого, проситъ всѣхъ садиться за столъ и угощаетъ всѣхъ ужиномъ. Послѣ ужина опять молодежь танцуетъ до поздняго времени. На завтрашній день родители молодой собираются ѣхать домой и берутъ съ собою приданокъ. Молодая, со слезами прощаясь съ родителями, говоритъ на распѣвъ: „таточка мой, мамочка моя, кидаецеся мною, якъ садовымъ яблочкомъ недоспѣленькимъ.“ Здѣсь находчивыя свахи поютъ пѣсню № 65, выражающую просьбу дочери къ отцу посѣтить ее еще хотя разъ въ годъ.

Въ заключеніе акта свадьбы сельской, отецъ и мать молодой, на другой или на третій день послѣ своего возвращенія отъ отца зятя, въ знакъ дополнительнаго своего благословенія посылаютъ дочери икону: и этотъ послѣдній актъ называется *перевозъ*. По этому случаю молодой запрашиваетъ къ себѣ крестныхъ своихъ отца и мать, дядей и тетокъ и другихъ почтенныхъ стариковъ. Запрошеные гости приносятъ съ собою разнаго рода хлѣбъ соль, какъ то пшеничныя булки, лепешки, аладьи, жареныя въ меду, сыръ, масло, медъ, жаркія—говяжья и изъ птицъ. Мать изъ этихъ подар-

ковъ удѣляетъ всѣмъ домашнимъ людямъ, не исключая и служителей. Во время угощенія всѣ поютъ приличную этому торжеству пѣсню подъ № 66. Гости забавляются очень весело и довольно долго, проводя время въ стариковскихъ бесѣдахъ.

Дня черезъ два или три невѣстка выходитъ изъ дому одна на рѣку мыть тонкое бѣлье. Здѣсь являются къ ней непремѣнно двѣ или три молодыя женщины изъ сосѣднихъ домовъ помогать мыть бѣлье. Молодая угощаетъ ихъ короваемъ, полученнымъ ею отъ коровайницъ на этотъ предметъ.

Свадебныя пѣсни.

1.

Матка дочку продалà, продалà,
На горѣлочцѣ пропила, пропила,
На горѣлочцѣ, на солодкимъ медку
Пропила свою коханую дочку.
Цяжко будзецъ моей мамочкѣ безъ дочки!
Цоростуць да за лавкою козлячки *).
Не треба будзецъ въ лѣсъ ходзиць, грибы брацъ;
Можно будзецъ ихъ за лавкою набраць.

2.

Весело было мойму таточку горѣлочку пици:
Пойдзецъ на токъ, возьмецъ цѣпокъ, не съ кимъ молоцици,
Цѣпочкомъ взмахнецъ, цяженько вздохнецъ, слезками заплачецъ,
Што своей дочухны на току небачицъ.

3.

Пріѣхали сваты на дворъ,
Да пусцили стрѣлу въ окно **).

---

*) *Козлякъ, козлячокъ*—грибъ маслянникъ. (Слов. г. Носовича, стр. 241.)

**) Ср. въ малороссійской свад. пѣснѣ:
Пустимо стрилу перлову,
Выбьемо стину камьяну
Визьмемо Марусеньку молоду.
(Метлинскаго Украинск. пѣсни, стр. 103).
Пусканье стрѣлы, конечно, указываетъ на воинственный захватъ невѣсты. *О. М.*

Стрѣла жъ моя, стрѣла!
Да пошто ты стрѣла пришла?
Ци по медъ, ци по горѣлочку,
Ци по красную дзѣвочку?

4.

Становицеся бояре уси рядо̀мъ,
Ци не будзець мой татечка подъ передо̀мъ.
Сколько я сцежечекъ *(тропинокъ)* перейшла,
Да роднаго таточки не найшла.
Сколько я боярьевъ перебрала,
Да роднаго таточку не познала.

5.

А мой же ты родный таточка!
Такъ, сякъ мене не отдавай,
А отдаваючи, пытай:
Да ци не за пропоя?
Да ци не за разбоя?
Коли пропой, въ корчмѣ пропьецъ;
А разбой въ дорогѣ забьецъ.

6.

Не сѣдзи *(имя рекъ)* бокомъ!
Геть тобѣ не нарокомъ.
Сядзь собѣ просцюсенько *(прямехонько)*,
Будзецъ тобѣ милюсенько.

7.

Подушечка, подушечка
Да ты пуховая!
Молодушка, молодушка
Да ты молодая!
А я тую подушечку
Дзѣвцѣ подарую.
Кого люблю, кого люблю
Того поцѣлую *(не полна)*.

8.

А й дзѣ тая криниченька *(родникъ)*,
Што голубъ купався?
А й дзѣ тая дзѣвчиненька,
Што я залицався? *(любезничалъ)*
А ужожъ тая криниченька
Травою заросла,
А ужожъ тая дзѣвчиненька
Давно замужъ пошла.

9.

Збирайцеся родные въ хатку,
Старыя бабки для порядку,
Молодыя молодзицы пѣсни пѣць,
А удалые молойцы коровай печь,

10.

Вотожь моя сила
Коровай замѣсила!
Якъ упала я въ дзѣло,
Ажъ пиць захоцѣла.
Возьми сватъ баклагу,
Штобы прогнаць смагу *(жажду)* *)
Сходзи по горѣлочку,
Подкрѣпиць мене пѣлочку (*пьвуньюшку*).

11.

Коровайницы пьяницы
Сидзяць якъ лисицы,
Усе цѣсто покрали,
По кишенямъ *(карманамъ)* поховали.
Ахци, мнѣ пришло!
Въ кишени цѣсто подыйшло.

---

*) Собственно — *смага* — сухость губъ или накипь на губахъ отъ жара (Слов. г. Носовича стр. 593) Въ томъ же смыслѣ употребляется слово *смага* и въ Малороссіи (см. въ изд. слова о Полку Игоревѣ Дубенскаго примѣчаніе къ мѣсту: «смагу мычючи въ пламенѣ розѣ»). *О. М.*

12.

Да сыйдзи, Боже, зъ неба,
Якъ намъ циперъ ты треба!
Пречистая мати,
Дай добрую долю
Нашему дзицяци.

13.

Скорѣй, не барице (*не мѣшкайте*),
Сестрицу дарице.
Дзѣвочки-боярочки,
Кладзице подарочки!
Удалые молойчики,
Кладзице червончики!
Красныя золовочки,
Кладзице золотовочки!
Дзядзинки голубочки,
Кладзице урубочки! *)

14.

Да я свойму говорила,
Посылаючи цвердзила:
Объѣзджай коло пшоночки,
Да отженяй перепелочки.
Кышъ-кышъ! перепелочки,
Да не ѣжце моей пшоночки!
Кабъ моя пшоночка придалась (*удалась*),
Да на коровай згибалась,
На коровай да на квѣточки!
Лучи (*соедини*) Боже, наши дзѣточки!

---

*) *Урубочекъ* — обрубленное полотенце или обрубленный платокъ (слов. г. Носовича стр. 664).

15.

Стояла калинка у воротъ,
Ломали красную каждый годъ,
Клювали пташечки скольки лѣтъ;
Рубице, сѣчице калинку на загнѣтъ!
Кабъ нашъ коровай бывъ ясенъ,
Кабъ нашъ коровай бывъ красенъ!

16.

Хвала-жъ тебѣ, Боже!
Коровай мы замѣсили,
Коровай замѣсили,
И въ печку всадзили.
Чія жонка гожа,
Нехай дзѣжу (*квашню*) гложе;
Чія жонка хижа (*проворна*),
Нехай дзѣжу лиже!

17.

Улѣзъ дружко въ хату,
Да ў печь поглѣдаець,
Объ челядзи погадаець,
Да ци густа капуста,
Ци великъ горшокъ каши,
Ци пойдаюць наши.

18.

Щербатый, *) лупатый **)
Загнѣтъ закладаёць;
Ему Богъ не помогаёць.

---

*) *Щербатый*—имѣющій трещину (слов. г. Носовича стр. 721).
**) *Лупáтый* — съ выкатившимися глазами (слов. г. Носовича стр. 272).

19.

Да дружкова женя
Досужлива была:
Семъ годъ нитки пряла,
А четыре кросны ткала,
Семъ недзѣль хвартукъ шила,
Недзѣлю рубила,
До обѣда зносила.
На веселли (*свадьбѣ*) гуляла
Хвартукъ поцеряла.
„Мой мужъ мене любиць,
Мнѣ другiй такiй купиць."

20.

А у нашего дружка
Сусимъ (*совсѣмъ*) гола голова;
Дзѣвки хохолъ выдрали,
До волоска выбрали.
На гетой голой головѣ
Дзѣвчинѣ будець хорошо
Бобъ подъ восень молоциць;—
По закуточкамъ не лециць.

21.

Пытався коровай у перепечи (*лепешки*):
Да куды дорожка къ клѣци?
— Ой ты коровою, коровою!
Якiй же ты воропаю (*слѣпецъ*)!
Ты часто въ клѣци бываешь,
Сцежки, дорожки пытаешь!

22.

Поѣхавъ (*имярекъ*) въ мѣстечко
Купляць своей милой колечко,

Подъ нимъ сивый коникъ брое,
Копыцикомъ землю крое,
Вочами звѣзды личе,
Вушами войну чуе.
Енъ такій вѣночекъ сторговавъ,
Хоць дорого за вѣнокъ давъ,
Вѣночекъ зъ бѣлыя лялеи,
Што ни вѣтрикъ его не звѣе,
А ни сонце его не ссуши,
А ни дождживъ не змоче;
Вѣтрикъ повѣе—лялея,
Сонце пригрѣе—ёнъ спѣе,
Дождживъ прикропе—зеленѣе.

23.

Да нѣтъ лѣпшаго молойчика,
Якъ нашъ молойчикъ (*имя рекъ*)
Енъ море силезнемъ плывець,
У воротахъ росой падзець,
На дворѣ княземъ станець,
За столомъ госцемъ сядзець.

24.

А мой ты браточка! Да по что ты пришовъ
Съ ржанымъ пирогомъ, да съ дубовой ряжкой (*шайкой*),
Да съ пшонным пивомъ, съ березовой розкой (*розгой*)?
— Ржаный я пирогъ дзѣвкамъ подзѣлю,
Съ ряжкою пойду въ лѣсъ у щирый (*чистый*) боръ,
У щиромъ бору ягодъ наберу,
А пшоннымъ пивомъ я вуголъ подоллю
Березовой розкой въ поле скотъ погоню.

25.

Ой цемно, цемно на дворѣ!
Бояре вороты облегли,

Посыпали *золото* по земли: *)
Хочуць цесцевъ дворъ *звоеваци*,
Да его дочухну забраци.

26.

Коло цесцева двора
Да высокая гора,
А ни взъѣхаць, ни взыйци,
А ни мимо перейци,
Требо гору руйноваци (*разрушить*),
Треба двора добываци,
Штобы дзѣвочку тамъ узяци.

27.

Бери самъ собѣ гето,
Да купи собѣ мыла,
Да помый свое рыло,
Штобы жонка любила,
Кабы дзѣтки познали,
Да татою назвали.

28.

Веребей (*воробей*), дружко, веребей!
По земельцѣ поскакавъ,
На сметнищи **) покопавъ,
Ножкой шелегъ ***) выкопавъ,
Свою дзѣвку выкупивъ.

---

*) Вѣроятно указанье на *куплю* невѣсты, тѣмъ болѣе замѣчательное, что съ другой стороны тутъ-же говорится объ ея *завоеваніи*,—такъ что въ этой небольшой пѣснѣ упомянуты рядомъ двѣ, исторически слѣдовавшія одна за другой, древнія формы брака. *О. М.*

**) *Сметнище*—мѣсто, куда бросаютъ соръ (слов. г. Носовича, стр. 595).

***) *Шелегъ*—старинная мелкая монета, 8-ая доля мѣдной копѣйки (слов. г. Носовича стр. 708).

29.

Звязали дружка, звязали;
Да йдзѣ жъ его узяли?
—Узяли его при калинѣ.
А йдзѣ-жъ дѣлась его дружина?
— Запився дружокъ, запився,
И на дружину забывся.

30.

Полѣзъ дружко по лучину,
Выдрали дзѣвки чуприну,
Да всторкнули на тычину.
Хто йдзець мимо, то пытаець:
Да чій то соколъ летаець?
— То дружковъ соколъ летаець:
За чимъ боярокъ *) не витаець.

31.

Да кто тамъ въ полю по цихоньку гукàець (*кличетъ*)?
Да гето... (*имя рекъ*) мамки своей шукаець:
„Ой придзи, мамочка, ко мнѣ на веселле,
На дзѣвоцкое, да й на сироцкое!
— Гукàй ты, не гукàй, дзѣцятко, не могу;
Далеко я лежу, за тремя замками.
Первый замочекъ—сосновый церемочекъ (*надгробникъ*).
Другій замочекъ—жовценькій песочекъ,
Трецій замочекъ—дубовыя дошки,
Дубовыя дошки да сцинули ножки;
Не повернуся, дзицятко, ни крошки,—
Жовты песочки засыпали вочки,
Не вижу сусимъ, дзицятко, ни зѣрочки.

---

*) *Боярка* — госпожа (употр. только въ пѣсняхъ) — (слов. г. Носовича, стр. 32).

32.

Нема у дворѣ (*имя рекъ*), нема,
Пошла въ гай (*лѣсъ*) до церемà.
Одна... (*имярекъ*) одна вѣ. чистомъ полю.
«Отзовись, мамочка, дай дзицяци долю!»
— Ой зробили мнѣ люди вѣчный домъ,
Домъ и безъ дверей и воконъ,
Вѣчный, цемный домъ, не проглянець сонце,
Не промовлю, я дзицятко, ни словца.

33.

Косица моя, косица!
Отдуха *) моя ранняя!
Не одноя раннико (*утро*) згуляла,
Коли (*когда*) цебе косицу расплетала.
Не одну я годзину провела,
Покуль цебе косицу заплела.

34.

Закоснички **) — паничи!
Што ѣдзице по ночи!
Пошто цемною порою?
— Да мы ѣдзимъ тропою
За русою косою,
За родною сестрою.

35.

Закосничекъ воробей!
Чего рано прилецѣвъ?
Ци ѣсциньки захоцѣвъ?

---

*) *Отдуха* — пріятное занятіе (слов. г. Носовича, стр. 373).

**) *Закосникъ* — родственникъ невѣсты, расплетающій ея косу перед вѣнцомъ, (слов. г. Носовича, стр. 171).

— А я рано прилецѣвъ,
Не ѣсциньки захоцѣвъ;—
Захоцѣвъ видзѣць сестрицу,
Да расплесць её косицу.

36.

Скочила (*имя рекъ*) до лавки,
Склонила къ мамочцѣ головку,
Ручками ноженьки обнялà,
Слезками ноженьки облилà.
— Корися, дзѣвочка, корися,
Старымъ и малымъ поклонися!
Съ поклону головка не болиць,
Старый и малый благословиць.

37.

Приступаешь, мамочка, къ столичку!
Приступи же и къ мойму словичку!
Не сына женишь, ни невѣстку берешь;
А мене въ чужій дворъ отдаешь.
Што-жъ бы тобѣ, мамочка, легчи было?
Ци мене маленькую поховаць?
Ци цеперь зъ улоння (*изъ объятій*) замужъ отдаваць?

38.

Таточка, мене за ручку берешь!
Ци не на постаць мене ты ведзешь?
Коли на постаць, займай шырòко,
Займай широко, погони далёко.
Да цеперь же сѣла я промежъ кропивки,
Промежъ кропивки и шиповничку.
Жижка *) кропивка пожигаць будзе;
А шиповничокъ да сушиць буде.

---

*) *Жижка* — отъ *жечь* (слов. г. Носовича, стр. 156).

39.

Знаць тобѣ (*имя рекъ*) замужъ хочецца,
Што ў цебе слезеньки не коцюцца?
Коли жъ не плачешь ты за столомъ,
Будзешь плакаци часто за вугломъ.
Коли жъ не плачешь ты за хлѣбомъ,
Будзешь плакаци часто за хлѣвомъ.

40.

Дзякуй тобѣ, цещюхна,
За пироги и блины;
Знаць нѣйдзѣ (*гдѣ-то*) въ мѣдной печцѣ
Печены ў цебѣ ены,
Золотымъ весельцемъ мѣшаны
И намъ большаночкамъ даваны.

41.

Хвалижъ тобѣ, Боже, убрали мы пригоже!
Надзѣли чепецъ!—да не кидай же его на печь!—
Надзѣли и тканку! *) — да не кидай же подъ лавку!
Чернецъ (*имя рекъ*)... чернецъ, надзѣвъ чепецъ
На тканкунамётку, прибравъ, якъ лебёдку.

42.

Бивъ мене мужъ, въ три рѣдзи **) гужъ,
Зачепивъ ниточку на соло́минočку,
Косцъ перебивъ, косцъ перебивъ,
Я съ того зла спацьки легла:
Устала раненько, помылась бѣле́нько,
Поснѣдала, поснѣдала,

---

*) *Тканка* — головная повязка (слов. г. Носовича, стр. 634).
**) *Рѣдзь*—крата, единица какого либо предмета... «въ три рѣдзи скруци веревку» (слов. г. Носовича, стр. 570).

Зъѣла вола и барана,
Четыре качечки (*уточки*), горщочекъ кашечки;
Еще мало, еще мало.
А ў Юрася печь хороша!
Запалю свѣчечку, погляжу въ печечку,
Ажъ пороси, ажъ пороси!

43.

Добра твоя (*имя рекъ*)... доля,
Што твой татка цебе дорѐ.
Щасливая твоя годзина—
Цебе дорицъ ўся родзина!

44.

Дзякую тобѣ, брахника (*братъ*),
За великіе твое дары!
Коли жива буду, спомогуся (*соберусь съ силами*),
Тобѣ братку отгожуся,
А коли да не тобѣ,
Може дзѣточкамъ твоимъ.

45.

Доброночь, матушка, доброночь!
Да не тэй доброночь, што на ночь,
А на цѣлый вѣкъ, мамка моя!
Ціперъ я, мамочка, ўже не твоя,
А того князя молодого,
Кому я рученьку давала,
Съ кимъ я подъ вѣнцомъ стояла,
И кому я хрестъ цѣловала.

46.

Казали, што наша (*имя рекъ*)...
Была ни пряха ни ткаха,
Ажно наша (*имя рекъ*)...

И тонко пряла и звонко ткала,
Наша (*имя рекъ*) и швачка былà—
Вышила кошулю съ подолà.

47.

Хвала Богу! наши морозы
Не зморозили нашей розы (*не вся*).

48.

Да я говорила; соколы летаюць!
Ажно гето мое брахники коней сѣдлаюць.
Да я говорила, што мѣсяцъ усходзиць;—
Ажъ гето татка по двору ходзиць,
Гето мой таточка по двору ходзиць,
Да мене молоду со двора проводзиць.

49.

Татковъ куточекъ (*уголочекъ*),
Божiй домочекъ!
Заставайся здоровъ!
Таткова хата
Живи богато!

50.

Таточка и мамочка мое,
Заставайцеся здоровы!
Да богатство наживайце!
На мене не забывайце!
Коли буду жеброваци (*просить милостыни*),
Велице дзвери отчиняци!
Да на ночь мене пущайце!
Хоць кусочекъ хлѣба дайце!

51.

Ахъ пойду я на потокъ,
Нитокъ тамъ найду мотокъ:
Стану нитки сучици
И у Бога доли просици:
Дай мнѣ, Боже, што мнѣ гоже!
Свекорка—роднаго татку,
Свекруху—родную матку,
Дзеверка—роднаго брата,
Золовоньку—родную сестреньку.

52.

Таткова нивка да не улекайся (*не пугайся*),
Родзила при мнѣ, родзи и безъ мене!
Добрая доля, да идзи за мною
Съ печи полымемъ, съ хаты коминомъ!

53.

Звонко дзерево калина
Да боромъ ишла, шумѣла,
А полемъ ишла—звенѣла,
А ко двору ишла—говорила:
Отчини, мамочка, новый дворъ!
Веземъ невѣстку, якъ яворъ!
Отчини, мамочка, воконце!
Веземъ невѣсточку, якъ сонце!
Отчини, мамочка, вершочекъ!
Веземъ невѣсточку съ коршочекъ (*кулачокъ*).

54.

Запали, мамочка, свѣчку,
Да выйдзи дзѣткамъ на встрѣчку!
Твое милые дзѣтки,
Дзѣтки да не однолѣтки.

Одно твое рожоное,
А другое суженое.

55.

Выходзи, мамочка, къ намъ скорѣй,
Не дзержи на дворѣ насъ госцей!
Мы прiѣхали въ дворъ къ свату,—
Пусци насъ скорѣй у хату!
Наши шубочки сокочуць, *)
Да у хаточку дужо хочуць,
Наши коники гогочуць,
Да до стаенки (*конюшни*) давно хочуць.

56.

Приданые на дворъ ѣдуць,
А курочки подъ клѣць бѣгуць.
Не пугайцеся, курочки!
Не дужо васъ много треба,
Тольки семъ паръ на вечеру,
Тольки пяць паръ на печени (*жаркое*),
Три пары приданкамъ намъ!
Три закосникамъ паничамъ.

57.

Сциха бояре идзице,
Хоромъ сватнихъ не вернице!
Хоромы ўсе новыя,
Столпки цисовые,
Обрусы двойчастые.
— Да й мы госци нечастые!
(Послѣднiй стихъ—какъ бы отвѣтъ гостей).

58.

Поциху бояре ходзице,
Шубы бояркѣ не оботрище!

---

*) *Сокотаць*—кричать свойственно курицѣ (слов. г. Носовича, стр. 5

Не тутъ-то ена купляна,
Не́ тутъ-то ена справляна:
Справляна въ царь городзѣ,
Да прислана мόлодзѣ.
Шили ее кравцы нѣмцы,
Прислали нашей паненцѣ.

59.

Да йдзѣжъ свёкоръ дзѣвся?
Войдзи свекоръ въ хату.
Зними покрывало!
Не суши челядзина,
Свойскаго семьянина.

60.

Дали намъ пици й ѣсци.
Дайце погуляци!
Дайце намъ усю волю,
Пусцице насъ у комору!
Хоць бы мы да поглядзѣли,
Куды нашу сестру дзѣли.
Дайце намъ подняць перинку,
Да поглядзѣць на калинку,
Ци хорошо развилася,
По кошулѣ разлилася. *)

61.

А й дзѣ сѣдзѣли приданки,
Здрыгнулися уси лавки.
И не такъ еще здрыгнуцца,
Якъ приданки до попьюцца.

62.

Свацдѣ моей шишки въ пятки!
Нема дочухны милой дзицятки.

*) Замѣчательно-ясное указанье на то, что *калина* есть символъ *крови*. О. М.

— Хоць я ноченьки не спала (*поютъ со стороны свекрови*),
Свою свацціюхну ошукала (*обманула*)
Ее дочухну къ собѣ перезвала,
Невѣстку собѣ дождала.

63.

Да чему жъ не ошукали!
Лихо тобѣ помогало,
Нашу (*имярекъ*)... порезваци (*поютъ со стороны матери молодой*)
И до себе дочекаци.
У насъ была, пряла, ткала;
А ў васъ будзёць пописчала.
У насъ была ёна хозяйка,
У у васъ будзецъ лѣнцяйка.

64.

Приданки заспѣвали,
Якъ сучки забрехали.
„Возьми, сватокъ, помело,
Да гони сучекъ за село!
Возьми, сватокъ, добрый лутъ (*лыко*),
Гони сучекъ въ цѣсный кутъ!
Штобъ ёны такъ не брехали
И штобъ чесць хоць троху знали".

65.

Ойченка мой родненькій,
Мой ружовый квѣце!
Побывай же у мене
Хоць разъ ты у лѣцѣ!
— Дзицятко мое родное,
Якъ же мнѣ у цебѣ быци?
У лѣтку за песками,
Зимою за снѣгами,
Весною за водою.

— Да въ лѣцѣ у карецѣ,
Зимою у возочку,
Весною у човночку.

66.

У насъ сянни перезовъ! *)
И самъ Богъ къ намъ перейшовъ,
Со святой Троицею,
Съ пречистою Богородицею,
Съ добрымъ словомъ, съ хлѣбомъ солію
Съ щасцемъ и доброю долею.

Еще свадебныя пѣсни **)

А. Сватовство.

1.

Калина не стой, распускайся,
Да въ бѣлый квѣтъ раскидайся,
Да на квѣтокъ, да бѣлюсенькій
Да на квѣтокъ, да дробнюсенькій,
Да Хведорка сѣдзи да размысляйся,
Да чи сватовъ ты пошлешь,
Да чи самъ да поѣдзишь?
Сватовъ пошлю, не перечекаю,
Самъ поѣду, такъ погуляю.
Сватъ поѣдзе да запьецца,
Енъ правданьки не спытаецца,
Сватъ поѣдзе, лгаци будзе,
Потомъ мила плакаць будзе.

---

*) *Перезовъ* — третій или одинъ изъ послѣдующихъ дней послѣ свадьбы, въ который родные невѣсты посѣщаютъ новобрачную и привозятъ ей приданое и благословенную икону (слов. г. Носовича, стр. 402).

**) Доставлены г. Носовичемъ позже въ особой дополнительной тетради.

2.

Што за паны, што за сваты на дворѣ?
По польску *) мовюць, Мариньку просюць до себе:
А вынидзь, вынидзь, млода Маринька, ты до насъ,
Познай, познай свойго суженаго межъ насъ.
Што у бѣломъ на коню бѣломъ—свекорка,
Што у синемъ на коню сивомъ—дзеверка,
Што конь вороненькій, самъ молодзенькій—суженька.

3.

Не лекайся (*пугайся*), дзѣвонька,
Не до цебе сваты ѣдуць,
Да зъ Вильна купцы ѣдуць,
Не дорогій товаръ везуць,—
Шпилечки да иголочки,
Да жовтые персценочки:
Иголочки на хусточки,
А шпилечки на стужечки (*ленточки*)
Персценочки къ веселлику (*свадьбѣ*):

4.

Прилецѣла сорока — чи-чи-чи,
Сѣла у дзѣвочки на плечи:
„Скажу тобѣ добрую вѣсць—чи-чи-чи,
Што у цебе сваты на дворѣ — чи-чи-чи.“

5.

Пріѣхали сваты на дворъ,
Пусцили стрѣлку **) въ окно.
„Стрѣла моя, стрѣла,

---

*) *По Польску*—вѣроятно, потому, что женихъ представляется *чужаниномъ*. *О. М.*

**) *Стрѣла* указываетъ на вооруженную силу насильника жениха. Такъ и, въ малороссійскихъ пѣсняхъ. *О. М.*

По што ты пришла?
Ци по медъ, ци по горѣлочку,
Ци по красную дзѣвочку?—
Ни по медъ, ни по горѣлочку,
А по красную дзѣвочку.

6.

Коло сватняго двора,
Да высокая гора,—
Ни взыйци, ни взъѣхаць,
Соколомъ ни взлецѣць;
Што даци, то даци—
Тую гору раскопаци;
А взыйци и взъѣхаць,
Соколомъ полецѣць!
Нашему (*имярекъ*) узъѣхаць,
Штобъ на милую поглядзѣць.

7.

Наша Тацянка (или имя невѣсты), наша
Поймала собѣ пташа *)
Да въ зеленомъ жицѣ,
Въ червонномъ аксамицѣ (*бархатъ*) **).

8.

Синее возеро на лугахъ стоиць,
Нашъ (*имярекъ*) на думкахъ сѣдзиць.
Думаець думу великую,
Попавъ на родзину богатую,

---

*) *Пташъ—птахъ*—птица.

**) Такая роскошь въ нарядѣ объясняется, можетъ быть, не только свойственною на одной позіи своего рода идеализаціею, но и древностью пѣсни, происхожденіемъ ея отъ такой поры, когда крестьянскіе наряды отличались у насъ богатствомъ, удивлявшимъ и приводившимъ въ негодованіе извѣстнаго писателя XVII в. Крижанича (Русское Государство при Алексѣѣ Михайловичѣ, изд. Бесонова, ч. I стр. 132). *О. М.*

Зъѣдзивъ коника, гарцуючи,
Стоптавъ боцики, танцуючи,
Сцеръ шапочку, кланяючися,
Змочивъ хусточку, уцираючися.

9.

Собрався раечекъ *)
Да у цемный куточекъ;
Хочецъ полецѣцъ
На щирые боры,
На жовтые квѣты,
На солодкіе меды.
Собрався Хведорка
Зъ своею родзиною,
Хочецъ поѣхацъ
Цесця звоевацъ, **)
Наталку къ собѣ взяцъ.

10.

Цеща зяця ждала,
Кунями дворъ стлала,
Кунями, бобрами,
Черными соболями.
„Кабъ же моя змо́га,
Выстлала бъ и много“.
Пышна цеща, пышна,
Што къ зяцю не вышла?
Ци ў ее кожуха нѣтъ,
Ци ў ее кубка нѣтъ,
Чимъ зяця витаци?

---

*) *Раёкъ*— маточникъ, въ которомъ до времени держатъ пчелиную матку, чтобы не ушла изъ улья. Слов. г. Носовича, стр. 544).

**) Замѣчательное выраженіе, прямо указывающее *на насиліе* въ брачномъ дѣлѣ. *О. М.*

11.

Ой цемно, цемно на дворѣ,
Ой цемнѣй того за дворомъ:
Бояре вороты облегли,
Посыпали золота по земли, *)
Да ходзюць, походзюць по двору,
Да просюць, попросюць Тацянку.
Тацянка татульку просила:
Дорожй, таточка, дорожи,
Да сто червонцевъ запросй,—
Тогды мене молоду отдаси.

12.

Межи новыхъ клѣточекъ,
Сцежечка помецена.
Хто-жъ ее тамъ подметавъ?
Тацянка подметала,
Миколку къ собѣ въ госци ждала.
Да ждала не дождала, да у татоньки пытала:
„Таточка, мой родненькій,
Ты вчора на торгу бывъ,
Ци не видзивъ (*имярекъ*)?
— Дзицятко мое родное,
Хоць видзивъ, не знаю.—
„Якъ же его не познаци?
Самъ семъ поѣзджае;
Подъ имъ коникъ брое,
Копыцикомъ землю крое,
Вушами войну чуе,
Вочами звѣзды личе“.
— Правда, вчора енъ на торгу бывавъ
И тобѣ вѣночекъ сторговавъ,

*) *Золото* указываетъ на *куплю* невѣсты, съ особенною ясностью обнаруживающуюся въ этой замѣчательной пѣснѣ. *О. М.*

*

Да зъ руты, да зъ мяты,
Да зъ бѣлой лялеи,
Да зъ червонной папери (*бумаги*),
Што ни дожджикъ его не замочицъ,
Да ни сонце его не ссушицъ,
Да ни вѣтрикъ его не звѣе.
Вѣтрикъ повѣе—лялея,
Сонце пригрѣе—енъ спѣе,
Дождзикъ прикропицъ—зеленѣе.

13.

Да боромъ, боромъ, борами
Ѣхали сваты рядами,
А молодый Стэхванька на перéдъ,
А его брахника (*братъ*) по серѐдъ.
„Стойце, постойце, сватове,
Ци не зязюлька то кукуецъ?
Ци не соловейко щебечицъ?“
Стэхванька отказываецъ,
Што не зязюлька кукуецъ,
Ни соловейка щебечицъ,
Гето моей невѣсцѣ пѣсни пѣюцъ,
Мнѣ молодому вѣдомо даюцъ.

14.

Пото-жъ, тобѣ, Миколка,
Уведзёнка *) Прасковка;—
Коли ее любишъ, дай пирогъ,
Коли не любишъ, то вонъ за порогъ!
Не хвалися, што у насъ бывъ,
Што нашей Прасковки не взлюбивъ.

---

*) *Уведзёнка* –1) Соблазнительница, обольстительница; 2) измѣнница. (Слов. г. Носовича, стр. 648).

15.

Да зъ борку, зъ борку на колку,
Висиць колыска на шолку,
Да у тэй колысцѣ Николка:
„Да милые мое сватове,
Сколыхнице мене высоко,
Кабъ я забачивъ далеко,
Гдзѣ моя милая гуляець,
Садовымъ яблочкомъ шибаець;
Може ёна въ орѣшки цятуець *),
Съ молодыми ребятами жартуець.

16.

Зажурився (*имярекъ*) въ повдорожки ѣдучи,
На бѣлыя березки глѣдзючи:
„Да моя березка бѣлая,
Да моя головка бѣдная.
Я у гетомъ дзѣлѣ не бывавъ,
По цемныхъ ночкахъ не ѣзжавъ."
—Не журися (*имярекъ*) ни о чемъ,
Мы цебе одного не пошлемъ,
Мы цебе пошлемъ зъ дружиной,
А вся дружина съ своей родзиной.

17.

Прiѣхали три казаченьки на дворъ нашъ:
„Познай, познай, дзѣвочка—который вашъ;—
Ци то, што у синимъ на коню сивымъ,
Ци то твой—самъ молодзенькiй, конь вороненькiй,
Ци то твой, што у атласѣ, у жовтымъ пасѣ?"
— Што у сини на коню сивымъ—то дзеверъ мой,

*) Слова этаго въ слов. г. Носовича нѣтъ. Не значитъ-ли оно, какъ въ одной малороссiйской пѣснѣ, сообщенной мнѣ Н. И. Костомаровымъ, *играетъ въ четъ-нечетъ?*

Зъѣдзивъ коника, гарцуючи,
Стоптавъ боцики, танцуючи,
Сцеръ шапочку, кланяючися,
Змочивъ хусточку, уцираючися.

9.

Собрався раечекъ *)
Да у цемный куточекъ;
Хочець полецѣць
На щирые боры,
На жовтые квѣты,
На солодкіе меды.
Собрався Хведорка
Зъ своею родзиною,
Хочець поѣхаць
Цесця звоеваць, **)
Наталку къ собѣ взяць.

10.

Цеща зяця ждала,
Кунями дворъ стлала,
Кунями, бобрами,
Черными соболями.
„Кабъ же моя змóга,
Выстлала бъ и много".
Пышна цеща, пышна,
Што къ зяцю не вышла?
Ци ў ее кожуха нѣтъ,
Ци ў ее кубка нѣтъ,
Чимъ зяця витаци?

---

*) *Раёкъ*— маточникъ, въ которомъ до времени держатъ пчелиную матку, чтобы не ушла изъ улья. Слов. г. Носовича, стр. 544).

**) Замѣчательное выраженіе, прямо указывающее *на насиліе* въ брачномъ дѣлѣ. *О. М.*

11.

Ой цемно, цемно на дворѣ,
Ой цемнѣй того за дворомъ:
Бояре вороты облегли,
Посыпали золота по земли, *)
Да ходзюць, походзюць по двору,
Да просюць, попросюць Тацянку.
Тацянка татульку просила:
Дорожй, таточка, дорожи,
Да сто червонцевъ запросй,—
Тогды мене молоду отдаси.

12.

Межи новыхъ клѣточекъ,
Сцежечка помецена.
Хто-жъ ее тамъ подметавъ?
Тацянка подметала,
Миколку къ собѣ въ госци ждала.
Да ждала не дождала, да у татоньки пытала:
„Таточка, мой родненькій,
Ты вчора на торгу бывъ,
Ци не видзивъ (*имярекъ*)?
— Дзицятко мое родное,
Хоць видзивъ, не знаю.—
„Якъ же его не познаци?
Самъ семъ поѣзджае;
Подъ имъ коникъ брое,
Копыцикомъ землю крое,
Вушами войну чуе,
Вочами звѣзды личе".
— Правда, вчора енъ на торгу бывавъ
И тобѣ вѣночекъ сторговавъ.

---

*) *Золото* указываетъ на *куплю* невѣсты, съ особенною ясностью обнаруживающуюся въ этой замѣчательной пѣснѣ. *О. М.*

*

Да зъ руты, да зъ мяты,
Да зъ бѣлой лялеи,
Да зъ червонной папери (*бумаги*),
Што ни дожджикъ его не замочиць,
Да ни сонце его не ссушиць,
Да ни вѣтрикъ его не звѣе.
Вѣтрикъ повѣе—лялея,
Сонце пригрѣе—енъ спѣе,
Дождзикъ прикропиць—зеленѣе.

13.

Да боромъ, боромъ, борами
Ѣхали сваты рядами,
А молодый Стэхванька на перёдъ,
А его брахника (*братъ*) по серёдъ.
„Стойце, постойце, сватове,
Ци не зязюлька то кукуець?
Ци не соловейко щебечиць?"
Стэхванька отказываець,
Што не зязюлька кукуець,
Ни соловейка щебечиць,
Гето моей невѣсцѣ пѣсни пѣюць,
Мнѣ молодому вѣдомо даюць.

14.

Пото-жъ, тобѣ, Миколка,
Уведзёнка *) Прасковка;—
Коли ее любишъ, дай пирогъ,
Коли не любишъ, то вонъ за порогъ!
Не хвалися, што у насъ бывъ,
Што нашей Прасковки не взлюбивъ.

---

*) *Уведзёнка* –1) Соблазнительница, обольстительница; 2) измѣнница. (Слов. г. Носовича, стр. 648).

15.

Да зъ борку, зъ борку на колку,
Висиць колыска на шолку,
Да у тэй колысцѣ Николка:
„Да милые мое сватове,
Сколыхнице мене высоко,
Кабъ я забачивъ далеко,
Гдзѣ моя милая гуляець,
Садовымъ яблочкомъ шибаець;
Може ёна въ орѣшки цятуець *),
Съ молодыми ребятами жартуець.

16.

Зажурився (*имярекъ*) въ повдорожки ѣдучи,
На бѣлыя березки глѣдзючи:
„Да моя березка бѣлая,
Да моя головка бѣдная.
Я у гетомъ дзѣлѣ не бывавъ,
По цемныхъ ночкахъ не ѣзжавъ."
—Не журися (*имярекъ*) ни о чемъ,
Мы цебе одного не пошлемъ,
Мы цебе пошлемъ зъ дружиной,
А вся дружина съ своей родзѝной.

17.

Прiѣхали три казаченьки на дворъ нашъ:
„Познай, познай, дзѣвочка—который вашъ;—
Ци то, што у синимъ на коню сивымъ,
Ци то твой—самъ молодзенькiй, конь вороненькiй,
Ци то твой, што у атласѣ, у жовтымъ пасѣ?"
— Што у сини на коню сивымъ—то дзеверъ мой,

*) Слова этаго въ слов. г. Носовича нѣтъ. Не значитъ-ли оно, какъ въ одной малороссiйской пѣснѣ, сообщенной мнѣ Н. И. Костомаровымъ, *играетъ въ четъ-нечетъ?*

Што въ атласѣ, жовтомъ пасѣ—свекоръ мой;
Самъ молодзенькій, конь вороненькій—гето мой!

18.

Звинѣла комора, звинѣла,
Гдзѣ Тацянка сидзѣла,
Тонкіе обрусы ткала,
Мыслями узоры
Дзивные поклала.
Пріѣхавъ суженинькій,
Пріѣхавъ самъ дзесятъ,
Попускавъ кониковъ
Да въ вишневый садъ:
„Не ржице, коники, не ржице,
Тацянка попасець на жицѣ,
Ядренымъ овсомъ обсыпець,
Червонымъ сукномъ обшіиць.“
Да не давъ Миколка не давъ,
Тацянки обрусовъ доткаци,
Да просивъ зъ собою сѣдаци.

19.

Бѣлыя березки, да не разбѣгайцеся,
Крутыя дорожки, да не разминайцеся:
(*Имярекъ*) къ цесцю ѣдзець.
Ёнъ дзѣця разумное,
Ёнъ море селезнемъ плывець,
Ёнъ поле соколомъ лецицъ,
У воротахъ росой падзець,
На дворѣ княземъ станець,
За столомъ госцемъ сядзець:
„Частуйце-жъ, частуйце
Не бывалаго госця,
Свого любого зяця.“

20.

Да у мѣсичка два рожки крутые,

Да у (*имярека*) два браты родные,
Одзинъ братухна коня сѣдлаёць,
А другой братухна его научаёць:
Якъ поѣдзёшь, брахника, у чужіе людзи,
Глядзи, брахника, разумнинёкъ будзи;
Выйдзець къ тобѣ танокъ дзѣвокъ;—
Не бери таей, што у золоци,
Да бери тую, што у розумѣ;
Мы золота у кромѣ (*въ лавкѣ*) достанемъ,
А разуму свого не уставимъ.

21.

Кленовый листочикъ,
Куды-жъ ты коцишься?
Ци въ лугъ, ци въ долину,
Ци зновъ на кленину?
Да не самъ я кочуся,
Коцицъ мене буйный вѣцёръ
Ни въ лугъ, ни въ долину
Да й знавъ на кленину.
— (*Имярекъ*) молодзенькій,
Куды-жъ ты рядзишься?
Ци въ госци, ци въ дорожку?
„Да не самъ я ряжўся,
Рядзицъ мене самъ таточка
Ни въ госци, ни въ дорожку,
Да къ цесциному дворочку,
Къ (*имярекъ*) на застолле.“

22.

У грознаго цесця
Стоицъ зяцъ за воротами,
Снѣгомъ перепавши,
Дождземъ перемокши.
„Крыйся, зяцю, купами,
Бобрами, чорными соболями.“

Б. Заручинныя.

23.

Ой горосе, горосе,
Сѣяли цебе хорошо
При лузѣ, при дорозѣ,
При битомъ госцинцу. *)
Ай ты красна Агапка,
Заручали цебе хорошо,
При родни и племени,
При родномъ таточку.

24.

Колибъ я вѣдала
Близкія зарученки,
Послала-бъ таточку
Въ логъ по калинку.
Таточка идзець,
Калинки не несець,
Вѣтры не вѣюць,
Сонце не грѣець,
Калинка не спѣець.
Што моя за доля!

25.

Зыбнуло море, зыбнуло;—
Тамъ наша Агапка утонула.
Пришовъ татка ее ретовацъ,
Подае ручку дзѣцяци.
Не подамъ я ручки никому,
Нехай я въ морѣ утону,

*) *Госцинецъ*—торговая дорога съ канавами. (Слов. г. Носовица, стр. 120

Не достануся никому,
А достануся одному,
Только милому моёму.“ *)

26.

Казала боченка, стоючи въ клѣци:
„Коли мене не выпьеце на веселомъ банкецѣ,
Сама выкачуся, разольюся по дворѣ,
Холодной криницей, сцюдзеной водзицей.“
Мовила Агапка, сѣдзючи при татки:
„Коли мене не выдаси, я сама пойду,
По дворѣ по маленьку иду,
За воротамъ угрунь (*бѣгомъ*) побѣгу.“

27.

Дзешево было мойму таточку
Да горѣлочку пици.
Якъ пойдзець на токъ, возьмець цапокъ,
Не съ кѣмъ молоцици.
Цапочкомъ махнець, цяжко уздыхнець,
Сильнинько заплачець, што дочушки не бачиць.
Дорого было мойму свекорку
Да горѣлочку пици;
Пойдзець на токъ, возьмець цапокъ
Есць съ кимъ молоцици.

28.

Пріѣхали заручнички,
Чемужъ мы безъ дудочки?
(*Имярекъ*) не удовочка
Захочець погуляць,

---

*) Свадебныхъ пѣсень объ утопаніи повсемѣстно много, но въ этой конецъ отличается совершенно своеобразнымъ оборотомъ (См. въ моемъ Ист. Обозр. Р. Слов. стр. 116). Ср. также Mittler, Deutsche Volkslieder, стр. 55 *О. М.*

Татковъ дворъ ровноваць,
Ножками острожками,
Чорными чоботами,
Зъ молодыми сватами.

29.

Сегодни заручиньки Богъ намъ давъ,
Процивъ понедзелку Богъ пославъ;
Ишли дары на три столы
Тому сему по подарку,
Нашему (*имярекъ*) три подарочки Богъ давъ:
Одзинъ подарокъ золотый персцень,
Другій подарокъ шовковая хустка,
Трецій подарокъ красная (*имярекъ*).
Золотый персцень на мѣнянне,
Шовковая хустка на вциранне,
А красная (*имярекъ*) на кохание.

30.

Зажурилася Настанька,
Што рано зимочка настала,
Снѣжкомъ руточка припала,—
Не съ чего молодзѣ (*молодой*) вѣнца звиць,
Да на голову уложиць.
Зачувъ же гето (*имярекъ*):
„Да не журися, Н—ка;—
Я вчора на торгу да бывавъ
И тобѣ вѣнокъ сторговавъ,
Хоць не руцяный, да перловый,
А-бы-бъ бывъ до вѣнца готовый".

31.

Поглядзи ся, мамочка, мене отдавши,
Мене отдавши, а невѣстку узявши.
Да устанешъ раненько, да нема кого будзици,
Возьмешъ ведзерко, нема водзицы;

Ты-жъ будзешъ думаци, што воловъ погнала,
Да твое волы стояць у хлѣвѣ,
А твое дзѣця у чужой сторонѣ.
Пастушки идуць, ты будзешъ пытацца;
Ены тобѣ, мамочка, не будуць казацца;
Волки придуць, да мене не будзе,
Да тобѣ, мамочка, горши жаль будзе.

32.

Да пристань, Боже, пристань
Да до нашего до початочку,
Што мы его починаемъ,
Пана Бога взвеличаемъ.
Да Пречистая Маци
Обѣцала долю даци
Да Зосиньцѣ дзѣцяци.
Да доля жъ, моя доля!
Коли будзешъ добрая,
То садзися со мною,
А коли будзешь якая,
То съ быстрою водою!
Не спотыкайся со мною!

33.

Зязюлька, зязюлька, да не голосна,
Кукуешь голосно, да не жалосно,
Не чутко за ельничкомъ,
За бѣлымъ березничкомъ.
Красная Анелька, да не голосно,
Плачешь голосно, да не жалосно,
Не чутко за дружками,
За голосными скрипками.
Я по бору не ходзила,
Голосу не збирала, плакаць не училася,
Да Якубку згодзилася,

На ручничку стояла
За бѣлую ручку дзержала,
Да Якубку присягала.

34.

Лецяць пташечки на три стадочки
И зязюлька по—передъ;
Птушечки пали, защебетали,
А зязюлька закуковала.
Ишли дзѣвочки черезъ сѣночки
И Мамонка по—передъ;
Дзѣвочки сѣли, пѣсни запѣли,
А Мамонка заплакала.

35.

Знаць тобѣ, Настулька, за мужъ хочецца,
Што твое слезыньки не кацюцца.
Идзи, Настулька, въ зеленый садокъ.
Вырви горку цыбульку, положи въ платокъ,
Ци не пойдуць у цебе дробны слезыньки.
Узыйдзи, совнико, для цепла дзеля,
Заплачь, Настулька, для сорома дзеля.
Узышло совнико, обутрѣло,
Настулька плакаци а ни думала. *)

В. Коровайныя.

36.

Благословице, людзи,
Близкiе сусѣдзи,
Гетому дзѣцяци

*) Пѣсня эта представляетъ замѣчательное указанiе на обрядовую обязательность слезъ даже въ случаѣ добровольнаго и желаннаго выхода замужъ. Тоже самое замѣчено и у французскихъ крестьянъ (Bujenad, Chants et chansons populaires des Provinces de l'Ouest, Niort 1866, t. II, p. 8, 12). *О. М.*

Коровай замясици
Ручками бѣлинькими,
Персцими золоценькими,
Пѣсьнями веселенькими.
Соступи, Боже, зъ неба,
Якъ намъ цеперь треба:
Помогавъ разчиниць,
Помогай замѣсиць
Ручками бѣлинькими,
Персцями золоценькими.

37.

Не стой, Боже, за дверями,
Да идзи, Боже, въ хату,
Да сядзь, Боже, на куцѣ,
Да дай долю молодзѣ.
„Я у хату не пойду,
Я за дзверми постою,
Молодзѣ долю перешлю.“

38.

Да лецѣли гусыньки въ чужій край...
Часъ тобѣ, дзѣвочка, за коровай...
„Сцелице кобельцы (*ковры*), я сяду,
Благослови, ойченько, я пойду.“

39.

Збирайцеся, родные, въ хатку
Да къ бѣленькому короваю;
Старыя бабы для порядку,
Молодыя молодзицы пѣсни пѣць,
Удалые молойцы коровай печь.

40.

Коровай у дзѣжѣ (*квашнѣ*) играець,
Да вѣко (*крышку*) подымаець,

Коравайницъ ожидаець:
Гдзѣ жъ мои коровайницы?
Чи на меду запилися,
Што на мене забылися?
Господынички нутка
Ворочайся хутко (*скоро*):
Уже на дворѣ вечеръ,
Коровай нашъ не печенъ.

41.

Хвала тобѣ, Боже,
Што мы дзѣло зробили,
Каравай замѣсили (каравай усадзили)
Ручьками бѣлинькими,
Персцнями золоценькими
Съ пѣсьнями веселенькими.
Четыре наши у дзѣжи,
Пятая сила
Каравай замѣсила;
Да упала я у дзѣла,
Цѣло мое упоцѣло,
Горѣлочки захоцѣло,
Горѣлочки акавиточки,
Для мене працовиточки (*работящей*).

42.

Нихто не угадае,
Што въ нашемъ короваѣ.
Муки дзевяць пудовъ,
Масла зъ восьми коровъ,
А яецъ повтораста.
Съ суботы на недзѣлю
Собралася (*имярекъ*) родзина;
Знеслижъ ёны семъ ситъ муки;
Хвалажъ Богу! каравай будзецъ великій;

Знесли-жъ ёны масла семъ кругъ;
Хвала Богу! будзець коровай, якъ пухъ;
Знесли ёны по копѣ яецъ на коровай,—
Хвалажъ Богу! румянъ будзець каровай.

43.

Да богатъ, Никитка, татка твой,
На пшеничку клавъ гной,
Добра пшеничка, што въ овинѣ,
Да великія скирты на гумнѣ,
Повные аруды (*закромы*) у клѣци;
Чемужъ коравою не шумѣци?

44.

Подышовъ каравай у дзѣжѣ,
Господынька добре сцерёже;
Поднявся каравай у печи,
Да чемужъ ему не шумѣци?
Хорошая учинила,
Румяная мѣсила,
Господа Бога просила,
Кабъ нашъ коровай удався.

45.

Стояла калинка кольки лѣтъ,—
Сѣчице, рубице на загнѣтъ (*очагъ*).
Кабъ нашъ загнѣцикъ бывъ ясенъ,
Кабъ нашъ коровай бывъ красенъ,
Кабъ наша (*имярекъ*) была веселà,
Кабъ наша руточка была зеленà.

46.

На дворѣ яворъ ссѣкаюць,
Ажъ у хаточку трески (*щепы*) летаюць;
Коло явору тресочки,
Коло караваю молодзички.

47.

Коровайницы псицы
Сидзяць, якъ лисицы,
Усе цѣсто покрали,
По кишенямъ поклали,
Ахъ-ци мнѣ пришло:
Въ кишени цѣсто подошло.
Чiя жена гожа,
Языкомъ дзѣжу гложе,
Чiя жена хижа (*проворна*),
Языкомъ дзѣжу лиже.

48.

За короваемъ я споцѣла,
Горѣлочки захоцѣла;
Дайце и другую—я выпью,
Дайце и другую—я выпью и тую,
А за трецiюю подзенькую.
Стану я для печи
Короваю глядзѣци,
Кабъ енъ не отпекся,
Кабъ енъ не отжогся,
Кабъ намъ соромъ не бывъ,
Да чужiй человѣкъ не кпивъ (*не шутилъ, не смѣялся*).

49.

Красный Гришечка,
Не усядайся на лавочци,
Да возьми сокола у ручки,
Да поидзи коло пшеночки,
Обжени перепелочки:
Кышъ—кышъ! перепѣлочки,
Да не ѣжце моей пшоночки;
Пшонка моя придалася,

Да на короваи сгибалася,
Да на коровай, на кветочки;
Да лучи, Боже, наши дзѣточки!

50.

Положили коровай на столѣ,—
Столовыя ножки гиблюцца (*гнутся*),
Уси людзи дзивюцца,
Што удався нашъ коровай,
Господу Богу на хвалу,
Добрымъ людзямъ на славу,
А пріяцелямъ на дзиво.
Вы, пріяцели, глядзице
И по целковому кладзице.

51.

Пытався коровай у перепечи (*лепешки*):
„Да куды сцежка до клѣци?“
—Ахъ ты, коровай—воропаю!
Часто въ клѣци бываешь,
Сцежки, дорожки пытаешь.
Возьми посошокъ, попирайся,
Да у клѣтку добивайся.

52.

Мы жъ были на коровай,
Тамъ насъ честовали
Пивцомъ молодзенькимъ,
Медкомъ солодзенькимъ,
Цымбалы заиграли...

53.

Наталькина челядзь
Захоцѣла вечерящь.
Лецѣли гусочки съ вырыю *)
Да пыталися о короваю:

*) Относительно этого слова см. выше стр. 44 (Слов. г. Носовича 93).

„Ци уже вы коровай сплескали?
Чему жъ насъ, гусочекъ, не ждали?
Мы бъ вамъ коровай сплескали,
Крылками-ножками сплескали.

Г. Пѣсни при веденіи дѣвицы на посадъ, при чесании косы купѣ невѣсты.

54.

А ты, мой брахника, пошто ты пришовъ,
Съ ржанымъ пирогомъ, зъ дубовою ряжкой (*шайкой*),
Съ пшоннымъ пивомъ и зъ березовою розкой?
—Ржаный пирогъ дзѣвкамъ подарю,
А въ ряжку я ягодъ наберу,
Пшонное пиво подъ вуголъ подоллю,
Съ березовой розкой скоцину погоню.

55.

Лецѣли гусыньки черезъ садъ,—
Часъ тобѣ, Ганнулька, на посадъ.
Сцелице кобельцы, я сяду;
Благослови, брацейко, я пойду.

56.

Братъ сестру на посадъ ведзець,
Шовкомъ земельку мецець,
Сытою поливаёць,
Съ сестрою размовляець:
Сестрица моя родная,
Да не будзь гордая,
Да не жалѣй своей головки,
Да кланяйся мамцѣ въ ножки,
Нехай мамка знаець
Да объ долю гадаець.—
„Знаю, дзѣцятка, знаю

Да объ долю не гадаю.
Даецъ Богъ долю, даецъ добрую,—
Хвала Тобѣ, Боже!
А коли якую проклятую,
Ахъ, мой моцный Боже!

57.

Ходзицъ, походзицъ зязюлька
По щиромъ борочку,
Садзицъ, посадзицъ дзѣточекъ своихъ
На бѣлой паучинѣ, на пуховомъ листочку,
Покуль прилецицъ соловей зъ лугу:
„Енъ васъ разгоницъ и мене возмецъ съ собою."
Ходзицъ, походзицъ молодая дзѣвочка
По новыхъ ганочкахъ, *)
Садзицъ, посадзицъ своихъ сестрицъ
На бѣлыхъ лавочкахъ,
Покуль прiѣдзёцъ (*имярекъ*) съ гурбою:
„Енъ васъ разгоницъ, а мене возмецъ съ собою."

58.

Што-то за заря у татки на дворѣ?
Дзѣвочка съ цепломъ ходзицъ, усихъ побужаёцъ:
Устаньце, дзѣвочки, берице щоточки,
Чешице головки, ужо жъ моя почесана,
Косничкомъ уплецена; ужо мое прiѣхали—
Ужо жъ мою развiюцъ косу,
По мужниму (?) разлiюцъ слёзку.

59.

У горôдзѣ на частоколѣ
Зязюлька куковала,
У лазни (*въ банѣ*) на лавцѣ

*) *Ганокъ*, *гáночекъ*—крыльцо, крылечко. *Ганочки*—ступеньки. (Слов. г. Носовича стр. 109).

Косу дзѣвица чесала,
А чешучи косу русу,
Съ косою размовляла:
„Моя косица, моя русая,
Нѣйдѣ (*знать*) я татку не мила!
Я тобѣ, мой таточка,
Зъ весны говорила:
Не дзери бору, не сѣй лёну,
Не-кому будзець полоць.
Гдзѣ я пойду, гдзѣ я жиць буду,
Тамъ я и робиць буду.
Я тобѣ, свекровка,
Зъ весны говорила:
Надзери бору, насѣй лёну,—
Я приду и полоць буду...

60.

Брахна Миколкинъ по гумнѣ ходзиць,
Три сады садзиць,
Уси сады хмѣлевые.
Війся, хмѣлю, війся коло тычки,
Війся коло тычки, свѣсивши въ садъ шишки.
Подстригайся (*имярекъ*) съ ребяцкаго стану
Да въ мужскую славу.

61.

Выйду я на ганочекъ (*крылечко*),
Гляну я на красочки,—
Ажъ мое красочки зіянуць (*сіяютъ*),
Ажъ мое ручепьки вянуць.
Зіяйце, красочки, зіяйце,—
Мнѣ жъ васъ не носици,
Я одзинъ вѣнокъ звила,
Да и той повѣсила
У комори на пруточку,

На шовковомъ шнурочку,
На черво́ной ниточцѣ,
Меньшей сестрицѣ.

62.

Почимъ познаць калинку ў лузѣ?
Низенько сѣдзиць, бѣленько квицець.
Почи́мъ познаць Наталку у мамки?
Межъ дружекъ сѣдзиць, да жалосно плачець.

63.

Улѣзъ дружко въ хату,
Да у печъ поглядаець:
Ци густа капуста,
Ци великъ горщокъ каши,
Ци пойдаюць наши.
Одзинъ кажець: мало!
Другій кажець: годзе (*довольно*)!
Треційй кажець: мовчи!
Бо заставюць товчй.

64.

Полѣзъ дружко по лучину—
Выдрали дзѣвки чуприну,
Усторкнули на тычину.
„Хто ѣдзець—пытаюць:
Чій гето хохолъ летаець?“
—Дружковъ хохолъ летаець;
Чему жъ бояринъ не витаець.

65.

Звязали дружка, звязали;
А й дзѣ жъ его поймали?
Запивая дружка, запивая
И на дружину забывая.

„А гдзѣ жъ твоя дружина?"
—А у поли подъ шатромъ,
Подъ бѣленькимъ полотномъ.

66.

Дружка жена да досужа была,
Семъ годъ кросны ткала,
Семъ недзѣль хвартухъ шила,
До обѣда зносила, на порозѣ згубила.
„Я на веселли гуляла,
Хвартукъ поцеряла;
Коли мене мой мужъ любицъ,
Ёнъ мнѣ другій купицъ."

67.

Дзѣвочки дружка били,
Чуприну залупили.
Хто идзецъ,—смѣецца,
Што чуприна тресецца.

68.

Да у нашего дружка
Голымъ-гола голова:
Добре дзѣвкамъ бобъ молоцицъ,
По закуточкамъ не леципъ.

69.

Передъ дружкомъ сорока,
Лежицъ ена безъ вока;
Ена лежучи сокочецъ,
А ёнъ ее ѣсци хочецъ.

70.

Да красная Зосечка,
Коли съ цебе тое было,

Штобъ ты служки наймала
Русу-косу расплетаци,
Слезки свое разливаци?
— Да дзѣвочки-сестрицы,
Да цеперь мой дзень наставъ,
Што до мене братка приставъ—
Русу косу расплетаци,
Слезки мое разливаци.

71.

Куковала зязюлька въ садочку,
Приклонивши головку къ листочку:
„Хто мое гнѣздзечко разовьецъ,
Хто мое яечки поберецъ?“
—Разовьецъ гнѣздзечко лебѣдзька,
Поберецъ яечки лебедка.—
Плакала паненка у свѣтлицы,
Приложивши головку къ скамлицы:
„Хто мою косыньку расплецецъ,
Хто мои уплеты поберецъ?“
—Расплецецъ косыньку братэнка,
Поберецъ уплеты сестренька.

Д. Пѣсни до зари вѣнчальнаго дня при благословеніи матери.

а) *при расплетаніи косы.*

72.

Закосники паничи,
Чѣго ѣздице по ночи?
— Да мы ѣдзимъ тропою,
Да за русою косою,
Да за родною сестрою.

73.

Закосничекъ—воробей,
Чѣго рано прилецѣвъ,

Ци ѣсциньки захоцѣвъ?
Дайце ему гречки снопокъ,—
Нехай клюецъ, якъ питушокъ;
Нехай скачецъ, якъ бѣлка,
Нехай пѣецъ, якъ дзѣвка.

74.

У недзѣльку пораненько Сонька сѣнцы мецецъ,
Вѣничкомъ махнецъ, жалосно заплачецъ.
Да у ее мамочка пытаецъ:
„Чего, моя дочухна, такъ жалосно плачешъ?
Ци ты жалуешъ старосци моей,
Ци жалуешъ подворьика мойго?"
—Моя мамочка, моя родная!
Усяго я жалѣю, жалѣю старосци твоей,
И подворьика твойго и русой косы своей,
Усей дзѣвочьей покрасы.

75.

Скочила дзѣвонька доловку, (*на землю*)
Склонила мамѣ низко головку;
Ручками земельку обняла,
Слезками ноженьки облила.
„Корися, дзѣвонька, корися,
Старому и малому поклонися:
Съ поклону головка не болицъ,
Старый и малый благословицъ".

76.

Елиночка зиму и лѣто зелена,
Наша Маланка нешто дзень весела,
У субботу косу чесала, слезки разливала,
А въ недзѣлю рано до шлюбу повстала.

б) *сиротскія.*

77.

Нѣту, нѣту Мариночки дома;
Пошла до Господа Бога.

Стоиць годзину, стоиць другую,
Покуль отчинили райскія дзвери.
Тамъ углядзѣла свою мамочку,
Якъ же обачила, сильно заплакала:
„Боже, Боже, прошу на веселле,
Ци Самъ придзи, ци мамочку пусци."
—И самъ не пойду, и мамочку не пущу,
Да щасця и долю тобѣ пришлю.

77.

Нѣту Марильки, нѣту дома,
Пошла Марилька до пана Бога;
Стоиць годзину, стоиць другую,
Покуль отчинюць райскія дзвери,
Покуль выпусцюць ее матыньку.
„Прошу цебе, матухна, прошу на веселле,
Да на сирочее, на дзѣвочее."
—Веселися, дзѣцятка, веселися зъ Богомъ,
Веселися, зъ Богомъ, да и зъ добрыми людьми,
Зъ добрыми людзьми усе сусѣдзями,
Зъ молодыми, да и зъ дзѣвочками.

78.

Хто у полю по сырюсеньку гукаець?
—Тамъ невѣста своей мамочки шукаець.
Хоць шукаець-не шукаець, не знайдзець,
Ой далёка ее мамочка, далёка,
У сырой землѣ у жовтомъ песку глубоко.
„Да зробили добрые людзи вѣчный домъ
Безъ дзверей, безъ вокошечка, безъ слонца,—
Не промовлю, дзѣцятко, ни словца."

79.

Чіи то слезки зъ горы кацилися?
Невѣстины слезки зъ горы кацилися,

Пески разрывали, мамочку доставали.
Далеко мамочка, за тремя замочками.
Першій замочекъ—сосновый церемочекъ,
Другій замочекъ—жовтый писочекъ,
Треційі замочекъ—сосновыя доски,
Да сциснули ножки—нельзя мнѣ крянуць (*ударить*):
Сырая земля грудой налегла,
Жовтыя песочки засыпали вочки,—
Не можно ни якъ проглянуць;
Сырые каменья по забоччю лежаць—
Не даюць повернуцьца.

81.

Настулькина мамочка
Передъ Господомъ Богомъ стоиць,
И ручки на крыжъ дзержиць
Да у Бога просицца:
„Пусци мене, Боже, да зъ неба до долу
Дзѣца поглядзѣци,
Якъ ено прибрано,
На посадъ посажено?"
—Прибрана ена, якъ лебедка,
Посажена, якъ сиротка,
Прибрана уся бѣлая,
Посажена якъ бѣдная. *)

82.

Не стой, Боже, за вокномъ,
Да йдзи, Боже, въ хату;
А сядзь, Боже, на куцѣ,
Да дай долю сироцѣ.
А у сироцинки нѣту матки,
У сироцинки нѣту бацьки...

---

*) Ср. въ моей христоматіи на стр. 24-й пѣсню галицкую. *О. М.*

83.

Ишла пошла дороженька по небу,
Туды-жъ ишла молодзенькая дзѣвочка.
Пришла ена до шкляного конца, *)
Углѣдзила свою мамочку сѣдзючи,
Стала ена у Господа Бога просици:
„Пусци жъ, пусци жъ, мой Божечка, мамочку
Мене бѣдное дзѣця поблагословици!“
Богъ ей такъ отказавъ:
„Што жъ бы то за свѣтъ наставъ,
Какъ Богъ зъ неба людзей пускавъ!“

84.

Гдзѣ сонца усходзиць,
Тамъ невѣста ходзиць,
Свою матку просиць:
„Моя мамочка родная,
Перейдзи дорожечку,
Помолися Божечку,
Тройцѣ зъ Миколою,
Штобъ надзѣлили сироту
Щасцемъ и долею.“

85.

Знаць, дзѣвочка, по веселлю,
Што не таточка цебе отдаець,
Што не таточка родный благословляець.
Великій дворъ, да не великій зборъ,
Бо не вся пришла родня.
Соловейку пошлю по таточку,
Сама пойду на украину,

*) Замѣчательно указаніе на миѳическое представленіе неба *стеклянною* *горою*. *О. М.*

По свою любую родзину.
Соловейко полецѣвъ, да не дождався;
Таточка мой родный самъ догадався:
„Леци не леци, мой соловейка,
Уже мнѣ не встаци.
Радъ бы я радзешенекъ встаци,
Да свойму дзѣцяци порадочекъ даци,
Да сырая земля грудой налегла—
Нельзя мнѣ устаци.“

86.

Прошу цебе, матухна,
Прошу на веселле,
Да на сироцкое, на дзѣвоцкое!
— Веселися, дзѣцятка, зъ Богомъ,
Зъ добрыми людзьми да сусѣдзями,
Зъ молодыми да зъ дзѣвочками.

87.

Въ недзѣлю раненька вышла Агапка съ хатки
Молицьца Богу на могилкѣ матки:
„Благослови мене, маточка,
До шлюбу зъ Богомъ ступаци.“
— Зъ Богомъ, зъ Богомъ, дзѣцятка,
Съ усими святыми,
Тобѣ дорожка очищена
И церковка отчинена,
Тобѣ дорожку Богъ благословиць,
А церковку татусь отчиниць.

88.

Дымъ, дымъ по долинѣ,
Шумъ, шумъ по дубровѣ,
Дзѣвка къ вѣнцу идзецъ,
А старый сватъ провожаецъ,

Дзѣвка на Бога нарекаець,
Сырую землю проклинаючи.
„Сырая земля, сырая,
Узела мою маточку старую,
Покинула мене ёна молодую
Съ кудрявою головкою.“

Е. Пѣсни при поѣздѣ молодыхъ въ церковь и обратно.

89.

По чимъ познаци калинку у лузѣ?
Низенько сѣдзиць, бѣленько квицець.
По чимъ познаци Наталку у мамци?
Межъ дружекъ сѣдзиць, да жалосно плачець.

90.

До дубу зязюлька, до дубу...
Часъ тобѣ дзѣвочка до шлюбу.
Што тобѣ, зязюлька, до того,
Есць у мене матка для того.
Благословиць пойци, я пойду;
Посцелиць рушничекъ, я стану.

91.

Кланяйся, Кацеринька, кланяйся,
Стараго и малого не минай,
Слезами землицу обливай,
Роднаго таточка познавай.
Становицеся, бояры, усе рядомъ,
Чи не будзе ойченька подъ передомъ.
—Колько я сцежечекъ перешла,
Родного ойченька не нашла,
Кольки бояры перебрала,
Родного ойченька не познала.

92.

Брахника мой родненькій,
Дай же мнѣ коня у возъ,
Кабъ мене до шлюбу завезъ
Да на тую гору крутую
Подъ церковку святую,
Гдзѣ людзи збираюцца,
Пану Богу кланяюцца,
Низенько и покорненько,
Пану Богу пріемненько (*пріятно*).

93.

Лецѣли гусыньки отъ дубу,
Часъ тобѣ Ганнулька до шлюбу!
—Сцелице кобельцы—я иду,
Благослови, матухна, я пойду.

94.

Не лекайся дзѣвонька, не будзешь вѣнчана,
Да нема попа у дому, поѣхавъ у крому
Ключики куповаци, церковку отмыкаци.
„Двое дорогихъ дзѣтокъ звѣнчаю,
Да одно родное, а другое суженое;
Да Парасочку татка родзивъ,
А Миколая ей Богъ судзивъ“.

95.

Ишла дзѣвочка съ поля,
Несла красочки въ приполлѣ, *)
Звила вѣнокъ при столѣ,
И покацила по землѣ,
Задала жалосци усей семьѣ,

*) *Приполле*—объемъ, сколько можно положить въ полу или передн
(Слов. г. Носовича, стр. 508).

Не такъ семьѣ, якъ татку и матцѣ.
Наталкина мамочка
У концѣ стола стоицъ,
Да на дзѣвочекъ глядзицъ.
Уси дзѣвочки, якъ дзѣвочки,
Одно мое дзѣцятка
Слизами заливаецца,
Волосами уцираецца.

96.

Закидайце конемъ сѣнца,
Поѣдзимъ до вѣнца,
Да нема попа дома,
Поѣхавъ до Шклова
Ключики купляцъ,
Церковку отчиняцъ,
Двоихъ дзѣтокъ вѣнчацъ.
Дзѣтки и однолѣтки
Не одного отца, не одной матки.
Первое рожоное, другое сужоное,
(*Имярекъ*) рожоный, (*имярекъ*) сужоная.

97.

Сваты боромъ ѣдуць, играюць и скачуць,
Наша дзѣвчина не даецъ вѣры—не плачецъ.
Ужо сваты полемъ ѣдуць, играюць и скачуць,
Наша дзѣвчина не даецъ вѣры—не плачецъ.
Ужо сваты селомъ ѣдуць, играюць и скачуць,
Наша дзѣвочка не даецъ вѣры—не плачецъ.
Ужо сваты на дворѣ ѣдуць, играюць и скачуць.
Наша дзѣвочка даецъ вѣру—плачецъ *).

---

*) Ср. въ моей христоматіи на стр. 19 пѣсню изъ сборника Сахарова.
О. М.

98.

Богъ тобѣ давъ, Миколайка,
Што твоя невѣста богата;
Не поѣдземъ въ городъ по уборы,
Приберецца ёна у коморѣ,
Да надзенець шубу
И поѣдзець до шлюбу,
Бѣлый ковнеръ (*воротникъ*) на спинѣ,
Чорные соболи у крылѣ
Жовтые лисочки въ рукавѣ.

99.

Стояла Настанька подъ вѣнцомъ,
Чесала косыньку гребенцомъ.
Кинула гребенецъ подъ вѣнецъ,
Русую косыньку подъ чепецъ.
Косица моя русая,
Отдуха моя ранняя,
Не одно я раненько згуляла,
Русую косыньку чесала.

100.

За воротами травка муравка
Золотомъ посыпана.
Настунька ишла, золото несла,
Золото разсыпала;
За слезками, за дробными
Золота не собрала,
За жалосцю, за великою
Мамочки не познала.

101.

Да зъ вѣнца дзѣвочка, да зъ вѣнца
Да не закидай же ты гребенца,

Да подай же мнѣ гребенецъ.
—Я жъ тобѣ, мамочка, не молодзецъ,
Што буду подавацъ гребенецъ.

102.

Мы были въ Божжемъ дому,
Стояли при сцѣнѣ,
Молилися Богу и Духу Святому.
Нашъ попъ молодзéнькій,
У его вусокь золоцéнькій,
Борода шовкóвая,
Головка кудрявая,
На емъ червоные квѣточки,
Звязавъ наши дзѣточки.
Дзѣтки не однолѣтки,
Не одного отца и матки:
Первое рожоное,
Другое сужоное.

103.

Ой, што-то за госци ѣдуць,
Подковками огонь кресюць,
А хусткамп раздымаюць.
Выйдзи, доня, поглядзи,
А што ены привезли?
Привезли перину синюю,
А звѣнчали Марпльку силою.

104.

По бору, по вересу роевыя пчелки:
У цесця на куцѣ свадзѣбные госци.
Пьюдь зелено вино, медомъ запиваюць.
Хвала-жъ Тобѣ, Боже, што на нашемъ стало,
Што мы раненько встали, попа ошукали (*надули*),
Да не дорго отдали, за паненку копѣйку,
А за того молодого—повъ-золотого.

98.

Богъ тобѣ давъ, Миколайка,
Што твоя невѣста богата;
Не поѣдземъ въ городъ по уборы,
Приберецца ёна у коморѣ,
Да надзенець шубу
И поѣдзець до шлюбу,
Бѣлый ковнеръ (*воротникъ*) на спинѣ,
Чорные соболи у крылѣ
Жовтые лисочки въ рукавѣ.

99.

Стояла Настанька подъ вѣнцомъ,
Чесала косыньку гребенцомъ.
Кинула гребенецъ подъ вѣнецъ,
Русую косыньку подъ чепецъ.
Косица моя русая,
Отдуха моя ранняя,
Не одно я раненько згуляла,
Русую косыньку чесала.

100.

За воротами травка муравка
Золотомъ посыпана.
Настунька ишла, золото несла,
Золото разсыпала;
За слезками, за дробными
Золота не собрала,
За жалосцю, за великою
Мамочки не познала.

101.

Да въ вѣнца дзѣвочка, да въ вѣнца
Да не закидай же ты гребенца,

Да подай же мнѣ гребенецъ.
—Я жъ тобѣ, мамочка, не молодзецъ,
Што буду подавацъ гребенецъ.

102.

Мы были въ Божжемъ дому,
Стояли при сцѣнѣ,
Молилися Богу и Духу Святому.
Нашъ попъ молодзе́нькій,
У его вусокъ золоце́нькій,
Борода шовкóвая,
Головка кудрявая,
На емъ червоные квѣточки,
Звязавъ наши дзѣточки.
Дзѣтки не однолѣтки,
Не одного отца и матки:
Первое рожоное,
Другое сужоное.

103.

Ой, што-то за госци ѣдуць,
Подковками огонь кресюць,
А хустками раздымаюць.
Выйдзи, доня, поглядзи,
А што ены привезли?
Привезли перину синюю,
А звѣнчали Марильку силою.

104.

По бору, по вересу роевыя пчелки:
У цесця на куцѣ свадзёбные госци.
Пьюдь зелено вино, медомъ запиваюць.
Хвала-жъ Тобѣ, Боже, што на нашемъ стало,
Што мы раненько встали, попа ошукали (*надули*),
Да не дорго отдали, за паненку копѣйку,
А за того молодого—повъ-золотого.

105.

Зажигай, мамочка, свѣчку,
Да выходзи на сустрѣчку:
Да выходзи, мамочка, процивъ насъ,
Да витай кубочкомъ усихъ насъ,
Да пытайся у дочки: ци моя?
— Не твоя, мамочка, не твоя,
Да того князя молодого,
Съ кимъ на вѣнцѣ стояла,
За бѣлую ручку дзержала.
Золотый персцень мѣняла.

106.

Наталка за столъ идзецъ,
Шубочку за столъ несецъ.
Дзѣвочки, дружечки,
Не трице моей шубочки,
Да не тутъ ёна справляна,
Шили ее кравцы Нѣмцы,
Брали сукно у Кролевцѣ,
У Кролевцѣ—у городзѣ,
Прислали мнѣ молодзѣ.

107.

Сциха бояре идзице,
Хоро̀мъ не вернице:
Хоромы усё новыя,
Столы цисовые,
Обрусы двойчастые,—
— Да й мы госци не частые.

Ж. Пѣсни застольныя, при дарении молодой и послѣ

108.

Налецѣли гуси, да̀ зъ бѣленькой Руси,
Сѣли на криницѣ, стали воду пицн.

Наѣхали госци, да съ чужой волосци,
Сѣли ёны за цисовымъ столомъ,
Стали ёны медъ, вино пици
Да кубками объ столъ бици.

109.

На морѣ, на возерѣ два бобры купалися;
А у новомъ церемочку два братцы зговлялися,
„Браточка мой роднепькій, пойдземъ мы бобровъ бици,
Паненцѣ на шубочку, паничу на шапочку:
Паненочка за столъ идзець и шубочку въ рукахъ несець;
Поциху бояре идзице, шубы паненцѣ не оботрице;
Не тутъ то купляна, не тутъ то справляна,
Куплена въ городзѣ, прислана молодзѣ,
Шили кравцы Нѣмцы, прислали паненцѣ.“

110.

Дзякуй тобѣ, цещухна!
Нѣйдзѣ твое пироги
На ў мѣдзяной печи были.
Да хорошо ёны росли,
Золотымъ весломъ выйманы,
Большаночкамъ даваны.

111.

Дмецца свацця, дмецца,
Да къ намъ не хинéцца (*не наклоняется*),
Коло припечку трецца.
Ци мы ей не любы?
Ци мы ей не милы?
Мы госци зазваные,
Любые, коханые.

112.

У нашея цещухны
Пироги съ кишени (*кармана*) коцюцца;

Ай! намъ же ихъ хочецца.
Ей давацъ маркотно,
А намъ брацъ охотно;
Ёна даецъ, плачучи,
А мы беремъ, скачучи.

113.

Казали намъ людзи,
Нашу невѣстку гудзя (*хуля*),
Што наша Наталка
Ни ткаха, ни пряха.
Ажъ наша Наталка
И пряла тонко,
И ткала звонко,
И бѣло бѣлила
И ўсихъ сватовъ дзѣлила.

114.

Намъ людзи говорили:
Хоцъ ѣдзьце, не ѣдзьце, —
Вашъ сватъ не богатъ.
Ажъ у нашего свата
Да зъ явору хата,
Золотое подстрѣшше,
Сѣночки съ паперочки,
Лавочки съ китаечки,
Печь его кахляная,
Чесць его коханая.

115.

Добрая твоя, Наталка, доля,
Што твой татка цебе доре;
Щасливая будзе́цъ годзина —
Цебе дарицъ ўся родзина.

116.

Дарю цебе, дзиціатка,
Съ хлѣбомъ-соллю съ благословеннемъ
На больше не сподзѣвайце (*не разсчитывайте*),
Да раненько уставайце,
Одзинъ другого побужайце.

117.

Да мой таточка!
Щиро тобѣ робила,
Вѣрно тобѣ служила;
Выслужила хлѣба кусочекъ
Да соли дробочекъ.

118.

Дзенькую тобѣ, брахника,
За великіе дары твое!
Коли жива буду, да спомнуся,
Тобѣ братку отслужуся:
А коли не тобѣ,
То дзѣткамъ твоимъ.

119.

Нашъ сватъ соловейка,
Частуй насъ хорошенько!
Мы госци зазваные,
Любые коханые.
Коли мы не зналися,
Сватами не звалися,
А цеперь познаемся,
Сватами назовемся.

120.

Цёточки лебёдочки, кладзице намёточки,
Дзядзички лебедзички, кладзице копѣечки,

Дзядзинки голубочки, кладзице урубочки (*обрубленные платки*);
Дзѣцюки молойчики, кладзице червончики,
А дзѣвочки боярочки, кладзице подарочки.!

3. Пѣсни послѣ стола до отправленія молодыхъ въ домъ молодого.

121.

Да гуляй, гуляй щука въ синемъ морѣ,
Якъ же пойдзешь на луги
Широкой рѣки на береги,
Не будзешь тогды гуляць,
Уловюць цебе молодые рыболовы,
Да снимуць съ цебе золотую луску (*чешую*),
Покроюць рыбочьку на часцицы
И положуць на столѣ у свѣтлицѣ,
Сготуюць рыбочку молодые кухари,
Да зъѣдуць цебе паны сенаторы.
Да гуляй-гуляй Проська у роднаго татки,
Якъ пойдзешь къ чужому да не родному,
Не будзешь гуляць у его по воли.
У свойго таточки крутые горы,
Нагулялася у его доволи,
А у чужого татки ўсе поле ровно,
Да гуляць не дужо вольно.
У свойго татки, што дзень головка въ вѣночку,
А што недзѣля въ дзѣвоцкомъ таночку,
А у чужого будній дзень въ рабоцѣ,
А святый—пильнуй хаты въ пекоцѣ.

122.

А у нашего свата
Одзежа богата,
Шапка собачча,
Шубка целячча.
Поясъ вужаччій,

Боты коневы.
Шапка забрешиць,
Шубка замычиць,
Поясъ зашипиць,
Боты загогочуць.

123.

У князя молодого на лѣво стоиць береза,
Вокругъ той березы березничёкъ,
А на тэй березцѣ листочки,
А на листочкахъ росица.
Ажъ то не береза, а Наталка,
Ажъ то не березничекъ, а служечки,
Ажъ то не листочки, да подруженьки,
Ажъ то не росица, а слезыньки.

124.

Хоць ты мене, татка, малую замужъ отдавай,
Тольки въ свою хатку чужого не примай.
Принявши зяця, тольки будземъ сварицьца,
Не буду вѣдаць, за кого вступицьца.
Уступившися за таточку, будзе мужъ биць,
Уступившися за милого, вонкахъ *) быць.

125.

Болиць моя головонька отъ вѣнца,
Не оддавай мене таточка за вдовца;
Отдай мене, мой таточка, у семью,
У семьи ёсць порядочекъ ўсему.
У ступѣ товчи, молоць—золовки,
Дзѣжу мѣсиць, хату топиць—ятровки,
А въ криницу по водзицу—я молодая.

*) *Вонкахъ* - внѣ, па дворѣ. Вода вонкахъ. Не саволь, вонкахъ будь. *Слов. г. Носовича*, стр. 66.

126.

Черезъ мой дворъ, черезъ мой дворъ,
Да цецерка лецѣла,
Да не давъ мнѣ Богъ, не давъ мнѣ Богъ,
За кого я хоцѣла,
Съ кимъ стояла, розмовляла,
Да подарочки брала;
Съ кого кпила, смѣялася,
Сама тому попалася.

127.

Наша сестрица—налитый сыръ;
Вашъ молодый—надутый пузырь.
У вашого молодого Хведоса
Овсяные зубы, ячменный носъ,
Брюхо зъ ночовки, ледве привёзъ.
Наша сестрица съ сокола,
Вашъ молодый зъ вола.

128.

Матка дочку пропила,
Свою родную продала,
Мошну грошей набила
И волосомъ зашила.
Зашила волосомъ, завыла голосомъ.
Пропила матка дочку
На солодкомъ медку,
Да упившися скачець,
А выспавшися плачець.

129.

Да пропою, пропою!
Да Наталкинъ тато-тка
Да пропивъ свое дзѣцятко

Да на новомъ ганочку,
Да за меду шкляночку,
За горѣлки чарочку.
Добро было пропиваци,
Кого-жъ будземъ посылаци
У криницу по водзицу,
У шерый (*сѣрый*) боръ по брушницу?

130.

Чiи то коники дли (*подлѣ*) стаенки (*конюшни*) стояць,
Сивые, буланые, въ дорожку прибраные?
Чiи жъ то свашечки за столикомъ сидзяць,
Бѣлыя, румяныя, въ дорожку прибраныя?
Молодого Князя коники дли стаенки стояць,
Сивые, буланые, въ дорожку прибраные.
Молодого князя свашечки за столикомъ сидзяць,
Бѣлыя, румяныя, въ дорожку прибраныя.

131.

На синимъ возерѣ сядзѣла лебедка,
Крылками опусцяся, перьикомъ осыпяся.
Прилецѣвъ къ ней лебедзь: „бѣлая моя лебедка,
Узыйми свое крылле, сбери свое перье.
Полецимъ съ тобою, гдзѣ голуби злетаюцца,
Насъ съ тобою дужо сподзѣваюцца:
Цеплое гнѣздечко вьюць, цебе лебёдки ждуць“.
Да за новою скамьею сядзѣла Мариська,
Косками опусцившися, слезками обливщися.
Прiѣхавъ Гришечка: „милая моя Марися,
Сбери свое коски, да утри свои слезки.
Поѣдземъ до дому, у насъ госци зьѣзжаюцца,
Насъ съ тобою сподзѣваюцца,
Бѣлое ложе сцелюць, зёлки у головки кладуць,
Насъ молодзенькихъ къ собѣ вельми ждуць.

132.

Шовковая ниточка къ сцѣнѣ льнецъ,
Наталка мамцѣ челомъ бьецъ,
„Добраночь мамцѣ оддаецъ:
Добраночь, мамочка, добраночь,
Да не тэй добраночъ, што на ночь,
Не на одну ночку, а на весь вѣкъ,
Не одной мнѣ гето, а на весь свѣтъ.“

133.

Идзице, сваточки, домовъ,
Мы вамъ Мариськи не дадзимъ,
Бо наша Мариська сестрица,
Зъ нами у ягодки ходзила,
Да у одну лубочку збирала,
Съ одной лусточки (*ломтика*) ѣдала.

134.

Бери, блазнюкъ, (*) бери,
Да ўмѣй шановаци,
Якъ родную маци,
Якъ вишенку въ саду,
Якъ пчелочку въ меду.
У насъ была работница,
У васъ будзецъ свавольница,
У насъ была—пряла, ткала,
У васъ будзецъ попихала.

135.

Татка мой покинувся мною, якъ не любою,
Якъ садовымъ яблочкомъ недоспѣленькимъ;
Не бѣдуй же ты, сестрица моя,

*) *Блазнюкъ*—несовершеннолѣтній. Еще ты изъ блазнюковъ не i шовъ. Бранное: дуракъ! *Слов. г. Носовича*, стр. 27.

Я жъ буду не далеко отъ цебе.
Будзимъ во чистомъ полѣ жито жаць,
И раннею и вечернею зарею
Сойдуцца нашіе голоскѝ съ собою.

136.

Вотъ тобѣ, мамочка, уси лубочки,
А мнѣ, мамочка, уси трубочки (*свертки полотна*),
Вотъ тебѣ, мамочка, уси коробочки,
А мнѣ молодзѣ уси сорочечки;
Вотъ тебѣ, мамочка, уси скрыночки (*сундуки*),
А мнѣ, мамочка, уси шириночки.

137.

Уже дужо позно, сонце на заходзѣ.
Да уже Марьечка у мамочки нà выхôдзѣ,
Ее мамочка родниньская дужо унимаёць:
„Не ѣдзь, дочушка любая, уже рожа зацвѣтаець,
Барвиночки зеленѣюць, землю укрываюць.
— Моя мамочка родная! Мнѣ рожи не дождаци,
Зъ барвиночекъ зеленыхъ вѣнковъ не звиваць;
Гдзѣ буду жици, хоць буду выци,
Да ўже мнѣ ихъ николи не носици.

138.

Вотъ тобѣ, матухна, шишки въ пятки,
Што нема кому тобѣ месци хатки.
Ой цяжко тобѣ будзець безъ дочки!
Поростуць по за лавкой козлячки (*грибы*),
Людземъ триба въ боръ ходзици,
А тобѣ будуць по за лавкою родзици.

139.

Зъ недзѣли на понядзѣлокъ
Татку бѣда стала—

Пропала скрыня малеваная
И дочушка коханая.
Я тую скрыню малеваную
За дзень призабуду,
Своей дочушки коханой
По вѣкъ не забуду.

140.

Прибирайся, брахника,
Пора домовъ ѣхаць,
Наша дороженька довга,
Да и перепуццевъ много.
Четыре мили ѣхаць боромъ,
Пятую плыци моремъ.

141.

Ой свѣтъ свѣтаёць, заря займаецца,
Наша Маринка зъ дворомъ прощаецца,
А у ее братынька ключовъ пытае.
„Гдзѣ ты, Маринка, ключи подзѣла? —
Я тобѣ, брацинька, да не ключница,
Чужому татку буду послужница.

142.

Не стой, мамочка, въ порозѣ,
Уже я у цебе въ дорозѣ:
Приступи, мамонька, близенько,
Поклонюся тобѣ низенько.
Приступи, мамочка, ближе ўсихъ,
Поклонюся тобѣ ниже ўсихъ.

143.

Чему, дочухна, не вечерила у свойго татки?
Пойдзешь къ чужому, да не родному, не будзешь вечерицъ
Цебе молоду пошлюць по воду,

А сами сядуъ вечерници:
„Принеси воды, на себе бѣды,
Каждому пиць дай, и старому и малому,
И свойму молодому коханому.
—Не сварпся, мамочка, со мною,
Сядземъ повечеряемъ съ тобою.

144.

Да я говорила: соколы летаюць,
Ажъ гето мои брахники на коней сѣдаюць.
Я говорила, што мѣсяцъ всходзиць,
Ажъ гето мой татка по двору ходзиць,
Мене молодую проводзиць.

145.

Ночь по ночи въ цёмненькую ночку
Зажурилася соколихъ по своему сыночку.
Да за чимъ же мойго соколка довго нѣтъ?
„Нѣйдзѣ ёнъ чечезъ сады полецѣвъ,
Нѣйдзѣ его ўси птушки узлюбили,
Нѣйдзѣ его на былиночцѣ садзили,
Нѣйдзѣ его ягодками кормили,
Нѣйдзѣ его зъ лисциночки поили,
Нѣйдзѣ его шерой зязюлькой дарили.“
Ночь по ночи, цёмная ночка;
Зажурилася мамочка, ждучи сыночка,
„Зачимъ мойго сынка нѣтъ?
Да нѣйдзѣ ёнъ черезъ мѣсто ѣхавъ,
Нѣйдзѣ его мѣщаночки узлюбили,
Нѣйдзѣ его за столикомъ садзили,
Нѣйдзѣ его пирожками кормили,
Нѣйдзѣ его зеленымъ виномъ поили,
Нѣйдзѣ его красной дзѣвкой дарили.“

152.

Ай, Боже мой, Боже! мы боромъ ѣхали,
Вѣтры не вѣяли, боры не шумѣли.
Пріѣхали къ свату,
Такъ дзѣвки заспѣвали,
Якъ сучки забрехали.
Ци на гето сватъ запросивъ,
Кабъ сельскими сучками напусцивъ.
Возьми, сватокъ, помело
Да гони сучекъ за село.
Альбо возьми добрый лутъ (*лыко*),
Да гони сучекъ въ цёмный кутъ.
Да дзѣвочки вы мое,
Да не лайце такъ мене,
Да придзеце и вы къ намъ,
Будзець тое же и вамъ.

153.

Дали намъ ѣсць и пиць,
Дайце погуляци,
Дайце намъ волю,
Пусцице въ комору;
Хоць бы мы поглядзѣли,
Гдзѣ вы сестру нашу дзѣли.
Дайце подиăць перинку,
Поглядзѣць калинку,
Ци хорошо развилася
По кошули ци разлилася. *).

154.

Хоць я ноченьки не спала,
Я свою сваццику ошукала,

*) *Калина*, очевидно, имѣетъ тутъ символическое значеніе по своему *кровяному* цвѣту.

Собѣ невѣсточку дождала;
Будзёць кому мнѣ въ хозяйствѣ помогаць,
Да къ сцюдзеной зимѣ плацця працъ,
А къ красной веснѣ кросны ткаць,
А къ цихому лѣту жито жаць,
А съ цемной зари на току молоциць.

155.

Милые мое сваточки,
Ци добре было въ дорозѣ?
Ци повные были талерки,
Да ци давали вамъ горѣлки?
Да добре было намъ въ дорозѣ,
Усего было намъ у возѣ.

156.

Добрые наши морозы
Не заморозили нашей розы.
Покраса наша Тацянка
Да покрасила два дворы:
Одзинъ дворокъ, гдзѣ росла,
А другій, гдзѣ пришла.
Гуляйце приданки
У Тацянки коханки;
Да велѣла намъ маци
Хорошенько гуляци,
Учиниць добрую славку
Да поломаць, скачучи, лавку,
Да въ городзѣ ячмень
Ёнъ золотомъ зацвѣвъ.
Лѣпши того злóта
Тацянкина цнота (*честность, цѣломудріе*).
Наша Тацянка швачка была,
Вышила кошульку съ подолà.

157.

Ѣхали мы три мили,
Коней поутомили,
Сами поупоцѣли,
Горѣлочки захоцѣли.

158.

Да у чистомъ полю приданые блудзили,
Негдзѣ ёны дорожку згубили,
Да споткали маленького хлопчинку:
„Такій сякій маленькій хлопчина,
Укажи намъ дорожку у село,
Куды наша сестра вёзена.“
— Тая дорожка вся муравкой утрёсена,
Будзёць ваша головка вёсела.

159.

Пріѣхали поцеребнички, *).
Да церебюць, церебюць зубочки
Цѣлое жеребя зъѣли,
По столу кочаючи,
У попелъ мокаючи.

160.

Учора зъ вечёра
Перепѣлка злецѣла:
Мы сегодни свѣтомъ
Перепелоччимъ слѣдомъ,
Гдзѣ мы ее осочуемъ (*отыщемъ*),
Тамъ мы заночуемъ,
Тамъ же намъ добре будзёць,
Коникамъ оброкъ будзёць,

*) *Поцерѣбникъ*,—потребитель. Поцеребниковъ у насъ много, да работниковъ мало. *Слов. г. Носовича*, стр. 488.

Коникамъ дадуць оброку, сѣнца,
А намъ дадуць медку й винца.

161.

Да умная разумная дзѣвочка:
Поставила сторожечку на броду,
Сама сѣла подъ вишенкой у саду.
Буду сѣдзѣць, буду глядзѣць при зари:
Откуль ясенъ мѣсячекъ узойдзець,
Откуль мое сестрицы узъѣдуць.
Узъѣдуць мое сестрицы съ за-горы,
Ены жъ мнѣ наметочку привезуць.
Ены жъ мою головочку приберуць.
Ены жъ мене съ тоски выведуць.

162.

Пошовъ Цимошка у калиновый логъ,
Нашовъ калинки сколькя смогъ.
„Вотъ тобѣ, Насточка, калина моя,
Нехай гуляець родзина твоя. *)
Гуляйце, приданки, гуляйце,
Жаднэй тревоги не майце.“

163.

Ужо жъ мы позябли:
Руки наши якъ грабли.
Въ довгой дорозѣ,
На тугимъ морозѣ,
Наши шубки сакочуць,
У хатэньку хочуць;
Наши коники гогочуць,
У стаенку хочуць.

---

*) Припомнить выше-замѣченное о символическомъ значеніи калины. Родня невѣсты предается веселью, когда являются доказательства ея *цноты*. *О. М.*

164.

Пріѣхали приданки зъ Гданя,
Попросили у Тацянки снѣдання.
Пожджице, сестрицы, пожджице,
Покуль я свою свекровку познаю,
Тогды я вамъ снѣданне сгадаю.

165.

Отчинице дзвери,
Да нехай вѣцеръ вѣе
Подъ новые лавки,
Гдзѣ сѣли приданки.
А гдзѣ сѣли приданки,
Здриганулися лавки.
А ци такъ здригануцца,
Якъ приданки попьюцца.
Гдзѣ ёны сѣли, запѣли,
Гдзѣ ёны стали, зайграли.
Кто къ имъ приткнецца,
Тэй до пьяна напьецца.

166.

Посередъ хаты стоиць печь;
Не умѣла невѣстка печь перепечь.
Нечого на ее дзивовацъ,
Бо недавно стала женовацъ,
Учора была дзѣвкою,
А сегодни жонкою.
Якъ мы захоцѣли,
Такъ мы нарядзили:
Зъ жита поленицу *),
Зъ дзѣвки молодзицу.

---

*) *Поленица*—хлѣбецъ, особенно испеченый изъ муки яровыхъ хлѣ(
Слов. г. Носовича, стр. 460.

167.

Милые закосники,
Чему жъ вы не веселы?
Ци ваши коники не въ злоцѣ?
Ци ваша сестрица не въ цноцѣ?
Гэто жъ ваши коники въ злоцѣ,
Гета жъ вашая сестрица въ цноцѣ.

168.

Тацянка, сестрица моя,
Стань же ты въ конецъ стола;—
Хоци жь мы наглѣдзимся,
Покуль разъѣдзимся.
Голубка сестрица наша,
Ужо жь мы домовъ ѣздзимъ.
Мы цебе научаемъ:
Уставай раненько,
Мый лавки бѣлюсенько,
Меци хату чистютэнько,
Кабъ тобѣ не упикали (*попрекали*),
Што мы у цебе гуляли.

169.

На дворѣ снѣжокъ припавъ;
Ой рано-рано Николка вставъ,
У Наталки просивъ:
„Наталка, подай мнѣ боцики."
Наталка не послухала,
Боциковъ не подала.
„Возьму жъ я пужку (*плетку*),
Тонкую свистушку,
Да выгоню бацьковые гнѣвы,
Да переверну на свое манеры."

170.

Жаль намъ, сестрица, на цебе,
Што ты насъ гонишь отъ себе.
Ци мы тобѣ косочки не плели?
Ци мы тобѣ вѣночка не вили?
Плели тобѣ косочку въ четыре ряды,
Вили тобѣ вѣночки четыре годы.

171.

Поѣдзеце, сестрицы, домовку,
Поклонницеся мамцѣ у ножки,
Што мене маленькую выховала,
Тридцаць ночекъ цемнюсенькихъ не спала,
Покуль мене маленькую взгодовала;
Сорокъ свѣчекъ ясненькихъ спалила,
Покуль мене маленькую взросцила,
А взросцивши въ чужіе людзи пусцила.

172.

Чужое дзиця, сваццики, наставляйце
И невѣстѣ своей навуку давайце,
Якъ быць въ людзяхъ чужому дзѣцяци,
Штобъ якъ свое дзѣця въ зневагу (*поношеніе*) не пускаци.
—Да якая бъ и намъ тутъ зневага?
Чимъ же наша Тацянка блага (*дурна*)?
Наша сестрица гожа,
Якъ червонная рожа.

Пѣсни, напоминающія посѣщеніе молодыхъ.

173.

Да пойду я коло краю, выженю сокола зъ гаю;
Не сокола выгнала, а своего ойченьку.
Ойченько мой родненькій, ружовый квѣце,
Побывай у мене хоць же разъ у лѣцѣ.

—Дзѣцятко мое дорогое, якъ же мнѣ у цебе быци
Въ лѣтку за песками, зимою за снѣгами,
А весною за водою?
—Въ лѣци у карсци, зимою въ возочку,
А весною у човночку.

174.

Похилицеся, лозы, отъ дуба до березы,
Кабъ мнѣ было видно до ойченька мойго.
Лозонки хилилися, да хмурки (*тучки*) явилися,
Таки мнѣ не видно до ойченько мойго.
Таки жъ мнѣ не видненько до ойченько родненькаго.

В. Крестины.

Рожденіе ребенка составляетъ, какъ и вездѣ, общую радость семейства. Бабка повитуха, какъ только приметъ на руки рождаемаго младенца, немедленно заставляетъ отца принесть водки и хлѣба, чтобы подкрѣпить родильницу. Родильница, по настоянію бабки, должна непремѣнно выпить порядочную рюмку водки и порядочно закусить, чтобы наполнить опустѣвшій животъ. Такова логика простонародныхъ бабушекъ. Даже и пословица на это есть, будтобы сами родильницы, убѣжденныя бабкиными медицинскими доводами, говорятъ при этомъ обстоятельствѣ: „ты-тка не тони, да вокругъ булки обгони". Бабка вскорѣ послѣ этого подкрѣпленія родильницы ведетъ ее въ изготовленную заблаговременно баню. Нѣкоторыя повитухи даже и самого младенца носятъ тотчасъ же въ баню.

Въ тотъ же день повитуха отъ имени отца младенца идетъ къ священнику, если въ одномъ селѣ живетъ, прочитать заочно молитву съ нарѣченіемъ имени новорожденному, а потомъ разсылаетъ, а болѣе сама разноситъ отъ имени отца и матери сосѣдямъ и родственникамъ „родзины",т е. родильный пряникъ, на этотъ предметъ приготовленный, и проситъ посѣтить родильницу. Посѣтительницы родильницы не медлятъ съ посѣщеніемъ и приносятъ ей разные съѣстные припасы, какъ-то: пшеничныя булки, сыръ и яйца. Въ пер-

вый праздничный день избранные родителями кумовья или воспріемники везутъ или, если близко, несутъ младенца къ священнику, а лѣтомъ въ церковь, гдѣ и совершается крещеніе.

Обычай при этомъ случаѣ существуетъ, что воспріемникъ священнику послѣ крещенія ставитъ привезенную съ собою бутылочку, копѣекъ на десять, водки и калачъ, или даетъ лепешку, спеченную на сковородѣ, которой священникъ потчуетъ кумовей, бутылочку же возвращаетъ назадъ воспріемнику. Воспріемниками избираютъ такихъ, съ которыми не могла бы произойти какая либо распря, по пословицѣ: „не дзѣцей у его хресциць". Кумъ даетъ священнику за совершеніе крещенія пять или шесть копѣекъ, а иногда, по бѣдности, и тремя копѣйками священникъ съ причетниками довольствуется.

Послѣ крещенія оба, воспріемникъ и воспріемница, принесши младенца къ родильницѣ, поздравляютъ ее слѣдующими словами: „Якъ видзѣли мы его или ее подъ хрестомъ, дай Богъ намъ съ тобою видзѣць подъ вѣнцомъ." Воспріемникъ при этомъ случаѣ кладетъ подъ подушку родильницы, по Бѣлоруски „породзихи", деньги на мыло; обязанность же воспріемницы дать крещаемому холстину на рубашечку (что она и исполняетъ, подавая бѣлую и тонкую наметку при принятіи младенца отъ купели, когда поютъ: „Ризу мнѣ подаждь"), а самой родильницѣ поднесть лавочный платочекъ, по бѣлоруской пословицѣ: „кумъ кумѣ даець полцинку, а кума кумѣ или куму холсцинку".

Бѣлорусскіе селяне любятъ угощать и угощаться на крестинахъ (по Бѣлорусски, на ксцинахъ или хрезбинахъ). На этомъ семейномъ праздникѣ постоянно учреждается обѣдъ для прошенныхъ гостей, изъ которыхъ главную роль играетъ кумъ и кума. Кумъ и кума, т. е. воспріемникъ и воспріемница, считаются между собою ближайшими родственниками. Кумъ и кума сидятъ на кутѣ рядомъ. На крестинахъ хотя однодневно, но лучше угощаютъ, нежели на свадьбѣ, особенно въ первый день самой свадьбы, по Бѣлорусской пословицѣ: „на весилле идуць зъ вочами, а на ксцины альбо ховтуры съ животами". *) Подвеселившись порядочно подносимою часто вод-

*) *Ховтуры*—погребенье, поминки.

кою, по пословицѣ бѣлорусской: „што потравка, то поправка"; тутъ же начинаютъ пѣсни подъ № 1 и 2, но не болѣе этихъ пѣсень: ибо ни обстоятельства, ни время не позволяютъ распространяться съ пѣснями.

Въ концѣ самаго обѣда повитуха ставитъ на столъ горшокъ каши и тарелку для денегъ за кашу въ пользу ея. Этотъ горшокъ каши воспріемникъ долженъ разбить однимъ ударомъ объ столъ. Кумъ, поднявъ высоко горшокъ, со всей силы бросаетъ его на столъ. Разбивши горшокъ, кумъ беретъ ложку каши, хвалитъ ея вкусъ и кладетъ на тарелку деньги по своему состоянію и щедрости; подражая ему, и прочіе кушаютъ кашу и кладутъ деньги на тарелку.

Слѣдующій за крестинами день называется Муровины. Разсматривая этнологически слово муровины, я долженъ придти къ такому заключенію, что это слово единственно принадлежитъ Кривичскому племени. Ни одно изъ прочихъ Славянскихъ племенъ Греческое ѵ не произноситъ какъ у. Въ одномъ только Кривическо-Бѣлорусскомъ нарѣчіи во всѣхъ словахъ почти, гдѣ въ Славянскомъ языкѣ стоитъ ѵ Греческое, буква эта произносится какъ у. Какъ-то: Кѵпріанъ—Купрей, Кѵрила—Курила, Акѵлина—Кулина, Евтѵхій—Автухъ, Глѵкерія—Лукирья, мѵро—муро (однимъ муромъ мазаны и проч.). Очевидно, что слово муровины происходитъ отъ мѵро и означаетъ буквально — первая вода, въ которой купаютъ младенца послѣ мѵропомазанія его. Повивальныя простонародныя бабки, для своего прибытка, выдумали кропить этою водою каждаго приходящаго, по ихъ приглашенію, на второй день крестинъ посѣтить домъ отца новокрещеннаго; этотъ день и называется муровинами. Бабка по этому оставшуюся отъ купанья, послѣ мѵропомазанія, воду сливаетъ въ чистое суденушко и этою водою она кропитъ и даже рукою моетъ упрямыхъ, приходящихъ на муровины, хотя бы кто и не былъ на крестинахъ. За это, не охотно принимаемое, окропленіе всякой кладетъ на тарелочку деньги болѣе для того чтобы откупиться отъ него. Это неблаговидное обыкновеніе проникло даже въ средній слой Бѣлоруссовъ. Городскіе жители и чиновническіе дома не изъемлются отъ него, тѣмъ болѣе околичная шляхта православнаго и даже католическаго исповѣданія, хотя младенцы послѣдняго не мѵропомазываются.

Пѣсни крестинныя.

1.

Хто жъ у насъ у полозѣ лежиць?
Пёколка наша да у полозѣ лежиць,
Да зажадала вишневаго соку.
„Сыйщице мойго Хведорка съ току *)
Нехай добудзець вишневаго соку.
— Пытайцеся, да хто жъ то родзився?
Коли сынъ родзився, я и соку добуду;
Коли дочухна, водзицей отбуду:
Коли сынъ родзився, славный городъ ставлю;
Коли дочухна, я и шацеръ не поставлю.

2.

Ахъ вы, столики мое вы цисовенькіе,
Чёму жъ стопце вы не засланенькіе?
Ахъ вы госцики мое вы любовинькіе,
Чёмужъ сѣдзице вы не веселенькіе?
Чи мой хлѣбецъ пушонъ, **) ци мой мужъ не веселъ?
Коли хлѣбецъ мой пушонъ, то я выполю,
Мужуковы норовы да я вывѣдаю.
Куня, рися, соболи на вóроцикахъ висяць,
Мужуковы норовы да на плечикахъ висяць,
На плечикахъ висяць и въ головенькахъ шумяць.

Варіантъ.

Ахъ! вы столики мое, вы цисовинькіе,
Ахъ чтожъ вы стопце не засланенькіе?
Ахъ вы госцики мое вы любовенькіе!

---

*) *Токъ*—гладкое на гумнѣ пространство, на которомъ молотятъ хлѣбъ (Словарь г. Носовича, стр. 636).

**) *Пушный*—пушной, съ мякиною (Словарь г. Носовича, стр. 640).

Ахъ чтожъ вы сѣдзице не веселенькіе?
—Да хозяюшка твоя да у полозѣ лежиць
Ена мыслиць о томъ, якъ бы мужу уноровить!
Мужуковы норовы да я вывѣдала,
Да я вывѣдала, много выцерпѣла.
Мужуковы норовы да на плечикахъ лежаць,
Да на плечикахъ лежаць и въ головкахъ шумяць.

3.

Не дорого пиво пьяное
Да дорого посѣдзенпико,
Мужское погулянпико,
Мужское, господарское,
А въ бесѣдзѣ людзи добрые,
Гукаюць ёны мужское:
„А будземъ мы пиво варици,
А будземъ мы сыновъ женици,
А будземъ мы горѣлку гнаци,
А будземъ мы дочекъ оддаваци.“

4.

Кумъ ходзиць по саду, кума по горôдзѣ;
Сойдземся, обоймемся, папьемся мёду.
Кумочка пьяпа на ганочку (*крылечкѣ*) пала,
Поглядзице, хлопцы, ци у тонкой сорочцѣ?
Коли ёна у тонкой, дайце ей покой,
А коли у згребной (*суровой*), дайце ей покой бѣдный,
А коли у посконнôй, завядзице ее у покой.

5.

Ай кумъ кумѣ радъ,
Повёвъ куму въ виноградъ (*въ овощный садъ*):
„Щипли кума вишни,
Што до долу свисли.“

6.

Да чужіе мужики добры,
Покупляли своимъ жонкамъ бобры;

170.

Жаль намъ, сестрица, на цебе,
Што ты насъ гонишь отъ себе.
Ци мы тобѣ косочки не плели?
Ци мы тобѣ вѣночка не вили?
Плели тобѣ косочку въ четыре ряды,
Вили тобѣ вѣночки четыре годы.

171.

Поѣдзеце, сестрицы, домовку,
Поклонцеся мамцѣ у ножки,
Што мене маленькую выховала,
Тридцаць ночекъ цемнюсенькихъ не спала,
Покуль мене маленькую взгодовала;
Сорокъ свѣчекъ ясненькихъ спалила,
Покуль мене маленькую взросцила,
А взросцивши въ чужіе людзи пусцила.

172.

Чужое дзиця, свацціки, наставляйце
И невѣстѣ своей навуку давайце,
Якъ быць въ людзяхъ чужому дзѣцяци,
Штобъ якъ свое дзѣця въ зневагу (*поношеніе*) не пускац
—Да якая ёй и намъ тутъ зневага?
Чимъ же наша Тацянка блага (*дурна*)?
Наша сестрица гожа,
Якъ червонная рожа.

Пѣсни, напоминающія посвященіе молодыхъ.

173.

Да пойду я коло краю, выженю сокола зъ гаю;
Не сокола выгнала, а своего ойченьку.
Ойченько мой родненькій, ружовый квѣце,
Побывай у мене хоць же разъ у лѣцѣ.

—Дзѣцятко мое дорогое, якъ же мнѣ у цебе быци
Въ лѣтку за песками, зимою за снѣгами,
А весною за водою?
—Въ лѣци у карецп, зимою въ возочку,
А весною у човночку.

174.

Похилицеся, лозы, отъ дуба до березы,
Кабъ мнѣ было видно до ойченька мойго.
Лозонки хилилися, да хмурки (*тучки*) явилися,
Таки мнѣ не видно до ойченько мойго.
Таки жъ мнѣ не видненько до ойченько родненькаго.

В. Крестины.

Рожденіе ребенка составляетъ, какъ и вездѣ, общую радость семейства. Бабка повитуха, какъ только приметъ на руки рождаемаго младенца, немедленно заставляетъ отца принесть водки и хлѣба, чтобы подкрѣпить родильницу. Родильница, по настоянію бабки, должна непремѣнно выпить порядочную рюмку водки и порядочно закусить, чтобы наполнить опустѣвшій животъ. Такова логика простонародныхъ бабушекъ. Даже и пословица на это есть, будтобы сами родильницы, убѣжденныя бабкиными медицинскими доводами, говорятъ при этомъ обстоятельствѣ: „ты-тка не топи, да вокругъ булки обгони". Бабка вскорѣ послѣ этого подкрѣпленія родильницы ведетъ ее въ изготовленную заблаговременно баню. Нѣкоторыя повитухи даже и самого младенца носятъ тотчасъ же въ баню.

Въ тотъ же день повитуха отъ имени отца младенца идетъ къ священнику, если въ одномъ селѣ живетъ, прочитать заочно молитву съ нарѣченіемъ имени новорожденному, а потомъ разсылаетъ, а болѣе сама разноситъ отъ имени отца и матери сосѣдямъ и родственникамъ „родзины",т е. родильный пряникъ, на этотъ предметъ припасенный, и проситъ посѣтить родильницу. Посѣтительницы родильницы не медлятъ съ посѣщеніемъ и приносятъ ей разные съѣстные припасы, какъ-то: пшеничныя булки, сыръ и яйца. Въ пер-

вый праздничный день избранные родителями кумовья или воспріемники везутъ или, если близко, несутъ младенца къ священнику, а лѣтомъ въ церковь, гдѣ и совершается крещеніе.

Обычай при этомъ случаѣ существуетъ, что воспріемникъ священнику послѣ крещенія ставитъ привезенную съ собою бутылочку, копѣекъ на десять, водки и калачъ, или даетъ лепешку, спеченную на сковородѣ, которой священникъ потчуетъ кумовей, бутылочку же возвращаетъ назадъ воспріемнику. Воспріемниками избираютъ такихъ, съ которыми не могла бы произойти какая либо распря, по пословицѣ: „не дзѣцей у его хресциць". Кумъ даетъ священнику за совершеніе крещенія пять или шесть копѣекъ, а иногда, по бѣдности, и тремя копѣйками священникъ съ причетниками довольствуется.

Послѣ крещенія оба, воспріемникъ и воспріемница, принесши младенца къ родильницѣ, поздравляютъ ее слѣдующими словами: „Якъ видзѣли мы его или ее подъ хрестомъ, дай Богъ намъ съ тобою видзѣць подъ вѣнцомъ." Воспріемникъ при этомъ случаѣ кладетъ подъ подушку родильницы, по Бѣлоруски „породзихи", деньги на мыло; обязанность же воспріемницы дать крещаемому холстину на рубашечку (что̀ она и исполняетъ, подавая бѣлую и тонкую наметку при принятіи младенца отъ купели, когда поютъ: „Ризу мнѣ подаждь"), а самой родильницѣ поднесть лавочный платочекъ, по бѣлоруской пословицѣ: „кумъ кумѣ даецъ полцинку, а кума кумѣ или куму холсцинку".

Бѣлорусскіе селяне любятъ угощать и угощаться на крестинахъ (по Бѣлорусски, на ксцинахъ или хрезбинахъ). На этомъ семейномъ праздникѣ постоянно учреждается обѣдъ для прошеныхъ гостей, изъ которыхъ главную роль играетъ кумъ и кума. Кумъ и кума, т. е. воспріемникъ и воспріемница, считаются между собою ближайшими родственниками. Кумъ и кума сидятъ на кутѣ рядомъ. На крестинахъ хотя однодневно, но лучше угощаютъ, нежели на свадьбѣ, особенно въ первый день самой свадьбы, по Бѣлорусской пословицѣ: „на весилле идуць зъ вочами, а на ксцины альбо ховтуры съ животами". *) Подвеселившись порядочно подносимою часто вод-

*) *Ховтуры*—погребенье, поминки.

кою, по пословицѣ бѣлорусской: „што потравка, то поправка“; тутъ же начинаютъ пѣсни подъ № 1 и 2, но не болѣе этихъ пѣсень: ибо ни обстоятельства, ни время не позволяютъ распространяться съ пѣснями.

Въ концѣ самаго обѣда повитуха ставитъ на столъ горшокъ каши и тарелку для денегъ за кашу въ пользу ея. Этотъ горшокъ каши воспріемникъ долженъ разбить однимъ ударомъ объ столъ. Кумъ, поднявъ высоко горшокъ, со всей силы бросаетъ его на столъ. Разбивши горшокъ, кумъ беретъ ложку каши, хвалитъ ея вкусъ и кладетъ на тарелку деньги по своему состоянію и щедрости; подражая ему, и прочіе кушаютъ кашу и кладутъ деньги на тарелку.

Слѣдующій за крестинами день называется Муровины. Разсматривая этнологически слово муровины, я долженъ придти къ такому заключенію, что это слово единственно принадлежитъ Кривичскому племени. Ни одно изъ прочихъ Славянскихъ племенъ Греческое ѵ не произноситъ какъ у. Въ одномъ только Кривическо-Бѣлорусскомъ нарѣчіи во всѣхъ словахъ почти, гдѣ въ Славянскомъ языкѣ стоитъ ѵ Греческое, буква эта произносится какъ у. Какъ-то: Кѵпріанъ—Купрей, Кѵрила—Курила, Акѵлина—Кулина, Евтѵхій—Автухъ, Глѵкерія—Лукирья, мѵро—муро (однимъ муромъ мазаны и проч.). Очевидно, что слово муровины происходитъ отъ мѵро и означаетъ буквально — первая вода, въ которой купаютъ младенца послѣ мѵропомазанія его. Повивальныя простонародныя бабки, для своего прибытка, выдумали кропить этою водою каждаго приходящаго, по ихъ приглашенію, на второй день крестинъ посѣтить домъ отца новокрещеннаго; этотъ день и называется муровинами. Бабка по этому оставшуюся отъ купанья, послѣ мѵропомазанія, воду сливаетъ въ чистое суденушко и этою водою она кропитъ и даже рукою моетъ упрямыхъ, приходящихъ на муровины, хотя бы кто и не былъ на крестинахъ. За это, не охотно принимаемое, окропленіе всякой кладетъ на тарелочку деньги болѣе для того чтобы откупиться отъ него. Это неблаговидное обыкновеніе проникло даже въ средній слой Бѣлоруссовъ. Городскіе жители и чиновническіе дома не изъемлются отъ него, тѣмъ болѣе околичная шляхта православнаго и даже католическаго исповѣданія, хотя младенцы послѣдняго не мѵропомазываются.

Пѣсни крестинныя.

1.

Хто жъ у насъ у полозѣ лежиць?
Пёколка наша да у полозѣ лежиць,
Да зажадала вишневаго соку.
„Сыйщице мойго Хведорка съ току *)
Нехай добудзець вишневаго соку.
— Пытайцеся, да хто жъ то родзився?
Коли сынъ родзився, я и соку добуду;
Коли дочухна, водзицей отбуду:
Коли сынъ родзився, славный городъ ставлю;
Коли дочухна, я и шацеръ не поставлю.

2.

Ахъ вы, столики мое вы цисовенькіе,
Чёму жъ стонце вы не засланенькіе?
Ахъ вы госцики мое вы любовинькіе,
Чёмужъ сѣдзице вы не веселенькіе?
Чи мой хлѣбецъ пушонъ, **) ци мой мужъ не веселъ?
Коли хлѣбецъ мой пушонъ, то я выполю,
Мужуковы норовы да я вывѣдаю.
Куня, рися, соболи на вороцикахъ висяць,
Мужуковы норовы да на плечикахъ висяць,
На плечикахъ висяць и въ головенькахъ шумяць.

Варіантъ.

Ахъ! вы столики мое, вы цисовинькіе,
Ахъ чтожъ вы стонце не засланенькіе?
Ахъ вы госцики мое вы любовенькіе!

---

*) *Токъ*—гладкое на гумнѣ пространство, на которомъ молотятъ хлѣ (Словарь г. Носовича, стр. 636).

**) *Пушный*—пушной, съ мякиною (Словарь г. Носовича, стр. 640).

Ахъ чтожъ вы сѣдзице не веселенькіе?
—Да хозяюшка твоя да у полозѣ лежиць
Ена мысляць о томъ, якъ бы мужу унаровить!
Мужуковы норовы да я вывѣдала,
Да я вывѣдала, много выцерпѣла.
Мужуковы норовы да на плечикахъ лежаць,
Да на плечикахъ лежаць и въ головкахъ шумяць.

3.

Не дорого пиво пьяное
Да дорого посѣдзеннико,
Мужское погулянпико,
Мужское, господарское,
А въ бесѣдзѣ людзи добрые,
Гукаюць ёны мужское:
„А будземъ мы пиво варици,
А будземъ мы сыновъ женици,
А будземъ мы горѣлку гнаци,
А будземъ мы дочекъ оддаваци.“

4.

Кумъ ходзиць по саду, кума по горо̂дзѣ;
Сойдземся, обоймемся, напьемся мёду.
Кумочка пьяна на ганочку (*крылечкъ*) пала,
Поглядзице, хлопцы, ци у тонкой сорочцѣ?
Коли ёна у тонкой, дайце ей покой,
А коли у згребной (*суровой*), дайце ей покой бѣдный,
А коли у посконной, завядзице ее у покой.

5.

Ай кумъ кумѣ радъ,
Повёвъ куму въ виноградъ (*въ овощный садъ*):
„Щипли кума вишни,
Што до долу свисли.“

6.

Да чужіе мужики добры,
Покупляли своимъ жонкамъ бобры;

А мой мужичокъ не добёръ,
Не купивъ мнѣ ни куницъ, ни бобёръ.
Да мой мужичокъ дурачокъ,
Да купивъ же мнѣ коровуху,
На мою бѣдну головуху.
Я коровочку напой да подой,
Рано вставши на поранки *) гони.

Колыбельныя пѣсни.

Цѣль колыбельныхъ пѣсень та, чтобы убаюкать дитя, возбуждая младенческое воображеніе малютки болѣе или менѣе доступнымъ расказомъ о близкихъ понятію его предметахъ (См. № 1 и 2. колыбельныхъ пѣсенъ). Многія импровизаціи матерей и нянекъ не уловимы, потому что каждая по своему убаюкиваетъ дитя тѣмъ, что̀ на умъ взбредетъ.

Для дѣтей, болѣе уже понимающихъ, нянюшки находятъ расказы поинтереснѣе, какъ видно изъ № 3.

Къ колыбельнымъ пѣснямъ относятся и импровизиціи мужчинъ, родственниковъ молодой матери, принимающихъ на себя роль няньки, которые, колыша первое ея дитя, выдумываютъ разныя прибавленія, чтобы разсмѣшить самую мать. См. № 5.

Сюда же можно отнести пѣсни, которыми забавляютъ дитя, чтобъ развеселить его. См. № 7 — 10.

1.

Люли, люли, люленьки!
Прилецѣли гуленьки (*голубки*),
Сѣли на воротахъ
У червонныхъ ботахъ.
Стали ёны ворковаци,
Чимъ дзицятку годоваци.
Нехай дзѣтку пташки
Приготовюць кашки!

---

*) *Поранки* — утренній выгонъ скота на пастбище (слов. г. Носовича, стр. 476).

2.

А-а, а-а, люли, прилецѣли гули
Сѣли на воротахъ у червоныхъ ботахъ,
Сѣли пали на току у сизенькомъ колпаку,
Стали ворковаци: што дзѣцяци даци,
Ци бобу коробу, ци гороху троху,
Ци колопень черепень, ци ячменю жменю (*горсть*),
Коня вороного, быка половаго,
Цѣлушку рябушку, дзѣцяци на юшку (*ушицу*)?

3.

А на кота воркота!
На малютку сонъ дремота!
А, брысь, коця, ни ворчи!
А дзѣтэнька спи-мовчи!
Пошовъ коцикъ у лѣсокъ
Принесць дзѣтэньку орѣшокъ (или *поясокъ*).
Пошовъ коцикъ на вулку,
А дзѣцятко у люлку!
Пошовъ коцикъ на торжокъ,
Принесць маленькому пирожокъ.

4.

Прилецѣли гуси,
А зъ бѣленькой Руси:
Пали сѣли на криницѣ,
Стали ёны воду пици,
Воду пивши, размовляци,
Якци дома дапь дзѣцяци.

5.

А-а, а-а милое!
Покуль будзець другое.
А-а, а-а дзѣтичка!
Покуль будзець дзѣвочка.

А-а, А-а Несцерко!
Покуль будзець шесцерко.

6.

Гэй чукъ, Гэй чукъ, гэй чука,
Лѣпѣй дзѣвки дзицюка (*парня*),
Дзѣцюкъ дровъ насѣчець,
Дзѣвка блиновъ напечець.

7.

А ладочки, ладки!
А йздѣ были у бабки—
А што ѣли?—кашку.
А што пили? бражку.

8.

Гой, гой дзѣцючокъ!
Куды ты поплывъ?
По сѣно по дровы
По красную птушку.
А йдзѣ ты ихъ дзѣнешъ?
Птушку въ клѣтку,
Сѣно подъ повѣтку,
Дровы въ печку,
Да й самъ на печку.

9.

Пошовъ коцикъ у лѣсокъ, нашовъ коцикъ поясокъ,
А кошечка отняла и дзѣцяци отдала.
Пошовъ котокъ на торжокъ, нашовъ котокъ пирожокъ:
Чи самôму ѣсци, чи дзицяци несци?
И самъ трошку укусивъ и дзѣцяци приносивъ.

10.

Ага-ага люльки, пошовъ котъ у дульки,
Поморозивъ лапки, улѣзъ на палатки,
Стали лапки грѣцьца, нейдзѣ коту дзѣцца.

Пѣсни разныхъ въ семействѣ перемѣнъ, невзгодъ и проч.

1.

Отдавай, таточка, мене лѣпи за дворъ:
Да не бери зяця къ себѣ въ дворъ!
Въ своімъ дворѣ не знаю кому годзици,
Ци цебе, таточка, ци мужа большъ любици.
Уступлюся за татку, мужъ будзець биць,
Уступлюся за мужа, вонкахъ быць.

2.

Въ цёмномъ лѣсѣ за рѣкою
Распашу я пашеньку.
Якъ посѣевъ я конопель,
Уродзився мой конопель
Тонокъ, долгъ, волокнистъ.
Якъ уладзився воръ воробей
Мою конопельку, мою зелененьку клюваци.
Да ужожъ я его поймаю,
Крылле, ноги поломаю.
Якъ уладзився бѣлъ молодзецъ
До моёй Маруси ходзици,
Дороги подарки носици,
Да мою Марусю любици,
Да ужежъ его я поймаю
Руки ноги переломаю:
Енъ небудзиць къ моей Маруси ходзици,
Мою Марусю любици,
Дороги подарки ей носици.

3.

Ахъ подъ вишенькою, подъ черешенькою
Стоиць старый съ молодою, якъ и съ ягодою.
Я й просилася, я й молилася:

Пусци мене, старичище, на вулицу погуляць!
— Я и самъ не пойду, и цебе не пущу:
Хочешь мене старенькаго да й покинуци.
— А ты старый дзѣдзюга! ты согнувся якъ дуга;
А я молодзенька гуляци радзенька.
— Куплю тебѣ хатку, да къ ей сѣножатку,
И ставокъ и млынокъ и вишневенькій садокъ.
— Не хочу я хатки, а не сѣножатки,
Ни ставка, ни млынка, ни вишнёвенька садка.
(Нѣтъ конца).

4.

Цёмная, цёмная да невидная ноченька!
Умная, умная и разумная доченька.
Полюбила, полюбила да молойчпка молодаго,
Да отдали, да отдали ее бѣдну за другого.

5.

Мецелица курицъ, курицъ;
А дзѣдъ бабу журицъ, журицъ.
А йдзи, баба, домовъ,
Напечи ты намъ блиновъ.
Охъ якъ же мнѣ не хочецца
Коло печки ворочацьца!
Да въ бѣленькой сорочечкѣ
Да въ тоненькой намёточцѣ!

6.

Сонце на небѣ къ заходу клоницца,
Мнѣ къ татку дуже у госци хочецца.
У мойго ойчинька садъ подъ рукою,
У саду вишеньки достаць рукою.
Пусци мене, таточка, у садъ погуляци!
Не буду вишеновъ твоихъ щепаци,
Не буду тресци твойго винограду.
Пришла къ тобѣ я, татка, на пораду.

Порадзь мнѣ, татка, якъ съ немилымъ жици!
Не знаю чимъ мнѣ ему угодзици!
Посцелю посцельку, слёзками льлюся,
Спаць кладучися къ сцѣнѣ хилюся.
— Живи, дочухна, живи, небога,
Корися мужу, корися, якъ мо̂га.

7.

Гора съ горою не схожаецца,
Часомъ и братъ сестры чужаецца.
Сестра ѣздецъ въ госци къ брату,
А братъ сестры не просицъ въ хату.
— „Ховай, жонка, хлѣбъ со стола;
Ѣдзецъ въ госци ко мнѣ сестра.“
Сестра его якъ почула,
Назадъ коня завернула.
— „Постой, братку, не чужайся,
Съ хлѣбомъ-соллю не ховайся.
Я обѣду не хоцѣла,
Твойго жицця поглѣдзѣла.
Есць у мене обѣдъ въ возѣ,
Пообѣдаю ў дорозѣ.
Тобѣ, братку, повелося,
А мнѣ горе припаслося.

8.

Ой раненько у недзѣлѣ уси войски зъ войны идуць;
Уси войски зъ войны идуць, нашего пана коня ведуць.
„Выйдзи, выйдзи, удова, возьми паньского коня!
— Може жъ я и не вдова, подожду другого дня,
Подожду еще его, почекаю до недзѣли:
Може дзѣточки мое не посироцѣли.“

Ой раненько у недзѣли уси войски зъ войны идуць,
Уси войски зъ войны идуць, а тамъ паньскій мундуръ везуць.
„Выйдзи, выйдзи, удова, возьми паньскій мундуръ.
—Може жъ я и не удова, подожду еще дни два,

Подожду еще дни два, подожду и до недзѣли:
Може дзѣтки мое да й не поспроцѣли."

Ой раненько у недзѣлю уси войски зъ войны идуць,
Уси войски зъ войны идуць, и паньское цѣло везуць.
„Выйдзи, выйдзи, удова, паньское прими ты цѣло.
— Ой цеперь я удова! цеперь же я сѣла.
Отчиняйце скорѣй широки вороты,
Цеперь дзѣтэньки мое—бѣдные сироты!

9.

Шли три солдацика до слонца,
Кроваву вкинули въ воконце
Кошулю съ строгимъ приговоромъ,
Кабъ безъ воды была вымыта,
Безъ вѣтру была высушена,
Безъ качулочки (*валька*) выкачена.
Я молода была догадлива:
Я слезынькамн бѣло вымыла,
Цяжко ўздыхаючи, высушила,
Руки ломаючи, выкачала.

10.

„И шумиць, и гудзець, дробный дождечикъ идзець:
А хто мене молодую да до дому доведзець?"
Отозвався казакъ на солодкомъ меду:
„Гуляй, гуляй, молодушка, я до дому доведу.
—Не прошу я цебе, не ведзи ты мене!
Бо лихого мужа маю,—достанецца отъ его мнѣ."

11.

А чужіе мужики добры,
Покупляли своимъ жонкамъ бобры:
А мой мужичокъ не добéръ
Не купивъ мнѣ ни куницъ ни бобёръ.
Ажъ и мой мужичокъ, якъ дурачокъ,
Да купивъ же мнѣ коробочку

На мою бѣдну головочку.
Я коровку напой да накорми,
Рано вставши, на поранки гони.

12.

Била жонка мужука, руки заносивши;
А ёнъ же ёй поклонився и шапочку знявши.
„Да спасибо, моя мила, што поцпху била!
Куплю тебѣ гарнецъ меду и коновку пива.“

13.

Гуляй, гуляй, молода,
Ещё тобѣ не бѣда!
А по моей головѣ
Ўсё застанецца тебѣ:
Ступа, жорны и рожонъ
И сторожа и пригонъ.
Въ ступѣ што хочешъ стовчёшъ,
Рожномъ хату подопрешъ,
Въ жорнахъ усе, што хочешъ, смѣлишъ,
Рогозземъ посцель засцелишъ...
А до ступы есць товкачъ,
Хоць ты плачъ, хоць ты скачъ.

14.

Ой мамка моя, а я дочка твоя!
Чему жъ мене не вучила, якъ я мала была.
А цеперь ўжь я велика,
Треба ко мнѣ чоловика *(мужа)*,
Ни стараго, ни малого,—
Молойчика молодого.

15.

Пригнавъ старый жидъ до насъ
За наборы забирацъ.
Мене въ дворѣ не было,

Ўзявъ ёнъ ложки, помело.
А мой пѣвень господарь
Да ўсихъ курей распродавъ,
Тольки еднўю чубату
На заводъ пусцивъ на хату.
Сѣли курки на снопу,
Мнѣ знесли яецъ копу.
Я яечки продала,
Пожалѣла помела.
Жиду довги отдала,
Ложки й помело ўзяла.

16.

Я ў горо̂дчику ходзила,
Я морковочку рѣдзила (*вырывали, чтобы рѣже была*).
— Што ты робишь, моя мила?
Спытавъ мене господарь!
— Ци я ў цебе, мой мужу,
Да за наймитку служу?
Ты, мужъ, жито продаешъ,
Да мнѣ грошей не даешъ.
А я зъ родзинкой сойшлася,
За морковочку наплася,
За цыбульку да за макъ.
Вышла замужъ я не такъ,
Вышла разъ, да не заразъ,
Не подманёшъ въ другой разъ.
Удалися мнѣ въ знакй
Мужуковы кулаки.
Кулаками по бокамъ
А ладоньми по щекамъ.

17.

Черевички я згубила,
Въ дворѣ босякомъ ходзила.
Зиръ (*глядь*) я ложки подъ исподъ (?)

Знашла лапоць и чоботъ.
Хвала Богу, што нашла,
Я обулась и пошла.
Черезъ гребельку иду,
Якъ голубонька гуду.
Нехай наша шляхта знаець,
Што чоботы паня маець.
Самъ на встрѣчу попадаець,
Да й ў мене ёнъ пытаець:
Чего жъ, паня, надўлася?
Ци што въ боты обулася.
Коли жъ въ госци ты собралась,
Чому въ кожухъ не прибралась?
— Бодай ў цебѣ бывъ такій духъ,
Якъ ёсць у насъ якій кожухъ.

18.

Дуэтъ

„Бабка моя, голубка моя!
Будземъ хату топиць,
Будземъ сову варицъ,
Соколка моя, голубка моя!
— Дзѣдзюхна мой, лебедзюхна мой,
На што хату топиць,
На што сову варицъ,
Коли не чимъ посолицъ,
Соколику мой, лебедзику мой!
„Бабка моя, голубка моя!
А иди жъ ты къ сусѣду,
Да позычъ соли ложку,
Посолицъ сову трошку.
Соколка моя, голубка моя!
— Дзѣдзюхна мой, лебедзюхна мой,
На што жъ намъ позычиць,
Коли нечимъ отдавацъ?
Соколику, мой, лебедзику мой.

„Бабка моя, голубка моя!
Будземъ пашню пахаць,
Будземъ довги отдаваць.
Соколка моя, лебедка моя!
— Дзѣдзюхна мой, лебедзюхна мой!
А ўжо жъ наша пашня
Вся за довги пошла;
Соколику мой, лебедзику мой!"

19.

Дуэтъ.

„Хто зо мною, хто зо мною?
За цихій Дунай, хто зо мною?
—Я съ тобою, я съ тобою,
За цихій Дунай я съ тобою!
Хто ў цебе ёсць, хто у цебе ёсць,
За цихимъ Дунаемъ, хто ў цебе ёсць?
„Есць у мене тамъ оцецъ и маць,
За цихимъ Дунаемъ оцецъ и маць.
Хто зо мною, хто зо мною?
За цихій Дунай, хто зо мною?
—Я съ тобою, я съ тобою,
За цихій Дунай я съ тобою!
Хто у цебе ёсць, хто у цебе ёсць?
За цихимъ Дунаемъ хто у цебе ёсць?
„Есць у мене да два братцы,
За цихимъ Дунаемъ да два братцы!"

На второй вопросъ такимъ же порядкомъ поютъ двѣ сестри а въ концѣ самой пѣсни поется.

Есць у мене жена зъ дзѣцьми,
За цихимъ дунаемъ жена зъ дзѣцьми.
Такъ поѣдзимъ, такъ поѣдзимъ
За цихій Дунай такъ поѣдзимъ!

20.

На цихинькомъ Дунаѣ, Дунаѣ
Перевозъ дзѣвка тримала, тримала (*держала*).
Припѣвъ {Въ лузѣ малина, свѣтло, видно,
Соловейки щебечуць.
Да пришовъ же къ ей бацинка, бацюшка:
„Перевези мене, донечка, донечка"
Я жъ цебе, бацюшка, незнаю, незнаю;
Первозничка не маю, и не маю.
Припѣвъ {Въ лугѣ калина, цёмно не видно,
Соловейки не щебечуць.
Да пришла къ ей матухна, матухна:
„Перевези мене, донинечка, донечка"
(*тотъ же отвѣтъ и припѣвъ*).
Да пришовъ же къ ей брахника:
„Перевези мене сестрица."

(*Отвѣтъ и припѣвъ тотъ же, такъ же и при просьбѣ сестры*).

Да пришовъ же къ ей миленькій, миленькій:
„Перевези мене, милая, милая"
Я жъ цебе, миленькій, познала, познала,
Первозничка наняла, наняла.
Припѣвъ {Въ лузѣ малина, свѣтъ и видно,
Соловейки защебетали.

21.

Бацька добрый—бацька добрый, а маци лихая:
Не пускаець на вулицу, што я молодая.
Я жъ молода плотъ сломила, бѣгучи съ разгона,
Блукаючи, шукаючи свойго молодзёна.
А у мойго молодзёна личко, якъ у пана,
Только ему и пригана (*порока*), што нема жупана.

22.

Густый гаю, густый гаю, густый—не прогляну!
Не поймаю голубочка, пусцивше въ поляну.

Пусци мене, моя маци, у тэй садъ гуляци!
Ци не придзе́ць мой миленькій своихъ воловъ пасци.
— Пасицеся, мое волы, не бойцеся вовка,
А я пойду до дзѣвчины, што змыта головка.
А ци змыта, ци незмыта, а быбъ не пробита,
Руса коса до пояса шовкомъ перевита.
„Ой пій маци, тую воду, што я наносила,
Люби, маци, того друга, што я полюбила.
— Я не буду воду пици, буду проливаци:
Не люблю я зяця мого, буду разлучаци.
„Не проливай воды, маци, мнѣ цяжко носици,
Не разлучай зъ милымъ другомъ, не вѣкъ съ тобой жици.
Сама воды наношу, сама буду пици,
Сама друга полюбила, зъ имъ и буду жици.

23.

— Ўчора была суботэнька, сегодни недзѣля,
Чему жъ ў цебе, мой миленькій, кошуля небѣла?
„Ой якъ ёна будзе̇ць бѣла, не мыта повъ рока:
Сестра мала, матка хвора, милая далёка.
— Ой я стану у рѣченьки, стану на бугрочку,
А вымыю и высушу милому сорочку.
— Покинь же ты, чернобрива, кошулю качаци:
Возьми серпокъ, да йдзи въ поле пшениченьку жаци!
— Я у мамы не жала, и ў цебе не буду;
Узложивши сукеночку, похожаци буду;
Шовковою хусточкою помахиваць буду.
Покинь, милый чернобривый, лежаць на кроваци;
Возьми топоръ, идзи на дворъ, тамъ дровы рубици.
— Я й у таты не рубивъ и ў цебе не буду:
Ўзложу собѣ красный сурдукъ, похожаци буду,
Шовковою хусточкою помахиваць буду.

24.

Да не сонъ мою головоньку спаць клониць,
То брацецъ да сестру съ двора доловъ гониць.

Пойду я молода да доломъ долиною,
А спытаюся я у вербоньки съ калиною:
Да куды, вербонька моя, дорожка пошла?
Куды, калинушка моя, сцежка пролегла?
Да ци у лѣсъ, ци у боръ мѣсто цѣнистое?
Да ци дорожку выбрацъ у поле чистое?
Ў цёмномъ лѣсѣ у бору усё ини да гнилица,
Ў чистомъ полѣ бѣла ярь да пшеница,
А ў пшеницы тэй да ракитовый кусточекъ,
За ракитовымъ кустомъ вишнёвый садочекъ,
А въ томъ садочку соловейко свищицъ,
А лихой свекоръ своей невѣстки ищецъ.
„Хоцъ ищи, хоцъ не ищи, къ двору не вернуся;
Хоцъ вернуся, да твойму сыну не покорюся;
Хоцъ покорюся, да посцели слацъ не буду,
Хоцъ посцелю посцелю, да спацъ зъ нимъ не лягу,
Хоць я лягу, да я легши обернуся къ сцѣнѣ.
Якъ пошла я молода у лугъ зелененькій,
Сустрѣвъ мене тамъ казакъ молодзенькій,
Да ставъ у мене дорожки пытаци;
Я молода не знала, што ему сказаци.
„Ци въ лѣсу ты, дзѣвка, ци въ бору жила,
Што незнаешъ куды дорожка пошла.“
Не на то мене мама на свѣтъ породзила,
Штобъ я въ дому се господынькой была.
Ой пошла я коло братняго двора,
Братъ убачивъ ў вокошка, къ ему идзецъ сестра.
Знаю, братка, ты госцей много маешъ,
Да на свою родную сестру забываешъ.
— Кабъ ты, сестра, да добрую долю мѣла,
То и ты бы у мене за госцейку сѣдзѣла.

25.

Да сынъ матцѣ коморочку грѣе,
Да сынъ матцѣ посцелечку сцеле.
„Ци цепла, мамочка, коморочка твоя?

Ци мяхка, мамочка, посцелька твоя?
— Да цепла, сынокъ, коморочка моя
И мяхка, сынокъ, посцеличка моя,
Да только цвердо твоей жены слово:
На ложе ишла, добраночь! не дала,
А зъ ложа встала, добрыдзень! не сказала.
— Выбачь, мама, выбачь, коханинька!
Ена вчора да была пьяненька,
А сегодни головка ломила,
Добрыдзень! тобѣ сказаць забыла.
Буду вучици, буду навучаци,
Якъ мамочцѣ добрыдзень! отдаваци

26.

Ой, Бȯже мой, Боже, якъ шкода молодосци!
Живу одзинъ, трачу лѣты, плачу со злосци.
Есць у мойго ойца да кони вороные,
Поѣду догоняць я лѣты молодыя.
— Дзиця мое, дзиця, дзицятко дорогое!
И кониковъ загонишъ и лѣцевъ недогонишъ.

27.

Боже мой, Боже, спаци хочу!
Положу головку на таткину ўзголовку.
Татка идзе, глядзь на мене!
„Дзицятка дорогая, вышла замужъ молодая,
Да не выспалася.“
Боже мой, Боже, спаци хочу,
Положу головку на маткину ўзголовку.
Мамка идзе, глядзь на мене!
„Дочухна дорогая, вышла замужъ молодая,
Да не выспалася.“
Боже мой, Боже! спаци хочу,
Положу головку на свекрову ўзголовку.
„Свекоръ идзе, глядзь на мене!
„Сонливая, дремливая

Невѣстка моя!“
Боже мой, Боже спаци хочу,
Положу головку на свекрухину ўзголовку.
Свекруха идзе, глядзь на мене!
„Сонливая, дремливая
Невѣстухна моя!“
Боже мой, Боже, спаци хочу,
Взложу я головку на милаго ўзголовку
Милый идзе, глядзь на мене!
„Да возьму я котаночку (*душегрѣйку*), накрыю коханочку,
Нехай собѣ спиць.“—

28.

У саду береза коренистая,
У мене свекрова норовистая:
Сама спаць ляжець, мнѣ робиць кажець.
Якъ тутъ середъ цемной ночи мнѣ по воду ици!
Зачувъ мой миленькій, коней пасучи.
„Не плачь, моя мила, коней попасу,
Коней попасу, воды принесу!
Матку напою съ повнаго ведра:
Пи, мама, зъ ведра—твоя невѣстка хвора!
— Будзе и другая! Да не такая!
— Будзе середольшая! *) Да гетой горшая!

29.

Смертухна—матухна
Бери моихъ воловъ у ярмѣ,
Пусци мою жонку ко мнѣ!
Мнѣ не съ кимъ горе гореваци,
Не съ кимъ дзѣцей годоваци,
Нема съ кимъ вѣку коротаци.

*) *Середольшій* – старшій изъ среднихъ по лѣтамъ. (Слов. г. Носовича, р. 578).

30.

У ровнымъ полѣ корчомочка стоиць,
А ў тэй корчомцѣ два брацика пьюць.
Одзинъ братка пивъ, коника пропивъ,
Другій братка пивъ, да й жонку пропивъ.
Што коня пропивъ, свиснувъ—вороцивъ,
Што жонку пропивъ, руки сощепивъ.
Пришовъ до хатки, плачуць дзицятки!
— Ой татка, да идзѣжъ наша матка?
— Пропивъ я матку на солодкомъ меду.
Построю вамъ хатку новюсенькую!
Возьму вамъ матку молодзюсенькую!
— Згори тая хатка новюсенькая!
Здохни тая матка молодзюсенькая!

31.

По городзѣ хожу да шалфею сажу.
Матка мене журиць, што не женатъ хожу.
— Оженися, дзѣтка, оженись, сыночку!
Возьми паненочку, удовину дочку!
— Удовина дочка, ёна мнѣ не ровна,
Ходзиць по мѣстэчку, словно королевна.
На ей сукенка зелёнаго цвѣта,
Съ позументами чистая саѐта *).
Ой добраночь! усимъ въ гетой сторонѣ;—
Смѣялася донька ўсе лѣто зъ мене.
Куплявъ я тэй доньцѣ дороги напитки;—
Были у мене два жупаны, цеперъ нема й свитки.
Куплявъ я тэй доньцѣ калёны орѣшки;—
Была у мене пара коней, цеперъ хожу пѣшки.
Справлявъ я тэй доньцѣ дорогіе шаты (*одежды*);—
Мѣвъ я два дворы, цеперъ нема й хаты.

*) *Саѐта*—тонкое французское сукно (Слов. г. Носовича, стр. 5

32.

Ой да оженився старый зъ молодою,
Словно разсѣевся куколь зъ лебедою!
Ой да пошовъ старый у поле орацп,
Его молодухна у корчму гуляцп.
Ой да пришовъ старый изъ поля у двору.
„Што не принесла ты мнѣ ѣсци у пору?
— Выбачь, мой старичокъ, мнѣ стало не ловко,
И цеперь еще моя болиць головка.“
Ой пошовъ старый отъ хаты до хаты,
Своей молодухѣ зелля пытаци.
Да принесъ старый дубоваго сала;
Помазавъ ей спину, ажъ шкура отстала.
Тогды молодуха съ посцели вскочила,
Съ посцели вскочила, вечерицъ зварила.

33. *).

Захоцѣла баба да й побогацѣци,
Посадзила курочку, штобъ вывела дзѣцей.
Выпусцила баба писклятокъ попасци,
Сама сѣла при ихъ кудзелочку прясци.
Насунула хмура, дождживъ покропляе,
Бабуленька въ кучу писклятъ собирае.
Одного поймала, троихъ затоптала;
Повернулась плохо, на пяцёхъ упала,
А встаючи на остатнихъ ступала.
„Боже жъ мой, Боже, да штожъ я зробила!
Да придзець же мой воркунъ, будзець же мнѣ лихо.“
Пришовъ и дзѣдъ зъ лѣсу: „Што тутъ цихо въ хацѣ?
Штожъ, бабулька, въ хацѣ писклятъ не чуваци?
— „Я пусцила ихъ троху погуляци.
Якъ на дзиво на якое собралися людзи.
Призарили (*сглазили?*) писклятъ, кабъ заперли грудзи!“
Ой якъ узявъ дзѣдъ въ руки сырую хлудзину (*хворостину*),

*) Ср. стр. 162—163 въ „Памятникахъ Нар. Творчества въ Сѣверо-Западномъ краѣ.“ Вильна 1866 г. (сб. П. А. Гильтебрандта).

Почесавъ бабули головку и спину.
„Бодай твоя, дзѣдзька, борода вылѣзла,
Забивъ бабу сусимъ, насилу вынесла:
Бодай тобѣ, дзѣдку, рученька усохла:
Забивъ бабу свою, за ледви не здохла.

34.

На мяхкомъ лужку мужикъ сѣно косиць.
Прилегши къ косѣ, бѣдненькій голосиць.
— Што ты, косецъ, плачешъ? може коса тупа,
Альбо жоночка твоя дужо скупа.
— Моя коса востра, жонка-жъ дужо злая;
Принесла обѣдаць да гультаемъ лае,
Принесла къ обѣду ссохлую скоринку,
Ссохлую скоринку да воды барилку.

35.

Хвала Богу, хвала Богу, што я упилася!
Упилася, бо съ своимъ родочкомъ сошлася.
Да родокъ мой не велиць повнэй выпиваци,
Да ёсць же у мене три бѣды у хацѣ.
Одна, што мужъ не удалъ, другая—дзицятко,
Трецяя бѣда—лихая свекратка.
Взыйду я подъ вокно на цыпочкахъ цихо:
А зирну, якое мужъ мой робиць лихо.
Ажно мужъ мой милый дзицятко колыше,
Подли его плачучи, матка ледви дыше.
Люли, люли, люли, дзѣтка дорогая!
Разгулялась твоя матка молодая.
„Гуляй, ахъ, погуляй, моя ты черноброва.
Покуль головонька моя еще здорова.
Да якъ здоровьико мое часомъ звихнецца,
Тогда гулянчико твое сусимъ минецца."

36.

Кабы я знала, кабы вѣдала
Да свое горькое замужество,

Тобы я за мужъ не хваталася (*не торопилась*),
У свойго бъ отца годовалася,
Пила бы, ѣла бы ўсе готовинькое
И носила бъ ўсе хорошенькое,
Русу косу ўсё-бъ расчесывала,
Русой косѣ ўсё бъ приговаривала:
Ой коса моя ты русинькая!
Да кому-то ты, коса, достанешся?
Ци подружечку поручничку,
Ци якому пивоварничку,
Ци тому, што у корчомцѣ пьець,
Ци тому, што ўсе шклянки бьець!

37.

Бѣлая березка дай похилилася:
Жена съ мужемъ да й посварилася.
Вставши раненько, мужъ жену просиць:
Встань, моя милая, погнѣвалась досиць (*довольно*).
Встань, милая! принесъ тобѣ я пива.
— Дай мнѣ покой: я й такъ ледви жива!
„Встань, милая, я принесъ тобѣ меду!
— Дай мнѣ покой, не добуду году!
„Встань, моя милая, принесъ тобѣ я водку!
— Дай мнѣ покой, залій собѣ глотку.“
Пошовъ мужъ въ лѣсъ по зелле, по калину,
Да вырѣзавъ лозину на жонкину спину.
— Дзякуй тобѣ, милый, за твое здоровье!
Ты перенявъ мое усякое норовье.
Я не хворѣла, не болѣли косци:
Только такъ лежала съ поганой злосци.

38.

Добры вечеръ, сусѣдочка моя!
Ци здоровенька семейка твоя?
Не пытайся ты семейки моей, —
Журливый мужъ не любиць жонки своей.

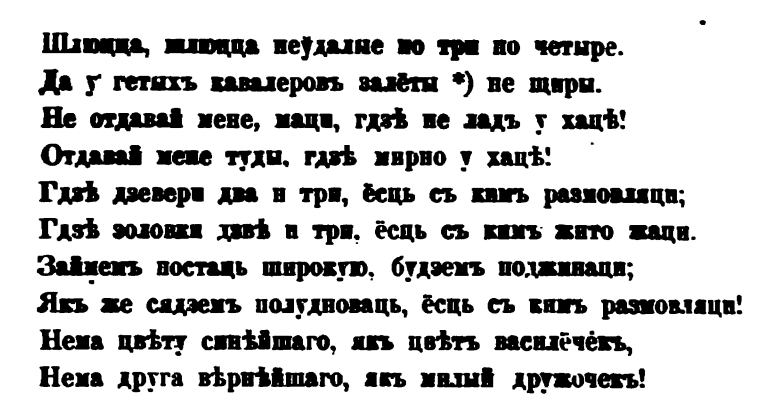
Ци я ему коли кошулю шію,
А ёнъ мене бьець кулакомъ у шію.
Да я коли ему вечерицъ готую,
А ёнъ мене прець съ хаты молодую:
„Заразъ пойдзи, коня мойго знайдзи!
А якъ не найдзешъ,—до хаты лѣпшь (*лучше*) нейдзи!“
А взыйду я на высокую гору,
Штобъ увидзѣць коня подъ ясную зарю.
„Ой взыйдзи, моя ты ясная заря!
Утопила мене мамочка моя.“

39.

Ци то, Боже, съ твоей воли
Ци зъ несцасной моей доли,
Што я живу, якъ въ пустынѣ,
Трачу лѣты на единѣ?
Кого люблю, того не маю,
Кто мене любиць, не знаю.
Божепька мой зъ высокосци,
Приглянь къ моей молодосци!
Выслухай, што я прошу,
Дай мнѣ жонку хорошу!
Штобъ была мнѣ вѣрна, дружна
И слухала слова мужня.
Штобы хаты пильновала (*берегла*),
Мене мужа шановала (*уважала*).

40.

А у лузѣ на бе́резѣ стояла берёза,
А подъ тэй берёзой плачець дзѣвица, якъ роза.
„Чего тужишъ? чего плачешъ, бѣдная дзѣвчина?
Чего журишся, небога, якая причина?
Цебе, може, матка била, ци сестра журила?
— А ни маци мене била, ни сестра журила!
Да у мене молодои сами слёзы ллюцца,
Што до мене неудалые кавалеры шлюцца.



Шлюцца, шлюцца неудалые по три по четыре.
Да у гетыхъ кавалеровъ залёты *) не щиры.
Не отдавай мене, маци, гдзѣ не ладъ у хацѣ!
Отдавай мене туды, гдзѣ мирно у хацѣ!
Гдзѣ дзевери два и три, ёсць съ кимъ размовляци;
Гдзѣ золовки двѣ и три, ёсць съ кимъ жито жаци.
Займемъ постаць широкую, будземъ поджинаци;
Якъ же сядземъ полудноваць, ёсць съ кимъ размовляци!
Нема цвѣту синѣйшаго, якъ цвѣтъ василёчекъ,
Нема друга вѣрнѣйшаго, якъ милый дружочекъ!

41 **).

Цёмная, цёмная да невидная ноченька!
Дурная, дурная, не разумная дзѣвица!
Полюбила, полюбила молойца неудалаго:
Взяла его, взяла его да съ корчомки пьянаго,
Положила спаци на цисовой кровеци,
Сама пошла: сама пошла на вулицу гуляци,
Да забыла, да забыла соловейку сказаци:
„Не щебечи, коли рано солдаты бьюць зорю,
Не разбудзи ты мого пьянаго въ коморн.
Мнѣ вицци, чи то мой пьяный въ коморѣ не чуець.
Ажно ёнъ на мене нагайку готуець.
Я думала, што нагайка здѣлана съ папери,
Ажъ съ сыраго ремня, я скорѣй за дзвери."

42.

Нѣту лѣпшаго цвѣточка да надъ василёчка:
•Нѣту лѣпшія дзѣвицы якъ удовина дочка!
Просилася молилася доченька у маци:
„Пусци мене, матуленька, на вулку гуляци!
—Идзи, моя доцька мила, да вернись къ вечери.
Тольки не стой, моя донька, тамъ, гдзѣ охвицери:

*) *Залёты* — заискиванье расположенья дѣвицы, искательство (Слов. г. Іосовича стр. 172).
**) Ср. въ сб. г. Гильтебрандта стр. 36 и 251.

Охвицеры хитры людзи, ошукаюць *(обмануть)* цебе,
Ошукавши ёны, повезуць до себе."
Донька моя слово матки допереимала,
Да на свою злую долю, на травцѣ задремала.
„Эй, фурманы, коней запрягайце въ кочи!
Повеземъ дзѣвчину середзь темной ночи.»
Проснулась дзѣвчина да й у чужей хацѣ.
„Пусцице мене къ моей родной маци!
— Ўжо тобѣ твоей маци вѣкъ не видаци!
Останешся ў насъ на весь вѣкъ гуляци."

43.

А у недзѣли рано три солдаты засвистали,
Три солдаты засвистали, войну возвѣщали.
У вдовы однā дочка! на войну собираецца,
На войну собираецца, зъ мамою прощаецца.
„Ганнуся, моя донька, не ѣдзь ты середь войска,
Ѣдзь ты скрай дорожки, коло бережочка!"
Ганнуся не слухала, средзь войска поѣхала,
Средзь войска поѣхала и на томъ мѣсцѣ пала;
Якъ пала передъ смерци, до матки листъ писала:
Поховаюць мене не въ могильничку,
А поховаюць мене при дорожкѣ въ ельничку.»

44.

Ой горы, горы! на одной горѣ кустъ ракитовый,
Подъ ракитовымъ да кустомъ лежиць цѣло бѣлое.
Да нихто къ тому цѣлу не пришовъ приплакаци,
Прилетаюць къ цѣлу бѣлому да три ласточки:
Перша ласточка его родная то мамочка,
Другая ласточка его родная то сестричка,
Трецція ласточка то жена его, его милая.
А й дзѣ матка плакала, тамъ колодзезь ставъ,
А й дзѣ сестра поплакала, тамъ рѣчка цекла.
А й дзѣ милая поплакала, тамъ роса пала; —
Взошло совнико, тогды росонька вся пропала.

45.

Пропивъ миленькій, пропивъ,
Пропивъ душенька, пропивъ,
Пропивъ жонкинъ андаракъ *),—
Ходзиць милый, якъ дуракъ.
Пропивъ вола и коня,—
Ходзиць милый безъ ума.
Пропивъ жену и дзѣцей, —
Ходзиць милый, якъ злодзѣй.

46.

Да оравъ мужикъ при дорозѣ,
Гэй, гэй при дорозѣ...
Да повѣсили торбу на берёзѣ,
Гэй, гэй на берёзѣ...
Да й тажъ торба не простая,
Гэй, гэй не простая.
Шкуроцяная, не пустая...
(Припѣвъ съ повтореніемъ послѣдняго слова).
Да съ пшенишными пирогами...
Да й тамъ дзѣвки грибы брали...
Дзѣвки тую торбу ўкрали...

47.

Прошло лѣто, зима стала, зла пора настала!
Дзѣвчиночка молодая свою долю кляла.
Быстры рѣчки призябли, ручейки не цекуць!
Въ полѣ травочка завяла, цвѣточки не цвѣтуць!
У садочку ни кусточку, дробны пташки не пѣюць!
Дробны пташки не пѣюць, соловейка не щебечиць!
Идзець молойчикъ бравый-жвавый со стороночекъ чужихъ.
„Не плачь, не плачь, моя мила, ты й ще въ лѣцѣхъ молодыхъ.
Зима пройдзець, лѣто станець, возьму замужъ за себе,
Возьму замужъ за себе, на всёгды возьму цебе.“

*) *Андаракъ*— суконная исподница, юбка (Слов. г. Носовича стр. 6).

48.

Ци я была не хозяйка, ци не господыня?
Три дни хаты не мела, смецця (*сору*) не носила.
А вымела разкомъ, а вывезла возкомъ.
Пришли ко мнѣ козаченьки смецця торговаци.
Стали ёны за смецце цѣну мнѣ даваци:
Туды копъ, туды копъ, за смеццико восемъ копъ.

49.

Ой на бору, на бору,
По широкому двору
Красна дзѣвица идзець,
Словно вуточка плывець,
Русу косеньку плецець,
Приговариваючи:
„Ты росци, моя коса,
До шовкова пояса —
Молойчикамъ любота́,
А женатымъ сухота́.“

50.

Лежиць воякъ на долинѣ,
Сложивши головку на купинѣ;
А ни труны (*гроба*), а ни ямы,
А ни отца, а ни мамы,
А ни сестрицы, а ни братца:
Не съ кимъ было попрощацьца.
Некому его прибраци,
Некому его похоеаци,
Некому и поминаци.

51.

Породзила маци сына, породзивши, взгодовала.
Всгодовавши, коня купила, коня осѣдлала.
Коня осѣдлавши, сына посадзила,

Сына посадзила й на войну послала.
Старшая сестра хусточки катала,
Середняя сестра брата убирала,
Самая меньшая у брата пытала:
„Ци скоро ты, братка, зъ войны къ намъ повернешъ?
— А взыйдзи ты, сестрица, на гору́ высоку
И зирни оттуля на рѣку широку:
Якъ перо на дно падзець, камень на верхъ всплынець,
Тогды твой братъ зъ войны до дому повернець."
Взошла сестра на гору́ круту-высоку
И взглянула на рѣку глубоку-широку:
Бѣлый камень по верхъ плывець, перо потонуло.
Пошла сестра дороженькой да госцинцемъ битымъ,
Стрѣла—ѣдуць три дворяне да въ золоцѣ шитымъ.
„Ци бачили мойго братца?"—Ци не то твой братъ бывъ,
Якъ соколъ ёнъ ўси ночки головы рубивъ,
На чецвертую же ночку свою положивъ.
Коники его ажъ стогнуць, цѣло везучи,
Челядзины его плачуць, за имъ идучи."

52.

Зашумѣло дзерево, зашумѣло, зелёнѣючи,
Зажурилась ўдовушка, свойго сына лелѣючи.
:ъ, Боже мой, сына лелѣючи. *(Припѣвъ этотъ: ахъ Боже мой! съ послѣднею половиною втораго стиха повторяютъ послѣ каждаго двустишія).*

„Ци мнѣ цебе, сынку, въ войско отдаваци,
Ци оставицъ съ собою горе гореваци?
—Не кручинься, мамочка, не плачь, не тужи!
Велѣй (*лучше*) мене до войска въ солдаты отвези!
А справъ мнѣ, мамочка, три трубы мѣдныя,
А чецвертую позолоченую:
Въ первую зайграю, коника сѣдлаю;
Въ другую зайграю, на коня сѣдаю;
Въ треццюю зайграю, со двора съѣзджаю;

Въ чецвёртую зайграю, до полку вступаю.
Якъ почула мама чецвертую голосину,
Молилася Богу, штобъ вернуцьца сыну.

ДОПОЛНЕНІЕ.

1 *).

Ой подъ гаемъ зелененькимъ,
Ой здався мнѣ сонъ дзивненькій:
Приснився мнѣ братъ родненькій.
Кажу кони закладаци,
Ѣду брата отвѣдаци:
Подъ ворота подъѣзджаю,
Чую брата говорючи:
„Знимай, жонка, хлѣбъ-соль зъ стола.
Ѣдзе сестра моя голодная.“
Жонка мужа не слухала,
Хлѣба-соли не знимала.
Сестра тое якъ почула,
Назадъ коней завернула.
Мужъ на жену посварився,
Вышевъ, да й сестрѣ склонився:
„Сестра жъ моя родненькая,
Прошу цебе обѣдаци,
Да й мене отвѣдаци.
— Я обѣду не хоцѣла,
Цебе братку поглядзѣла:
Есць у мене хлѣбъ соль въ возѣ, —
Будзе обѣдъ у дорозѣ.
Кажу конемъ оброкъ даци,
Сама сяду обѣдаци.

*) Ср. выше стр. 241.

Тобѣ же, братка, повелося,
А мнѣ горе приплелося.
Якъ я дзѣтокъ подгодую,
Свое горе позабуду.

2.

Ой за лѣсомъ, лѣсомъ, у далекомъ краю,
Ани мѣсяцъ свѣцицъ, ани сонце йграе,
Тамъ добрый молодзецъ коника сѣдлае,
Коника сѣдлае, цяжко уздыхае:
Узявъ королёвну, да не собѣ ровну,—
По дворѣ ходзицъ, ключиками звонипъ;
У хатку войдзе, вся дружина встане,
Уся дружина встане и шапки знимае.
„Сядзь, королевна, зъ нами, пій пиво и водку."
Вочами лупнецъ и коркомъ (*каблукомъ*) стукнецъ,
Черевичкомъ брязне: „отступися, блазне!"

3 *).

А поѣхавъ сынъ Данила на войну воевацъ,
А покинувъ Кацерину въ своемъ дому домовацъ.
Маци его старая къ ему листы писала:
„А вернися, сынъ Данилушка, домовъ;—
А уже твоя Кацерина свою волю повела,
Мёды твое солодкіе повычестовала (*испотчевала*),
Сукни твое дорогіе поизнашивала,
Кони твое стаенные поизъѣзджывала,
Грошп твое великіе поразсоривала."
А вернувся сынъ Данилушка домовъ,
Ажно его Кацерина на переймы вышла,
Сынка его маленькаго на рукахъ вынесла.
А хвацивъ же сынъ Данила вострюсенькій мечъ
И знявъ же ёнъ Кацеринѣ головоньку съ плечъ.
Якъ пошовъ сынъ Данила до шкатулы своей,

*) Ср. выше стр. 118–119.

А въ шкатулѣ его гроши да цѣлёхоньки лежаць.
Якъ пошовъ сынъ Данила да до шафы своей,
А у шафѣ его сукни у цѣлосци висяць.
Якъ пошовъ сынъ Данила да до клѣци своей,
А у клѣци его меды позаплѣсневили.
Якъ пошовъ сынъ Данила да до стайни своей,
А у стайни его кони позачесываны.
Якъ пошовъ сынъ Данила до свѣтлицы своей,
А ў-свѣтлицѣ дзвѣ сестрицы дробны слёзки ллюць.
Якъ пошовъ сынъ Данила до пекарни своей,
А въ пекарни Кацерина безъ головки лежиць,
Недалеко Кацерины домовѣрка (*ключница*) стоиць.
Якъ пошовъ сынъ Данила до палацу свойго,
А ў палаци стара маци да у кресли сѣдзиць.
Сынка его маленькаго на рукахъ дзержиць.
„Ой маци, маци! увесь грѣхъ на цебѣ.
Першій грѣхъ—што я молодъ овдовѣвъ,
Другій грѣхъ—што мой сынъ сирота,
Трецій грѣхъ, што Кацеринки нема.“

4. *)

У лузѣ соловей калинку клюець,
Лихая свекровка на невѣстку злуець,
Шлець ее молоду въ Дунай по воду.
На ее бездолле пѣтухъ не пѣявъ,
Пѣтухъ не пѣявъ, гусакъ не кричавъ,
Тольки одзинъ вовчища за горою выѣць.
Плакала молода, къ Дунаю идучи,
А зачувъ миленькій, коней пасучи.
„Небось, милая, я коней пасу,
Я коней напасу и воды принесу.
— Черпай, миленькій, вѣдры повненькіе,
Неси, миленькій, по малюсеньку,
Поставь, миленькій, у сѣняхъ на лавцѣ,

*) Ср. выше стр. 251.

Не кажи, миленькій, ты своей мамцѣ.
„Вотъ тобѣ, свекровка, зъ Дунаю вода,
Умыйся, напійся съ повнаго ведра.
— Я жъ цебе, невѣстка, не по воду слала.
Я жъ цебе, невѣстка, зъ свѣту сбавляла.“

5.

Червонная калиночка
Въ зеленой лугъ схилилася;
Я молода зажурилася,
Што отъ роду отбилася,
Ай отъ роду отъ родочку,—
Цяжко мойму животочку,
Цяжко жици, цяжко быци
Въ чужой землѣ молодзицѣ.
Эй, пойду я, гуляючи,
Своей Доли шукаючи.
Откликнися, моя Доля,
На томъ боку синя моря,
А приплыви, моя Доля,
А къ крутому бережочку,
А къ крутому бережочку,
А къ липовому кусточку,
А къ липовому кусточку,
А напишемъ по листочку
Да пошлемъ до родочку,
Нехай родная прочитае—
Назадъ письмо отсылае.

6.

Каюся молода я не по малу,
Што млода за мужъ пошла:
Живу я годокъ, живу я другій,
У мамки не бываю.
Обернуся я сѣрой зязюлей
И полечу у мамкинъ садъ,

Сяду у мамкиномъ саду
На бѣлой ляле́и;
Якъ закукую, якъ защебечу
Жалоснымъ голоскомъ,
Чи не почуе моя маменька,
Подъ воконцемъ сѣдзючи?
Якъ вы певъ старшій брацецъ
Зъ новаго церема:
„Коли зязюля, коли шерая—
Леци у щирые боры;
Коли сестрица, коли родная—
Ходзи ко мнѣ у госци.
— Ахъ добре тобѣ, мой браточка,
Гдзѣ родзився, тамъ и быци,
А я молодзенькая въ чужой сторонѣ—
Цяженько мнѣ жици.
Чужая сторона ту́гою ора́на,
Слезми засѣва́на;
Своя сторона сошкою ора́на,
Пшонкою засѣвана.

7.

Никому такъ не томненько, якъ мнѣ молодзѣ:
Осталася отъ родзины, якъ листъ на водзѣ.
Якъ выйду жъ я за вороты—зелена трава,
Якъ выйду жъ я за другія—чужа́ сторона.
Якъ выйду жъ я за трецція—вишневенькій садъ;
А въ садъ пошли дзвѣ дорожки, мимо саду одна;
А въ садъ пошли дзвѣ сестрицы, мимо саду одна.
„Вы, сестрицы, вы, родные, голубки мое,
Будзеце жъ вы щипаць вишни, щиплице жъ и мнѣ,
Пойдзице жъ вы къ отцу къ маткѣ, несице жъ и отъ мене;
Будзеце вы пиць, гуляць, вспомянице и мене;
„Ахъ якъ наша бездольница ў чужой сторонѣ
Да ци живець, ци горюець, ци бѣду бѣдуець;

Сядзиць собѣ подъ воконцемъ, якъ на рожѣ цвѣтъ,
Выплакала свое вочки, неволенъ ёй свѣтъ."

8.

А при крайчику, при Дунайчику
Тамъ два братцики купалися,
А, купаючися, размовлялися,
Да межы ихъ чужеземчикъ бывъ;
Чужеземчика загубиць хочуць.
Одзинъ кажець: „загубимъ его!"
А другій кажець „попытаемся,
Да чи ёсць у его родъ и племе,
Родъ и племе, оцецъ и мамочка,
Оцецъ и мамочка братъ съ сестрицами,
Братъ съ сестрицами, жена зъ дзѣтками.
— Цихій Дунаю, то мой татэнька,
Сырая земля, то моя матэнька,
У лузи соловей, то мой брацитка,
У бору зязюля, то сестрица моя,
Бѣла берёзка, то жена моя,
У берёзочки розочки, то дзѣтки мое.
Цихій Дунаю, умывай мене,
Сырая земля, прикопай мене,
У лузѣ соловей, пощебечи по мнѣ,
У бору зязюлька, покукуй по мнѣ,
Бѣла борёзка, пошуми по мнѣ,
У берёзки розочки, поквитайцеся."

9.

Да поѣдзешь, панинченьку, женицися,
Не ставь коника подъ калиною,
Бо калина дзерево нещасливое:
Весною калину дзѣвки ломюць,
А ў восень калину пташки зоблюць.

Поставь коника подъ яворомъ:
Яворъ дзерево счастливое,
У яворовомъ комлѣ чорные бобры,
У яворѣ въ серѐдзинѣ райскія пчелки,
У явору у верху сивые соколы.
Чорные бобрики—добрые на боцики,
Райскія пчолки — солодо̀къ медо̀къ,
Сивые соколы—да на погулянне.

10.

Ходзивъ парень надъ возеромъ, да й ставъ голосици:
„О якъ цяжко убогому богату любици.
Богатая не думае, што бѣдненькій·нудзиць (*скучаетъ*),
Богатая да думае, якъ дзѣцюковъ (*парней*) гудзиць (*хулитъ*).
Поввѣку лѣтъ зживши, я щасця не знаю;
Якъ же о мнѣ Богъ призначивъ, што чипици маю?
Ходжу-блужу, ходжу-блужу, вѣкъ свой проклинаю,
Што полюбивъ богатую, да ее не маю.“
Лецѣвъ воронъ понадъ моремъ, да й сѣвъ ёнъ на со̀сни:
„Ой мой же ты Прокопочку, не будзь такъ нудо̀сны (*грустенъ*).
Есць же у насъ Парасочка, молода, хоць бѣдна,
Покинь любиць богатую, полюби Параску.
Богатая да пышная цебе глумиць будзе,
А бѣдная Парасинька цебе любиць будзе.“

11.

Ой на што мнѣ свойго милого будзиць,—
Енъ мене молоду̀ не раненько будзиць,
Да самъ ёнъ идзе да на токъ молоциць,
А мнѣ молодой велиць започиць,
А й самъ идзе да на поле ораци,
А мнѣ молодой велиць ици гуляци.
Ой иду я, иду я гуляци,
Кроицца мое серце на ча́сци,
Ой мое сусѣдочки пьюць и гуляюць,
А мене одну бездольную, одну окуляюць (*избѣгаютъ*).

Ой выйду я на вулочку—разсыпаны карты,
Ой гдзѣ жъ мое дзѣвоцкіе подзѣлилися жарты?
Ой выйду я на вулочку—разсыпаны суницы (*земляника*),
Ой гдзѣ жъ мое дзѣвоцкіе дзѣлись вечерницы?
Ой выйду я на вулочку—разсыпаны дули,
Ой гдзѣ жъ мое дзѣвоцкіе подзѣлися гули?
Ой выйду я на вулочку—разсыпаны вишни,
Ой гдзѣ жъ мое дзѣвоцкіе подзѣлися мысли?
Ой выйду я на вулочку, не съ кимъ сказаць словка.
Ой бѣдна жъ я молодзенька, хожу якъ удовка.
Ой крутая берёзонька, што подъ гаемъ взросла,
Нещасная недзѣленька, што я за мужъ пошла.
Ой крутая берёзонька воду замуцила,
Нещасная годзиночка за мужъ покруцила.

12.

Ой чёму жъ то панъ Хамицкій въ тэй часъ не женився,
Якъ у лѣсѣ на орѣсѣ голубъ народзився?
Ой чёму ты, бондаровна, *) въ тэй часъ за мужъ не йшла,
Якъ у млыни на камени пшениченька взошла?
У мѣстэчку Церастэчку команда стояла,
Тамъ же наша бондаровна всю ночку не спала.
Говорили бондаровнѣ да добрые людзи:
„Уцекай ты, бондаровна, лихо тобѣ будзе.“
О якъ скочёць бондаровна межами, лугами,
А за нею панъ Хамицкій съ своими слугами.
А якъ догнавъ бондаровну у полъ-лощинки,
Такъ ухопивъ бондаровну, не пусцивъ дзѣвчинки,
А привевъ же бондаровну до своей свѣтлицы,
Посадзивъ же бондаровну на бѣлой скамлицѣ,
А казавъ же бондаровнѣ пѣсенку спѣваци,
А самъ пошовъ панъ Хамицкій стрѣльбу набиваци.
„А ци лѣпи, бондаровна, въ сыромъ песку гнипи,
Якъ за мною, за Хамицкимъ, въ атласѣ ходзици?

*) *Бондаровна*—дочь *бондаря* (бочара).

— Ой да лѣпи, панъ Хамицкій, въ сыромъ песку гници,
Якъ за паномъ за Хамицкимъ въ атласѣ ходзици."
Охъ якъ выцявъ бондаровну подъ лѣвое вухо,—
Засталася бондаровна и слѣпа и глуха.
Ой казавъ же панъ Хамицкій отъ ранку до ранку
Выкопаци бондаровнѣ глубокую ямку.
Ой казавъ же бондаровну у три дни ховаци,
Да нехай же не плачуцца ее бабка, маци;
Ой пришовъ же ее бацька и сплеснувъ руками:
«Ото жъ тобѣ пришло лихо съ твоими думками.»

13.

Заржали коники на броду,
Чули ёны на себе пригоду,
Што братъ за сестрой гоницца,
Знявши шапочку клоницца.
„Постой, швагерка (*шуринокъ*), не уѣзджай,
Дамъ тобѣ коника воронца,—
Верни мою сестрицу отъ вѣнца.
Дамъ тобѣ шабельку—вся въ злоцѣ,—
Верни мою сестрицу при цноцѣ.
Дамъ тобѣ хусточку—вся въ шовку,—
Верни мою сестрицу у вѣнку.
— Мнѣ твоей хусточкой не махаць,
Мнѣ съ твоей сестрицей вѣкъ вѣковаць.
Мнѣ твоей шабелькой не воеваць,
Мнѣ съ твоей сестрицей вѣкъ вѣковаць.»

14.

Съ подъ лѣсу, съ подъ цёмнаго лѣсу,
Съ подъ кусточка зеленаго
Вылетае птушечка райская,
Выносиць письмо паньское,
На крылочку написаное.
„Якъ бы намъ тую пташку поймаци,
Якъ бы намъ тэй листъ перечитаци."

Поймала тую пташеньку матуля,
Три сынки родненьки маючи.
Якъ прочитала, то заплакала:
„Которому да щасце даци,
Да чи старшему, чи молодшему,
Да чи Григорьку середольшему?
Тэй же бѣленькій и хорошенькій.
Ена его сподобае, будзе щасливый,
Да на цѣломъ свѣцѣ голосливый.
Што сподобала (*полюбила*), да и узела его
Паненька зъ Украины.
Ой прибирайся, Григорька-сынку,
Щасливый ты будзешъ;
Ѣдзь на Украину въ щасливую годзину,
Тамъ вѣкъ коротаци будзешъ.
Есць же тамъ панна, што цебе возьме
За мужъ и за пана;
Памятуй, сынку, на свою дружинку,
Коли цебе щасце споткае,
Штобъ не забывся, чего научився,
Якъ Бога знаци и на землѣ гореваци."

15.

„Зелёная берёзонька, чѐму бѣла, не зелёна?
— Якъ же мнѣ быць зелёной, при бѐрезѣ стоючи?
Да што дзень купцы ѣдуць,
На коренняхъ огни кладуць,
Черезъ гиллё (*вѣтви*) дымы идуць,
Коренинко подпаливаюць.
„Красна дзѣвонька, чѐму смутна, не весела?
—Якъ же мнѣ веселой быци, што дзень госцики,
Што суботы, то свацщики,
Што недзѣли, маршалочки,
Зелёное вино возюць,
Мойго ойченьку поюць,
Мене молодзенькую просюць:

‹Красная дзѣвонька, ци пойдзешь ты зъ нами,
Зъ молодыми сватами?›
— Рада бъ я поѣхаци, жаль покинуци
Ойцоваго подворьика, маткинаго прибраньика,
Дзѣвоцкаго гуляньика.

16.

Служивъ Иванъ воеводзѣ,
Выслуживъ Касеньку жонку молодую.
Кася листы писала и до Ивана посылала.
„Ѣдзь, Иванъ, до дому, збудуй нову комору,
Штобъ я мѣла, гдзѣ лежаць, свое дзѣтки годоваць."
Пріѣхавъ Иванъ до дому, проводзюць Касю до гробу.
„Ой покажице Касю мнѣ, погляжу, чи не живе."
Пришовъ Иванъ до сѣней, лежиць Кася на столѣ.
Малый сынъ въ колысцѣ. „Люли, люли, сыну мой,
На што цебе Богъ створивъ, коли ты Касю заморивъ?
Сестра тое учула, да на Ивана вскрикнула:
„Ой не клени ты его,—тобѣ жонка заразъ будзець.
У его матки до вѣку не будзець;
Тобѣ жонка въ вѣночку, ему мамка въ песочку."

17.

Ахъ у лузѣ калинушка,
А у бору стоиць сосна:
Гдзѣ я пойду похинуся,
Всё на моемъ серцу тошно.
Луги мое зеленые
Да усё не кошоные;
Поле мое широкое,
Да усё не ораное;
Волы мое половые,
Еще не поеные;
Кони мое вороные
Еще не пасаные.
Пойду я къ свойму татку на порадку:

Порадзь, порадзь, татуленька, якъ мнѣ горевати,
Якъ мнѣ дзѣтокъ подховати (*воспитать*).
— Не горюй, сынку, не горюй, родний,
Будуць поля пobрание,
Будуць луги покошение,
Будуць волы половые
Усѣ накормление.
Будуць кони вороние
Уся напоение.
Будуць твое дзѣтки подхование.

18.

„Синій соловейка, чему не спѣваешъ,
Цы ты, соловейка, голосу не маешъ?
— Потрацивъ я голосъ по зеленомъ гаю,
По зеленомъ гаю, по цихомъ Дунаю.
„Чему ты, молодый, чему не гуляешъ,
Чи ты, молодый, щасця-доли не маешъ?
— Потрацивъ я долю черезъ свою волю
У новой корчомцѣ на горькой горѣлцѣ.
Теперь же мнѣ некуды повернутися.
[illegible] мое село у Бораха за [illegible]
[illegible] мое коники, [illegible] мое волики,
[illegible] моя одзежка, [illegible] мое [illegible]

[illegible]

[illegible] голубочек [illegible]
[illegible]кала матка [illegible]
[illegible] ходзи, мой [illegible]
[illegible]раюць [illegible]
— Я самъ [illegible]
[illegible] дробными [illegible]

[illegible]

[illegible] чистомъ [illegible]
[illegible] молод[illegible]

---

* [illegible] выше стр. [illegible]

Покосивши, короваточку сцелиць,
А пославши, спацички кладзецца.
Якъ настали буйные вѣтры
И забили молойца у короватцѣ,
Нѣкому по ёмъ куковаци,
Ай не кому по ёмъ щебетаци!
Прилецѣли три зезюльки зъ бору,
Прилецѣли три сѣренькихъ зъ бору,
Ены стали по ёмъ куковаци,
Ены стали по ёмъ щебетаци.
Одна сѣла у молойца у головцѣ,
А другая сѣла у молойца на серцу,
А трецяя да у бѣлыхъ ёго ножекъ.
А якъ стали по ёмъ куковаци,
А якъ стали по ёмъ щебетаци,
Якъ родныя матки по дзѣцяци!
Што въ головцѣ, то ёго мамулька,
Што на серцу, то его жонухна,
Што у ножкахъ, то ёго сестрица.
Мамка плачець отъ вѣку до вѣку,
Сестра плачець отъ году до году,
Жена плачець отъ обѣду до обѣду.
Пообѣдавши, пошла въ садочекъ,
Свила собѣ на голову вѣночекъ.

21.

Ой жила-была удовка-жидовка,
Была у ее дочка Хайночка.
„Дочка Хайночка, люблю я цебе.
— Пане Зеленькевицъ, пойду за цебе.
Не ѣдзь же ко мнѣ въ недзѣлю рано,
Прiѣдзь же ко мнѣ въ субботу позно,
Коли моя маменька до школы пойдзе.
Прiѣдзь же ко мнѣ у трехъ возочкахъ:
У одномъ возочку скринки, перинки,
А у другомъ возочку серебро и золото,

А ў трещцемъ возочку—тамъ мы съ тобою."
Узявъ я Хайночку подъ бѣлы плечки,
Кинувъ Хайночку въ глубокую рѣчку:
„Вотъ тобѣ, Хайночка, вода и болото,
А мнѣ молодому сребро и злото;
Вотъ тобѣ, Хайночка, жици зъ водою,
А мнѣ оженицися зъ другою молодою."

22.

Зацвѣла въ городзѣ маковка,
Заболѣла у Марыськи головка:
Захоцѣла заморскаго зелля.
Кому ѣхаць за море по зелле?
— Тому ѣхаць, кому рукодзѣлле,—
Татку ѣхаць за море по зелле.
Татка кажêць: „я и коника не маю,
Татка кажêць: я й зеллика не знаю."
Зацвѣла въ городзѣ маковка (и т. д. 5 стиховъ).
Брату ѣхаць за море по зелле (и т. д.).
Зацвѣла въ городзѣ маковка (и т. д. 5 стиховъ).
Ясю ѣхаць за море по зелле (и т. д.),
А Ясь кажець: „я и коника маю
А Ясь кажець: я и зелле знаю."—
Одзинъ коникъ поле переѣхаць,
Другій коникъ море перелецѣць,
Трецій коникъ до зелля доѣхаць.
А ставъ Ясь-зелле копаци,
Стали надъ нимъ птушки щебетаци:
„Не копай, Ясенька, зелля,
„Ужо у Мариси другое веселле,
„А ѣдзь, Ясь, лугомъ,-берегомъ,
„А стань, Ясь, у коли подъ шатромъ,
„Будзешъ видзиць якъ сваты Мариси поѣдуць."
— Позволь, позволь, Марисенька, на дворъ.
„Не позволю, Ясюленька першій,
Есць у мене другій милѣйшій.

— Позволь, нозволь, Марусенька, въ хату.
„Не позволю, Ясюленька першій,
Есць у мене другій милѣйшій.
— Позволь, позволь, Марусенька, за столъ.
„Не позволю, Ясюленька першій,
Есць у мене другій, милѣйшій.
— Позволь, позволь, Марусенька, танчицъ.
„Не позволю, Ясюленька першій,
Есць у мене другій милѣйшій.“
Узявъ Ясь Марысю за лѣвую ручку,
У правой ручцѣ шабельку трпмаѐць,
Сцявъ Ясь Марнси головоньку ровно съ плечъ:
Вотъ Мариси заморское зелле,
Вотъ Мариси другое веселле,
Вотъ Марнси: „Ясюленька першій,
Есць же у мене другій милѣйшій.“

23. *).

Въ нашемъ селѣ вѣцеръ вѣе, а въ сусѣднѣмъ цихо,
Въ нашемъ селѣ добра нема, да й въ сусѣднемъ лихо.
У нашихъ войтовъ-икономовъ едвабныя (*шелковыя*) хустки
А гдзѣ были господарй, то ўсё хаты пустки;
У недзѣлю ранюсенько у два звоны звонюць,
А ў насъ войты-икономы на панщину гонюць.
Якъ за старымъ было паномъ легко на работу:
Увесь тыдзень (*недѣлю*) сядзи дома, шарварка **) въ субо
Цеперь за молодымъ паномъ цяжко на работу:
Увесь тыдзень на панщинѣ, шарварка въ суботу.

24. ***).

Тамъ зъ надрѣчча людзи собралися рано,
Кличуць войти въ дворъ на рахубу (*разсчетъ*) до пана.

---

*) Ср. въ сб. г. Гильтебрандта стр. 122, 186—189.
**) *Шарварка*—видъ барщины или пригона для исправленія домаш предметовъ или строеній. (Слов. г. Носовича. стр. 706).
***) Ср. въ сборн. г. Гильтебрандта стр. 60—62, 65, 177.

Стали думку думаць, якъ некрутовъ здаваци.
А й дзѣ два, тамъ нема, а й дзѣ пяць, невелящь,
А й дзѣ три—уцекли. — „У вдовушки ёсць сынъ!
— Да ёнъ у ее одзинъ. — Не гладзѣць, што одзинъ!"
Сестра бывши во дворѣ, тое послыхала.
Прибѣжавши домовъ, брату да й сказала:
„Братку, уцекай скорѣй, поведуць до двору."
Братъ въ комору скочивъ, войтъ за имъ въ комору,
Енъ въ воконце, черезъ плотъ, въ солому вкопався,
Да бѣдненькой отъ войта и тамъ не сховався.

25.

Якъ рекруциковъ ловили,
Мене Доля не спознала,
Отъ сыщиковъ не сховала.
Руки мнѣ назадъ скруцили,
На ноги колодки набили.
У недзѣли по раненьку
Выбираюць фурманеньку (*подводу*),
До городу провожаюць,
У дорозѣ развважаюць:
„Цыцъ, некруцикъ, не журися!
Еще молодъ, не згодзишся".
Я тымъ часомъ не ускрёбъ (*не ушелъ*),—
„Молодзецъ, сказали, лобъ"!
Добраго мнѣ дзядзьку дали,
Енъ мене жалѣвъ въ печали:
„Ляжъ, некруце, пересыпайся,
Да до муштру собирайся."

26.

Стоиць липа, развалившись високо;
Ее лисце густо, густо и широко.
Тамъ зезюльки кукуюць, соловейки свищуць,
А сыщики тутъ добра молойца ищуць:
—„Не ховайся, дзѣцина, слѣзай зъ липы, здайся;

Въ нашихъ ты рукахъ, слѣзай, не спречайся".
Такъ мене молойца туто полонили,
Руки вяжуць назадъ, колодку набили.
Выбрали подводу, сѣли на задочку,
А мене положили въ самомъ передочку;
Сами коней погоняюць, на мене поглядаюць.
Везуць мене въ городъ: „еще молодъ" развавжаюць.
Подкупили пріемщиковъ, знали лѣкаровъ;—
Хоць я мѣры не дошовъ, да въ солдаты пошовъ,
Я въ городзѣ (*огородѣ*) родзився, Государю згодзився,
А въ селѣ годовався, Государю сподобався.

27.

„Ты дуброва зеленая,
У три ряды сажоная,
Ой не шуми надо мною,
Надъ моею головою!
Ой зашумишъ ты въ тэй хвили (*буръ*),
Якъ я буду за три мили.
Ой ты, соколъ соколеньку!
Не кручинь мою головеньку!
Бо я самъ зажурился,
Што отъ роду отбился,
Отъ роду и отъ ролзйночки
За двацать четыре милички".
Тамъ дороженька убитая
И слёзеньками ўся улитая.
Туды ишли новобранцы,
Новобранцы молодые,
Не женаты, холостые.
За ими матка рыдаючи,
Рученьки свое ломаючи.
„Досиць, мама, гореваци,
Досиць рученьки ломаци!
Бѣды гетымъ не загоцишъ (*не уймешь*),
Мене съ службы не вороцишъ."

28.

Не шуми ты, зелёна дубровенька,
Не тужи ты, молодая вдовенька!
Што твой милый пошовъ до Варшавы
Шукаць смерци своей, альбо славы.
А въ Варшавѣ, хоць пьюць да гуляюць,
Да молодыхъ некрутовъ навучаюць.
Которые холостые, тые скачуць;
Которые женатые, тые плачуць,
Што зоставили жонокъ ўдовами,
А дзѣточекъ своихъ сиротами.

29.

Ой у лузѣ при долинѣ стояла калина,
Породзила удова хорошаго сына.
Его ёна породзила, да не дала доли;
Только дала бѣло лицо да чорныя брови.
Паны къ собѣ въ ревизію его записали,
Записали своимъ хамомъ и въ некруты здали.

30.

„Развивайся, красный дубе, заразъ морозъ будзе:
Прибирайся, сынъ ўдовинъ, заразъ походъ будве!
— Я морозу не боюся, заразъ разовьюся:
Я й походу не боюся, заразъ приберуся."
Заиграли музыканты, забили барабаны,
Забили барабаны, сынъ ўдовинъ прибраный.
Енъ коника сѣдлае, головку склоняе,
За вороты выѣжджае, шапочку здыймае.
„Поливайце дороженьку, штобы не дымѣло,
Споцѣшайце матуленьку, штобы не жалѣла."
— Мы дорожку поливаемъ, ёна ўсё дымицца:
Мы матульку споцѣшаемъ, ёна ўсе журицца."

Птичья свадьба.

Щиглик не великій громаду збираёць,
Самъ не хочёць одзинъ жиць, женицися маець.
Узявъ собѣ пцицу—борову синицу,
Красную, ясную воробья сестрицу.
Пославъ орла, пославъ орла всё птаство збираци,
А орелъ попавъ гусю давай мордоваци.
Два снигиры, два снигиры шпака (*скворца*) да пойма ш,
А ворòны за тэй часъ коровай сгибали.
Два каплуны, два каплуны солодъ молоцили,
Куропатва и цецерь до млына носили,
Буцянъ (*аистъ*) меле, буцянъ меле, а крукъ (*воронъ*) засып
А воробчикъ, добрый хлопчикъ, муку обирае.
Перепёлка, перепёлка хату заметае.
Сова сѣдзиць на покуцѣ, скоса поглядае.
Сѣдзиць дзергачь (*коростель*) на порозѣ, сѣдзиць на поро
Пугачъ, пугачъ—упившися, лежиць на морозѣ,
А сороки, якъ приданки, скачуць коло лавки.
„Бѣдна моя головонька! лавки безъ подставки,"
А чаечка съ куличкомъ на веселлю йграе,
А куликъ да чайку хвацивъ за чубайку,
А чайка кигиче: „да згинь ты, куличе!"
А зязюля матуля, хорошая пцица,
Золотыя крылы мае, такъ гучно летае,
А щемель (*шмель*) меду даёць и госцей примаёць.

БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ

собранныя

П. В. ШЕЙНОМЪ.

Ивану Петровичу

КОРНИЛОВУ

искренно и неизмѣнно сочувствующему всѣмъ труженикамъ науки и всякому благому начинанію на пользу изученія исконной русской народности въ Западномъ Краѣ

съ глубокимъ уваженіемъ
посвящаетъ свой трудъ

собиратель
ПАВЕЛЪ ШЕЙНЪ.

Витебскъ
1869 года 28 октября.

Крестинныя пѣсни.

1

(*Лепельскій у., м. Чашники*)

—Калина, малина моя,
—Чаму ты не такъ такова,
—Якъ восеннею ночкой была?—
„Какъ бы мнѣ ночь така,
„Дакъ я была бы такъ такова,
„Якъ восенней ночкой была."
—Одарочка, душа моя,
—Чаму ты не такъ такова,
—Якъ ў рóдного татки была?
„Дай же мнѣ роскошь такую,
„Тоды буду такъ такова,
„Якъ ў рóдного татки была."
—Одарочка, душа моя,
—А дамъ табѣ роскошь таку,
—Родзи мнѣ дзевяць сыноў
—И дзесятую дочь хорошу.—
„А Есипка, душа моя,
„Поставъ мнѣ высокъ теремъ,—
„Тоды рожу дзевяць сыноў,
„Дзесятую дочь хорошу."

(Записано мною отъ М. Котожевичовны. Поютъ „родзихѣ").

2

(Тамъ же)

Я бы гэту бабку,
Я бы гэту любку
Я бъ у бабки не браў;
Я бы гэтэй бабцѣ,
Я бы гэтэй любцѣ
И намётки не даў.
Запряжице, запряжице
Дзвѣнадцаць волоў,
Завязице, завязице
Гэту бабку дамоў.

(Записано мною отъ той же. Поютъ жонки бабкѣ).

3

(Тамъ же)

А бабуся моя гордая,
Породзення твоя легкая!
Оддамъ табѣ бабусинька
Семь мѣръ муки.
Вызволь мяне, бабусинька,
Зъ великiи муки.
А бабуся моя гордая,
Породзення твоя легкая!
Оддамъ табѣ, бабусинька,
Семь мѣръ малюшки;
Спови мое дзицятка
У бѣлые пялюшки.
А бабуся моя гордая,
Породзення твоя легкая!
Оддамъ табѣ, бабусинька,
Семь мѣръ муки конопель,
Вложи мое дзицятко
У цисову колыбель.

(Записано мною отъ той же. Поютъ жонки бабкѣ).

4

(Тамъ же)

Бабуся моя гордая,
Породзення зъ тобой легкая!
А дамъ табѣ, бабусинька,
Чирвоны чибо́ты,
А примися, бабусинька,
За мое живо́ты.
А дамъ табѣ, бабусинька,
Пуру грецки,
А примися, бабусенька,
За мои плечки.
А дамъ табѣ, бабусинька,
Корову телицу,
Вядзи мяне, бабусинька,
У новую свѣтлицу.
А дамъ табѣ, бабусинька,
Семь мѣръ конопель,

Люли мое дзицяцко
нову колыбель.
дамъ табѣ бабусинька,
оня воронòго,
ивядзи мнѣ, бабусинька,
ма молодòго.
дамъ табѣ, бабусинька,
Корову буренку,
Привядзи мнѣ, бабусинька,
Кумку молодзеньку.
А дамъ табѣ, бабусенька,
Сѣточку бродню,
Собери мнѣ, бабусинька,
Ўсю мою роднѣ.

Записано учителемъ Коптiевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ).

5

(*Тамъ же*)

Чирезъ боръ сосна повалилася,
Кума̀ зъ ку̀момъ посварилася;
Надворейка перебралася,
Кума̀ зъ ку̀момъ поедналася.
„Ходзи, кума, кислю ѣсць
„Зъ сыцицею, зъ водзицею,
„А бы зъ доброй молодзицею."

Записано мною отъ той же).

6

(*Тамъ же*)

а кума любила,
собѣ ў госьци зазвала:
кума, ты душа
ўсимъ кума хороша".
ъ къ кумѣ ў сѣни,
а къ куму ў крупени.
кума, ты душа
симъ кума хороша."
ь къ кумѣ ў хату —
Кума̀ ку̀му букату.
„Ты кума, ты душа,
„Соўсимъ кума хороша."
Кумъ къ кумѣ на порогъ—
Кума куму пирогъ:
„Чимъ цябе, кумъ, частовацъ?
„Ци виномъ зяленомъ,
„Ци солодкимъ мядòмъ?"

(Записано мною отъ той же).

7

(*Тамъ же*)

—Кумушка-любушка, гдзѣ живешь?
—Чаму мяне ў госьци ня зовешь?—
„Тоды я цябе ў госьци позову,
„Якъ новую хатычку збудую.
„Я збудую хатычку для воды
„Зъ тоўстаго дзерева зъ лябяды,
„Яще къ таму сѣнички прпляту
„Зъ тоўстаго зъ дерева изъ лапуху,
„А закину сѣтычку шоўкову,
„Улоўлю рыбушку окуньцà
„Для милаго гóсьцика для кумцà."
—Вотъ тобѣ, кумушка, и кумецъ
—Слаўная рыбушка—окунецъ".—

(Записано мною отъ той-же).

8

(*Тамъ же*)

Ѣхала кума
Мимо кумова двора.
—Кумà, кумà, кумушка ты моя!
—Сизая голубушка ты моя!— *)
Порвалися ў кумы
Шоўковые гужи.
Кумъ гужи повязаў
Куму ў госьци зазваў,
А стаў-жа кумокъ
Куму поштываци:
„А напися ты, кума.
„Солодкаго вина,
„Для цябе-жа, кума,
„Зготоваў жа лина,—
„Можа-жъ будзишь ѣсьци
„Лѣпѣй рыбу окуня."
—Вотъ тобѣ, кумушка, и кум
—Слаўная рыбушка окунецъ.-

(Записано мною отъ той-же).

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

9

(*Тамъ же*)

Кумъ кумѣ радъ
Позваў куму ў садъ:
— Щипи, кума, ягодки,
— Которые солодки;
— А которы горки,
— То для моей жонки;
— Которы сладки,
— То для моей матки;
— Которые гнилые,
— То для моей милые. —

(Записано мною).

10

(*Тамъ же*)

Кума пива наварыла,
Кума ў госьци запросила.
Кумъ къ кумѣ на порогъ,
Кума для кума пирогъ;
Кумъ къ кумѣ у хату,
Кума на столъ бухату,
Яна кума за столъ,
А горэлочки на столъ:
„Ты, кумокъ, голубокъ!
„Пи-же, кумокъ,
„Хоць и горкую горэлку.
„Поставлю, кумокъ,
„На закуску мядокъ;
„А ѣжъ ты, кумокъ,
„Солодки мядокъ."
— Дзенькую, кума,
— Дзенькую, душа!
— Соусимъ кума хороша.—

(Записана мною).

11

(*Тамъ же*)

У мойго кума
Яворъ на дворѣ,
У мойго кума
Мёдъ-вино на столѣ.
У моей кумушки (2)
Зялёна вишня подъ вокномъ,
У моей дорогой
Сѣдзяць госьци за столомъ,
Пьюць мёдъ-вино
И горэлку зиляну.
Любюць кума (2).
„Такъ вы любице (2)
„Куму зъ кумомъ?—
„Выпраўляйце (2)
„Ихѣ пѣшшу домоў?
„Запряжице (2)
„Хоць 12 конёў;
„Завязйце (2)
„Куму зъ кумомъ домоў."

(Записана мною).

12

(*Тамъ же*)

У нашого куна бѣла барёза
Повалилась на дворѣ;
Наша кумка дорогая
Похвалилася при столѣ:
„Ня пойду, кумка, ня пойду, любка,
„Боли ў кумки къ табѣ“.
— Забудзишь, кумка, забудзишь. любка,
— Покуль браци цябе“.—
А горэлица ў бутэлицы
Ды якочиць, якочиць;
Наша кумушка, наша любушка
Зъ куту ицци ня хочиць.
„Ня люблю кумка, ня люблю, любка,
„Приговороў твоихъ.
„Ня любишъ, кумка, ня любишъ, любка
„Ты насъ вѣрно кумоў;
„Прогоняишь, кумка, прогоняишь, любка
„Зъ поўночи домоў
„Запражи, кумка, запражи, любка
„Хоць одного-жь ты коня,
„Завязи, кумка, завязи, любка
„Мяне кумку до двора.“

(Записано мною).

13

(*Тамъ же*)

По загорью синія краски двицѣли,
А по застолью любые госьци сядѣли,
А цвіўши, цвіўши синіе краски отпадуць,
Піўши, гуляўши любы госьци поѣдуць,
Любы госци браты ды шваrгрòвы,
Родныя госьци кумки да кумòвы.

(Записано мною).

14

(Лепельскій у., Смолянецкая волость)

Хороша Свята Прачистая (2)
Рай ў рай *)!
Яё коруна позлацистая (2),
Яё свѣчи малеваные (2),
Яё поясы кованые (2).
Добрая жана наша Кондрашиха (2)
Рожала сынкоў и дзяўченочокъ (2)
Ды ўсе сабѣ пирамѣначакъ.

(Доставлено мировымъ посредникомъ М. Ѳ. Сасоновымъ.)

15

(Лепельскій у., м. Коптевичи)

А ў нядзѣлиньку
Поранюсиньку
На небѣ звянинѣло.
Господзь Богъ идзець,
Три доли нясець.
„Гэтому дзицяци"
А й пытаецца
У Богородзицы:
„Котору долю даць?"
Бабулька стоиць,
Дзицяцко дзяржиць,
А ў Бога доли просиць;
„Ай, Божухно
„Збавицелю!
„Дай ўси три доли:
„И грошовую,
„И збожовую,
„И тую вѣнчанную."

(Записано учителемъ г. Преображенскимъ.)

16

(Тамъ же)

Поѣхаў мужъ Панасъ
Ды ў дороженьку.
Безъ яго жоночка
Сына родзила,
А сама собою
По бабку ходзила.
Приѣхаў мужъ
Зъ дороженьки:
„Пусци мяне, жана,
„У полокъ полежаць".

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

— Ня пущу муженька,
— Ня пущу душенька!
— Дзицяцко маленько,
— Бабуся старенька. —
„Мы зъ табою, жонушка,
„Пригадаемъ:
„Малое дзицятко
„У колыбель уложимъ,
„Старую бабусю
„Виномъ упоимъ.
„Мы зъ табою, жонушка,
„Свою волю учинимъ.“

(Зап. тѣмъ же.)

17

(*Тамъ же*)

А ў коморѣ, а ў коморѣ
Кроватка стоиць,
А ў кроватцѣ (2)
Родзишка ляжиць,
А ў головахъ (2)
Самъ Богъ стоиць,
А ў ножечкахъ (2)
Мужъ стоиць.
„Позволь, Боже, (2)
Ды родзишки ступиць“.
— Ня позволю (2)
— Ды родзишки ступиць:
— Шесць нядзѣль выдзець
— Сама къ табѣ придзець“. —

(Записано тѣмъ же).

18

(*Тамъ же*)

Чиразъ гору сцежинька,—
Туды ишла бабуся,
Споткаў яе Господзь Богъ.
„Ай, гдзѣ была, бабуся?“
— На крестинкахъ, Божухна! —
Чиразъ гору сцежинька,—
Туды ишоў кумъ,
Споткаў яго Господзь Богъ.
„А гдзѣ быў, кумочекъ?“
— На крестинкахъ, Боже мой! —
„А чимъ дариў, кумочекъ?“
— Чирвонымъ чирвонцемъ, Боже мой! —
Чиразъ гору сцежинька,—
Туды ишла кумушка,

Споткӑу яе Господзь Богъ!
„А гдзѣ была, кумуся?"
— На крестинкахъ, Божухна! —
„А чимъ дарила, кумуся?"
— Бѣлою рубкой, Божухна! —
(Записано тѣмъ же).

19

(Тамъ же)

Коло мѣсяца,
Коло ясного,—
Ўсе дробные звѣзды.
Коло Гӑурылки,
Коло душечки,
Ўсе любые госьци,
А то кумъ,
То кума,
То бабуся моя,
Ўсе любые госьци.
— А ты, чарочка,
— Позлачоная
— Умѣй обходзицьца.
— А ты Гӑурылка
— Ты душечка,
— Умѣй частовацъ!
— А ты, Кацинька,
— Ты душенька,
— Умѣй шановацъ!
— Ты гарэлочка,
— Сосьпяночка,
— Умѣй напоицъ! —
(Записано тѣмъ же).

20

(Тамъ же)

Иволга, иволга,
А на бавэлнѣ гнѣзды вьецъ;
Яночка бацькоў сынъ
А на покуцѣ мядокъ пьецъ.
Жана яго, душа яго,
Подлѣ яго надъ сытой.
Жана моя! душа моя!
Ци для цябе меду ня стало?
Хуць же я (2)
Воронова коня застаўлю,
А для цябя (2)
Зяленóго вина достаўлю.
(Записано тѣмъ же).

21

(Тамъ же)

„А хто-жъ у насъ (2)
„Заняўши кутокъ?"
— Молодый кумокъ
— Заняўши кутокъ.
— А сядзиць на покуцѣ, (2)
— Якъ соколъ ў гнѣздзѣ;
— А за гэтотъ кутецъ (2)
— Положиў чирвонецъ. —
„А хто-жъ у насъ (2)
„Заняўши кутокъ?"
— Молодая кума (2)
— Заняла кутокъ.
— А за гэтотъ кутецъ
— Раскатила скутецъ. —

(Записано тѣмъ же).

22

(Тамъ же)

Коло рѣченьки мядуницы
Была ў мужика жонка нячуница,
Повела мужа продавацъ.
— Торгуй, торгуй, торгóвенька,
— А сто рублёў дзешёвинько,
— Пара коней ворóненькихъ
— И два волы полóвенькихъ.
— Мнѣ зъ грошами ня нажицьца
— Мнѣ зъ волами ня водзицьца,
— Мнѣ мой мужъ знадóбицца:
— Столчецъ, змелецъ, воды принясецъ,
— Коли чортъ надмецъ, бокъ набьецъ.
— Придзецъ вечеръ—холяруецъ (2)
Придзецъ ночка—поцалуецъ.— (2)

(Записано тѣмъ же).

23

(Тамъ же)

Чиразъ боръ сосна повалилася,
Кума зъ кумомъ посварилася.
А за што жъ яны посварилися?
Ци за щепочки, ци за дробные,

Ци за дзѣточки, ци за рóдные?
Ужо-жъ надворейка пирабралася,
Кума зъ кумомъ поеднадася.
— Ай, ходзи, кума, кисель ѣсць!
— Ай, мой кисель солодзенькій,
— И зъ сыщицею и зъ медзицею,
— Со мной, доброю молодзицею.
(Записано тѣмъ же).

24

(Тамъ же)

Я и молода
Во грибы пойшла,
Я и молода
Да и ў пиръ зайшла
Я и молода
Загулялася.
И пятухъ пяець,
Я домоў няйду,
И другій пяець,
Я ня думаю.
А трецій пяець
Я домоў пойшла.
Мой новый дворъ
Одчиняецца,
Мой лихій мужъ
Пробужаецца.
— Ай, гдзѣ жана
— Ўсю ночь была? —
„А я молода
„За тобой спала,
„Бѣлы ручки
„На цябе клала.
„А ци ты жъ, милы,
„Одурачиўся,
„Ўсю ночь ко мнѣ
„Ня ворочаўся.“
(Записано тѣмъ же).

25

(Тамъ же)

Быўши смутному (2)
Треба развясялицьца,
Быўши пьяному (2)
Треба опохмѣлицьца.
За лѣсомъ, лѣсомъ
Солоўнька кричиць:
„Добрая годзина!“
Мужъ жану кличиць:
„Пойдземъ, миленька,
„Зъ торгу до торгу.“
— Куплю я, миленьки,
— Звонки звоночикъ
— Почаплю сабѣ я
— Ў подолочикъ.
— Коли рушу,
— Звониць мушу:
— Дзинь, дзинь, миленьки,
— Объ твою душу.

„Пойдземъ, миленька
„Зъ торгу да торгу:
„Куплю, милинька,
„Ключкову дочку,
„Ключкову дочку,
„Курву жаночку.
„Запру яѐ у коморо́чку.“
„Коли я вожу,
Стяну подвожу,
Я жъ цябе, миленьки,
Навѣкъ зневажу.

(Записано тѣмъ же).

Приводимъ сообщенный намъ женою священника, г-жею Сахаровою, обрядъ крестинъ („хрезбинъ“ или „кресьбинъ“) Витебской губерніи, Полотскаго уѣзда, мѣстечка Якиманіи:

„Послѣ окрещенія младенца, крестьяне приступаютъ къ празднованію крестьбинъ. Празднованіе это продолжается три дня.

„Въ первый день оно состоитъ въ слѣдующемъ. Крестьяне собираются въ домѣ родильницы и тотчасъ по приходѣ садятся за столъ и ужинаютъ. Посреди ужина бабка беретъ три вѣтки изъ вѣника, кладетъ ихъ крестообразно на полъ и вмѣстѣ съ родильницею становится правою ногою на эти вѣтки. Послѣ совершенія этого обряда бабка беретъ чашку съ водою, идетъ къ родильницѣ и вмѣстѣ съ нею моетъ руки, приговаривая (сначала говоритъ родильница): „прости меня грѣшную“, а бабка отвѣчаетъ: „Богъ проститъ“! Потомъ бабка говоритъ тоже самое и получаетъ тотъ же отвѣтъ. Это повторяютъ онѣ три раза. Послѣ умовенія рукъ, родильница беретъ кусокъ полотна или коленкору, кладетъ его на шею бабкѣ, и обѣ утираютъ имъ руки. Полотно это или коленкоръ называютъ „намёткою“. Затѣмъ бабка беретъ вѣтки, на которыхъ она съ родильницей стояла, и воду, которою онѣ умывали руки, и отправляется къ столу, гдѣ пируютъ гости, и кропитъ ихъ этою водою, въ особенности-же—кумовъ. Подъ конецъ ужина на столъ приносится каша, накрытая тарелкою, и ложка съ перемѣшанною на половину солью кашей. Каша съ ложки отдается отцу младенца, который кладетъ деньги на тарелку, покрывающую кашу. Примѣру отца слѣдуютъ всѣ гости, т. е. кладутъ тоже деньги на тарелку. Это называютъ „откупленіемъ каши“. По „откупленіи каши“, бабка беретъ съ тарелки деньги себѣ и открываетъ кашу. Въ это время гости пьютъ водку за здоровье младенца, родильницы, отца младенца и за свое и закусываютъ „откупленною кашей“. Послѣ

єтого куму и кумѣ даются пряники или пироги, называемые „ку-мовиками“. Затѣмъ гости расходятся по домамъ.

„Празднество второго дня состоитъ въ слѣдующемъ: утромъ со-бираются гости къ родильницѣ, пьютъ водку и закусываютъ. По-томъ всѣ гости дѣлаютъ складку на водку. Далѣе берутъ пови-вальную бабку, убираютъ ее (лѣтомъ) цвѣтами, а зимою лентами иступшками. Потомъ берутъ обороченную вверхъ зубьями бороны (лѣтомъ) или дровни (зимою) и садятъ бабку на борону или дровни везутъ ее на себѣ въ ближайшую корчму и поютъ пѣсни. Въ корчмѣ гости пьютъ водку на бабкины деньги, собранныя ею на-канунѣ за кашу. Послѣ этой попойки гости расходятся. День этотъ называется „похмѣлками“.

„Третій день празднества крестинъ называется „муравинками“. Въ этотъ день вечеромъ къ родильницѣ приходитъ кумъ, кума и бабка. Бабка купаетъ ребенка, а кумъ и кума бросаютъ деньги въ воду, въ которой купаютъ ребенка. Послѣ купанья ребенка пьютъ водку и закусываютъ. Обрядъ этотъ совершается на третій день для омовенія мура, которымъ ребенокъ помазывается во вре-мя крещенія. Отъ этого обряда день этотъ и получилъ свое наз-ваніе: „муравины“. Такъ оканчивается празднованіе крестинъ“.

Вотъ—еще другой обрядъ крестинъ, записанный мною отъ мѣ-щанки Марьи Коткевичовны въ м. Чашникахъ, Лепельскаго уѣзда.

„Кстяць на другій дзень послѣ родовъ.

„Пирадъ хресьбинами рабенка купаюць, и кума бросаець ў но-чоўки дзеньги для бабки. Гэта вынимаець дзиця зъ купели и оддаець родзихѣ, которая бярець яго рубашку и обертываець ею рабенка, укладывая ў рукаў хлѣбъ-соль. После оддаець яго на руки кумкѣ и выпраўляець подъ хрестъ. Кстяць обыкновенно ў домѣ священника. У насъ кстяць вечеромъ. По приходѣ до-дому угощаюць вечерей.—Число кушаньевъ на хресьбинахъ должно быць ня четное: или 3, или 5, или 7. Первое кушанье—поліўка (кислое) изъ бурачнаго разсола, потомъ лапша (макаронъ) густая или бабки, послѣ холодзець (квашенина), жаркое; послѣднее-жя—каша ячная или гречишная зъ масломъ.

„Пологовая кума (родзиха) пирапиваецъ къ старшей кумѣ, которая подъ хрестъ несла, та ей отпиваецъ, кладзецъ ей у чарку сярабряныя дзеньги и праники или цукерки, на чарцѣ. Такимъ манеромъ яна перепиваецца са ўсѣми кумами.

„Подъ конецъ вечери ставяць на столъ миску зъ грецкой кашей, на которой ставицца тарелка. Ў гэту тарелку ўсѣ госьци кладуць дзеньги для бабки. Затѣмъ помолиўшись Богу, расходяцца по домамъ. На треци дзень ўсѣ кумы опяць сходзяцца и ихъ угощаюць полдникомъ.

„Бабцѣ родзиха дарыць наметку; яна ею обкрываецца. Баба бярець миску, сыпиць ў яе овесъ, нальець туда-же воды, выломиць зъ новаго вѣника вѣшечку, и гэтэй вѣшечкой помѣшаець овесъ зъ водой или муръ, и затѣмъ мажець ўсѣхъ кумоў, которые бросаюць ей за то дзеньги. Затѣмъ на столъ опяць ставяць миску зъ кашей. накрываюць тарелкой, куда госьци брасаюцьдзеньги. Родзиха послѣ гэтого даецъ двумъ кумкамъ и бабцѣ по пирогу (кумовикъ) и выпраўляецъ ихъ".

Тамъ же и отъ того же лица записаны мною слѣдующія суевѣрія и предразсудки, относящіяся ко времени беременности, родовъ и младенчества.

„Цижарная" женщина не должна лежать противъ мѣсяца, чтобы онъ не свѣтилъ на нее, а не то дитя будетъ ходить „по мѣсяцу по дахахъ" (т. е. будетъ лунатикомъ).

Если „цижарная" женщина идетъ около „падла," она не должна ни плевать, ни затыкать носа; а то у ребенка будетъ смердѣть изо рта.

Если „цижарная" женщина проситъ что нибудь позычить, то не надо отказывать, а если не дашь, то у этой хозяйки мыши что нибудь съѣдятъ. Чтобы „гэтой шкоды" не было, то иные бросаютъ ей въ слѣдъ что нибудь негодное: либо щепки, либо уголья и т. п. Это не слѣдуетъ, потому что дитя, которое родится, будетъ всѣ эти вещи ѣсть, а нужно только взять ложку, положить ее ницъ на окошко, тогда дитя будетъ забавляться ложкой и только.

того, чтобы „дижарная“ женщина „не зронила“ (не выки- опрокидывають ведро верхъ дномъ, наливаютъ туда воду, ють её въ стаканъ и даютъ ей пить.

з женщина трудно родитъ, то выбрать изъ ржи спорынью, ъ и дать отваръ пить: такъ того часа будетъ имѣть. Отво- также царскія врата (въ церкви) или берутъ шнуръ , которымъ ксендзъ, или священникъ подвязывается во службы, и подвязываютъ „родихѣ“ талію: „гэто тоже дюжа ецъ“.

и у новорожденнаго ребенка въ ушахъ хрящъ твердый, то удетъ долго жить, если—мягкій, скоро умреть.

и срѣзанные у ребенка во время крещенія волосы смѣшать комъ и бросить въ купель, то, если они тонутъ—знакъ смер- ли плаваютъ—долго будетъ жить.

и кто младенца (въ отсутствіи матери) „сурочицъ“ (сглазить) гь, пришедши домой, „сядзиць на ножи, ци на трапочку“; ую бросаютъ потомъ у рѣчку, для того, чтобы, „обронь Боже не зъѣу“.

„суроцы“ (худого глаза) сливаютъ воду три раза или сквозь й или въ овинѣ сквозь каменья и даютъ пить.

къ дитя гуляецъ и коло яго дивятся, то матка, коли кладзецъ пацъ, три раза обведзецъ рукою по твари (лицу) на отмашъ евывая“.

ги ребенка кто „сурочицъ“ и ему худо станетъ, то возьмутъ соль и вспрыскиваютъ ею три раза.

должно позволять ребенку смотрѣться въ зеркало, потому ечистая сила „зводзицъ“.

ги кто „полки (свивальники) перицъ на рацѣ праникомъ, то окъ будзецъ пер....“.

ги переступитъ черезъ дитя, то оно рости не будетъ.
гда послѣ купанья обливаютъ дитя водою, то приговариваютъ:

Вода зъ мора,
Рости дзѣточка скора.

и этомъ плюнуть въ „ночёуки“.

Когда выпадетъ у ребенка зубокъ, то бросаютъ его на печ приговаривая:

Мышка, мышка!
Табѣ зубяны,
А мнѣ костяны.

Пѣсни колыбельныя и дѣтскія.

26

(*Суражскій у.*)

Люли, люли, люли!
Полѣзъ котъ по дули,
Поморозиў лапки,
Ўзлѣзъ на палати.
Стали лапки грѣцьца,
Нейгдзѣ коту дзѣцьца.
Дайце котку папки
Ў обѣи лапки.
Нихай котокъ ня вурчиць
А малютка спиць, моўчиць.
Пошоў котокъ на улку,
А ты, дзиця, ў люльку.
А я буду колыхаць,
Дзиця будзець спаць.

(Зап. В. П. Догель.)

27

(*Тамъ же*)

Люли, люли, люленьки!
Люли, люли спаценьку!
Приляцѣли гулиньки,
Стали яны говорицъ:
— Чимъ малютку накормиць?
— Будзимъ кормиць пирожкомъ,
— Будзимъ поиць молочкомъ. —
Люли, люли спациньку!

(Зап. мною отъ дворовой.)

28

(*Витебскаго у., деревня Васьковичи*)

...оли, люли, люленьки!
...рилящѣли гулиньки,
...ѣли-пали ў люленьки,
...али думаць и гадаць:
— Чимъ дзицяцю годовацъ?
— Дзицяциньку штрутинькой,
— А мамочку кашинькой,
— А нянячку напонькой. —

(Зап. В. И. Беспертимъ.)

29

(*Невельскій у.*)

Люли, люли, люли, прилящѣли куры:
Сѣли на вороцяхъ ў чирвоныхъ боцяхъ,
Стали сикотаци, што дзицяци даци:
Ци бобу коробу, ни гороху троху,
Ци колопень чаропень, ци ячменю жменю;
Коня вороного, быка половаго,
Цялушку-рабушку дзицяци на юшку.

(Запис. мною отъ М. Коткевичовны.)

30

(*Тамъ же*)

...оли, люли, люли!
...рилящѣли куры,
...ѣли на вороцѣхъ,
...чирвоныхъ боцѣхъ,
...али сокотаци,
...му кашу даци?
Малому дзицяци.
Ци горошку крошку,
Ци ячменьку жменьку,
Ци пухову пяринку,
Ци счастливу годзинку.

(Записано тѣмъ же.)

31

(*Суражскій у.*)

Люли, люли малóе,
А на лѣто другое.
Люли, люли Нéсцерка
А на лѣто шесцерка.

Люли, люли Нитрачокъ
А на лѣто семъ дочёкъ.
Одна будзиць нянька,
А другая лялька.

(Записано тѣмъ же отъ дворовой.)

32

(*Тамъ же*)

Пошоў котокъ у точокъ,
Принёсъ малюткѣ пятачокъ.
Пошоў котокъ у лясокъ,
Принёсъ малюткѣ поясокъ.
Пошоў котокъ на ганокъ,
Принесъ котокъ баранокъ.

Я трошку укушу
И табѣ принясу.
Пошоў котокъ на рынокъ,
Принесъ малюткѣ розынокъ.
А ты, котя, ня вурчи,
А малютка спи, моўчи.

(Зап. тѣмъ же и отъ той же.)

33

(*Витебскій у.*)

Пошоў котокъ ў лясокъ,
Принесъ котокъ поясокъ.
Пошоў котокъ на гáночекъ,
Принесъ котокъ бараночекъ.
Пошоў котокъ ў лавочку,
Принесъ котокъ булавочку.
Пошоў котокъ на рыночекъ,
Принесъ котокъ розыночекъ.
Пошоў котокъ на крылечка,

Принесъ котокъ колечка.
Пошоў котокъ на торжокъ,
Принесъ котокъ пиражокъ.
Пошоў котокъ на мѣста,
Принесъ котокъ цѣста.
Пошоў котокъ на улочку,
Заморозиў лапки,
Катаицца, валяцицца
Просиць цеплой хатки.

(Зап. тѣмъ же отъ старой няни.)

24

(Витебскаго у., д. Васьковичи)

Пошоў котокъ на вулку,
Приняси хлѣба булку.
Идзи котокъ на ганокъ,
Приняси баранокъ.
Идзи, котокъ, у лясокъ,
Приняси поясокъ,
Идзи, котокъ, на рынокъ
Приняси розынокъ.
Спи, дзиця, ня кричи,
Ты, котя, ня вурчи,
Цяперь на кота
Ўсе воркота,
На дзицяцю
Сонъ-дремота.

(Зап. В. И. [illegible])

25

(Лепельскаго у., м. Чашники)

Пошоў котокъ у лясокъ, нашоў котокъ поясокъ,
А кошечка отнялà и дзицяци отдала.
Пошоў котокъ на [illegible]окъ, знашоў котокъ пиражокъ;
Чи самому ѣсци, ци дзицяци несци?
И самъ трошку укусiў и дзицяци принясну.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

26

(Тамъ же)

Ишоў котокъ зъ подпечча,
Несъ шубку овеччю.
Ишоў котокъ зъ подлавва,
Нёсъ шубку баранню.
Ишоў котокъ изъ подполля,
Нёсъ шубку соболлю.
Пошоў котокъ у лясокъ,
Принесъ котокъ пиражокъ:
Ци самому ѣсци,
Ци дзицяци принесци?

(Зап. тѣмъ же и отъ той же.)

37

(Витебскъ)

Подзи, коця, на вулку,
А дзиця ў люльку.
На кота воркота,
А на дзиця дремота.
На кота безголоўя
А на дзиця здороўя.
На кота ўсё лихо,
А ты, дзиця, спи цихо.
Ты, коця, ня вурчи,
А ты, дзиця, спи-моўчи.

(Зап. тѣмъ же отъ няни.)

38

(Тамъ же)

Бици кота, бици,
Ко столпу привязаўши,
Хлѣба лусту даўши;
Бици кота оборкой,
Нихай ня спиць зъ Хадоркой;
Бици кота лучинкой,
Нихай ня спиць съ Аксинкой;
Бици кота качалкой,
Нихай не спиць съ Наталкой;
Бици кота полѣномъ,
Нихай ня спиць зъ Алёной.
Бици кота, бици,
На что покраў ницки,
Зъ хаты выгнаци
И ѣсци не даци.

(Зап. тѣмъ же и отъ той же.)

39

(Тамъ же)

Тынъ-тынъ-тана!
Служиў я ў пана.
Тынъ-тынъ-тынку!
Выслужиў я свинку.
Тынъ-тынъ-толе!
Погнаў ў поле.
Тынъ-тынъ-тўстумъ!
Сѣў я подъ кўстомъ.
Тынъ-тынъ-тугу!
Стаў виць пугу.
Тынъ-тынъ-точокъ!
Выскочiў воўчокъ.
Тынъ-тынъ-тобйць!
Нечѣмъ воўка биць.
Тынъ-тынъ-тòломъ!
Воўка коломъ.
Тынъ-тынъ-татка!
Стоиць хатка.
Тынъ-тынъ-тóликъ!
Стоиць столикъ.
Тынъ-тынъ-тóжикъ!
Ляжиць ножикъ.

ынъ-тупіцъ!
ь воўка лупиць,
ынъ-тожу!
кожу.
інъ-точо!
на плечо.
ынъ-ородъ!
ў городъ.

Тынъ-тынъ-тужикъ!
Чей ты мужикъ?
Тынъ-тынъ-тожу!
Продай кожу.
Тынъ-тынъ-тублі!
На табѣ три рубли.
Тынъ-тынъ-тублёў!
Не хочу твоихъ трехъ рублёў.

(Зап. тѣмъ же и отъ той же.)

40

(*Витебскъ*)

ъ-тана!
я ў пана.
ъ-тынку!
нў я свинку.
ъ-толе!
я ў поле.
ъ-тужй!
на мяжи.
ъ-тугу!
пугу.
ъ-тоўчокъ!
жиць воўчокъ.
ъ-толикъ!
инў коликъ.
ъ-табиў!
ь забиў.
ъ-тупиць!
лупиць.
ъ-тавалю!
къ ковалю.
ъ-таваль!
ожъ, коваль.
ъ-тобиў!

Коваль ножикъ зробиў
Ратутемъ-тупиць!
Буду воўка лупиць
Ратутемъ-тупиў!
Я воўка облупиў.
Ратутемъ-тѣсто!
Я понёсъ на мѣсто.
Ратутемъ-тужй!
Пришли жиды.
Ратутемъ-тагуюць!
Воўка торгуюць.
Ратутемъ-тубли!
Плацяць три рубли.
Ратутемъ-тадаў!
Я воўка продаў.
Ратутемъ-темя!
Я купиў сѣмя.
Ратутемъ-толе!
Засѣяў поле.
Ратутемъ-танокъ!
Удаўся лянокъ.
Ратутемъ-тучистъ!
Лянокъ стручистъ.

(Записано мною.)

41

(*Суражскаго у., д. Козловичи*)

Тринъ-тринъ-тана!
Служиў я ў пана.
Тринъ-тринъ-тынку!
Выслужиў я свинку.
Тринъ-тринъ-толе!
Погнаў я ў поле.
Тринъ-тринъ-тоўки!
Бягуць два воўки.
Тринъ-тринъ-тацили!
И свинку ухвацили.
Тринъ-тринъ-тагóмъ!
Я за имъ бягомъ.
Тринъ-тринъ-танаў!
Я воўка догнаў.
Тринъ-тринъ-талкой!
Я яго палкой.

(Зап. В. П. Догель.)

42

(*Тамъ же*)

Сядзѣла кошечка на кухнѣ,
Ў яё вочиньки попухли.
„Чагожъ ты, кошечка, плачешь?
„Ци пицьки, ци ѣсцьки хочешь?"
— Ни пицьки, ни ѣсцьки хочу,
— По своей жалосци плачу:
— Самъ кухаръ пячёнку злизаў,
— На мяне кошечку сказаў,
— Хочець мнѣ лапки отбици.
— Чимъ-жа я буду ходзици? —
(Зап. тѣмъ же.)

43

(*Витебскаго у., Старое Село*)

Берутъ ногу ребенка и, ударяя концомъ указательнаго перста по подош приговариваютъ:

Кую, кую ножку,
Поѣду ў дорожку,
Ў госьци къ цесцю
Пирогоў ѣсци.
Кую, кую другую
Поѣду ў доўгую.

(Зап. гимназистъ С. Станевскій.)

44

(*Тамъ же*)

Коў, коў дзяцелъ,
Сѣў на варотахъ
Ў чирвоныхъ ботахъ:
— Ци здороў Данила?

— Ци жаниў сына?
— Ци вариў пива?
— Ци отдаваў дочку
— Кацеринушку? —
Коў, коў дзяцелъ,
Сѣў на воротахъ
Ў чирвоныхъ ботахъ,
Ў краснинькомъ колпачку,
И шапочка на бочку:
— А Микитка соколокъ!
— Ци вариў пива?
— Ци жаниў сына?
— Ци даваў дочку
— За Яночку? —

(Зап. тѣмъ же.)

45

(*Суражскій у.*)

— Чи, чи, чи, сорока!
— Гдзѣ была? — „Далёка:
„Была ў пана на току
„Видзѣла тамъ толоку.
„Пани сына родзила,
„На коника садзила,
„Коникъ вороненькій,
„А самъ молодзенькій.
„Поѣхали у Пицеръ.
„Жалѣзны шпицы,
„Шелковы поводы,
„Дубовы покаты."

(Зап. В. П. Догель.)

46

(*Могилевскій у.*)

Чи, чи, чи, сорока!
Поляцѣла далёка,
Сѣла-пала на току
У чирвонымъ колпаку,
Панъ кажиць: засяку!
Пани кажиць: ни сячи!
Будзиць сядзѣць на пячи
Малыхъ дзяцей бирагчи.
Чаму учора не была?
Боялася чигуна,
Чигуновы дзѣци
Хочуць уляцѣци
На Иванушки клѣци.
А Иванъ пашиць,
А воўкъ на дорозѣ,
Мядзвѣдзь на колодзѣ,
А дроздъ на рабинѣ,
Рабинку лущиць.
„Ты, Калиноўна,
„А подай сапоги."
— А мнѣ неколи,
— А я мостъ мощу,
— Сярабромъ трощу. —
Дроздъ на рабинѣ,
Сова на болоцѣ,
А мядзвѣдзь на рабоцѣ,
А ў лѣсѣ дуга
Ды ня высѣчена.

А стаць ды сѣкаць,
Дакъ дзень поцерацъ.
За той же дзень
Трое лапци ўсплесць:
А сабѣ и жанѣ
И тому выблядку,
Што подъ печчю сядзиць.

(Зап. мною.)

47

(*Оршанскій у.*)

Ахъ ты Иванька Попоў
Завядзи мяне домоў.
Мой домъ ни далека,
Подъ ельничкомъ,
Подъ бярезничкомъ,
Тамъ сучка на лычку
Двора сцяражець,
А пятухъ на повѣци
Ў дуду равець.
А кошка ў лукошку
Карунки тчець,
А котъ на пячи
Продаець калачи.
Ахъ ты уцица моя,
Ахъ ты шѣрая моя
Ня летай на ракў,
Ня клюй пяску,
Ня тупи носку,
Приляцѣли соколы,
Поцярали сапоги.
Кулинушка дружокъ!
Подай сапожокъ!
Я мосточикъ мощу
Сярабрòмъ гвожджу.

(Зап. Е. Лубою.)

48

(*Лепельскаго у., м. Чашники*)

Чи, чи, чи, вирабей,
Ня клюй конопель!
Я тому вирабью,
Коломъ ножку пирабью.
Вирабейка скачиць,
По ножицѣ плачиць.
Я на тую ножку
Куплю панчошку,
Я на тоя тѣльца
Куплю полотенца.

(Зап. мною отъ мѣщанки.)

49

(*Витебскаго у., Старое Село*)

— Чики, чики, сорока,
— А гдзѣ была? — „Далёка:
„Я у пана на току,
„Я видзѣла толоку:
„Пани сына родзила,
„На коника садзила,
„А коничекъ вороны,
„А паночекъ молоды."

(Зап. гимназистомъ С. Станевскимъ.)

50

(*Быховскій у.*)

А чу, чу, а чу, чу!
Я горохъ молочу.
На Ивановымъ точку
На примыльничку.
Покацилося зярно
На Иванова гумно.
Иванъ Попоў
Загоняў воўкоў.
Шапка татарка
Зъ города ляцѣла,
Князю попала.
— Ты, князь, ня печалься,
— Твоя жанà Марья
— Сына породзила
— Мала государа. —

(Зап. А. Ф. Лисовская.)

51

(*Тамъ же*)

Кукушка, кукушка!
Стрижень табѣ ни судзя,
Судззя табѣ Владыка.
Владыкины дзѣци
Хочуць поляцѣци
На синяя мора;
На синимъ морѣ
Церква Миколы.
Цётка Арина
Короў доила,
Поѣхала ў снопы
На высокой лошадзи,
Увидзѣла зайца,
Короциньки ножки,
Красныи сапожки.

(Зап. та же.)

52

(*Витебскъ*)

Чи, чи, чи, магера!
На припечкѣ сядзѣла,
Куделечку верцѣла.
Одна одну толкнула
И ножечку свихнула.
Одна одну сволокла
За мысочку толокна.
Магеръ, магеръ, магера!
На крыночку сядзѣла,
Куделечку верцѣла,
Ў Полоўки заказали,
Штобъ магеры не плясали.

(Зап. г-жею Потаниной.)

53

(*Суражскій у.*)

„Ласынька, Ласынька!
„Гдзѣ была?"
— Ў пана. —
„Што робила?"
— Кросны ткала. —
„Што заробила?"
— Кусокъ сала. —
„Гдзѣ-жь тое сало?"
— Кошка украла. —
„Гдзѣ-жъ тая кошка?"
— За мора побѣгла. —
„Гдзѣ-жъ тоя мора?"
— Квѣтками заросло. —
„А гдзѣ-жъ тыи квѣтки?"
— Па́нны пощипали. —
„Гдзѣ-жъ тыи панны?"
— Замужъ пойшли. —
„А гдзѣ-жъ ихъ мужья?"
— На войну пошли. —
„А гдзѣ-жь та война?"
— Посярёдъ гоўна. —

(Зап. В. П. Догель.)

54

(*Витебскъ*)

„Сиўка воронка,
„Да-ле-гойда! *)
„Куды поляцѣла?"
— На Ивановъ дворъ. —
„Што́ Иванъ робиць?"
— Косы точиць. —
„На што яму косы?"
— Сѣно косиць. —
„На што яму сѣно?"
— Короў кормиць. —
„На што яму коровы?"
— Молоко доиць.—
„На што яму молоко?"
— Пастухоў кормиць. —
„На што яму пастухи?"
— Свиней пасциць.—

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

„На што яму свинни?“
— Горы рыць. —
„А што ў горахъ?“
— Залѣзная ступа. —
„А што ў ступѣ?“
— Поливана миска. —
„А што ў мисцѣ?“
— Циноўные ложки. —
„А што ў ложкахъ?“
— Маково зярно. —
„А гдзѣ тоя маково зярно?“
— Пятухъ склеваў. —

„А гдзѣ-жъ той пятухъ?“
— За мора полящѣў. —
„А гдзѣ-жъ тоя мора?“
— Красками заросло. —
„А гдзѣ-жъ тыи краски?“
— Дзѣўки сорвали. —
„А гдзѣ-жъ тыи дзѣўки“?
— Замужъ пошли. —
„А гдзѣ-жъ ихъ мужья?“
— На войну пошли. —
„А гдзѣ-жь ихъ война?“
— Посярёдъ гоўна. —

(Зап. мною отъ няни.)

55

(*Витебскаго у., Старое Село*)

„Снўка воронка,
„Да-ли-гойда! *)
„Куды полящѣла?“
— На Иваноў дворъ. —
„Што Иванъ робиць?“
— Косы кляпиць. —
„На што яму косы?“
— Сѣно косиць. —
„На што яму сѣно?“
— Молоко збираць. —
„На што яму молоко?“
— Дзяцей кормиць. —
„На што яму дзѣци?“
— Горы копаць. —
„А што ў тыхъ горахъ?“
— Золотая ступка —
А што ў той ступцѣ? —
— Золотая ложка. —
„А што ў той ложки?“

— Маково зярно. —
„А гдзѣ тоя зярно?“
— Пятухъ склеваў. —
„А гдзѣ-жъ той пятухъ?“
— За мора полящѣў. —
А гдзѣ-жъ тое мора?
Красками заросло.
„А гдзѣ-жъ тыи краски?“
— Дзѣўки порвали. —
„А гдзѣ-жъ тыи дзѣўки?“
— Замужъ пошли.
„А гдзѣ-жъ ихъ шуруки?“
— Пойшли у Цемья,
— Тамъ цемна.
— Пойшли у Вяззя,
— Тамъ увязли.
— Пойшли у Турцы,
— Тамъ имъ концы. —

(Зап. гимназистомъ С. Станевскимъ.)

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха

56

(*Суражскій у.*)

Лады, лады, ладки!
Поповы рабятки,
Горохъ молоцили,
Цяпы поломали,
На клѣць посвидали,
Попъ разсярдзіўся,
Зъ палацей зваліўся,
Попадзя зъ печки,
Цобила плечки,
Курица зъ подпечки
Побила горшечки.
Жидъ зъ полки
Разсыпаў иголки.

(Зап. В. П. Догель.)

57

(*Витебскъ*)

Было у бацьки три сыны,
А ўси три Василли.
Одзинъ дро́вы сячець,
Други лапци пляцець,
Треци сядзиць на камушки,
Дзяржиць козу на рамушки,
А при боку пистолетъ.
Оглянецца—козы нѣтъ.
Пошла коза сцибаючи,
На семъ саженъ займаючи.
Ўси косцелы обойшла,
Ни гдзѣ попа не знайшла.
И на рынку была,
И расады купила,
И ў горо́дзи садзила.
Якъ удаўся качанъ
И тонокъ и высокъ
И лисццемъ широкъ.
А ты качанъ, качанокъ!
Ня ходзи по сянёхъ,
Ни топай ногой,
Я не лягу зъ тобой.

(Зап. мною отъ дворовой.)

58

(*Лепельскаго у., м. Чашники*)

Было ў бацьки три сыны,
А ўсѣ-жъ яны Василли.
Одзинъ кони пасець,
Другй лапци пляцець,
Треци сядиць на камушки,
Дзяржиць козу на рамушки.
Суды махъ! и туды махъ!
Удариў козу по зубахъ.
Пошла коза рыкаючи,
На семъ саженъ тягаючи.
И на рынку была
И гарэлку пила,
И разсадку купила,
Семъ грядъ насадзила.
Якъ удаўся качанъ,
Выше плоту торчаў.
Круты боты на ногахъ,
Пистолеты на рукахъ.

„Ахъ ты Ванюшка мой,
„Заведзи-жь ты мяне домоў?“
— А дѣ-жъ твой домъ?—
„Посередь Москвы:
„Ай тамъ-же сучка на лычку
„Порываецца.“

(Зап. тѣмъ же отъ М. Коткевичовны.)

59

(*Витебскій у.*)

Мухи лазню топили,
Комары воду носили,
Блохъ париўся,
Ў ницъ удариўся.
А послали по попа,
По пляшиваго,
Волки яму копаць,
Зайцы доски цесаць.
Приляцѣли чижики,
Поробили крыжики.
Приляцѣли вороны,
Ударили у звоны.

(Зап. В. И. Безперчій.)

60

(*Тамъ же*)

Косы заяцъ, косы заяцъ
На припечку граець,
Сова зъ вироббемъ
Пойшла скакаць.
Мышка баничку топила,
Блоха парилася,
Зъ полки ударилася.
Клопъ докторомъ быў,
Ёнъ ей ножку лѣчиў.

(Зап. тѣмъ же.)

61

(*Витебскъ*)

Комаръ дровы сячець,
Муха лазню топиць.
А вошъ парилася,
Перспарилася,
Зъ полка звалилася,
На смерць забилася.
Ѣдзьце по попа,
По запечнаго клопа.
Попъ часу не маець,
Таракана сповѣдаець.
Ѣдзиць попъ на мыши,
Ляжиць вошъ безъ души.
Три дни яму копали,
Покуль вошъ сховали.

(Зап. мною отъ дворовой.)

62

(*Тамъ же*)

А комаръ дровы рубиў.
А вошъ парилася
И запарилася.
А сходзице за попомъ
И за печнымъ клопомъ.
Покуль попа привели,
Души ў воши не знайшли.

(Зап. тѣмъ же.)

63

(*Суражскій у.*)

Поймаў бацька сойку, сойку,
Поймала матка сойку, сойку,
Поймали сойку дзѣци, дзѣци.
Да ужо-жъ сойцѣ ня ляцѣци,
Да ужо-жъ сойцѣ ня ляцѣци,
Да ужо-жъ сойцѣ на гуляци
Гей, сойка, гей!
Рязнуў бацька сойку, сойку,
Рязнула матка сойку, сойку,
Рязнули сойку дзѣци, дзѣци,
Да ужо-жъ сойцѣ ня ляцѣци...
Гей, сойка, гей!
Скубнуў бацька сойку, сойку
Скубнула матка сойку, сойку
Скубнули сойку дзѣци, дзѣци
Да ужо жъ сойцѣ ня ляцѣци...
Гей, сойка, гей!
Зваріў бацька сойку, сойку,
Зварила матка сойку, сойку,
Зварили сойку дзѣци, дзѣци.
Зъѣў бацька сойку, сойку,
Зъѣла матка сойку, сойку,
Зъѣли сойку дзѣци, дзѣци,
Да ужо-жъ сойцѣ ня ляцѣци (2).
Да ужо-жъ сойцѣ ня гуляци
Гей, сойка. гей!

(Зап. В. П. Догель.)

64

(*Тамъ же.*)

Забывъ тато сойку,
Забывъ тато сойку.
Забыла маты, забылы диты,
А вже сойци не влэтиты.
Гей, сойка, гей!

Скубавъ тато сойку,
Скубавъ тато сойку,
Скубала маты, скубалы диты,
А вже сойци не влэтиты.
Гей, сойка, гей!
Варывъ тато сойку,
Варывъ тато сойку,
Варыла маты, варылы диты,
А вже сойци не влэтиты.
Гей, сойка, гей!
Солывъ тато сойку,
Солывъ тато сойку,
Солыла маты, солылы диты,
А вже сойци не влэтиты.
Гей, сойка, гей!
Пожеръ татко сойку,
Пожеръ татко сойку,
Пожерла маты, пожерлы диты,
А вже сойци не влэтиты.
Гей, сойка, гей! *).

(Зап. тотъ же.)

65

(Быховскій у.)

Сядзиць мядзвѣдзь на колодѣ,
Чапець вышиваець,
А лисица стара псица
Зъ куста выглидаець,
А сорбчки бѣлоббчки
Пойшли танцуваци,
А вороны стары жоны
Пойшли жита жаци;
Три кукушки (2)
Жита молоцили,
Три каплоны (2)
Жита выносили.
Козелъ мелиць, (2)
Коза подсыпаиць,
А малые козлинятки
Ў мѣрку збираюць.
Муха мѣсиць, (2)
Комаръ воду носиць,
А малые комаратки
Ў ихъ цѣста просюць.

(Зап. А. Ф. Лисовская.)

*) Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. Издалъ Влацлавъ зъ-Олеска, We Lwowie 1833, стр. 340, № 214.

66

(*Витебскій у.*)

Быў ў бабушки козелъ,
Ў Мосеевны козелъ,
Ў Өедосеевны козелъ.
Ёнъ ў стайнѣ стояў
Воду грѣтую пиваў,
Муку сѣяну ѣдаў,
Овесъ пареный,
Горохъ праженый.
Захоцѣлося козлу,
Захоцѣлось дураку
Ў чистомъ поли погуляць,
Сѣрыхъ зайковъ повидаць,
По ельничку, по березничку.
Ўстрѣциў козелъ
Зайчика маленького,
Косолапенького.
— Здорово, козелъ!
— Поборемся зъ тобой,
— Пиракинемся зъ тобой,
— Я и тотъ коноваў,
— Што жерибчикоў коваў,
— Коваў, не коваў
— И платы не браў.—
Якъ ўзяў козла за роги,
Якъ ударнў о дорогу, —
Ў козла глазки глядзяць,
Якъ свѣчки горадь.
Якъ ўзяў козла за гриву,
Якъ ударнў козла о ниву,—
Ў козла глазки глядзяць,
Якъ свѣчки горадь.
Якъ ўзяў козла за хвостъ,
Якъ ударнў козла о мостъ
Ў козла... (и т. д.)
Мосей дроўцы рубаў,
Ўсё дзивцо видаў;
Пойшоў бабушкѣ сказаў:
— Ахъ ты бабушка Мосеевна,
— Ахъ ты бабушка Өедосеевна
— Нашъ козелъ трехъ воўкоў уби
— И ў Пицеръ доступпў.—
Баба кинула пралку подъ лаўку
Вяратенцы подъ кровадь,
Прибѣгаиць къ нивѣ—
Ляжиць яго грива,
Прибѣгаиць къ дорожки—
Ляжаць яго рожки,
Прибѣгаиць на мостъ—
Ляжиць яго хвостъ.
Собрала баба рôги, да нôги,
Понясла попу поминаць.
— Ахъ ты батюшка попокъ
— Помяни мойго козла.
„Дура ты, баба,
„Хто козла поминаиць?
„Козла обухомъ забиваюць,
„Шкуру дзяруць,
„Чиравички шьюць,
„Куды надобна идуць.“

(Зап. В. Ив. Безперчимъ.)

67

(*Витебскій у.*)

бабушки козелка,
бабушки Мацейка,
а стаецѣ стояў,
рожь поѣдаў,
сѣяную,
вѣяную.
ѣлося козлу
го поле погулящь,
силу спробоваць.
обѣгъ по ельничку,
ъ по березничку,
ѣў козелька,
ѣў Мацейка
и воўкоў,
ый воўчокъ,
анъ бочокъ.
ы зъ тобой, козелька,
ы зъ тобой, Мацейка,
)бортаемся,
ь лютомъ морозѣ
)грѣемся.—
ўзяў воўкъ козла за роги,
ўдарнў козла объ дороги.
свѣчи горацъ,
ў козла глаза глядзяць.
ўзяў козла за хвостъ,
ўдарнў козла объ мостъ,
ўзяў козла за гриву,
ударнў козла о ниву.
побѣгъ козелька,
Якъ побѣгъ Мацейка
Кола бабина двора.
Дзѣдъ дровы сячець,
Баба блины пякець.
— Нутка, бабка,
— Нутка, голубка,
— Станемъ родню собираць,
— Будземъ козла поминаць!—
Козелька Микитка,
А кошка Степанидка,
Короўка Маланка,
А бычокъ Романка,
Кобылка Марынка
А жярабокъ Гаўрылка.
Овечка Гапечка,
А баранька Романька,
Свинка Аксынка,
А парсючекъ Максимка;
Утка Лукутка
А селязень Якутка,
Курка Заорейка
А пятушокъ Матвѣйка.
Кто у насъ старшій?
Кто у насъ большій?
Жоруў капитанъ
Ястребъ дзесятникъ
По сялу литаиць,
Курей выглидаиць,
Пы нямножку бярець,
Пы дзисятку здярець.

(Зап. гимназистомъ М. Орѣховымъ.)

68

(*Быховскій у.*)

Ай быська мой бысинька,
Золотая твоя лысинка!
А ў быка ня бычины станъ,
А ў голуба̀ голубины калтанъ.
Ахъ ты Хвеня, Хвенюшка,
Стародавная купеческа жана,
Пойдземъ мы, Хвеня, на торжокъ,
Купимъ мы пенечки пудокъ,
Соўемъ мы вяровушку,
Круценьку, позалацисценьку,
Возьмемъ мы быка за рога̀,
Повядземъ мы быка на торга̀.
Стали бысиньку пощупываци,
Стали денежки постукиваци.

(Зап. А. Ф. Лисовская).

Въ нижеслѣдующихъ пятнадцати пѣсняхъ заключаются дѣтскія подтруниванья надъ разными именами; этими пѣсеньками ребятишки дразнятъ лицъ разныхъ половъ, возрастовъ, сословій и націй.

69

(*Лепельскаго у., м. Чашники*)

Антонъ бацька,
Антонъ я,
Уловили солоўя.
Бацька ў пуню,
Сынъ ў токъ,
Бацьку обсѣкли,
Сынъ уцёкъ.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

70

(*Тамъ же*)

Акулинка моя,
Чернобривка моя,
Я за твои русы косы
Находзиўся голы, босы.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

71

(Тамъ же)

болванъ
:нѣ дранъ,
На липинкѣ лупленъ.
За тры грошы купленъ.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

72

(Тамъ же)

болванъ
чешиць
На пень брешиць.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

73

(Тамъ же)

ъ
новâтъ,
И Аўгiння
Ня вiнна.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

74

(Тамъ же)

я Кузьма,
дзи козла,
козыньку
ожиньку.
Ни вядзи ў особў,
Бо я ноги посякў,
А вядзи ў лопушокъ,
Ды купи мнѣ фартушокъ.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

75

(Тамъ же)

рина, Кацяринушка!
ѣ твоя животинушка?"
ровухны кола ровухны,
А свинухны кола нивухны,
А козухны кола лозухны,
А овечки кола рѣчки.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

76

(Тамъ же)

та! ци-ты-та?
—то, мой—тата.
ха дзяжу мѣсиць,
ита ж..у чешиць.
. дровы сячець,
А Микитиха блины пячець.
Сячець дрòвы ялòвые,
Пячець блины полòвые.
Косый заицъ нанесъ яицъ,
Вывёў дзяцей косыхъ чарцей.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

77

(*Тамъ же*)

Наталля—пралля,
Кузьма—впраценникъ
Пойшоў у бярезникъ,
Собаки догнали,
Ногў оторвали.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

78

(*Тамъ же*)

Дзяконъ, дзяконъ!
Ня ўсе ты вякай!
Выйдзи на поле
Стань на колѣ:
Ци ня идзець хто?
Ци ня нясець што?
— Мужикъ идзець,
— Кругъ воску нясець.—
„Подай Господзи!"
Дзяконъ, дзяконъ (и т. д.)
— Мужикъ идзець
— Дубину нясець.—
„Табѣ Господзи!"
Дзяконъ, дзяконъ (и т. д.)
— Мужикъ идзець,
— Дубаску масла нясець.—
„Подай Господзи!"
Дзяконъ, дзяконъ (и т. д.)
— Мужикъ идзець
— Кіёкъ нясець.—
„Табѣ Господзи!"
Дзяконъ, дзяконъ (и т. д.)
— Мужикъ идзець,
— Липоўку мёду нясець.—
„Подай Господзи!"
Дзяконъ, дзяконъ (и т. д.)
— Мужикъ идзець,
— Оглоблю нясець.—
„Табѣ Господзи!"

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

79

(*Тамъ же*)

Дóмино, дóмино!
Выскочила баба зъ кóмина,
Ударилась о печь
Выскочиў млады хлопецъ,
Пошоў до лясу,
Высѣкъ сосну и сосничку,
Поставиў косціолъ и капличку.
Прилящѣли врóны,
Поставили звоны,
Прилящѣли каўки,
Поставили лаўки,
Прилящѣлъ крукъ,
Зробиў ў косцели гукъ,
Назбираў гоўна пукъ:
Вы придзице ўси ў нядзѣлю,
Ўсимъ по кавалку надзялю.
(Зап. тотъ же и отъ той же.)

80

(*Лепельскаю у., м. Чашники*)

зе, жидзе!
ь чортъ идзе,
рномъ капелюшѣ,
твоей дўшѣ.

Гдзѣ свиньи рыли,
Тамъ жида мыли,
Гдзѣ куры ср...
Тамъ жида ховали.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

81

(*Тамъ же*)

цъ, жидъ халамидъ!
ъ козъ задавнў
ъ колоду посадзиў

Одна коза засталася,
Молока принесла
Жиду ѣсьци дала.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

82

(*Тамъ же*)

довочка черны годъ!
ди мяне ў городъ

А ў городзи бураки,
Скулля табѣ подъ бокѝ.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

83

(*Тамъ же*)

довочка черны годъ!
ичпць яна ни на животъ.
довочка хохла,

Подъ загнетомъ здохла
А пріѣхаў капитанъ
Жидовочку запытаў.

(Зап. тотъ же и отъ той же.)

84

Слѣдующими припѣвками ребятишки передразниваютъ колокольный звукъ.

Въ Чашникахъ звонятъ:

Блинъ зъ масломъ!
Блинъ зъ масломъ! } толсто.

А у Коптіевичахъ:

Хлѣбъ зъ оўсомъ!
Хлѣбъ зъ оўсомъ! } дробнѣе.

А у Казоновци:

Абы быў!
Абы быў! } соўсимъ дробно.

В҃ Невлѣ, въ монастырской церкви:

Сковорода, чапила!
Сковорода, чапила!

Въ Успенскомъ соборѣ:

Старшій коломъ прибиваетъ!
Старшій коломъ прибиваетъ!

Въ Витебскѣ:

Ў Миколи дрóвы сякуць,
У Собори блины пякуць!
Тромъ блинъ!
Тромъ блинъ!

(Зап. мною.)

Колядныя пѣсни.

Названіемъ „Рыжтвáныи свиткй“ обозначаются дни Рождес скихъ праздниковъ отъ 24 Декабря до 7 Января включите Нужно сказать, что въ этотъ долгій промежутокъ времени, торые крестьяне, вѣрные дѣдовскимъ „звычаямъ“, остаются жительно безъ всякихъ работъ, если не считать работами— корма скоту, исправленіе упряжи, буде она того требуетъ Родственники и друзья спѣшатъ погостить другъ у друга сто отправляются на далекія разстоянія, разсчитывая на днество въ теченіи двухъ недѣль. Нарушители же дѣдов „звычаевъ“ хотя и работаютъ въ нѣкоторые дни „рыжтвя святковъ“, но эта работа продолжается часъ, много два-три, и томъ избирается такая работа, которая не могла быть оста неоконченною къ другому дню. Во всякомъ случаѣ, приня правило (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дриссенскаго уѣзда), бирать во время праздниковъ работу хотя и на нѣсколько но непремѣнно кончить её съ окончаніемъ „святкóвъ“. Послѣ встрѣчается рѣдко и обыкновенно вызывается какими-нибуд стоятельствами. Слѣдующій примѣръ подтвердитъ строгость

ча относительно работъ, продолженныхъ на нѣсколько дней въ теченіи „рыжтьвяныхъ святокъ".

„Жаноцкая работа" въ это время заключается преимущественно въ пряденьи нитокъ. Пряха приготовляетъ для себя „кудель" пропорціонально рабочимъ днямъ, имѣя въ виду и свою рукодѣльную ловкость. Если по какимъ-либо обстоятельствамъ ей нельзя кончить своей работы къ концу „рыжтьвяныхъ святковъ", то пряха имѣетъ право пригласить „товаришекъ", и онѣ общими усиліями оканчиваютъ работу, не раздѣляя, однако, „кудели". За невозможностію собрать „товаришекъ", или въ случаѣ недостаточнаго ихъ числа, позволяется „раздѣлать куделю", т. е. развертѣть тѣмъ же порядкомъ, какимъ она первоначально свертывалась.

Какой бы ни былъ нарушитель дѣдовскихъ „звычàевъ", но онъ свято празднуетъ слѣдующіе дни „рыжтьвяныхъ святковъ": 1) „кутьтю", 2) „Ражтво", 3) „бытатыю" или „товстую кыляду", 4) „Васильля", 5) „галодныю кыляду" и 6) „Кщеньня".

Сочельникъ предъ Р. Христовымъ называется просто „кутьтя" и проводится, преимущественно вечеръ, совершенно однообразно всѣми крестьянами. Послѣ дневныхъ хлопотъ и вечерней бани, все семейство вмѣстѣ молится предъ домашними иконами: или порознь, или слушая молитву старшаго, и потомъ садится за приготовленный столъ, на который стелется предварительно сѣно, а на него чистая скатерть, и тогда ставится „сочиво" или сладкая кутья. Послѣ рюмки водки все семейство набожно крестится и, принимаясь за кутью, вспоминаетъ объ отсутствующихъ своихъ семейныхъ родныхъ, и преимущественно объ умершихъ, приговаривая послѣднимъ: „пашли имъ, Госпыди, рай свѣтлый, Чарства Нибесныя" и проч. Поѣвши кутьи и другихъ кушаньевъ, приготовляемыхъ въ этотъ день, семейство молитвою благодаритъ Бога. Остатки кушаньевъ и посуда, въ которой онѣ подавались, а также и ложки остаются до утра на столѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они остались отъ ужина. Нужно прибавить, что предъ кутьею одинъ изъ членовъ семейства отворяетъ окно и говоритъ: „морозъ, морозъ! ходи куттю ѣсь!".

Въ мѣстностяхъ, близкихъ къ селу Веляшковичи (въ 35 в. отъ Витебска) существуетъ строгій обычай, по которому крестьяне считаютъ закономъ: разговѣться въ день „Рожтва" какъ можно раньше, и именно до разсвѣта, а потомъ прилечь снова отдохнуть на ча-

сокъ, чтобы, вставши, отправиться въ церковь, если кому-нибудь послѣднее заблагоразсудится. Случается иногда, что стряпуха заспится, а потому обѣдъ приготовится поздно, такъ что придется разговѣться при значительномъ дневномъ свѣтѣ; въ такомъ случаѣ въ комнатѣ производятъ искусственную темноту, завѣшивая окна холстинами, или же закрывая ставнями и, при свѣтѣ лучины или свѣчи, разговляются.

Первое и главное кушанье, подаваемое при разговѣньи, называется „прижанина." Кушанье это занимаетъ средину между употребляемыми кушаньями—густыми и жидкими. Приготовляется оно слѣдующимъ образомъ: въ „латку" (полугоршокъ), наполненную жидкимъ ржанымъ тѣстомъ, бросаютъ искрошенное свиное сало, лукъ, перецъ, нѣсколько кусковъ жирнаго свинаго мяса и наконецъ—нѣсколько колецъ колбасъ. Все это долго варится вмѣстѣ, пока ржаное тѣсто не успѣетъ значительно сгуститься. Сваренное вполнѣ, кушанье это все-таки остается въ печи, пока не придетъ время подавать его на столъ *).

Когда обѣдъ готовъ и убранство стола перемѣнится, т. е. уберутъ съ него сѣно и остатки вчерашняго ужина и перемоютъ посуду,—все семейство молится передъ иконами и садится за столъ по старшинству. „Кутни" или угловое мѣсто подъ иконами мѣсто **) занимаетъ хозяинъ—старшій въ семействѣ. Хозяйка кладетъ предъ каждымъ груду овсяныхъ (въ большинствѣ случаевъ) блиновъ и ставитъ на столъ „латку съ прижаниной". Хозяинъ вынимаетъ изъ „латки" колбасу и мясо, мелко крошитъ ихъ на особой тарелкѣ и вбрасываетъ опять „въ латку". Вылизавши пальцы и ножъ, которымъ крошились колбаса и мясо, хозяинъ наливаетъ рюмку водки и, держа её въ рукѣ, говоритъ обращаясь ко всѣмъ: „будьтя здоровы вы, ўси! дай Богъ ны прибудущій годъ рызгавѣцца намъ ў добрымъ здаровьи!" Выпивши водки, самъ хозяинъ одѣляетъ ею семейныхъ. Замѣчательно, что вся семья, собравшаяся за столъ, сохраняетъ глубокое молчаніе, пока не одѣлятъ каждаго водкою.

---

*) «Прижанина», отъ долгаго стоянья въ горячей печи, покрывается сухою пѣнкою, которая очень вкусна. Такая пѣнка дается дѣтямъ и болѣе почетнымъ членамъ семейства.

**) Вслѣдствіе сложившейся поговорки — «на кутѣ сядзитъ альбо попъ, альбо дуракъ», — хозяинъ сидитъ за столомъ не въ углу — подъ иконами, а немного отодвинувшись отъ угла.

Ѣдятъ „прижанину" всегда такъ: оторвавши кусокъ блина и свернувши его въ трубочку, обмакиваютъ въ прижанину и при этомъ стараются, чтобы въ отверстіе погруженной трубочки непремѣнно попадалъ или кусокъ сала, или мяса, или колбасы. Неискусство въ этомъ отношеніи — своего рода этикетъ! Кромѣ прижанины, подается все, чѣмъ богата кухня.

Канунъ 1-го января называется — „багатыя" или „товстыя кылида" потому, что весь день, и въ особенности вечеръ, проводится исключительно въ ѣдѣ всевозможныхъ мясныхъ кушаньевъ и составляетъ противоположность „голодной кылядѣ" т. е. кануну Крещенія Господня, когда употребляется постная пища, да и то въ скромныхъ размѣрахъ. Въ эту послѣднюю „кыляду" набожные, и преимущественно пчеловоды, ничего не ѣдятъ до вечерней зори; послѣдніе — потому, чтобы пчелы лучше велись.

Нужно замѣтить, что, по числу звѣздъ и ясному небу во всѣ три „кыляды", опредѣляютъ урожай грибовъ въ наступающее лѣто. Первыя коляды соотвѣтствуютъ началу лѣта, вторыя—срединѣ и, наконецъ, третьи — концу лѣта. Нѣкоторые же крестьяне относятъ тѣже примѣты и къ урожаю различныхъ ягодъ.

Праздникъ Крещенія Господня называется крестьянами „Кщеньня" и еще проще—„Хрищеньня". Въ этотъ день крестьянинъ не употребитъ пищи, не выпивъ освященной іорданской воды. Привычка крестьянина требуетъ ѣды по возможности ранней. Въ этихъ видахъ почти каждое семейство приберегаетъ немного прошлогодней крещенской воды къ утру праздника Крещенія текущаго года. Если непредвидѣнныя обстоятельства истощатъ за годъ запасъ крещенской воды, въ такомъ случаѣ освященную воду добываютъ слѣдующимъ образомъ: изъ кіота вынимается одна или нѣсколько иконъ и обмываются чистою водою, которая послѣ этого уже пріобрѣтаетъ значеніе воды крещенской. Такую воду пьютъ и тогда ѣдятъ, что приготовлялось. Пчеловоды заботятся добыть крещенской воды изъ семи іорданей и, соединивъ вмѣстѣ, окропляютъ ульи снаружи и внутри при весенней очисткѣ ульевъ.

Праздникомъ Крещенія Господня оканчиваются „Рыжтьвяныи святки".

Учитель 1-го Витебскаго приходскаго училища **Н. Я. Никифоровскій.**

85

Тыдзень, тыдзень до Калядъ,
Панъ съ челядзи ды й не радъ.
— Дай, пане, окрекъ,
— Мнѣ ўжо твой хлѣбъ горекъ.
— Оддай, пане, Каляду,
— Ўжо я одъ цебе пойду. —

86

Пошла Коляда колядуючы
Да за ею хлопчыки жебруючы.
Коляда!
Пошла Коляда по леду,
Разсыпала Коляду.
А вы, дзѣвочки, не гуляйце,
Да йдзице Коляду побирайце.
Коляда!

87

Вечеръ, вечеръ, вечерынечка,
Хто тамъ ѣдзе? Баранинечка.
Ѣдзе Андрейко пьяны:
„Одчыни, Кацерынко, я твой коханы."
— Не одчынюсе, брата боюсе,
— А прецизў цебе сама лисцемъ сцелюсе. —

88

Прiѣхала Коляда на сивымъ конику,
Поставила коника ў одрынцѣ,
Сама сѣла на куцѣ ў перынцѣ,
Постаўляла дудечки на стоўпѣ:
— Грайце, дудечки, голосьно,
— Скачыце, дзѣвочки, хорошо. —

(Всѣ четыре (№№ 83, 84, 85 и 86) изъ сборника Яна Чечота: Piosnki wiesniacze znad Niemna i Dzwiny etc. Wilno. 1846, стр. 8—9.

89

(Лепельскаго у., м. Чашники)

Ѣхала Коляда ў чарвономъ возочку,
Коляда, Коляда! *)
Ў чарвономъ возочку, на сивымъ конечку,
Возила килбасы ў рашецѣ.
Ишла свиньня по ляду, ляду,
Разсыпала Коляду, Коляду.
А вы, дзѣточки, ня гуляйце,
Килбасы подбирайце!
(Зап. мною отъ Марьи Котвевичовны.)

90

Ходзили да гуляли колядоўщики.
Коляда, Коляда! **)
Да пыталися яны до богатого двора:
Богатый дворъ, злѣзный тынъ,
Злѣзный тынъ, мядяны воротци,
Защепочка точеная, позолоченая.
Якъ стукъ-постукъ подъ вокошечко Ивану:
— Чи спишь, чи ляжишь, пане Иване?
— Коли жь ты спишь, такъ спи здороў,
— А ня спишь же—поглядзи ў вокно:
— Што на твоимъ дворѣ дзѣецца?
— Стоиць царомъ выше хоромъ,
— Ды у томъ царемѣ три вокошечка,
— Три вокошечка спекляныя.
— Ў першимъ вокнѣ ясенъ мѣсяцъ,
— Ў другимъ вокнѣ ясно соўнце,
— Ў трецщимъ вокнѣ дробны звѣзды,
— Ясенъ мѣсяцъ—панъ Иванъ.
— Красно соўнце—яго жана.
— Дробны звѣзды—яго дзѣтки.
— Иваничка дома нѣтуци.

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.
**) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

— Поѣхаў ёнъ ў Сибиръ городъ,
— Ў Сибиръ городъ суды судзиць,
— Суды судзиць, пирасуживаць.
— Отъ суду бяруць по сто рублеў,
— Отъ пирасуду по тысячи.
— Приѣхаў ёнъ ў Сибиръ городъ,
— Покупляў-жа ёнъ гостиничики.
— Купиў сабѣ золотъ персцень,
— Золотъ персцень на праву руку,
— На праву руку, на мезинный пальчикъ.
— А жанѣ купиў куппю шубу.
— Кунию шубу, боброў коўнеръ,
— Кунию шубу по пятухны,
— Боброў коўнеръ по плечухны.
— А сыночкамъ по конику.
— По конику по вороненькимъ.
— А дочушкамъ по вѣнчику по пярловому.
— А нявѣсткамъ по чепчику шоўкоўму.
— Приѣхаў ёнъ къ синему мору,
— Для синяго мора нема пираѣзду:
— Нема пираѣзду, нима пираходу:
— Шагнуў, махнуў правой ручкой
— Зрониў ёнъ золотъ персцень.
— Рыболовщики мои милые,
— Закиньце шоўкоў неводъ,
— Поймайце жь мой золотъ персцень.
— Закинули яны шоўкоў неводъ,
— Не поймали яны золотъ персцень,
— Да поймали яны три рыбинки.
— Три рыбинки, три окунечки.
— Одзинъ окунь по сто рублей,
— Другій окунь по тысячи,
— Трецциму окуню цаны нѣтуци,
— Яму цана на талеречки,
— На талеречки, на блюдочки.
— А ну, барждзѣй ни баў госцей.
— Миханошу копу грошу

— Подхватничкамъ чарка горѣлки,
— Чарка горѣлки, килбаса на тарелки,
— Починальничку чирвонъ злотый,
— Отъ кошечки сала крошечки,
— Отъ кирлуки чверта полоўки,
— Отъ коника бочки соли,
— Отъ овечки рашето грецки,
— Отъ свинки шротъ солонинки. —
(Сообщ. штатн. смотрителемъ Небогинымъ.)

91

(Дисненскій у.)

Ишли-пошли колядоўщички —
Колядай Коляда!
Колядуючи, гуляючи —
Колядай, Коляда! *)
Богатаго дома шукаючи
Слаўнаго пана Иванька.
— Слаўный пане Иванька!
— Ци спишь лячишь,
— Ци отпочиваешь?
— Ци ў пярыни, ци ў пуховой,
— Ци ў крываци, ци у чисовой,
— Ци зъ жаною молодою,
— Ци зъ дзѣтками маленьками?
— Коли спишь—Богъ зъ тобою,
— Коли ня спйшь—моў со мною.
— Ўстань рано, ўмыйся бѣла,
— Отчини воконца на ўсходъ соўнца,
— Глянь на свой дворъ:
— Ў твоемъ дворку якъ ў вянку,—
— Ўвесь тыномъ тынинъ,
— Тыномъ тынинъ, ўсё жалѣзнымъ,
— Вороцитки ўсё золотые,
— Вернички ўсё мидзяные,
— Замочки *витраные* *),

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.
**) Не „нутраные" ли?

— Подворотница—рыббя косточка.
— Иване слаўный пане!
— Ў твоемъ дворку якъ ў вянку:
— Пяць царамоў зъ прицяромками.
— Ў воднымъ цяраму—ясенъ мѣсяць,
— А ў другимъ цяраму—ясна зорушка,
— Ў треццимъ цяраму—буйны вѣтры,
— А ў чатвертымъ цяраму—дробны звѣзды;
— Да ў пятымъ цяраму—ясны зоры.
— Ясны зори, ясно соўнца,
— Ясенъ мѣсяцъ—самъ Иванька,
— Ясна зора—яго жонка,
— Буйны вѣтры—яго сыны,
— Дробны звѣзды—яго цурки,
— Ясны зоры—яго нявѣстки.
— Ивана жана разумная
— Отвѣтила, отмолвила:
— Ивана самого дома нѣту,
— Дома нѣту, ў дорози,
— Поѣхаў ёнъ ў Сибиръ горо ъ,
— Суды судзиць, раду радзиць,
— За судъ бярець сто рублей,
— А за раду двѣ тысячи.
— Ёнъ шлець домоў гостинчики:
— Молодой жанѣ окунёву шубу,
— Окунёву шубу до долу,
— Бброоў коўнеръ до поясъ,
— Своимъ сынамъ по коничку по ворончнькимъ,
— По сядзѣльцу по золотымъ,
— Ды цуркамъ по вѣнчику по пярлоўму,
— Нявѣсткамъ по чепчику по бѣляеўому.
— Иванъ слаўный пане!
— Повярнуў самъ домоў
— Чиразъ мора чиразъ спиня,
— Шагнуў, махнуў на коника,
— Правой ручкой, римяной плёткою,
— Уронину золоты перецень

— Зъ правой руки, зъ мидзяного пальца,
— Пріѣхаў самъ домоў,
— Разсказаў молодой жанѣ
— Ўсѣ прилуки, ўсѣ причины.
— Ивана жана разумна:
— Якъ ўзяла шоўкоў неводъ,
— Закинула чиразъ мора чиразъ синя,
— Ня уловила золотого перстня,
— Ды уловила трёхъ окунёў,
— Ды повязла на торжокъ,
— Разнымъ торгомъ торговала
— Трёхъ окунёў продавала:
— За водного сто рублей,
— За другова двѣ тысячи,
— А треццему цаны нѣтъ,
— Яму цана—Государь-Москва.
— У Ивана на столику,
— На талеронци яго жана поварачиваиць,
— Золотой казной потрахиваиць.
— Иване слаўный пане!
— Ци ў слыхъ табѣ наша пѣсня?
— Коли ў слыхъ—дары госцей,
— Дары госцей, ни баў бардзѣй:
— Мы госци ни частые,
— Колядные, ўгодные,
— Наши дары ня вялики,
— Яны ў дзвери ня полѣзуць,
— Презъ окошко подайця.
— По полю вѣтры вѣюць,
— Колядоўщикамъ ноги млѣюць,
— Иване, слаўный пане!
— Мосци кладку—проси госцей ў хатку.

(Сообщ. свящ. Усаковскій).

92

(Лепельскаго у. Тяпинская волость)

За мхомъ, за мхомъ, за болотичкомъ
Калида!
Зялёная жабка кросны ткала
Калида! *)
А пришоў-жа къ ней чорный арачикъ:
— Богъ помочь табѣ, зялёная жабка! —
„Дзякуй табѣ, чорный арачикъ!"
— Цябе, зялёная жабка колёсами затруць. —
„А цябе, чорный арачикъ, попы зъядуць,
„На тарелочкахъ, на видэличкахъ разнясуць."

(Зап. волостной писарь К. Шимковичъ. Доставлено мировымъ посредникомъ М. Ѳ. Созоновымъ.)

93

(Тамъ же)

Вы колядыньки мое нѣжинки!
До корчомуньки биты сцежуньки,
Вы колядыньки на дубъ, на дубъ,
А мужикъ жонцѣ ня любъ, ня любъ.
А вы, колядынинькн, проше отъ насъ,
А вы, мясьнички, проше къ намъ.

(Записано тѣмъ же.)

94

(Тамъ же)

На Богатую Коляду — Васильевъ вечеръ (канунъ новаго года) поютъ малые ребята:

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ
Ци дома, дома самъ господаръ?
Сядзиць сабѣ на куцѣ,
На имъ шуба соболёва.
Што въ тэй шубѣ?
Три калитэчки,
Три шеляжечки.
Ў поли да ў поли

*) Послѣ каждаго стиха повторяется припѣвъ „Калида"

Плуги плывуць,
Пречиста Маци
Ѣсци носиць
И Бога просиць:
Зародзи, Божа, жито и пшаницу
И ўсякую пашницу,

Богу на свѣчку,
Намъ на пирапечку,
Богу—полушка,
А намъ—цялушка.
Богу—шеляжокъ,
А намъ—пирожокъ.

(Записано тѣмъ же).

95

Привожу записанную мною отъ М. Коткевичовны, въ Чашникахъ, колядную игру:

„Дзѣуки и мальцы стануць у рядъ, одзинъ малецъ сядзецъ на палкѣ верхомъ, подъѣзжаць къ одной изъ дзѣвокъ и пяецъ:

Я ѣду бѣлъ молодзецъ,
Я ѣду бѣленькій.
Жанициея, дзѣвочки,
Жанициея, красныя!

„Дзѣуки яму отпѣюць:

Коли ты бѣлъ молодзецъ,
Коли ты бѣленькій,
Гдзѣ твоя матынка?
Гдзѣ твоя родная?

„Малецъ кланяицца, показаиць на яё и пѣецъ:

Вотъ моя матынка!
Вотъ моя родная!

„Енъ подъѣзжаиць къ мальцу и пѣецъ яму, што и дзѣукѣ пѣлъ (первые стиха).

„Малецъ:

Гдзѣ твой бациныка,
Гдзѣ твой родненькій?

„Енъ кланяицца другому и показаиць на яё и отвѣчаиць:

Вотъ мой бациныка,
Вотъ мой родненькій!

„Наконецъ яго пытаюць:

Гдзѣ твоя дзѣвонька,
Гдзѣ твоя милая?

— Вотъ моя дзѣвонька,
— Вотъ моя милая!

„Тутъ усѣ становяць у кругъ и ёнъ вводзиць туда свою милую.“

96

(Лепельскаго у., село Апанасковичи)

Сивая свиньня ў лѣсъ пошла,
Калида!
Споткалася съ сивымъ воўкомъ,
Калида! *)
„Сивая свиньня, куда идзешь?“
— Сивый воўчокъ! кореньня копаць,
— Кореньня копаць, жалуды ѣсць. —
„Сивая свиньня! и я съ тобой.“
— Сивый воўчокъ хохочацца,
— А мнѣ съ табой ня хочацца. —
„Сивая свиньня! посядзимъ съ табой“.
— Сивый воўчокъ! якъ съ табой посяжу,
— Жизнь свою рашу:
— Быць моей шерстоцы растрисанной,
— Быць моимъ косточкамъ разнесинным. —
Якъ сѣў, посядзѣў, воўкъ свиньню заѣў,
Шерсточку растрёсъ, косточки разнесъ.
Млада Рузалька ў садъ пошла,
Споткалась съ бѣлымъ молойцомъ,
„Млада Рузалька! куды идзешь?
— Бѣлый молодзецъ! ў садъ пойду. —
„Млада Рузалька! и я съ тобой.“
— Бѣлый молодзецъ хохочацца,
— А мнѣ съ табой ня хочацца:
— Быць моимъ косочкамъ расплецинымъ,
— По бѣлымъ плечамъ растрепаннымъ. —

(Зап. воспитанницею Витебскаго духовнаго училища Ольгою Котырло.)

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

97

Ў Левона куцью тоўкуць:
Куць, куць! да куцью тоўкуць.
Ў Левона вороты завѣшены
Сукномъ, сукномъ, червоною китайкою.
Ў середу снѣгъ напаў,
А мой милы съ коня спаў;
Якъ спаў, такъ и лежиць,
Покуль мила прибѣжиць.
А якъ мила прибѣжала,
За рученьку подзержала.
— Ўстань, милы, не лежы,
— Подзи коня привяжи. —
„Сивы коню сивы, малеваны санки,
„Якъ сяду, то поѣду до своей коханки;
„Да ў моей коханки смаляныя лаўки,
„Якъ сѣў—такъ и прикипѣў“.

98

Да ѣхаў я, ѣхаў, Коляда!
Мимо гай зелёны, Коляда! *)
Мимо садъ вишнёвы,
Да бачыў я яблоньку,
Зелёненко цвила
Да бѣлымъ цвѣтомъ,
Да широкимъ лисцемъ.
Яжъ яё не зачепаў,
За галинку не браў,
Да чекаў я весны
Да цёплаго лѣцечка.
Кабъ яна позрѣла
И мнѣ молодому поспѣла.
Ѣхаў я молодзенекъ
Мимо цесьця двора,
Да бачыў дзѣвечку
Хорошенько убрана,
По двору походзае.
Яжъ яё не зачепаў,
И за ручку не браў.
Кабъ яна вырасла,
Да за мене пошла.

99

„Ой стукъ, матка, стукъ,
„Што то ено тутъ:
„Чы хто стреху разрывае?
„Чы хатыньку верне?“

*) Припѣвъ „коляда“ повторяется послѣ каждаго стиха.

— Цихо, сынку, морозъ стучыць.
— Калядуньку голосиць;
— Будуць блинцы и каўбасы
— Горѣлечка зъ мёдомъ.
— Пойдземъ, сынку, до сусѣда
— Пѣсеньку спѣваци;
— Ой ў той часъ ты забудзешь,
— Што стучело ў хаци.—
„Чи той морозъ, моя матко,
„Ў сусѣди не бывае?
„То я цеперъ да побѣгу
„Пѣсеньку спѣваци."
Нехай, сынко, почекаёмъ
— Бѣленькаго свѣту,
— Ў той часъ будзе пора спѣваць
— Што Богъ народзиўсе,
— А ты, бѣдны да мой сынку,
— Ў той дзень одговѣўсе.

100

Да казаў хмѣлёкъ да на тычки идучы:
Чему мене да не брали?
Да казаў хмѣлёкъ да посыхаючы:
Чему мене да не ховали?
Ўжо жъ вы мене цеперъ не возьмеце,
Ўжо жъ вы мене да не сховаеце
Ани ў бѣлые мѣшечки,
Ани ў дубовые судзинычки,
Ўжо жъ я раскачусе,
Ўжо жъ я да разсыплюсе.
Да казаў Казусько, да выходзечы съ хатки:
Чему мене ў осень не женили?
Ўжо жъ вы мене цеперъ не удзержице,
Ўжо жъ вы мене цеперъ не угледзице,
Ани ў бѣлой сирмяжцѣ,
Ани ў новой хатцѣ;
Пойду жъ я мандруючы
Сабѣ дзѣвоньки шукаючы.

(Всѣ четыре изъ сборника Яна Чечота: Piosnki wiesniacze 1846. стр. 6).

101

(Быховскій у.)

А подъ нашимъ сяломъ надъ слобадою
Стояли, свяцили мѣсячки чатыры:
Первый мѣсичка — маладый Василька,

Другэй мѣсичка—маладый Паўлючокъ,
Треци мѣсичка—малады Захарка,
Чатвёртый мѣсичка—малады Иванька.
Надъ нашимъ сяломъ надъ слободою
Стояли свяцили зорычки чатыры:
Первая зорка—молода Таццянка,
Другая зорка—молодая Дарьичка,
Трецiя зорка—молодая Марьюшка,
Чатвёртая зорка—молодая Хоўрочка.
Таццянка зорка—Васильку жонка,
Дарьичка зорка—Паўлючку жонка,
Марьюшка зорка—Захарку жонка,
Хоўричка зорка—Иваньку жонка.

(Зап. А. Ф. Лисовская.)

102

(Лепельскаго у., м. Чашники)

Иваньку попоў
Па вадзицу пашоў,
Молодзицу нашоў.
Ў Царешки бѣда стала,
Съ кѣмъ яго жана спала,
Подъ гаемъ зелененькимъ,
Съ молойцомъ молодзенькимъ?
А ты-жъ мой дзѣцичка,
А ты-жъ мой лебедзичка,
Посядзи ты ў кутку,
Покуль я кросну вытку,
Отрѣжу кошулечку
Тонко-тонюсеньку
Бѣло-бѣлюсеньку;
Будземъ женицся,
Будземъ вяселицися,
Пива нагонимъ
И госцей назовемъ!

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

103

(Быховскiй у.)

Налядѣли соколы зъ стороны,
Сѣли-пали на домикѣ на дворѣ,
Крылушками ўвесь дворъ размяли,
Воценьками ў святлицаньку свяцили,
Голосоцками ўдовушку ўзбудзили:

— Ўстань, ўстань, ўдовушка-ўдова
— Ўстань, ўстань, побѣдная голова,
— Выйдзи, выйдзи за новыя вороты,
— Прилягъ, прилягъ къ сырой зямли,
— Ци шумиць дубравонька зеляна,
— Ци стогниць дорожинька широка?—
„Ўжо ѣдуць козациньки со войны,
„Мойго дружка тольки лошадки вядуць,
„На лошадзи сядзѣлюшка щирая,
„На сядзѣльцу рубашичка тонкая,
„Тонка бѣла, ўся кроўю ўскипѣла.
„А мнѣ молодой ў приказѣ было,
„Штобъ я безъ воды была вымата бѣла,
„Штобъ безъ солнца суха высушена была,
„Штобъ безъ каталки гладка выкатана была.
„А я млада догадлива была:
„Вымыла я горучими слезами,
„Высушила кручиною-печалью,
„Выкатала рацивымъ серцемъ!
„Вотъ я теперь ўдовушка-ўдова,
„Ўдовушка-ўдова, побѣдная голова!"
(Зап. А. Ф. Лисовская).

Въ Себежскомъ уѣздѣ, Витебской губерніи, коляда празднуется слѣдующимъ образомъ:

Послѣдній день Филиппова поста или канунъ праздника Рождества Христова называется *колядою*. Почему названіе коляды усвоено этому дню и что оно собственно обозначаетъ—рѣшить трудно. По мѣстной народной филологіи, слово „коляда" означаетъ просьбу.

Празднованіе *коляды* начинается вечеромъ. Въ числѣ необходимыхъ приготовленій къ встрѣчѣ ея и праздника Рождества Христова, считается хожденіе въ баню. Когда всѣ явятся въ благовидной чистотѣ, хозяйка накрываетъ для ужина столъ и кладетъ подъ скатерть сѣно, въ воспоминаніе рожденія Спасителя въ ясляхъ, а хозяинъ зажигаетъ передъ образами свѣчи. По призыву его, всѣ подходятъ къ иконамъ и молятся, потомъ садятся за столъ

и прежде всего ѣдятъ кутью, въ воспоминаніе и чествованіе умершихъ. Какъ только съѣдятъ нѣсколько ложекъ кутьи, хозяинъ зоветъ морозъ, въ честь котораго кладетъ ложку кутьи на окно. Къ морозу онъ обращаетъ такую рѣчь: „морозъ, морозъ! поди къ намъ кутью ѣсть, зимой приходзи, а лѣтомъ не ходзи, подъ гнилой колодой лежи, нашего хлѣба не морози: ни гороху, ни овса, ни жита (ячменя)“. Попотчивавъ морозъ, продолжаютъ ѣсть овсяный кисель, варенные грибы, топленую *) рыбу, толокно и блины. Во время ужина являются подъ окнами колядовщики и, въ честь хозяевъ а также и для собственной поживы, поютъ:

Пришла Коляда
Накануне Рождества.
Коляда, Коляда!
Виноградная, красная, зеленая
(Слѣдуетъ припѣвъ)
Мы ходзили, гуляли, колядовщицки,
Приходзили, пригуляли
Къ господарскому двору.
Господарскій дворъ
На семи столбахъ
На восьми столбахъ.
Столбы тоценые,
Позолоценые.
А на самомъ дворѣ
Стояць три церема.
Какъ во первомъ церему
Усѣло солнышко,
Въ другомъ церему —
Свѣцелъ мѣсяцъ.
А во трецьемъ церему —
Цасты звѣздушки.
Цепло солнышко —
Хозяюшка въ дому,
Цеплый мѣсяцъ —
То хозяинъ самъ,
Цасты звѣздушки —
Малы дзѣтушки.
Какъ поѣхалъ нашъ хозяинъ
Въ Новгородъ,
Закупалъ нашъ хозяинъ
Подароцковъ:
Молодой хозяюшкѣ —
Кунью шубушку,
А сынкамъ —
По сапожицкамъ,
А дочушкамъ —
По сермяжицкамъ.

Послѣ этой пѣсни колядовщики обращаются къ хозяину съ такой просьбой:

Хозяюшка,
Нашъ батюшка!
Подари гостей,
Колядовщиковъ,
Съ клѣти рѣшетомъ,
Съ пецки пирогомъ.
Подай колбасу
Я въ зубахъ понесу.

*) Рыба, приготовленная съ малымъ количествомъ воды и въ закрытомъ сосудѣ.

По окончаніи ужина, хозяинъ и хозяйка вытягиваютъ изъ-подъ скатерти стебельки сѣна и по нимъ угадываютъ ростъ сѣна въ будущее лѣто. Если попадется подъ руку стебелекъ длинный — лёнъ выростетъ большой, если малый—то будетъ не великъ.

Весь колядный день проводится весьма чинно. Всѣ радуются наступившему празднику; но въ особенности съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его дѣвушки, потому что для нихъ настаетъ время допрошать судьбу о своемъ будущемъ, гадать о своихъ суженыхъ-ряженыхъ. Гаданіе ихъ начинается еще съ самой коляды. Такъ, нѣкоторыя изъ нихъ, бывъ еще въ банѣ, выходятъ голыя и катаются по снѣгу, и потомъ на-завтра смотрятъ, какъ вѣрно вышелъ ихъ отпечатокъ. Если отпечатокъ не гладкій, съ продольными или поперечными полосами, значитъ мужъ будетъ придирчивый. Другія, подметя избу выносятъ соръ на улицу и слушаютъ. въ которой сторонѣ залаютъ собаки: откуда послышится лай, тамъ и придется быть за мужемъ. Третьи ставятъ стаканъ или ложку на окно съ водою: если въ теченіе ночи вода останется цѣла — признакъ, что мужъ будетъ трезвый, а если прольется, то будетъ пьяница. Иныя гадаютъ еще такъ: берутъ пучокъ соломы и ищутъ, не найдется ли въ немъ хоть одного колоса съ зерномъ; если такой колосъ отыщется, то замужняя жизнь пройдетъ въ довольствѣ, а если нѣтъ, то въ бѣдности и пр. и пр.

Въ коляду, по окончаніи ужина, ложатся спать рано и встаютъ съ пѣніемъ перваго пѣтуха. Это дѣлается сколько для того, чтобы успѣть съ приготовленіями къ празднику, столько и по повѣрью: кто въ Рождество раньше встанетъ, у того работа будетъ спорнѣе. Не ложатся спать въ эту ночь однѣ хозяйки: онѣ послѣ ужина затапливаютъ печь и приготовляютъ обѣдъ, который состоитъ изъ студеня, колбасъ, похлёбки, каши и киселя съ молокомъ. Когда приготовленія къ столу окончены, хозяинъ, а съ нимъ и другіе, болѣе взрослые изъ семьи, наряжаются въ лучшія одежды и отправляются въ церковь; затѣмъ, возвратившись домой, разговляются, послѣ этого отдыхаютъ, а вечеромъ молодежь со всей деревни, запасшись скрипками и гармониками, отправляется къ тѣмъ хозяевамъ, у которыхъ избы попросторнѣе, и проводитъ время въ пляскѣ, играхъ и пѣніи слѣдующихъ пѣсень:

— Зацымъ ходзишь Холимонъ,
— Холимоновъ большій братъ?—
„Хожу дзѣвушекъ смотрѣць,
„Хожу красныхъ любовацъ:
„Которая любая, которая хороша —
„За себя за мужъ возьму.“
— А мы дзѣвку не отдадзимъ! —
„А мы силушкой возьмемъ,
„Съ похвалы дзѣвку поведземъ!“

Посреди избы ставятъ скамейку, на нее садится молодой мужчина, котораго называютъ „ящуромъ“. Дѣвушки, взявшись за руку, ходятъ вокругъ скамьи и поютъ:

Сиди, сиди, ящуръ
Ладу, ладу!
Въ орѣховомъ кусцѣ.
Ладу, ладу! *)
Въ зеленомъ капусцѣ,
Въ липовомъ слицѣ.
Дакуль табѣ сидзѣци?
Пора табѣ женитца.
Ково́ табѣ браци:
Старую бабу,
Аль молодзицу,
Аль красну дзѣвицу?
Цымъ цябе дарици:
Шолковымъ платоцкомъ,
Аль поясоцкомъ,
Аль съ руки перстяноцкомъ? **)

Послѣ этого молодухи (замужнія женщины) и дѣвушки несутъ ящура на лавку; онъ заставляетъ ихъ плясать: кто исполнитъ его желаніе, получаетъ отъ него подарокъ и поцѣлуй.

Сажаютъ молодаго парня на скамью, посреди избы, и, указывая на него, поютъ:

О, горе мое, гореванье
Съ этимъ старымъ старикомъ
Съ доморощиницкомъ!
Ёнъ нашеньки не паша,

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

**) Варіантъ:
Ляцѣу ящеръ
Ладу, ладу!
Сѣу сproducedъ города.
Ладу, ладу! (Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха)
У гороховомъ вянку
Енъ горошекъ точиць,
Жаницьца хочецъ.
Жанись, жанись ящеръ!
Возьми сабѣ ланку,
Якую хочешь.
Возьми сабѣ Кацерину,
За бѣлую ручку,
За золоты перецень.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны въ Чашникахъ.)

Со мной молодой не пляша.
И не любя старицокъ
Ни сѣяць, ни пахаць;
Только любя старицокъ
Горѣлоцку, табацокъ.
Старикъ, пойдземъ ляда сѣць?
Не могу.
О, горе мое, гореванье
Съ этимъ старымъ старикомъ!
Старикъ, пойдземъ сѣяць?
Не могу.
О, горе мое, гореванье
Съ этимъ старымъ старикомъ!
Старикъ, пойдземъ жаць?
Не могу.
(Слѣдуетъ припѣвъ).
Старикъ, пойдземъ съ поля убпраць?
Не могу.
Старикъ, пойдземъ рей *) садзиць?
Не могу.
Старикъ, пойдземъ молоциць?
Не могу.
О, горе мое, гореванье
Съ этимъ старымъ старикомъ!
Старикъ, пойдземъ пиво пиць?
Ищи корецъ большой.

При окончаніи этой пѣсни, дѣвушки и молодухи сидящаго на скамьѣ парня бьютъ жгутомъ, свитымъ изъ платковъ и полотенцевъ, и онъ убѣгаетъ.

Ахъ вы, кумушки, голубушки!
Не знаеце вы про то, не вѣдаеце,
Что мой мужъ рыболовъ,
И ёнъ рыбу ловиць,
Рыбу свѣженькую,
Свѣжеваценькую.
Какъ поймалъ ёнъ лунька,
Лунька маленькаго.
Лунекъ маленькій,
Невелиценькій.
Какъ припалъ, припалъ лунекъ,
Лунекъ маленькій,
Невелиценькій,
Круглолиценькій;
Сталъ оглаживаться,
Охорашиваться.
И ёнъ ноженьку процяня
И рукой замахне
По головушкѣ подроца
И съ другой стороны
Какъ вскочилъ, вскочилъ лунекъ,
Вскочилъ маленькій,
Невелиценькій,
Круглолиценькій.
Какъ пошелъ тотъ лунекъ
И скакаць и плясаць,
Красныхъ дзѣвокъ выбпраць:
Которую полюблю,
За себя за мужъ возьму;
Которую не люблю —
Съ хоровода вонъ возьму.

По окончаніи этой пѣсни молодой парень, выбранный заранѣе лунькомъ, подбѣгаетъ къ дѣвушкѣ, которая болѣе ему нравится, и цѣлуетъ ее, а ту, къ которой онъ имѣетъ какую-либо претен-

*) Вѣроятно опечатка вмѣсто слова: „рой“.

зію, выпихиваетъ вонъ изъ круга или хоровода. Все это, конечно, сопровождается веселостью и смѣхомъ.

Ласая, жирная коляда.—Такое названіе носитъ въ Себежскомъ уѣздѣ канунъ новаго года. День этотъ не сопровождается ни увеселеніями, ни гаданьемъ, ни пѣніемъ пѣсней. Отличіе отъ другихъ дней состоитъ только въ томъ, что вечеромъ, во время ужина, во всѣхъ домахъ ѣдятъ свиныя головы. Это дѣлается по повѣрью, что кому случится заблудиться въ лѣсу, нужно только вспомнить, что онъ ѣлъ свиную голову въ Васильевъ вечеръ, и онъ тотчасъ найдетъ себѣ дорогу.

Коляда Крещенская, постная. — День этотъ имѣетъ ту особенность, что ввечеру, передъ ужиномъ, женщины чешутъ ленъ, для того, чтобы телята водились гладкіе. Въ самый же день Крещенія, нѣкоторые смѣльчаки, часто посѣщавшіе игрища, маскировавшіеся или, по мѣстному выраженію, чудившіе, послѣ освященія воды, купаются въ прорубяхъ, въ убѣжденіи, что чрезъ это они очищаются отъ грѣховъ.

(Извлечено изъ статьи Ѳ. Серебренникова „О народныхъ праздникахъ Себежскаго уѣзда“, помѣщ. въ Памятной книжкѣ Витебской губ. за 1867 г., изд. Витебск. стат. ком. подъ ред. А. М. Сементовскаго. Годъ 4-й).

Рацеи или рѣчи.

При поздравленіи съ праздникомъ Рождества Христова.

104

(*Лепельскій у.*)

Возсіявый надъ сонце въ вертепѣ нынѣ,
Іисусъ мой возлежитъ въ яслехъ на сѣнѣ
И зимно терпитъ, Сотворитель дрыжитъ,
Который въ рукахъ свѣтъ держитъ.
Солнце, мѣсяцъ и звѣзды просвѣщаютъ,
Гори, холми и моря радостно играютъ,
Поля, дубравы чтутъ Царя Славы,
Бо вся суть Его державы.

И вси человѣцы отъ радости скачуть,
Сами злые духи жалостно плачуть,
Что Богъ и Моцарь—всего свѣта Царь!
Радуйся Аароне, Божій человѣкъ!
Отъ твоего жезла цвѣтъ красный произниче.
Прилично бы ти зъ нами жити,
Бога въ плоти славити.
Ты, Іессею, къ Богу воздохнулъ
И отъ суха кореня жезлъ твой не усохнулъ.
Богъ и Мессія исполни сія,
Отъ чреслъ бо твоихъ просія.
Въ гусли весела брацай, пророче Давыдзе!
Отъ плода твоего Царь на свѣтъ произыдзе,
Въ немъ сія водворить, враги покорить,
На вѣчный престолъ ускорить.
Пречистая Марія! Радости причина!
Испроси намъ благодать у Твоего Сына
Мирно пожити а въ небѣ быти
И Тя съ Богомъ пѣти.
(Записано учителемъ Коптевичевскаго училища г. Преображенскимъ.)

105

(Тамъ же)

Новая радость стала, яка не бывала,
Надъ вертепомъ звѣзда ясно, свѣтло возсіяла,
Гдѣ Христосъ родился, изъ Дѣвы воплотился,
Якъ человѣкъ пеленами повился.
Ангели спѣвають, слава восклицають,
На небеси и на земли покой возглашають.
Давидъ выграваетъ, у гусли ударяеть,
Мелодійне и предивне Бога выявляеть.
И мы тожъ вспѣвали, Христа прославляли,
Изъ Маріи рожденнаго смиренно.
Просимъ Тя, Царю Небовладыку!
Даруй лѣта счастливы сему господару
Въ мирѣ проводити
И зъ Тобою Сотворителемъ во вѣки вѣковъ жити.
(Зап. тѣмъ же.)

106

(*Тамъ же*)

Рцы намъ Маріе: что есть чудо сіе?
Что рождаешь Отроча безъ пожитей житейскихъ
И родивши полагаешь Его въ яслехъ скотскихъ.
Сей міру жонданный, Емануилъ званный,
Вмѣстился въ утробѣ моей Невмѣстимый
И родился якъ хотѣлъ Богъ Непостижимый,
Рождеству дивился, купно поклонился,
Бо изъ неба испустился, человѣче, для тебе,
Хотя жь тя посадити одесную себе.
За звѣздою тріе пришли странни Царіе,
И пришедши къ вертепу предъ Нимъ упадали,
Ливанъ, смирну и злато Ему покладали,
Ангели соспѣвали, пастыри славили,
И мы съ нимъ яко Творца восхваляемъ Его,
А Онъ даетъ намъ жить въ себе, у Отца своего.

(Зап. тѣмъ же.)

107

(*Тамъ же*)

Предъ лѣты родился подъ лѣты,
Хотя землю просвѣти Ты,
Да насъ отъ тьмы возведеть
И къ свѣту заблудшихъ приведеть.
Новое лѣто зачинаеть,
Новый Царь Царя низлагаеть,
У Бога ся родилъ,
Бога того заслужилъ,
Гдѣ Сына породила Панна,
Падаетъ въ Ефесѣ Діанна.
Познай Бога храмино!
Привыкай, Панно, повивати.
Содѣтеля своего знають нашого быдлята,
Полнота мѣсячная была,
Гдѣ Панна сына родила.

. . . .
. . . .
. . . .

А звѣзда принудила Цари
Спѣши ты къ вертепу съ дары.
Витали пастыріе,
Посемъ знашли Царіе,
Ирода лживо оставили
И инимъ путемъ возвратили[сь],
Радуются неложно,
Что ходили неприложно.
А Иродъ зъ того засмутился,
Что Христосъ Господь народился,
Казалъ Его искати:
По всей земли пытати.
Иридіане всѣ смутятся,
Въ Египтѣ болваны крушатся.
Ангелъ во снѣ сказуеть,
Что же Иродъ готуеть.
Пойми, Іосифе, Панну,
Въ Египетъ твори стезю странну,
Даже враги погибнутъ
И кончину воспріимутъ.
Ироду не уподобимся,
Вѣрніи Христу поклонимся,
Бо насъ грѣховъ захо̀валъ
И намъ царство даро̀валъ.

(Зап. тѣмъ же.)

108

(*Невель*)

Пропали всѣ часы и годы,
Въ которые бѣсы торжествовали, какъ народы,
Оставивъ отцемъ нашъ грѣхъ,
И за то пропали въ пропасть вѣчную какъ мѣхъ.
Нынѣ же всѣмъ врата небесныя отворены
И отъ насъ всѣ бѣдствія отдалены,—

Потому что нынѣ родился предвѣчный Богъ,
Который сотретъ демону острѣйшій рогъ,
Чтобы чрезъ предѣлъ къ намъ не леталъ
И души праведныя во тьму не затворялъ.
Но Христосъ выводитъ эти души изъ тьмы и даетъ свободу,
Глася слово спасенія всему народу.
За то здѣсь слышимъ всемірны клики
И на христіанахъ торжественны лики.
Не могъ умолчать сей радости предъ вами
И пришелъ поздравить сими словами.
Да дастъ Господь вамъ много лѣтъ,
И хранитъ васъ отъ всякихъ бѣдъ!
Чего душевно я желаю,
И васъ съ праздникомъ поздравляю,
Съ Рождествомъ Христовымъ!

(Зап. гимназ. Д. Жучинскимъ.)

109

(*Тамъ же*)

Когда Іисусъ Христосъ народился,
Тогда царь Іудейскій смутился.
Я изъ вышъ (?) поклонился.
Ахъ ты Ироде безумный!
Ахъ ты роде проклятый!
Чего ты не сочинилъ,
Около пяти сотъ младенцевъ погубилъ.
За то тебя повинуютъ,
Что ты Іисуса Христа загубилъ.
День свѣтлѣйшій,
Господа честнѣйшіе!
Честь имѣю съ праздникомъ поздравить.

(Зап. тотъ же.)

110

(*Тамъ же*)

Когда Іисусъ Христосъ народился,
Тогда Іудейскій царь смутился.

И вси человѣцы отъ радости скачуть,
Сами злые духи жалостно плачуть,
Что Богъ и Моцарь—всего свѣта Царь!
Радуйся Аароне, Божій человѣкъ!
Отъ твоего жезла цвѣтъ красный произниче.
Прилично бы ти зъ нами жити,
Бога въ плоти славити.
Ты, Іессею, къ Богу воздохнулъ
И отъ суха кореня жезлъ твой не усохнулъ.
Богъ и Мессія исполни сія,
Отъ чреслъ бо твоихъ просія.
Въ гусли весела брацай, пророче Давыдзе!
Отъ плода твоего Царь на свѣтъ произыдзе,
Въ немъ сія водворить, враги покорить,
На вѣчный престолъ ускорить.
Пречистая Марія! Радости причина!
Испроси намъ благодать у Твоего Сына
Мирно пожити а въ небѣ быти
И Тя съ Богомъ пѣти.

(Записано учителемъ Коптевичевскаго училища г. Преображенскимъ.)

105

(Тамъ же)

Новая радость стала, яка не бывала,
Надъ вертепомъ звѣзда ясно, свѣтло возсіяла,
Гдѣ Христосъ родился, изъ Дѣвы воплотился,
Якъ человѣкъ пеленами повился.
Ангели спѣвають, слава восклицають,
На небеси и на земли покой возглашають.
Давидъ выграваетъ, у гусли ударяеть,
Мелодійне и предивне Бога выявляеть.
И мы тожъ вспѣвали, Христа прославляли,
Изъ Маріи рожденнаго смиренно.
Просимъ Тя, Царю Небовладыку!
Даруй лѣта счастливы сему господару
Въ мирѣ проводити
И зъ Тобою Сотворителемъ во вѣки вѣковъ жити.

(Зап. тѣмъ же.)

106

(*Тамъ же*)

Рцы намъ Маріе: что есть чудо сіе?
Что рождаешь Отроча безъ пожитей житейскихъ
И родивши полагаешь Его въ яслехъ скотскихъ.
Сей міру жонданный, Емануилъ званный,
Вмѣстился въ утробѣ моей Невмѣстимый
И родился якъ хотѣлъ Богъ Непостижимый,
Рождеству дивился, купно поклонился,
Бо изъ неба испустился, человѣче, для тебе,
Хотя жь тя посадити одесную себе.
За звѣздою тріе пришли странни Царіе,
И пришедши къ вертепу предъ Нимъ упадали,
Ливанъ, смирну и злато Ему покладали,
Ангели соспѣвали, пастыри славили,
И мы съ нимъ яко Творца восхваляемъ Его,
А Онъ даетъ намъ жить въ себе, у Отца своего.

(Зап. тѣмъ же.)

107

(*Тамъ же*)

Предъ лѣты родился подъ лѣты,
Хотя землю просвѣти Ты,
Да насъ отъ тьмы возведеть
И къ свѣту заблудшихъ приведеть.
Новое лѣто зачинаеть,
Новый Царь Царя низлагаеть,
У Бога ся родилъ,
Бога того заслужилъ,
Гдѣ Сына породила Панна,
Падаетъ въ Ефесѣ Діанна.
Познай Бога храмино!
Привыкай, Панно, повивати.
Содѣтеля своего знають нашого быдлята,
Полнота мѣсячная была,
Гдѣ Панна сына родила.

. . . .
. . . .
. . . .

А звѣзда принудила Цари
Спѣши ты къ вертепу съ дары.
Витали пастыріе,
Посемъ знашли Царіе.
Ирода лживо оставили
И инншмъ путемъ возвратили[сь].
Радуются нелолжно.
Что ходили неприложно.
А Продъ зъ того засмутился,
Что Христосъ Господь народился,
Казалъ Его искати:
По всей земли пытати.
Иридіане всѣ смутятся,
Въ Египтѣ болваны крушатся.
Ангелъ во снѣ сказуеть.
Что же Продъ готуеть.
Поймп, Іосифе, Панну,
Въ Египетъ твори стезю странну.
Даже враги погибнутъ
И кончину воспрінмутъ.
Ироду не уподобимся,
Вѣрніи Христу поклонимся,
Бо насъ грѣховъ заховалъ
И намъ царство даровалъ.

(Зап. тѣмъ же.)

108

(Невель)

Прошли всѣ часы и годы,
Въ которые бѣсы торжествовали, какъ народы,
Оставивъ отцемъ нашъ грѣхъ.
И за то пропали въ пропасть вѣчную какъ мѣхъ.
Нынѣ же всѣмъ врата небесныя отворены
И отъ насъ всѣ бѣдствія отдалены.—

Потому что нынѣ родился предвѣчный Богъ,
Который сотретъ демону острѣйшій рогъ,
Чтобы чрезъ предѣлъ къ намъ не леталъ
И души праведныя во тьму не затворялъ.
Но Христосъ выводитъ эти души изъ тьмы и даетъ свободу,
Глася слово спасенія всему народу.
За то здѣсь слышимъ всемірны клики
И на христіанахъ торжественны лики.
Не могъ умолчать сей радости предъ вами
И пришелъ поздравить сими словами.
Да дастъ Господь вамъ много лѣтъ,
И хранитъ васъ отъ всякихъ бѣдъ!
Чего душевно я желаю,
И васъ съ праздникомъ поздравляю,
Съ Рождествомъ Христовымъ!

(Зап. гимназ. Д. Жучинскимъ.)

109

(*Тамъ же*)

Когда Іисусъ Христосъ народился,
Тогда царь Іудейскій смутился.
Я изъ вышъ (?) поклонился.
Ахъ ты Ироде безумный!
Ахъ ты роде проклятый!
Чего ты не сочинилъ,
Около пяти сотъ младенцевъ погубилъ.
За то тебя повинуютъ,
Что ты Іисуса Христа загубилъ.
День свѣтлѣйшій,
Господа честнѣйшіе!
Честь имѣю съ праздникомъ поздравить.

(Зап. тотъ же.)

110

(*Тамъ же*)

Когда Іисусъ Христосъ народился,
Тогда Іудейскій царь смутился.

Ангели славятъ,
Младенца хвалятъ,
Небо ликуетъ,
Земля торжествуетъ,
И вы, господа, торжествуйте,
Христа любите,
Долгій вѣкъ живите!
Съ праздникомъ поздравляю,
Съ Рождествомъ Христовымъ!

(Зап. тотъ же.)

111

(Тамъ же)

Великъ плачъ и рыданіе,
Возсталъ царь на царя,
И разослалъ по всему царству,
Чтобы искать младенцевъ,
Двухъ и трехъ лѣтъ.
Ахъ ты идолъ пятельникъ!
Они молодые дѣти—ничего не понимаютъ!
День свѣтлѣйшій, господа честнѣйшіе,
Не могъ умолчать своей радости предъ вами,
Пришелъ поздравить высокоторжественными словами
Съ праздникомъ Рождествомъ Христовымъ.

(Зап. тотъ же.)

112

(Тамъ же)

Рано, рано три еврея вставали,
На Іисуса Христа крестъ готовали,
При этомъ же мать Марія стояла
И горько, горько рыдала.
Не рыдай, не рыдай моя мати,
Я хочу на этомъ крестѣ пострадати
И въ третій день изъ гроба встати,

Пасху посвячу
И всѣхъ людей освячу.

(Зап. тотъ же.)

113

(*Тамъ же*)

Торжествуйте, добродѣтелью наслаждайтесь,
Въ сердцахъ вѣнцомъ украшайтесь,
И жизнью хорошей восхваляйтесь,
Днесь Христосъ родился,—
Весь міръ просвѣтился.
Звѣзда явилась на востокѣ,
Ангели съ восторга хвалу Создателю поютъ,
И людямъ радость даютъ.

(Зап. тотъ же.)

114

(*Тамъ же*)

Христосъ родися,
Звѣзда явися.
Ангели хвалятъ,
Младенца славятъ.
Волсви приходятъ,
Дары приносятъ.
Высокопочтеннѣйшіе господа!
Я не могъ умолчать предъ вами,
Пришелъ поздравить сими словами,
Что Богъ молящійся на Сіонѣ,
Дастъ намъ жизнь на Авраамѣ лонѣ.
Я вашему желанію жить желаю,
И васъ, господа, съ праздникомъ поздравляю!

(Зап. тотъ же.)

115

(*Тамъ же*)

Днесь Христосъ въ Виѳлеемѣ рождается отъ Дѣвы
И днесь слово воплощается,

Силы небесныя радуются,
И земля съ человѣки веселятся.
Ангели хвалятъ,
Младенца славятъ,
Волхвы Владыцѣ дары приносятъ,
Пастыри родшемуся дивятся.
Высокопочтеннѣйшіе господа,
Съ праздникомъ поздравляю!

(Зап. тотъ же.)

116

(*Тамъ же*)

Когда Іисусъ Христосъ родился,
Тогда Іудейскій царь смутился.
Онъ сталъ съ Іудеями размышлять,
Гдѣ бы намъ Іисуса Христа поймать?
Вы идите, идите,
Во Виѳлеемъ вступите,
Тамъ Іисуса Христа обличите.
Ахъ, ты Ироде безумный!
Ахъ, ты роде проклятый!
Что ты это сочинилъ?
Четыре ста десятковъ погубилъ,
Невинной крови напился,
За богатствомъ погнался,
Въ муку вѣчную попался.

(Зап. тотъ же.)

117

(*Тамъ же*)

Днесь звѣзда на востокѣ возсіяла,
Тремъ царямъ путь показала.
Три цари шли,
Злато, ливанъ и смирну несли.
Съ праздникомъ поздравляю
Съ Рождествомъ Христовымъ
И въ небѣ съ вами жить желаю.

(Зап. тотъ же).

(*Тамъ же*)

Какъ на Синемъ морѣ, на Сіонской горѣ,
Тамъ Іисусъ Христосъ гулялъ
И разные цвѣточки рвалъ.
Пришли жидове, ворове,
Взяли Іисуса за праву ручку
И повели на крестъ распинать
И горячу кровь разливать.
Какъ увидѣла Мать царева,
Стала плакать и рыдать.
Ты не плачь, моя мать!
Я хочу на крестѣ пострадать,
За весь міръ христіанъ.

(Зап. тотъ же).

119

(*Тамъ же*)

Я маленькій хлопчикъ,
Сѣў на стопчикъ,
Ў дудачку играю,
Христа величаю,
А васъ, господа,
Съ праздникомъ поздравляю.

(Зап. тотъ же.)

120

(*Лепельскаго у., м. Чашники*)

Я маленькій хлопчикъ,
Ўзлѣзъ на стоўбчикъ,
Ў дудочку играў
А вы, теща, знайце,
Килбасы дайце.
Я маленькій куликъ,
Къ дачѣ привыкъ.
Пришоў зъ новиной,
Васъ емосце оглоше,
Коленда проше.

(Запис. мною отъ М. Коткевичовны.)

121

(Невель)

Я маленькій хлопчикъ,
Ўскочыў на стопчикъ,
Стопчикъ повалиўся,
И я малинькій ўбиўся.
Сѣли дѣўки ѣсь,
А мнѣ негди сѣсь;
Я за пирогъ
Да и за порогъ.
Мяне дѣўки нагнали
И пирогъ отобрали
И хохолъ надрали.
Вамъ этого не желаю,
А съ праздникомъ поздравляю.
Вы эту рацію знайте,
Да и рубь мнѣ дайте.

(Зап. гимназ. Д. Жучинскимъ.)

122

(Тамъ же)

Днесь Христосъ народился,
Весь міръ просвѣтился.
Ангели поютъ,
Вамъ радость даютъ.
Восточная звѣзда возсіяла,
Пречистая мать дитя купала.
Приходили три царя,
Приносили Христу дары.
А вы, люди, идите, идите до Божьяго дома,
Тамъ съ злата корону отливаютъ,
А васъ, господа, съ праздникомъ поздравляютъ.

(Зап. тотъ же.)

Масляничныя пѣсни.

123

(М. Чашники.)

Мы маслиную дожидали,
Насъ маслиная подманила,
Люли, люли подманила *).

*) Съ этимъ припѣвомъ повторяется послѣднее слово каждыхъ двухъ слѣдующихъ стиховъ.

Мы думали семь нядзѣликъ,
Ажно масляница семь дзяпёчкоў!
Наша масляница зъ горъ катлива,
Наши горушки ўсё крутыя,
Наши дзѣвушки ўсё гулливы,
А молодушки ўсё смяшливы,
Стары бабушки брюзгливы:
На пячи сидзяць, ўсё на насъ брюзжаць.
Записано мною отъ М. Коткевичовны.)

124

(*Тамъ же*)

насъ сягодня масляница,
пляцѣла къ намъ ластовица,
ла-пала па колу,
янула масла по кому.
на горѣ церкоўка.
церкоўкѣ крыжичикъ.
крыжичку макоўка.
на макоўки ластоўка.
ляцѣ (2), ластовица.
большую дзяреуню,

Принеси намъ, ластовица,
Што ў дзяреўни дзѣвицца?
— Дзевяцп дзяцюкоў сценяюць,
— А дзесятого вѣшаюць.—
Поляцѣй (2), ластовица
Ў малая мястечко,
Принеси намъ, ластовица,
Што ў мѣстечки дзѣвицца?
— Дзевяцп дзѣўокъ винчаюць,
— Дзесятую заручаюць.—
(Зап. тѣмъ же.)

125

(*Тамъ же*)

Мы масляницу прокатали,
Сыромъ горы укладали,
Масломъ сверху поливали.
Штобъ наши горушки были крутыя,
Наша масляница зъ горъ катлива.
А мы масляницу прокатали,
Ў пясокъ яё закопали.
Да на лѣто яё прибрали.
Зап. тотъ же.)

126

(Витебскаго у., м. Усвяты)

Наша масляница катлива,
Што катлива, люли, катлива.
А мы масляницу прокатали,
Прокатали, люли, прокатали.
Сыромъ гору набивали,
Набивали, люли, набивали.
Сверху масломъ поливали,
Поливали, люли, поливали.
Наши дзѣвушки горливы,
Што горливы, люли, и горливы.
Наши мальцы шаловливы,
Шаловливы, люли, шаловливы.
Насъ съ горушки домоў кличуць,
Домоў кличуць, люли, домоў кличуць.

(Зап. гимн. Потоцкимъ.)

127

(Лепельскаго у., м. Чашники)

Плаваў чаўнокъ по рацѣ,
Плакаў дзяцюкъ по дзѣўцѣ.
Плаваўши чаўникъ ўзнырнецъ,
Плакаўши дзяцюкъ ўздыхнецъ:
— Якъ зъ воссни лыку ня драци,
— Дакъ силой дзѣўки ня ўзяци.—

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

128

(Тамъ же)

Шлися ко мнѣ Гармонею,
Шлися къ бацькѣ мойму,
Коли мнѣ Гармонею бацька ня оддасць
Я за цябе, Гармонея, и сама пойду:
Чиразъ поля, Гармонея, широкоя,
Чиразъ мора, Гармонея, глубокоя,

На дворъ твой, Гармонея, чорной тучею,
Ў сѣни твои, Гармонея, дробнымъ дождемъ,
Ў хату твою, Гармонея, яснымъ соўнцемъ,
За столъ твой, Гармонея, паненкою,
Ў ложу твою, Гармонея, миленькою.

(Зап. тѣмъ же.)

129

(Тамъ же)

Вариў Кузьма пиво
На дзиўная дзива.
Зазваў Кузьма дзѣвокъ,
Тольки одной Рожиной маци нѣтъ.
Пишиць Рожина мацъ:
— Рожутко, дзицятко!
— Ня стой съ Кузьмомъ близка
— И ня кланяйся низка. —
Рожа Кузьму ня узнала,
Да къ Кузьмѣ стала близка
И уклонилася низка.
Пишиць Кузьма къ яё мацы:
„Жди мяне, мацы,
„Зъ малымъ дзицяцемъ
„И зъ молодымъ зяцемъ.“

(Зап. тѣмъ же.)

130

(Д. Васьковичи)

Иванька ладнинькы!
Ня стой надъ ракою,
Ня махай рукою,
Шоўковымъ платочкомъ (2).
Коли любишь мяне,
Спытайся ў мамки,
Коли мамка оддаець,
Дакъ я и сама иду
И руку табѣ даю.
Ня стой Рожа съ Кўзьмомъ,
Кўзьма цябе зражиць (2),
Дзиця, цабе зглазиць (2),
Ўбраўся Кузёмка
Ў жаноцкая плацця (2),
Ў дзявоцкая облицца.
Рожа ня вузнала,
Къ Кўзьмѣ близко стала.
А што за падружка,
Што за ручку цисьнецъ (2),
На ножку ступаиць (2),
Ўсё Рожу чапаиць?
И ждзи, мацы, ў госци
Объ зялёномъ свяцѣ (2)
И зъ малымъ дзицяцемъ (2)
И зъ молодымъ зяцемъ.
Кўзьма мяне зразиў,
Дзиця мое зглазиў.

(Зап. В. Ив. Безперчій.)

131

(Чашники)

За горою, за крутою,
Туды ѣхаў Кіевски князь.
Тамъ гуляюць три таночки,
Три таночки, ўсё дзѣвочки.
Богъ поможи тремъ таночкамъ,
Тремъ таночкамъ, ўсё дзѣвочкамъ,
Ўсё дзѣвочкамъ мѣщаночкамъ.
Обмовилася сяляночка:
„На здороўе, Кіевски князь.“
— Узяў бы цябе—ня роўна мнѣ,
— Ў мойго бацьки полѣшши грубы топюць,
— Грубы топюць, воду носюць. —

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

132

(*Тамъ же*)

На горѣ купоросъ росъ,
Чортъ хлопца за хохолъ трёсъ.
Трясець, трясець—поколоцицъ,
Ў молодухъ правды доходзиць.
Якъ ў рашацѣ воды нѣтъ,
Такъ ў ихъ правды нѣтъ.
Якъ ў кубочки вода ёсь,
Такъ у дзѣвокъ правды ёсь.
Ишли дзѣўки станицей,
Пили вино шклянѝцей,
Ишли хлопцы мяжою,
Пили вино дзяжою.

(Зап. тѣмъ же.)

133

(*Тамъ же*)

Моя павѣстка глупая была,
Яна домъ мой запалила.
Шость онучакъ ци ня плацця была?
Ўсё тоя добро погорѣло.
Шость вутокъ висѣло —
Ўсё тоя добро погорѣло.
Сярмяга—лата на лацѣ была—

Ўсё тоя добро погорѣло.
Кожушанька—вереценьцемъ страхонуць—
Ўсё тоя добро погорѣло.
Сапожонки бизъ подошвы были—
Ўсё тоя добро погорѣло.
Сорочка бизъ рукаў была—
Ўсё тоя добро погорѣло.
Панчошаньки бизъ пятъ были—
Ўсё тоя добро погорѣло.

(Зап. тѣмъ же.)

134

(*Тамъ же*)

На вулицѣ дзѣўки гуляюць (2),
Объ мяне молоду гукаюць (2),
Што у мяне мóлоды лихи мужъ,
На вулицу мяне ня пусциць (2),
А хоць пусциць, такъ позненька (2),
Ўси дзѣвушки розненько (2).

(Зап. тѣмъ же.)

135

(*Лепельскаго у. Смолянецкая волость*)

Ишла калина, ишла малина
Масляница! *)
Сустрѣла калина, сустрѣла малина,
Сустрѣла малина пяць голосоў.
Одзинъ голосъ—свякоръ кличиць,
Другой голосъ—свякроў кличиць,
Треци голосъ—дзеверь кличиць,
Чатвёрты голосъ—золоўка кличиць,
Пяты голосъ—милъ кличиць.
Свякоръ кличиць—пици хочиць,
Дзеверь кличиць—гуляць хочиць,

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Золвица кличиць—часацьця хочиць,
Милъ кли̂чиць—спаци хочиць.
Я къ свякру зъ золотымъ кубкомъ.
Зъ золотымъ кубкомъ, зъ зялёнымъ виномъ;
Я къ свякроўцѣ зъ работою,
Зъ работою, зъ доенкою,
Зъ доенкою, зъ цялятками,
Я къ золоўцѣ съ щоткою,
Я къ дзеверу зъ скрыпками и съ цымбалами,
А къ милому зъ подушками, зъ дзярушками.

(Доставлено миров. посредн. М. Ѳ. Сазоновымъ.)

136

(М. Усвяты)

Виўся хмѣль пы болоту,
Пы болоту, люли, пы болоту,
Привиўся хмѣль кы горо́ды,
Кы горо́ды, люли, кы горо́ды,
Просиўся хмѣль ноцевать,
Ноцевать, люли, ноцевать,
Гдѣ хоромы и высоки,
И высоки, люли, и высоки,
Гдѣ горницы новыи,
Што новыи, люли, и новыи,
Гдѣ краватушки тесовыи,
Тесовыи, люли, тесовыи,
Гдѣ пяринушки пуховыи,
Пуховыи, люли, пуховыи,
Гдѣ жонушки молодыи,
Молодыи, люли, молодыи.

(Зап. гимназ. Потоцкимъ.)

137

(Чашники)

Выходзиў ў городзѣ указъ,
Люли, люли, ў городзѣ указъ.
Выходзила коза ў красномъ сарафанѣ,
Люли, люли, ў красномъ сарафанѣ.
Выносила указъ ў карманѣ,
Люли, люли, указъ ў карманѣ.
Хто указъ той прочитаць?
Люли, люли, прочитаць?
Прочитаў жа панъ Еремѣя,
Люли, люли, панъ Еремѣя,

Ёнъ читаць указъ ня ўмѣя,
Люли, люли, указъ ня ўмѣя.
Стары бабы пили—старикоў пропилй,
Люли, люли, старикоў пропилй.
Молодушки пилй—молодцоў пропилй,
Люли, люли, молодцоў пропилй.
Красны дзѣўки пили—красоту пропили.
Люли, люли, красоту пропили.
Попадзя пила—попа пропила,
Люли, люли, попа пропила.
Дзячиха пила—дзяка пропила.
Люли, люли, дзяка пропила.
Пономариха пила—пономаря пропила,
Люли, люли, пономаря пропила.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

Волочобныя пѣсни.

Въ с. Вымнѣ, въ 25 верстахъ отъ Витебска, въ дни св. пасхи поется волочебницкая пѣсня при слѣдующемъ обрядѣ:

Толпа волочебниковъ составляется изъ записныхъ любителей волочебничанья, весельчаковъ, небогатыхъ крестьянъ, и не рѣдко человѣкъ до тридцати. Собравшись въ условный пунктъ, волочебники выбираютъ изъ среды своей двухъ должностныхъ лицъ: „пычинальника" и „миханожыча". На обязанности перваго лежитъ распоряжаться поющими и начинать пѣніе. Вмѣстѣ съ „скрипачами", „пычинальникъ" поетъ пѣсню, остальные—только припѣвъ ея. На обязанности же „миханожыча" лежитъ—носить мѣшокъ съ получаемыми за пѣсню подарками; въ этотъ мѣшокъ кладутъ все, что только получается за поздравленіе: пироги, мясо, яица, сыръ и т. п. Такъ какъ въ теченіе дня соберется подарковъ не мало, то въ „миханожычи" избирается лицо болѣе плотнаго тѣлосложенія и съ бо́льшею физическою силой. Толпа волочебниковъ подходитъ къ окну, разставляется „пычинальникомъ" и поетъ:

138

Ишли-брялп вылачобники,
    Христосъ воскрёсъ Сынъ Божай! *)
Вылачобнички—люди добрыи,
Вылачилися—нымачилися,
Ды того двыра пыталися,
Ды того двыра ойцовськыга:
„А чей-та дворъ ны горѣ стоиць—
„Зилѣзный тынъ, мидяныи вырытà,
„Шулы тóчиныи й пызалочиныи,
„Вирeюшки точиныи й золочиныи,
„Пыдваротница—слонёвыя кось?“
— Якушкинъ дворъ ны горѣ стоиць!
— Зилѣзный тынъ, мидяныи вырытá,
— Шулы точиныи й пызолочиныи,
— Вирeюшки точиныи й золочиныи,
— Пыдворотница—слонёвыя кось,
— Пысяредъ двыра три колодися.—
„А чiя жь то жина зы водой пшла,
„Зъ вядерками тясовыми,
„Съ ночепкыми шовковыми,
„Коромысилъ мыливаниськiй?
„Рызмахнула чиста серибра,
„Пычаринула чиста золыта,
„Пыставила у святлицы ны скаменчки,
„Сыма пышла мужа будить:
„Ўстань, мужа! ни ляжи дужа!
„Зыгыдаю я табѣ дѣльца ни вяличкыя:
„Состроимъ мы сабѣ церькывку
„Ўборныю, быганольныю!“
А ў тэй церкви пристолъ стоиць,
Ны пристоли Христосъ ляжиць;
Ў гылывахъ ў Яго Прячистыя Мать,
А ў ныгахъ ў Яго Святъ Микола.

---

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Расплакылыся Прячистыя Мать,
Святэй Микола унимаиць:
„Ни плачь, ни плачь, Прячистыя Мать!“
— Охъ! якъ-жа мнѣ ни плакыти:
— Мойго Сына жиды украли,
— Руки й ноги рыспинали.—
„Ни плачь, ни плачь, Прячистыя Мать!
„Твой Сынъ зъ мяртвыхъ воскрёсъ
„Ны Вяликыдня ў завутрини.
„Выда й зимля здригануліся,
„Синія мыря скылыхнулыся,
„Бѣлыя рыбинка стрипянулыся,
„Ўси люди ўзрыдувалися,
„Сусымъ Христомъ виличалися“.
Ў тую церкву сыбиралися
Ўси святки, ўси празнички.
Сыбиралися, зличалися,
Одного свята ни доличилися.
„Якога свята?“—Святогѝ Ягорьря! —
Святэй Ягорьря пызыбавився.
„А гдѣ жь ба ёнъ пызыбавився?“
— Святэй Ягорьря коровъ пасець!
— Пасець, пасець, ды зыпасывыиць
— Зъ борздымъ хортомъ, зъ вострымъ жазломъ.
— Пасець, пасець, ды зыпасывыиць
— Отъ того гада бягучыга,
— Отъ тэй вѣдьмы—чирадѣйницы. —
А вси святки, ўси празнички
Сыбиралися, зличалися,
Одного свята ни доличилися.
„Якого свята?“ — Святого Миколы! —
„А гдѣ жь ба ёнъ пызыбавився?“
— Святэй Микола пы мижахъ ходиць,
— Пы мижахъ ходиць, жито родиць
— Густоя, ядряноя
— Зъ зылатымъ хрястомъ и Сусымъ Христомъ.—
А вси святки, ўси празднички

Сыбпралися, злпчалися,
Одного свята не долпчилися.
„Якого свята?“ — Святого Илли! —
Святэй Илля пызыбавився.
„А гдѣ жь ба ёнъ пызыбавився?“
— Святэй Илля жита зыжинапць
— Зъ бѣлымъ сырымъ, зъ Божжимъ Сынымъ —
А вси святки, ўси празничкп
Сыбпралися, злпчалися,
Одного свята не долпчплися.
„Якого свята?“ — Святэй Прячисты!—
„А гдѣ жь ба ина пызыбавилыся?“
— Свитая Прячиста жита дыжинапць
— Зъ зылатымъ хрястомъ съ Сусымъ Христомъ,
— Зъ бѣлымъ сырымъ, зъ Божимъ Сынымъ.
— Што разъ ризнець—то снопъ нажнець!
— Дыжинала, дивувалыся,
— Якъ гета жито зрыжалыся:
— Снопъ отъ сныпа—пывтыра ступа.
— Бабка отъ бабки—пывторы пятки:
— Зы добромъ анбаръ рыспиратца,
— А въ хлѣви скотъ ни стылпляптца. —
Якушинька, отецкій сынъ, Микуланвичъ!
Ни кажи томпць, кажи дарпць;
Прими госцей вылачобничкывъ!
А мы госци ни докучныи:
Мы зъ годъ ў годъ разъ пыбываимъ,
Христа взвылпчаимъ.
А намъ-жа даръ—ни малъ, ни вялпкъ:
Пычинальничку—чарвонъ зылатэй,
А припивальничку хошь нямного—ў пылзылатога!
Мпханожиго горькыя доля—
Яго жопка ня любиць;
Дайтя жь яму кусокъ сала,
А звышъ того сорыкъ іецъ,
Ды й пирыга конецъ:
Сорокъ іецъ ны іечинку,

А пырыга конецъ ны закусычку,
Бутэлку горѣлки и сыръ ны тарелки.
А въ пячи пырыся рыскырачилыся—
Ѣсь-жо намъ нызначилыся!

Послѣ этого хозяинъ или подходитъ къ волочебникамъ и тамъ даритъ ихъ, или же подаетъ имъ за трудъ чрезъ окно. Въ рѣдкихъ случаяхъ и рѣдкій хозяинъ приглашаетъ волочебниковъ въ комнату на угощеніе. Это особенно цѣнится волочебниками. Угостившись и получивши даръ, волочебники поютъ:

А ну-ти-тка, братцы, сговоримся,
Госпыду Богу помолимся!
Спасиба тому, хто въ етымъ дому!
Бувай здоровъ съ ўсимъ дворомъ
И съ ўсей своей симейкою
И зъ дѣткыми дробненькыми.
Бувай здоровъ, май сто коровъ;
Пыживешь болій, будишь мать сто коній!

Поблагодаривши такимъ образомъ добраго хозяина, волочебники удаляются. Но если хозяинъ, находясь дома, по какимъ либо причинамъ не даритъ ихъ, или же замедлитъ подаркомъ, волочебники, вмѣсто вышеописанной благодарности, начинаютъ слѣдующую дерзкую пѣсню:

Ня хочишь дарыць — пойдишь съ нами ходиць:
Воды бувтаць, грязи тыптаць,
Сыбакъ дражниць, людей смяшиць!
Бувай здоровъ—лупи коровъ!
Пыживешь болій—облупишь коній!
Пыживешь трошку—облупишь и кошку!

Заслышавъ волочебниковъ, расчетливые хозяева спѣшатъ скрыться изъ дому; радушные же — стараются приготовить подарки, или угощеніе рѣдкимъ гостямъ.

Чѣмъ ближе день къ вечеру, тѣмъ болѣе увеличивается толпа волочебниковъ. Неизвѣстно для какой цѣли, за волочебниками ходятъ ихъ родные и жоны; въ пѣніи они не участвуютъ, хотя у иного хозяина имъ подносится водка и дается подачка.

Къ крайнему сожалѣнію, теперь очень рѣдко можно услышать волочебниковъ съ ихъ пѣснею подъ окнами: волочебницкія пѣсни становятся уже келейнымъ достояніемъ. Два священника, съ большимъ самовосхваленіемъ говорили. мнѣ, что „въ ихъ приходахъ волочебницкія пѣсни погребены и больше не воскреснутъ..."

Учитель 1-го Витебскаго приходскаго училища **Н. Я. Никифоровскій.**

139

Дзень добры, пане господáру!
Хрыстосъ васкресъ Сынъ Божы.
Да церазъ поля да широкое,
Хрыстосъ васкресъ Сынъ Божы *)!
Да церазъ межи залацéнькіе
Ишли-цекли валачóнинчки,
Да пыталисъ слаўнаго пана,
Слаўнаго пана, пана госкодара.
Да чимъ же ёнъ ўславўнсе?
И дабромъ сваимъ и дваромъ своимъ.
Памятаюць дваре ўсё павимъ пиромъ,
Ўсё павимъ пиромъ, залатымъ крыломъ.
Стаўляе сталы ўсё цисовыя,
Засцилая сталы ўсё китайкою.
Ўсё китайкою, ўсё зелёною,
Стаўляе кубки ўсё среблянные,
Наливае кубки зелёнымъ виномъ,
Зеленымъ виномъ, чорнымъ пивомъ,
Чорнымъ пивомъ, да салодкимъ мёдомъ.
Зелёное вино пану господару,
Чорное пиво для жаны его.
Салодóкъ мядóкъ для его дзѣтокъ.
Дай табѣ, Боже, пане господару,
Да пива варици, да сына жаници
Гарелочку гнаци, дочки даваци.

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Дай табѣ Боже, пане господару,
И ў каморы и ў аборы,
Гдзѣ гара, тамъ жита капа
Гдзѣ логъ, тамъ сѣна стогъ.
Пане гасподару, не кажи намъ ищи,
Не кажи намъ ищи, кажи падарыци.
Да наши дары не великіе
Валачоннички, не дакучнички.
Да ў годъ ходзяць, да Бога просяць.
Пачинальничку—падзесятничку,
Старшаму пѣўцу—да ѣапу ейцу,
Да кашаланосу да пирогъ къ носу.
Христосъ воскресъ Сынъ Боже,
Проше, пане господару!

Изъ сборника Яна Чечота, 1846.)

140

(*Витебскъ*)

Ишли-бряли волочебники
Христосъ воскресъ, Сынъ Божій *).
Пришли-прибряли къ честному мужу,
Къ честному мужу, богатому дому:
„Ци ёсь, ци нѣтъ господарь дома?
„Господарь дома, Иванюшка?"
Хуць ёсь, хуць нѣтъ—да не кажецца.
Садзицца за столъ, за столъ за цисовиньки,
За скацерку, за кручастую.
Стоиць пирадъ имъ да три кубочки,
Три кубочки позолоченые.
У первомъ кубку—зялено вино,
Ў другимъ кубку—солодки медъ,
Ў трецшимъ кубку—пшенное пиво:
Зялянб вино—самому яму,
Солодки медъ—то жанѣ яго,

*) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Пшенное пиво—то дзѣцёмъ его.
Нашъ паночикъ, господарочикъ Иванюхна!
Собирапшься ты къ обѣдзенкѣ,
Надзѣнешь ты боты нѣмецкой работы,
Панчошки бѣлявые, подвязочки шоўковые,
Подвязочки шоўковые и шапочку соболиную.
Иваничка нашъ паночикъ, господарочикъ!
Приказаў томпць, прикажи дарпць
Насъ госцей волочебничкоў.
Наши дары ни великіе и ни малые:
Починальничку чирвонъ золоты,
Чирвонъ золоты на паперенцы,
А бѣлый сыръ на талеронцы,
По чаркѣ горѣлки ў бутылонцы,
Подхватничкамъ по дзесятку яець,
А на вусли хоць ни много—поўзолотóго,
Михоношаго горкая доля,
Горкая доля—жана яго ня любиць.
Прпняси яго мосцѣ кусокъ сала,
Штобъ яго жонка любиць стала,
Прпняси яго мосцѣ кусъ солонину,
Кусъ солонину во ўсю спину.
Живи здороў со ўсимъ дворомъ,
И зъ дзѣтками, съ голубятками,
Зъ дальными пріяцёлами,
Да й зъ ближними сусѣдами,
Еты праздничикъ провожаючи,
На прибудущи годъ дожидаючи,
Ў карысци, ў радосци, ў добромъ здоровечку.

(Зап. мною отъ отставнаго солдата старика Тараса Липова, урожен тебской губерніи и уѣзда).

141

(*Тамъ же*)

Ишли-брялп волочебнички
По цямной ночи да по гразной грази,
Волочилися да й обмочилися,
Шаталися и боўталися,

Къ богатому дому пыталися.
Ня почёмъ познаць богатырски домъ:
Яго домъ мощёнъ, яго тынъ тращонъ,
Вороцки яго ўсё цясовые,
Подваротница бѣлая рыбья косць.
Пришли жь яны подъ вокошечко,
Чаломъ здороў подъ вокошечкомъ.
—Ци ёсь, ци нѣтъ господарь дома,
—Господарь дома Романухна?—
Нашъ паночекъ, господарочикъ Романухна!
Причина вокошко, погляди жь ты ў чистоя поле:
У чистоя поле, на синее море.
Штожь ў поли да синѣецца,
Да синѣецца да чернѣецца,
Да синѣецца да краснѣецца?
Прачистая Мацъ на похацѣ ѣдзець,
Восьми конями да ўсё вороными,
Тремя слугами да ўсё вѣрными,
Святы Ягорья на козлахъ сядзиць,
Святы Илля на запяткахъ стоиць,
А святы Микола посрэди яе.
Подъѣзжаюць яны къ честному мужу,
Къ честному мужу, къ богатому дому,
Къ богатому дому къ Романкиному.
—Самочестны мужъ Романухна!
—Выдзи на сустрѣчу Прачистой Маци Богородзицы!"—
Ёнъ жа вышоў на сустрѣчу Прачистой Маци Богородзицы,
Со свѣчами да со ярымп, со свенцоными проскурками,
Со свенцоными проскурками, со солодкими конунами.
Прачистая Мацъ Богородзица
Возъѣзжаиць къ яму на подварейка.
Серадзи двора горнць три вогнища,
Три вогнища, три калиновыхъ,
А идуць душкй ўсё малиновые.
Прачистая Мацъ Богородзица
Яна у яго ўсё спрашиваиць:
— Романичка самочестный мужъ!

— На што у табе три вогнища,
— Три вогнища, три калиновые,
— А идуць душки ўсѐ малиновые?
— Ци ты горѣлки гонишь?
— Ци ты будзишь сыновей жаницъ?
— Ци дочекъ замужь выдавацъ? —
„Прачистая Мацъ Богородзица!
„Мае сыночки поженатые,
„А дочечки замужь повыдадены.
„Прачистая Мацъ Богородзица!
„Я ни пиво варю, ни горѣлку гоню,
„Ни горѣлку гоню, ни зялена вина курю,
„Дожидаю сабѣ трёхъ праздничкоў,
„Трёхъ праздничкоў, трёхъ угодничкоў,
„Трёхъ угодничкоў, вялико дничкоў:
„Перваго Свята—Святаго Вяликдзень,
„Святъ Вяликъ дзень съ краснымъ лечкомъ,
„Другаго Свята—Свята Юрья,
„Трецьяго Свята—Святаго Миколу.
„Святы Вяликъдзень съ краснымъ лечкомъ,
„Святы Юрій зъ зялёной травой,
„Съ зялёной травой, съ цеплой росой,
„Святы Илля зъ новыми хлѣбцомъ."
Сярадзи двора да Романкина
Стоиць рея недорубленная,
Недорубленная, недовѐршенная.
Собиралися ўсѣ святцы, ўсѣ празничкн,
Прачистая Мать ихъ лічала,
Лічала, лічала, ни доличалася
Трехъ святцоў, трехъ праздничкоў:
Перваго Свята - Святаго Юрью,
Другаго Свята—Святаго Миколу,
Трецяго Свята—Святаго Иллю.
Идзецъ-брядзецъ святы Юрій,
Святы Юрій съ чистаго поля,
Ўросиўси, ўмочиўси—мокрошенекъ.
Прачистая Мацъ Богородица,

Яна ў яго ўсё пытанць:
„Святы Юрій! гдзѣ жь ты бываў,
„Гдзѣ жь ты бываў, гдзѣ жь пробываў?“
— Ў самочестнаго мужа ў Романичка,
— Я короў пасцну и запасаў,
— Я запасцнўши, домой пригоню.
— Домоў пригоню, ў хлѣў загоню,
— Ў хлѣў загоню, слоўцо зговору;
— Етому статку ня будзпць упадку
— Ни отъ мядвѣдзя, ни отъ нарйву,
— Ни отъ гада бѣгучаго,
— Ни отъ змѣя литучаго.—
А идзець-брядзець Святы Микола,
Святы Микола съ чистаго поля,
Ўросиўся, ўмочиўся—мокрошенекъ.
Прачистая Мацъ яго пытанць:
„Святы Микола! гдзѣ жь ты бываў?
„Гдзѣ ты бываў, гдзѣ жъ пробываў?“
— Прачистая Мацъ Богородзица!
— Я ў честнаго мужа ў Романичка
— Коній пасциў да запасаваў,
— Я запасаўши домой пригоню,
— Я домоў пригоню, ў хлѣў загоню,
— Ў хлѣў загоню, слоўцо зговору:
— Етому статку ни будзиць упадку
— Ни отъ мядвѣдзя, ни отъ нарѐву,
— Ни отъ гада бѣгучаго,
— Ни отъ змѣя литучаго.—
Идзець-брядзець Святы Илля,
Святы Илля съ чистаго поля,
Ўросиўся, ўмочиўся—мокрошенекъ.
Прачистая Мацъ Богородзица,
Яна ў яго ўсё пытанць:
„Святы Илля! гдзѣ жь ты бываў,
„Гдзѣ жь ты бываў, гдзѣ пробываў?“
— Прачистая Мацъ, Богородзица!
— Я ў честнаго мужа ў Романичка,

— По межамъ ходзиў, жито родзиў,
— Жито пшеницу, ўсякую пашницу.
Прачистая Мацı Богородзица
Яна ў яго ўсё пытаиць:
„Святы Илля! ци густо жито?
„Ци густо жито, ци ядрянисто,
„Ци ядрянисто, ци колосисто?“
— Прачистая Маць Богородзица!
— Густо жито и ядрянисто,
— Ядрянисто и колосисто,
— Колосисто и полошесто.
— Прачистая Маць Богородзица!
— Ў честнаго мужа ў Романички
— Жито зажинаў золотымъ сярпомъ,
— Золотымъ сярпомъ сяребрянымъ крестомъ,
— Што разъ рязну, то снопъ свяжу.
— Часты, густы звѣзды на небѣ,
— Часцѣй, гусцѣй снопы на нивѣ;
— Широкъ, высокъ мѣсяцъ на небѣ,
— Ширѣй, высшей стоги́ на гумнѣ,
— Стоги на гумнѣ на Романенькимъ.
— Святы Покроў, покры стоги,
— Покры стогй ў три ряды:
— Первы рядъ соломою,
— А другой рядъ бярозою,
— А трецп рядъ бѣлымъ снѣжкомъ.—
Романичка самочестный мужъ!
Приказаў томиць, прикажи дариць.
Наши дары ни великіе и ни малые:
Починальничку и т. д.
(Зап. тѣмъ же и отъ того же).

142

(*С. Загорье, Дисненскаго у.*)

Нехъ панъ Іезусъ похвалёны!
Гэтому дому свяцному, пане господару,
Слаўны мужу надъ мужами!

Ци ёсць ў дому ў сванцономъ?
Ци спишь ляжишь, ци почиваешь?
Ци зъ жаною молодою, ци зъ дзѣтками,
Ци зъ дзѣтками зъ маленькими?
Да коли спишь—Богъ зъ тобою,
Коли ня спишь—моў со мною.
Пане господару, слаўны мужу надъ мужами!
Устань рана-ранюсинька,
Мыйся бѣла-бялюсинька,
Трыся сухо-сухусинька,
Да учашися слизюсинька.
Правой ручкой одчини воконцо,
Одчини воконцо да глянь ў дворокъ:
Што ў твоимъ дворѣ да й здзѣицца,
Здѣицца лечлѣицца?
Твой дворочикъ якъ вяночикъ
Тыномъ тынинъ дубовинькимъ,
Дубовинькимъ, чисовинькимъ,
Мостомъ мощенъ,
Вороциньки малеванные,
Защепнички позлоцанные.
Сяродъ двора шацёръ стоиць новюсиньки,
Новюсиньки, яснюсиньки,
Златомъ крыты, сребромъ литы,
Прибрамочки сребряныи,
Защепнички золотыи.
Да ў тымъ шатрѣ кресло стоиць,
Кресло стоиць золотое,
Ды ў тымъ креслѣ самъ Богъ сядзиць,
Самъ Богъ сядзиць, ксёншку дзяржиць.
Коло яго пчёлки лятали,
Пчёлки лятали, мяды збирали.
Тые пчёлки, ўси святочки
Пирадъ Богомъ збиралися,
Збиралися, раховалися:
Которому святцу перестаци?
А зборъ мовиць господару:

Слаўны мужу надъ мужами!
Твоё дзѣла на торгъ ѣхаць,
Залѣза купляць, нароги ковадь.
Аўдокею дрова сячець, а Сорокй кладзець,
Алексѣю сани и плотъ,
Сани и плотъ, рыба объ лёдъ;
Лёдъ водою, рыба лускою.
Благовѣщення раты на ниву,
Раты на ниву, сядунъ на призбу.
Господару, слаўный мужу надъ мужами!
Возьми жь ваше нову сошку,
Да й конику вороного, молодо̀га,
Ѣдзь-жа ваше ў чистоя поле,
Ў чистоя поле заарывадь,
Зъ соллю, съ хлѣбомъ, зъ бѣлымъ яйцомъ,
Зъ бѣлымъ яйцомъ, зъ боскимъ слоўцомъ.
Верба свята, нова лята.
Верба посвянци ў поле гнала.
Дай-жа-жъ, Боже, гэта святца провожаци,
Свята вялнчка дожидаци!
Дай ў радо̀сци, у васёлосци,
Три дни святца чирвонымъ яечкомъ—разгоўляцьца,
Малымъ дзѣткомъ на вулицу на прогуляння.
Господару, слаўны мужу надъ мужами!
Маишь сабѣ чаляданьку,
Загадай ваше свойму чалядку:
Нехай возьмидь золоты ключи,
Золоты ключи отъ стаенки,
Нехай идзедь ў стаенку,
Нехай закладаидь да й коника,
Коника вороно̀го, молодо̀го.
Государу, слаўны мужу надъ мужами!
Возьми ваше соли хлѣба,
Соли хлѣба, чего потреба.
Ѣдзь-жа ваше до косцёлу,
До косцёлу по̀свянцаци,
Да привёзши поживаци.

Сядзь-жа ваше за скамьёю,
И зъ жаною молодою,
И зъ дзѣтками маленьками.
Шасни, бразни по скамейцѣ.
Возьми жь ваше золоты кубокъ
Дай пи вино зялёная на свою жону,
Жана твоя—на дзѣточекъ,
Дзѣтки твои—на сямейку,
А сямейка—на челядку,
Челяданька—сама на сабе
Радауничка и на убога
Пораднічка порадзила
Борноваци, поле роўняци.
Святы Юри, боски ключникъ!
Да идзи ў поле, да ў чистоя,
Одомкни зямлю, пусци росў,
Пусци росу на гэту вясну,
Да й мокраю, да й цепляю,
На гэтотъ свѣтъ, на ўсяки цвѣтъ,
На людъ вяселы, на урожаи.
Святы Борисъ ляды палиць,
Зямлю грѣиць, ячмень сѣиць
Зъ поўсявалки, зъ правой жменьки.
Кинишь рѣдка, даець Богъ густа.
Дай же Боже, зародзи-жа Боже
Колосисто, ядрянисто.
Святы Микола, старая особа,
Горохъ сѣиць, по полю ходзиць,
По полю ходзиць, житца глядзиць:
Гдзѣ вымокла—тамъ подсушиць,
Гдзѣ высохла—тамъ подмочиць.
Святы Шосникъ оўсы шастаць.
Господару, слаўны мужу надъ мужами!
Закладай ваше да й коника вороно́го, молодо́го,
Вязи ваше овёсъ сѣнцо у чиста поле
У едной кошули безъ шапочки,
Зъ поўной сявеньки, зъ правой жменьки;

Кинишь рѣдка, даець Богъ густа.
Дай-жа-жъ Боже, зародзижь Боже
Да й вяцвисты, ядрянисты.
Святая Семка, позна сѣўба—грецву сѣиць.
Святая Троица по вулицы стучыць, гручиць,
Гнойки возиць, комаръ орець.
Дзивятушка, помежаночка!
На межахъ ходзила, житцо обирала,
Житцо обирала да й роўновала.
Дзисятуха красу давала,
А Пяцинка красу здымала,
Красу здымала, пятку стаўляла.
Святы Иванъ косу правиць,
Луги пратаць, ў спирты кидаць.
Святы Пятро соўсимъ ядро,
По паръ боронуиць, поле роўнуиць,
Поле роўнуиць, грунтъ готоўиць.
Шипилинка ў кузню идзець,
Ў кузню идзець, сярпы зубиць.
Господару, слаўны мужу надъ мужами!
Збирай ваше стары сярпы,
Да идзи ў кузню напраўляци.
Кузнецъ молодзець, зуби сярпецъ!
Табѣ платы—чирвонъ злото табѣ на боты.
Господару, слаўны мужу надъ мужами!
На, идзи жъ домой, да отдай жанѣ,
Ды молодзѣ нивы сярпокъ.
Нехай идзець твоя жана ў чисто поле,
Ў чисто поле житцо жаци,
Зъ ячнымъ блиномъ, зъ бѣлымъ сыромъ,
Зъ бѣлымъ сыромъ, зъ трещимъ сыномъ.
Святы Илля, старая жнея,
Яна жала, ня уважала,
Што разъ зажнець, то снопъ звязнець.
Святая Ганна Святому Илли
На помочи стани,
Вязь вязали, копы поклали.

Святы Борисе, за мѣшань бярися!
Святы Спасъ по полю ходзиць,
Копы личиць, раскладаиць:
Гэта на сѣмя, гэта на ѣмя!
Господару, слаўный мужу надъ мужами!
Сѣдлай ваше дай коника,
Вороного, молодо̀го.
Ѣдзь-жа ваше ў чиста поле,
Ў чисто поле копы личиць.
Якъ на небѣ звѣзды густы,
Гусцѣй того ў поли копокъ.
Прачистая да и Большая
Житцо посвянцала, засѣвала
Да й Меньшая дыкъ лѣпшая паненачка
Пирадъ Богомъ кланялася:
А яжь Боже ни гуляла,
Житца пахала, ў грань погоняла,
Ў грань погоняла, яро збирала.
А Янъ Сценцель руней цѣлиць
Узвижання....
Узними, Боже, зъ ильномъ, зъ оўсомъ,
Зъ ўсимъ добромъ ў гумянцо.
Святы Покроў! покры замлю
Жоўтымъ зярномъ, молодымъ сняжкомъ,
Воду́ лёдомъ, пчалу мёдомъ.
Святы Зимцёръ, ёнъ на ўсё хицёръ —
Солоды солодзиць, пивы робиць,
Сыноў жаниць, дочекъ выдаваць.
Господару, слаўпы мужу надъ мужами!
Ци ў слыхъ табѣ наша пѣсинка,
Наша пѣсинка старосвѣцкая?
Што мы ходзимъ Бога просимъ:
Дай-жа-жь Боже, за̀родзи-жь Боже,
Ў пуни кладомъ, токъ умолотомъ
Ў дзяжи подходомъ, ў пячи ростомъ,
Ў пячи ростомъ, на столѣ на сытомъ.
Господару, слаўный мужу надъ мужами!

Дари госцей, ни баў бардзей.
Наши дары ня вялики,
Ня вялики—ў дзвери ня лѣзуць,
Празъ воконцо—якъ шиць шіюць,
Чирвонъ злоты яму на боты,
Починальничку копу якъ,
Братцамъ помогальничкамъ по дзесяточку.
Да й на дворѣ вѣтрикъ вѣиць,
Волочебничкомъ ножки млѣюць;
Да й на дворѣ дождживъ дымиць,
Волочебничкомъ животъ ныиць.
Господару, слаўны мужу надъ муж ами!
Проси къ сабѣ госцей ў хатку:
Сыръ на талерку, кварту горѣлки,
Кварту горѣлки, шшопы пирогъ,
Къ тому пирогу мису творогу.

Дай жа Боже, кабъ восьмеркой пахали, дэвятымъ гоняли, а дзисятымъ побрыкивай, а на одинадцатомъ ў дружки ѣдуць. Христосъ воскресъ".

Каждый стихъ сопровождается припѣвомъ: „Христосъ воскресъ, Сынъ Божій". Эта пѣсня списана со словъ крестьянина Виленской губерніи Дисненскаго уѣзда, Залѣвской волости, села Загорья, Александра Альхитенка, гимназистомъ 7-го класса Усаковскимъ.

143

(*Коптевичи, Лепельскаго у.*)

Святая Величко
Зъ чирвонымъ яичкомъ
Христосъ воскрёсъ,
Сынъ Божій *).
Святы Юрьря
Зъ росицею,
Святый Борисъ
Коній пасецъ,
Святы Микола
Обойдзець вокóла,
Святая Троица
Жито красуець,
Святы Петра
Пятку даець,
Святы Илля
Поспѣваиць,
Свята Ганна
Зажинаиць;
Святы Борисъ
Ў копы складаиць.

(Зап. учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ).

***) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.**

144

(*Тамъ же*)

Юрьря, Микола
Пошли ў поле.
Христосъ воскрёсъ
Сынъ Божій! *)
Пошли ў поле
Жита глядзѣць:
А ци ўси житы,
Ци ўси хороша?
А й ўси житы,
Ўси хороши.
А Михайлы житы
За ўсихъ лѣпшіи.
Яму надобѣ (2)
Сына жаницъ (2),
Пива варицъ (2),
Дочку отдавацъ
И гарѣлку гнацъ.

(Зап. тѣмъ же.)

145

(*Село Чашники, Лепельскаго у.*)

Дзень добры, здороў, пане господару!
Христосъ воскрёсъ, Сынъ Божій! **)
Ци ты спишь, ци ты такъ ляжишь?
Я скажу табѣ нову новину.
Одчини вершокъ, поглядзи ў хлѣвокъ:
Что ў твоемъ хлѣвѣ проявилося,
Девять короў оцялилося,
А дзесятая на умѣ стоицъ.
Бывай здороў, пане господару!
Одпраўляй госцей и су скрыпками.
А мы госцики нядокошные:
Ў годочикъ одзинъ разочикъ.
А наши дары ня вяликіе:
Починальничку сорокъ яецъ,
Подголосничкамъ по дзесяточку,
Миханоши—жита калошу.
А музыкова горкая доля:
Жонка ня любицъ, ня цалуицъ,
А хуць поцалуицъ—назадъ отплюницъ.
Бывай ты здороў, пане господару,
Зъ своей сямьей, со ўсимъ домомъ!

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

---

*) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

**) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Ученикъ 7-го класса гимназіи г. Пржпсецкій сообщилъ намъ слѣдующее:

„На первый день Свѣтлаго Христова Воскресенья по деревнямъ нашей мѣстности ходятъ съ поздравленіями волочебники кучками человѣкъ въ пять, преимущественно изъ крестьянъ и не изъ нищихъ. Они, еще во время Великаго поста, сговариваются, кому быть починальникомъ (запѣвалой), кому михоношей (т. е. съ мѣшкомъ для сбора жалованнаго хозяевами). Изъ своей же среды выбираютъ они двухъ „подхватниковъ" и музыканта-скрипача. Послѣ полудня, на первый день Пасхи они отправляются отъ дома къ дому. Приблизившись къ какому либо починальничекъ подходитъ къ окну и поетъ нижеслѣдующую пѣсню, а за каждымъ стихомъ пѣсни его товарищи подхватываютъ всѣ вмѣстѣ, съ акомпаниментомъ скрыпки: „Зяленой садъ вишневый!"

146

(*Каменская волость*, *Лепельскаго у.*).

Панъ Езусъ тому,
Хто ў этомъ дому!
Господарочекъ якъ соколочекъ,
Чи спишь, чи отдыхаешь?
Коли жъ ты спишь—Панъ Богъ съ тобой,
А коли жъ ты не спишь—гукай со мной.
Ўжо пробудзися, обочнися,
Ёсць водзичка—бѣленька помыйся,
Возьми ручничокъ—сухонько оботрися,
Щиренька Богу помолися,
Сядзь на лаўцы, подними ручку,
Подними ручку, отвари вокно:
На твоимъ дворѣ проявонька проявилася,
Сама церкоўка становилася,
А ў тэй церкоўцѣ прастолы стояць,
Прастолы стояць маляванные,
Ўсё обрусами засциленные,
За прастолъ Господзь Богъ сядзиць.
Язуса на ручкахъ дзяржиць.
Коло Яго ўсё святочки счатуюцца, рахуюцца:

Которому ўпародъ ступиць?
Святая Рожство *) ўпародъ пойшла,
За Святымъ Рожствомъ Святая Василля,
За Святымъ Василлемъ Святая Кщення,
За Святымъ Кщеннямъ Св. Громницы,
За Святыми Громницами Изборъ,
За Святымъ Избором Благовѣщення,
За Святымъ Благовѣщеннямъ Свята Вялика,
Да Свята Вялика съ краснымъ ячкомъ,
Красна ячка на посвенцаніе,
А намъ грѣшнымъ людзямъ на пожиткованне.
За Святымъ Вяликимъ Св. Юрья.
А Св. Юрья возьми ключи золотые,
Отомкни поля, сыру землю.
Ўпусци Юрья цёплую росу, зялену траву.
За Святымъ Юрьей Святы Борисъ,
Святы Борисъ коникоў пасець,
Ранснька бярець, на лужокъ вядзець,
Хозяину на ручки даець:
Дай, Боже, сыцпньки были, подбрыкивали,
Гэтому хозяину на уцѣху были.
Святая Микола, старая особа,
Нѣтъ яго дома, пошоў ў поля.
По мяжахъ ходзиць, житцо родзиць.
Святая Тройца житцо родзиць.
Святая Пяценька пяточку даець,
Святая Илля житцо зажинаець,
Мѣднымъ сярпомъ золотой ручкой.
Широкъ, широкъ мѣсяцъ на небѣ,
Ширачей того ў гумнѣ стожокъ
Меньшіе святки, носиця снопки,
Большіе святки ў гумно складайця!

Къ хозяйкѣ:

Сподыночка, жеровиночка!
Чи спишь, чи ляжишь, чи отпочиваешь ?

---

*) Произносится *Раштво.*

Ў твоемъ дому пригода стала, проявилася,
Сорокъ коровокъ оцѣлилося.

Къ хозяину:

Надзѣнь ты, господарокъ, шубку, ды бялёвую,
А рукавиченьки ды замшёвые.
Отчини варшокъ, ды поглядзи ў хлявокъ:
Што ў твоимъ хлѣви проява стала,
Проява стала и проявилась,
Сорокъ кобылокъ ожеребилось.

Къ хозяйкѣ:

Сподынечка, журовиночка!
Ўстань раненько, ўмыйся бяленько
Надзѣнь-жа чаровички козловые,
Панчошечки ды бялёвые,
Идзи ў хлявокъ, глянь ў кутокъ:
Што ў твоимъ хляўку проявилося:
Сорокъ овечекъ окоцпляся.

Къ хозяину:

Ґосподарочакъ! ни кажи томиць,
Але дай намъ дароў.
А наши дары ни вялпкіе:
Нашаму починальничку 40 яечакъ,
А подхапничкамъ по дзесяточку,
А нашаму музыку червоный злотый
Дай яму на боты.
Миханошаго нашаго чорная доля:
Жонка ня любиць, ни голубиць.

(Зап. ученикомъ 7-го кл. гимназіи Пржисецкимъ).

147

(Село Жилинцы, Бобруйскаго у.).

На первый дзень, на Великъ дзень,
Христосъ воскрёсъ, Сыне Божій! *)
Шли волочовники, ишли они дорогою,
Муравкою да зяленою,
Сустрѣкали Господа Бога,

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Сустрѣкали, уклонилися,
Поклонившися помолилися,
Помолившися допыталися
Славнаго села Жилинцевъ,
Я *) пыталися честнаго мужа,
Честнаго мужа, пана Григорки.
Ёнъ дома да не кажется,
До церкоўки собираецца,
До церкоўки до Божій.
Обуваю боты козловые,
Надзѣваю свитку лисью соболлю,
Подпоразую поясъ сырцо̀вый,
Надзѣваю шапку бобровую.
Только ёнъ ў церкоў выходзиць,
Држиць шапочку ў правой ручкѣ,
Кланяецца низкимъ поклономъ,
Уклонившися упрошаецца,
Упрошаець частый доли,
Частый доли да три радосци,
А три радосци, три веселые,
Три веселые да хорошіе:
Первая радосць—ў его домоўцѣ,
А другая радосць—о его худобцѣ,
Трецця радость—ў чисценькомъ полѣ,
Ў чистомъ полѣ ядрено жито,
Што ў его домоўцѣ дробные дзѣци,
Да его худобцѣ кони вороные,
Кони вороные, волы половые.
Дробными дзѣцми посылаць будзе,
Вороными коньми про̀ѣзжаць будзе,
Половыми волами пахаць будзе,
Ядрено жито споживаць будзе,
Господа Бога споминаць будзе,
Волочовничковъ спозываць будзе,
Я (sic) потомъ честного мужа,
Честного мужа, пана Григорка,

*) А.

О чимъ-жа ты ославился?
Ти своимъ гумномъ, ти своимъ дворомъ,
Ти дзѣтками, ти семейкою?
— Я ославился бы своимъ дворомъ,
Да своимъ дворомъ, да своимъ добромъ,
Да дзѣтками да семейкою,
Да семейкою веселенькою.
Да ў его-жа двора да желѣзный тынъ,
Желѣзный тынъ, мѣдзяны вороты,
Мѣдзяны вороты, цясивы замёты,
Подворотничка—рыбья косточка.
Черезъ его дворъ да Дунай цече,
Да Дунай цече ўсё цихòсенько,
А на томъ Дунаѣ бпты пали,
Да бпты-жа пали ўсё дубовые,
Мощены мосты ўсё цесивые,
По тыхъ мостахъ ўсё возы шли,
Ўсё возы шли да цяжёлые,
За тыми возами ѣхала карета,
Мулеваная, вызлочаная,
То-жа ў той карецѣ самъ Госпóжа,
Самъ Госпожа, Матка Божжа,
Матка Божжа и Прачистая,
Яна пріѣзжала, сама повитала,
Да на коничку, на буланенькимъ,
А Святый Юрій за повозничка,
Святая Микола за помошничка.
*) Сустрѣўши уклонилися,
Уклониўшися помолилися
„Волочовнички, бѣлые молойцы!
Чи не видзѣли, чи не бачили
Бога своего, Сына моего?
Да одзинъ каже: я-жа не бачпў,
Да другой каже: я-жа не вндзѣў,
А трецій каже: да я самъ тамъ быў,

*) Тутъ пропущенъ стихъ.

Да сидзиць Боже у честного мужа,
Честного мужа, пана Григорки,
За столичкомъ, за цесовенькимъ.
Передъ пимъ стоицъ честный мужъ,
Да его-жа дворъ на погорочку,
На погорочку, во середочку.
На его дворѣ да ягонь горидь,
Колѣ того ягня да столы стоящь,
А на тыхъ столахъ ўсё скацерци,
На тѣхъ скацеркахъ да ўсе кубочки,
Ўсё кубочки да ўсё полные,
Да ў тыхъ столовъ да ўсё креслички,
Да на тыхъ кресличкахъ да ўсё праздничи
Раховалися, собиралися.
Одного праздника раховалися,
Якого праздника? Святого Миколу.
Кого сыскаць по Миколу послаць?
— Петрика сыскаць по Миколу послать.
Петрикъ имъ отказывае:
„Я коня не маю, Миколу не знаю."
Ну кого сыскаць по Миколу послаць?
— Иллю сыскаць по Миколу послаць.
Илля же имъ отказывае:
„Я коня не маю, Миколу не знаю."
Ославиўся Святый Юрій:
„Я коника маю, Миколу знаю."
Только Юрій коня сѣдлае,
Коника сѣдлае, два раза уѣзжае.
Съ двора съѣзжае, Миколу устрѣкае.
„Гдзѣ-жа ты Микола прозабавиўся?"
— Я по полю ходзиў да росў росиў,
— Я по межѣ ходзиў, жито родзиў,
— Я по бору ходзиў да роп садзиў. —
Я (sic) потомъ ў того честного мужа:
Отчини окно, зерни ў гумно,
Отчини другое, зерни ў поле,
Да што же ў полѣ рано гомонило?

— Гомонило ў полѣ ядрено жито.
Ядрено жито господара кличе:
„Да ты господару отвѣдай мене,
Отвѣдай мене ў скородзѣ,
Отвѣдай въ усыпаннѣ,
Отвѣдай мене ў красованнѣ,
Отвѣдай мене ў полованнѣ,
Якъ пойдземъ женцоў напимаць.
Напимали женцоў—ўсё молодые,
Да кивали серпы ўсё сталенные,
Да женецъ рѣзне да снопокъ нажне,
До ступени ступиць да копу кладзе.
Да ўродзи, Боже, ядрено жито!
Ядро зъ ведро, снопокъ съ пирожокъ,
А зёрнышко съ орѣшо́къ,
Ў полѣ копами, а ў гумнѣ стогами,
Штобъ такъ густо якъ па небѣ звѣзды,
Ярь и пшеницу, ўсякую пашницу.
Да потомъ того, честный муже,
Ти ў слухъ тая наша пѣсенка?
Да коли же не ў слухъ, дакъ слухай здороў,
Да коли же ў слухъ, не вели томиць,
Не вели томиць, прикажи дариць.
Да наши же дары не великіе,
Наши же дары великонные:
Починальничку червонъ злотый,
А нашимъ братцемъ хоця по десятцѣ,
А мѣхоношѣ копу яецъ,
Да копы же яецъ да той негдзѣ узяць,
Да дзесяточекъ да то можно же даць,
Нашему музыку горкая доля,
Горкая доля кварта горѣлки,
Кварта горѣлки сыру на тарелки.
Кварта горѣлки толе смѣлосци,
Сыры на тарелки толе крѣпосци.
Да бывай здороў, май сто короў,
Май сто короў, пятьдесятъ конёў,

Май пятьдесятъ конёў, семь сохъ волоў,
Семь сохъ волоў, полтораста роевъ.
Будзь здороў якъ зимою вода,
Да будзь богатъ якъ ў лѣтку земля,
Да и зъ дзѣтками да съ семейкой,
Да съ семейкою веселенькою.
Протиў новоіо лѣта пѣсенка спѣта,
Да тую же пѣсню Христосъ любиў.
Христосъ любиў да насъ научиў.
Христосъ воскрёсъ, Сыне Божій!
(Зап. А. В. Вахромѣевою.)

Другой варіантъ, который поется дѣвушкамъ:

148

(*Тамъ же*)

Ў чистомъ полѣ стояла береза
Христосъ воскрёсъ, Сыне Божій! *)
Стояла береза тонка, высока,
Да на томъ березѣ широка лисцця,
А на томъ лисцця дробная роса.
Хтожь тую росу обиваць будзе.
Подбирала росу красная панна,
Красная панна, молода Ганна.
Яна подбирала, ў рукавецъ клала,
Да зъ рукавца брала, злотничкамъ давала.
Ты злотичку, ты работничку!
Ты скуй же мнѣ три надобнички:
Первый надобокъ—золотой кубокъ,
А другой надобокъ—шелковая хустка,
Трецци надобъ—золотой персценекъ.
Золотымъ кубкомъ—умывацися,
Шелковая хустка—уципрацися,
Золотой персценекъ—вѣнчацися.
Я потомъ того, красная панна.
Загадаю тобѣ три загадки:
Красная, панна молодая Ганна.

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Тамъ яна да кони пасе,
Да пасучи кони да погубила,
Да шукаючи заблудзила.
Ишла жа яна да дорогою,
Да дорогою, да широкою,
Сустрѣкала трехъ волочоўничкоў:
Волочовники, бѣлые молойцы!
Ти не бачили, ти не видзѣли,
Ти не видзѣли табунъ коней?
Да потомъ того, красная панна,
Загадаю тобѣ три загадки,
Коли отгадаешь, дакъ кони укаже.
Да. одзинъ же каже: я не бачиў,
Да другой каже: я не видзѣў,
А трецци каже: я же видзѣў.
Да загадаю тобѣ три загадки,
Коли отгадаешь, дакъ кони укаже.
Да штоже бѣжиць безъ поводы?
Да штоже росцець безъ кореня?
Да штоже бѣло да не бѣлючи?
А штоже сиво да не сивучи?
А штоже черно да не черночи?
— Да вода бѣжиць безъ повода,
Да камень расце безъ корня,
Да лебедка бѣла да не бѣлючи,
Да зязюля сива да не сивучи,
Да чоронъ воронъ да не чернючи.
Да потомъ. красная панна,
Красная панна, молодая Ганна!
Ти ў слухъ тобѣ наша пѣсенка (и т. д. какъ въ предыдущ.)
(Зап. тою же.)

Холостымъ поютъ слѣдующій варіантъ:

149

(*Тамъ же*)

Ў полѣ, ў полѣ коники ходзяць,
Зъ тыхъ коней да одзинъ коникъ,

Да одзинъ коникъ силъ невеличекъ,
А касатенькій, волосатенькій.
Хто жь того коня да поймае?
Да и обозваўся молодой паничь,
Молодой паничь, молодой Андрейка,
Ёнъ того коня да поймае,
Да и поѣдзе ў чисто поле,
Чистое поле да на полеванне,
Да на полеванне сокола стрѣляци.
Только ёнъ-жа къ явору пріѣзжае,
А на яворѣ да соколъ сидзиць.
Селецца-мелецца сокола стрѣляци,
А соколъ отказывае:
Ты не бей же мене, не стрѣляй мене,
Я жь тобѣ буду великой пригодой,
Якъ будзешь ты да женицися,
Да будзешь браци за водами,
Да за водами да за морями,
Да пріѣдзешь ты къ синему мору,
Да будзешь кликаць да перевозничкоў,
Да будзешь кликаць не докличися,
Я жь тебе молодого да и перевезу
Тебе молодого да на правомъ крылѣ,
Што твою жену попилемъ (?) съ тобой,
Да твоихъ сватоў да на лѣвомъ крылѣ,
А приданное на серéдзинѣ,
Я музыченьку на шéенкѣ,
Я подруженекъ да на хвостику,
Твоего коника да ў плывъ пущу.
Перевезу тебе на тотъ бокъ Дунаю,
На той бокъ Дуная да къ Бѣлому Цару.
Выйдзи, выйдзи, Бѣлый Царъ!
Мы съ тобою повитаемся,
Попробуемъ воеваци.
Да кому же тутъ Богъ поможе,
Ти тобѣ царичу, ти мнѣ паничу?
Да тобѣ царичу Богъ не поможе,

А мнѣ паничу Богъ да поможе.
Да Бѣлый Царъ да не выходзиць,
До него да подарки шле.
Да якій подарокъ? Коня вороного.
Да паничь того не принимае.
Да якій паничъ? молодой Андрейка.
Ёнъ не принимае, назадъ отсылае,
Къ себѣ Бѣлаго Царя вызывае.
Да Бѣлый Царь да не выходзиць,
До него да подарокъ шле.
Да якій подарокъ? золотой кубокъ.
Молодой паничъ того не принимае.
Да якій паничъ? молодой Андрейка.
Ёнъ не принимае, назадъ отсылае,
Бѣлаго Царя да вызывае.
Бѣлый Цару да не выходзе,
Ёнъ до его подарокъ шле.
Да якій подарокъ? золотой персценóкъ.
Да паничъ того да не принимае,
Ёнъ не принимае, назадъ усылае,
Къ себѣ Бѣлаго Царя вызывае.
Да Бѣлый Царь да не выходзиць,
Да ёнъ до его подарокъ шле.
Якій паничъ? молодой Андрейка.
Да якій подарокъ? красную панну.
Да паничъ тое примае, да назадъ не усылая.
Да якій паничъ? молодой Андрейка.
Ў золотомъ кубку умываецца,
Шелковой хусткой уцираецца,
Золотой персцень—вѣнчаеця,
Вороная лошадзь—проѣзжаецся,
Кованая поясъ—красавацися,
Красная панна—вѣкъ вѣковаци,
Вѣкъ вѣковаци, дзѣтокъ дожидаци.
Да дзякуй, дзякуй Бѣлый Царь,
Да дзякуй, дзякуй за красную панну.
Да истомъ того молодой паничъ,

Молодой паничъ, молодой Андрейка!
Ти ў слухъ тобѣ наша пѣсенка?
Да коли ў слухъ, не вели томиць

(Окончаніе какъ и въ предыд.)

(Зап. тою же.)

150

Здорово, хозяинъ нашъ бацюшка!
Христосъ сынъ Божій воскресъ! *)
Ци спишь, ляжишь,
Али поцываешь?
Когда спишь—Господь съ тобой!
Когда не спишь—открой окно,
Открой окно, посмотри въ окно
На цёменъ дворъ, что дѣецца:
Стоиць церква новорублена,
Новорублена, недорублена.
Въ этой церкви всѣ святые,
Одного нѣтъ: Егорья святаго.
Егорій святой въ цистомъ полѣ гуляя,
Съ сѣвалкой ходзя, горохъ засѣвая.
Николай въ полѣ гуляя—рожь колосця.
Троица святая въ полѣ гуляя—цвѣтъ накладая.
Петръ и Павелъ—серпы правили,
Илья въ полѣ гуляя—рожь зажиная.
Маккавей въ полѣ гуляя—стоги ставя.
Покровъ въ полѣ гуляя, на гумнѣ мѣшки засыпая,
Солодъ росця и пиво варя,
Пиво варя и Бога хваля.
Пироги пяке и госцей мяня.
Христосъ нашъ бацюшка,
Подари госцей колядовщицковъ:
Парой яецекъ,
Пирожокъ конецекъ,
Пирогъ съ локаць,

*) Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

Штобъ было лопаць;
А не хошь дарицъ,
Пойдзимъ собакъ дразниць,
Грязь мѣсиць,
Людзей смѣшиць.

(Изъ ст. Θ. Серебреникова: «О народныхъ праздникахъ Себежск. уѣзда» въ Памятной книжкѣ Витебск. губерніи на 1867 г.)

151

(*Д. Кисели, Себежскаго у.*)

Чаломъ здоровъ, хозяюшка,
Хозяюшка нашъ батюшко
Христосъ воскресъ, Сынъ Божій нашъ! *)
Ци спишь, ци ляжишь, ай отпочиваишь?
Съ своей женой бояриной, съ своими дѣтками (панятками).
Коли ты спишь, то спи съ Богомъ,
Когда не спишь, открой окно,
Открой окно, погляди въ окно,
Погляди въ окно, въ чисто поле:
Въ чистомъ полѣ церква стоитъ,
Церква стоитъ соборная,
Соборная, богомольная,
А въ той церкви престолы стояць.
Престолы стояць, святые сидятъ, *)
Святые сидятъ, суды судзяць,
Суды судзяць, рады радяць:
Которому святому ў поле идти?
Егорій свѣтъ ў поле пошелъ,
Никола свѣтъ на коней ўспалъ,
На коней ўспалъ, первый ў полѣ.
Святая Илья ў поле пошла,
Ў поле пошла, рожь зажинала.

---

*) Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

*) Просимъ обратить вниманіе на колебаніе въ способѣ написанія однихъ и тѣхъ же формъ грамматическихъ.

На встрѣчѣ Ильѣ Самъ Господь Христосъ:
„Святая Илья, ты гдѣ была?
— Самъ Іисусъ Христосъ, у поле была:
Гдѣ разъ рязну, тамъ снопъ вяжу,
Гдѣ снопъ вяжу, тамъ бабку ставлю,
Гдѣ бабку ставлю,—стога стоятъ,
Стога стоятъ высокіе.
Широкъ высокъ на небѣ мѣсяць,
Ширѣй, высшей мои стога,
Хозяюшка, нашъ батюшка.

(Зап. отъ панцырныхъ бояръ, священникомъ Ив.)

Слѣдующія пять волочобныхъ пѣсень поются „panычу“:

152

(Д. Васьковичи, Витебскаго у.)

А луги, луги ўсё зялёные,
Спѣвайце молойцы, спѣвайце! *)
Ходзили кони ўсе ворóные,
Шоўкомъ яны ўсё запутаны,
Серябромъ яны позамузданы.
Нихто тыхъ кóній ни поймаиць,
Ни поймаиць, ни замуздаиць,
Ни замуздаиць, ни распутаиць,
Ни распутаиць, ни осѣдлаиць,
И ни осѣдлаиць и ни поѣдзиць.
Откуль ўзяўся круты Пахомокъ,
Круты Пахомокъ, панскій дзѣценокъ,
Панскій дзѣценокъ, панычъ Михалутка.
Ёнъ и поймаиць и замуздаиць,
И замуздаиць и осѣдлаиць,
И осѣдлаиць, сядзиць, поѣдзиць.
Ѣдзиць ёнъ поле, ѣдзиць другое.
Ўзъѣзжаючи ёнъ на трецце.
На треццимъ поли стоиць же древо

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Тонко, высоко, листомъ широко.
На томъ же древѣ сядзиць-же птица,
Орёлъ-жа птица, жоўта лисица.
Хоцѣў-жа ёнъ ее застрѣлици,
Стала яна яму да говорйци:
Панычъ Михалочка да ни стрѣляй мяне!
Да я къ табе, да пригожуся.
Будзишь-жа ты да й жаницьца,
Будзишь ты брацець и за водами и за рѣками,
А я табѣ брацець, да й перавязу,
Дружку твою на сизомъ хвосту,
Дзѣвоньку твою на лѣвомъ крылу,
Табе молойца на правомъ крылу.
(Зап. В. И. Безперчій).

153

(Витебскъ)

Ў садзѣ, ў садзѣ ў зяленепькимъ
Христосъ воскрёсъ Сынъ Божій! *)
Бѣгаць коникъ воронепькій.
Нихто коня ни пойманць,
И ни пойманць, ни забратаиць.
А выскался сличный панычекъ,
Ёнъ того коня пойманць,
Пойманць и забротаиць,
И забротаиць и осѣдлаиць.
Ёнъ осѣдлаўши сѣлъ да поѣхаў,
За вороцики за цисовые,
Ў чисто поле на прогуляне,
На прогулянне, да на полеванне.
Ѣхаў поле, ѣхаў другое,
На трецце поле ёнъ ўзъѣзжаиць —
Стоиць древцо тонко, высоко,
Тонко, высоко, лисцемъ широко,
А тымъ древцѣ сядзиць пташка,

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Сядзиць пташка да сизой оролъ.
Ёнъ жа бярець каменну стрѣла,
Ёнъ того орла хочиць убиць,
Хочиць убиць да й застрѣлиць,
Хочиць убиць зъ каленной стрѣлы.
Стаў яго оролъ упрашиваци:
Сличны панычекъ Василенька!
Ня убій мяне зъ калешюй стралы,
Я табѣ пригожуся и принаровлюся.
Будзишь ты жанициси,
Будзишь ты брацъ за рѣками,
За рѣками, за крутыми горами,
За крутыми горами, за широкими морями,
Возьмешь ты панну Ганну,
Панну Ганну, королевску дочь.
Будзиць табѣ пиропуцейка,
Пиропуцейка — быстрая рѣчка.
Ня будзиць табѣ ни праходу, ни праѣзду,
А я жь тамъ табе пирамышлю,
Пирамышлю и пирапраўлю:
Самаго табе на шеенцы,
А жану твою на спинянцы,
Дружину твою на хвосцику.
— Сличны панычъ да Василюхна!
Приказаў томиць, прикажи дарыць,
Наши дары ни вяликіе и ни малые:
Почипальничку и т. д.

(Записано мною отъ отставнаго солдата старика Тараса Липова).

154

(Невельскій у.)

Стоиць садикъ да зелененькій.
Бѣжиць коникъ да вороненькій.
Нихто коня ни пойманиць.
Ни мой молодзець ни осѣдланиць.
Откуль узяуся сличный панычъ,

Сличный панычъ, нашъ Мишутка,
Ёнъ коня поимаицъ и осѣдлаицъ,
Ёнъ поѣдзицъ ў чистоя поле,
Ў чистоя поле да на полеванпе.
Ў чистымъ поля древо стоицъ,
На тымъ древѣ орелъ сидзицъ.
Ня бій мяне, ня стрѣляй мяне,
Сличный панычъ, панъ Мишуточка!
Якъ будзишь ты да й жаницьца,
Я твои мысли пирамыслю,
Пиравяду табе черезъ сине море,
Коній твоихъ ў плыў пущу,
Самаго табе на правая крыло,
А королеўшу твою на лѣвая.

(Зап. В. Новицкій, гимназистъ -го класса).

155

(*С. Апанасковичи, Лепельскаго у.*).

Повинъ засѣчакъ красныхъ яечакъ
Христосъ Сынъ Божій воскресъ! *).
Ўсимъ рабяткамъ по яечку,
А мнѣ сироцѣ да й ни вôднаго,
Вотъ я сирота да й погнѣваўся.
Даюць сироцѣ сиваго коня,
Сирота ни узяў, шапочки ни сняў,
Шапочки ни сняў, до пожокъ ни паў.
Даюць сироцѣ сто рублей гроши,
Сирота ни узяў, шапочки ни сняў,
Шапочки ни сняў, до ножокъ ни паў.
Даюць сироцѣ козливы баты,
Сирота ни узяў, шапочки ни сняў,
Шапочки ни сняў, до ножокъ ни паў.
Даюць сироцѣ лаўровый вянокъ,
Сирота ни узяў, шапочки ни сняў.
Шапочки ни узяў, до ножокъ ни паў.

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Даюць сироцѣ красную дзѣўку,
Сирота узяў и шапочку сняў,
Шапочку сняў и до ножокъ паў.

(Зап. Ольга Котырло, воспитанница Духовнаго Училища).

156

(С. Коптевичи, Лепельскаго у.).

Ў чистомъ поли овёсъ поросъ
Христосъ воскрёсъ, Сынъ Божій! *).
А ў тымъ оўсѣ каминь ляжиць,
На камени голубь сядзиць.
Туды й ѣхаў сличны панычъ,
Хоцѣў яго зъ ружжя забиць.
Стаў ў яго просицися:
Ня би мяне сличны панычъ!
Скажу табѣ три радосци:
Першая радосць—Богъ цябе зовець,
Другая радосць—панъ цябе зовець,
Трецця радосць—царъ цябе зовець.
Богъ цябе зовець—долю даець.
Панъ цябе зовець—коня даець.
Царъ цябе зовець—дочку отдаець.
А зъ долею долеваць будзишь.
На конику поѣздждаць будзишь.
А зъ царевнею жити будзишь.

(Зап. учителемъ народнаго училища г. Преображенскимъ.)

157

(М. Чашники. Лепельскаго у.)

яцѣла пчолка
иразъ наша сёлка—
ристосъ воскресъ.
ынъ Божій! **).
хопила пчолка
Михайлову жонку.
Бѣжиць Якимъ,
Полы подкасаўши
И шапочку зняўши.
Постой пчолка.

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

**) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Отдай жонку!
Моя жонка
Недокушная
Раненька ўстаець
И тоненько прадзець,
Часценько тчець
И бяленько бѣлиць (2)
Хорошо ходзяць (2)
Хозяйство водзиць.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны

158

(*Невельскій у.*)

А ну те же братцы вы товарищи,
Христосъ воскресъ Сынъ Божій! *)
Споёмъ пѣсню мы сустрѣчную,
Сустрѣчную, поперечную,
Загадаемъ вамъ загадочку,
Отгадаиця—богачами пазовемъ,
Ня отгадаиця—бокй отобьемъ,
Боки отобьемъ, сумки отбяремъ:
А штожь горицъ безъ полымя?
А штожь бяжиць безъ повода?
А штожь ходзиць выше лѣса?
А што ржець безъ голоса?
А штожь цвѣцець безъ синя цвѣта?
— Сердце горицъ безъ полымя,
Вода бѣжиць безъ повода,
Соўнце ходзиць выше лѣса,
Вѣцеръ ржець безъ голоса,
Папоротникъ цвяцець безъ синя цвѣта.

Зап. гимназ. 4-го кл. В. Новицкимъ.)

159

(*М. Чашники*)

Господыночка, журавиночка!
Ци ты спишь, ци ты почиваишь?
Коли ты спишь—Богъ съ тобою,
А ня спишь—моў со мною.

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Загадаю табѣ три загадычки,
Хто можець отгадаци?
Што горыць безъ полымя?
Што идзець безъ повода?
Што расцець безъ кориня?
Сличная паненька, отгадай намъ.
— Соўнца горыць безъ полымя,
Вода бѣжиць безъ повода,
Камень расцець безъ кириня.
— Ня кажи томиць, а кажи дарыць.
Нашн дары ня великіе:
Кварту горѣлки и сыръ на тарелки
Бывай здороў якъ жива вода,
Бывай богатъ, якъ сыра зямля,
Бывай красива, якъ ясенъ мѣсицъ.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

160

(Тамъ же)

Ляцѣла пава по чистымъ поли,
Роняла перья позлацистые,
Туды ишло три дзѣвоньки,
Перья збирали, ў рукавокъ клали.
Одна дзѣвонька да правумная,
Зъ рукаўка брала, вяночикъ вила,
Звиўши вяночикъ, пошла ў таночикъ.
Туды йшло три молойца,
Сорвали вянокъ, покацили ў поле.
„Сличные молойцы, отдайце вянокъ!"
— А што ты намъ даси, сличная пана,
— Сличная пана, пана дзѣвонька?—
„Одному я дамъ золоты пярсцень,
Другому я дамъ пярловы вянокъ,
Трецьцему я дамъ правую руку,
За правою рукою я сама пойду:

Одному я буду сусѣдочка,
Другому я буду нявѣсточка,
Трецему буду я мила жона.

(Зап. тотъ же. Поется „паненкѣ“.)

161

(*Витебскъ*)

Ой рано, рано пава лятала
Спѣвайце, молойцы, играйце! *)
Лятала пава, перья роняла,
Ой ранѣй того Дашка вставала,
Перья збирала, вяночикъ вила.
Звиўши вяночикъ, пошла ў таночикъ.
Откуль ўзялись бурные вѣтры,
Буйные вѣтры, дробные дожжи,
Схопили вяночикъ ў чиста поле,
Ў чиста поле, ў синя моря.
Пошла Дашка вяночикъ шукаци,
Сустрѣла яна да трохъ рыболоўоў,
Трохъ рыболоўоў да трохъ жанихоў.
„Милые мои да три рыболовы!
„Ци ня чула, ци ня видзѣли мойго вяночка?
Одзинъ же кажецъ: „ня чуў, ня видзѣў“,
А другй кажецъ! „я и чуў и видзѣў“,
А треци кажецъ: „ёнъ тутъ ў мяне,
Ёнъ тутъ ў мяне, ў мяне ў рукавѣ“.
Одному дала хусту шоўковy,
Другому дала персцень золоты,
А за трецпяго сама пойду.

(Зап. мною отъ бывшей дворовой, Арины лѣтъ 50.)

162

(*М. Чашники*)

Ў ляску, ў ляску на жоўтымъ пяску
Стоицъ три дуба ўсе зяленые,

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Зъ-подъ тыхъ же дубоў рѣчка процякла,
Тамъ жа дзѣвонька кубочки мыла,
Кубочки мыла, персцень зронила.
Туды жа плыли да три рыболовы
— Сличные вы мои рыболовы!
Закиньце сѣтку вы шоўковую,
Ўловице перецень мой золотеньки.
„А штожь намъ даси сличная панна?“
— Доброму молойчику червончику,
А другому дамъ шоўкову хусту,
А трецщему дамъ—правую руку.
(Зап. мною отъ Марьи Коткевичовны.)

163

(*Д. Васьковичи, Витебскаго у.*)

Рано, рано соўнце всходзило
Спивайце, молойцы, спивайце! *)
Раннѣй того пава литала,
Пава литала ўсе павистая,
Роняла перьря ўсе золотистые.
Панна Мартуська перьря збирала,
Перьря збирала, ў рукавокъ клала,
Зъ рукаўка беря вяночикъ вила,
Звиўши вяночикъ, шла ў таночикъ,
Шла ў таночикъ похвалилася,
Похвалилася, поклонилася:
Нихто ни снимець пярлова вянка,
Пярлова вянка со буйной головы,
Вѣтры повѣюць—вянка ни звѣюць,
Дожди пойдуць—вянка ни взмочуць.
Откуль ўзялись буйные вѣтры,
Буйные вѣтры, дробные дожди,
Схопили вянокъ со буйной головы,
Понясли вяночикъ на чисто поле,
На чисто поле, на синя море,

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

На синя море, на позаморье.
Шла Мартуська ўсе пытаючи,
Ды пытаючи, усе шукаючи,
Ўстрѣла яна трое рыболоўоў:
„Вы рыболовы, вы молодые!
Чи ня чули вы, чи ня видзѣли
Перлова вянка со буйной головы?“
Одзинъ-жа кажець: я чўў, я и видаў,
А други кажець: я ў рукахъ дзержаў,
Я ў рукахъ дзержаў, треццему поддаў,
А треци кажець: за што пираймаў?
— Одному я шоўковы платокъ,
А другому дамъ золоты персцень.
Золоты персцень со мезинъ-пальца.
За трецзяго я и сама иду,
И сама иду и руку даю.

(Зап. В. И. Безперчій.)

164

(*Тяпинская волость, Лепельскаго у.*)

А ў ляску, ляску на жоўтымъ пяску
Солоўви гудуць, церкву будуюць,
Съ трамя вокнами, чятырьмя углами.
Ў водно вокно соўнцо увойшло,
Ў другоя вокно мѣсяць увойшоў
Ў треція вокно соколъ уляцѣў,
Соколъ ўлящѣў, слязу, уронпў.
А съ тыи слязы рѣчуньки пошли,
Рѣчуньки пошли, ўсе быстрыи,
Рѣки быстрыи, бпражистыи.
По той рѣчуньцѣ павинька плыла,
Павинька плыла распавистая,
Роняла перья позлоцистые.
Аўдотка статокъ гнала,
Статокъ гнала, перья збирала,
Перья збирала, ў рукавокъ клала,

Зъ рукаўка брала, вяночикъ вила,
Вяночикъ звила, пришпилилася,
Пришпилившись ў танець пошла,
Ў танець пошла похилилася,
Похилилася, своимъ вяночкомъ похвалилася:
Мойго вяночка буйны вятры ни звіюць,
Буйны вѣтры ни звіюць, дробны дождж ни змочуць.
Якъ ўстали дробны дождж, буйны вятры,
Схвацили, покацили парловый вянокъ
Ў чистоя поля, на синя моря,
Пошла Аўдотка ўсё шукаючи, ўсё пытаючи,
А споткала Аўдотка трохъ рыболоўоў.
А рыболовы, рыболовы, вы молодые!
Ци ни видали, ци ни бачили мойго вяночка?
Одзинъ говориць: я ня видзиў,
Други говориць: я ня бачиў,
Треци говориць: што за пирайма?
Я дамъ одному шоўкову хусту,
Другому я дамъ кованны поясъ,
Трецему дамъ золоты кубокъ,
Золоты кубокъ, бѣлу ручку,
А за ручкой—я сама молода.
Одному я буду сусѣдочка,
Другому буду нявѣсточка,
Трецему буду жона молода.

Припѣваютъ послѣ каждаго стиха, во время поста: „зяленая елка, зялена!“ а во время Пасхи: „Христосъ воскресъ, Сынъ Божи“!

(Зап. писаремъ Тапинской волости К. Шимковичемъ. Достав. миров. посредн. М. Θ. Сазоновымъ.)

16

(*Смолянецкая волость, Лепельскаго у.*)

Пасцила дзѣўка вороныхъ конiй,
Пасциў да й заснула,
Очанулася—коня нѣтъ.

Пошла яна ўсё дорогою,
Ўсё дорогою, ўсё широкою,
Сустрѣла яна трехъ молойчикоў,
Молойчики молодзенки!
Ци ня видзѣли моихъ коній вороненькихъ?
Одзинъ кажець: ня видзиў,
Другій кажець: ня видзиў,
Трецц кажець: я самъ быў, коній видзіў.
Цяперь дзѣўцы кони скажимъ:
Твои кони ў чистомъ поли,
Чорнымъ шоўкомъ попўтаны,
А сярабромъ понўзданы,
Ядуць траву ўсё пометную,
А пьюць воду ўсё болотную,
Ядуць траву ўсё суничную,
А пьюць воду ўсё крыничную.
Ў городзику ў малюсенькимъ
Цвицыць рожа чирвонюсинька.
Туды пшла слична паненька,
Слична паненька, млада Ходарка,
Тую рожу пощипала,
Къ свойму личику роўновала:
Ци будзиць лицо такъ пригожа,
Якъ ета слична рожа.
Ни пойду замужъ за никого,
Тольки пойду за купчика, за коморщика,
Што зъ королемъ ёнъ садзицца,
Никого не боицца.

(Поется „паненкѣ.“)

166

(*Кэттевичи, Лепельскаго у.*)

На горѣ липа раскидаицца,
Богатыръ дочкой набиваицца:
Возьми, худачокъ, мою дочушку,
Дамъ табѣ посаги быка и цялушку,

Ящё придатку—бобу лопатку,
Къ тому причины—пучокъ лучины,
Пучокъ лучины и мѣхъ мякины,
Погодзя трошку—сляпую кошку.
(Записано учителемъ народнаго училища г. Преображенскимъ).

167

(*М. Чашники*)

Господыночка, журавиночка!
Дзень добрый табѣ, господыночка!
Ня кажи томицъ, кажи дарицъ,
Ня даси яецъ—полупишъ овецъ,
Ня даси боли—полупишь кони.
Бувай здороў, лупи ты короў.
Цялятки гладки, хвосты якъ бичи,
Хвосты якъ бичи, за хвостъ волочи.
Ня даси коко—вылѣзицъ воко,
Ня даси другоя—вылѣзицъ и тоя.
Ляжи ў посцели, ажъ до недзѣли.
(Запис. мною отъ М. Коткевичовны.)

168

(*Чашники*)

Бразднули ключи ў вѣка,
Гэй Лука, Лука! *)
Пошли дзѣўки ў лѣта,
Хто тыи ключи знайдзиць,
Тэй восень замужъ зайдзиць.
Кацарина ключи знайшла,
Яна восень замужь зайшла.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

169

(*Тамъ же*)

Послала мяне маци
На Дунай воды браци.
Я воды ни брала,
Коло виру скакала,
Ў виру скочила (2),
Водой замутила
И пяскомъ закруцила.
Ня жди мене, маци,

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха и въ слѣд. пѣснѣ.

Къ обѣду зъ водою, (2)
Къ вячери зъ судами.
А жди мяне, маци,
На дзевятоя лѣто,
На дзесятую зиму.
А ў лѣта ў чоўночку,
А ў зиму ў возочку,
Зъ бѣленькимъ сыромъ,
Зъ маленькимъ сыномъ,
Зъ молодымъ зяцемъ,
Зъ малымъ дзициятемъ.
Гэй Лука, Лука!

(Зап. тѣмъ же.)

170

(Тамъ же)

Соловеенки: чахъ, чахъ (2)
Кабы я была да пташинька,
Поляцѣла бы да на море,
Сѣла бы я на явори,
Послухала бы того,
Якъ дзѣўшки плачуць,
Молодаго вспоминаючи,
А стараго проклинаючи.
Старый ляжйць: кихи, кихи!
Я молода: хи, хи, хи!
Стары ляжйць якъ колода,
Я молода, якъ ягòда.
Стары ляжйць перехаючи,
А я пойду гуляючи.
Якъ пойду коло ели —
Стараго воўки зъѣли,
Якъ пойду коло тросци,
А стараго ляжаць косци,
Я пойду я коло струба,
Стараго ляжаць зубы,
Якъ пойду я коло гаю,
Зъ молодымъ погуляю.

(Зап. тѣмъ же.)

Весеннія пѣсни.

Пѣсни эти поются гдѣ-нибудь на крышѣ, на деревѣ или на горкѣ.

171

(*Витебскій у.*)

Благослови, Боже, вясну загукаци!
Вясну ясненькую, лѣта цепленькоя.
Гэй, вясна красна! што вынесла?

Зъ коробоў жита повытрясла,
Маленькимъ дзѣткамъ по лечку,
Старенькимъ бабкамъ по кіёчку.

(Зап. гимназ. 6-го кл. Стржемецкій.)

172

(*Тамъ же*)

На улицы бабы сядзѣли, сядзѣли,
Кулакомъ зямлю пробили, пробили,
Про нявесточикъ судзили, судзили:
А моя нявѣстка нягодчча, нягодчча.
Што у Бога дзень, то просцень, то просцень.
А моя дочушка—досужка, досужка:
Два дни, три дни—быкъ просцень, быкъ просцень.

(Зап. тотъ же.)

173

(*Коптевичи, Лепельскаго у.*)

Шнитка матка
Аюга!
Дзягель бацька
Аюга!
Пойду ў шнитку,
Аюга!
Для пожитку,
Аюга!
Якъ пойду коло луга,
Аюга!
На людскую пярасугу,
Аюга!
Якъ пойду коло сада,
Аюга!
На людскую пярасаду,
Анга!
Якъ пойду коло тросци,
Аюга!
Тамъ стараго лежаць косци,
Аюга!

(Зап. учителемъ народнаго училища г. Преображенскимъ.)

174

(*Быховскій у.*)

На морю вутка купалася,
На биражочку сушилася,
Яжь молодзенька журилася:
Ци было лѣта, ци ня была?

Яжь молодзенька ня угадала,
Мамка на вулку ня пускала,
А ў коморочку замыкала.
Выбію я, выбію болоночку,
Гляну я, гляну на вулочку:
Ажъ ну мой милый танокъ водзя,
Ды и зъ моей даўный подружачкый.
Дай табѣ, Боже, подружечка
Етаго танка ня свадзпци,
Етаго вянка ня сносици.

(Зап. А. Ф. Лисовская.)

175

(*Тамъ же*)

Тамъ на морѣ ды й на спниньким,
Лелѣя вода на морѣ! *)
А плывець, плывець ды вуточекъ стадо!
А откуль ўзяўся сизый силязенька,
А ўзяў вутку подъ правоя крыло,
А поплыў съ вуткый на глубока моря.
А ўсѣ вуточки позакрякали.
Ня крачьця вы вутки, ни крачьця вы сѣры!
Коли Богъ судзя и вамъ ета будзя.
Тамъ на горѣ бы на круцпнькый
Червоня рожа ў городзѣ,
Ды тамъ гулянць а дзѣвочекъ куча, —
Червона рожа у городзѣ **)
Ды й откуль ўзяўся молодый Напрейка,
Ўзяў Настульку подъ правую ручку,
А повёў Настульку ды на высокъ цяромъ.
А по ей одной ўси дзѣвенки плачуць.
Ни плачьця вы дзѣўки, нп плачьця вы красны!
Коли Богъ судзя и вамъ ета будзя.

(Зап. тотъ же.)

---

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

**) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха, до конца.

Праздникъ въ память св. великомученика Георгія („Святая Юрья“), совершаемый православною церковію 23 апрѣля и называемый крестьянами (села Веляшковичъ, въ 40 в. отъ г. Витебска) „святая Юрья“—есть собственно пастушескій праздникъ въ поименованной мѣстности, хотя въ тоже время каждый крестьянинъ остается безъ обычныхъ работъ во весь день.

Первый выгонъ въ поле рогатаго и другого мелкаго скота принято обычаемъ совершать 23 апрѣля, хотя, въ виду различныхъ обстоятельствъ, этотъ обычай нарушается и часто первый выгонъ скота въ поле бываетъ гораздо раньше. Во всякомъ случаѣ, церемоніи, которыя совершаются пастухами при первомъ выгонѣ скота въ поле, принадлежатъ исключительно дню „святого Юрья“. Церемонія и самый праздникъ совершается въ полѣ, при стадѣ.

Каждый хозяинъ и хозяйка даютъ своему пастуху хлѣбъ, сыръ, масло, яйца, молоко, иногда и деньги. Полученное отъ хозяина поступаетъ въ общій сборъ пастуховъ извѣстнаго стада. Старшій при стадѣ пастухъ, называемый „стадникомъ“, распоряжается приношеніями всѣхъ пастуховъ и управляетъ церемоніями и празднествомъ дня. Изъ яицъ, масла и молока приготовляется яичница *), а на собранныя отъ хозяевъ деньги покупается водка, бѣлый хлѣбъ и иногда дешевые пряники.

Около 2 часовъ полудни пастухи принимаются за приготовленія яичницы, составляющей всю суть праздничнаго стола. На гладкой и широкой полянѣ устроивается костеръ изъ сухихъ деревъ, въ который непремѣнно каждый пастухъ долженъ принести охапокъ сухаго хворосту или дерева, и на этомъ кострѣ варится яичница и пекутся яйца. Когда яичница готова и успѣетъ немного остынуть, „стадникъ“ окутываетъ горшокъ съ яичницей и ставитъ себѣ его на голову, поддерживая въ тоже время горшокъ обѣими руками. Самый меньшой изъ пастуховъ беретъ горящую головню въ руки и тоже немного приподнимаетъ ее къ верху; другой, такой же пастушокъ, беретъ въ правую горсть соли. Предварительно все стадо ложится въ кучу и вокругъ него отправляется процессія пастуховъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди идетъ пастушокъ съ

*) Эта яичница приготовляется такъ: взбалтываются яйца и потомъ вливается молоко и бросается немного соли. Все это варится до извѣстной густоты и остывши даетъ очень вкусное кушанье.

кнутомъ и приводитъ стадо въ порядокъ, за нимъ—пастушокъ съ горящей головнею, далѣе—пастушокъ съ солью въ горсти, за нимъ идетъ „стадникъ“ съ горшкомъ яичницы на головѣ, а наконецъ—за „стадникомъ“—остальные пастухи, изъ которыхъ каждый несетъ что-нибудь, напр. иногда освященную воду, и даже простую воду, цвѣты, пучекъ свѣжей травы, свѣжія вѣтви дерева и др. Три раза обходятъ пастухи вокругъ стада и останавливаются на томъ мѣстѣ, изъ котораго вышли. „Стадникъ“, смотря на стадо говоритъ: „спаси, Госпыдзи, наша стада и ўсякую стачининку отъ усякыга гада бягучыго и отъ звѣря лихого!“ Затѣмъ „стадникъ и всѣ пастухи оборачиваются затылкомъ къ стаду, а лицомъ въ открытое поле, и „стадникъ“, доканчивая свою рѣчь, говоритъ, „а-ту яго!“ Всѣ пастухи кричатъ: „а-ту яго!“ Шедшій впереди пастушокъ съ кнутомъ звонко хлопаетъ имъ въ воздухѣ. Стадникъ“ продолжаетъ: „соль жну въ вочи!“. и пастушокъ бросаетъ изъ горсти соль въ открытое поле. „Гылывня жну у зубы!“ и пастушокъ бросаетъ въ ту же сторону горящую головню. Послѣ этого всѣ пастухи опускаются на землю и обѣдаютъ.

На пастушескій праздникъ приходятъ хозяева и любопытные, но участія въ процессіи никто кромѣ пастуховъ не принимаетъ.

Учитель 1-го Витебскаго Приходскаго училища **Н. Я. Никифоровскій.**

176

Ой выйду я на улечку, бычки бушуюць,
Юрья, Юрья, бычки бушуюць.
Бычки бушуюць, бо весну чуюць,
Юрья, Юрья, бо весну чуюць.
Зашумѣли рѣчки, леды поплылй.
Юрья, Юрья, леды поплылй.
Зачернѣла землица, бо поарали,
Юрья, Юрья, бо поарали.
Зазеленѣла бероза, бо попукаласе,
Юрья, Юрья, бо попукаласе.
Завеселѣла дубрава, пташки спѣваюць,
Юрья, Юрья, пташки спиваюць.
Зазеленѣла долина, клѣтки зацвѣли,
Юрья, Юрья, клѣтки зацвили.

Ой выду я, выду, клѣтки збираци,
Юрья, Юрья, клѣтки збираци.
Клѣтки збираци, вѣночки вици,
Юрья, Юрья, вѣночки вици
Вѣночки вици, Юрья спѣваци,
Юрья, Юрья, Юрья спѣваци!

177 *)

Разыграўсе Юрья коникъ.
Разбиў камень капыцейкомъ,
Ў томъ камени ядзерка нѣтъ,
Ў нашыхъ дзѣцюкаў праўденьки нѣтъ.
Разыграўся Юрья коникъ,
Разбиў орѣхъ капыцейкомъ,
Ў томъ орѣху ядзерко есць
Ў нашихъ дзѣвочокъ праўда есць,
(Обѣ изъ сборника Яна Чечота 1846 г).

Троицкія или духовскія пѣсни.

178

(*Быховскій у.*)

Ходзиця дзѣвачки ў лѣсъ гуляци,
Зялёныхъ вянкоў завиваци.
А мы ўжо вяночки завили
И горэлочку попили.
Закукуй, зязюля, закукуй!
Нямного табѣ куковаци,
Отъ Вяликодня до Питра,
Ды отъ чистаго чацверга.
(Зап. А. Ф. Лисовская.)

*) Въ иныхъ мѣстахъ эта пѣсня поется во время Петровокъ и начинается обыкновенно:

Пирадъ Пятромъ, пятымъ днемъ
Разыграуся (и т. д. безъ перемѣны).

179

(*Тамъ же*)

Ты зязюлячка, да ты боровая!
Ня вій гнизда ў лузѣ
При пуци при дорозѣ.
Туды будзя ѣхаць мой таточка.
Ни пужай яго коня,
Ни пужай вороного.
А мой таточка вельми старенькій,
Ёнъ ня здержа коника,
Ёнъ ня здержа вороного.

(Зап. тою же).

180

(*Тамъ же*)

Есць ў лузѣ калина малина;
Куда ѣдзишь моя журавина?
— Ѣду, ѣду къ таточку ў госьци,
Ѣду, ѣду я къ родному ў госьци.
Хоць ня буду ни пици, ни ѣсьци —
Было ў татки за столикомъ сѣсьци.

(Зап. тою же.)

Въ Лепельскомъ уѣздѣ существуютъ слѣдующія повѣрья о русалкахъ:

Въ продолженіе цѣлой недѣли, предшествующей празднику Троицы или Св. Духа (русальной), старики не пускаютъ дѣтей купаться: „ня ходзице, дзѣтки, купаться, васъ русалки похопаюць. Яны сидзяць на древѣ волосатые и колышутся. Моя баба ихъ видзѣла и моя дзядзина ихъ видзѣла ў красномъ ручьѣ и яны крычали, хто у бору, хто у лѣсѣ: „хадзи ко мнѣ!“—Русалки показываются исключительно въ полдень. Онѣ купаются, смѣются на поверхности озеръ и болотъ, качаются на деревьяхъ. Крестьяне разсказываютъ, будто русалки появилися оттого, „что бываецъ, вѣдома, жонка спицъ, ды прыспицъ рабенка и роббица русалка.

(Сообщ. гимназ. 7 кл. Пржисецкій.)

Въ Могилевской губ. Быховскаго уѣзда на русальной недѣлѣ дѣвки идутъ въ лѣсъ качаться на березкахъ и зазываютъ русалокъ слѣдующими словами на распѣвъ:

А Дарья, Марья,
Хадзи колыхацьца!
Гу-та, та!
Гу-ля, ля!
Ходзи колыхацца.

(Сообщ. А. Ф. Лисовская).

Толочанскія пѣсни.

Всѣ работы, производимыя по приглашенію хозяина и въ его пользу сообща нѣсколькими дворами или даже цѣлыми деревнями, не изъ-за платы, а изъ любезности, за одно только приличное угощеніе—называются „толо́ками". Толока́—это тоже, что во внутреннихъ и приволжскихъ губерніяхъ; „по́мочь". Къ толокѣ прибѣгаютъ какъ крестьяне, такъ и помѣщики или управляющіе ихъ имѣніями, въ случаѣ работъ спѣшныхъ, нетерпящихъ отлагательства и неодолимыхъ для ограниченнаго количества рабочихъ рукъ.

Толока бываетъ двухъ родовъ: мужская и женская. На толоку съ вечера приглашаетъ самъ хозяинъ или его повѣренный, который выхваляетъ будущую толоку, обѣщаетъ до-сыта водки и хорошихъ кушаньевъ. Созываютъ въ толоку женщинъ для жатвы и выбора льну, а мужчинъ — для косьбы, свозки съ полей хлѣба и вывозки навоза. Толоки навозныя или „гнойныя"—самыя оживленныя, самыя многолюдныя. Тутъ, съ восхода солнца, крестьяне-сосѣди пріѣзжаютъ къ пригласившему ихъ хозяину съ лошадьми и цѣлыми семьями и, послѣ порядочной выпивки и закуски, принимаются дружно за работу. Взрослые мужчины выгребаютъ и накладываютъ на возъ, на телѣги; мальчики и недоростки отправляются въ качествѣ возчиковъ съ этими телѣгами въ поле; тамъ бабы и дѣвки разметываютъ по нивѣ привезенное удобреніе. И въ полѣ, и въ хлѣвахъ, и на дворахъ—шумъ, движеніе, оживленный говоръ, смѣхъ, пѣсни. На толокахъ готовятъ обыкновенно лучшія кушанья, а ужъ выпивкамъ нѣтъ конца. Горѣлку пьютъ не только за столомъ, но даже послѣ очистки навоза изъ каждаго хлѣва,

на нивѣ, на дворѣ, и если хозяинъ какъ-нибудь замѣшкается своимъ поднесеніемъ, то ему непремѣнно ужъ напомнятъ объ этомъ, укорительною, ѣдкою пѣсенькой. Мужчины сопровождаютъ свою работу большею частью разговорами, воспоминаніями, разсказами, а женщины—пѣснями.

Обычай работать толокою распространенъ, кромѣ Бѣлоруссіи и Польши, и въ Россіи (сѣверной), у Литовско-Латышскаго племени, у Финновъ. Слово „толока" сохранилось почти у всѣхъ этихъ народовъ въ томъ же основномъ звуковомъ составѣ, видоизмѣняясь слегка, сообразно законамъ фонетики каждаго. По-литовски talka, по эстонски tlukas, по польски tluka и т. д. Лингвистическое объясненіе этого слова читатель можетъ найти въ статьѣ академика Я. К. Грота въ „Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики", т. III, стр. 349.

181

(*Дисненскій у.*)

Слѣдующія пѣсни (10) поются толочанами и толочанками въ хлѣвѣ при накладываніи навоза и при другихъ работахъ толочныхъ, и на нивѣ. Содержаніе ихъ—напоминаніе о выпивкѣ, выхваленіе и порицаніе хозяевъ, смотря по тому, щедро или скупо подчуютъ.

„Ци наша доля такая,
„Наша господынька скупая,
„Ды што къ намъ на ниўку ня ходзиць,
„Ни сыру, ни масла ня носиць".
Ды стали жоночки ей пиняци,
Дыкъ стала на ниўку ходзици,
Стала сыръ и масло носици.

(Сообщила г-жа Сингельская).

182

(*Тамъ же*)

Ды знаць наша доля худая,
Наша господынька скупая:
Сховала чарочку подъ хвартухъ,

На свайго милаго миргала:
А сховай, мой миленьки, бутэльку,
Попьюць толочанки ўсю горэлку.

(Сообщ. тою же).

183

(*Тамъ же*)

Ды баранька чорненьки,
Ды на имъ воўна сучицца.
Намъ гарэлки хочицца,
Господару несци моркотна,
А намъ пици охвотно.
Господару несци моркотнѣй
А намъ пици охвотнѣй.

(Сообщ. тою же).

184

(*Тамъ же*)

Ци ня пчолка
Зазвинѣла звонко,
Зъ улля вылитая?
Тожъ ня пчолка,
А наша господынька
По двору ходзила,
Ключики носила,
Коморы одмыкала,
Кубки наливала (2),
Госцей угощала.

(Сообщ. тою же).

185

(*Тамъ же*)

Слава ни слава, паночекъ, твоя
Ни пьяна, ни пьяна, толока твоя.
Да ўчини, да ўчини, паночикъ, слава,
Ды ўпои, ды ўпои толоку свою.
Да ў хлѣви да ў дворѣ ўсѣ пьянюсенькіе,
На полѣ жоночки ўсѣ церазвюсинькіе.
Да ў хлѣви мужички, якъ свинни лижаць,
На полѣ жоночки, якъ пщолки дзвиняць,
По селу мущинки набодзялися,
Да на ихъ собаки набрехалися.
Мяркуйся, мяркуйся, паночыкъ, зъ нами,
Плаци намъ, плаци намъ хоць талерами,
А своимъ лаштайкомъ хоць по рубельчику,
Своимъ копачамъ задай макрачами.

(Сообщ. тою же).

186

(*М. Чашчики*)

Толочанки ня пяюць,
Имъ горѣлки ня даюць,
А на дворѣ да ня рана *).
Кабы горэлки дали,
Мы ужъ бы пѣяли.
Ў нашаго господара
Кудрявая голова.
Ёнъ кудрами потрасець,
Намъ горэлки принясець.
Ёнъ кудрами поколоциць,
Намъ гарэлку засолодзиць.
Господыня вутка,
Ворочайся хутка.
Вы горэлку дайця
И пѣсенъ вымогайця.
Дайця кашу па столъ,
И горщокъ киньця подъ столъ.

(Зап. мною отъ Коткевичовн.).

187

(*Тамъ же*)

Ў насъ сегодня толока,
Щука рыбу волокла.
А на дворѣ да ня рана **).
Господынка вутка,
Ворочайся хутка.
Господарь соловей,
Наварила буракоў,
Ворочайся живѣй.
Насыпала чирвякоў.
Наварила каши,
Насыпала сажи.
А на дворѣ да ня рана.

(Зап. тѣмъ-же).

188

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

Ни слава, ни слава, господарь твоя,
Ни пьяна, ни пьяна толока твоя.
А ў хлѣви, ў хлѣви мущинки пьянюсиньки,
А ў поли, ў поли, жоночки цвиразюсиньки.
А ў хлѣви мущинки якъ жучки гудзяць,
На поли жоночки якъ пчолки звинядь,
Да ўчини, да ўчини славиньку свою:
Да ўпои, да ўпои толоку твою.

(Зап. Л. П. Скляренко).

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ,
**) Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

189

(Тамъ же)

Ня слава, ня слава, Андрійка, твоя,
Ня пьяна, ня пьяна толока твоя.
Учинижь ты, Андрейка, славу свою,
Попои, попои толоку твою.
А учиниў жа Андрейка славу свою,
Попоиў, попоиў толоку свою.
Ў хлѣви мущинки пòкатомъ вияжаць,
А на нивѣ жоночки якъ звонки звиняць,
Ў хлѣви мущинки бьюцца—дзеруцца,
А на нивѣ жоночки паюць-смѣюцца.

(Зап. тамъ-же)

190

(Тамъ же)

Господарь, будзимъ говорицъ,
Што почёмъ копачомъ,
Мы будзимъ плацицъ?
А старымъ копачомъ
Дадзимъ горбачомъ,
Молодымъ копачомъ
Хоць по талиру.
Ў хлѣви коники настоялися,
На поли жоночки надремалися.

(Зап. тѣмъ же.)

191

(Лепельскаго у., м. Чашники).

Дочь замѣчаетъ своей строгой подозрительной матери, что дѣвушекъ съ ума сводятъ и старятъ не гусли и не пѣсни, а несчастное замужство и семейныя заботы.

Коло мойго церема (2)
Битая дорожка.
Туды ишли молойцы
Ў гусильки играючи (2),
Пѣсенки спиваючи.
„Пусци, пусци, матынка!
„Гусиликъ послухаць (2)
„И пѣсиныкъ научицьца".
— Ня пущу, дзицятка,
— Гусиликъ послухаць (2)
— И пѣсиныкъ научицьца.
— Тые цябе гусильки
— Молоду зъ ума звядуць,
— Тые цябе пѣсники
— Молоду состàріюць.—
„Ня гусильки, матынька,
„Молоду зъ ума звядуць.
„Ня пѣсиньки, матынка,

„Молоду состаріюць,—
„Звядуць молоду зъ ума
„Лихоя замужейко,
„Состарюць молоду

„Малыя дзѣтоньки,
„Дробныя дзѣтоньки
„Ды ящё недостатоньки".

(Зап. мною отъ М. Котькевичовны.)

192

(*Тамъ же*)

Разговоръ влюбленныхъ.—Сновидѣніе.

Стоиць бяроза при дорози, (2)
Зялина сярдынька, зялина
Жоўтымъ листкомъ дороженька запала (2),
А я цябе, мой милиньки, цикала (2)
Я нямнога, мой милиньки, уснула, (2)
Уснула сярдынька уснула (2),
Я видзила, мой миленьки, дзиўны сонъ (2)
Вылитаиць сизы голубъ со вольхи, (2)
Ци ня ты мой миленьки литаишь?
Ци ня другой голубки шукаишь?
Лучши мяне и найлѣпши ня знайдзяшь (2),
Тольки мяне молодую утрацишь.

(Зап. тотъ же.)

193

(*Тамъ же*)

Отчаяніе дѣвушки, очутившейся одною въ утломъ челнокѣ среди моря вслѣдствіе дерзкой шутки трехъ парней.

На мори дзяўчина бѣль бялила (2),
А пришли до яе три молойцы молодые.
„Ой Богъ помочь, дзяўчина, бѣль бялици!"
— На здороўе молойцы молодые!—
Ўпоили дзяўчину, ўпоили,
Ў чоўночку спаць ўложили,
Спихнули чоўночикъ зъ биражочку.
Опинуўся чоўночикъ сярёдъ моря,
Одчанулась дзяўчина дужа скора.
Ня маци дзяўчину выпраўляла,

Ня сястрицы скрыночки накладали,
Ня подружки косы расплятали,
Ня брацитки ўплёты развязали,—
Выпраўляли дзяўчину три молойцы,
Накладали скрыночку цёмны ночи,
Расплятали косынки буйны вѣтры,
Ўбирала ўплёты цёмная гроза,
Повянчала дзяўчину быстрая вода.

(Зап. тотъ же.)

194

(*Тамъ же*)

Возлюбленный рисуетъ своей любезной свои планы и надежды насчетъ воспитанія и женитьбы ихъ будущихъ дѣтей.

Якъ за рѣчушкой за ракой
Стояць людзи толокой,
Яны стоючи говоруць:
„Кабы рѣчку хто пирайшоў,
„Кабы хто кого пиравёў".
Пирайшоў дзятинушка, пирайшоў,
Пиравёў дѣвушку, пиравёў,
Пиравёўши на биражку становиў,
Становиўши, тайны рѣчи говориў:
Ты родзи сына якъ и я,
А дочушку якъ сама.
Будзимъ сына письму учиць,
А дочушку шоўкомъ шиць.
Сына будзимъ жаниць
На вороныхъ лошадзяхъ,
Дочку будзимъ за мужъ отдаваць
За высокого церема,
За вяликого племяни,
За дубоваго столика.

(Зап. тотъ же.)

195

(*Лепельскій у., Ушачскій округъ*)

Самохвальство дѣвушки.

Ня стой верба надъ водою,
Горка вода подъ тобою.
Будуць дзѣўки воду браць,
Будуць цябе проклинаць:
Бодай гэта верба ссохла,
Якъ подъ ей вода горка.
Хорошо дзеревцо—лябядзинка,
Хорошая дзѣвушка чалядзинка.

(Зап. Н. С. Шимковичъ).

196

(*М. Чашники*)

Дунай, солнце, вѣтеръ, Богъ — объявляютъ себя заступниками за дѣвушку сироту противъ злыхъ замысловъ на нее моря и дождя.

Дунай зъ моремъ поспиралися
А за дзѣвыньку сироциньку.
Мора кажиць: я яё утоплю
Гэту дзѣвыньку сироциньку.
Дунай кажиць: волной выкину
Гэту дзѣвыньку сироциньку.
Соўнца кажиць: я яё высушу
Гэту дзѣвыньку сироциньку.
Дожжъ кажиць: я яё оболлю
Гэту дзѣвыньку сироциньку.
Вѣциръ кажиць: я яё ободму
Гэту дзѣвыньку сироциньку,
А Богъ кажиць: я ёй долю дамъ
Гэтэй дзѣвынькѣ сироцинькѣ.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

197

(*Тамъ же*)

Мысль о возможности выйти замужъ за старика приводитъ дѣвушку въ негодованіе и злобное настроеніе.

Посѣяли дзѣўки лёнъ
Ў чистымъ поли подъ дубомъ,
А выросли конопли,
Повадзилися солоўи,
Соловушки дробные,
Пяюць пѣсни разные.
А мяне молоду мысли бяруць:
За стараго замужъ оддаюць.
А я за стараго ня пойду,
На смерць стараго ня люблю,

Стараго ня люблю,
Посцель яму ня посцялю,
И изголоўюшку яму ня кладу.
А хоць яму посцялю —
Ў три рады камення,
Ў чацвёрты радъ бярвення.

(Зап. тотъ же.)

198

(Лепельскiй у.)

Сѣтованiе молодой женщины на свою горькую долю.

Ўси людзи добра живуць,
Одна я горую,
Ўси людзи жита сѣюць,
Одна я тоскую
Людзи Бога просюць,
Штобъ жита родзила,
А я Бога прошу,
Штобъ гора ня ўсходила.

199

(Чашники)

Ропотъ молодой женщины на своихъ родителей за то, что выдали ее замужъ за старика.

Богъ суддзя мойму бацюшку,
Государыни родной матушки:
Мяне матушка молодзёшиньку
Ни порой замужъ выдала,
Ни по обычаю дружка выбрала,
Ни по обычаю, ни по наро́ву.
Кабы я знала про замужжа,
Про замужжа, про нясчастноя,
Сядзѣла бъ я вѣкъ ў дзѣўшкахъ,
Цисала бъ буйну голоўушку,
Плела бъ русу косынку,
Плиця, приговаривала:
Ты расци, расци, моя косынка,
До шоўкова до пояса,
А съ пояса до сафьяныхъ сапожокъ.
Ни подайся, руса косынка,
Ты ни старому и ни малому,
Ты подайся руса косынка
Гробовой доски ды жойтымъ пяскамъ.

(Зап. мною отъ Коткевичовны).

200

(*Тамъ же*)

Жена умоляетъ нелюбаго мужа не бить ея безъ вины, а что она къ нему не питаетъ нѣжныхъ чувствъ, это—вина не велика.

Чиразъ Дунай досочка
Тонка, гибка лякала,
Ни хто по ней ня ходзиць,
На Дунай слёзи ня рòниць,
Съ милымъ дружкомъ ня говòриць.
Только я одна млада ходзила,
На Дунай слёзы ронила,
Съ милымъ дружкомъ говорила.
Ты ня би мяне бизъ вины,
Бизъ вяликой бизъ бяды.
Мой бацюшка далеча,
Мойго голосу ня услышиць,
Горячихъ моихъ слёзъ ня увидзиць.
Ты побп мяне за вину,
За вяликую за бяду.
Ўсеё моёй вины,
Што я ў горинку ня пошла,
Посцельку ня слала,
Съ милымъ спаць ня стала,
Крѣпко ня обнимала,
Сладка ня цаловала.

(Зап. тѣмъ же.)

201

(*Лепельскій у., Ушачскій округъ*)

Ропотъ молодой женщины на своихъ родителей, прельстившихся на богатство и отдавшихъ ее замужъ въ такую семью, гдѣ всѣ ее обижаютъ и гдѣ заступничество мужа безсильно.

Разлиўся горщокъ ў печи кипучи,
Звариўся свекорка на кўцѣ сидзючй,
А свякроў на полў помоганць яму,
А золоўки-колотоўки подколачиваюць,

А дзевярки-соколки ни по томъ, ни по сёмъ,
А мой миленьки дружокъ по сѣнёмъ похаживаниць,
Свойго татку пирапрашиваниць:
„А мой татулька родной! ня бей жаны молодой!“
„Ня бей жану цвярозую бѣлою бярозою.
„Бяроза бялюсинька, мнѣ жана милюсинька!“
—А мой таточка родной! на штожь мяне оддаваў,
—Ня што оддаваў и на во што уповаў?
—Ци на хату богатую, ци на кони вороныхъ?
—Ци на кони вороныхъ, ци на слугъ молодыхъ?
—А хоць хата богатая—мнѣ ня весяло жиць,
—А хоть и кони вороные—мнѣ ня ѣздзиць на нихъ,
—А хоць слуги молодые—ня загадываць мнѣ ими.—
(Зап. Н. С. Шимковичъ.)

202

(*Тамъ же*)

Мужъ бьетъ жену за пьянство.

Ня буду, ня буду горэлку пици.
Маниўся, маниўся мяне мужъ бици.
Ўчора ня биў, пужачки ня звиў,
Сегодня набьець, пужачку совьець.
Якъ-жа мнѣ ў яго попросицися?
Назваўши татулькомъ—грѣшно будзиць,
Назваўши брациткомъ—смѣшно будзиць,
Назваўши миленькимъ—утѣшно будзиць.
(Зап. тотъ же.)

203

(*Тамъ же*)

Казали ня мяне: поселушачка,
Я у свойго татульки на куцѣ сижу.
Казали ня мяне, што я пьяница,
Ў свойго татульки—я порадница.
А я пью, я пью, я и гуляю,
Якъ тая рыбинка сяродъ Дунаю.

Приплыўши къ беражку—я и встрахнуся,
Ўсимъ своимъ злостникамъ я наругнуся.
Приду я домоў, ажъ кіи стояць,
Кіи стояць, ўсё кіи дубовые,
На мои плечики на здоровые.
Ўси тые кіи поломалися,
А мои плечики ня боялися.

(Зап. тотъ же.)

204

(Чашники)

Молодая женщина отъ журбы свекора ищетъ себѣ утѣшенія въ гульбѣ по корчмамъ и корчамъ.

Ко́цицца зоричка зъ неба,
Хочицца, хочицца бѣлаго хлѣба.
А хоць бы я молода пушны хлѣбъ ѣла,
Кабъ я отъ свякраточки журбы ня мѣла!
Якъ пойду я молода рано ў корчму,
Якъ выйду я молода познинька зъ корчмы,
Якъ знайду я молода солоўя ў корчи.

(Зап. мною отъ Коткевичовны.)

205

(Лепельскій у.)

Жена готова всѣмъ угодить мужу, чтобъ онъ только ея не билъ.

Охъ, охця мнѣ!
Два вола ў гумнѣ,
Лимаши ў сырой зямлѣ.
Мой милы протомиўшиси,
Просиць пищи ня мыўшиси.
— Водзичка ў горнушачку,
Помыйся, мой душачка!
Рушничокъ на ко́личку,
Утрися, со́колничку!
Гарэлочка ў бочпци
Напися, сколько хочицца.
Напися, проспися,
Только со мной ня бися.

(Зап. Ольга Котырло.)

206

(*Тамъ же*)

Нелюбая жена.

бида на солоўя (2)
што студзеная вода,
п яму гнязда звици,
и яму яйца зне́ ци.
иўши гнязда—разовье́цца (2),
есши яйцо— разобье́цца.

А бида на молойца (2)
Што нялюбая жана (2),
Ани зъ ей ў пиръ пойци, (2)
Ани зъ ей дома быци (2)
Ў пиръ пойци — сваритися,
Дома быўши—побицися.

(Зап. мною отъ Коткевичовны.)

207

(*Лепельскій у., д. Дубровки*)

За столомъ поютъ. Хозяинъ сокрушается о невеселости своихъ гостей.

вы столики мои,
і цясовыи мои!
чаго жъ вы стоицё
і застланы ў мяне?
вы госцики мои,
вы любые мои!
чаго жъ вы сидзицё

Ни вяселы у меня?
Ци мой хмѣль ни пьянъ?
Ци мой хлѣбъ пушонъ?
Коли хмѣль ни пьянъ—
Вялю хмѣлю задаць,
Коли хлѣбъ мой пушонъ—
Вялю выполоци.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

208

(*Тамъ же*)

Гости напоминаютъ хозяину о болѣе частомъ угощеніи ихъ водкою или омъ.

Коло мѣсяца, коло яснаго
Ўсё дробные звѣзды.
Ў нашаго господара коло столику
Ўсё любые госци.
А ты, Андрейка, ты, татулькинъ сынъ!
Приглидай жа госцей.
А ты, чарочка позлачоненька,
Да ходзишь ты часцѣй.

Зап. тотъ же.)

209

(*Лепельскаго у., Ушачскій округъ*)

Восхваленіе пьянства и гульни.

Вы мужо́ве панове!
Пейце пиво пьяноя,
Говорице мужскоя:
А у кого мамка стара —
Ў той хацѣ слаўна,
А чія жонка добра —
Ў той хацѣ што дзень гульня.
Ў кого жонка ліха —
Ў хацѣ ня ціха.

(Зап. Н. С. Шимковичъ.)

210

(*Тамъ же*)

Недовольство хозяиномъ.

А зазвали мяне ў пиръ,
Посадзили за столомъ.
Мнѣ и тутъ ни даюць,
И на кутъ ни зовуць.
А дайца-жъ мнѣ кожарочку—
Я й домоўки пойду:
Я гэтую бисѣдочку
И ў татульки знайду.

(Зап. тотъ же.)

Купальскія пѣсни *).

Въ приходской лѣтописи Петропавловской церкви (въ городѣ Суражѣ) за 1868 годъ читаемъ слѣдующее:

„Вечеромъ 23 іюня, за деревней складываютъ и зажигаютъ костры; молодежь обоего пола пляшетъ вокругъ нихъ, поётъ пѣсни и по-одиночкѣ, или держась за руки попарно, прыгаетъ черезъ огонь. Этотъ праздникъ считается у нихъ въ честь огня. Огонь и до сихъ поръ означаетъ у здѣшнихъ крестьянъ богатство и счастіе. Такъ, во время сватьбы, молодые, пріѣзжая уже въ домъ родителей жениха, должны переѣхать чрезъ огонь, зажженный въ воротахъ для того, чтобы имъ посчастливилось въ жизни. На другой день передъ разсвѣтомъ собираются смотрѣть, какъ солнце выходитъ изъ купальни. Ночь съ 23 по 24 іюня считается самою таинственною. Въ эту ночь, по народному повѣрью, разцвѣтаетъ папо-

*) Называются также; „купальныя“, „купалки“, „свентояньскія“.

ротникъ. Кто сорветъ цвѣтокъ этого растенія и будетъ носить при себѣ, тотъ будетъ счастливъ, богатъ и получитъ все, что ни пожелаетъ. Но достать его очень трудно, потому что въ самую полночь, когда онъ долженъ развернуться, происходитъ сильнѣйшая буря, сверкаетъ молнія, и дерзающему сорвать цвѣтокъ показываются разныя чудовища, старающіяся всячески помѣшать замысламъ человѣка Тотъ, кому бы удалось сорвать цвѣтокъ, долженъ, не оглядываясь, идти домой и не обращать вниманія ни на угрозы, ни на заманчивыя обѣщанія, которыми вѣдьмы и дьяволъ стараются заставить человѣка посмотрѣть назадъ, и тогда цвѣтокъ мгновенно исчезаетъ. 24-го несутъ въ церковь для освященія собранныя травы и цвѣты, а придя домой, женщины вѣшаютъ ихъ по хлѣвамъ; коровамъ привязываютъ къ рогамъ немного соли и свящонаго воску (т. е. отъ горѣвшей и освященной въ церкви въ день Срѣтенья Господня свѣчи). Все это дѣлается отъ того, чтобы предохранить домъ отъ огня, а скотъ отъ падежа, и чтобы русалки, вѣдьмы, чаровницы не отнимали молока у коровъ."

211

(*Чашники*)

„Якъ лѣсъ зачнецъ зилянецъ, тогда мы зачинаимъ гукацца и припѣўки пѣць:

Авой боюсь, боюсь, агу я!	А хто мяне подымецъ, агу я!
За олешники звалюсь, агу я!	Тому руки отымецъ, агу я!

„Ўсё время до Ивана (24 іюня) пѣюцца пѣсни купальные, а на Ивана Купалу, якъ соўнушка за лѣсъ залѣзицъ, тогды пастухъ зáразъ домоў короў гоницъ. Хозяйка зъ хаты выходзицъ, бярецъ крапиву и дзядоўнику, ипрадъ ипрогомъ хлѣва разарвецъ и кипицъ, кабъ вѣдзьма молока ни одбирала ў короў. Тогды угонюцъ короў ў хлѣў, сходзюцъ, подóюцъ ихъ и повячеріюцъ. Тутъ хозяйка смѣецца коло хозяина и говóрицъ: „сыскивай горѣлки, а моя кулáга зварена." Тогды возьмуцъ колясо *), запалюцъ ў сяродцѣ мужики возьмуцъ, положацъ сабѣ высоко на плечи, а жонки ззадзи идуцъ, нясуцъ кулагу и пѣсни пѣюцъ. Идуцъ, идуцъ ў вокругъ

*) Колесо это, густо намазанное дегтемъ, вздѣваютъ на длинный шестъ.

жита и ўсё пѣсни пѣюць, а якъ зайдуць до мяжи, радомъ зъ мяжой другаго хозяина,—сядуць, пѣсни пѣюць, танцуюць, дудка играиць. Якъ тольки сядуць пѣюць гэту пѣсню:

Ни ходзи вѣдзьма ў наша жита,
Ни ходзи, а то будзишь бита,
Ци одрѣзаўши колосьямъ набьемъ,
Ци дубьёмъ соўсимъ забьемъ.

„Есць трава трепутникъ, на яе листъ доўги, круглы, расцець ни высоко. Вячерòмъ пирадъ Иваномъ дзѣўки яе выкопаюць принясуць домоў и на ночь покладаюць подъ головы. Хто сосниıцца, той и будзиць мужъ. Якъ гэту траву дзѣўки копаюць, дакъ яны скажуць: „Ты бабочка, ты голубочка! Ты при дорозѣ сядзишь, ты ўсё чуишь и видзишь. Скажи мнѣ праўду, за кого я замужъ пойду?"—На Купалы-жа дзѣўки вянки пускаюць по водзѣ куда поплывець,—въ ту сторону замужъ выйдци."

(Записано мною отъ М. Коткевичовны.)

212

Купальской ночи
Выпекли вѣдзьмы очи,
Кабъ въ ночи не ходзила,
Кабъ росы не збирала,
Кабъ въ печи не сушила,
Кабъ въ жернахъ не молола,
Кабъ каши не варила,
Кабъ дзѣцей не кормила,
Кабъ вѣдзьмятъ не плодзила.

(Изъ „матеріаловъ для географ. и статист. Россіи" Гродненская губ., состав. П. Бобровскій, стр. 840-41.)

213

(*Лепельскій у., Ушачскій округъ*)

Объ сумеркахъ (23 іюня) дѣвушки ходятъ вдоль улицы по деревнѣ и поютъ:

Хто ня выходзиць на Купалу—
Никай ляжиць колодою,
Колодою дубовою,
А яго дзѣтки цильпучкáми,
Цильпучками ольховыми,
Корииьками яловыми.

(Сообщ. С. К. Шимковичъ.)

214

(*Чашники*)

Кого нѣту на вулицы,—
Положь яго колодою,
Колодою дубовою,
Дзѣтокъ яго цильпучками,

учками ольховыми,
ь яго травицею,
цею павилицею:

Будзиць полоць—руки колоць,
Будзиць браци—руки драци.

(Записано мною отъ Коткевичовны.)

215

(Лепельскій у.)

ця на гору, при горящемъ кострѣ, поютъ:

дъ яснюсеньки!
зи ранюсенька,
и виднюсинька.
йка молодзеньки!
ь же ранюсинько,
я бѣлюсинько,
нь жё ты боцики козловые,
нь же ты шубочку бобровую,
н жь ты на вулицу
цзи Купальнійка,
чкамъ гуланійка.
чки гуляць будуць,

Жоночки пѣяць будуць,
Андрейку хвалиць будуць.
На Андрейку кошуля
Сто рублёў коштуиць.
Хтожь гэту кошулю ткаў,
Хтожь гэту кошулю праў?
Прала яе матулька,
Ткала яе сястрица,
А Марьпчка вышивала
И Андрейку дарувала,
На Купальнійка дарувала.

(Сообщ. С. К. Шимковичъ.)

216 **)

(Тамъ же).

ромъ, наканунѣ 25 іюня, когда обираютъ траву для освященія въ церкви.

цѣли журавли
пали на оралли,
оpаллю копаць,
ралли пытаць:
сѣвба раняя,
ъ тая поздная:

А на ранней пшаница,
А на поздней мятлица.
Лѣпи жонка первая,
Нячимъ тая другая,
Зъ первой жонкой дзяцей мѣў,
Зъ другой жонкой годоваў,

ъ этими и подобными пѣснями почти вся деревня отправляется за околицу, е, на гору, холмы, пригорки, вообще на возвышенныя мѣста, если таковыя окрестности, и помѣстившись на травѣ, или между спѣющими нивами, у, разводятъ изъ ращепленныхъ колесъ, бочекъ и домашнихъ сосудовъ ь.

Легенда о цвѣткѣ Иванъ-да-Марья или братъ и сестра.

А зъ треццей разгоняў:
Идзице дзѣти служици,
Чимъ мачихѣ угодзици.
А ў Полоцку на рынку
Пьець козачикъ горѣлку
Зъ молодой дзѣўчиной.
—Шинкарочка молода!
—Дай мнѣ мёду гарнца два.—
„Заставь-жа мнѣ свой жупанъ,
„Тогда мёду табѣ дамъ!“
—Нашто табѣ мой жупанъ,
—Коли у мяне грошей жбанъ?—
„Я за цябе дзѣўку отдамъ“.
Ў корчомци згукали,
А ў церкви обвѣнчали,
Ў посцели спаць клали.
Пытаицца дзѣцина:
—Откуль радомъ дзѣўчина? —
„Я зъ села сялянка,
„Я зъ города мѣщанка,
„По прозвищу Карпанка“.
Пытаицца дзѣўчина:
„Откуль радомъ дзѣцина?“
—Я зъ сяла сялянинъ,
—Я зъ городу мѣщанинъ,
—По прозвищу Карпинъ сынъ.
—Еще жъ мяне Богъ сцерегъ,
—Што я зъ сястрой спаць ня лёгъ,
—Еще жъ мяне Богъ укрыў,
—Што я сястры ня накрыў.—
„А брацитка мой родной!
„Якъ мы будзимъ цяперъ жиць“.
—А сястрица родная!
—Пойдземъ мы горою (2)
—И разсѣемся травою.
—А на Ивана Купалу
—Пойдуць дзѣўки траву рваць (2)
—И насъ зъ тобой ўспоминаць:
—А вотъ тая травица,
—Што брацитка зъ сятрицей.—

(Сообщ. тѣмъ же).

217

(Чашники)

Ой ляцѣли журавы,
Сѣли-пали на раллѝ, (2)
Стали яны брукаци,
Объ ораллп гукаци (2)
Лучши ралля раная,
Чимъ тая поздная (2),
А на раннимъ пшаница,
А на позднимъ мятлица (2).
Лучши первая жона,
А чимъ тая другая (2),
Зъ первой жонкой дзяцей мѣць,
А зъ другой разогнаць (2).
А ў суботу познинька,

Пошли дзѣтки розниньки (2).
Дзѣци мои милые,
Дзѣци мои дробные! (2)
Ци лѣпи людзёмъ служиць,
Ци вамъ мачиси годзиць? (2)
Лѣпи намъ людзёмъ служиць,
Чимъ се мачиси годзиць. (2)
Ў Полоцку на рынку
Пьюць молойцы горѣлку. (2)
— Шинкарочка молода!
— Продай мёду гарнцы два (2). —
„Тогды табѣ мёду дамъ,
„Заставь-жа мнѣ синь кафтанъ“ (2)
— На што табѣ мой кафтанъ,
— Коли маю гроши жбанъ. (2) —
„Коли маншь гроши жбанъ,
„Я за цябе дочку отдамъ. (2)
Ў суботу звинчали,
Ў надзѣли спаць клали (2).
Пытаицца дзяўчина:
— А скондъ роду дзяцина?—(2)
„А я роду мищанинъ,
„По бацюшкѣ купчанинъ“. (2)
Пытаицца дзяцина:
„А скондъ роду дзяўчина?“ (2)
— А я роду мищанка,
— По бацюшки купчанка. (2) —
„Богдай маци пропала,
„Брата съ сястрой звинчала. (2)
„А Богъ-жа жъ мяне сцярёгъ,
„Што зъ сястрой спаць ня легъ. (2)
„Ты сястрица милая,
„Пойдземъ мы ў поля, (2)
„Обярнемся травою,
„Што брацитка зъ сястрою (2).
„Зъ Купалы на Ивана
„Придуць дзѣўки краски рваць (2).

Будуць насъ успоминаць: (2)
„Гэта тая травица,
„Што брацiйка зъ сястрицей. (2)
„А на брату сини цвѣтъ,
„А на сястрѣ жоўты цвѣтъ“. (2)

(Зап. мною отъ мѣщанки Марьи Коткевичовны).

218

(*Суражскiй у., м. Усвяты*)

Съ пындѣлка на вторыкъ (2)
Приѣхаў панъ съ Похомыкъ (2)
Ахъ мой моцный Боже! *)
Приѣхаўши на рыныкъ,
Пытается ў гыспыдахъ:
—А дѣ тая кирчемка,
Што млыдая шынкарка.
—Шынкарочка млыдая,
—Повѣрь же мнѣ мёду жбанъ.
„Я повѣрю мёду жбанъ,
„Ды за тябе цурку отдамъ“.
Мы ў костели звѣнчаны,
А на ложи спызнаны.
Стаў молодзецъ плакати,
Ў дявицы пытати:
—Скажи, скажи молодецъ:
—Откуль твоя родина?—
„Я и родомъ зъ Люблюва,
„Ёсь тамъ цурка Войтова“.
Стала дѣўка плакати,
А молодецъ пытати:
„Скажи, скажи дѣвица,
„Откуль твыя родина?“
—Я и родомъ зъ Люблюва,
—Пы батюшки Карпова.—
„Возьми, братя, вострый мечъ,
„Сними глòву зъ бѣлыхъ плечъ.“
—Невинны наши гловы,
—Винны наши ойцовы.—
„Пойдемъ, братя, въ чисто поле
„Обернемся мы травою.
„Ты, братынька, синiй цвѣтъ.
„Я, сестрица, желтый цвѣтъ.
„Придуть тыи днянёчки,
„Пятровыи святочки.
„Пойдуть дѣўки краски рвать
„А насъ съ тобой звалпчать“.

(Зап. гимназистъ 6 класса Потоцкiй).

219

(*Лепельскаго у., с. Апанасковичи*)

Ишла Купалка сяломъ, сяломъ,
Казала *) дзѣўкамъ чаломъ, чаломъ.
Дзѣўки Купалки ни увознали,

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, которые тоже повторяются.

*) Вар. давала

Горда Купалцы отказали:
„У цябе, Купалка, ёсь три дочушки
„Перша дочушка — бѣла-румяна,
„Друга дочушка—тонка-высока,
„Трецця дочушка—чорна-горбата.
„Бѣла-румяна—вышла зы пана,
„Тонка-высока—зы королевича,
„Чорна-горбата—зы поповича".
Пызбиралися зяци ў госьци.
Стали поповича знивáжици,
Ўмѣў поповичъ имъ отказаци:
„Бѣла-румяна — то зиьница,
„Тонка-высока — то злóмицца,
„Чорна-горбата—ина богата".
(аписала воспитанница духовнаго училища Ольга Котирло.)

220

(*Чашники*)

Было ў Купалки три дочки,
Ў Купала на Ивана *).
Большая дочка — тонка-высока,
Другая дочка — бѣла-румяна,
Трецця дочка — чорна-горбата.
Тонку-высоку поповичъ взяў,
Бѣлу-румяну войтовичъ взяў.
Чорну-горбату кролевичъ взяў.
Стали зяци съѣзжацися
И коло кролевича смѣяцися:
„Ня было табѣ тонки-высоки,
„Ня было табѣ бѣлы-румяны,
„Взяў сабѣ чорну-горбату".
Имъ королевичъ отвѣчаиць:
— Тонка былинка завсегда гнецца,
— Бѣлая рѣчька завсёгда горка,
— А чорны мачекъ завсёгды смаченъ. —
(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

221

(*Лепельскій у.*)

Ишла Купалка сяломъ, сяломъ, (2)
Завѣсила вочки цябромъ, цябромъ, (2)
Стали людзи дзивицися, (2)
Стала Купалка сварицися: (2)
А што вы людзи задзивилися (2)
Ци вы на вулку ни ходзили?
Ци вы Купалки ни видали?
Ци вы вяночкоў ни звивали?
Ци вы ў таночки ни ходзили?

(Зап. писаремъ Смолянецкой волости въ 1869 году. Сообщилъ миров. пос[…] М. Ѳ. Сазоновъ.)

222

(*Тамъ же*)

Ишла Купалка сяломъ, сяломъ,
Давала дзѣўкамъ чаломъ, чаломъ.
А стали людзи дзивицися,
Стала Купалка сварицися:
И што гэто, людзи, вамъ за дзиво?
Я ни гэтакое дзиво видала:
И што щука рыба красенцы ткала,
Плѝточка скачиць, ниточки вяжиць,
Ежгуръ гуляиць, челнокъ кидаиць,
Окунекъ свищиць, поножій цѝсниць,
А ракъ нибаракъ цѣвочки сучиць.

(Сообщилъ С. К. Шимковичъ.)

223

(*Чашники*)

Ишла Купаленька по вулицы
Красками вочи завѣсиўши.
Стали людзи дзивицися,
И стала Купаленька сварицися:
— Што вы людзи за дзиўные!

— Ци вы на вулку ня ходзили?
— Ци вы Купаленки ня видзѣли?
— Ци вы вяночкоў ня вивали?
— Я ня такое дзиво видала:
— Щука рыба красна ткала,
— А ракъ нибаракъ цѣўки сучиў,
— Сучиў жа цѣўки чирвоные,
— Яна ткала китайки зялёные
— И слала до матки родзёные:
— Вотъ табѣ, маци, китаечка
— Отъ твоей дочки коханочки,
— Вотъ табѣ, маци, зяленая
— Отъ твоей дочки родзёные,
— Вотъ табѣ, маци, урубочки,
— Отъ твоей дочки голубочки,
— Вотъ табѣ, маци, цясомочка,
— Отъ твоей дочки паненочки.—

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

224

(*Лепельскаго у., с. Апанасковичи*)

Я зёлки ў поли сбираю,
Ивана Купалку пираймаю
И ўсё гляжу ў цёменъ лѣсъ.
А ў цёмнымъ лѣси огонь горицъ,
Кылы огня Купалка сядзицъ,
Купалка сядзицъ и ў голосъ плачецъ:
„Чаго, чаго, Купалка, плачишь?
„Ти табѣ тутъ соўнинька мала?“
— Охъ, ни мала мнѣ яснаго соўнинька,
— Тутъ досицъ мнѣ ўсяго, ўсяго!
— И плачу я того, того,
— Што мине людзи ни такъ пираймаюцъ,
— Только то й робяцъ
— Што огни раскладаюцъ.—

(Записала Ольга Котирло.)

225

(*Суражскій у., д. Козловичи*)

„Купаленька, цёмная ночка!
„Идзѣ твоя дочка?“
— Моя дочка ў городзѣ,
— Рожу полиць, руки колиць,
— Цвяточки рвець,
— Вяночки вьець,
— Звиўши вяночикъ,
— Пошла ў таночикъ.—

(Зап. В. П. Догель).

226

(*Витебскій у., д. Васьковичи*)

Купаленка (2)
Ночь маленька (2),
Да удаленька (2),
— Цёмная ночка! (2)
— Дзѣ твоя дочка?—
„Моя дочка (2)
„Ў садочку, (2)
„Рожу полиць, (2)
„Руки колиць,
„Крâсочки рвець,
„Вяночки вьець. (2)
„Ўсимъ дзѣвочкамъ (2)
„По вяночку (2),
„Молодушкамъ (2)
„По платочку, (2)
„А мальчикамъ (2)
„По брилечку, (2)
„Старымъ бабамъ (2)
„По кіечку“ (2).

(Зап. В. Ив. Безперчій).

227

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

На святого Ивана
Дзѣўки зелки збирали
И зелачикъ ни знали,
Да й до цара послали,
А царъ зелакъ ни спознаў,
До короля отослаў.
Гэта зелля Купалля:
Дзѣвоцкая умывання,
Дзѣцюцкая кохання.

(Зап. Л. П. Скляренко).

228

(Лепельскій у.)

Ў гордзѣ подъ тынкомъ,
Чирвона рожа, чирвона! *)
Дворанинъ зелля копаиць.
Ёнъ копаиць, самъ ня знаиць
И дзѣўчоночикъ пытаиць:
„Вы дзѣўчоночоки сястрицы!
„Да и не тожь гэто за зелля,
„Боровое корення?
— Дворанище ты дурнище!
— Ты жъ копаишь, самъ ня знаишь,
— Ды ў дзѣвочикъ пытаишь.
— А гэто зелля купелля,
— Дзѣвоцкая умывання,
— Дзѣцинская воздыхання.
— Посохни дзѣцинки
— За грȧдами сѣдзючи,
— На дзѣвочикъ гледзючи.—

(Сообщ. С. К. Шимковичъ).

229

(Тамъ же)

Гдзѣ жъ ты была Купаленка?
Купала на Ивана! **)
— Ў сялѣ была Иваничка.
Гдзѣ жь ты сядзѣла, Купалочка?
— А ў запечку, на припечку.
Што жь ты ѣла, Купалочка?
— Ѣла траву помётную.
Што жь ты пила, Купалочка?
— Пила воду болотную.
Гдзѣ жь ты Купалочка?
— Ў сялѣ, была Иваничка.
Гздѣ жь ты сядзѣла, Купалочка?
— На покуцѣ, на золоцѣ.
Што жь ты ѣла, Купалочка?
— Ѣла кашу рыжовую.
Што жь ты пила, Купалочка?
- Пила мёдъ, вино зялёное.

(Зап. учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ).

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.
**) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

230

(Суражскій у., д. Козловичи).

„Оролъ, Божжа птица!
„Высоко литаишь,
„Ў Бога бываишь,
„Што цуишь, што видзишь?“
— Я и цую и видаю,
— Што и самъ Господзь робиць.
— Самъ Богъ мёды сыциць,
— Илля пива вариць,
— Самъ Богъ сына жёниць,
— А Илля дочку выдаець,
— Самъ Богъ ў радосци,
— А Илля ў жалосци.
— Якъ Илля сына жёниць,
— А Богъ дочку оддаець.
— Илля пива вариць,
— А Богъ вино куриць.—
„Татка ты мой родненьки,
„Татка жа добриньки,
„Прієдзь ко мнѣ ў госьци!“
— Я бъ радъ ў госьци быци,
— Мнѣ нельзя прибыци:
— Вясной за водами,
— Лѣтомъ за жарами,
— Зимой за снѣгами.—
„Татка ты мой родненьки!
„Якъ нибудзь придумай:
„Ў лѣцѣ — ў карецѣ,
„Вясной—ў чоўночку,
„Зимой—ў возочку“.

(Зап. В. П. Догель).

231

(Изъ мѣстностей придвинскихъ)

Звала Купалка Иллю на игрыща:
„Ходзи Иллища ко мнѣ на игрыща“.
— Ни маю часу, Купалачка,
— Гэту ўсю ночку мнѣ нада не спаци,
— Нада не спаци, жита пильноваци:
— Кабъ змія заломоў ни ломала,
— Ў жицѣ корення не копала,
— Ў кароў молоки ни одбирала.
— Одбяры Божа тому ручки, ножки,
— Ручки, ножки, со лба вочки.

(Изъ сборника Яна Чечота 1846 г. стр. 33.)

232

Сегодня у насъ Купала... То! То! То!
Самъ Богъ огонь расклаў,
Ўсихъ святыхъ къ себѣ созваў.
Только нѣту Илли съ Пятромъ,
Пошоў Иллія коло жита.

Изъ „Матеріаловъ для географ. и статист. Россіи", Гродн. г. состав. П. Бобскій, стр. 840.)

233

(Изъ мѣстностей принѣманскихъ)

Сонейко, сонейко, Янъ съ Петромъ ходзець,
Сонейко, сонейко, да по межамъ ходзець,
Сонейко, сонейко, да жита гледзяць.
Сонейко, сонейко, да идучы говорыли:
Сонейко, сонейко, ўсё жито дóброе;
Сонейко, сонейко, Юрасово еще лѣпшое,
Сонейко, сонейко, Габрусёво еще найлѣпшое.
Сонейко, сонейко, ў трубу ўецце,
Сонейко, сонейко, Габрусёво ў стрыты кладзецце.

Сборникъ Чечота, стр. 4)

234

(*Суражскій у.*)

Василь василёкъ, боровая зелля,
Василёцикъ, боровиньки цвяточикъ.
Ў первымъ часу сорвала,
Ў другимъ часу вянокъ вила,
Ў трецципмъ часу на голову накладáла,
Тогды на вулицу пошла.
На вулицы бѣлъ корогодъ.
Ў тымъ корогодзѣ мой брахорка,
Мой брахорка ў дудку играпць.
Мой вяноцекъ сохниць, вяниць.
Василь василёцикъ, боровеньки цвятоцикъ!

Ў першимъ часу сорвала,
Ў другимъ часу вянокъ вила,
Ў треццимъ часу на голову накладала.
Тогды на вулицу пошла.
На вулицы бѣлъ корогодъ
Тамъ мой миленьки игранць,
Ды мой вянокъ расцвитанць.

(Зап. В. П. Догель).

235

(*Витебскій у.*)

Копали дзѣўки студзеный колодзець,
Выкопали яны золоту яблоньку.
Ў садъ ўсходзили, садъ покрасили,
На дворъ ўсходзили, ўвесь ганокъ зломпли,
Ў сѣни ўсходзили, сѣни покрасили,
Ў хату ўсходзили, столы насцилали,
Столы насцилали, кубки наливали,
Кубки наливали, боярамъ давали.
Хто кубокъ выпьецъ, зъ хаты ня выйдзець,
А я два выпью, зъ хаты выйду.

(Зап. мною).

236

(Изъ мѣстностей принѣманскихъ)

Сóнейко, чему Янова ночка не величка
Сонейко, сонейко, бо ты рано ўсходзишь.
Сонейко, сонейко, рано ўсходзишь да играючи,
Сонейко, сонейко, играючи, Яна звеличаючи.
Сонейко, сонейко, дзѣвунька да невыспаласе.
Сонейко, сонейко, шнуре́ вязала,
Сонейко, сонейко, шоўковые,
Сонейко, сонейко, да едвабные.
Сонейко, сонейко, сему, тому продавала,
Сонейко, сонейко, свойму милому да даровала.
Сонейко, сонейко, сему, тому по три гроши
Сонейко, сонейко, свойму милому што найхорошы.

(Изъ сборника Яна Чечота 1846 г. стр. 4).

237

(*Лепельскій у. с. Ананасковичи*)

На мори вутка купалася,
Ны біражочку сушилася.
Млада Кулинка стужилася,
Што дары ни прадзины,
Хуць прадзины, дыкъ ня витыи,
Хуць витыи, дыкъ ня снованы,
Хуць снованы, дыкъ ня тканныи,
Хуць тканныи, дыкъ ня бѣлины,
Хуць бѣлины, дыкъ ни качаны.
Хуць качины. дыкъ ня рѣзаны,
Хуць рѣзыны, дыкъ ня дзѣланы.
Тому сяму по локцику,
А сужаньку—ня мѣручи,
Отъ того сяго по сто рублей.
Отъ сужаньки—ни шележки.

(Записала Ольга Котырло).

238

(*Чашники*)

На морѣ вутка купалася,
На бяражочку сушилася.
Я молодая ня вѣдала,
Ци было лѣто, ци ня было,
Мяне мацъ ня пускала,
Ўсё ў каморку замыкала.
Одчиню я кватэрочку
И погляжу я на вулочку:
Ци ўсѣ улочки подмяцены,
Ци ўсѣ дзѣвоньки поучосаны?
Одна вулица ня мяцена,
Одна дзѣвонька ня учосана.
Идзи дзѣвонька головоньку учашй

И вулочку подмяци.
Тамъ твой Панасъ зъ торгомъ стоицъ.
Ёнъ тому сяму запродаецъ,
А своей Кацяринкѣ и даромъ даецъ.
Ёнъ тому сяму по локцику,
А своей Кацяринкѣ ня мѣручи;
Ёнъ даецъ ня мѣручи,
А яна бярецъ ня глядзючи.
Ёнъ жа даецъ ня жалуицъ,
Яна бярецъ ня дзенкуицъ.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

239

(Быховскій у.)

На мори вутка купалась,
На биражочку сушилась,
Яжъ молодзенка журилась.
Ци было лѣто, ци ня бывало.
Яжъ молодзенька ня угадала,
Мамка на вулку ня пускала,
А ў каморочку замыкала.
Выбью я выбью болоночку,
Гляну я, гляну на вулочку:
Ажъ-ну мой миленьки танокъ водзя,
Ды и зъ моей даўный подружанькой.
Дай табѣ, Божа, подружачка,
Етаго танка ня сводзници,
Етаго вянка ня сносици.

(Зап. Ал. Фр. Лисовская).

240

Братъ сестру хоче забити,
Вона жъ зачала просити,
Купала на Ивана! *)

*) Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

— Мой батонька, голубочку!
— Не забивай мэне у лисочку.
— Дѣўчатки йдуть—гвоздочки рвуть
— И мэне ўспоминають.
— Молодички йдуть—васильки рвуть
— И мэне ўспоминають.
— Хлопчики йдуть—стрилочки рвуть
— И мэне ўспоминають.

(Изъ ст. „О праздникѣ Купалы“ Вл. Быковскаго въ памятной книжкѣ виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 г. отд. этногр. стр. 79.—Ср. Бѣлорусск. пѣсни П. Безсонова, стр. 43, № 78.)

241

(Чашники)

Купальная ночка маленькая,
Ня выспалась красная паненка,
Сучила шнуры шоўковыи,
Ткала китайки зялёныи,
Слала до матки родзёнои.
Ў горо́дзи гордовонька,
На гордовоньки зязюленька
Ня куковала, праўду казала:
Ня идзи замужъ за старо́го.
А ў старо́го дзѣцей много,
А ў молодого ни во́дного,
А ў старо́го хлѣбъ пикливаны,
А ў молодо́го кій насѣканы,
А ў старого подушечки,
А ў молодого полушечки.
А ў старо́го ў бородзѣ воши,
А у молодо́го ў кишени гроши.
Лѣпѣй спаць на камушечкахъ,
Чимъ на старо́го подушечкахъ,
Лѣпѣй вымаць зъ кишеня гроши,
Чимъ у стараго зъ бороды воши.

(Зап. мною отъ мѣщанки Коткевичовны).

242

(*Витебскій у.*)

Ў цемномъ лѣсѣ гомонило—
Сосна зъ еллю говорила:
Счастлива тая мацъ,
Ў которой дочакъ много.
Што субота—заручаньки,
Што нядзѣля—веселейки.

У цёмномъ лѣсѣ гомонило,
Сосна зъ еллю говорила:
Нисчастная тая мацъ,
У которой сыноў много:
Што субота—на судъ ходзюць,
Што нядзѣля—хохлы дзѣлюць.

(Зап. В. И. Безперчій).

243

(*Лепельскій у., Ушачскій округъ*)

А при дорози при широкой
Дзвѣ дзѣўчины лёнъ пололи.
А туды ишли два молодца.
„А Богъ ў помочъ двумъ дзѣўчинамъ!"
— А на здороўе двумъ молодцамъ.—
А худобочка промовила,
А богатая замолчала.
А пошли жъ яны гукаючи,
Одзинъ у одного пытаючи:
— Ня бяри, брацецъ, богатую,
— А бяри, брацецъ, худобочку.—
А худобочка зъ молодыми гукаецъ,
А богатая зацинаецъ.
А якъ зачула богатая:
Обрусы мои шоўковые!
А ци горы вами высцилаци?
Не гдзѣ мнѣ младзѣ подзѣваци.
Рушнички мои кружковые!
Ци дубы вами обвязаци?
Негдзѣ жъ мнѣ младзѣ подзѣваци.
Поясы мои жичковые!
Ци кони вами завожаци?

Негдзѣ жъ мнѣ младзѣ подзѣваци.
Парсценьки мои золотые!
Ци кони вами подковаци?
Негдзѣ мнѣ младзѣ подзѣваци.
Карали мои дорогіе!
Ци кони вами понуздаци?
Негдзѣ мнѣ младзѣ подзѣваци.

(Сообщ. С. К. Шимковичемъ).

244

(Лепельскій у.)

Зялёны виноградъ
Ўдаўся ты на поглядъ.
Якъ Иванька поглядзѣў—
Такъ виноградъ поблѣднѣў,
Стаў виноградъ посыхаць,
А Иваньку проклинаць:
— Кабы ты зъ лица змѣниўся,
— Якъ я зъ цвѣту спусциўся.—

Чирвоны виноградъ!
Ўдаўся ты на поглядъ.
Якъ Андрейка поглядзѣў,
Такъ виноградъ покраснѣў.
Стаў виноградъ расцвѣтаць
И Андрейку выхваляць:
„Кабъ жа ты богатъ стаў,
„Якъ я на цвѣтъ красёнъ стаў".

(Зап. учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ.)

245

(Лепельскій у.)

Ў городзѣ подъ либядою,
Купала на Ивана! *)
Стоиць колодзезь зъ водою.
Тамъ дзѣўнька воду брала,
Пришли до яе два поповичи,
Стали зъ ею жартуваци,
Зъ вёдеръ воду выливаци.
„Поповичи молодые!

„Полно со мной жартуваци,
„Зъ вёдеръ воду выливаци,
„Ў мяне матулька ня своя,
„Будзиць мяне биць, караць".
— Ты дзѣўчина молодая!
— Умѣй жа ей отказаци:
— Голубы были, воду пили,
— Воду пили, замуцили.—

(Зап. учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ).

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

246

(*М. Чашники*)

На морѣ, морѣ синему,
Тамъ дзѣвонька водў брала.
Плыли гуси шѣрые,
Яны водзицу замуцили.
Я молода постояла,
Покуль водзица свѣтла стала.
Тудыжь ишли два поповичи,
Стали зъ ей жартоваци.
„Ня своевольця. поповичи,
„Ў мяне маце ни родная
„Будзиць биць и браниць“.
— Умѣй дзѣўка отказаци:
— Плыли гуси, гуси шѣрые,
— Яны водў замуцили.
— Я молода постояла,
— Покуль вода свѣтла стала,
— Я молода посядзѣла,
— Покуль вода посвѣтлѣла.—

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

247

(*Полотскій у.*)

Иванъ, Иванъ да Марья,
А на горѣ купальня,
А на купальнѣ царкоўка,
А на царкоўцѣ макоўка,
А на макоўцѣ кружолка *),
А на кружолцѣ ластоўка,
Яна сядзиць высока,
Чуиць и видзиць далёка,
Што ў (Полоцку) дзѣвица:
Дзевяць паненакъ заручонныхъ,
А дзисятая повянчопная **).

(Зап. гимназистомъ 7-го кл. Пржисецкимъ).

248

(*Лепельскаго у., с. Апанасковичи*)

„Ай бору мой, бору мой!
„Што ты бору, ни шумёнъ?“
— Якъ я маю шумёнъ быци,
— Коли ў мине пташекъ нѣтъ?
— Одна была зязюля,

---

*) Вар. „крижечикъ“.

**) Дзевять дзѣвокъ вянчаюць,
А дзисятую заручаюць.

— Тую пташечки ўзяли,
— Соловейкамъ подали;
— А пташачкамъ на одзинъ дзень,
— Соловейкамъ на ўвесь вѣкъ.—
„Ай двору мой, двору мой!
„Чаму, двору, ни мяцёнъ?“
— Якъ я маю мяцёнъ быць,
— Коли ў мине дзѣвокъ нѣтъ?
— Одна была Маринка,
— Тую сваты ўзяли,
— Ды сужиньку подали,
— А сваточку на одзинъ дзень,
— А сужиньку на ўвесь вѣкъ!—

(Записала Ольга Котырло).

249

(Дисненскій у.)

„Ой бору, мой бору!
„Зачѣмъ ты ня зялёнъ?“
— Якъ я могу зялёнъ быць?
— Я птушачикъ ня маю,
— Шуметника ня знаю.
— Одна была пташычка
— Да шѣренькая зязюлька.
— Тую орлы споймали.
„Ой двору, мой двору!
„Зачѣмъ ты, двору, ня мяцёнъ?“
— Якъ я маю мяцёнъ быць,
— Я дзѣвочикъ ня маю.
— Одна была дзѣвочка, молодая N,
— Тую сваты споймали,
— Ды сужанькому подали,
— Ды сваточки на вечеръ,
— А сужанькому на ўвесь вѣкъ.—

(Зап. г-жа Сингельская).

250

(Лепельскій у.)

„Ляци, ляци, стрѣлочка,
„А ў зялёну дуброву,
„На дубову колоду!"
— Суха будзиць—полячу,
— Мокра будзиць—посяжу.—
„Оддай, Янычка, оддай
„Свою дочку Маланку!
„Оддаючи прикажи,
„Прикажучи пригрози:
„Жыви, жыви, дзицятко,
„Жыви (2), нябога!
„Для людзей и для Бога".
— Добро будзиць—жыць буду,
— Худо будзиць—прочь пойду.
— Прочь пошоўши—ни слова,
А ўсе тутъ жыць ни стану.—

(Записала Ольга Котирло).

251

(Чашники)

За горою, за крутою
Чатыры горо̀ды выгорожанныхъ:
Ў однымъ горо̀дзѣ стоиць рожа,
Ў другимъ горо̀дзѣ стоиць пыжма,
Ў треццимъ городзѣ стоиць рута,
Ў чатвертымъ горо̀дзѣ стоиць мята.
Хто пригожи—пильновац рожи,
Хто пышны—пильновацъ пыжмы,
Хто круты—пильновацъ руты,
Хто богаты—пильновацъ мяты.
Хто горбаты—грысци лопатой,
Хто горды—пирасыпацъ бёрды.
Хто рабы—пасцицъ жабы,
Хто зъ Вильны—пасцицъ свиньи.
Хто зъ Руси—пасцицъ гуси.

(Зап. мною отъ Марьи Коткевичовны.)

252

(Лепельскій у.)

А за горою за крутою
Три горо̀ды выгорожанныхъ,
Три заводы заложанныхъ:

Ў однымъ горо́дзѣ чирвона рожа,
Ў другимъ городзѣ пахучая мята,
А ў треццимъ городзѣ зялёная рута.
Хто пригожи—пильновацъ тому рожи,
Хто богаты—пильновацъ тому мяты,
А хто лѣнивы—пильновацъ тому крапивы.
Кузьма пригожи—пильновацъ рожи,
Антось богаты—пильновацъ мяты,
Василь круты—пильновацъ руты,
Андрей лѣнивы—пильновацъ крапивы.
(Сообщено С. К. Шимковичемъ.)

253

(*Лепельскаго у., Ушачскій округъ*)

„Што ты, силязень, смуцёнъ ня вясёлъ?"
— А якъ жа мнѣ жиць, вяселому быць?
— Ўчо́ра зъ вичора за вуточкой литаў,
— А сягодня рано вуточки нема:
— Ци застрѣляна, ци полящѣла?
— Кабъ гдзѣ далеко—ня жаль бы было,
— А то отъ мяне ў треццимъ кусцѣ.
— Ў однымъ кусточкѣ вьецъ гнѣздзечко,
— На одной росѣ купанцца,
— Мяне силязеньку коруганцца.—
„Што ты Андрейка смуцёнъ, ня вяселъ?"
— А якъ жа мнѣ жиць, вяселому быць?
— Ўчора зъ вичора зъ Марьичкой гуляў,
— А сягодня рано Марьички нема.
— Ўжо заручона, замужъ идзецъ.
— Ня жалька мнѣ, што замужъ зашла,
— А ли жаль жа мнѣ, што за сусѣда.
— И што за сусѣда ў моемъ вокнѣ,
— Толька отъ мяне ў треццимъ дому.
— Чпразъ мой дворокъ по водзицу идзецъ,
— По водзицу идзецъ и коника вядзецъ.
— Коника по́пцъ, мое сердце кро́пцъ.
(Сообщ. С. К. Шимковичемъ.)

254

(*Тамъ же*)

У короля сирадъ двора
Божа жъ мой!
Тынокъ высокъ, дунай глубокъ
Божа жъ мой! *)
„Хто гэты тынокъ пираскочиць?
„Хто гэты дунай пираплывець?
„Королевночку за сябе возьмецъ?“
Обозваўся молодэй Мыкитка:
— Я гэты тынокъ пираскочу,
— Я гэты дунай пираплыву,
— Королевночку за сябе возьму. —
Якъ стаў скакаць—ня пираскочиў,
Якъ стаў плысци—ня пираплыў,
Королевночку за сябе ня ўзяў. **)
Обозваўся молодэй Пилиппъ:
— Я гэты тынокъ пираскочу,
— Я гэты дунай пираплыву,
— Королевночку за сябе возьму. —
Якъ стаў скакаць—пираскочиў,
Якъ стаў плысци—дыкъ пираплыў,
Королевночку за себя ўзяў.

(Сообщ. тѣмъ же.)

255

(*Лепельскій у.*)

Ў городзѣ на бярёзѣ
Шѣра зязюля кувовала,
Купала на Ивана! ***)
Ня куковала—праўду казала:
Ня будзиць зимы якъ лѣцичка,
Ня будзиць свекоръ якъ бацинька,

*) Повторяется послѣ каждаго стиха.
**) Тутъ повторяются первые пять стиховъ.
***) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Ня будзиць свякроў якъ матынка,
Ня будзиць дзевиръ якъ брацичка,
Ня будзиць золвица якъ сестрица.

(Зап учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ.

256

(*Витебскій у.*)

Шла паненка церазъ боръ,
На ей сукенька ў дзевець полъ,
Стала тая сукенька шамреци,
Зелёна дуброва горѣци.
Пошли дзѣвочки тушици,
Золотыми кўбечками воду носици,
Кольки у кубечку воду ёсць;
Тольки у дзѣвочекъ праўды ёсць.
Ишла паненка церазъ боръ,
На ей сукенька ў дзевець полъ,
и т. д.
Пошли хлопцы тушици
Рѣшетами воду носици;
Кольки въ рѣшецѣ воды ёсць,
Тольки у хлопциў праўды ёсць.
Ишла паненка церазъ боръ,
и т. д.
Пошли жоночки тушици,
Чепцами воду носици,
Кольки ў чепцы воды ёсць,
Только у жоночекъ праўды ёсць.
Загорѣўся щиры боръ,
А ў томъ бору татка мой.
Мы пойдзёмъ боръ тушици,
Ушатомъ водў носици.
Загорѣўся щиры боръ,
А ў томъ бору свекоръ мой.
Мы пойдземъ боръ тушици,
Рашатомъ водў носици.
Загорѣўся щиры боръ,
А ў томъ бору свякроў моя.
Мы пойдзёмъ боръ тушици,
Цапцомъ водў носици.
Загорѣўся щиры боръ,
А ў томъ бору мамка моя,
Мы пойдзёмъ боръ тушици,
Катками водў носици.

(Зап. мною отъ мѣщанки Арины.)

257

(*Суражскій у., д. Козловичи*)

„Мядуница мядовая, молодзица молодая!
„Чаму няйдзешь на вулицу погуляць?“
— Якъ же мнѣ гуляць идци?
— Бѣлой пойциць—скажуць: торба,
— Цорной пойциць—скажуць: дурна.

— Свёкоръ скажиць: мядвѣдзица,
— Свякроў скажиць: пахмурница,
— Дзе́вярь скажиць: зялипуха,
— Золовка скажиць: щикатуха,
— Мужикъ скажиць: молодуха.—
„Ты ня умѣишь отказаци:
„Мядвѣдьзица—ў цёмнымъ лѣси,
„Пахмурница—цемная починька,
„Зялипуха—траўка мураўка,
„Щикатуха—сорока щиботуха.“

(Зап. В. П. Догель.)

258

(*Суражскій у.*, *м. Усвяты*)

Круто мое поля (2),
На ёмъ ягыдъ много (2),
Спѣлыхъ и зрѣлыхъ (2).
Я ягыдки брала (2),
Спѣлки въ рукавоцыкъ (2),
Зрѣлки въ пыдолоцыкъ (2),
Спѣлки родный мамки (2),
Зылипушки свякроўки (2):
Ѣжь, мамка, живися, (2),
Свякроў, ѣжь давися (2),
Ѣжь, мамка, съ сытою, (2)
Свякроу съ пылатою.

(Зап. учен. 6 кл. гимназіи Потоцкимъ.)

259

(*Городокскій у.*)

Кругло мое поля,
На емъ ягодъ многа.
Пойду погуляю,
Ягодъ посбираю.
Зрѣлки ў рукавокъ,
А зялёпушки ў подолокъ.
Зрѣлки родной мамки,
А зялёпушки свякроўки.
„Ѣжь, моя мамка, живися,
„А свякроўка удавися.“
Мамка поживилась,
А свякроўка удавилась.

(Сообщ. Штатнымъ Смотрителемъ М. П. Сахаровымъ.)

260

(*Лепельскій у.*)

Божа жъ мой!
Ой ель моя зяленая,

Божа жъ мой! *)
Свякроў моя шаленая.
Загадала работочку:
Ў суботу рано хусты мыць,
Ў надзѣльку жлукцицъ,
На лѣсѣ сушицъ, на небѣ катацъ,
На небѣ катацъ, ў орѣшекъ складацъ.
Ци я жидоўка—ў надзѣльку жлукцицъ?
Ци я вуточка—на мори полоскацъ?
Ци я ластоўка—на лѣси сушицъ?
Ци я зорочка—на небѣ катацъ?
Ци я орѣхаўка— ў орѣшекъ складацъ?
(Зап. учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ.)

261

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

На мой лёнъ зилёняныкій
Роса пала сцюдзёная.
Я молода ў дому ня была,
На торгу торговала,
Свекорка продавала,
Татульку выкупала.
За свекорка шелега ўзяла,
За татульку сто рублёў дала.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

262

(*Суражскій у., д. Козловичи*)

Выйду за вороты,
Выйду за цясовы,
Ўдару ў ладони.
Пярсни зазвянѣли,
Сукна зашумѣли.
Ўлякнуўся свякратка,
Што уборна нявѣхна,
Ня ликайся свякратка!
Ни ты мяке ўбраў,—
Ўбрала мяне мамка,
Сорудзиў мой татка,
За щиру работу,
За циху походку.

(Зап. В. П. Догель.)

*) Въ началѣ и въ концѣ каждаго стиха повторяется „Боже жъ мой".

263

(*Тамъ же*)

Якъ ўси мои подружки
На кирмашъ гуляць пошли,
Да эхъ, вохъ—вохъ,
да вохци мнѣ! *)
А мяне молодую,
То й свёкоръ ня пусциў.
Заставиў мяне свёкоръ
Нову горенку мясци.
Я горенку подмяту
И вяничикъ растрасў,
На кирмашъ гуляць пойду.
Якъ ўси мои подружки, и т. д.
А мяне молодую
Ужо свекрова ня пусцила,
Заставила свякроўка
Ткаць молоду красёнка.
Я бердоцку разобью,
А питоцку разорву,
На кирмашъ гуляць пойду.
Якъ ўси мои подружки и т. д.
А мяне молодую,
Што золоўка ня пусцила.
Якъ заставила золоўка
Цесаць буйные голоўки.
Я щётоцку разобью,
Русы косы растраплю,
На кирмашъ гуляць пойду.
Якъ ўси мои подружки и т. д.
А мяне молодую,
Што дзяверья ня пусцили.
Якъ заставили дзяверья
Собацекъ кормиць.
Я собацекъ накормлю,
На кирмашъ гуляць пойду.
Якъ ўси мои подружки и т. д.
А мяне молодую
Нялюбы мужъ ня пусциў.
Якъ заставиў нялюбы мужъ
Ў воротахъ младу стояць,
За узду коня дзержаць.
Я уздэчку разорву,
Ворона коня пущу,
На кирмашъ гуляць пойду.
Якъ ўси мои дзяверья
Со охвотошки идуць,
По звярусицки нясуць:
Хто лисицу, хто бобрйцу,
Хто заицку трасуна,
А нялюбы мужъ идзець,
Ў зубахъ мысинку нясець.
Ёнъ нясець и трасець,
Ў зубахъ мысинка пищиць.

(Зап. тотъ же.)

264

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

Ды ў садочку на вишанцѣ
Куковала зязюленька.

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Ни куковала,—праўду казала:
Штой ня быць свекорку
Якъ родному татку.
Свекорка кажиць: разуваци,
А свякроўка кажиць: посцель слаци.
Я й свякорку угодзила—
Бѣл кошульку помыла,
Я й свякроўки угодзила—
Мягка посцель послала
Я й золоўкѣ угодзила—
Гладко голоўку учасала,
На кирмашъ выпраўляла.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

265

(*Чашники*)

Стральцы бойцы Копцевляне
Застралили жабу ў водзѣ,
Мышъ на колодзѣ,
Свойму пану на похвалу,
Своей пани на обламѣ.

Стральцы бойцы Чашничане *)
Застралили лося ў лѣси,
Свойму пáну на похвалу,
Своей пани на обламѣ.

(Зап. мною.)

266

(*Лепельскій у.*)

Иванъ свищиць,
Коней ищиць
Купала на Ивана! **)
Хочиць ѣхаць
Ды за рѣчаньку,
За рѣчаньку
Ды по дзѣўньку,
За горыньку
Ды по ўдоўньку.
Дзяўку вязуць—
Скрыпки граюць,
Ўдову вязуць—
Дзѣци плачуць.

(Зап. учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища г. Преображенскимъ.)

*) Коптевичи и Чашники - два сосѣднихъ мѣстечка.

**) Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

267

На Ивановъ день (въ Могилевской губерніи) бабы ходятъ въ лѣсъ вѣники рвать, причемъ приговариваютъ:

Пришоў Пятрокъ,
Оторваў листокъ,
Пришла Илля,
Оторвала два,
Пришоў Спасъ—
Ўсяму часъ,
Пришла Прачиста—
Ў поли чиста.

(Зап. Ал. Фр. Лисовская.)

268

(*Суражскій у.*)

На Ивана рано
Соўнца играло:
На жита урожай,
На ярину умолотъ.
Найдзы вѣдзьма
Ў моё жита:
Забью вѣдзьму кочаргою,
Спалю вѣдзьму голоўнею.

(Зап. В. П. Догель.)

Петровочныя пѣсни. *)

269

(*Дисненскій у.*)

Пятрова ночка ня вялична,
Всю ночь ня спала, шнуры сучила,
Шнуры сучила шоўковые,
Тому сяму продавала,
А милому такъ даровала.

(Зап. г-жа Сингельская.)

270

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

Пятрова ночка ни вялична,
Я й молода ни доспала.
Вила вяночки ротвяны,
Пляла шнурочки ботвяны.
Тому-сяму я й продала.
Свойму милому дарма дала.

*) „Пятровочки", „Пятроускія".

Тому-сяму по моточку,
Свойму милому по пяточку,
Тому-сяму за грошики,
Свойму милому за словеньки,
Тому-сяму за мѣдныи,
Свойму милому за вѣрныи.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

271

(*Дисненскій у.*)

Ой дубе, мой дубе!
А што съ цябе, дубе, ни дровъ, ни лучины,
Ни дровъ, ни лучины, а ни цеплой лазни?
Ни топила лазни и топпць ня буду,
Ни любила блазна и любпць ня буду.
Ни топиўши лазни, воши наѣдуцца,
Полюбиўши блазна, людзи насмѣюцца.
Да вытоплю лазню хоць одзинъ разочикъ,
Сполюблю я блазна хоць одзинъ годочикъ.

(Зап. г-жа Сингельская.)

272

(*Быховскій у.*)

На Пятра дзѣўки кумацца: двѣ дзѣўки мѣняюць одна зъ одной што нибудзь зъ одзѣжи и ўвесь годъ кумами зовуцца. При стымъ пьюць водку, ядуць ягоды и пѣюць пѣсни:

Ты кума моя, ты душа моя!
Мы съ тобой, кума, чиразъ тынъ живёмъ,
Чиразъ тынъ живёмъ, ды ня знаимся,
А цяперь, кума, распознаимся,
Распознаимся, покумаимся.
Покумаимся, поминяимся,
То на хустычки, то на хустычки,
На хустычки, на пярсценычки,
Кума моя, душа моя!
Паси моихъ гусынятычикъ.
А выпасишь, а выкормишь,
А дамъ табѣ кувалычикъ сала.

(Зап. Ал. Фр. Лисовская.)

Жниво.

(Обряды, обычаи, суевѣрья).

Жнивныя или жатвенныя пѣсни, по роду обработываемыхъ злаковъ, раздѣляются (по крайней мѣрѣ, въ Витебской губерніи) на два главные разряда: на *житныя*, распѣваемыя при жатвѣ ржи или жита, и *ярныя*, сопровождающія уборку яровыхъ хлѣбовъ. Первыя служатъ какъ бы продолженіемъ „Купальскихъ" и „Петровскихъ", послѣднія же приближаются къ осеннимъ, сватебнымъ, съ которыми онѣ видимо и сливаются по складу и содержанію. Оба эти разряда распадаются на два подраздѣленія: на *зажиночныя*, которыя поются при началѣ жатвы, на зажинкахъ, на собственно *жнивныя*, которыя поются на нивѣ впродолженіе всего рабочаго времени отъ зажинокъ до послѣдняго дня уборки, и наконецъ на *дожиночныя*, которыя составляютъ необходимую принадлежность празднованія дожинокъ, или окончательной уборки послѣднихъ сноповъ какого-либо хлѣба. Онѣ поются и на нивѣ, и на хозяйскомъ дворѣ, и за столомъ во время угощенія. Всѣ эти пѣсни имѣютъ еще болѣе дробныя дѣленія, которыя будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ. Но прежде чѣмъ приведемъ самыя пѣсни, считаемъ необходимымъ сообщить, на сколько намъ удалось собрать, нѣкоторые обряды, обычаи, суевѣрія и примѣты, окружающіе чуть ли не каждый шагъ дѣйствій бѣлорусскаго крестьянина при культурномъ обрабатываніи имъ хлѣбныхъ растеній и служащіе живымъ, яснымъ отраженіемъ его опасеній и надеждъ, его религіозныхъ вѣрованій.

(Лепельскій у., Каменской вол. д. Бабчъ)

1) Кости, нарочно оставляемыя въ первый день Пасхи, отъ стола, отъ „свенцоннаго" закапываютъ обыкновенно въ посѣвы ржи для предохраненія нивъ отъ града.

2) Въ день св. Юрія, вербу, которою выгоняютъ обыкновенно скотъ въ поле, утверждаютъ на нивѣ для той же цѣли.

3) Рожь здѣшніе крестьяне обыкновенно сѣютъ дней пять спустя послѣ первой четверти (молодзика) и вѣрятъ, что, при несоблюде-

нiи этого срока, во время налива бѣлые черви подгрызутъ корни стеблей и окажется много пустыхъ колосьевъ.

4) Понедѣльникъ и Пятница считаются неблагопріятными для посѣвовъ днями, потому что рожь посѣянная въ эти дни непремѣнно будетъ источена червями, или же стебли не будутъ стоять ровно, а перепутаются другъ съ другомъ крестъ-на-крестъ.

5) Сѣялку или сѣвалку дѣлаетъ самъ хозяинъ и на заутренѣ въ Свѣтлое Воскресенье освящаетъ ее въ церкви вмѣстѣ съ свенцоннымъ, и затѣмъ прячетъ въ чистомъ углу закрома.

6) Вокругъ посѣвовъ ржи совершаются обыкновенно крестные ходы съ образомъ, взятымъ изъ церкви. Священникъ съ образомъ идетъ впереди толпы, за которой на пустыхъ возахъ ѣдутъ его паробки (работники). Когда крестный ходъ приближается къ деревнѣ, хозяева растилаютъ скатерти передъ своими домами и ставятъ на нихъ лубки (сѣялки) съ рожью или съ другими хлѣбными растеніями. Священникъ съ образомъ проходитъ по разостланнымъ скатертямъ, обходитъ вокругъ сѣялку, которую тотчасъ его паробки берутъ на свой возъ и, высыпавъ изъ нея хлѣбъ въ мѣшки, отдаютъ ее обратно хозяину.

(Сообщено уч. 7-го кл. Витебской гимназіи Влад. Пржисецкимъ).

(Оршанскій у.)

Приступая къ сѣву, иные крестьяне надъ первымъ мѣшкомъ съ хлѣбомъ, который откроютъ, дѣлаютъ крестное знаменіе просфорой, пріобрѣтенною на Благовѣщенье отъ освященія хлѣбовъ и тщательно прибереженною для этого случая.

(Сообщено уч. 7-го кл. Витебской гимназіи Протопоповымъ).

(Лепельскій у.)

8) Къ сѣялкѣ (въ началѣ сѣва) привязываютъ кусокъ хлѣба съ солью, оставшіеся отъ „свенцоннаго“.

(Сообщ. Влад. Пржисецкимъ).

Зажинки.

9) Когда рожь достаточно созрѣла,— изъ каждой крестьянской семьи, хозяйка съ двумя дочерьми, или невѣстками, или же спохами (вообще втроемъ) отправляется на ниву для зажинокъ или за-

жнива, т. е. почина жатвы. Онѣ обыкновенно въ этотъ разъ нажнутъ лишь столько, сколько нужно на кашу для своей семьи. Нажатый снопъ ржи по заведенному обычаю обивается безъ помощи цѣпа.

(Могилевск. губ., Орш. у., около м. Любавичей. Сообщ. уч. 7-го кл. Витебской гимназіи Протопоповымъ).

10) Въ другихъ мѣстахъ той же губерніи и уѣзда, хозяйка съ другими жнейками, выходя въ поле на зажинки, беретъ съ собою краюшку хлѣба съ солью, сыръ и водку. Пришедши туда, всѣ крестятся на ниву, говоря: „Поможй намъ, Божа, нпўку сжаць". Выбравъ мѣстечко, гдѣ рожь погуще, хозяйка нажнетъ „жмени" *) двѣ. Первый снопъ хозяйка ставитъ стоймя на землю, приговаривая: „стой, мой снопъ, на сто копъ, на тысячу бабокъ!" Нажавши еще одинъ снопъ, она беретъ оба, кладетъ ихъ крестъ-на-крестъ возлѣ краюшки принесеннаго хлѣба и, садясь на нихъ, подчуетъ всѣхъ водкой съ закуской. Первый, нажатый самою хозяйкой, снопъ, она уноситъ съ собой домой и ставитъ его за образъ, за Бога или за Боги (какъ говорятъ въ Суражск. у. и во многихъ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи), а оставшійся отъ завтрака хлѣбъ, какъ святыню какую, раздѣляетъ между членами семейства, не бывшими съ нею въ полѣ. Три дня этотъ снопъ постоитъ за образами (за Богами), на четвертый хозяинъ или хозяйка возьметъ и обмолотитъ его, а обмолоченныя зерна оставитъ до Спаса и тогда смѣшаетъ ихъ съ тою рожью, которая назначается для освященія на сѣвъ.

(Сообщ. А. П. Осмоловской).

11) Витебской губ. Леп. у. Каменск. волости въ д. Бабчѣ обрядъ зажинокъ, сходный въ общемъ съ вышеописаннымъ, отличается отъ него нѣкоторыми особыми чертами. Такъ, напримѣръ, хозяйка, отправляясь въ поле на зажинки, закуску непремѣнно завязываетъ въ скатерть, которою былъ накрытъ столъ на Свѣтлое Воскресенье.

Зажинки здѣсь дѣлаются обыкновенно въ субботу вечеромъ, а въ понедѣльникъ начинается ужъ настоящая жатва (или жниво). Впрочемъ, если рожь очень спѣла, то обрядъ этотъ совершается въ какой нибудь другой день, предшествующій празднику. Пока хозяйка занята срѣзываніемъ и связываніемъ своего снопа, дочери,

*) Жмень—сколько можно взять горстью.

или родственницы ея спѣшатъ поскорѣе нажать и связать по одному снопу. Затѣмъ каждая изъ нихъ ставитъ свой снопъ комлемъ на землю, внимательно наблюдая: въ какую сторону онъ упадаетъ? Туда, значитъ, ей и выходить замужъ.

Невѣстка, живущая замужемъ меньше года, нажавши снопъ, покрываетъ его кускомъ полотна, которое, по заведенному обычаю, свекровь беретъ себѣ.

12) Когда хозяинъ ѣдетъ въ поле за первымъ возомъ ржи, то онъ везетъ на колесахъ (родъ телѣги) навозъ, который и сбрасываетъ на сжатую ниву, а колёсы накладываетъ снопами. Передъ воротами пуни растилаютъ ту-же скатерть, которою былъ накрытъ столъ въ Свѣтлое Воскресенье, и по ней только онъ можетъ ввозить туда возъ съ первыми снопами. Это, по мнѣнію здѣшнихъ крестьянъ, дѣлается для того, чтобы Богъ стерегъ добро отъ ударовъ молніи и мышей.

(Сообщ. уч. 7-го класса Витебской гимназіи Влад. Пржисецкимъ).

Дожинки.

13) Дожинки или обжинки, т. е. окончательная уборка съ полей ржанаго или яроваго хлѣба, сопровождаются нѣкоторыми довольно замѣчательными обрядами, обычаями и особенно пѣснями, миѳическая древность которыхъ, какъ намъ кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Опасаясь дурной погоды, крестьяне на дожинки, большей частью, приглашаютъ *въ толоку* сосѣдокъ-жней, а частехонько и сосѣдей съ подводами, и рѣдко гдѣ дожинаютъ безъ *толоки*, безъ приглашенныхъ. Вечеромъ, по окончаніи работъ, хозяинъ щедро угощаетъ всю толоку водкой и сытнымъ ужиномъ. На дворѣ накрываются импровизованные столы (изъ бочекъ и досокъ), которые усердно уставляются разнородными яствами своей простой, незатѣйливой кухни. Къ столу подаютъ обыкновенно блины съ масломъ, медомъ, сытòю,—жареннаго поросенка, яичницу и т. п. Ужинъ обыкновенно заключается густою кашей изъ новой ржи, для того, чтобы и посѣвы въ будущемъ году взошли также густы. За столомъ неумолкаемо поютъ пѣсни.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Могилевск. губ. по окончаніи стола каждая изъ участвовавшихъ жницъ ломаетъ свою ложку.

Борода.

Самый замѣчательный обрядъ на дожинкахъ—это завиваніе бороды изъ послѣднихъ, нарочно оставляемыхъ недожатыми, колосьевъ. Бороду завиваютъ исключительно при самомъ концѣ жатвы только ржи.

Передаемъ этотъ обрядъ подлинными словами пѣвицы Лепельскаго у. мѣщ. М. Коткевичовны:

„Коли жита дожинаюць, заўсягды остаўляюць на краю поля мѣсцечка найлучшаго жита на снопъ. Кругомъ гэтого мѣсцечка тры дзѣўки обжинаюць тры разы и остаўляюць нѣскольки сцеблёў, скольки можно ўзяць голою рукой ў жменю. Ўси дзѣўки усядуцца ў кругъ. Одна, выбранная, дзѣўка должна выполоць чисценька межу сцеблями, и ня голою рукой, а чиразъ рукаў,—ня то будзиць земля гола, ничо́го ни поро́дзиць. На выполотое мѣсто дзѣўка гэта кладзець кусокъ хлѣба зъ соллю, возьмиць ў жменю сцебли, надломиць ихъ, закруциць ўмѣсци зъ краюшкой хлѣба зъ соллю и сверху яще прицисниць рукою къ зямлѣ, штобъ гэта ўсё дзаржалося крѣпка, ня распусцилась. Гэта и ёсць борода“.

(Зап. мною).

Вянбкъ.

15) Послѣ описаннаго обряда, а чаще и во время его совершенія, жницы собираются въ кружокъ около бороды, срѣзываютъ нѣсколько колосьевъ съ послѣдняго снопа и начинаютъ вить вѣнокъ, въ который вплетаютъ в нѣ спорыши, нарочно сбереженные ими въ продолженіи всей жатвы для этой цѣли. Всѣ жницы, и впереди ихъ старшая или избранная, съ вѣнкомъ на головѣ и съ послѣднимъ снопомъ на рукахъ, отправляются медленною процессіей къ хозяйскому дому, распѣвая доро́гою *спорышовыя* пѣсни. Хозяинъ со всею семьей встрѣчаетъ ихъ у сѣней, или на крыльцѣ съ хлѣбомъ-солью и водкой. Избранная жница передаетъ ему послѣдній снопъ и, снявъ съ своей головы вѣнокъ, надѣваетъ его на голову хозяйкѣ, а чаще хозяину.

Въ дополненіе къ сказанному приведемъ опять слова вышеназванной пѣвицы изъ Леп. уѣзда:

„Зъ обжатыхъ ўвокругъ бороды колосьёў ўюць вянокъ и нясуць къ хозяину ў во дворъ. Дли гэтого выбираюць дзѣўку честную, масцерицу пѣсню пѣяць и рацеи казаць. Яна ўпередзѣ ўсихъ нясець вянокъ ў руцѣ, либо на головѣ. Хозяйка выходзиць на ганокъ имъ наўстрѣчу зъ хлѣбомъ зъ соллю. Старшая дзѣўка виншуиць хлѣбъ соль (гэта значиць: яна клядзець вянокъ на хлѣбъ соль и говориць рацею). Хресцiяне, коли виншуюць, дыкъ надзѣюць вянокъ на голову панамъ, ў насъ ў мѣщаныхъ гэтаго ня бываиць. Посли рацей хозяйка, либо старшая дзѣўка ўнясець хлѣбъ соль зъ вянкомъ ў хату и положиць на столъ. На Макаўя (св. Маккавея 1 августа) хозяинъ возьмиць вянокъ, понясець ў церкву, либо ў косцелъ. Тамъ попъ или ксёндзъ посвянциць яго. Хозяинъ тогды положиць гэтотъ вянокъ ў засикъ. Тамъ ёнъ ляжиць до налѣцця, покуль новы ня принясуць. Бываець, што ёнъ попадзецця ў свенцонного жита на посѣў".

(Зап. мною).

Зажиночныя пѣсни.

273

(*Суражскаго у., м. Усвяты*)

Народи, Божа, жита (2)
И густа, и велика (2),
Кыласомъ кыласиста (2),
Ядромъ идрянниста (2)!
Народи, Божа, яра (2)
И циста, вятиста (2),
Ядромъ идрянниста (2)!

(Зап. учен. Витебской гимназiи Потоцкiй, въ м. Усвятѣ.)

274

(*Суражскаго у., д. Козловичи*)

У насъ сянни зажиначки:
Дадуць жонкамъ гарэлочки
И сыръ на тарелочки.
Будзимъ, сёстры, жита жаць.
И ў жици Бога искаць.
Нашли Бога за барылачкой,
Зъ красной гарэлочкой.
Будзимъ, сёстры, жита жаць,
И ў жици сову искаць.
— А намъ сова ня нада,
А нада намъ кугакалка,
Якъ придзёмъ домоў,—
Кабъ хозяйка зпужалася,
Зпужалася и заплакала.

(Зап. В. П. Догель.)

275

(*Чашники*)

„Жниця, жоночки, жниця!
„Знайдзиця сову ў жици."
— А намъ сова ня нада,
— А нада намъ кугакалка,
— Штобъ часценька заплакала,
— А мы бъ яго сколыхнули,
— И сярадзинка бъ оддыхнула.—

„Жниця, дзѣвочки, жниця!
„Знайдзиця Бога ў жици,
„Бога ў жици зъ барылкую,
„Зъ горкую горэлкую:
„Мы погуляимъ
„И гарэлочку попиваимъ."

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

276

(*Суражскаго у., д. Козловичи*)

Жниця, жонки, жита,
Ци ня знайдзиця кого ў жици:
Ци коника воропого,
Ци молойца молодого?
На коники погарцуимъ,
А зъ молойцомъ пожартуимъ.

(Зап. В. П. Догель.)

Жнивныя пѣсни.

(Жатварки)

277

(*Городокскій у.*)

Безжалостное отношеніе хозяйки къ своей работницѣ — свидѣтельствуется солнцемъ.

„А ты соўнце, соўнійко!
„Ня бывала ты ў наймѣ,
„Ня погадуешь жа по мнѣ;
„Кабъ ты ў наймѣ побывала,
„Тогды бы мяне гадувала.
„Ты бъ поздненько восходзила
„И ранюсенько заходзила."

— Ты, дзяўчина, сироцина!
— А ци я жъ ў томъ винно?—
— Винна твоя господыня:
— Хоць я поздно взойду,
— Уже на ниўкѣ цябе знайду,
— Хоць я ранепька зайду,
— На ниўкѣ ящо цябе кину.—

(Сообщ. Штатнымъ Смотрителемъ М. П. Сахаровымъ.)

278

(*Суражскій у.*)

Вёдро хотя желательно для жатвы, но и ненастье не дурно для жницъ.— Онѣ отдохнутъ.

Дай, Божа, погоданьку,
На нашу работаньку.
Ёсь погода—ёсь работа:
Я ў погоду пожинаю,
А ў ннасцця отдыхаю.

(Зап. В. П. Догель.)

279

(*Лепельскаго у.*, *с. Коптевичи*)

Не паны, а *пригонятые* мучатъ жницъ излишней работой.

А добры паны, добры,
Пригонятые лихи:
Домоў рано ня пущаюць,
За постаци загоняюць,
А мы постаци сожнёмъ,
Пригонятые рожномъ.

(Зап. учителемъ народнаго училища Преображенскимъ.)

280

(*Городокскій у.*)

Совѣтъ косцу неплакаться на свою глупую жену, а поучить ее.

За ракой косець косиць,
Ёнъ и косиць и голосиць,
Што яго коса тупа,
А жана яго глупа.
Коса тупа—точиць будземъ,
Жана глупа—учиць будземъ.

(Сообщ. М. П. Сахаровымъ.)

281

(*Лепельскаго у.*, *с. Апанасковичи*)

Негодованіе дѣвушки на князя за его неловкое къ ней обращеніе.

Циразъ гай зиленеиьки,
Бяжиць конь вороненьки,
А за нимъ ў погоню гониць
Иванька молодзеньки.
А дзѣвочка воду брала,
На жоника поглидала.
— А дзѣвочка ягодочка!
— Пирайми мойго коня вороного,
— Мяне, князя молодого.—
„Иванчка, душа моя!
„А ци я ў бору росла?
„А ци я ў мяжѣ цвила?
„Да я росла ў татулички,
„Кохалася ў мамулички.
„Я ў мамулички кохалася,
„А табѣ, Иванчка, досталася."

(Записала Ольга Котырло.)

282

(*Тамъ же*)

Ды ў зялененькимъ лузи
Дворанинъ коня пасецъ,
Дзяўчина воду нясецъ.
— Дзяўчининка ягодзинка!
— Напои мойго коня.—
„Дворанища дурнища!
„Якая жъ я ягодзинка?
„Ды ци ў бору росла?
„Ци я подъ мяжой цвила?
„А я и росла ў мамухны,
„Годовалась ў татухны.“

(Зап. Скляренко.)

283

(*Тамъ же*)

Молитва дѣвицъ о счастливомъ замужствѣ и довольномъ житьѣ-бытьѣ.

„А траўка-мураўка!
„А чаму жъ ты ни зялена?“
— Якъ жа мнѣ зяленой быць?
— Мяне дзѣўки стоптали,
— До церкоўки ходзючи,
— Пана Бога прóсючи:
— „Дай, Божа, дóленьку,
— „А дай, Божа, счасцика,
— „Свёкорку богатаго,
— „А свякороўку ласковаю,
— „Ды кабъ упила, уѣла,
— „Ды добра уходзила:
— „Бўдзинь дзень подъ дудкою,
— „Святый дзень подъ скрыпками,
— „Ў ксамици ячмень жаци,
— „А ў золоци пановаци.“—

(Зап. тотъ же.)

284

(*Тою же у., с. Апанасковича*)

„А траўка-мураўка!
„Чаму ты ня зялёная?“
— Якъ жа маю зялёной быць?
— Мяне дзѣўки стоптали,
— До косцёлу ходзючи,
— Пана Бога прóсючи:
— „Дай, Божа, намъ дóлячку!
— „Свёкарку богатаго,
— „Свякровочку ласкаваю,
— „Кабъ мы ў ихъ пили, ѣли,
— „Кабъ хороши ходзили,
— „Какъ чаровички посили.“—

(Записала Ольга Котырло.)

285

(*Коптевичи*)

Пойду млада боромъ, боромъ,
Гукаючи зъ Богомъ зъ Богомъ:
Дай мнѣ, Божа, мужа купчика!
Кабъ ёнъ умѣў купчеваци,
А я за имъ пануваци:
Будзень дзень ў атласѣ,
Ў святой дзень ў чорномъ шоўку,
Дзѣтки мои ў золоцѣ,
Ў атласѣ жита жаци,
Ў чорнымъ шоўку святкуваци.

(Зап. учителемъ народнаго училища Преображенскимъ.)

286

(*Лепельскаго у., д. Бабчь*)

Напоминанье о полудникѣ

Полуднячки загудзѣли,
Полудниваць захоцѣли.
Принясиця одзинъ горшокъ каши,
А два сырокваши.

(Зап. гимн. 7-го кл. Влад. Пржисецкій.)

287

(*Тамъ же*)

Когда сожнутъ полосу и переходятъ на другую, поютъ:

Нйука, нйука!
Оддай мою силку
На другую нйуку.
А я жь цябе жала
И силку споцеряла.
Наши жнейки молодые,
Ихъ сярпы золотые.

(Зап. тотъ же.)

288

(*Чашники*)

Просьба дѣвушки къ милому, чтобъ онъ напрасно ее не смущалъ.

Ня ходзи, ясноя соўнца,
Ко мнѣ ў воконца,
Ни запикай моё цѣло бѣло,
Лицо румяноя,
Ни задавай смутки жалосци
Моей молодосци.
Коли буду я ў Бога годна,
Дыкъ ня буду голодна.

(Зап. мною).

289

(Чашники)

Отецъ, вмѣсто позволенія сыну жениться, совѣтуетъ ему послужить въ королевскомъ войскѣ.

Ой на тынку на тыночку
Сядзѣла голубычка,
Золотая головачка.
Туды ѣхаў дзяцинка,
Сняў съ тыну голубычку
И повёзъ яе до бацьки.
„Позволь, бацька, жанициси!"
— Ѣдзь до круля, наймися
— И розуму набярися,
— Розуму королеўскаго
— И поѣзду паненскаго:
— Зъ разумомъ крулеваць будзишь,
— Ў поѣздзѣ кановаць будзишь.—

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

290

(Городокскій у.)

Упрекъ зориньки жениху.

Поѣхаў Паўлюшки жаницьца,
Забыў зориньки клонидьца.
— А я жъ табѣ зара свяцила,
— Якъ цябе маменька родзила,
— Ходзила маменька якъ пава,
— И родзила цябе якъ пана.—

(Сообщ. штатнымъ смотрителемъ М. П. Сахаровымъ).

291

(Лепельскаго у. с. Дубровки)

Сокрушеніе молодца сироты о томъ, что онъ женится на бѣдной.

Зялёноя орѣхоўя
Циразъ тынъ разлиганиць,
А съ-подъ того орѣхоўя
Сивы конь выбигаиць,
А за имъ сугонъ погонъ
Нашъ N съ уздечкой.
Да стой, кося, ня брой, ня брой,
Копытомъ зямли ня крой.
Моё й такъ серца кроiць,
Што ни татухна женидь,
Ни богатую бярець,
Ни коника, ни волика,
Ни добрая челядница.

(Зап. Л. П. Скляренко).

292

(*Тамъ же*)

Перекоры тещи съ зятемъ.

Хвалилася цеща зяцемъ,
Што мой зяць господарный:
Людзи ходзюць ў поля жаць,
А мой зяць сохи робиць;
Людзи ѣдуць борновацъ,
А мой зяць бороны биць;
Людзи ѣдуць сѣна косиць,
А мой зяць косы iйстриць;
Людзи ѣдуць сѣна грабиць,
А мой зяць грабли правиць.
— Ни хвалися, цеща, мною,
— Похвалися ты дочкбю:
— Што семъ годъ красны ткала,
— Ў зямлю ставы ўвогнала.
— Поножи подъ лаўкою
— Заросли мураўкою,
— А чаўнокъ вѣтромъ свищиць,
— По ўсяму свѣту утку ищиць.—

(Зап. тотъ же).

293

(*Чашники*)

Жизнь въ домѣ свекрови губитъ всѣ силы молодой женщины.

Ты калинка, ты калинка,
Ня стой надъ водою,
Ня раўнўйся со мною.
Было тогды раўнувацца,
Якъ я ў татки была,
Якъ я ў матыньки была,
Якъ рожа ў саду цвила.
А цяперь я ў свякратки,
Ни ў родного татки;
Стала тонка, якъ былинка,
А блѣдная, якъ липинка,
Якъ былинка сушённая,
А липинка луплённая.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

294

(*Лепельскій у.*)

За отлыниванье отъ работы свёкоръ наказываетъ невѣстку слегка, а жену болѣе чувствительно.

Я жала до вечера,
Заболѣла сяредзина.
Мой свёкорка догадливы,
Выцясаў мнѣ лозинку,
Вырѣзаў бярозинку,
Попарнў мнѣ сяредзинку:
Мяне младу вярхушачкой,
А свякроў комлюцечкой.

(Сообщ. С. К. Шимковичемъ).

295

(*Суражскій у.*)

Жалоба молодой о жестокомъ обращеніи съ нею въ домѣ свекрови.

Силязень мой (2)—касатые крылля,
Силязень мой (2)—завитые кудры.
Ты ляцітка, силязень, на мою сторону (2)
Къ мойму родному бацюшку,
Къ моёй родной матушки,
Разскажи, разскажи-ка, силязень,
Што мяне младзёшаньку весь вечеръ бранили,
Поутру ранюсинька больно прибили.

(Зап. мною).

296

(*Того же у.*)

Дочь утѣшаетъ отца, печалящагося о своей горькой доли въ домѣ мужа: это Богъ ей такъ далъ, а не онъ.

Закурпўся дробны дождзикъ
По чистому полю,
Зажурпўся мой родны татка
По моёй горкой долѣ.
Ня курися, дробны дождзикъ,
По чистому полю!

Ня тужись, мой родны татка,
По моёй горькой долѣ.
Ня ты мнѣ даў гэдакую долю
Ахъ даў-жа мнѣ Богъ лихого мужа,
Лихого мужа ды худоя замужжа
Ахъ даў-жа мнѣ Богъ!

(Зап. В. П. Догель).

297

(*Чашники*)

Молодая жинца мечтаетъ о возвратѣ въ домъ отца и готова промѣнять его неволю па нѣгу свекрови.

Якъ пойду я лугомъ бирагомъ
Калиповымъ мостомъ,
Якъ приду я цихонько, лягонько
Къ татку подъ воконца:
„Татка! татка!
„Ты подай мнѣ чисовы вядзерцы
„Шоўковые почопки!“

— Донька, ты донька
— Чаго рано ходзишь,
— Мяне побужаишь?—
„Татка, татка!
„Свякроўкина нѣга
„Хужа твоёй няволи“.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

298

(*Суражскій у.*)

Звѣрское обращеніе свекрови и деверя съ ребенкомъ невѣстки.

За боромъ я жита жала
И дзиця унимала.
Прибѣгла два воўка,
Прибѣгла два шѣрыхъ
Мойго дзиця забаўляць.
Забаўляли и разорвали:
Одзинъ воўкъ—свякратка,
А другой—дзивяротка,
Яны обоя—гады.

(Зап. В. П. Догель).

299

(*Того же уѣзда*)

Мылодица мылыдая
Ў щирымъ бору жито жала,
Мала дитя кылыхала.
А пришло къ ей да три вовки,
Да три шѣрыи.
Одинъ кажиць: пызыбаю,
Другей кажиць: пызыбавлю,
Третій кажиць: пыцалую.
Цылували, миловали—
И мала дитя разырвали.
Стала вна тужиць, плакыць,
Бѣлы руки лымаючи,
Дробныи слезки рыняючи.

(Зап. учителемъ приходскаго училища г. Никифоровскимъ).

300

По возвращеніи молодой жницы домой съ далекаго поля и утомительной работы, свекровь тотчасъ посылаетъ ее за водой съ единственною цѣлью ее помучить.

Сцюдзеная роса пала,
Пусци мяне домоў, пане,
Моѐ домы далекіе,
Пераходы вяликіе,
А семъ миль боромъ ици,
А восьмая—долинай,
Дзивятая къ свикратку ў дворъ.
А свикратокъ перайманць
Съ цисовыми вядзерками,
Съ шоўковыми почопками.
А шлець мяне молодзицу
Ў Дунай по водзицу.
А свикратокъ мой татанька,
Ни воды жь ты жидаешь,
Мяне съ свѣта збываешь;
Ты жъ съ свѣта збудзешь,
Ўсё табѣ одно будзець.

(Изъ сборника Я. Чечота, стр. 36).

Приводимъ варіантъ, записанный г-жею Ольгою Котырло въ селѣ Апанасковичахъ:

Наши домы далекіи,
Наши мамки ня родныи,
Ў вороцехъ пираймаюць
По водзицу посылаюць и т. д.

Другой варіантъ записанъ г-жею Смигельскою Виленской губерніи, Дисненскаго уѣзда:

Ды хто кáжиць: „домоў, домоу!“
Ў мине дома нѣтъ никого.
Тольки одна свекровочка
Въ вороточкахъ перáймаиць,
По водзицу посылаиць
Съ еловыми вядзерками,
Съ шелковыми почопками.
И шлець яна по водзицу
Ў щирый боръ ў крыницу,
Ни водзицы желаючи,
Мине молодую со свѣту збываючи.
Я молода сцерагуся,
На беражку становлюся,
Прынясу я воды ноччи:
Зали сабѣ водою вочи.
Ды ни хочу, молодзицы,
Нѣтъ на яе погибели,
Ани воўкоў, ни медзвѣдзей,
Ни злого человѣка.
Я воўкоў ни боюся,
А медзвѣдзей сцерегуся,
Отъ человѣка отпрошуся.

301

(*Лепельскаго уѣзда, с. Дубровки*)

Закацися соўнцка
Ды за лѣсъ за дуброўку,
За высокую горку.
Мнѣ молодзѣ домоў ицци;
Циразъ щирые боры,
Циразъ цёмные лясы.
Ў мяне дома ни мамухна,
А лихая свякрованька,
Посылаиць по водзицу
Ў щиры боръ, ў крыницу.
Пранясу я воды ночвы:
Зали сабѣ, свякроў, вочи.

(Зап. Л. П. Скляренко).

302

(*Лепельскій у., д. Бабчъ*)

Хоть и не близокъ домъ и переходы трудны, но за то отецъ выйдетъ къ своимъ дочкамъ навстрѣчу съ сердечнымъ привѣтомъ.

За боръ, соўнецько, за боръ.
Пусци насъ, панечка, домоў.
Наши домы далёкіе,
Пяраходы широкіе.

ıъ годзинъ боромъ ици,
:ьмую водой плысци,
:тую дубровой,
ıсятую къ таткѣ на дворъ.
А насъ жа татка пяраймець,
Вороцики одчиняиць:
Ходзиця жъ, мои работницы,
Ходзиця жъ, мои нявольницы.

ıап. ученикомъ 7-го класса Витебской гимназіи Влад. Пржисецкимъ).

303

(*Лепельскій у.*)

сть жницы объ окончаніи дневной мучительной работы и горе объ ожи-
ıъ ее дома воркотни и безсердечія свекрови.

рада я младзенька,
дзянёкъ пройшоў,
вячерокъ зайшоў.
ѣла мнѣ жаркая пякóта,
ая пякота и цяжкая работа.
й-жа мужъ наровисты
ıкроў лихая.
ıриду домоўки,
:усь за работу,
ıкроў за воркоту.
ытаиць:
А ци болящь плечки?
А ци болящь ручки?
А пытаиць:
А ци много сжала,
А ци много нажала?
А я сжала гору и долину
И круглую ниву,
Я жъ нажала
Гдзѣ логъ—тамъ стогъ,
Гдзѣ гора—тамъ копа.

(Сообщ. С. К. Шимковичемъ).

304

(*Городокскаго у.*, *Куксинская волость*)

цы-невольницы позже всѣхъ рабочихъ членовъ семейства возвращаются
со страды.

дворѣ смяркаицца (2),
ı ў избу збираицца (2),
и нима пригонницы (2)
ıнницы, нявольницы (2)
А ў пригони много няволи (2),
Заболяць руки отъ работы (2),
Сярдзечухна отъ пякоты (2),
Голоўхна отъ жароты (2).

(Сообщ. штатнымъ смотрителемъ М. П. Сахаровымъ).

305

(*Лепельскій у. д. Дубровки*)

ıадство невѣстки о паденіи свекрови и желаніе ей смерти.

ıни мой, король, король,
мяне домоў порой.
Ў мяне дома бида стала:
Звалилася свякроў съ тыну

Ды ў зяленую крапиву.
Ни жаль-жа мнѣ свякровеньки,
Ды жаль-жа мнѣ крапивеньки:
Крапива моя зяленая,
Свякроу моя шалёная,
Крапиўка моя жигучая,
Свякроўка моя сипучая,
Крапиўка на нивоньку,
А свякроуку ў могилку,
А крапиўку пахаць буду,
По свякроўцѣ скакаць буду.

(Зап. Л. П. Скляренко).

306

Панъ, разъѣзжая по полю, подгоняетъ жницъ къ усиленной работѣ.

Да ўжо вечеръ вечерее,
Нашъ панъ веселѣе,
На постацахъ поѣзджае,
Своé жнейки пригоняе:
Жнейце по постаци, жнейце,
Самы себе не пожнеце,
Мойго коня вороного,
Мене пана молодого,
Мойго коня строкатого,
Мене пана богатого.

(Изъ сборн. Чечота).

307

Радость пана о спѣшномъ ходѣ полевыхъ работъ.

Да ўжо вечеръ вечерее,
Наша пани веселѣе,
По постаци походзае,
На погоду заглядае.
Дзякуй Богу за погоду,
Што моé женце ў полю,
Косце моé на болоцѣ,
Ўсѣ людзе на рабоцѣ.

(Изъ сборн. Чечота).

308

Панъ извѣщается о спорой работѣ жницъ на нивѣ.

Да что у полю гудзець?
Да весёлъ посолъ идзець,
Веселые вѣсци несець,
Да на слаўнаго пана:
Хоць немного пожали,
Але много нажали,
Да сто копъ до обѣду,
Другую до полудня,
А трецію до вечеры.
То для нашего пана добрая слав

(Изъ сборн. Чечота, стр. 11).

309

(*Городокскій у.*)

Нескоръ въ работѣ не только лѣнивыхъ, но и проворныхъ—прилежныхъ.

Лѣнивые пожалися,
Проворые осталися,
А ў лѣнивыхъ серпы брижжаць,
А ў проворыхъ дзѣци кричаць,
Лѣнивые — гули,
А проворые — люли,
Лянивые за сумку,
А проворые за люльку.

(Сообщ. шт. смотр. М. П. Сахаровымъ).

310

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

На боль спины отъ работы не смѣй жаловаться: свекоръ отдубаситъ.

Жала, жала до вечера,
Болиць моя сяредзина.
Я й жала ни лижала,
За дзень копы ни нажала,
Я й думала три копы,
Оглянуўся — отъ три снопы.

(Зап. Л. П. Скляренко).

311

(*Лепельскій у.*)

А жала бъ до вечера,
Дакъ болиць моя сирѐдзинка,
А свекорка—ни татынька
Ня вытопиць ёнъ лàзеньки,
Ни попариць сирадзинки,
А выросциць ёнъ дубинку,
На мою бѣдную спинку.

(Зап. уч. 7 кл. гимн. Пржисецкимъ).

312

(*Тамъ же*)

Грусть вдовы за вечерей.

Зазвинѣла пчолачка,
По бору литаючи,
Солодки медъ сбираючи,
Заплакала ўдовочка,
Вячерю готуючи.
Зварила, поставила,
Сама сѣла заплакала:
„Страўка моя сахарная!
„Съ кимъ я буду вячераци?
„Дзѣтки моѐ дробненькіе!
„Съ кимъ васъ буду годоваци?“
— А съ Богомъ, ўдовочка,
— Горитная й соловочка.

(Зап. Л. П. Скляренко).

Ды ў зяленую крапиву.
Ни жаль-жа мнѣ свякровеньки,
Ды жаль-жа мнѣ крапивеньки:
Крапива моя зяленая,
Свякроу моя шалёная,
Крапиўка моя жигучая,
Свякроўка моя сипучая,
Крапиўка на нивоньку,
А свякроуку ў могилку,
А крапиўку пахаць буду,
По свякроўцѣ скакаць буду.

(Зап. Л. П. Скляренко).

306

Панъ, разъѣзжая по полю, подгоняетъ жницъ къ усиленной работѣ.

Да ўжо вечеръ вечерее,
Нашъ панъ веселѣе,
На постацахъ поѣзджае,
Своѐ жнейки пригоняе:
Жнейце по постаци, жнейце,
Самы себе не пожнеце,
Мойго коня вороного,
Мене пана молодого,
Мойго коня строкатого,
Мене пана богатого.

(Изъ сборн. Чечота).

307

Радость пана о спѣшномъ ходѣ полевыхъ работъ.

Да ўжо вечеръ вечерее,
Наша пани веселѣе,
По постаци походзае,
На погоду заглядае.
Дзякуй Богу за погоду,
Што моѐ женце ў полю,
Косце моѐ на болоцѣ,
Ўсѣ людзе на рабоцѣ.

(Изъ сборн. Чечота).

308

Панъ извѣщается о спорой работѣ жницъ на нивѣ.

Да что у полю гудзець?
Да весёлъ посолъ идзець,
Веселые вѣсци несець,
Да на слаўнаго пана:
Хоць немного пожали,
Але много нажали,
Да сто копъ до обѣду,
Другую до полудня,
А трецію до вечеры.
То для нашего пана добрая слава.

(Изъ сборн. Чечота, стр. 11).

309

(*Городокскій у.*)

Неспоръ въ работѣ не только лѣнивыхъ, но и проворыхъ—прилежныхъ.

Лѣнивые пожалися,
Проворые осталися,
А ў лѣнивыхъ серпы брижжаць,
А ў проворыхъ дзѣци кричаць,
Лѣнивые — гули,
А проворые — люли,
Лянивые за сумку,
А проворые за люльку.

(Сообщ. шт. смотр. М. П. Сахаровымъ).

310

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

На боль спины отъ работы не смѣй жаловаться: свекоръ отдубаситъ.

Жала, жала до вечера,
Болиць моя сяредзина.
Я й жала ни лижала,
За дзень копы ни нажала,
Я й думала три копы,
Оглянуўся — отъ три снопы.

(Зап. Л. П. Скляренко).

311

(*Лепельскій у.*)

А жала бъ до вечера,
Дакъ болиць моя сирéдзинка,
А свекорка—ни татынька
Ня вытопиць ёнъ лàзеньки,
Ни попариць сирадзинки,
А выросциць ёнъ дубинку,
На мою бѣдную спинку.

(Зап. уч. 7 кл. гимн. Пржисецкимъ).

312

(*Тамъ же*)

Грусть вдовы за вечерей.

Зазвинѣла пчолачка,
По бору литаючи,
Солодки медъ сбираючи,
Заплакала ўдовочка,
Вячерю готуючи.
Зварила, поставила,
Сама сѣла заплакала:
„Страўка моя сахарная!
„Съ кимъ я буду вячераци?
„Дзѣтки моé дробненькіе!
„Съ кимъ васъ буду годоваци?"
— А съ Богомъ, ўдовочка,
— Горитная й соловочка.

(Зап. Л. П. Скляренко).

313

(*Чашники*)

Разговоръ поля со жницами: отчетъ о результатѣ ихъ работъ, прилежаніи объ ихъ пищи въ теченіе дня. Когда вечеромъ идутъ съ поля домой:

Ай добра́ ночь!
Широкоя поля,
Жито ядреноя,
Ай добра ночь!
На здороўя
Жнейки молодые,
Сярпы золотые,
На здороўя!
Приходзиця
Заўтра раненька,
Якъ соўнейка взо́йдзиць,
Приходзиця!
Приносиця
Одзинъ горщокъ каши,
А другой саракваша,
Приносиця!

Вы сожниця
Широкоя поля,
Жито ядреноя,
Да сожниця!
Постаўляйця
Ў поли копами,
А ў лузѣ стогами,
Постаўляйця!
А мы сжали,
И поля нажали,
И постаўляли
Ў поли копами.
Ў поли копами,
А ў гумнѣ стогами
Постаўляли.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

314

(*Село Дубровки*)

Иносказательный намекъ на потерю невинности.

Пора, жонки, домоў идди!
Згубила зара ключи,
Коло постаци идучи
И зъ панами танцуючи,
Съ казаками жартуючи.

А хто тые ключи знайдзиць,
Тотъ сёлѣта замужъ зайдзиць,
А N ключи знайшла,
И сёлѣта замужъ зайшла.

(Зап. Л. П. Скляренко).

(*Того же у.*)

Пора, жоночки, домоў идци!
Поцирала зара ключи,
Коло постаци идучи,
Постаць роўнуючи,
Съ мѣсяцемы гуляючи.
Хто тые ключи знайдзиць —
За короля замужъ зайдзиць.
Ходосва ключи знайшла,
За короля замужъ зайшла.

(Сооб. О. П. Шимковичемъ).

316

(*Тамъ же*)

Молодая жница, возвращаясь вечеромъ съ поля домой, съ ребенкомъ на рукахъ, ищетъ утѣшенья въ пѣньѣ, въ увѣренности, что отецъ ее услышитъ и пожалѣетъ.

Сама пойду дорогою,
Голосъ пущу дубравою,
Нихай голосъ голосуиць,
Нихай мой татулька чуиць:
Коли мое дзиця нясець—
Нихай яна красуицца,
Коли жъ моя нявѣстухна, —
Нихай яна шануицца.
Дзиця плачиць ў колубели,
Лихи мужъ на посцели.
Ни сварися свекорка,
Ды ня родны татухна:
Я й дзитятка проколышу,
Я й милаго пирапрошу.

(Зап. Л. П. Скляренко).

317

(*Тамъ же*)

Молодая жница предпочитаетъ остаться въ полѣ ночевать, чѣмъ воротиться къ ненавистному мужу, въ его семью. Тутъ на волѣ она можетъ ихъ проклинать.— Мечтаніе о замужствѣ за дворянина.

Ни пойду домоў,
А тутъ заночую,
Журбы ни почую
Ни пойду домоў.
Буду ночавацъ
Ды подъ стороною,
А подъ зилямою
Буду ночавацъ.
Буду куковацъ
Да шѣрой зязюлей,

А шарусанькой
Буду проклинаць:
Уби, Божа,
Мужа пирунами,
Свякроў кочаргами,
Уби, Божа!
Уби, Божа,
Свякорку ня пячи
Кулакомъ ў плячи,
Уби, Божа!
А я жъ, молода,
За другого бъ зайшла
Ды за дворанина,
А я жъ молода.
Ёнъ умѣиць
И читаць и писаць,
Добро ў скрыпачку играць
Ёнъ умѣиць.
А я жъ молода
На припѣўки годна,
Бязъ горэлки ни дня —
А яжъ молода.

(Зап. Л. П. Скляренко).

318

(*Тою же у.*)

Жоночка домоў,
А я тутъ започую,
Журбы ня почую.
Лягу я, лягу
Подъ калиною,
А подъ зялёною.
Буду жъ я буду
Цяжаленько ўздыхаци,
Свякроў проклинаци:
Ўби, Божа, уби, Божа,
Мужа ў дорози,
Свякроў на порози.
Уби, Божа, уби, Божа
Мужа пирунами,
Свякроў качаргами
Ўби, Божа, уби, Божа
Свякроў на пячи,
Каменнямъ ў плячи.

(Сообщ. С. К. Шимковичемъ).

319

(*Лепельскій у.*)

Порицаніе жнеекъ сосѣда и похвала своихъ.

Чіи жъ гэто жоночки,
Якъ чорные вороночки?
Сами яны якъ вороны,
Ихъ голо́вы, якъ помёлы,
Сами жнейки старые,
Ихъ сярпы липовые.
По мѣсяцу жали,
Сярпы поломали.
Которая нашла,
Тая домоў пошла,
Ў которой нѣту,
Тая ищець до свѣту.

жъ гэто жоночки,
ѣлыя лябёдочки?
скіе *) жоночки—
ѣлыя лябедочки,

Сами яны якъ лябёдки,
Ихъ голоўки якъ макоўки.
По сонiйку жали,
Сярпы позлочáли.

(Сообщ. С. К. Шимковичемъ).

320

(*Чашники*)

то жнеи
поляцѣли
орны якъ ворóны
óвы якъ борóны?
ѣли, поляцѣли,

На колли посѣли.
Янковы жнеи
Домоў поляцѣли,
Яны чорны якъ ворòны,
И головы якъ борóны.

(Записано мною).

321

(*Тамъ же*)

рой дорогой,
ю широкою.
жъ ты роечикъ
ь пански дворочикъ,
столики засланы,

И госьцики созваны.
И идуць мои жоночки,
Якъ бѣлые лябёдочки,
А идуць мои дзѣвочки,
Якъ снѣжные паненычки.

(Зап. тѣмъ же).

Ярныя пѣсни.

322

(*Чашники*)

казательный намекъ о замужствѣ съ суженнымъ.

ой святлицей
ь верба съ росицей.
тую вербу ломаци?
тую росу браци?
ьку вербу ломаци,

А дзѣвынькѣ росу браци,
Вербою коня бици,
А зъ росицы вѣнчикъ вици,
На конику гарцоваци,
А ў вѣнчику танцоваци.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

сѣдняя мѣстность.

323

(*Тамъ же*)

Мысль о жизни замужемъ въ нелюбой семьѣ преслѣдуетъ дѣвушку и во время сѣянья любимаго цвѣтка.

Воколо болоцичка
Ходзила молодочка,
Сѣяла росу красу,
И сѣючи говорила:
Росци моя роса краса,
Тонкая высокая,
И корнемъ глубокая.
Коли ў батыньки буду,
Поливаци цябе буду,
Якъ стану ў свякратки,
Ня ў родные матки,
Зъ корнемъ цябе вырву
И за плотъ цябе кину:
Нихай цябе свинни зъядўць,
Нихай цябе кони топчуць.
Кони топчуць копытками,
Молойчики чаботками,
Нихай кони топчуць гарцуючи,
Молойчики танцуючи.

(Зап. тотъ же.)

324

(*Тамъ же*)

Дѣвушка проклинаетъ своихъ клеветниковъ.

„Пошн, дзѣвынька, широкіе рукавы,
„Штобъ было идзѣ класци нявинной славы."
— Посѣю я три лёшки цибули,
— Кабъ мои осуднички судзили да поснули.
— Посажу я тры коливы бобу,
— Кабъ мои осуднички ня выжили году.
— Посѣю я тры лёшки шалвея,
— Кабъ мои осуднички ўси пошалѣли.
— Богъ дай тому трылѣтняя трасца,
— Хто судзиць и говорицъ объ чужоя счасцця.
— Богъ дай тому тры лѣты хворѣци,
— Хто судзиць и говорицъ объ чужіи дзѣци.—

(Зап. тотъ же.)

325

(*Тамъ же*)

Совѣтъ дѣвушки выйти скорѣе замужъ для прекращенія злыхъ людскихъ толковъ на ея счетъ.

Дóсецъ калинѣ,
Досецъ малинѣ
Ў лузѣ стояци,
Вже калину,
Вже малину
Пташки обклевали.
Ня такъ птáшачки,
Ня такъ дрóбныи,
Якъ тыи соловейки.
Дóсецъ, дзѣвонца,
Дóсецъ, душинька,
Ў бацпньки быци,
Вже, дѣвонца,
Вже, душинька
Ўси людзи обсудзили.
Ня такъ жа людзи,
Якъ яе подружки,
Якъ яе подружаньки,
Што вялй подъ рýчаньки,
Зъ ею пили, ѣли
И яе обсудзили.

(Зап. тотъ же).

326

(*Тамъ же*)

Дѣвушка, отказавшаяся отъ замужества, осенью обвѣнчалась съ суженымъ, что и удивляетъ ея подругъ; онѣ приписываютъ это чарамъ.

Няпраўдзивая калина казала:
Цвѣсць ня буду,
Бѣлаго цвѣту ня пущу,
Чирвонныхъ ягодокъ ня урожу.
Якъ виснà пришла—зацвила.
На ей цвѣточикъ бѣленьки,
На ей ягодъ поўненько.
Няпраўдзивая дзѣвица казала:
Замужъ ня пойду.
Якъ вóсинь пришла—дакъ пошла.
Ина жанихá ўзлюбила
Ци ў слядокъ яго ступала,
Ци хлѣба яго спутала
Што инá яго молодого сподобала?

(Зап. тотъ же.)

327

(*Лепельскаго у., д. Дубровки*)

Дѣвушкѣ подруги предрекаютъ скорый конецъ ея вольной дѣвичьей жизни. Скоро сваты пріѣдутъ.

Пирапёлка! (2)
Ня вій ты гняздечка
Близко дли дорожки—
Пирапёлка! (2)
Пастухи погонюць,
Гняздечка попоруць—

Пирапёлка! (2)
Суви ты гнѣздзечка
На зяленымъ дубу—
Пирапёлка! (2)
Станиць вѣцирь навивацъ,
Твоихъ дзяцей колыхаць—
Пирапёлка! (2)
Ты дзѣвынька (2)
А ня вій вяночка!
Восень ндалечка—
Ты дзѣвынька! (2)
Сваточки пріѣдуць
Цябе съ собою возьмуць—
Ты дзѣвынька!

(Зап. Л. П. Скляренко.)

328

(*Тамъ же*)

Дочь утѣшаетъ мать, сокрушающуюся о скорой разлукѣ съ нею—тѣмъ, что она ее не забудетъ и весной не замедлитъ ее навѣстить.

Бярозка зъ листомъ
Ўсю восень шумѣла.
Моя бярозка, моя бѣлая!
Якъ мы разстанемся?
Ты мой листочикъ,
Ты мой зялёны,
Такъ мы разстанемся:
Вѣтры повѣюць—
Цябе обвѣюць,
А я застануся.
Моя бярозка, моя бѣлая!
Яжъ цябе ни забуду,
На вясну къ табѣ буду.
Дочўшка зъ мамкой
Ўсю ночку гукала:
Моя матулька, моя родная!
Якъ мы разстанемся?
Сваты пріѣдуць, цябе возмуць,
А я застануся.
Моя й матулька, моя й милая!
Яжъ цябе не забуду.
Ни тужи родная—ни забуду,
Заразъ ў госцики буду.

(Зап. тѣмъ же.)

Вотъ варіантъ къ № 328, записанный, М. П. Сахаровымъ въ Городокскомъ уѣздѣ:

Бяроза зъ листкомъ
Ўсё лѣто шумѣла:
Листочикъ мой зялены!
Ты мине кидаць будзешь.
Бяроза моя бѣлая, ня бойся.
Я цибе кидаць ня буду,
Вясной къ табѣ буду
И шумѣць зъ тобой буду.
Дочушка зъ мамкой
Ўсю ночку говорила:
Аўдотка дочушка!
Ты мине кидаць будзишь.
Ня бось, мамка, ня бось!
Я къ табѣ ў гости ходзиць буду
И про горя говорыць
Я зъ тобою буду,
Про твое буду расправшивацъ,
Про свое буду разсказывацъ

329

(Тамъ же)

Дочь утѣшаетъ свою мать, плачущую о скоромъ ея выходѣ замужъ, тѣмъ что она будетъ жить близко и имъ легко можно будетъ вдвоемъ поплакать.

А ни плачь, ни плачь,
Моя й матухна
Ты по мнѣ!
Я й войду замужъ
Нпдалёко
Отъ цябе.
А ты пойдзешь
На синя мора
Плацця мыць,
А я пойду
Ў цемные боры
Ягодъ брацъ.
А й тамъ наши
Голосочки
Сойдуцца,
Ды тамъ наши
Родные слёзки
Скбцюцца.

(Зап. тѣмъ же).

330

(Чашники)

Отчаяніе дѣвушки при мысли о несчастной, трудной долѣ, ее ожидающей въ предстоящемъ замужествѣ. Она изображаетъ свое будущее положеніе въ домѣ свекрови.

Чаго ты, лося,
Чаго ты, дзики,
Къ сялу прилигаишь?
Ци ты, лося,
Ци ты, дзики,
Лиху зиму чуишь?
Хуць-жа лихую,
Хуць ня лихую,
Ня будзиць якъ лѣтычка.
Чаго жъ ты, дзѣвынька,
Чаго ты, душинька,
Такъ сильно плачишь?
Ци ты, дзѣвынька,
Ци ты, душинька,
Лихую свякроў чуишь?
Хуць-жа лихую,
Хуць ня лихую,
Ня будзиць якъ матынька:
Мяне молодў
Пошлюць по водў,
Сами сядуць вячерпць.
Принясу воды,
На сябе бяды,
Кажному пиць подаць:
Подай старому,
Подай малому,
И сужаньку молодому.
Лбжиньки бразнуць,
Слёзочки капнуць,—
Ўсё моя вячеринка
Возьму кусочикъ,
Пойду ў куточикъ:
Ты моя вячеринка.

(Зап. мною отъ Коткевичовны).

331

(*Тамъ же*)

Сравненіе жизни дѣвушки въ своей семьѣ у матульки съ жизнію замужемъ въ домѣ свекрови.

Ай ў бору цицярюкъ болбочиць,
А ёнъ зъ бору ляцѣци ня хочиць,
Ай ў бору ягóдки солóдки,
Ў крыницы водзица студзёна.
Гапулька отъ матки ици ня хочиць.
Ў матульки позднее ўставання,
Ў матульки раннее ўкладання,
А ў матульки гладкая чесання,
Ў матульки бѣло умывання,
Ў матулки раннее снѣдання.
Ў свикратки такого ня будзиць:
Ў свикратки позднее ўкладання,
Ў свикратки раннее ўставання,
Ў свикратки ня бѣло умывання,
Ў свикратки ня гладка часання,
Ў свикратки позднее снѣдання.

(Зап. тотъ-же)

332

(*Тамъ же*)

Дочь заявляетъ, что въ какую даль ее ни отдавали бы замужъ, она съумѣетъ преодолѣть всякія естественныя препятствія, чтобы побывать въ гостяхъ у матери.

Тогда была добрая годзина,
Якъ мяне матынька родзила.
А родзила мяне ў доляны,
А купала мяне ў калины,
Сповивала мяне ў ширины,
Спаць клала ў пярины,
Сколыхнула мяне высоко,
Обѣцала мяне далёко,
Чиразъ три пущи дремўщи,
Чиразъ тыи ручiйки цякущи.
Коли къ матцѣ ў госьци захочу,
Я тыи борóчки порублю,
Цемныи лясóчки выполю,
Синiи озера намощу,
А ў своей матыньки погощу.

(Зап. тѣмъ же).

333

(Тамъ же)

Всѣ украшенія дѣвушки переходятъ къ коню суженаго. (Поютъ и на свадьбѣ, когда росплетаютъ косу).

Коханка дзвѣвонька, коханка,
А ў ей косынка кованка,
Ня было ковалю—расковаць,
Ня было гребенцоў расчесаць,
Были ковалй ў дорôзи,
А были гребенцы ў вози.
Пріѣхали ковалй
Зъ чужой стороны,
Дзѣвицы косынки расковали
А суженьки коника подковали.
Были ў дѣвицы истужки —
То яго коника подпружки,
Были ў яе молоды персьцёнки,
То яго коника подкоўки.

(Зап. тотъ же).

334

(Тамъ же)

Плачъ дѣвушки по косѣ.

Разлійся водзица
А по лугу, по долинѣ,
А по жоўтому пясочку.
Расплачься Гапулька
По роду, по племяни,
А по русой косіцѣ.
Ў мяне жъ была
Ци ня косынка?
Ў мяне жъ была
Ци ня русая?
Чирнымъ шоўкомъ
Пираплецена,
А золотомъ
Пиравязана?
Якъ наѣхали госци
Зъ чужія волôсци, —
Чорны шоўкъ попорвали,
А золото разобрали
А Гапульку сабѣ ўзяли.

(Зап. тотъ же).

335

(Лепельскаго у., Ушачскій округъ)

Невѣста, на упреки своихъ подругъ, зачѣмъ она не сильно плачетъ, отвѣчаетъ, что музыка и шумъ бояръ заглушаютъ ея голосъ.

„Боровая зязюленька!
„Што ня звонко кукуишь?“
— Худь звонко кукую,
— Ды ня чуць за борами (2),

— За ясными соколами. *)
„Молодая Ходоська!
„Што ня жалосно плачишь?“
— А хуць я и жалосно плачу,
— Ня чуць мяне за сватàми (2),
— За скрипками, цимбалами (2).
— За пышными боярами. **)

(Сообщ. С. К. Шимкович.)

338

(*Чашники*)

Сожалѣніе подругъ о невѣстѣ-сиротѣ.

Зялёны дубочикъ!
А што ў цябе дубья много,
Зялёнаго да ня вóдного,
А тросточки ни зъ вóдного?
Молодая дзѣвица!
Што ў цябе бацекъ много,
А рòднаго ни вóдного,
Порадочки ни зъ вóдного?
Ёсь кому пйци, ѣсьци,
А не кому порàдыньку весьци,
Ёсь кому покорйцися,
А не кому хлопоцйцися,
Ёсь кому пиць гуляци,
А не кому порадочку даци.

(Зап. мною отъ Коткевичовны).

337

(*Лепельскаго у.*, *с. Дубровки*)

Грусть отца по дочери, вышедшей замужъ.

Ходзиў-походзиў
Ясенъ мѣсяцъ по небу,
Личиў-поличиў
Зораночки на неби.
Ни доличиўся
Одной зораньки вячерній,
А Богъ знаицъ, Богъ вѣдаицъ
Гдзѣ яна?
Кому яна, кому яна
Гэту ночаньку свяцила?
Да ци яна, да ци яна
Ў поўночь зъ мѣсяцимъ ходзила?
Ходзиў-походзиў
Андрейка по хацѣ,
Личиў-поличиў
Семеичку ды свою,
Ни доличиўся (2)
Одной Гапульки своей.
Ахъ Богъ знаицъ, Богъ вѣдаицъ,
Кому яна, кому яна

*) Вар. Ды за звонкими солоуями.
**) Вар. За дудками, за скрыпками, за звонкими цимбалами.
(*Витебск. губ. и у.*)

Гэту ночиньку служила?
Ды ци яна, ды ци яна
Ў поўночь съ миленькимъ ходзила?
(Зап. Л. П. Скляренко).

338

(*Тамъ же*)

Переговоры милаго съ милой черезъ рѣчку. Дѣвушка тогда только соглашается отдаться ему, когда онъ самъ бросается за ней.

Ходзила дзѣвенька
Коли рѣчиньки,
Крикнула, гукнула
Пиравозничку.
Одкликнуўся, одгукнуўся
Яе миленьки:
„Яжъ къ табѣ, милая,
„Чоўнокомъ плыву."
— На твоимъ чоўночку
— Я ни плавала. —
„Яжъ табѣ, милая,
„Мосты мощу."
— По твоимъ мосточкамъ
— Я ни ходзила.—
„Яжъ табѣ, милая,
„Коникоў пошлю."
— На твоихъ коникахъ
— Я ня ѣздзила.—
„Яжъ табѣ, милая,
„Бояроў пошлю."
— Съ твоими боярами
— Я ни знаюся.—
„Яжъ къ табѣ, милая,
„Соколомъ ляту".
— Яжъ къ табѣ, милы мой,
— Пирапелочкой. —
(Зап. тотъ же).

339

(*Тамъ же*)

Дѣвушка отказываетъ своему суженькѣ въ его просьбѣ перейти къ нему черезъ рѣчку, опасаясь провалиться на тонкой перекладинѣ.

За рикою ў церкоўки
Свѣча цеплюцца,
Тама-ка Марутка
Богу молицца.
Якъ пришоў сужинька
Ды зовецъ домоў:
„Марутка, серца мое!
„Ды пойдземъ со мной."
— Милы мой, милы мой,
— Ни пойду съ тобой:
— Кладочка гибкая,
— Я проломлюся,
— Рѣчинька быстрая,
— Я ўтоплюся. —
(Зап. тотъ же).

340

(Чашники)

Страстное желаніе любящихся повидаться другъ съ другомъ. Дѣвушка опасается злыхъ людей, ее подстерегающихъ.

Ў борку, ў борку, ў приборкў,
Тамъ виситъ колыська на шоўку;
А ў тэй колысьцѣ Сципанька,
Коло тэй колыськи бояры.
А бояры̀ мои милые!
Сколыхниця мяне высоко,
Штобъ я увидзиў далёка,
Гдзѣ моя дзѣвица вянкѝ ўець,
До мяне молодого послы шлець.
Писала-бъ листы—ня ўмѣю,
Послала-бъ послы—ня смѣю,
Сама бы пошла—боюся,
Съ чистаго поля вярнўся.
А ў чистымъ поли бяро́за,
Подъ бярозою сторо́жа.
Тая мяне сторожа поймаиць,
По русѣ косѣ спознаиць,
По рутниенькому вяночку
И по золотымъ пярсценёчку.

(Зап. мною отъ Коткевичовны).

341

(Лепельскій у., с. Дубровки)

Сожалѣніе молодца о ранней женитьбѣ.

Да кабъ я молодзеньки
Яжъ бы й вѣкъ ни жаниўся,
Молойчикомъ волочиўся,
Кудзерками опусциўся,
Ды й чисаў бы кудзерки
Частымъ густымъ грибяшечкомъ.
Ды й пущаў бы кудзерки,
Ды на цихи Дунаечекъ.
Ды й плывице кудзерки
Вы на цихимъ Дунаечку.
А тамъ дзѣўка воду брала,
Ды учарпнула кудзерки
Ды ў чисовые вядзерки.

(Зап. Л. П. Скляренко).

342

(Чашники)

Дѣвушка сознается милому, что она хотя и правилась панычамъ, но пренебрегла ими, любя его.

На мори, на синемъ озёри,
Тамъ Иванъ бѣлыхъ либядзей страляиць,
Ёнъ дзѣвонькѣ правымъ вокомъ миргаиць.

— Ци ўдавалися, моя дзѣвица, до цябе,
— Ўдавалися нижанатые паничи.—
„Я зъ тыми паничами гордзѣла,
„За цябе мого Ваничку хоцѣла."

(Зап. мною отъ М. Коткевичовии.)

343

(*Тамъ же*)

Ропотъ молодца на мать, заставившую его жениться на богатой. Сравненіе достоинствъ богатой и бѣдной невѣсты.

На кого ты мой миленьки злўишь?
А што ты твое сердынько трўишь?
А я злую на матку старўю,
Што ня велѣла худобыньку браци,
Тольки вялѣла богатую шукáци.
Богатая—куды къ чорту пышна,
Моя худобынька якъ ў саду вишня,
Богатая по вулицы ходзиць,
Моя худобынька што вóзьмиць, то зрóбиць,
Богатэй сукни адамашки,
А ў моей худобыньки сѣрые с рмяжки,
Ў богатэй волы да коровы,
А ў моей худобыньки чорные бровы,
Ў богатэй волы, коровы поздыхаюць,
А ў моей худобыньки бровы ня злиняюць.

(Зап. тотъ же.)

344

(*Тамъ же*)

Счастливое настроеніе влюбленныхъ.

Сядзиць голубъ на пираплёцѣ,
Бобъ клюець,
А длѣ яго жа голубка—
Пшаничку.
Ой клюй, поклюй, моя голубка,
Длѣ мяне,
Прилягаиць мое сердынько
До цябе.

Сядзиць молодзецъ за столикомъ,
Мядокъ пьець,
А длѣ яго дзѣўнька
Сыцицу.
Ой пи, попи, моя дзѣўнька,
Длѣ мяне,
Прилягаиць мое сердынько
До цябе.

(Зап. тотъ же.)

345

(*Тамъ же*)

Видоизмѣненіе настроенія чувствъ влюбленнаго жениха, ѣдущаго за невѣстой. Поется часто и на свадьбахъ.

Ў дорози молодзецъ, ў дорози!
Прявязаў коника къ бярози,
Вырызаў зъ бярозки три розги,
Сиkануў коника подъ ножки.
Ступай, мой kося, широко,
Ящё моя дзѣвица далека,
Ступай, мой kося, вўзенька,
Вже моя дзѣвица близенька,
Ступай, мой kося, ступянько̂мъ,
Вже моя дзѣвица подъ вянkомъ,
Ступай, мой kося, ступою,
Вже моя дзѣвица со мною.

(Зап. тотъ же.)

346

(*Тамъ же*)

Женихъ не даетъ невѣстѣ докончить ея любимой работы и уводитъ ее подъ вѣнецъ. Она нехотя разстается съ матерью.

Новая комо̂ра звинѣла,
Тамъ наша дзѣўшка сядзѣла,
Тонкіе обрусы тыкала,
Тыкаўши обрусы плакала.
Наѣхаў сўжинька самъ дзесяцъ,
Напусциў коникоў поўны садъ,
Ня даў мнѣ обрусы доткаци,
Казаў мнѣ до шлюба ступаци.
Поѣзждай дзѣвынька до шлюба.
Нашто матынька я табѣ ня люба?

(Зап. тотъ же.)

347

(*Тамъ же*)

Женихъ утѣшаетъ свою невѣсту надеждой, что убытки нанесенные его дружиной, скоро восполнятся и объ этомъ ей нечего тужить.

Королева дочка дзѣвынька,
А ў яе городзи пшаница,
А ў вороциkахъ криница.
Наѣхаў сужинька самъ дзесиць,
Напусциў коникоў повенъ садъ
Ў зяленую пшаницу вы траву,
Студзёную водзицу выпоиў.
Затужилася дзѣвынька
По тэй холодной водзицы,

Зачаў тая сужинька:
Ня тужи, ня бядуй дзѣвынька
Зяленая пшаница отросцѣць,
Холодная водзица нацячѣць.
Мы зъ тобою дзѣвынька жиць будзимъ,
Холодную водзицу пиць будзимъ,
Мы зъ тобою дзѣвынька жиць будзимъ.
Зап. тотъ же).

348

(*Тамъ же*)

Богатая влюбленная невѣста проситъ своего жениха не тужить о шубѣ, раванной его конемъ: она ему справитъ лучшую дорогую.

Ў бору, бору подъ еллю
Спаў сужаны зъ похмѣллю,
Хмѣль яму голоўку разобраў,
Конь на имъ шубу поподраў.
Затужнўся сужанька, затужнўся:
Ни зъ чаго шубоньку пошици (2).
Зачула яго дзѣванька:
Ня тужи, ня бядуй, сужинька!
Ёсь ў мойго батыньки сорокъ соболёў,
Сорокъ соболёў рóбленныхъ,
А чатыры бобры кýпленныхъ.
Сыщимъ краўчйка со двбру:
Поши имъ шубоньку до долу:
Коло ворота золота,
Коло подола чорны шоўкъ.
Носи, миленьки, ты здороў!
Зап. тотъ же).

349

(*Тамъ же*)

Парень выбираетъ себѣ невѣсту по сердцу.

...лятаў соловей
...ло саду,
...таўся ў зязюли:
Куды ў садъ ляцѣць?
Ци ў цябе, соловей,
Дурны рóзумъ?

Подними вѣшачку,
Ляци ў садъ,
Ляци ў садъ
На рабину сядзь.
Ёсь ў мяне ў саізѣ
Пташекъ много,
Выбирай, выглядай
Которую хочишь.
Я ни хочу, я ня люблю
А ни е́дной.
Тольки хочу, тольки люблю
Цябе шѣрую.
Поѣзжджаў Иванъ
Коло двору,
Пытаўся у дзѣвоньки:
Куды ў дворъ ѣхаць?
Ци ў цябе молодзецъ
Дурны ро́зумъ?
Одчини вороты,
Ўзъѣдзь на дворъ.
Ёсь ў мяне ў цираму
Дзѣвочпкъ много,
Выглядай, выбирай
Которую хочишь.
Я ня хочу, я ня люблю
А нп е́дной,
Тольки хочу, тольки люблю
Цябе молодую.

(Зап. тотъ же).

350

(*Тамъ же*)

Мачиха хулитъ свою падчерицу, а дочку выхваляетъ.

Ў борку, ў борку, ў приборку
Рубиў сужинька коморку,
Прійшла до яго дзѣўнька:
Божа табѣ поможи, сужанька!
Руби коморку щитнюсинька,
Присикай воконце низюсинька,
Какъ къ намъ солоўи литали,
Кабъ насъ молодыхъ побужали.
А ў мяне матынька не своя,
Ня будзиць рана будзици,
Выйдзиць на вулку судзици:
Моя нявѣста не годзяй,—
Бѣлъ кужаль прала — дримала,
По воду пошла—облилася,
По цяпло пошла—обожглася,
Ложки мыла — ўсё выла,
Хату мела—ўсё пляла,
Посцель слала—ўсё пѣяла.
Ёсь у мяне дочўшка мезе́нка:
Пойдзець—воды принясець,
Цяпла принесець—ўзодмець,
Ложки бяле́нько помыиць,
Хату чисценько подмяцець,
Посцель сцелиць—ўсё плачиць.

(Зап. тотъ же).

351

(*Тамъ же*)

Дѣвушка, попавшая замужъ въ злую семью, замѣчаетъ своимъ подругамъ, тужащимъ о ея участи, что она надѣется со всѣми справиться.

Ай упала ластоўка, упала,
Ў тоя дзѣдоўе колкоя,

Ай ў тую мокрицу травицу.
Ай по ей жа пташки тужили.
Ня тужиця пташки вы по мнѣ!
Я тоя дзѣдоўе поломаю,
Я тую мокрицу травицу покошу.
Ай упала Гапулька, упала
Ай ў тоя дзеверья лихоя,
Ай ў тыи золоўки чачотки.
А по ей жа дзѣўки тужили.
Ня тужице жъ дзѣвочки вы по мнѣ:
Я тоя дзѣдоўе пожену
А золовокъ чачотокъ поотдаю.
А лихіе дзеверья ў сусѣдзи,
А золоўки чачотки ў госцины.

Зап. тотъ же).

358

(*Тамъ же*)

Молодая жница возвращаясь вечеромъ домой дорогою поетъ: свекоръ изъ го выводитъ заключеніе о ея лѣности въ полѣ, отецъ же ея принимаетъ это признакъ самодовольства по совершенномъ трудѣ.

Якъ пойду я молода по полю,
Якъ пущу я голосокъ до дому,
Кто жъ то мой голосокъ пираймецъ?
Пираймецъ голосокъ свякорка:
Гэто мое зѣвайло зѣваицъ,
Узиньки постаци займаицъ,
Рѣдкая сноповья стаўляицъ,
Низиньки снопочки складаицъ.
Якъ пойду молода по полю,
Якъ пущу голосокъ до дому.
А хто жъ мой голосокъ пираймецъ?
Пирайметь мой голосокъ бациныка:
Гэто мое дзицятко спѣваицъ,
Широки постаци займаицъ,
Густые сноповье стаўляицъ,
Высокіе копочки складаицъ.

Зап. тотъ же).

Дожиночныя пѣсни *).

353

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

А ў насъ сегодня дожонъ, дожонъ,
Пригонятыхъ рожонъ, рожонъ.
А ў насъ сегодня обжиночки,
А напьемся мы горэлачки,
Горэлачки солодзюсенькой,
А для пани молодзюсенькой.
(Зап. Л. П. Скляренко.)

354

(*Суражскій у.*)

Когда завиваютъ бороду.

Сядзиць козёлъ на мяжѣ,
Дзивуицца бородзѣ: *)
Ай чіяжь гэта борода
Ўся дзёгцемъ улита,
И бяростый увита?
Змитрокова борода
Ўся дзегцемъ улита
И бяростый увита.
Цяццяночка ня лляжи,
Ўсё бороду лижи.
Я и такъ ни лляжў,
Ўсё бороду лижу.
Бородушку облизала
И бородушку обобрала.

Сядзиць козелъ на мяжѣ,
Дзивуицца бородзѣ:
Ай чіяжь гэта борода
Ўся мёдымъ улита,
Бѣлымъ шоўкомъ увита?
Турилкина борода
Ўся медомъ улита,
Бѣлымъ шоўкомъ увита,
Ты, Машутка, ня лляжи,
Ўсё бороду лижи,
Я и такъ лляжу,
Бороду ўсё лижу.
Бородушку облизала,
Бѣлы шоукъ обобрала.
(Зап. В. П. Догель.)

---

*) Называются также „обжиночныя“.

*) Въ Лепельскомъ у. въ иныхъ мѣстностяхъ послѣ каждаго двустишія прибавляютъ припѣвъ: „Гей борода.“

355

(*Лепельскій у., с. Дубровки*)

…огда, надѣвши на голову избранной дѣвушкѣ вѣнокъ, отправляются къ хо-
ру:

…ѣйця вѣтры
…о, рано *)!
…чистымъ полю
…иця вѣсци
…ому пану,
… яго жнейки
…га пожали (2),
…опы поклали.

Ой часта, густа
На небѣ звѣзды,
Ой часцѣй, гусцѣй
На поли копахъ.
Ой широкъ, высокъ
На неби мѣсяцъ,
Ой шири, выши
Ў гумна скирта!

(Зап. Л. П. Скляренко.)

356

(*Дисненскій у.*)

…ѣйце вѣтры по чистомъ поли,
…ице вѣсци нашему пану,
… яго жнейки жита дожали,
…го дожали, поле низмяроноя,
…лали копы низличоные.

Часты, густы звѣзды на небѣ.
Часты, густы копки ў поли,
Широкъ, высокъ мѣсяцъ на небѣ,
Ширэй, высшей сцирты ў гумнѣ.

(Зап. г-жею Сингельскою.)

Спорышовыя пѣсни.

(Дорóгою и на хозяйскомъ дворѣ)

357

(*Чашники*)

Ходзиў Спорышъ по вулицѣ,
По вулицѣ по широкой,
По мураўцѣ по зяленой,
А нихто Спорыша ў дворъ ня зовець.

---

*) Послѣ каждаго стиха.

Вышла, выѣхала Хвядорпха:
Ходзи, Спорышъ, ко мнѣ на дворъ,
Ко мнѣ на дворъ, на чисовы столъ,
Ў мяне столы позасциланы,
Виномъ кубки поналиваны,
Ў мяне пирогоў понапечана,
Ў мяне мёду понасычапа,
Ў мяне каша наварена.
Сядзь, Спорышъ, на покуцѣ,
На покуцѣ да на зблоцѣ.
Пи, Спорышъ, зялено вино.
Споры, Божа, ў моемъ гумнѣ,
Ў моемъ гумнѣ, ў моемъ дворѣ:
На току вмолотъ, а въ дзяжи подходъ,
А въ печи ростъ, а на столѣ сыццё.
(Зап. мною отъ Коткевичовны.)

358

(*Лепельскій у.*)

Пошло добро дорогою,
Дорогою широкою.
А хто добро пираймець,
Къ сабѣ ў гумно завернець?
Андрейка добро пираняў,
Къ сабѣ ў гумно завернуў:
Ко мнѣ, добро, ў мое гумно!
Мое гумно вяликоя,
Пираплеты высокіе.

(Зап. свящ. Н. К. Шимковичъ.)

359

(*Лепельскаго у., село Апанасковичи*)

Ишоў Раёкъ дорогою
Рано, рано! *)
Дорогою широкою.
Нихто Раю ня просиць,
Просиць яго мой Потапочка:
Мое гумно вяликоя,
Пираплоты высокіе,
Ёсь гдзѣ Богу посядзѣци,
Мойго добра поглядзѣци:
Одного житнаго,
А другого ярычнаго,
А трецяго пшаничнаго.
(Записала ученица Витебскаго Духовнаго училища Ольга Котырло.)

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

360

(*Дисненскій у.*)

Приближаясь къ панскому крыльцу съ вѣнкомъ, жнейки поютъ:

Ходзиў Раёкъ по улицѣ,
Нихто Райка ў дворъ ни зовець.
Отозваўся къ намъ паночикъ:
Ходзи Раекъ ко мнѣ ў дворъ,
Мои дворы мяценые,
Мои столы цисовые,
Мои обрусы бялевые,
Мои хлѣбы сытовые,
Мои страўки сахарные,
Мои кубки золотые,
Мои вина зялёные.

(Зап. г-жею Смигельскою.)

361

(*Лепельскій у., Ушачскій округъ*)

Ходзиў Рай по вулицѣ,
Нихто Раю ў хату ня просиць;
Просиць Раю Андрейка:
А прошу жъ, Раю, къ сабѣ ў хату!
А ў мяне ў хацѣ ўсё приберено:
Цясовые столы позасциланы,
Золотые кубки поналиваны —
Жнеечикъ частоваци.

(Зап. Н. С. Шимковичъ.)

362

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

Ходзиў Раю коли двору,
Нихто Раю ў дворъ не зовець.
Обозваўся нашъ паночикъ:
Ходзи Раю ко мнѣ ў дворъ,
Моé дворы мяценые,
Моé обрусы шоўковые,
Моé кубки золотые,
Виномъ мёдомъ налитые.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

363

(*Дисненскій у.*)

Здѣсь эту пѣсню поютъ во время плетенія вѣнка.

Ишоў Богъ дорогою,
А за нимъ нашъ панъ идзець,
Ў рукахъ шапочку нясець
И до сябе Бога просиць:
Да ко мнѣ, Божа, да ко мнѣ,
Да зъ густыми снопами,
Да зъ частыми копами.
Ў мяне гумно вяликоя,
Перап.лоты высокіе,
Ёсь гдзѣ снопы стаўляци,
Ёсь гдзѣ скирты класци.

(Зап. г-жею Смигельскою.)

Когда отдаютъ хозяину вѣнокъ, говорятъ въ Дисненскомъ уѣздѣ такую рацею:

„Лѣтось посажена, селѣта узрощена на буйныхъ вѣтрахъ, на дробныхъ дожджахъ. Пиранёсъ жа Богъ чиразъ золотой сярпокъ, пираняси жа, Божа, чиразъ легиньки душокъ, ў току умолотъ, ў дзяжи — подходомъ, а на столѣ—сыцію. Прошу пану вянокъ, а намъ пицы мядокъ“.

(Зап. г-жею Смигельскою.)

Въ мѣстечкѣ Чашникахъ записана мною слѣдующая рацея:

„Якъ дзѣўка хлѣбъ вяншуець. Благослови, Божа, ў каморы, ў оборы и ў поли и ў гумнѣ и дай уродзай зямли, дожжу; суши, грады, чары, насылання, ўси чартоўскіе дзѣла оддаляй, а зробь добра и милосць отъ Бога. Виншую васъ новымъ годымъ, новымъ счасцщемъ. Дай, Божа, гэты годъ провесць ў корысцы, ў радосци и ў добрымъ здороўѣ“.

364

(*Изъ мѣстностей придвинскихъ*)

Паночыкъ, паночыкъ
Перайми нашъ вяночыкъ,
Запали, пане, свѣчку,
Да выдзи на сустрѣчку.
Паночыкъ, паночыкъ,
Перайми нашъ вяночыкъ.

Вяночыкъ перайманць,
Золото даваиць
И съ хлѣбомъ съ солью
И съ добраго здороўя надзяляиць.
А мы жали, силу поцеряли
И на гэто заробляли.

(Изъ сборника Я. Чечота, стр. 35.)

365

(*Тамъ же*)

Виншую паноў вянкомъ,
Паны мяне мядкомъ.
Перанесъ Богъ церазъ серпокъ,
Пераняси, Боже, церазъ душокъ,
Церазъ осетку матку,
Церазъ легки духъ.
Судзиў же Боже пожаць,
Судзи жъ Боже спожиць

Ў корысцы, ў радосци.
Дай же, Боже, панóмъ зъ гэтаго добра
Пива варицъ, паноў жаницъ,
Горѣлку гнацъ, паненокъ замужъ выдавацъ,
Дай же паномъ зъ добрыми дзѣтками
На жицьё на богасе,
На доўги вѣкъ и добры совѣтъ.

(Изъ сборника Я. Чечота, стр. 37.)

366

(Себежскаго у., Езерская волость)

Ходзилъ Богъ по полю,
Поцерялъ корону.
Ваши жнейки жали,
Корону подняли,
Корону подняли
Хозяину на руки подали.
Судзилъ Богъ пожаци,
Судзи, Боже, споживаци
Ў корысци, ў радосци
И ў добромъ здоровьи.
Дай же, Боже, ў гумнѣ стогами,
Ў дзѣжи подходомъ,
А ў печи ростомъ,
За столомъ сыцью.
Судзи, Боже, осени дождаци,
Дочерей замужъ отдаци,
Сыновъ поженици,
Пива наварици
И намъ погуляци.

(Записано священникомъ о. Ивановскимъ отъ панцырныхъ бояръ.)

367

(Лепельскаго у., Ушачскій округъ)

Разгорися вячерняя зорка
Пирадъ раней,
Расходзися наша господынька
Пирадъ жнейками,
Кажи выносицъ цисовые столы
На чистые дворы,
Бяри золотые ключи
Зъ-подъ пояса,
Одмыкай-жа золотыми ключьми
Зялёную скрыню,
Выбирай ў зялёной скрыни
Бялёвыи обрусы.
Засцилай наша господыня
Цясовые столы,
Наливай-жа наша господыня
Золотые кубки,
А частуй-жа старшую жнейку,
Постацяночку:
Будь здорова, старшая жнейка
Постацяночка!
На здороўя, моя господыночка,
Сенаторочка!

(Сообщ. С. К. Шимковичемъ.)

368

(*Лепельскаго у., с. Дубровки)*

Разгорися вячернія зорька
Пирадъ раннею разгорися!
Расходзися наша господынька
Пирадъ жнейками расходзися!
Одмыкай-жа высокіе цирамы
Золотыми ключьми одмыкай-жа.
Выбирай-жа тонкіе обрусы
Голанцкіе выбирай-жа.
Засцилай-жа тонкими обрусми
Чисовые столы засцилай-жа.
Наливай-жа зяленымъ виномъ
Золотые кубки наливай-жа.
Да й витай-жа першую жнейку
Постацяночку да й витай-жа!
Выпи, выпи першая жнейка
Постацяночка выпи, выпи!

(Зап. Л. П. Скляренко.)

369

(*Городокскій у.*)

Выходзила господынка на ниўку,
Выводзила нявѣсточекъ-лябедочикъ,
Дочикъ-пирапелочикъ.
Ай вы жниця нявѣстки-лябёдки,
Дочки-пирапёлки!
А я жъ ни могу кола постаци стояци,
Колосокъ махаци,
Тольки могу за столомъ сядзѣци,
Чары наливаци, госьцей частуваци.
Чары золотыя, госьци дорогія!

(Сообщ. Шт. Смотр. М. П. Сахаровымъ.)

370

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

Да ци вышла цёмная тучка
Съ-подъ цемнаго лѣсу, да ци вышла?
Ды ня вышла наша господынька
Къ жнеичкамъ на ниўку, ды ня вышла.
Ды выслала семь сыноў соколоў,
Дочку пирапёлку да выслала.
Жниця, жниця, мои милы жнейки

Ды по холодочку жниця, жниця!
Выкачу вамъ дзевяць бочикъ пива,
Дзисятую мёду, выкачу вамъ.
Вынясу вамъ по тоненькимъ пирожку,
По бѣленькимъ сыру, вынясу вамъ.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

371

(Изъ мѣстностей придвинскихъ)

Ци вышла цёмная туча
Зъ-за цёмнаго лѣсу?
Ня вышла цемная туча
Зъ-за цёмнаго лѣсу,
Только выслала буйнаго вѣтру,
Дробнаго дождзу.
Ци вышла наша добродзѣйка
Перадъ жнейками?
Не вышла наша добродзѣйка
Перадъ жнейками,
Только выслала сынкоў соколкоў
И дочекъ перепёлокъ:
Пытае ци много нажали?
Мы жали поле незмярное,
Копы незличоные.

(Изъ сборника Я. Чечота, стр. 36.)

372

(Изъ мѣстностей придвинскихъ)

Паночыкъ, паночыкъ, рахуйся зъ нами,
Плаци жъ, плаци жъ хоць талерами!
Да мы жъ твою ниўки зжинали,
Да мы свою силу споцеряли.
Слава да и слава, паночыкъ, твоя!
Да учиниў, учиниў, паночыкъ, славу,
Попоиў, попоиў толоку свою.
Щакотала сорока на тыченцѣ сюдзючы,
На тыченцѣ сѣдзючы, на хмѣлинку гледзючы.
Похвалиў ее паночыкъ съ панею сѣдзючы,
Попоиў жнеечекъ зъ дубовой бочачки,
Зъ дубовой бочачки, зъ золотой чарочки.

(Изъ сборника Я. Чечота, стр. 37—8.)

Застольныя пѣсни

(на хозяйскомъ дворѣ)

378

(*Витебскаго у., м. Усвяты*)

Говорила и рожь и пшеница,
На нивушки стоя, говорила:
Я и не могу на нивкѣ стояти,
Кылысомъ мыхати, я и не могу.
Тольки могу ў стыгахъ стояти,
Ў клыдахъ лижати тольки могу.
Ци поўна ў орѣховымъ кустѣ,
Орѣхова ядра ци поўно?
Ци поўна и ў нашаго пана
Стогоў настаўляна ци поўна?
Поўнымъ-поўна ў орѣховымъ кустѣ
Орѣхова ядра—поўнымъ-поўна,
Поўнымъ-поўна ў нашаго пана
Стогоў постаўляна—поўнымъ-поўна,
Што и ня можно ни пѣшимъ пройти,
Ни коннымъ проѣхать, што и ня можно,
Тольки и можно птицы пролетѣть,
Добро поглядѣть толька и можно.
Литала ды ярыя пцёлка
По щирому бору литала,
Ды социла ды ярые пцёлка,
Мидовой саденка, ды социла.
Ни знышла ды ярые пцёлка
Мидовой саденка ды ни знышла.
Тольки знышла ды ярые пцелка,
Гнилую колоду тольки знышла.
Ды ходила ды красная дѣўка
Пы цистому полю ды ходила,
Ды социла ды красная дѣўка

И родныго татка ды сопила.
И ня знышла ды красная дѣўка
И родныго татка и ня знышла,
Тольки и знышла красна дѣўка
Ды лютыго свёкра толька и знышла.

(Зап. уч. 6-го кл. Витебской гимназіи Потоцкимъ.)

374 а)

(Витебскаго у., д. Васьковичи)

Чи поўна орѣхова чара
Ядромъ наливана?
Чи поўна хозяиноў гўмно,
Добромъ навезено?
Поўна, поўна орѣхова чара
Ядромъ наливана,
Поўна, поўна хозяиноў гўмно
Добромъ навезёно,
И ня можно ни пѣшу процпць
И ня конну проѣхаць,
Только можно соколу пролецѣць,
Да добра поглядзѣць.

(Зап. В. И. Безперчій.)

374 б)

(Чашники)

А чи поўна орѣхова чаша
Ядромъ налитая?
А такъ поўна—ни колыхнѣцца
И ни проллецца.
А чи поўна господара гўмно
Добромъ навезёна?
А такъ поўна—ни съ конемъ уѣхаць,
Ни пяхотою уйци.
Толька можно соколу ўзлецѣць,
Добро поглядзѣць.

(Записс. мною отъ М. Коткевичовны.)

375

(Городокскій у.)

Ярая пшаница говорила ў поли стоя,
Што ни могу ў поли стояци, колосомъ махаци,
Тольки я могу ў гумнѣ стогами,

Ў поли копнами.
Гдзѣ логъ—тамъ стогъ,
Гдзѣ гора—тамъ копна.
Говорила господыня свойму мужу:
Што я ни могу жнеекъ водзици,
Тольки я могу съ ключамъ по двору ходзици,
Амбары одмыкаци, столы задвигаци,
И скацерци расцилаци, кубки наливаци
И жнеякъ привитаци,
Залёно вино пици
И зъ милымъ говорици—гэто я могу.

(Сообщ. М. П. Сахаровымъ.)

376

(*Чашники*)

Чій жа гэта дворъ, дворъ,
Ды три колы ўбиты?
Чій жа гэта дворъ, дворъ?
Янкоў жа дворъ,
Ды три колы ўбиты
И кариной накрыты.
Чій жа гэта сынъ, сынъ
Ды по двору ходзиць,
Одтопки носиць?
Янкоў жа сынъ, сынъ
Ды по двору ходзиць,
Одтопки волочиць.

Чій жа гэта дворъ, дворъ?
Золоты тынъ, тынъ,
Сяребраны вороты?
Чій жа гэто сынъ, сынъ
По двору ходзиць, ключики носиць?
Ахремоў сынъ ключики носиць.
Я жъ ни могу по двору ходзици,
Ключики носици,
Тольки могу дли столу стояци,
Госьцей частоваци
Тольки могу.

(Зап. мною.)

377

(*Тамъ же*)

Казала бочичка
Ў винницы стоючи:
Коли мяне ня выпьиця,—
Я сама разоллюся,

По винницы покачуся.
Хвалилася дзявица
Своимъ богатымъ родомъ:
Коли мяне ня выдасця,

Я сама отъ васъ уѣду.
Выпраўляй маци скоро
Зъ самаго вечора.
Добра ночь, маци,
И бывай здороў!
Дожидай ў госьци,
Покуль пріѣду знова.

(Зап. тотъ же.)

378

(*Тамъ же*)

Ў нашаго пана
Горэлачка купа,
Даецъ жнеямъ скупа,
По одной чарочки
И ня наволицъ.
Спасибо ямбсци,
Што позваў ў госьци.
Ў нашаго господара
Кудрава голова,
Кудзерычки потрасецъ,
Горэлачки напрасецъ,
Кудзерычкамъ поколоцицъ—
Горэлачку посолодзицъ.
Намъ трёмъ чатырёмъ
Горэлочки лапурёмъ.

(Зап. тотъ же.)

379

(*Тамъ же*)

Ў насъ сягодня война была
Ўсё поля звонвали,
Ўсё жита попожали
И ў копы поклали,
Судзи, Божа, споживаць
Ў корысць и радосць.

(Зап. тотъ же.)

380

(*Лепельскій у.*)

Ў насъ сягодня война была:
Ўсё поля звонвали,
Ўсё жита пожали,
Ў копочки поскладали,
Ни москали, ни жоўнеры,
А ўсё Андрейковы жнеи
Змяли поля мяцёлкой,
Ждуць домоў съ вяселкой.

(Сообщ. С. К. Шимковичемъ.)

381

(*Городокскій у.*)

Зялёнъ нашъ боръ, зяленъ
Надъ ўсими борами,
Што ў яго дубья много
И бярезничка молодого.

Богатъ нашъ панъ, богатъ
Надъ ўсими панами,
Што ў яго добра много:
И яроваго и ржанаго,
И яричнаго и пшаничнаго.

(Сообщ. М. П. Сахаровъ.)

382

(*Тамъ же*)

Ай зялёнъ нашъ садъ, зялёнъ
Зялянѣй ўсихъ садоў.
Ай богатъ нашъ панъ, богатъ,
Богацѣй ўсихъ паноў.
Якъ выкациў бочку пива,
Другую—горэлки:
Пиця, мои жнеички,
Мои жнеи удалые!
Ихъ сярпочки золотые.
По мѣсяцу жали
И сярпочки поломали.

(Сообщ. тотъ же.)

383

(*Чашники*)

Зялёнъ нашъ боръ, зялёнъ
Надъ ўсими борами,
А хвалёнъ нашъ панъ, хвалёнъ
Надъ ўсими панами.
А за чимъ жа ёнъ хвалёнъ
Надъ ўсими панами?
Кола яго панятуньки,
Ды ўси яго чалядуньки,
Якъ рой высыпаюць (2),
Якъ макъ зацвитаюць.

(Зап. мною)

384

(*Лепельскаго у., д. Дубровка*)

Ды зялёнъ нашъ боръ, зялёнъ
Надъ ўсими борами,
Ды богатъ нашъ, панъ, богатъ
Надъ ўсими панами.
Ды кола яго двору
Цячецъ три ручаёчки:
Перши ручаёчикъ —
То зялёноя вино,
Други ручаёчикъ —
То солодки мядокъ,
Трецци ручаечикъ —
То пшаничноя пиво.
Ды зялёноя й вино —
То дли самог[illegible]
А солодки [illegible]
То дли дз[illegible]
А пшаничн[illegible]
То [illegible]

([illegible])

385

. зялёнъ нашъ боръ, зялёнъ
Іадъ ўсими борами.
. за што жъ ёнъ зялёнъ?
Іоўна красачакъ по нимъ.
Славёнъ нашъ панъ, славёнъ
Іадъ ўсими панами.
. за штожъ ёнъ славёнъ?
Іоўна гумно жита нажаў,
. другое--ярынечки.

А выкаціў бочку пива,
А другую—горелачки:
Пийце, жоночки, пива,
А дзѣвочки горелачку.
А дзива жъ намъ дзива,
Што пшаничное пиво.
Чаго тому дзивитися,
Што можно напицися?

(Изъ Сборн. Я. Чечота, стр. 38.)

386

Во время стрижки овецъ.

Да бараночка черненьки, черненьки,
На нимъ волна сучица, сучица, —
Намъ горэлочки хочица, хочица.
Мы бараночку стрычь будземъ, стрычь будземъ,
Мы горэлочку пицъ будземъ, пицъ будземъ.
Мы бараночку острыжомъ, острыжомъ,
Мы горэлочку всю попьемъ, всю попьемъ.
На ихъ волночка коротка, коротка,
Намъ водычка солодка́, солодка́.
На ихъ волница ровненька, ровненька,
Нясуць намъ бутэльки поўненьки, поўненьки.
Да нашъ паночикъ ў вобрѣ, ў вобрѣ,
Наша пани ў лисахъ, ў лисахъ,
Нясець намъ закуски ў мисахъ, ў мисахъ.

(Зап. г-жею Смигельскою.)

Богатъ нашъ панъ, богатъ
Надъ ўсими панами,
Што ў яго добра много:
И яроваго и ржанаго,
И яричнаго и пшаничнаго.

(Сообщ. М. П. Сахаровъ.)

382

(*Тамъ же*)

Ай зяленъ нашъ садъ, зяленъ
Зилянѣй ўсихъ садоў.
Ай богатъ нашъ панъ, богатъ,
Богацѣй ўсихъ паноў.
Якъ выкациў бочку пива,
Другую—горэлки:
Пиця, мои жнеичкн,
Мои жнеи удалые!
Ихъ сярпочки золотые.
По мѣсяцу жали
И сярпочки поломали.

(Сообщ. тотъ же.)

383

(*Чашники*)

Зялёнъ нашъ боръ, зялёнъ
Надъ ўсими борами,
А хвалёнъ нашъ панъ, хвалёнъ
Надъ ўсими панами.
А за чимъ жа ёнъ хвалёнъ
Надъ ўсими панами?
Кола яго панятуньки,
Ды ўси яго чалядуньки,
Якъ рой высыпаиць (2),
Якъ макъ зацвитаиць.

(Зап. мною)

384

(*Лепельскаго у., д. Дубровка*)

Ды зялёнъ нашъ боръ, зялёнъ
Надъ ўсими борами,
Ды богатъ нашъ, панъ, богатъ
Надъ ўсими панами.
Ды кола яго двору
Цячець три ручаёчки:
Перши ручаёчикъ —
То зялёноя вино,
Други ручаёчикъ —
То солодки мядокъ,
Трецци ручаечикъ —
То пшаничноя пиво.
Ды зялёноя й вино —
То дли самого яго,
А солодки мядокъ —
То дли дзѣточикъ яго,
А пшаничноя пиво —
То дли жнеичекъ яго.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

385

А зялёнъ нашъ боръ, зялёнъ
Надъ ўсими борами.
А за што жъ ёнъ зялёнъ?
Поўна красачакъ по нимъ.
Славёнъ нашъ панъ, славёнъ
Надъ ўсими панами.
А за штожъ ёнъ славёнъ?
Поўна гумно жита нажаў,
А другое--ярынечки.
А выкациў бочку пива,
А другую—горелачки:
Пийце, жоночки, пива,
А дзѣвочки горелачку.
А дзива жъ намъ дзива,
Што пшаничное пиво.
Чаго тому дзивитися,
Што можно напицися?

(Изъ Сборн. Я. Чечота, стр. 38.)

386

Во время стрижки овецъ.

Да бараночка черненьки, черненьки,
На нимъ волна сучица, сучица, —
Намъ горэлочки хочица, хочица.
Мы бараночку стрычь будземъ, стрычь будземъ,
Мы горэлочку пиць будземъ, пиць будземъ.
Мы бараночку острыжомъ, острыжомъ,
Мы горэлочку всю попьемъ, всю попьемъ.
На ихъ волночка коротка, коротка,
Намъ водычка солодка́, солодка́.
На ихъ волница ровненька, ровненька,
Нясуць намъ бутэльки поўненьки, поўненьки.
Да нашъ паночикъ ў вобрѣ, ў вобрѣ,
Наша пани ў лисахъ, ў лисахъ,
Нясець намъ закуски ў мисахъ, ў мисахъ.
(Зап. г-жею Смигельскою.)

Бесѣдныя пѣсни.

(Дѣвичья жизнь).

387

(Чашники)

Пѣюць во всякое время, кали саберуцца.

Галубка ў галубнпчку забита лижала,
А миленька по миленькимъ
Голоўку звязала.
Звязала голо́вуньку
Чарнюсинькимъ шоўкомъ,
Послала по милога
Своимъ жинымъ толкомъ:
Идзиця, привядзиця
Вы мойго мило́га,
Развяжиця, развяжиця
Вы мою голоўку.
Иду водою, иду горою,
Пясокъ ножки рѣжиць,
Нямилыя и нялюбыя
Ко мнѣ ў вочки лѣзуць.
Якъ пойду я молодая
По чисто́му полю,
Сѣя, разсѣвая
Свою горку долю.
Взыйдзи, взыйдзи моя доля
Густыми кустами.
Разцвѣци ты горка доля
Разными цвитами.
Нихто ня цвиў (2)
Одзинъ василёчикъ,
Нихто ня милъ (2)
Одзинъ милъ дружочикъ,
Сядзиць сабѣ за столикомъ
Якъ сизъ голубочикъ,
На имъ сукенка квяциста,
Поясъ позлацисты,
На имъ шапочка зъ орлами,
Да галоўка зъ кудрами (2),
На имъ штоники замшёвы,
Боцики козловы.

(Записано мною).

388

(Тамъ-же)

За лютыми морозами
Моя рута ня ўсходзиць,
За люцкими языками
Мой милы ня ходзиць,
Ўзайдзи (2) ты моя рута,
Ўзайдзи, хоць покажися,
Придзи (2) мой миленьки
Людзёмъ наругнися.
На вулицѣ на широкой
Дзяўчина гуляиць,

бы я яё зацапиць,
ць мацн ланць.
инька, сардулинька,
глядай скрива!
ўдынька твоя будзиць,
» насъ разлучила,
нць насъ зямля и вода
рць нясчастная.

Ты умри су вечера,
А я умру зъ-ранку,
Ты сховай насъ матулинька,
Хоць ў водну ямку.
Любилися, кохалися,
Насъ мацн ня знала,
А цяперъ намъ разстацися,
Якъ тёмная хмара.

(Зап. тотъ-же).

389

(*Тамъ-же*)

інька моя бѣдная,
скора склопоцилася?
чки мои свѣтленькіе,
вы скоро змутусплися?
вы мои бѣленьки,
скоро опусцилися?
і мои бягучія,
скоро подломилися?

Подломились ноженьки
Отъ доўгой походыньки,
Опусцилися ручиньки
Отъ цяжкой работыньки,
Склопоцылася головынька
Отъ цяжкаго ўздыханьика,
Змутусилися вочиньки
Отъ слезнаго проливаньика.

(Зап. тотъ-же).

390

(*Тамъ-же*)

ная калининка
а Дунай схилилася,
ада журилася,
отъ роду отбилася,
роду отъ родочку.
і мойму живаточку,
і мнѣ жпци, быци,
жиной говорици,
пойду я молодая
о чистому полю,
я свою долю.
кнулась мнѣ доля

Ажно на тымъ боку мора.
Коли ты моя доля,
Плыви ты водою,
А я зáразъ за тобою;
Приплывемъ мы ко кусточку,
А выщипимъ по листочку,
А напишимъ по письмóчку,
Пошлемъ до ойцоў, до матокъ,
Абы насъ призываюць,
Абы сами прибываюць,
Горкія доли отвѣдаюць.

(Зап. тотъ же.)

391

(*Тамъ-же*)

Дѣвушка проситъ отъѣзжающаго милаго проститься съ ней подружески. (Раскольничья).

Проти новенькихъ,
Проти воротикъ
Расцець траўнька
Ўся зяленая,
На той траўньцѣ
Коничекъ ходиць (2),
Миленьки пасциць.
Я знаю маладая, разумѣю,
Што мой миленьки
Прочь отъѣзжаець.
Ты постой троху
Мой миленьки
Позову я ўсю родзйну
Ўсю родзину на расходзину.
Якъ мы зъ тобой сходзились,
Наши вустыньки злипались
Отъ меда отъ вина
Отъ зялёнага.
Якъ мы съ тобою расходзилися,
Наши вустыньки пощипалися
Отъ смаги, отъ бяды
Отъ вяликія.

(Зап. тотъ-же).

392

(*Тамъ-же*)

Милый женится на другой; она перебираетъ въ умѣ, кого любить, и рѣшаетъ, что лучше—никого. (Раскольничья).

Ў лугахъ, ў лугахъ
Ў зялененькихъ
Тамъ ходзиў, гуляў,
Добры молодецъ (2),
Мой любезны другъ.
Ў мойго дружка
Ёсь примѣточка:
Кудри цемныя,
Брови черныя,
На галоўньки
Пухова шляпа,
И на шеюшки
Едвабный платокъ,
И на молодцу
Мой бумажный плащъ.
Не жаль мнѣ,
Што плащъ носицца,
Толька жаль мнѣ,
Што милъ женицца,
Со мной сердзицца,
Съ другой женицца,
Ў вароцехъ стоиць зъ подарками
Два ста пряникаў
И сорокъ яблокоў.
Мнѣ сягоднишняя ночь
На думахъ пройшла:
Думаць нечего,
Любиць некого;

била бъ холдстога —
оро женицца,
женатаго—
нка сердицца;
кого нибудзь

Я сама ня хочу;
Сямярыхъ любиць—
Голова болиць.
Пущай думаць нечега
Любиць некога.

(Зап. тотъ-же).

393

(*Тамъ-же*)

Якъ сяду я подъ вакошичкомъ прасци,
Кину я валаконца за оконца,
Якъ пойду я куды издаўна ходзила,
Ци ня увижу кого вѣрна любила,
Хоць ня яго, дыкъ товарища яго?
Попытаю объ здороўикѣ яго,
Ци ня болѣла голоўнька ў яго.
Хоць болѣла я, ня буду казаци,
Бо ты, молодзиньки, будишъ тошноваци.
Чиразъ мой дворъ цяцéра ляцѣла —
Ня судзиў мянѣ Богъ кого я хоцѣла,
Ци Богъ ня судзиў ци злыя людзи—
Богъ знаиць, Богъ вѣдаиць.
Дзѣ мой милы начиваць будзиць,
Ци дома (2), ци ёнъ ў дорози—
Богъ знаиць, Богъ вѣдаиць,
Ци на бѣлинькой ложи.

(Зап. тотъ-же).

394

(*Тамъ-же*)

Дѣвушка сирота жалуется на свою долю.

ў сяло идци
дзѣ воды напицися,
мнѣ, бѣдной сироцѣ,
къ кому прихилицися.
хилюся я ко дубочку,
дубочикъ—ня бацинька,

Вѣциръ вѣець, вѣцеръ вѣиць
И листокъ прогоняець,
Зелень ня промоўляиць.
Ци ў сяло идци (2)
Нейдзѣ воды ды напицися,
А мнѣ бѣдной сироцѣ

Не къ кому прихилицися.
Прихилюся я къ барозѣ,
Мнѣ бяроза ня матынька
Вѣциръ вѣець, вѣцеръ вѣищь,
Лисцикъ маець
Бѣлая барёза ня промоўляиць.
Иду лугомъ пѣсню пяю—
Ўси луги разлигаюцца,
А сяломъ иду сильна плачу—
Ўси враги уцишаюцца,
Зовуць мяне (2),
Зовуць мяне приволбкаю,
Кажуць мнѣ рѣчку брисць,
Широкую, глубокую.
Ци мнѣ плысци,
Ци мнѣ брисци,
Ци мнѣ яе полынуци,
А придзецца сироцини
На чужбинѣ загинуци.
Добро табѣ мой брацитка,
На коника поѣзжаючи,
А мнѣ бѣдной сироцѣ
На чужбинѣ погибаючи.

(Зап. тотъ же).

395

(*Тамъ-же*)

Пѣсня—загадка.

Ай гбра, гбра!
Шаўцова доля
Што дзѣўки ня любяць.
Одна любила
И загадала
Чаравичинки шици.
Пошій жа ты мнѣ
Чаровичиньки
Зъ комаровой скурки.
Кали я буду
Чаровички шици
Зъ комаровой скурки,
Напрадзи жа мнѣ
Тониньхой дратоўки (2)
Тонѣй пауцинки.
Кали я буду
Дратоўки спради
Тонѣй пауцинки.
А сошій жа мнѣ
Тонку кошульку (2)
Бязъ нитки, бязъ иголки.
Коли я буду
Кошульки шици
Бязъ нитки, бязъ иголки,
А улови ты мнѣ
Бѣлу рыбинку
Бязъ сѣци, бязъ чаўночка.
Кали я буду рыбку ловици
Бязъ сѣци, бязъ чаўночку,
А сготуй ты мнѣ бѣлу рыбиньк
Штобъ ена была живусинька.
Кали я буду рыбку варици
Штобъ ена была живусинька,
А бяры жъ ты бѣлу рыбу
Штобъ ена была цалюсинька.

(Зап. тотъ-же).

396

(*Невельскаго у., д. Зувруя*)

Страданіе душевное дѣвушки по отсутствующемъ другѣ.

Ня пройдцищь было дзѣвушкѣ по вулушкѣ
Ня ўзглянуць было на милаго въ акошечка,
На тымъ жа вакошечкѣ ўсё гбра-бѣда моё,
Ня бѣда моя—гбра сухотка больша:
Што ссушиў, сокрушиў мяне маладзёшиньку,
Самъ отправиўся, мой милы, во пуць во дороженьку,
Хуць ня ў дальнюю, дружокъ, во печальную.
Сямнадцати лѣтъ дзяўчонка я была глупёшенька,
Отпраўляўши я дружка, я яму наказывала:
Поѣдзишь, мой милой, во пуць во дороженьку,
Вороцись назадъ поскорёшиньку,
Ня вароцисся, я дзѣўшка съ тоски помру
Со тоски, отъ тоски, со большой отъ досадушки.

(Зап. Ап. Бинкевичъ.)

397

(*Чашники*)

Сягодни я тута
А заўтри поѣду,
А ты будзишъ, моя мила,
Припадаци къ слѣду.
Ня буду, ня буду,
Ей Богу, ня буду,
Я при цябѣ горевала,
И безъ цябе буду.
Ёсь у поли ячмень,
А ў долини жита,
Пришли вѣсци отъ милбга,
Што милый убиты.
Енъ убиты, убиты,
Брошенъ ў жита,
Чарвоною китайкой
Личика покрыта.
Пришла дзяўчиночка,
Пришла молодая,
Подняла китаичку
И поцалавала.
Ци ты милиньки ўпиўся,
Ци зъ коня звалиўся?
Ци ты моя радосць дорогая
Ббльна зажуриўся?
Я ня ўпиўся, ня ўпиўся,
Зъ коня ня звалиўся.
Я о табѣ моя мила
Больна зажуриўся.

(Зап. мною.)

898

(*Тамъ же*)

Дай, Божа, долю счастливу, годзйну,
Кабы я увидзиў хорошу дзяўчину.
Кабы я увидзиў—ня тужиў,
Сердынька своё ня нудзиў,
Зъѣздзиў я коня, зъѣздзиў воронога.
— Ты скажи, дзяўчина, ци будзешь за мною?—
„Ци буду твая, ци ня,—
„Ня тужи, сердце, обо мнѣ.
„Я табѣ казала и твайму роду,
„Штобъ ў насъ ня было зъ тобою зводу.
„Я за цябе ня пайду, бо я посагн ня маю."
— Мнѣ твой посагъ ни троху ня треба.
— Нéхъ нагрóдзиць панъ Богъ зъ высокого неба.
— Ты у мяне посагъ сама, якъ на неби ясная зара.—
„Цяперь же ты кажешь: зорунька ясная!
„А после скажешь: доля безсчастная!
„Хоць ня ты скажешь, такъ твоя мати,
„Лѣпщи мнѣ цябе не знаци."
— Ня уважай, дзяўчина, што матулька скажиць,
— Ня будзиць разлуки, якъ попъ руки звяжыць.
— Звяжиць попъ руки стулою,
— Ня будзиць разлуки зъ тобою.
— Пойдзимъ до косцёла, будзимъ шлюбоваци,
— Будзимъ шлюбоваци, Богу присягаци.
— Я присягну Богу и табѣ,
— А ты присягни щира мнѣ.—
„Цяперь жа ты бярешь здорову и хорошу,
„Здорову и хорошу, бѣлу пригожу,
„Бронь Боже—якія туги,
„Ня заглядывайся на другихъ."
— Поби мяне, Божа, на гладкой дорóзѣ,
— Коли я забуду объ цябѣ, нябоже!
— Поби мяне, Боже, хоць идзѣ,
— Кали я забуду на цябѣ. —

(Зап. тотъ же.)

399

(*Тамъ же*)

Вѣтеръ вѣиць,
Сонца грѣиць,
Былинку калышиць,
А мой милы чернабривы
Што дзень листы пишиць,
Пишиць листы, пишиць листы:
Ў тугў ня ўдавайся,
Къ другой жа ниадзѣланцѣ
Мяне сподзѣвайся.

Здаецца я, мой мили...
Ў тугу ня ўдаюся,
Якъ выйду я на вулицу,
Отъ вѣтру валюся.
Здаецца, мой миленьки,
Ни тужу, ни плачу,
Якъ выйду за вороты,
Стежиньку ни бачу.

(Зап. тотъ же.)

400

(*Городокскій у.*)

Любезный разсердился на любезную и уѣхалъ, не простившись съ ней.

Болиць мое сердца,
Болиць и душа.
Идзѣ милъ подзѣўся,
Куды поляцѣў?
Ѣдзиць милы за мора,
Сизъ голубцикъ мой,
Ў вобраннымъ суднѣ,
Судно голубое,
Приукрасны наборъ.
Мой милы хороши,
Прекрасны такой.
Сустрикая милы
Здороў ни даў,
Отъѣзжаў милы

Рўки не подаў.
Побй цябе Божа
Нясчастнай судзьбой!
Покинуў младзешеньку
Горкай сиротой.
Смѣйся варваръ,
С..... с... надо мной.
Покинуў младзешеньку
Горкой сиротой.
Заѣдзиў я на нивушку
Коня воронà.
Ня вижу я, дзѣвушка,
Ў цябѣ я пуця.

(Сообщ. М. П. Сахаровымъ).

401

(*Чашники*)

Ў чистымъ поли при дорози
Тамъ цыгани пьюць, гуляюць,

Одзинъ цыганъ ня пьецъ, ня гуляицъ,
На цыганку поглядаицъ.
Ты цыганка ты моя коханка! (2)
Возьми-ка ключи золотыя, (2)
Одомкни-тка скрыню скарбовую,
Ты возьми-тка денигъ сорокъ тысячъ,
Ты купи-тка коня воронòга,
Дли цыгана парня молодóга. (2)

(Зап. мною.)

402

(Тамъ же)

Отказъ въ рукѣ офицеру.

Якъ ў нашаго Романа
Дочь прекрасная Марьяна.
Ахъ, ахъ Марьянушка,
Жисцъ прекрасная душа!
Пашла Марьянушка
Ў мельницу по муку́,
Яе ахвицеръ за руку́:
„Скажи, Марьянушка,
„Ци любишь мяне?
„Ци любишь мяне,
„Ци пайдешъ за мяне?“
— Я цябе ня люблю,
— За цябе ня пойду.

(Зап. тотъ же.

403

(Тамъ же)

Дѣвушка отказываетъ козаку въ своей рукѣ.

А ў поли гатоўенька *)
Зъ вѣтромъ говорила,
Нихай по мнѣ трава расцецъ,
Штобъ я ня чарнѣла.
Расци, расци гатоўенька,
Расци зялиная;
Гуляй, гуляй дзяўчонычка,
Гуляй молодая.
Гуляла я гэта лѣта,
Буду гуляцъ зиму,
На люцкую пирасуду
Буду збирацъ силу.
Цикла вода зъ винограду
Зъ чарнецкаго саду,
Кличицъ казакъ дзяўчиночку
Къ сабѣ на пораду
— Порàй, порàй дзяўчиначка,
— Якъ родная маци:

*) Трава.

— Ци цяперь мнѣ жаницися
— Ци восини ждаци?—
„А я табѣ, казачиньку,
„И раю и ни раю,
„Я зъ табою вечерь стаю,
„А другога маю."
— А бодай дзяўчиначка
— Той часъ замужъ зайшла,
— Якъ у млиня на камини
— Пшаничинька взыйшла.—
„А бодай казачинька
„Той часъ ожаниўся,
„Якъ бо ў лѣси на вяреси
„Куколь ўродзиўся,
„Состариўся якъ собака,
„Ящё ня жаниўся.
„Ў млыня на камини
„Пшаничка ўзайшла,
„А ўже твоя дзяўчиночка
„Замужъ даўно вышла."

(Зал. тотъ же.)

404

(*Тамъ же*)

Сестра даритъ брата кошулею съ узорами, съ пожеланіемъ жениться скоро.

Сястра брату кошуленьку шила,
Ня нашила, да три узора ўшила.
Первый узоръ—ясненьки мѣсицъ,
Други узоръ—ўсё ясное соўнце,
Трецп узоръ—ўсё дробныя пташки.
Поѣдзиць мой братецъ ў вяликую дорогу,
Якъ станиць жа станиць мойму брату зимна,
Ясное солнца яго обогрѣецъ;
Якъ станиць жа станиць мойму брату цёмна,
Ясенъ мѣсицъ дорожку засвѣциць;
Якъ станиць жа станиць мойму брату тошна,
Дробныя пташки тошноту разводюць.
Пришлешь мнѣ, братицъ, три подарунки:
Первы подарунокъ—залаты перецянекъ,
Другой подарунокъ—перловый вѣночекъ,
Трецій подарунокъ—шоўковый платочекъ.
Залатый персценекъ—то на мѣняння,
Перловый вѣночекъ—то на вѣнчання,
Шоўковый платочекъ слезы—на утирання.
(Зал. тотъ же.)

405

(*Витебскій у., д. Васьковичи*)

Грусть о томъ, что милый женится.

По лугамъ, лугамъ по зелененькимъ
Тамъ ходиў-гуляў
Добрый молодзецъ (2)
Мой сердечный другъ.
Почему дѣўка́
Узнае́шь дружка?
Узнаю дружка
По примѣтушкѣ:
Ў мойго дружка
Есть примѣтушка —
Кудри русые,
Брови черные,
На яго кудряхъ
Пухова шляпа,
На яго шляпѣ
Мой тальянскій платъ.
Мнѣ не жаль платка,
Что платъ носится,
А мнѣ жаль дружка,
Что другъ женится,
Со мной любится,
Съ другей женится;
А мнѣ молодѣ
Да й не хочется,
Семерыхъ любить
Голова болить,
Одного любить
Такъ и долгъ велитъ.

(Зап. В. Безперчій.)

406

(*Чашники*)

Негодованіе на рѣку, утопившую милаго.

Якъ мнѣ тошненько,
Якъ мнѣ бѣдненько,
Самъ не знаю отъ чаго.
Призасталася моя милая
Самъ не знаю я кому:
А ци брату, а ци свату
Ци товарищу мойму.
Коли брату мойму—
На здороўе яму,
А сосѣду мойму—
На пожитокъ яму,
А товаришу мойму—
Такъ на безгалоўе яму,
Чирезъ рѣченьку, чирезъ быструю
Тонка кладочка ляжиць,
Тая кладочка угибнулась
А мой милый утонуў.
А бодай той рѣчушкѣ
Трускомъ, ляскомъ заросла,
Якъ-жа милаго чернабриваго
На тихій Дунай знясло.
А я рѣчуньку, а я быструю
Тычу, перетычу,
А я милаго, чернобриваго
Кличу, перекличу.

(Зап. мною.)

407

(*Невельскаго у., д. Зуеруя*)

Ревность и ссора влюбленныхъ дворовыхъ.

Якъ ў саду, ў садочку
Было много комарочкоў,
Я сама тому дивила,
Што ихъ много уродило.
Нельзя ў садочекъ пройтить,
Въ саду разгуляться,
Якъ со вечеру, со полночи
Прилетаў голубчикъ
На мой терямочекъ.
Съ терямочка опускаўся
На краснô окошко;
По окошку голубь ходить,
Со голубкою вуркуить.
Не съ голубочкой вуркуить
Самъ дѣвочку будить:
Ўстань, дѣўшка, ўстань,
Со сна пробудися.
Дѣўшка ўставала,
Личико ўмывала,
Лицо бѣлое ўмывала,
Сухо вытирала (2),
Дрўжка увидала,
Ўзяла дружка за ручку,
Повела ў спальню
За дубовый столъ сажала,
Чаемъ угощала,
Чаемъ-кохвіемъ поила,
Разнымъ напиткамъ:
Пей, миленькій, пей,
Пьянымъ не упивайся,
Если будешь упиваться,
Я буду смѣяться.
Ўдариў миленькій объ столикъ,
Стаў съ дѣўшкой вздорить.
Пошоў стухать, пошоў грюхать
По ўсёй новой спальни.
Сударыня услыхала,
Служаночку послала:
Служаночка вѣрна,
Бяги поскорѣй,
Кажи вѣрнѣй.
Служаночка побѣжала,
Правды не сказала:
Сударыня, барыня!
Кошечка зброДлива
На столикъ вскочила,
Блюдечко разбила.

(Зап. Аппол. Бивкевичъ.)

408

(*Витебскаго у., с. Лужесни*)

Дѣвушка въ отчаяніи, что милый ей измѣнилъ.

Рысця, мой рысця,
Ны орѣховомъ цвяцѣ
Нѣтъ гарчѣйшей доли,
Якъ моя на свѣци.
Ни отдавала мени матка,
Ни отдаваў мени бацька,
А сама я полюбила,
Не на кого жалковаць.

Хожу я пы каморѣ,
Якъ солнышко ў кругѣ:
Доля моя нещасная,
Во вѣкъ вѣчный серце ў тугѣ.
Хажу я пы каморѣ,
Якъ заблудная овечка,
Не съ кѣмъ сѣсць промолвиць
Вѣрнаго словечка.
Ци ты, моя матулинька,
Ў край Дунаю ня ходзила?
Чаму миня, матулинька,
Ў тихій Дунай ня утопила?
— Утопила бъ, дзицяцинка,
Ды боялась Бога,
Я не знала, дзицяцинка,
Что твоя горкая доля.
Молодзенькій дзяцинушка
Рыбочку ловиць,
Яго дзѣвушка заручна
По берякжу ходзиць.
Маладзенькій дзяцинушка
Ў Дунянай *) пытаиць,
Яго хрустынька вышивана
Наверхъ ўсплываиць.
Ни жаль мини ни хустыньки,
Да й ни вышивання,
Тольки жалка малойчика
Яго залицання.
Якъ залицаўся,
Тогды трациўся,
Казау: моя будзишь,
Ўложиў мысли ў мое серце,
Что па вѣкъ не забудзешь.
Ни плачь дѣўка,
Ни плачь красна,
Я еще холостъ, ни жинатъ;
Коли буду жаницися,
Прошу пива напицися.
То пиво мнѣ не дзиво,
Только дзиво твое слово.

(Зап. учен. Г. В. Бесперчій отъ бабы Устиньи.)

409

(Витебскаго у., д. Васьковичи)

Дѣвушка хочетъ отравить брата, ей это не удается.

По лузямъ, лузямъ
По зеленькимъ,
Тамъ ходзиў, гуляў
Добрый молодецъ.
Онъ стругаў стружкй
Съ кленовой доски,
Дѣвка брала ихъ
Да въ огонь клала.
На огни лежитъ
Змѣя лютая,
Тая вѣдьма
Подколодная.
Я ў той змѣи
Сердце вынула,
Да съ того сердца
Зелье здѣлала,
Ни ли друга,
Ни ли милаго,
А ли брата
Ли родимаго.

*) Въ Дунаѣ.

риѣхаў братъ
о дороженьки.
- Выпей братецъ
гаканъ водочки,
ы приѣхау
о дорожечки,

Ай братъ [illegible] шу,
Коню гриву облiў,
Ў коня грива
Загорѣлася,
Ў брата сердце
Скалыхнулося.

(Зап. В. Бесперчiй).

410

(Чашники)

Дѣвушка отравляетъ невѣрнаго милого.

На што, Боже, вовсе кохання,
Когды ня судишъ намъ зъ ею побрання (2)?
Когды ня судишъ, такъ насъ разлучишъ,
На што жъ насъ, Боже, надаремня мучишъ?
Любилися здаўна, зъ поўтора року,
Якъ довѣдали и переговорили,
Водай жа яны счасця ня мѣли.
Ты жа ня знаишь, дзѣ я мѣшкаю,
Моя хатыня зъ самаго краю.
Зъ-надъ моей хатыни плывецъ криница,
До мяне ходзяць на вичарницу,
На вичарницу дзѣўки чароўницы,
Котора дзяўчина чирнобривая,
Тая чароўница спрывядливая,
Котора дзяўчина бровями фарбуе,
Тая же Грицона смерць счаруе:
Ў нядзѣлю рана зелля копала,
А ў понядзѣльникъ яна яго мыла,
Ў уторникъ зелля варила,
А ў сериду Грицона отруила,
Ў чатвергъ помѣръ жа Грица,
А ў пятницу поховали Грица,
Ў субботу дзѣўка тошновала,
Нашто Грица зъ свѣту збаўляла,
Ў нядзѣлю матка дочку била:
На што ты, шельма, Грица отруила.

Маци, маци, жалю уваги ня маю,
Нихай жа Грица иныхъ ня кахая,
Во—табѣ Грица цѣлая заплата,
Гробовая доска—вѣчная хата.
Нашто табѣ было мяне зазнаваци,
Коли захоцѣла зъ свѣту збаўляци,
Луччи мнѣ было цябе ня знаци,
Якъ захоцѣла зъ свѣту збаўляци.

(Зап. мною.)

411

(*Тамъ же*)

Отецъ думаетъ о трудной участи его дочери въ замкѣ.

Висока, висока
Клёнъ-дзерева отъ мора,
Хоць яно висока,
Лисця, вѣтьця опадзець
И ў край мора заплывець.
Ай далёка, далёка
Мой бацинька отъ мяне,
Хоць жа ёнъ далека,
Ёнъ мяне ўспомянѐць (2)
И цяжинька ўздыхнець:
Якъ моё дзицятка
На чужой сторонѣ,
Яна рана ўстаець
И позна кладзецца,
Яна ўсихъ боицца.

(Зап. тотъ-же)

412

(*Тамъ же*)

Толкованіе о трудной жизни въ домѣ мужа.

Охъ матынка, матынка,
Что я за сонъ видзѣла!
За столикомъ, матынка,
Котóчекъ ворклива́енькій,
Длѣ печи матынка
Гусочка гагаўка
Середъ хаты, матынка,
Ластоўка косатыя,
А за печью, матынка,
Двѣ гóлубки бѣленькихъ.
Дочушка, дочушка,
Я твой сонъ разгадаю:
Коточекъ ворклйвенькій—
Свекоръ журлйвенькій
Гусочка гагаўка—
Свякроўка ягаўка *)
Ластоўки касатыя—
Золоўки щекатыя,
Двѣ голубки бѣленькихъ—
Двѣ невѣсты бѣдненькихъ.

(Зап. тотъ-же).

---

*) Сучка.

413

(*Витебскаго у., Королевицкая волость*)

Жалоба молодой женщины на участь свою горькую въ семьѣ мужа.

Проплакала Машинька
Ўси дорожки, ўси лужки,
Ўси круты бярежки.
Зъ-подъ крутого бярежка
Тячець рѣчка не шумна,
Пы камушкамъ не стуча.
За тэй за рѣчинькой,
За тэй, за быстринькой
Стояў садикъ зиляный
А ў тымъ садику,
Ў тымъ зилянымъ
Соловей пяець.
Ня пой, солоўюшка,
Ў моимъ зилянымъ саду,
Ня давай зазнобушки
Мойму сердцу жалосци;
Мое сирдзечинька
Яна вынила во мнѣ
На чужый сторонѣ,
На чужый сторонушкѣ,
Ў чужова батюшки,
Ў свякровушки-матушки.
Пыбужающь Машиньку
До бѣленькой до зари,
Пысылающь Машиньку
Ў ключь рано за водой.
Одморозила ноженьки
Ў ключь за водой идя.
Зазнобила рученьки
Съ ключа черпая воду.
Увидала матушка
Зъ высокаго тирима,
Зовець миня матушка
На высокой цирямокъ,
Ды на батюшкинъ дворокъ.
Хуць клиць, ня клиць, матушка,
Цяперъ воля ны твоя,
Ўжо я мужняя жана,
Минулась ўся гульня,
Прыпала ўся красота.

(Зап. учен. гимназіи Копецкій.)

414

(*Борисовскій у.*)

Ты дубочекъ еловатый,
Мой панъ ойцецъ виноватый:
Оддаў мяне замужъ далёко,
И самъ ў госцяхъ не бывае,
И брацишкоў не пущае.
Живу годокъ, живу другі,
Пріѣзжающь браты ў госци
И зъ коникоў не зсядали,
Свою сястру запытали:
Ци здорова сястра наша?
Ой ци будзе конямъ паша?
Конямъ паша, намъ госцина,
Чи всимъ сястра ўгодзила.
Ўсимъ, брацики, ўгодзила:
Свякроўцѣ посцель стлала,
А свекратку разувала,

Дзеверямъ кони поила,
Золовицамъ воду носила.
Зсѣдайце, братцы, зъ конікоў,
Идзице, братцы, до хаты
Не садзицися, братцы, на куцѣ,
Сядзьце, братцы, противъ печи,
Я пойду ў коморочку,
Да й побужу свякровочку:
Ўстань, свякровочка!
Пріѣхали до насъ госци,
Мои браты, ваши сваты.
Одступися, невѣсточка,
Негодны твои слова,
Немилы твои браты.
Сядайця, братцы, на кони,
Ѣдзьце, брацитки, до дому,
Увезиця мою долю
И посѣйця ў ровнымъ полю,
Ў ровнымъ полю на цвирочку:
Кабъ красочка не родзилась,
Кабъ дзѣвочки не сбирали,
Кабъ вяночкоў не вивали,
На голоўкахъ не носили,
Кабъ и замужъ не ходзили.

(Зап. Н. А. Руберовскимъ.)

415

(*Сѣнненскаго у., с. Каховчинъ*)

Братья посѣщаютъ сестру, несчастную въ замужествѣ.

Ай утру ў бясѣдзы
Двое братцы говорили,
Говорили, раду брали,
Сястру замужъ отдавали,
Ў сястры ў гостёхъ не бывали.
Сидлай, братецъ, пару коній,
Паѣдземъ къ сястрѣ ў госци.
Ѣдзимъ поля и другоя
На трецьціе ўзъижжаемъ,
Одзинъ ў другого пытаимъ:
Якъ намъ сястру загукаци,
Ци ў свисціолы засвистаци,
Ци голосомъ загукаци?
Прінжжаимъ кы воротамъ
Ажъ воротички отчиниты
И замочки отомкниты.
Прінжжаемъ кы ганочку, —
Наша сястра сѣни мяцець,
Сѣни мяцець, сильно плачець:
— Здороў (2) сястра наша!
Ци ў доми симья ваша?
— Свекоръ бацька на торжочку,
Свякроў матка ў бясѣдзи,
Дзивярочки ў лясочку
Золовейки на супраткахъ,
А мой милый ў каморы,
Ў каморы ў бѣлой ложи.
Пойду я голосици,
Свойго милаго будзици:
— Ўстань (2) мой миленькій,
А пріѣхали къ намъ госци,
Твои швагры, мои братцы.
— Отступъ (2) прочь, нелюба,
Сама жъ ты мяня знилюбила,
Родня твоя спастылѣла.
— Пойду голосици:

Съ своими братцами говорици:
Ѣдзьця поѣдзьця, мои братцы,
Ў сястры ў гостёхъ побывали,
И съ коникоў ли злѣзали
Съ струменъ ножики не вымали,
За столикомъ ни бывали,
Хлѣба соли ни їдали.
Выйду я зы ворота,
Якъ гляну пыдъ болоты,
Мои браццы ў лѣсъ ўнижжаюць,
Только шабильки милькаюць.

(Зап. учен. гимназіи Копецкій.)

416

Оддаў мяне татка замужъ далёка,
Замужъ далёка ў вяликоя гóра,
Приказаў мнѣ, штобъ я ў госци ня бывала.
Ня ѣду годокъ, ня ѣду другй,
На треци годочикъ къ татку ў госци захацѣла,
Якъ пóзычу, позычу ў зязюленьки крыля,
Ў салаўя голосочку, ў стрегнотки три слоўцы;
Якъ полячу, полячу къ матынцы ў госци
Якъ сяду, я сяду ў садзѣ надъ окошкомъ,
Запяю я, запяю сильна жалóсна.
Моя матынька ходзиць сыноў пабужаиць:
Ўстаньця, сыночки, паглядзиця ў садочку;
Што жъ гэта за зязюля ўсю траву постаптала, (2)
Ўсѣ вѣтцы позламала?
Большй сынъ кажиць: шѣра зязюля,
Середній сынъ кажиць: наша сястрица.
Коли шера зязюля—ляци ў щирый боръ,
Коли наша сястрица,—идзи къ намъ у дворъ,
Коли шѣра зязюля—пшаницы клюваць,
Коли наша сястрица—идзи къ намъ гуляць.

417

Замужняя дочь въ гостяхъ у матери горюетъ о томъ, что негдѣ будетъ гостить, когда не будетъ матери.

Ай бярозка, бярозка
Ня стой при дорозѣ,
При вяликимъ гастинцу.
Якъ я пойду до мамухны, —
Ўси кореньки потопчу,
Ўси сучиньки поломлю,
Ўси лисциньки пасмаргаю.
Подойду до мамухны,

Насыплю на столику,
Сама сяду за столикъ
И заплачу жалосненька:
„Мамухна моя родная!
„Мамухна моя милая!
„До кого госцнць буду,
„Якъ мамухны ня будзиць?“
— Госци, моя дзицятухна,
— Покуль моя голоўенька;
— Дзѣ тады госцицъ будзишъ,
— Якъ мяне ня будзиць?
— Заросцецъ дорожинька
— Траўкою мураўкою,
— Ельничкомъ и сосонничкомъ
— И бѣлымъ бярезничкомъ.—

418

(*Чашники*)

Зъ-подъ лѣсу, лѣсу цёмнаго,
Изъ подъ садзика зялёного,
Узнималась туча грозная,
Снѣговая, нипогодливая,
Со дождями, со морозами,
Со витрами, со нятихими.
Дочка ў госци прибиралася
На ломаной циляжоночки
И на худой кобылёнушкѣ.
Кобылёнушка ўтомилася,
А циляжоночка зламилася,
Сярёдъ лѣсу становилася,
Кы дубочку прихилилася (2).
На тымъ дубчики соловеюшка (2):
„Ты ляци, ляци соловеюшка
„Ў маей матушки сторонушку,
„Ты няси, няси соловеюшка,
„Моей матушки низкѝ уклонъ,
„Сястрамъ моимъ ўсё подарушки (2),
„Ўсё солодзиньки попранички,
„Матцѣ моей подарушки,
„Шоўковы ўсё китаюшки.“

(Зап. мною.)

419

(*Витебскій у.*, *д. Васьковичи*)

Рабина, рабинушка,
Рабина моя!
Чему ты рабинушка
Рано отцвѣла.
Дзѣўчина, дзѣўчинушка,
Дзѣўчинка моя!
Чему ты дзѣўчинушка
Засмуцилася?
Мяне матка ў злую пору
На свѣтъ родзила,
Не собраўши разума
Замужъ отдала.
Живу я годочикъ,
Живу я другой,
На трецій годочекъ
Зажурилася,
Къ маточкѣ ў госцики
Захоцѣлося.
Обернулася молодая
Сизою зязюлей.
Полячу я, полячу,
Къ маточкѣ ў госьци,

Ой сяду я, паду
Ў вишнёвомъ саду.
Запою я пѣсенку
Жалостную, громку:
Я думала, думала,
Што маточка спиць,
Ажно моя маточка
По сяняхъ ходзиць,
Невѣсточекъ ласточекъ
Обуждаючи:
Ўстаньце невѣстушки
Ласточки мои!
Посмотрите, што за пташка
Ў садочку пѣе.
Коли наше дзѣцятко—
Леци къ намъ на дворъ,
Коли сивая зязюля—
Леци въ щиры боръ.
Полечу, я полечу
Зъ туги да на луги,
Лугами лецѣла,
Луги затопила,
Борами лецѣла,
Боры засушила,
Ой сяду я паду
На сухимъ на древѣ,
Чаму табѣ древушко
Богъ листоў не даў?
Чаму мнѣ молодзенькой
Богъ доли не даў?

(Зап. В. Ив. Безперчій).

420

(*Тамъ же*)

Великорусская.

Изъ-подъ лѣсу, лѣсу темнаго
Выходила туча грозная,
Со снѣгами, со морозами.
Въ тую пору, тое времячко
Дочь ко матери соряжалася.
Ена ѣхала, не доѣхала,
Ее лошадь притомилася.
Середь лѣсу становилася,
Ко дубенкѣ привалилася,
На дубенкѣ да три птицушки,
Да три птицушки соловеюшки:
Вы лятите-ка, соловеюшки,
Во родимую мою сторону,
Да скажите мойму батюшкѣ,
Да сговорите родной матушкѣ,
„Якъ и ѣхала ваша дочеря,
Ена ѣхала, не доѣхала,
У ее лошадь притомилася,
Середь лѣсу становилася,
Ко дубенкѣ привалилася.
—Сыночекъ мой миленькій!
Запряги ты кобыленочку,
Подъѣдь ты подъ дѣвчоночку.
—Маменька моя милая,
Маменька моя родимая!
Запрягу я всю троечку,
Да подъѣду подъ дѣвчоночку,
Подъ рóдную сяcтрицу,
Подъ маткину дочушечку,
Подъ горькую горюшечку.

(Зап. тотъ же).

421

(Тамъ же)

Татуличка ты мой рóдниньки!
Кола мойго вокна ходзишъ,
Ко мнѣ ў хату ня заходзишъ.
Татуличка ты мой родниньки!
Кола моихъ воротъ ѣздишъ,
Ко мнѣ ня заѣдзишъ.
Чада маё дорогое!
Якъ я ѣду—дыкъ ты рада,
Одъѣзжаю—дыкъ ты плачишъ,
Якъ я тольки за возокъ,
Дыкъ ты ў голосокъ,
Якъ за возжи—ты ў слёзы,
Якъ за дугу—ты ў тугу.

(Зап. тотъ же).

422

(Тамъ же)

На горѣ дубьё виловатое,
Мои братухны виноватые,
Оддали сястру замужъ далёка,
Оддали сястру, да ня отвѣдали.
Ня было годокъ, ня было другий,
На трéци годокъ ѣздиць братицъ мой,
Малы миленький.
Глупы, глупиньки,
На дворъ ня ѣздиць.
Зъ коня ня злѣзиць,
За воротами сястру пытаиць:
Ци живешъ сястра?
Да ци горуешъ?
Живу братицъ мой,
Живу, горую,
А ўзъѣдзь, братицъ мой,
Ды на новый дворъ,
Разлóжъ, братицъ мой,
На дворѣ огонь,
Якъ огонь къ лицу приникаецца,
Дакъ мнѣ маладзѣ
На чужой сторонѣ,
Да и жиць бязь радни
Дакъ скушна, нудна;
Якъ рыбки бизъ воды,
Дакъ мнѣ молодзѣ
Жици бизъ родни.
Ахъ ѣдзь, братицъ мой,
Къ матухны родной,
Отвезь, братицъ мой,
Про мяне маладу,
Што я ня живу,
А гóра горую.

(Зап. тотъ же).

423

(Тамъ же)

Ахъ ты моё горушка, гореваница моё,
Ай да пацирала я ўдругъ здороўица своё,
Ай да за раўнивымъ человѣкомъ живучи,

Ай да на сярдзечки печаль-гбра диржучи
Пасцель слаўши цяжалёхонька ўздахну,
Пасцель слаўши слизами заллюся.
Пайду, выйду на высоки на крылецъ,
Ай да посматру ўдоль па улицы ў канецъ,
Куды мой милиньки слѣдъ проложиў.
А мой милы ўдоль по улицѣ пройшоў,
Ай да къ сусѣдушку ў бясѣдушку взойшоў,
Ай да съ сосѣдкай тайны рѣчи говориў,
Ай да за праву руку сусѣдушку диржаў,
Златы персцинь сусѣдушки подариў.
Ай да стыдна, стыдна ў бясѣдушки ходиць,
Ай да стыдна, стыдна тайны рѣчи говорѝць,
Ай да стыдна, стыдна за праву руку диржаць,
Ай да стыдна, стыдна златы пирсцянёкъ дарыць.

(Зап. тотъ же).

494

(*Тамъ же*)

Ночное посѣщеніе влюбленнаго—чужой жены. Ревность. Предложеніе обмѣна колецъ на память.

Налетѣли всѣ дробныя пташки,
Сѣли ёны пали на бѣлой березѣ,
Сѣвши, павши, стали говорити:
Скучно, грусно да кто кого любить,
Скучнѣе, груснѣе съ кѣмъ разстается.
Разстается милый со милой,
Стучитъ, грючитъ ў новы вороты,
Здорово! чалómъ ты, моя милая!
Коли жъ ты спишь, такъ ты спи здорово,
Коли ня спишь, говори со мною.
— Яжъ бы и рада съ тобой говорити,
Рявнивый мужъ збоку ляжить,
Лютый свякоръ по горенкѣ хóдить,
Лихая свякровь ўсе горенку тóпить,
А мой милый коника сядлаеть

Осѣдлавши поѣдеть ў поле,
Енъ и возьметь милую съ собою.
Теперь милый съ табой наживемся,
На золоты перстни съ тобой разминёмся.

(Зап. тотъ же).

425

(*Суражскій у., м. Яновичи*)

Мой бацюшка цвѣтъ—
Завязаў жа мнѣ свѣтъ,
Моя маци зара—
Мяне замужъ дала,
Ў чужую сторону,
Ды ў вялику самью.
А вяликая самья
Ды садзицца обѣдаць,
А мяне молоду
Посылаюць по воду.
Я по воду пошла,
Ни наплакалася,
Я съ водою пришла,
Ни послухалася.
Стары свякоръ на мяне,
И свякрова на мяне
И ўся сямья на мяне,
Хочуць бици мяне.
А мой милы сядзиць,
Мяне бицъ ни вялицъ.
„За што, тату, яе бицъ?
Минѣ треба зъ ею жиць.
Судзяць мяне ў субботу,
За ўсяку работу,
Судзяць мяне ў нядзѣлю,
Што ничога ня ўмѣю.

(Зап. А. Журавскимъ).

426

(*Чашники*)

Пи, мати, того пива,
Што я наварила,
Люби, мати, того зяця,
Што я полюбила.
— Я ня буду пиць пива,
Буду проливаци.
Я ня буду любиць зяця,
Буду проклинаци.
— Прокляни ты матуличка
Мою душу, цѣло,
Чимъ ты маишь проклинаци
Мойго пріяцéля?
Ёсь ў поли быстра рѣчка
Пойду перескачу,
Отдай мяне матуничка
За кого я хочу.
Отдала мяне матулька
За кого хоцѣла.
Шумиць, шумиць нагаечка
Около мойго цѣла.
Якъ пойду я молодая
До цёмнаго лѣса,
Жалко моей молодóсци,
Што за такимъ бѣсомъ,

ко моей молодосци,
кого роста,
йду утоплюся
ысокаго моста.
опися, ня валися,
похмялися,
душиньку загубишь,
раю ня будзишь,
ю тую душу сгубишь,
ты любишь.
ща, красавица
ду гуляець,
ростомъ не величка,
мъ круглоличка.
я выйду на вулицу,

Посыплю я карты,
И вже мои минающця
Дзявоцкія жарты.
Якъ я выйду на вулицу,
Посыплю игрушки,
А вже мои минающця
Дзѣвоцкія гулюшки.
Якъ выйду я на вулицу,
Посыплю я голки,
И вже мои минающця
Дзявоцки размоўки.
Якъ выйду я на вулицу,
Посыплю я шпильки,
А вже минающця
Дзявоцкія ўчинки.

(Зап. мною отъ Марьи Котkевичовны.)

Бесѣдныя пѣсни.

Замужняя жизнь.

427

(*Чашники*)

вы госци мои,
юбоўнинькія!
го вы сядзиця,
ясёлинькія?
хлѣбъ мой пушанъ?
хмѣль мой ня пьянъ?
хлѣбъ мой пушанъ, (2)
выпылаю, (2)

Коли хмѣль мой ня пьянъ,
То я подсоложу.
Мужиковы наровы,
Ўси я вывидаю,
Янотывы соболи
На засѣчкахъ висяць,
Мужиковы наровы
Ўсё на плечкахъ ляжацъ.

(Зап. мною отъ М. Котkевичовны).

428

(Тамъ же)

„Добры вечеръ вамъ, вамъ!
„Ци рады вы намъ, намъ?“
— Хоць рады, хоць ня рады,
— Добры вечиръ вамъ!—
Паню господару!
Ты зъ Божьяго дару
Даешъ хлѣба-соли
Ўсяго довóли;
Господыня гладка!
А ты наша матка,
Приглядай госцей,
Штобъ ходзили чосцей,
Няситка курйцу,
Яще паляндвицу,
Индыкъ надзѣваны
И пирогъ карпаны.
Добра ў госцёхъ быци:
Даюць ѣсци и пици,
Тольки тое ня добра,
Што своё насици.
Добры-бъ намъ было,
Штобъ одзѣння дали,
Мыжъ бы до дому
Да ня подумали.

(Зап. тотъ же).

429

(*Борисовскій у.*)

Бярёза, бярёза кудрявистая!
Засталася я мужу норовистому,
Покуль я норовы да й развѣдала,
Не разъ я слезами пообѣдала,
Свякровка лихая шле ў полночь по воду.
Плакала молодочка по воду идучи,
Якъ зачулъ мой миленькій кони пасучи:
„Я и кони напасу и воды принясу“.
Напійся, маточка, зъ полнаго ведра
Шануй нявѣсточку, бо яна одна.

(Зап. Н. А. Руберовскій).

430

(*Тамъ же*)

Ахъ оддали мяне,
Позабыли мяне
Ў чужую сторону,
Не ў веселую сторону.
Сами сядуць вечеряци,
Меня пошлюць по воду.

Я водицу несу
Не отдыхаючи,
Подъ оконцемъ стою
Прислухаючи.
Ўся семья говорицъ,
Моему мужу норовицъ:
„Чаму женки не бьешь,
„На што поталю даешь?“
— А за што же бицъ,
— Яна ўмѣе ўсё робицъ,
— Яна позненько ляже,
— Яна раненько встане.—
А я того не слухала,
Прямо ў хату вошла:
„Коли я вамъ не годная,
„Одпраўляйте мяне
„Ажъ до мамочки,
„Буду жицъ, буду быцъ,
„Не буду по васъ тужицъ“.

(Зап. тотъ же).

421

(Чашники)

Жалоба о раннемъ несчастномъ замужествѣ и тоска по миломъ.

Бѣлая бярозынька водою замуцила,
Нясчастная моя доля замужъ покруцила.
Ни я упила, ни я уѣла, ни добра уходзила,
Только свои я молодые годы потрацила:
Ёсь ў мойго татулиньки кони вороные,
Я поѣду догоняци лѣты молодые!
„Ня ѣдзь, ня ѣдзь, дзицятынька, ня ѣдзь дорогоя!
„Ўсихъ коней пирагонишъ—лѣты ня догонишъ.“
Ёсь у мойго татулиньки щира вѣрна праўда,
Я коникоў пирагнала—лѣты ня догнала.
Покачу я два талира по битый дорози,
Знаю, знаю, што мой милы ў вяликой тривози.
Одзинъ талиръ покациўся, други пазастаўся.
Знаю, знаю, што мой милы зъ другой ўкохаўся.
(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

422

(Борисовскій у.)

Ой ель моя зеленая!
Свекроўка моя шалёная!
Загадала мнѣ работку робицъ,
Загадала мнѣ одежку мочицъ:
Ў субботку мочицъ,
Ў нядзѣльку жлукцицъ,

На мори бѣлиць,
Ў верхъ лѣсу сушиць,
По небѣ катаць
Ў орѣшки складаць.
Я ни татарка —
Ў субботу мочиць,
Я ни жидоўка —
Ў ндзѣльку жлукциць,
Я не рыбочка —
На мори бѣлиць,
Я не соўненько —
Ў верхъ лѣсу сушиць,
Я не зорочка —
Па небѣ кациць,
Я не щурочка —
Въ орѣшки складаць.

(Зап. Н. А. Руберовскій).

433

(Чашники)

Жалоба на мужа пьяницу.

Штобъ я знала, штобъ я вѣдала
Своё горкая замужийка,
Своё нялюба подружийка,
Вѣкъ бы до вѣку замужъ бы нейшла,
Жила бы я ўсё ў батюшки,
Годавалася ў матушки,
Што ў субботу ўмывалася бъ,
Што ў ндзѣлю учасалася бъ,
Ў каморынцѣ прибиралася бъ,
Ў святолонцѣ я чисалася бъ,
Чисаўшись приговаривала:
Коса моя, коса русая!
Кому жъ ты призастанишся:
Ци годному, ци нягодному,
А ци тому шельму пьяницу,
А ци тому да недбалицу?
Што ў корчемцы запиваецца,
Многа часу зациpаецца,
А мнѣ молодзѣ ня хочицца,
Кола пьяницы ворочицца,
Ручки мои да бѣлинькія,
Пярсцёнычки да залаценькія,—
Ручки мои помараюцца,
Пярсцёнычки поламаюцца.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

434

(Тамъ же)

Сѣтованіе на мужа пьяницу и вспоминаніе дѣвичьей жизни.

На горѣ жита, ня ярица,
Казали—мой мужъ ня пьяница:
Пропиў коника, ня хвалицца,
Пропиў коника варанѐго,
Пришоў домоў по другѐга:
„Возьми жонка трубку зъ намёткою,
„Выкупь коника зъ оброткою,
„Коли выкупишъ—домоў вядзи,
„А ня выкупишъ—сама няйдзи.
„Коли выкупишъ—люблю цябе,
„А ня выкупишъ—побью цябе.“
А мнѣ молодзѣ ня́ первы разъ
Ў вокошичка ўцякаць,
Соловейчкамъ щибитаць.
Соловей ў лозѣ: ча-чу, ча-чу,
А я молода плачу, плачу,
Соловеюшка на радосци,
А я молода по жалосци,
Соловеюшка зъ охвотушки,
А я молода зъ няволюшки.
Няволя моя жанѐцкая,
Красота моя дзявѐцкая:
Нямножка жила-пожила,
Нямножка пила-попила.

(Зап. тотъ же.)

435

(Тамъ же)

Нелюбый мужъ.

Подъ дубомъ, дубомъ ячмень молочу,
Выши дубочка соломка ляцаць,
Подъ тымъ дубочкамъ быстра рѣчка идзець,
Ў тэй быстрай рацѣ чаўночикъ плывець,

Ў тымъ жа чаўночку бѣлъ молодъ сядзиць,
Чешиць кудзирки рыбьимъ грыбушкомъ,
Пущаиць кудры ўнизъ водою:
Плывиця кудры ўнизъ водою!
Тамъ моя жана будзиць воду брацъ,
Будзиць зъ вами кудры, кудры размоўляць.
Ня кажиця кудры, што я жаниўся,
А кажиця кудры, што я утапиўся.
Нихай сабѣ тóпицца—ня жаль мнѣ яго,
Ёнъ зъ моихъ бѣлыхъ плечъ полóсы драў,
Ёнъ зъ моихъ быстрыхъ вочъ рѣчиньку пускаў,
Ёнъ на моемъ живоцѣ камення качаў,
Енъ на моимъ бѣлымъ лицѣ огонь раскладаў.
Жана нялюбая! няпраўда твоя:
Драў я полосы зъ липшяго лута,
Пущаў я рѣчушки ўнизъ водою,
Раскладаў я огонь ў щирымъ бору,
Качаў я камення зъ горы ў долину.

(Зап. тотъ же.)

436

(*Городокъ*)

Якъ за рѣченькой рѣкой (2),
Да й за матушкой Невой,
Тамъ два братитки аруць,
Ены пѣсенки пѣюць.
Охъ и треци же братецъ,
Треци братецъ не арецъ
И пѣсенекъ не пѣецъ.
„Охъ мой братитка родной (2)
„Што-жъ ты, братецъ, не арешь
„И пѣсенекъ не пѣешь?"
— Охъ, изъѣла мене жена,
— Да какъ лютая змѣя (2)
— Съ-подъ ракитова куста.—
„Ай не я же цябе зъѣла (2),
„Зъѣла цябе корчомка (2),
„Чужа дальняя сторонка."

(Сообщ. М. П. Сахаровымъ. Зап. учен. Вл. Куксинскій.)

437

(*Витебскаго у., с. Лужники*)

Жалоба коня на своего хозяина пьяницу, забывшаго его.

Зялёный лясочикъ
Къ зямлѣ приклониўся,
А што-жъ ты парнишка
Холостъ, не жаниўся?

› бы я жаницца,
ушки малыя (2)
ушки малыя,
ки старыя (2).
пошоў парнишка
ъ нову конюшню (2),
стаў-жа-жь парнишка

осей говорицъ (2):
то ты мой кося
ўку повѣсиў? (2)
габѣ, мой кося,
ка упражка? (2)
цяжка мнѣ упражка,
Шибка поѣздушка (2),
Дзѣвушикъ посодишь,
Шибка погоняишь (2),
Въ частыя карчёмки
Во всѣ заѣзжаишь (2).
Якъ табѣ парнишкѣ
Мёдъ вино ня пьецца (2),
А такжа мнѣ косѣ
Сѣна не кладецца (2).
Мои копытѣчки
Ко льду примирзаюць (2)
Кляновы возочикъ
Мяцель заметаяць (2).

(Зап. отъ дворовой.)

488

(*Чашники*)

Жалоба коня на пьяницу у хозяина.

сынку мой сынку,
и колядъ Васильку."
)й маци, ой маци,
Іѐколи ждаци.
[посѣяў жита—
Іекому жаци.
[ридецъ тёмна ночька
Ія съ кѣмъ погукаци.—

зку мой, сынку,
дорожку поѣдзешь (2),
конемъ поговоришь:
косю, мой косю,
о-жь ты ня веселъ (2),
:оўку повѣсиў.
я табѣ цяжекъ,
„Ци я табѣ важекъ?"
— Ни ты мнѣ ня цяжекъ,
— Ни ты мнѣ ня важекъ,
— Тольки мнѣ тяжки
— Доўгія походки (2),
— Частыя корчемки.
— Ты идзешь ў корчемку,
— Мяне къ плоту вяжешь,
— Ты пьешь зялено вино,
— А мнѣ водицы нѣтъ,
— Ты яси сахарный кусъ,
— А мнѣ соломинки нѣтъ,
— Ты спишь ў полбзѣ
— А я на морозѣ.—

(Зап. мною).

439

(*Тамъ же*)

Жена пьяница убаюкиваетъ мужа, а онъ готовитъ ей нагайку.

Ночинька моя, ночка цёмная!
Глупа, глупа нявразумная дзяўчёнка!
Ня ўзлюбила молойчика молодо́га,
Спулюбила ды казачинку старо́га.
Вела̀ яго изъ карчёминки пьяно́га,
Клала спаци на цясовинкой кроваци;
Сама пошла ў зелёный садъ гуляци.
Стала яна соловеиньку просици:
„Соловейка, ты добрая пташинька!
„Ня щибячи ранюшинька ў далини,
„Ня будзи мойго мило́га ў пыряни.
„Я молодзинька тому радзинька, што ёнъ спиць,
„Што ёнъ моей головыньки ня журиць“.
А ёнъ ня спиць, а ўсё гэта ёнъ чуиць,
Ёнъ на мяне нагаичку гатуиць.
Я думала, што нагаичка зъ папе́ри,
Ажна ина з̀ъ праклятага рамени,
Я думала, што нагаичка ня балиць,
Буду дзѣлаць, што милы мнѣ повялиць.

(Зап. тотъ же.)

440

(*Тамъ же*)

Жалоба на жену пьяницу.

За рѣчинькой за ракой,
За быстрыю водой,
Тамъ три брацилки идуць,
Яны пѣсинки пяюць.
Тольки одзинъ брацицъ
Пѣсню ни пяецъ.
Тыя ў яго пыталися;
„Ахъ ты брацицъ, брацицъ!
„Што пѣсинъ ня пяешъ?
„Аль твоя соха ня орецъ?
„Аль твое ручки ня имуцъ?
„Али ножиньки ня идуцъ?“
— Мое ручиньки имуцъ,
— Мое ножиньки идуцъ,
— Мой и коничикъ идзецъ,
— Моя и сошинька орецъ,

— А съѣла мяне жана змія,
— Зъ-подъ орѣхова куста.—
„Ахъ мой брацицъ, брацицъ!
„Съѣла цябе ня жана змія,
„Цябе съѣли корчёмычки,
„Мядовые чарычки,
„Пиўные шклянычки,
„Поўна наливаны.
„Да дна выпиваны.“

(Зап. тотъ же.)

441

(*Тамъ же*)

Ня шумъ шумиць—зялёная дуброўка,
А болиць, болиць ў бѣлъ молойца голоўка,
А жениць, жениць мяне татухна зъ няволи,
А бярець-жа мнѣ нялюбую жонычку.
Нялюбый жаны вячѐринька ня смашна,
Нялюбый жаны пасцѣлинька ня мяхка,
Нялюбый жаны обмниманники ня цѣсны
Нялюбый жаны цилаванники ня уцѣшны.
Ня шумъ шумиць—зялёная дуброўка,
А болиць, болиць ў бѣлъ молыйца голоўка,
А жениць, жениць мяне татухна зъ охвотки,
А бярець мнѣ любую жонычку.
Любый жаны вячѐринька смашнинька,
Милый жаны обниманнійка цѣснинькі,
Милый жаны цалованійка уцѣшнинька.

(Зап. тотъ же.)

442

(*Тамъ же*)

Нелюбая жена.

Ў нядзѣлю рана соўнійка играла,
Жана мужа пропытала:
„Куды ты поѣдзишъ,
„Мой милы дружочикъ,
„Бизъ моей видамо́сци?“
— Туды я поѣду,
— Куды кони пойдуць.
— Отступъ, жана нялюбая.—
„Дзѣ жа начуишъ,
„Мой милы дружочикъ,
„Бизъ маей видамо́сци?“
— Дзѣ ночка обоймецъ,
— Тамъ я ночую.
„На чимъ ляжишъ спацъ,
„Мой милы дружочикъ,
„Бизъ маихъ подушикъ?“

— Ў мяне подушка—
— Крутая горушка.
— Отступъ, жана нялюбая?—
„Чимъ ты накрыишься,
„Мой милы дружочикъ,
„Куды ты поѣдзишъ,
„Мой милы дружочикъ,
„Бизъ моихъ дзяружикъ?“
— У мяне дяружки —
— Сирмяжка и кожушки,
— Отступъ, жана нялюбая! —
„Чимъ ты умыишься
„Мой милы дружочикъ!
„Бизъ моей водзицы?“
— Ў мяне водзица —
— Халодна росица.
— Отступъ, жана нялюбая!—
„Чимъ-жа ты утрешься,
„Мой мылы дружочикъ,
„А бизъ мойго рушничечка?“
— У мяне рушничёчикъ
— Тонки рукавочикъ.
— Отступъ, жана нялюбая?—

(Зап. тотъ же.)

443

(*Тамъ же*)

Негодованіе дѣтей на отца.

Да ў чистымъ поли корчомка стоицъ;
Дума мая дума, дума надъ думай! *)
А ў той корчемцы три брацитки пѣюць:
Старши брацитка коника пропиў,
Другй брацитка сто рублёў пропиў,
Треци брацитка жонучку пропиў.
Што коня пропиў—вышоўши гайкнуў;
Што гроши пропиў—вышоўши свиснуў;
Што жонку пропиў—ручиньки сщапиў.
Пришоў до хатки—дзѣтыньки плачуць,
Дзѣтыньки плачуць, ѣсциньки хочуць,
„Ай татка, татка, дзѣ наша матка?“
— Ай дзѣтки, дзѣтки! ваша матка
— Пашла по воду—утопилася.
— Ня плачця, дзѣтки! привязу матку,
— Привязу матку молодзюсиньку,
— Постаўлю хатку новюсиньку.—
„Пропадзи хатка зъ молодой жаной,
„Згори татка зъ новинькой хаткой.“

(Зап. тотъ же.)

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

444

(*Тамъ же*)

Невѣрность жены.

далося молойцу,
далося удалому
дзѣльку рана ўстаць
ни подаваць,
ваўши напоиць,
иўши заложиць,
киўши поѣхаць.
поля, ѣду другоя,
реція поля ўзъѣзджаю—
ниў мяне вельмы сонъ,
гў мяне сивый конь.
коня па траву,
я лягу на горѣ.
ты сивы буланы!
ь ты молойчикъ удалы.
годзину, другую,
реццію очхнуўся,
уўся—коня нѣтъ.
у домоў—жаны нѣтъ.

Якъ пойду, гуляю,
Своей жаны шукаю.
Ажъ моя милая
На тымъ боку Дуная. (2)
Съ ахвицеромъ гуляиць,
Шоўковымъ хустомъ махаиць
И яблычкомъ швыраиць:
„Ня ѣдзь, ня ѣдзь милы мой,
„Ня сироци дзѣтычикъ.
„Коника утрацишъ,
„Мяне молоды ня ўбачишъ,
„И коника ня возьмишъ,
„И голоўкой паложишъ,
„А мяне млады ня возьмишъ."
— А и коня ня утрачу,
— Цябе младу убачу,
— И голоўкой ня положу,
— Цябе младу возьму.—

(Зап. тотъ же.)

445

(*Тамъ же*)

імъ банюшку топиць,
імъ Ванюшку жаниць.
буду зъ жаной жиць,
мѣскую любиць,
ану смерци просиць.
ты смерць моя смерётка!
и мою жану.
оспѣў я сказаць,
ла жана конаць.
ыў вочи палатномъ,
лў сверху кулакомъ,

Самъ на вулицу пошоў,
Короводъ дзѣвокъ нашоў.
Ўсѣ дзѣўки разкрасаўки
Яны ўси пѣсинки пяюць,
Ў церимъ голосъ подаюць.
Одна дзѣўка разкрасаўка,
Ина пѣсинъ ня пяецъ,
Ў церимъ голосъ не даецъ,
Прозаплаканы глаза,
Растрёпана коса,
Моей жанѣ родна сястра.

(Зап. тотъ же.)

446

(*Чашники*)

Козакъ топитъ жену, которая упрекаетъ его зачѣмъ онъ женился рано.

Ийшоў казакъ черезъ байдакъ,
Байдакъ пахилиўся,
На казака ўся пригода,
Ёнъ зъ ей ня нажиўся
Ўзяў нядалу́жную,
Ёнъ зъ ей разлучиўся,
Ўзяў жонку за бѣлу ручку,
Повёў ў быстру рѣчку.

(Зап. тотъ же.)

447

(*Тамъ же*)

Еще жонка не утонула (2),
Яна яму промовила:
Ня сячи, ня рубай
Молодый, кудрявый
Да зеленыя ели.
На что жь ты браў,
Ци ты мяне не знаў?
Табѣ людзи не вялѣли.
Ня сячи, ня рубай
Молодый, кудрявый
Зяленыя елки.
На что жь ты браў,
Ци ты мяне не знаў,
Невдалая дѣўка.
Ня сячи, ня рубай
Молодой, кудрявый
Да зяленаго дубу,
На что жь ты браў,
Ци ты мяне не знаў,
Со мной молодой шлюбу.
Ня сячи, ня рубай
Молодый, кудрявый
Да зяленыя тросци.
На что жь ты браў?
Ци ты мяне не знаў?
Ня три моей молодосци.
Ня сячи, ня рубай
Молодой, кудрявый
Бѣлыя бярезы.
На что жь ты браў,
Ци ты мяне не знаў,
Не пьяный, тверезый.

(Зап. тотъ же).

448

(*Динабургскаго у., д. Казакова*)

Загудзѣла пчолынька,
По бору литаючи,
Мядочикъ збираючи:
Горки жъ ты мой мядочикъ,
Безъ слонечки збираючи.
Заплакала ўдовенька,
По дворючику ходючи,
Тресеньки збираючи,
Обѣдачикъ готуючи:
Горки жъ ты мой обѣдачикъ,
Безъ миленькаго обѣдаючи.

(Зап. учен. Витебской гимн. С. Яновскій).

449

(*Тамъ же*)

…бярезка, березка!
…ня трудненько жъ табѣ
…чистомъ полѣ стояци,
…цёмному лѣсу поглядаци?

Молодая ўдовенька!
Ци ня трудненько жъ табѣ
За лихова мужа жици,
А за добрымъ поглядаци?

(Зап. тотъ же).

450

(*Чашники*)

Вдова жалуется на свою участь.

Зялёная дубровенька
Не горицъ, тольки курица,
Молодая ўдовенька
Не живецъ, тольки журицца.
Кабъ мяне подпалили,
Лучше бы я загорѣлася,
Кабжа мнѣ добро было,
Жилабъ я не журилася.
За рѣчиньку, за быструю
Братъ сястрѣ уклоняецца,
Сястра къ брату листы пишецъ
Слёзками обливаецца:
Якóго табѣ, мой братецъ,
На чужбинѣ поживаецца?
Зовуцъ мяне на чужбинѣ
Пьяницей, заволокою.
Веляцъ же рѣчку плыцъ,
Тою рѣченьку глубокую.
Ци жь мнѣ яе пяреплысцъ,
Ци жь мнѣ яе перекинуци?
Видно мнѣ сироцѣ на чужбинѣ погинуци.

(Зап. мною.)

451

…яла пчалинка (2)
…щирамъ борамъ летая (2),

Салодкій медъ собирая,
А плакала ўдовушка (2)

439

(*Тамъ же*)

Жена пьяница убаюкиваетъ мужа, а онъ готовитъ ей нагайку.

Ночинька моя, ночка цёмная!
Глупа, глупа нразумная дзяўчёнка!
Ня ўзлюбила молойчика молодо́га,
Спулюбила ды казачинку старо́га.
Вела̀ яго изъ карчёминки пьяно́га,
Клала спаци на цясовинкой кроваци;
Сама пошла ў зелёный садъ гуляци.
Стала яна соловеиньку просици:
„Соловенка, ты добрая пташинька!
„Ня щибячи ранюшинька ў далини,
„Ня будзи мойго мило́га ў пыряни.
„Я молодзинька тому радзинька, што ёнъ спиць,
„Што ёнъ моей головыньки ня журиць".
А ёнъ ня спиць, а ўсё гэта ёнъ чуиць,
Ёнъ на мяне нагаичку гатуиць.
Я думала, што нагаичка зъ папе́ри,
Ажна ина зъ праклятага раменя,
Я думала, што нагаичка ня балиць,
Буду дзѣлаць, што милы мнѣ повялиць.

(Зап. тотъ же.)

440

(*Тамъ же*)

Жалоба на жену пьяницу.

За рѣчинькой за ракой,
За быстрыю водой,
Тамъ три брацилки идуць,
Яны пѣсинки пяюць.
Тольки одзинъ брацицъ
Пѣсню ни пяець.
Тыя ў яго пыталися;
„Ахъ ты брацицъ, брацицъ!
„Што пѣсинъ ня пяешъ?
„Аль твоя соха ня орець?
„Аль твое ручки ня имуць?
„Али ножиньки ня идуць?"
— Мое ручиньки имуць,
— Мое ножиньки идуць,
— Мой и коничикъ идзець,
— Моя и сошинька орець,

А съѣла мяне жана змія,
Зъ-подъ орѣхова куста.—
ахъ мой брацицъ, брацицъ!
съѣла цябе ня жана змія,
Цябе съѣли корчёмычки,
„Мядовые чарычки,
„Пиўные шклянычки,
„Поўна наливаны,
„Да дна выпиваны.“

(Зап. тотъ же.)

441

(*Тамъ же*)

Ня шумъ шумиць—зялёная дуброўка,
А болиць, болиць ў бѣлъ молойца голоўка,
А жениць, жениць мяне татухна зъ няволи,
А бярець-жа мнѣ нялюбую жонычку.
Нялюбый жаны вячѐринька ня смашна,
Нялюбый жаны пасцѣлинька ня мякка,
Нялюбый жаны обмниманники ня цѣсны
Нялюбый жаны цилаванники ня уцѣшны.
Ня шумъ шумиць—зялёная дуброўка,
А болиць, болиць ў бѣлъ молыйца голоўка,
А жениць, жениць мяне татухна зъ охвотки,
А барець мнѣ любую жонычку.
Любый жаны вячѐринька смашнинька,
Милый жаны обниманнійка цѣснпньки,
Милый жаны цалованійка уцѣшнинька.

(Зап. тотъ же.)

442

(*Тамъ же*)

Нелюбая жена.

надзѣлю рана соўнійка играла,
Жана мужа пропытала:
Куды ты поѣдзишъ,
Мой милы дружочикъ,
Бизъ моей видамо́сци?“
– Туды я поѣду,
– Куды кони пойдуць.
– Отступъ, жана нялюбая.—
„Дзѣ жа начуишъ,
„Мой милы дружочикъ,
„Бизъ маей видамо́сци?“
— Дзѣ ночка обоймець,
— Тамъ я ночую.
„На чимъ ляжишъ спаць,
„Мой милы дружочикъ,
„Бизъ маихъ подушикъ?“

— Ў мяне подушка—
— Крутая горушка.
— Отступъ, жана нялюбая?—
„Чимъ ты накрынишься,
„Мой милы дружочикъ,
„Куды ты поѣдзишъ,
„Мой милы дружочикъ,
„Бизъ моихъ дзяружикъ?“
— У мяне дяружки —
— Сирмяжка и кожушки.
— Отступъ, жана нялюбая! —
„Чимъ ты умынишься
„Мой милы дружочикъ!
„Бизъ моей водзицы?“
— Ў мяне водзица —
— Халодна росица.
— Отступъ, жана нялюбая!—
„Чимъ-жа ты утрешься,
„Мой мылы дружочикъ,
„А бизъ мойго рушничёчка?“
— У мяне рушничёчикъ
— Тонки рукавочикъ.
— Отступъ, жана нялюбая?—

(Зап. тотъ же.)

443

(*Тамъ же*)

Негодованіе дѣтей на отца.

Да ў чистымъ поли корчомка стоиць;
Дума мая дума, дума надъ думай! *)
А ў той корчемцы три брацитки пѣюць:
Старши брацитка коника пропиў,
Другй брацитка сто рублёў пропиў,
Трецы брацитка жонучку пропиў.
Што коня пропиў—вышоўши гайкнуў;
Што гроши пропиў—вышоўши свиснуў;
Што жонку пропиў—ручиньки сцапиў.
Пришоў до хатки—дзѣтыньки плачуць,
Дзѣтыньки плачуць, ѣсциньки хочуць,
„Ай татка, татка, дзѣ наша матка?“
— Ай дзѣтки, дзѣтки! ваша матка
— Пашла по воду—утопилася.
— Ня плачця, дзѣтки! привязу матку,
— Привязу матку молодзюсиньку,
— Постаўлю хатку новюсиньку.—
„Пропадзи хатка зъ молодой жаной,
„Згори татка зъ новинькой хаткой.“

(Зап. тотъ же.)

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

444

(*Тамъ же*)

Невѣрность жены.

Ня ўдалося молойцу,
Ня ўдалося удалому
Ў надзѣльку рана ўстаць
И кони подавать,
Подаваўши напоиць,
Напоиўши заложиць,
Заложиўши поѣхаць.
Ѣду поля, ѣду другоя,
На трецiя поля ўзъѣзджаю—
Склониў мяне вельмы сонъ,
Званиў мяне сивый конь.
Пущу коня па траву,
Самъ я лягу на горѣ.
Ахъ ты сивы буланы!
Знаць ты молойчикъ удалы.
Сплю годзину, другую,
На треццiю очхнуўся,
Очхнуўся—коня нѣтъ.
Приду домоў—жаны нѣтъ.
Якъ пойду, гуляю,
Своей жаны шукаю.
Ажъ моя милая
На тымъ боку Дуная. (2)
Съ ахвицеромъ гуляиць,
Шоўковымъ хустомъ махаиць
И яблычкомъ швыраиць:
„Ня ѣдзь, ня ѣдзь милы мой,
„Ня сироци дзѣтычикъ.
„Коника утрацишъ,
„Мяне молоды ня убачишъ,
„И коника ня вбзьмишъ,
„И голоўкой паложишъ,
„А мяне млады ня возьмишъ."
— А и коня ня утрачу,
— Цябе младу убачу,
— И голоўкой ня положу,
— Цябе младу возьму.—

(Зап. тотъ же.)

445

(*Тамъ же*)

Будзимъ банюшку топиць,
Будзимъ Ванюшку жаниць.
Я ня буду зъ жаной жиць,
Буду мѣскую любиць,
На жану смерци просиць.
Ахъ ты смерць моя смерётка!
Ўмори мою жану.
Ня поспѣў я сказаць,
Начала жана конаць.
Накрыў вочи палатномъ,
Ўдариў сверху кулакомъ,
Самъ на вулицу пошоў,
Короводъ дзѣвокъ нашоў.
Ўсѣ дзѣўки разкрасаўки
Яны ўси пѣсинки пяюць,
Ў церимъ голосъ подаюць.
Одна дзѣўка разкрасаўка,
Ина пѣсинъ ня паець,
Ў церимъ голосъ не даець,
Прозаплаканы глаза,
Растрёпана коса,
Моей жанѣ родна сястра.

(Зап. тотъ же.)

446

(*Чашники*)

Козакъ топитъ жену, которая упрекаетъ его зачѣмъ онъ женился рано.

Ийшоў казакъ черезъ байдакъ,
Байдакъ пахилиўся,
На казака ўся пригода,
Ёнъ зъ ей ня нажиўся

Ўзяў нядалўжную,
Ёнъ зъ ей разлучиўся,
Ўзяў жонку за бѣлу ручку,
Повёў ў быстру рѣчку.

(Зап. тотъ же.)

447

(*Тамъ же*)

Еще жонка не утонула (2),
Яна яму промовила:
Ня сячи, ня рубай
Молодый, кудрявый
Да зеленыя ели.
На что жь ты браў,
Ци ты мяне не знаў?
Табѣ людзи не вялѣли.
Ня сячи, ня рубай
Молодый, кудрявый
Зяленыя елки.
На что жь ты браў,
Ци ты мяне не знаў,
Невдáлая дѣўка.
Ня сячи, ня рубай
Молодой, кудрявый
Да зяленаго дубу,
На что жь ты браў,
Ци ты мяне не знаў,
Со мной молодой шлюбу.
Ня сячи, ня рубай
Молодый, кудрявый
Да зяленыя тросци.
На что жь ты браў?
Ци ты мяне не знаў?
Ня три моей молодосци.
Ня сячи, ня рубай
Молодой, кудрявый
Бѣлыя бярезы.
На что жь ты браў,
Ци ты мяне не знаў,
Не пьяный, тверезый.

(Зап. тотъ же).

448

(*Динабургскаго у., д. Казакова*)

Загудзѣла пчолынька,
По бору литаючи,
Мядочикъ збираючи:
Горки жъ ты мой мядочикъ,
Безъ слонечки збираючи.
Заплакала ўдовенька,
По дворючику ходючи,
Тресеньки збираючи,
Обѣдачикъ готуючи:
Горки жъ ты мой обѣдачикъ,
Безъ миленькаго обѣдаючи.

(Зап. учеп. Витебской гимн. С. Яновскій).

449

(*Тамъ же*)

...і бярезка, березка!
...і ня трудненько жъ табѣ
...чистомъ полѣ стояци,
...ь цёмному лѣсу поглядаци?

Молодая ўдовенька!
Ци ня трудненько жъ табѣ
За лихова мужа жици,
А за добрымъ поглядаци?

(Зап. тотъ же).

450

(*Чашники*)

Вдова жалуется на свою участь.

Зялёная дубровенька
Не гориць, тольки курица,
Молодая ўдовенька
Не живець, тольки журицца.
Кабъ мяне подпалили,
Лучше бы я загорѣлася,
Кабжа мнѣ добро было,
Жилабъ я не журилася.
За рѣчиньку, за быструю
Братъ сястрѣ уклоняецца,
Сястра къ брату листы пишець
Слёзками обливаецца:
Якого табѣ, мой братецъ,
На чужбинѣ поживаецца?
Зовуць мяне на чужбинѣ
Пьяницей, заволокою.
Веляць же рѣчку плыць,
Тою рѣченьку глубокую.
Ци жь мнѣ яе пярeплысць,
Ци жь мнѣ яе перекинуци?
Видно мнѣ сироцѣ на чужбинѣ погинуци.

(Зап. мною.)

451

...яла пчалинка (2)
...щирамъ борамъ летая (2),

Салодкій медъ собирая,
А плакала ўдовушка (2)

По царему будуючи (2),
Горьки обѣдъ готуючи:
Горьки (2) мой обѣдъ
Безъ мила дружочка,
Сама сяду за столикомъ,
А дзѣци за столбикомъ,
Сама ѣмъ съ тарелочки,
А дзѣци съ черепочки.

(Сообщ. М. П. Сахаровымъ.)

452

(*Чашники*)

О вдовѣ, пустившей своихъ дѣтей на Дунай, какая-то легенда.

На горкѣ на горѣ,
На высокой на крутой,
Живець младая ўдова,
Чернобрива хороша.
Породзила двухъ сыноў,
Въ китаечку сповила,
На тихій Дунай знесла.
„Ахъ ты тихій мой Дунай,
„Колыши моихъ дзѣцей.
„Ахъ ты, горьки соловей,
„Не буди моихъ дзѣцей!
На одинадцатомъ году
Пошла ўдова по воду,
Одзинъ книжку читаець,
Други ўдовы пытаиць.
За одного сама пойду,
За другого дочь отдамъ.
Моя дочь Павочка (Павлина)
Различная кралечка.
Бодай мацн пропала,
Брата съ сястрой звѣнчала.
А что цяперь за свѣтъ сталъ,
Что сынъ зъ маткой повѣнчанъ.
А Богъ же мяне сцерегъ,
Што съ сястрой спаць не легъ.

(Зап. мною.)

453

(*Тамъ же*)

Ай ў Тлуцку на рынку
Хвалилися два брацпы (2)
Своей сястрой.
Ёсь у насъ сястрица (2)
За тридзевиць замками, (3)
За тримя сторожами.
Отозваўся попович, (2)
Изъ-за мора раковичъ:
Ни хвалицися братцы
Ды вашей сястрой.
Я ў вашей сястры быў,
Три ночи начиваў,
Три вечери вячериў,
Три обѣды обѣдаў.
Братъ зъ братомъ раду браў:
Пойдземъ ў вишневы садъ
И звіёмъ вяночикъ.
Панясемъ къ сястрицы,
Кинимъ сястрѣ ў воконца,
Што намъ сястра промовиць?

валась сястрица:
5рюй, ня брюй поповичъ,
за мора раковичъ.
ратъ зъ братомъ раду браў: (2)
мемъ мы востры мечъ (2)
ымъ сястрѣ головуньку зъ плечъ.
сымиця ў субботу
пимиця ў надзѣлю,

Якъ дзѣвовьки зъ утрыни идуць,
Стары бабы зъ обѣдни,
Дзѣвонькамъ на покояния.
Ни ховайця ў косцёли,
Ў косцёли три сцяны,
А ховайця при дорози,
Идзѣ поповичь кони пасець,
Ёнъ жа мяне вспомянець,
И цяжинька ўздыхнець.

(Зап. тотъ же).

454

(*Тамъ же*)

ѕиў Ванюша ў цара,
ѕслужиў послуги.
ахъ, ахъ
і зъ сядломъ, (2)
атальюшку зъ вянцомъ (2),
ь поѣхаў на мора (2)
раблёхъ гандливаць,
цнымъ кораблю—
га золата,
)угимъ кораблю —
юша братиць мой.
, Натальюшка сястра!
сама сюды пришла,
татары привяли?"
Мяне мадь пропила
За салодкимъ мяду
Данилушку купцу.
поў Ванюша домоў
і къ матушки родной:
ь ты матушка родна!
ѕ Натальюшка сястра?"
Ты Ванюша, сынокъ мой,

— За тобой скора умерла.
„Ахъ ты матушка родна
„Дзѣ магила яе?
— Ты Ванюша, сынокъ мой, (2)
— Мураўкою заросла. (2) —
„Ахъ ты матушка родна! (2)
„Дзѣ мураўка тоя?"
— Ты Ванюша, сынокъ мой
— Короўшка ходзила,
— Мураўшку скусила.—
„Ахъ ты матушка родна!
„Ўсё нипраўда твоя. (2)
„Ты Натальюшку сястру
„Прапила на мяду
„Ўсё Данилушку купцу.
„Было пиць, прогуляць,
„Мойго коня воронца, (2)
„Абы мяне молойца.
„Конь воронецъ ёнъ бы выслужиўся,
„Ябъ молодзецъ я бы выкупиўся
„Натальюшка сястра
„Ей ня выслужицца и ня выкупицца".

(Зап. тотъ же).

455

(*Суражскаго у., м. Яновичи*)

Якъ на мори на подоли
Дзѣўка съ туркомъ ў карты грала,
До матули листъ писала:
„А ты моя матулинька
„Выкупъ мяне съ няволюшки,
„Съ цяжёлинькой работушки.“
Матка турку—сталёнъ городъ,
Турокъ городъ ни пріймаиць,
Дзѣўку съ замка ни пускаиць.
Якъ на мори на подоли и т. д.
До татули листъ писала:
„Ахъ ты мой татулинька
„Выкупъ мяне съ няволюшки,
„Съ цяжёлинькай работушки.“
Бацька турку—ворона коня;
Турокъ коня ни пріймаиць,
Дзѣўку съ замка ни пускаиць.
Якъ на мори на подоли и т. д.
До милого листъ писала:
„Ахъ ты мой милёшиньки,
„Выкупъ мяне съ няволюшки,
„Съ цяжёлинькой работушки.“
Милы турку—золотъ персцень,
Турокъ персцень пріймаиць
Дзѣўку съ замка выпускаиць.

(Зап. А. Журавскимъ.)

456

(*Чашники*)

Погнала дзяўчинка
Овечинкъ ў поля,
Згубила дзяўчинка
Ягнятка малóго.
„Якъ пойду гукаючи,
„Ягнятыньку шукаючи,
„Тамъ ци ня найду?“
Ня знайшла дзяўчиночка.
Ягнятка маладóга,
Тольки знайшла дзяўчиночка,
Ксиндза маладога.
„Ци ня видзиў, мосци ксенжа,
„Ягнятка малóга?“
— Я ня видзиў дзяўчиночка
— Малога ягнёнка,
— А пойдземъ, дзяўчиненка,
— Ў долину шукаци,
— Пойдземъ мы, дзяўчиненка,
— Пойдземъ мы, рыбчиночка,
— Ў долину шукаци.—
Звёу ксендзъ дзяўчиночку
Зъ горы на долину:
— Люблю цябе, дзяўчиночка,
— Да вѣку ня кину. —
Пришла домоў дзяўчинка—
Да вѣку ня кину.
Пришла домоў дзяўчиночка,
Маць стала бици.
„Дзѣ цябѣ, шельма,
„По пустому ходзици?
— Матулинька, сярдулинька!
— Зла пригода стала,
— За горой зъ ксяндзомъ
— Худа ногуляла.

(Зап. мною.)

Разгульныя пѣсни.

(Застольныя, припѣвки, плясовыя и шутливыя).

Застольныя.

(Поются за столомъ, на пирахъ, при повойкахъ,—дома и въ корчмѣ).

ъ слѣдующихъ 13 пѣсняхъ наглядно характеризуется пьянство обоихъ по- ь въ средѣ бѣлорусскихъ крестьянъ, ихъ понятіе объ этомъ порокѣ и ихъ юженіе къ корчмѣ,—безпощадное самообличеніе. Эти мотивы еще полнѣе и э выражаются въ *плясовыхъ* и *скоморошныхъ*.

457

(Лепельскаго у., с. Дубровки)

ты жъ моя горэлочка!
ь я жъ цябе люблю!
то жъ цябе будзиць пици,
ь я млада помру?
цуць пици и гуляци
ѣдочки мое,
цуць яны ўспоминаци
вушачку мяне:
гдзѣ жъ тая пивушачка,
„Што зъ нами пила?
„А ўжо жъ тая пивушачка
„Ў зямлю схоронёна.
„А намъ молодымъ горэлочка
„Ни заборонена."
А какъ же жъ я, молодзенька,
Пивушачкой была,
Я жъ ба свою худобоньку
Ўсю за дзень пропила.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

458

(Тамъ же)

ра моя ты, мѣдзяноя дно!
стаўлю посиродъ на столѣ,
ма сяду за столомъ на куцѣ.
Ня одна я—ўся родзина моя,
Буду пиць ажъ до самого дня.

(Зап. тотъ же).

459

(Тамъ же)

Ай ня буду свойго мужа судзиць,
Што ёнъ мяне ня раненька будзиць.
А я й пойду на токъ молоцици,
А ёнъ пойдзиць ў корчомку пици;
А я приду зъ тока молоциўши,
А ёнъ придзиць зъ карчомочки пиўши;
А я яму обѣдаць готую,

А ёнъ мяне жўрицъ молодую;
А я яму кошуличку шыю,
А ёнъ мяне кулакомъ ў шыю.
А я яму посцелиньку сцялю,
А ёнъ мяне головой объ сцяну.

(Зап. тотъ же).

460

(*Витебскій у.*)

„Добрый вечеръ, хорошая моя!
„Чи здорова семеюшка твоя?“
— Ня пытай ты о семеюшкѣ моей,
— А пытай удалого молойца:
— Я яму рыбку съ перцемъ,
— Ёнъ мяне ўсѣмъ сердцемъ;
— Я яму кошулицу на шею,
— А ёнъ мяне ў шею.

(Зап. сельскимъ учителемъ г. Коробовымъ).

461

(*Чашники*)

А Божа мой, ня пи, ня пи,
Будзиць табѣ лѣпи, лѣпи.
А́ якъ будзишь упивацца,
Будзиць табѣ злѣ здарацца.

Моя мацъ доброхвоча—
Выпиць кварту да ящё хоча.
Мой бацька добры быў—
По три кварты ў дзень пиў.

(Зап. мною отъ Коткевичовн).

462

(*Тамъ же*)

Пи, да ня ли,
Люби жонку да ня бій!
Коли будзишь мяне биць,
Я пойду ў коршму пиць:

Побяру клубо́чки,
Сяду для бочки.
А ты, мой миленьки,
Ходзи безъ сорочки.

(Зап. тотъ же).

463

(*Тамъ же*)

Гуляй, да гуляй, нагуляйся,
А пришоўши домоў, ошукайся,
Ни подушечки, ни дзярушечки,
А ни тэй рѣчи, съ кимъ спаць легчи.

(Зап. тотъ-же)

464

(*Витебскій у., Старое Село*)

Якъ пошоў Апанасъ
По горэлочку для насъ,
Зачапиўся за пень,
Простояў цѣлый дзень.

Жонка яго отпоила
И потылицу нáбила:
„Идзи, дурень, до дóму,
„Ни кажись ты ни кому".

(Зап. ученикомъ Витебской гимназіи С. Станевскимъ).

465

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

Добро тому, а хто ожаниўся,
А мнѣ лѣпи, што я й ни жаниўся.
Чужихъ мужоў жоны пьюць, гуляюць,
Гусарынька на ночь подморгаюць:
„Пріѣдзь, пріѣдзь гусаръ су поўночи."
— А ци дома твоя худодоля? —
„Дома, дома и спаць ни ложиўся."
— Пойду присплю яй дзиця малого,
— Пойду присплю·яй чорта старого. —
Бутэличка къ рукамъ примирзаиць,
А чарочка къ вуснамъ пристываиць.

(Зап. Л. П. Скляренко).

466

(*Тамъ же*)

Ў мяне дома дзѣла много:
Ды три дзяжи расчиненныхъ,
А замѣсу—ни жменичка,
Троя красенъ основаныхъ,
Утку ў мяне—ни цѣвочки.

Добрыи мои сусѣдзички
Идуць, нясуць цо жменицдѣ,
Добрыи мои сусѣдзички
Идуць, нясуць по цѣвоцдѣ.

(Зап. тотъ же).

467

(*Борисовскій у.*)

Ой на горѣ ў тройку
Согнулася хвойка.
Разгулялась, распилась
Микиткова жонка.

Якъ пье, такъ пье, —
Дома не бывае,
Хто же ў яе молодой
Дзѣло пороблляе?

Самъ Богъ, дали Богъ,
Прачистая Маци,
Якъ ў яе молодой
Хорошо ў хаци.

(Зап. Н. А. Руберовскій).

468

(*Тамъ же*)

За што мяне мужикъ бье,
За яки ўчинки?
Чи я яму ня напрала
За годъ три починки?
Ня я прала, кума прала,
А я помогала:
За то кумѣ горшокъ крупъ
И три куска сала,
Яще тому ня конецъ —
Дала хлѣба боханецъ.

(Зап. тотъ же).

469

(*Тамъ же*)

Ой на дворѣ красиво,
Жена мужа просила:
„Ай миленькій мой!
„Поѣдзимъ домой!
„Наши коники кричаць,
„Яны ѣсцики хоцяць.
„Ахъ миленькій мой!
„Поѣдзимъ домой!"
— Да на што намъ коники,
— Перадъ нами столики;
— Яще посидзимъ,
— Людзей поглядзимъ.
Ой на дворѣ красиво,
Жена мужа просила:
„Ахъ миленькій мой,
„Поѣдзимъ домой!
„Наши короўки кричаць,
„Яны ѣсцики хоцяць.
„Ахъ миленькій мой!
„Поѣдзимъ домой!"
— Да на што намъ короўки?
— Перадъ нами яндоўки;
— Яще посидзимъ,
— Людзей поглядзимъ! —
Ой на дворѣ красиво,
Жена мужа просила:
„Ахъ миленькій мой!
„Поѣдзимъ домой!
„Наши овечки кричаць,
„Яны ѣсцики хоцяць.
„Ахъ миленькій мой!
„Поѣдзимъ домой!"
— Да на што намъ овечки,
— Перадъ нами яечки;
— Яще посидзимъ,
— Людзей поглядзимъ! —
Ой на дворѣ красиво,
Жена мужа просила:
„Ахъ миленькій мой!
„Поѣдзимъ домой!
„Наши свиночки кричаць,
„Яны ѣсцики хоцяць.
„Ахъ миленькій мой!
„Поѣдзимъ домой!"
— Да на што намъ свиночки?
— Перадъ нами скрыпочки;
— Яще посидзимъ,
— Людзей поглядзимъ! —

(Зап. тотъ же.)

Припѣўки къ танцамъ.

Эти „припѣўки" (или приговоры) чаще всего поются или, вѣрнѣе, припѣваются дударами и скрипачами (безъ которыхъ не обходится ни одно веселое сборище) въ самомъ пылу своей игры, когда они очень одушевятся, *войдутъ въ смакъ*, какъ здѣсь говорится. Большая часть припѣвокъ весьма неценэурнаго содержанія. Ихъ масса на Бѣлой Руси. Онѣ беззастѣнчиво поются публично въ корчмѣ, на пирушкахъ, попрядкахъ обоими полами, старыми и малыми.

Слѣдующія пять пѣсенъ даютъ понятіе о вліяніи музыки на танцующихъ крестьянъ и объ ихъ разгульномъ, беззавѣтномъ весельѣ въ пляскѣ.

470

(*Лепельскаго у., Смолянецкая в.*)

Были ў бацьки три сыны,
Да ўсѣ яны Василли:
Одзинъ оўцы пасъ,
А други ходаки пляце,
Трецци сядзиць на каменни,
Дзержиць дуду на рамени.
Якъ повѣсиў я дуду
Да й на зяленомъ лугу,
Моя дудка звалилася,
На кусочки разбилася.
Чи ня дудка была,
Васелушка была,
Васелила мяне
На чужой сторонѣ.

(Сообщ. мировымъ посредникомъ М. Ѳ. Сазоновымъ.)

471

(*Чашники*)

Ой безъ дуды, безъ дуды,
Ходзюць ножки ня туды;
А якъ дудку почуюць,
Сами ноги танцуюць.

(Зап. мною отъ М. Котkевичовни.)

472

(*Тамъ же*)

Ай играйця муз́ыки,
Мои лапци вялики,
Мнѣ татулька сплёў
На святы Покроў,
Матка оборы повила,
На Прачистую дала.

(Зап. тотъ же).

473

(*Тамъ же*)

А ци видзишь Наталка,
Якъ танцуиць Михалка?
А також ёнъ нясецца,
Ажъ чупринъ трасецца.

(Зап. тотъ же).

474

(*Тамъ же*)

Ходзи дзѣўка чорнобрыўка
Смѣла ў скокъ!
Прищурися и возьмися
Смѣла ў бокъ!

(Зап. тотъ же.)

475

(*Тамъ же*)

На вулицы три курицы
И пявунъ,
Люби мяне чорноброва,—
Я жъ Наумъ!

(Зап. тотъ же).

476

(*Лепельскій у., с. Дубровки*)

А ня буду рѣдзьки сѣиць
Кажуць людзи—горка,
А ня буду жаницися,
Будзиць бици жонка.
А на што мнѣ жаницися,
А на што мнѣ жонка?
Ёсь ў мяне сусѣдочка,
Добра пріяцёлка.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

477

(*Тамъ же*)

А на горѣ жарави,
На долини гуси,
А ни ходзи, шельма, ты
До моей Маруси.
Я й нямножко походзиў—
Сорому набраўся.
Я й коника привязаў—
Коникъ оторваўся.

(Зап. тотъ же).

478

(*Борисовскій у.*)

Пошоў Янка ў грыбы,
А Тацяна ў опёнки,
Споткалися, обнялися
Якъ малы дзѣцёнки;
А за ними Хилимонъ
Гудзе якъ церкоўный звонъ.
Ай Боже жъ, мой Боже!
Якъ же жъ я окпиўся,
Якъ собака состарѣўся,
А доселѣ ня женпўся.

(Зап. Н. А. Руберовскимъ.)

479

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

Ишоў жа я дорожкою,
Ды ў ямку ўпаў,
Любиў жа я хорошаю,
Ды поганку ўзяў.

Я ѣў жа я соломкою
Ды покопаўся,
А на гэту нягодницу
Я поквапиўся.

И капуста моя,
И разсада моя,
Хорошая дяўчининька
Ты досада моя.

(Зап. Л. П. Скляренко).

480

(*Чашники*)

Ци то ў дожжъ, ци ў погоду —
Веселъ иду на работу,
Жадна бѣда мнѣ ня скучицца,
Коли мяне зъ Гапкой злучицца.

(Зап. мною отъ М. Котвевичовны.)

Слѣдующія 6 пѣсенъ припѣваются къ 6 любимымъ танцамъ бѣлоруссовъ: *тоўкачики*, *мяцелица*, *подушечка*, *бычокъ*, *лявониха*. Описаніе большей части изъ нихъ можно найти въ ст. А. Киркора: „Этнограф. взглядъ на Виленскую губернію", помѣщ. въ Этнограф. Сборн. Импер. Рус. Геогр. Общ., выпускъ III, 1858. Первый же танецъ „тоўкачики" танцуютъ такъ: кладутъ крестъ-на́-крестъ два толкача, двѣ палки, или колышки, даже лучинки, смотря по обстоятельствамъ, что̀ окажется ближе подъ рукой и, подъ пѣніе: „гей, гей тоўкачики!" и т. д., стараются выдѣлывать ногами разные *па* въ углахъ креста, не задѣвая и не трогая съ мѣста палокъ. Для этого танца поютъ и: „магеръ, магеръ, магера!" (смотр. дѣтск.). И самый этотъ танецъ во многихъ мѣстахъ называется: *магерой*. Его охотно танцуютъ и дѣти.

481

(*Витебскаго у., д. Вороново*)

Гэй, гэй тоўкачики!
Гэй, гэй дубовые!
На работы готовые.
Надо пана послухаци,
Тоўкачами постукаци.
Семъ лѣтъ валялися,
Покуль пану попалися.

(Зап. мною).

482

(*Тамъ же*)

„Мяцелица, мяцелица!
„Чаму дзѣўки ня целяцца?"
— А якъ жа намъ цялицьца?
— Будуць людзи дзивицися. —

(Зап. тотъ же).

483

(*Тамъ же*)

Ай на вулици мяцелица мяцець,
Подъ мяцелицей мой миленькій идзець,
Подъ полой стаканъ мёду нясець.
Ой ни рада я ни мёду, ни чаму,
Тольки рада я дружочку свойму.

(Зап. тотъ же).

484

(*Тамъ же*)

Подушечка, подушечка, ты жа пуховая,
Молодзичка, молодзичка, ты жа молодая.
Кого люблю, кого люблю, того поцалую,
Подушечка, подушечка—тому подарую.

(Зап. тотъ же).

485

(*Лепельскій у.*)

Жиў-быў ў дзѣдушки бѣленькій бычокъ.
Ай люли бычокъ, ай люли бычокъ! *)
Захоцѣлося бычочку погуляць на лужочку.
Ай люли, на лужочку.
Да й зловили бычочка злые жиды,
Да й зарѣзали бычочка злые жиды,
Да й продали бычочка добрымъ людзямъ,
Да й зъѣли бычочка добрые людзи,
Да й плакаў по бычочку дзѣдка старичокъ:
Да й пропаў же, пропаў мой бѣлый бычокъ,
Ай люли бычокъ, ай люли бычокъ!

(Зап. Н. А. Руберовскимъ).

486

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

А Лявониха, Лявониха моя!
А кабъ жа я Лявониху любиў,
Ябъ Лявониси катонку купиў.
Лявониха моя жонка была,
Нямитую рубашонку дала.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ вмѣстѣ съ послѣднимъ словомъ втораго стиха.

487

(*Чашники*)

ішинька серца моё! Якъ я сяду дли цябе,
)баў я личка твоё, Мнѣ здаецца, што я ў неби.
ікъ личка, якъ вочиньки— Якъ я цябе поцалую,
паў бы тры ночиньки. Тры дни ў губахъ сахаръ чую.

(Зап. мною отъ Котковичовны).

488

(*Тамъ же*)

іининька ягода, А дзѣвонька вишенька,
ў цябе я два года, Будзиць табѣ лошенька,
любиць хоць пяць, Будзиць лиха и бида,
й людзи зъ насъ ня кпяць. Няйдзи замужъ никогда.

(Зап. тотъ же.)

489

(*Тамъ же*)

'чиночка люблю цябе, — Дзяўчиночка услыхала,
ѣжъ хлѣба—возьму цябе." — Три дни хлѣба ня пытала. —

(Зап. тотъ же.)

490

(*Тамъ же*)

рѣчки ходзила, Ў кого малая родзина;
іла лина Ў кого чоренъ вусокъ—
ь кѣмъ сѣсьци, Тому лина кусокъ,
зъѣсьци. Ў кого руда борода—
астпа годзина, Тому подливка шкода.

(Зап. тотъ же.)

491

(*Тамъ же*)

зи, придзи опонтанный, Бацька пьяны, а мацъ ў мѣсци,
)ь жа мой бацька пьяны. Придзи, придзи рыбки ѣсци.

(Зап. тотъ же.)

492

(*Витебскій у.*)

хорошенькій! Твой и чорненьки вусокъ.
станъ пригоженьки, Чаму цябе ня любиць,
:ъ и высокъ, Коли ўмѣишь голубиць?

(Зап. сельскимъ учителемъ г. Коробовымъ.)

493

(*Тамъ же*)

Подъ круциунькомъ бережкомъ
Ѣла рыба краску;
Поцирала дзяўчоночка
Молойчика ласку.
Што за ласка была!
Што за ўцѣха была!
Самъ бялявы
Вусъ кудрявы,—
Я якъ ягода цвѣла.

(Зап. тотъ же.)

494

(*Чашники*)

Дрень, дрень—ня курчаты,
Сыплю крупы—ня баруць.
Дурни, дурни, ня молойцы,
Мнѣ спокою ня даюць.

(Зап. мною отъ Коткевичовны.)

495

(*Тамъ же*)

Што за госць, што за госць,
Што по ночи ходзишь!
Мяне молоду якъ ягоду
Зъ разуму зводзишь.
А ня ходзи по ночи,
Придзи, якъ ўстану.
А я добраго лица
И хорошаго стану.
А ня ходзи по грязи:
По колѣни увязнишь:
А ци возьмишь, ци ня возьмишь,
Мяне тольки дразнишь.

(Зап. тотъ же.)

496

(*Тамъ же*)

Якъ я была мала,
Колыхала мяне мама,
Якъ я стала подростаць,
Стали хлопцы колыхаць.
Колыхали мяне хлопцы,
То ў лукошки, то ў коробцѣ.

(Зап. тотъ же.)

497

(*Тамъ же*)

Ў городзи рѣпка—
Больша нацынка,
Нихто замужъ ня барець,
Што я сироцинька.
А хто мяне возьмиць
Богу руки ўзоймець
Чатыры подушки,
Исподничка ў кружки,
И кубелъ бялизны,
И цицки вялизны.

(Зап. тотъ же.)

498

(*Лепельскаю у., д. Дубровки*)

Пойду я кароў доиць,
За мною Давыдъ бяжиць.
Я яго доёнкою,
Ёнъ мяне валёнкою.
Кабъ цябе кадукъ порваў,
Якъ ты мой хвартукъ подраў.
Гэтожъ мнѣ татусь купиў,
Кабъ мяне Пятрусь любиў,
Маци шнуроўку купила,
Кабъ мяне шляхта любила.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

499

(*Витебскій у.*)

Запашу я лёнъ, лёнъ,
А ўродзицца конопелька,
Прилетали пташки,
А ўсё виробейки.
А одному вирабью
Коломъ ногу пирабью,
А на ту ножку
Вывяжу панчошку,
А на тое цѣльце
Вытку полоценца.

(Зап. сельскимъ учителемъ г. Коробовымъ).

500

(*Чашники*)

Кацилися колы зъ горы
А ў долины стали.
Любилися, кохалися
А ўже пирастали.
Дайця воды напицися,
Ци ня будзимъ любицися?

(Запис. мною отъ М. Коткевичовны.)

501

(*Лепельскаю у., с. Дубровки*)

Кацилися цялежиньки
Ды ў долини стали,
Любилися, кохалися
Ды ўжо пирастали.
Любилися, кохалися
Якъ ластоўки ў стрѣси,
Разойшлися, раскацились
Якъ ягодки ў лѣси.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

502

(*Витебскаю у., Старое Село*)

Настушка, Настушка попова!
Што робила Настушка?—Полола.
Полола я моркоўку, пустарнакъ,
Забила я ножухну за буракъ.
Ищице мнѣ дохтура казака:
Ня вылѣчиць ножиньки зъ бурака.

(Зап. ученикомъ Витебской гимназіи С. Станевскимъ.)

503

(*Лепельскій у.*)

Жаль коваля,
Нядоля моя!
Наковаў лимяшоў,
А самъ къ чорту пошоў.

(Зап. мною).

504

(*Витебскій у.*)

Дочушка моя Марья!
Ты вчера была
Якъ рожа цвила,
А сягодня стала
Якъ мята свяла.

(Зап. сельскимъ учителемъ г. Коробовымъ.)

505

(*Чашники*)

Никому такъ ня ўдалося
Якъ мнѣ бѣдной сироцѣ:
Зъѣла курку зъ ножачками,
Трапечицца ў живоцѣ.

(Зап. мною.)

506

(*Лепельскаго у.*, *д. Дубровки*)

Ў горб́дзи на лясѣ
Два качаны ўюцца,
А за мяне молодў
Два молойца бьюцца.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

507

(*Борисовскій у.*)

На вулицѣ курта бреше,
А до мяне милый чеше.
Ой чи чеше, чи не чеше,
Да не даромъ курта бреше.

(Зап. Н. А. Руберовскимъ).

508

„Кацярина, Кацяринушка!
„А гдзѣ твоя живоцинушка?"
— Коровухны коло ровухны,
— А свинухна коло нивухны,
— А козыньки коло лозыхны,
— А овеченьки коло рѣченьки.—

509

(*Витебскаго у.*, *Старое Село*)

Ци вѣдаишь, Марья,
Свое гореванне?
Сама идзешь пяшкомъ,
А воду нясешь горшкомъ.
Горшокъ разобьецца,
Вода разоллецца,
Тогды твоя головонька
Ўяды набярецца.

(Зап. ученикомъ Витебской гимназіи С. Станевскимъ.)

510

(*Тамъ-же*)

ɪвоная рожа,
ɪшься ли морозоў?"
[морозу ня боюся,
[одъ снѣгъ подсцялюся. —

„Молода дзѣвынька
„Боишься ли свекратки?"
— Я свекратки ня боюсь,
— Низко въ ноги поклонюсь.—

(Зап. тотъ-же).

511

(*Тамъ-же*)

іужъ мнѣ мужъ
іажицьца зъ имъ,
ɪой постылъ

Волочицьца зъ имъ.
Чужу мужу—поросяцинька,
Свойму мужу—пирасадынка.

(Зап. тотъ-же).

512

(*Тамъ-же*)

ɪ ў мяне 70 поросятъ,
ё ў мяне чужи мужъ пираѣў;

Чужу мужу—поросяцинька,
Свойму мужу—коцяцинька.

(Зап. тотъ-же).

513

Ɓокъ хлопцы, на бокъ ўсѣ,
ɪортъ мужа принясе.
увидзищь мяне зъ вами,
ɪивыми молойцами,

Яго трасца затрасе
Якъ осиновы листокъ,
А я зъ вами погуляю
Хоць малюсиньки часокъ.

514

(*Витебскій у.*)

ɪ рынку была,
ɪрэлку пила,
ɪэсадки купила,
ɪ градъ насадзила.
удаўся качанъ:
на ноги высокъ,

И на лисццѣ широкъ,
Жоўты боты на ногахъ,
Бараслеты на рукахъ,
Шапка—магерка,
Поясъ—цясемка.

(Зап. сельскимъ учителемъ г. Коробовымъ.)

515

(*Витебскаго у., Старое Село*)

ɪлиха Василя
ɪйникомъ зацила.

Василь пошоў плача,
Василиха скача.

(Зап. ученикомъ Витебской гимназіи С. Станевскимъ.)

516

(*Тамъ-же*)

Якъ я была молода,
Дыкъ я была рѣзва:
Чиразъ плотъ ў городъ
Сама пиралѣзла.

(Зап. тотъ же.)

517

(*Лепельскаго у., с. Дубровки*)

По вулицы питушокъ:
Ды кудахъ, ды кудахъ!
Пытанцца ў курицы:
Ды ци такъ, ды ци такъ?
Коли ў цябе, жонка,
Ды питухъ пропадзець,
Тогды табѣ, жонка,
Ў ноци ни сядзѣць,
Коли ў цябе, жонка,
Ды питухъ здохнщь,
Тогды табѣ, жонка,
Галова опохнщь.

(Зап. Л. П. Скляренко.)

518

(*Тамъ-же*)

По дорозѣ жукъ, жукъ, по дорозѣ чорный,
Ды ёнъ рыиць норки а до чужой жонки,
А чужая жонка якъ осина горка,
Своя молодзенька якъ мёдъ солодзенька.

(Зап. тотъ же).

519

(*Чашники*)

И я братъ, и ты братъ—будзимъ жонки миняць:
Моя тонка, высока—пираломицца,
Твоя груба, косовока—да работница.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

520

(*Тамъ же*)

Чія хата на горѣ?
Ци ня тещи мое?
Нихай яе пярунъ спалиць
Зъ дочушкой яе.
Чія хата на горѣ
Ци ня свекра мойго?
Нихай яго пярунъ спалиць
Ды съ сыночкомъ яго.

(Зап. тотъ-же).

521

(*Тамъ-же*)

время становицца—
іа мужа ня боицца.
Якъ мужъ жану ударицъ,
Яго черци задавюць.

(Зап. тотъ-же).

522

(*Лепельскій у.*)

илася шеўчиха съ шеўцомъ,
й выбила три зубы чапцомъ.
табѣ шеўчику за тоя,
сучи драгоўки ў троя,
Во ня будзиць боли муки,
Якъ попасцца шеўцу ў руки:
Шиломъ колиць, дратвой вяжиць,
До поўночи спаць ня лажиць.

(Сообщ. мир. поср. М. Ѳ. Сазоновичъ).

523

(*Чашники*)

алишенька,
і вишенька!
ня чортъ цябе нёсъ
На дыравый мостъ?
— Мяне ковали вяли,
—Три денежки дали.—

(Зап. мною отъ Коткевичовны).

524

(*Тамъ же*)

у, чачу, чачу,
поповича хочу.
якого за поповича?
Романывича.
ъ Романовича
е кони вороныхъ,
е шлеўцёў золотыхъ,
ўсядуся жъ я,
поѣду жъ я
На Соломкинъ дворъ.
Тамъ бьюцца, дзяруцца:
Комаръ пищиць,
Муха балбачиць,
Блины волочиць.
А Хилимонъ водоносъ
Наругаицца.
Подъ колодой вода
Собираицца.

(Зап. тотъ же.)

Плясовыя.

525

(Витебскаю у., д. Васьковичи)

Брови мои чорненькія,
Бида мнѣ зъ вами!
Нельзя выйциць на вулицу
За злыми врагами.
Ўси враги спаць полягуць,
А я погуляю,
Якъ бѣлая лябедочка
По цихимъ Дунаю.
Лябедочка стряпенулась,
Дунай сколыхнуўся.
Сходзилися тучки ў кучки,
Ўси хмарочки грозно.
Пріѣдзь, пріѣдзь, мой миленькій,
Ни рано, ни позно;
Ни раненько, ни позненько
Ко мнѣ на вячёру.
Я милаго дожидала,
Столы засцилала,
Два кубочка серебраныхъ,
Виномъ наливала.
Не съ кѣмъ сѣсци, вина пици,
Рѣчи говорици.
Посцель бѣла, сцяна нѣма,
Не съ кѣмъ говорици.
Не рубаць было, мой миленьки,
Зяленаго гаю,
Не браць было, мой миленьки,
Мяне съ чужаго краю.
Не рваць было, мой миленьки,
Пахучую мяту,
Не браць было, мой миленьки,
Што я не богата.
Не рваць было, мой миленьки,
Червоную рожу,
Не браць было, мой миленьки,
Што я не пригожа.
Не рваць было, мой миленьки,
Ў горо́дзѣ тычки,
Не браць было, мой миленьки,
Што я ня величка.

(Зап. В. И. Безперчій.)

526

Люлька моя червоная!
Я ўчора курила,
Положила на полицу,
Курица звалила.
Звалилася, разбилася,
Не во што курици.
Треба ѣхаць до Кіева
Люлечку купици.
Стоиць люлька на дорозѣ,
Не съ кѣмъ торговаци,
А тамочки три наночки,
Яны тамъ стояли.
Яны мнѣ молодому
Люльку сторговали:
За люлечку копѣечку,
А за цыбушо́къ—грошъ.
Кури, кури, мой миленьки,
Кури, не закурайся!
Про мяне, молодую,
Ты не забывайся.

съ засѣў до дзѣвочекъ
олечку курицъ,
обирались мужики,
оцѣли набиць.
я добрый хлопецъ быў,
то я догадаўся:
къ ўдариў палкой,
ня испугаўся,
ўскочиў на порбжекъ

И ў бóки ўперся
Поглядзице, красны дзѣўки,
Яки я высоки,
Ня глядзице красны дѣўки,
Што я оборваўся.
Мой бацька таки быў,
И я ў яго ўдаўся,
Мойго бацьку повѣсили,
А я оторваўся.

(Зап. мною отъ бывшей дворовой.)

527

(*Витебскаго у., д. Васьковичи*)

и сидзи для мяне
ь ни братовайся,
ручоньки не дзержи
ь не радовайся.
съ увидзиць матўленька,
то ты мяне дрáзнишь,
:ойшоўши отъ мяне
:рвонами бразнишь.
:рнобрывая сукá!

Обманила дзѣцюка,
Обманила такóго,
Што ня имѣиць ничóго.
Тольки куртка да жупанъ,
А я думала, што панъ.
А дли боку густо,
А ў карманъ пусто.
Тольки тыи шаровары,
Што дзѣвчонки дарували.

(Зап. В. И. Безперчій.)

528

(*Лепельскаго у., Смолянецкая в.*)

Якъ пошоў жа нашъ коваль, нашъ коваль,
Съ ковалихою на балъ, да й на балъ;
Да марудна жъ ёнъ идзе, ёнъ идзе,
Да й дорожки не найдзе, не найдзе.
Ня пошоў жа тамъ идзѣ бродъ, идзѣ бродъ,
Да полѣзъ ёнъ тамъ идзѣ ледъ, идзѣ ледъ.
Ёнъ ня бордзы на ходу, на ходу,
Зморозиў яе на ляду, на ляду.
Богдай того коваля, коваля,

Мяцелица замела, замела,
Што ёнъ яе молоду, молоду
Да зморозиў на ляду, на ляду.

(Сообщ. миров. посредникомъ М. Ѳ. Сазоновымъ.)

529

(*Витебская г.*)

Якъ поиду я по-за Дунаўю,
Я сама сабѣ подумаю:
Што короўки ня дóины,
Што цилятки ня пóины.
Якъ вярнуся я зъ - за Дунаўя,
Я сама сабѣ подумаю,
И коровокъ подою,
И цилятокъ напою.
Я молода догадалася,
А кудзелька заваллялася,
Нихай яе медзвѣдзь прадзець,
А я буду ў корчмѣ сядзець.

(Зап. ученикомъ Витебской гимназіи Вл. Новицкимъ.)

530

(*Городокскій у.*)

Ўси мужи добры,
Покупали жанамъ бобры.
А мой мужичокъ дурачокъ
Купиў мнѣ коровушку
На мою буйную головушку.
Мнѣ короўки доиць ня хочецца
И доеночки мыць ня можецца.
Якъ погонимъ мы коровушку на росў.
А гдзѣ браўся мядзвѣдзь на лясу,
А мядзвѣдзюшка бацюшка!
Да заби мою коровушку,
Обузволь мою буйну головушку.
Я короўку доиць ня буду
И доеночку да мыць ня буду.

(Сообщ. штатнымъ смотрителемъ М. П. Сахаровымъ.)

531

(Чашники)

мужъ ня дужъ
цъ ў запечку.
! крохъ! кабы здохъ,
ивила бъ свѣчку!
быў—ня любила,
еръ—ня тужила.
лаўцѣ ляжиць,
буду тужиць.
ы троху потужу,

Якъ ў труну ўложу.
Я руками прокопала,
Я ногами протоптала,
Нациснула каменёмъ,
Сама пошла ходуиёмъ,
Зъ лозы лыка заломала,
Волкомъ выци загадала.
Волки выли, голосили,
Жиды жалобы носили.
(Зап. мною отъ М. Котвевичовны).

532

(*Борисовскій у.*)

быў—ня тужила,
ръ—ня тужила.
на лаўцѣ ляжиць,
думаю тужиць.

Чиразъ яму, яму, яму,
На другую гляну, гляну, гляну;
И кивну и моргну
И до сердца пригарну.
(Зап. Н. А. Руберовскимъ.).

533

(*Витебскій у.*)

ли мой мужъ
пьяница:
иў коничка
броточкой,
пёўши домоў
у набпў.
ми трубочку
бметочкой,
пи коня
броточкой.
выкупишь—

Люблю цябе,
Коли ня выкупишь—
Набью цябе.
А мнѣ ня первы разъ
Въ оконце ўскакаць,
Подъ стрѣшенькой ночевадъ,
Зъ виробейками щекотаць.
Виробейки—чачу, чачу!
А я молода плачу, плачу.
Виробейки съ охвотушки,
А я молода зъ няволюшки.
(Зап. сельскимъ учителемъ г. Коробовымъ.)

534

(*Борисовскій у.*)

Чи я ў лузѣ ня калина,
Чи я ў матки ня дзѣўчина?
Коску мою зцерли, зняли,
За нялюбаго оддали.
„Мужу мой, негодзяю,
„Пусць на вулку, погуляю."
— Коли я ў це негодзяю,
— Одъ няволи сядзи дома, ня пущаю.—
„Мужу мой, коханочекъ,
„Пусць на вулку на таночекъ!"
— Коли я ў це коханочекъ,
— Машь червонецъ на таночекъ, бо такъ треба.—

(Зап. Н. А. Руберовскимъ.)

535

(*Тамъ же*)

Помри, помри старый!
За молодого выйду,
Лѣпшу долю знайду.
Померъ, померъ старый,
За молодого пошла,
Горшу долю знайшла.
По могилѣ хóдзиць,
Стараго бўдзиць:

Ўстань, старый, ўстань!
Обачь мойго цѣла.
Да вже жъ мое цѣло
Кровью накипѣло.
Якъ была я за тобою—
Ѣла обаранки,
А якъ вышла за младого—
Чорные нагайки.

(Зап. тѣмъ же.)

536

(*Чашники*)

Чаберъ, чаберъ на полицы,
Што за красныя дзѣвицы?
Чаю, чаю, чернобровка.
Чіимъ личикомъ бѣленька,

Чіимъ craномъ пригоженька.
Пѣецъ пташечка ў саду,
Я и послухаю пойду,
Пѣецъ маленьки шпачёкъ,

Вяселищца мужичокъ:
Я й до коникоў конюхъ,
Я й до стадочекъ пастухъ,
Я й до уточекъ стрѣлецъ,
Я й до дзѣвочекъ молодзецъ.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

537

(*Борисовскій у.*)

И магерка трасецца,
Просто ў корчму нясецца.
Видзишь, пане, якъ горую:
Зъ одной корчмы да й ў другую!
И при боку калита
Полна грошей набита.
Видзишь, пане, якъ горую:
Зъ одной корчмы да й ў другую!
Сорокоўка, пятьдзесятка,
Золотоўка и дзесятка,
Гейце дробныхъ трохи маю,
Пойду и тые прогуляю.

(Зап. Н. А. Руберовскимъ.)

538

(*Тамъ же*)

Ой заѣхаў я ў корчомку
Люльку запалици,
Здерли зъ мяне кожушенку
Да й хоцѣли бици.
Во заѣхаў до другой,
Показали сѣсци,
Поставили бараболю
Съ шалупайми ѣсци.
Я на тую бараболю
Скриво поглядаю,
На полицы вареницы
Я надзѣю маю;
А поѣўши вареники,
Вареники, вареницы,
Повернуў маркоточку
Въ сѣняхъ на полицы.
Бывай, бывай здрава,
Моя мила Насця,
Кабъ ня мяне молодого
Не было напасци.

(Зап. тотъ же.)

539

(*Тамъ-же*)

Ой поѣхаў Хилимонъ
Рано поле ораци,
А забыўся Хилимонъ
Хлѣба-соли взяци.
Ой чужіи жонки
Обѣдаць нясуць,
А моей же жъ жонки
Ня видаць, ня чуць.
Якъ я тольки на порогъ
Моя жонка цупъ до ногъ:

А мой же ты милый!
Да ня бей же жъ мяне.
Я ў бесѣдзѣ была,
Я горѣлку пила,
Одну румку за цябе,
А другую за сябе.

(Зап. тотъ же.)

Скоморошнія (юмористическія).

540

(*Лепельскаю у., с. Дубровки*)

А пиў я понядзѣлокъ,
Пропиў я мошну дзенегъ
Съ тобою дзяўчининка,
Съ тобою малининка!
А пиў жа я оўторокъ,
Пропиў я волоў сорокъ,
Съ тобою дзяўчининка,
Съ тобою малининка!
А пиў жа я сираду,
Пропиў я чёреду,
Съ тобою дзяўчининка,
Съ тобою малининка!
А пиў жа я ў чецвергъ,
Пропиў жа вола чецьвердь,
Съ тобою дзяўчининка,
Съ тобою малининка!
А пиў я и пятницу,
Пропиў и остатницу,
Съ тобою дзяўчининка,
Съ тобою малининка!
А пиў жа я суботу,
Пропиў ўсю работу,
Съ тобою дзяўчининка,
Съ тобою малининка!
Ахъ пиў жа я ў нядзѣлю,
Пропиў ўсю надзѣю,
Съ тобою дзяўчининка,
Съ тобою малининка!

(Зап. Л. П. Скляренко.)

541

(*Оршанскій у.*)

Пропиў мужикъ жирабцà
Мужикова жонка—
Кобылу жирабёнка.
Ци ня досець ўжо намъ пиць?
Ци ня досець ўжо намъ гулядь?
Пойдземъ домоў покаимся,
Пойдземъ домоў пораимся:
Ци нима чаго пропиць?
Ци нима чаго прогулядь?
Пропиў мужикъ вола,

икова жонка—
лу и цяленка,
ія досець и т. д.
иў мужикъ козла,
икова жонка—
а и козленка
ія досець.... и т. д.
иў мужикъ порсюка,
икова жонка—
ню поросенка.
ія досець... и т. д.
иў мужикъ барана,
икова жонка—
и ягненка.
ія досыць... и т. д.
иў мужикъ гусака́,
ікова жонка—
ню и гусёнка.
я досыць... и т. д.
иў мужикъ индыка̀,
ікова жонка—
ка и индычёнка.
я досыць... и т. д.
иў мужикъ силизня,

Мужикова жонка—
Вутку и вучёнка.
Ци ня досыць... и т. д
Пропиў мужикъ питуха,
Мужикова жонка—
Курицу и писклёнка.
Ци ня досыць... и т. д.
Пропиў мужикъ собаку,
Мужикова жонка—
Сучку и щаненка.
Ци ня досыць... и т. д.
Пропиў мужикъ сиьы,
Пропиў и рашоты
И ўси свои заботы,
Мужикова жонка—
Миски и латушки
И ўси хлопотушки.
Ци ня досыць... и т. д.
Пропиў мужикъ чапялў,
Пропиў сковародзёнку,
Мужикова жонка—
Лапци и оборы
И ўси свои заборы.

(Зап. г-жею Лубою.)

542

(*Чашники*)

пили ў панядзѣлокъ,
опили сорокъ дзѣвокъ.
пили ў оўторокъ,
опили жонокъ сорокъ.
пили ў середу,
опили ўсё череду.
пили у чатвергъ,

А такъ помню якъ цяперъ.
Пили, пили ў пятницу,
А пропили остатницу.
Пили, пили ў субботу,
А пропили ўсю работу.
Пили, пили ў нядзѣлю,
А пропили ўсю надзѣю.

(Зап. мною).

543

(*Тамъ же*)

Ишоў Тодоръ зъ Тодорою,
Нашли лапоць зъ оборою:
А ты Тодоръ, я Тодора,
Табѣ лапоць, а мнѣ обора.
Ишоў пастухъ зъ пастушкою,
Знайшли коснйкъ зъ истушкою:
А ты пастухъ, я пастушка,
Табѣ коснйкъ, а мнѣ истушка.
Ишоў панычъ зъ паненкою,
Знайшли мыску зъ тарелкою:
Ты панычъ, я паненка,
Табѣ мыска, а мнѣ тарелка.
Ишоў Сашка зъ Пашкою,
Знайшли мыску зъ кашкою:
Ты Сашка, я Пашка,
Табѣ мыска, а мнѣ кашка.
Ишоў мужъ зъ жаною,
Знайшли мѣхъ съ пшаною:
Ты мой мужъ, а я жана,
Табѣ мѣхъ, а мнѣ пшана.
Ишоў попъ съ дзячихой,
Знайшли мѣхъ съ гречихой:
Ты попъ, я дзячиха,
Табѣ мѣхъ, а мнѣ гречиха.

(Зап. тотъ-же).

544

(*Борисовскій у.*)

Ѣхаў ляшекъ морковяный,
Коникъ бураковый,
На нимъ шапка зъ пустарнаку,
Жупанъ лопуховый,
Чебоцяты зъ рѣпы,
А шпоры зъ фасоли.
Пистолеты зъ качана,
Кули зъ бараболи.
Обступили ляха свинни,
Зачаў ляхъ стрѣляци.
Свинни кули похопали,
Нечѣмъ воеваци.

(Зап. Н. А. Руберовскимъ.)

545

(*Чашники*)

Мой милиньки захворѣў,
Ёнъ кисялю захоцѣў.
Ахъ маци кисель,
Государиня кисель! *)
Якъ пойду я по сялу
Достоваць кисялю,
А достала оўсу.
Якъ пошла я молоць
Ў лубяные жаронцы,
Змолола я муку —

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

И тонюсинька и мякусинька.
Ўчинила я кисель
Ў новымъ большимъ горшку,
Поставила я кисель
Ў добрымъ мѣсци подъ столомъ.
Эй, кисни кисель,
Поўтораста нядзѣль!
Ўжо кисель киснирь,
А милóга чортъ цисницъ.
Ящё кисель ня збарнўся,
А милы мой ужё скончиўся.
Схованю яго подъ жорнàми
И накрыю яго дзвирами.

(Записано мною).

Свадебный обрядъ и пѣсни въ Витебскомъ (б. Суражскомъ) уѣздѣ.

Священникъ о. Шаровскій сообщилъ намъ изъ церковной лѣтописи заштатнаго города Суража слѣдующія свѣдѣнія о свадебномъ обрядѣ:

„Если свадьба совершается по обоюдному согласію съ сыномъ родителей, тогда относительно выбора невѣсты исполняются разнаго рода мѣстныя обыкновенія и условія. Еще заблаговременно родители просятъ своихъ знакомыхъ сватать или „раицъ“ имъ хорошую трудолюбивую дѣвицу. Прежде всего бываютъ: „допытки“, „запоины“. Это обыкновенно бываетъ такъ: ближайшіе родственники жениха, которые поопытнѣе и умѣютъ говорить побойчѣе, отправляются къ намѣченной невѣстѣ въ „сваты“, съ цѣлью въ точности узнать, согласны ли родители невѣсты выдать свою дочь за предлагаемаго ими жениха и желаетъ ли невѣста выйти за него? Взявши небольшую булку хлѣба фунта въ 2—3 и нѣсколько бутылокъ пива, сваты отправляются къ родителямъ невѣсты. Пришедши туда, они начинаютъ вести рѣчь обиняками, загадочно, въ родѣ слѣдующаго: „что вотъ, молъ, у нихъ есть гусакъ, а нѣтъ гўски можетъ быть—послѣдняя найдется здѣсь; въ такомъ случаѣ нельзя ли будетъ ихъ соединить въ одну пару“? Или же: „не прибилась ли къ нимъ ихняя уточка или овечка?“ Сватовъ упрашиваютъ сѣсть. „Спасибо, говорятъ они: сидѣли, ничего не высидѣли, а что́ будетъ, если еще сидѣть будемъ?“ Этимъ сваты намекаютъ невѣстамъ, чтобы онѣ не засиживались дома въ дѣвушкахъ. Въ дру-

гихъ мѣстахъ сваты не входятъ прямо въ домъ невѣсты, а являются подъ окошко въ видѣ „подорожныхъ“ и просятся на ночь. Домашніе невѣсты конечно понимаютъ въ чемъ дѣло; сначала немного торгуются, отнѣкиваются, говорятъ, что мѣста нѣтъ, и потомъ все-таки соглашаются пустить прохожихъ въ домъ. Тамъ съ согласія хозяевъ они располагаются обыкновенно возлѣ стола и сейчасъ начинаютъ вести рѣчь. Одинъ изъ нихъ половчѣе говоритъ, что они „купцы“ и слышали, якобы въ этомъ домѣ хорошій „товаръ“, почему и зашли посмотрѣть его и купить. Въ концѣ концовъ купцы эти, въ поясненіе своей рѣчи, прибавляютъ: „у васъ есть молодая, а у насъ молодой, мы хочемъ, чтобы была одна пара“. Если родители соглашаются, то начинается малое угощеніе: пьютъ первую горѣлку. Этимъ и оканчивается собственно: „добытіе“, „запоины“. Когда родители невѣсты дадутъ окончательно свое согласіе, тогда въ первое воскресенье отецъ жениха спѣшитъ ѣхать въ церковь „на первую заповѣдь (оглашеніе)“. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ къ запоинамъ приготовляютъ нарочно калачи, — небольшія въ два-три фунта булки хлѣба. Во время печенія этихъ калачей стараются предугадать будущее счастіе жениха по слѣдующимъ примѣтамъ: одну изъ сырыхъ еще булокъ называютъ именемъ жениха. Если въ печи калачь Степана или Ивана потрескается, значитъ и счастье жениха будетъ непрочно, непостоянно. Въ противномъ случаѣ, можно быть спокойнымъ относительно его будущности. Въ настоящее же время *) большею частію дѣлаютъ такъ: сватъ съ женихомъ входятъ въ домъ невѣсты, крестятся къ иконамъ, „здравствуются“ и говорятъ: „мы гости присланы, чтобы столы были застланы“. Хозяева отвѣчаютъ: „а мы гостей принимаемъ и столъ застилаемъ“. Наконецъ садится невѣста около жениха и продолжается угощеніе. По окончаніи всего, гости встаютъ, благодарятъ Бога, хозяевъ и расходятся. Невѣста беретъ одну изъ бутылокъ, въ которой женихъ приносилъ водку, насыпаетъ ее сполна рожью, обвиваетъ ее утиральникомъ, краснымъ поясомъ и подаетъ свату или дружку жениха. Этимъ она заявляетъ свою любовь и жениху и гостямъ и желаніе, чтобы у нихъ всего было полно, въ изобиліи. Женщины при этомъ поютъ: „Солнышко за-

*) Писано въ 1868 г.

хмару заходить, молодая N молодаго приводить". Женихъ приэтомъ даритъ невѣсту деньгами.

„Наканунѣ свадьбы обыкновенно бываетъ „сборный вечеръ". Это уже, какъ выражаются крестьяне, начало „веселля". Къ этому времени родители, еще дня за два, посылаютъ просить на свадьбу своихъ пріятелей. Посланное лицо обыкновенно приходитъ въ знакомый домъ и говоритъ: „Прошу на веселле, просиў Иванька N бацько, маци и я прошу. Прошу на хлѣбъ на соль, на што Богъ даў.".Сама невѣста въ это время тоже не сидитъ дома. Она ходитъ по всѣмъ домамъ родныхъ, сосѣдей, знакомыхъ. Войдя въ домъ, она кланяется хозяину, хозяйкѣ и, если эти послѣдніе уже почтенныхъ лѣтъ, то цѣлуетъ у нихъ руки. Тотъ, кому она кланяется, долженъ перекрестить ее, приговаривая: „дай Богъ счастливо"; старики говорятъ такъ: „нехай цябе, дзѣтка, Богъ благословиць". Въ сборную субботу вечеромъ въ домѣ невѣсты ставится посреди хаты столъ, накрытый скатертью, на немъ ставятъ кушанья, водку, пиво. Прежде всего собираются къ невѣстѣ званыя дѣвушки, потомъ сосѣди, знакомые и родственники. Женихъ съ своей „дружиной" обыкновенно не спѣшитъ своимъ пріѣздомъ. Дѣвицы вьютъ вѣнки и поютъ пѣсни. Наконецъ пріѣзжаетъ и женихъ въ сопровожденіи своего отца, дружка, маршалка и другихъ. Его встрѣчаютъ съ почетомъ. Онъ не входитъ въ общую комнату, но останавливается на нѣкоторое время въ сѣняхъ. „Маршалокъ" подаетъ подарки невѣстѣ и вводитъ жениха въ хату. Невѣста дѣлаетъ глубокій поклонъ отцу жениха и принимаетъ подарки. Жениху пришпиливаютъ къ шапкѣ вѣнокъ изъ руты или изъ лентъ, за что онъ дѣлаетъ поклонъ родителямъ невѣсты и свахѣ. По окончаніи этой церемоніи начинается другая. Прежде чѣмъ усядутся за столъ, молодые должны еще обойти кругомъ его. Жениху нужно взять невѣсту, но ее окружаютъ дружки, боярки и не пускаютъ. Женихъ выкупаетъ у дружекъ невѣсту, оставляя имъ по нѣскольку копѣекъ. Тогда оба маршалки (жениха и невѣсты) подаютъ молодымъ два бѣлыхъ платка, за концы которыхъ берутся женихъ съ невѣстой и обходятъ три раза кругомъ стола. За каждымъ обходомъ кланяются всему роду и получаютъ благословеніе. При этомъ играетъ музыка и поютъ свадебныя пѣсни. Совершивъ обхожденіе,

маршалокъ указываетъ молодымъ первыя мѣста и самъ садится съ ними. Угощеніе продолжается до полуночи. Зная, что молодой четѣ еще нужно приготовляться къ вѣнцу, маршалокъ молодаго встаетъ изъ за стола и говоритъ: „дзянькуемъ отцу, матери сватови и сватовѣ же всѣ пожитки", и съ женихомъ отправляется домой.

„Настаетъ воскресенье — день бракосочетанія. Передъ этимъ начинается еще довольно сложный обрядъ печенія коровая. Коровай мѣситъ, пекутъ, выносятъ въ гумно и опять вносятъ въ домъ и у жениха и невѣсты, съ пѣснями и музыкою. Мать невѣсты въ полушубкѣ, вывороченномъ вверхъ шерстью, съ хлѣбомъ, солью и водкой встрѣчаетъ его; выпивъ сама немного, подаетъ рюмку жениху, который выливаетъ ее за себя, а другую или третью выпиваетъ. Это называется „перепои". Братъ или близкій родственникъ разчесываетъ невѣстѣ косу, которую замужняя родственница обыкновенно поджигаетъ двумя свѣчами на крестъ сложенными. Послѣ этой церемоніи она кладетъ невѣстѣ на голову наметку. Тутъ пойдутъ подарки невѣстѣ: кто даритъ деньги, кто скотъ. Староста громко провозглашаетъ все, что кто подарилъ, прибавляя всякій разъ: „молодому князю и молодой княгинѣ". Во время этой церемоніи свахи поютъ: „остань же, роде богатый, даруй же станокъ рогатый. А вы, мѣщаночки, даруйця суконочки". Затѣмъ подаютъ ужинъ для дружины жениха, который сидитъ рядомъ съ невѣстой и ѣстъ съ нею одною ложкою. Послѣ ужина поютъ прощальныя пѣсни. Невѣста прощается съ родителями и подругами. Женихъ беретъ ее уже въ свой домъ. Во время отъѣзда поютъ дружки и коровайницы, а дорогой поютъ сваты. При домѣ жениха у воротъ разводятъ огонь, чрезъ который женихъ съ невѣстой должны переѣхать. Мать жениха, какъ прежде мать невѣсты, встрѣчаетъ ихъ въ вывороченномъ полушубкѣ съ хлѣбомъ, солью, съ водкой и съ мёдомъ. Вся дружина входитъ въ хату, садится за столъ и послѣ закуски сваты напоминаютъ, что уже пора отдыхать молодымъ. Ихъ провожаютъ въ гумно или въ клѣть, гдѣ свахи застилаютъ постель и уходятъ. Послѣ отдыха, женихъ съ невѣстой, держась за концы полотенца, идутъ въ избу, обходятъ вокругъ стола и садятся. Пѣсни при этомъ поютъ неумолкаемо.

По окончаніи всѣхъ этихъ обрядовъ начинается самый разгаръ свадьбы: танцы и попойка продолжаются нѣсколько дней".

Заручины.

Заручили дзѣўку
Процнў понядзѣлку.
Богъ намъ даў!
Попили горэлку
За красную дзѣўку.
Богъ намъ даў!

—

По отъѣздѣ жениха сватья поетъ:

Хоць мы ночку ня спали,
Добраго чилядзина достали,
Хоць другую ня доспали,
Добраго чилядзина привезли,
Статну приглядницу,
Сямьи привѣтницу.

—

Въ воскресенье рано женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ и, послѣ долгихъ церемоній, братъ невѣсты сажаетъ ее на дѣжу, поставленную среди хаты и расплетаетъ ей косу, за что ему и платятъ. Невѣста въ это время голоситъ:

Ко́сынька моя русая!
Я цябе ў нядзѣльку раненька часала,
А ў суботу поздниньва умывала.

Обращаясь къ брату:

На што галовушку заядаишь?
На што мою косыньку расплитаишь?
Ци яна грибеничку поломала?
Ци яна цябе пасочку поциряла?
На што ты мои шоўковы ўплёты выплитаишь?

—

По окончаніи обряда расплетенія косы, женихъ выходитъ изъ-за стола, подходитъ къ дѣжѣ, беретъ невѣсту за руку и ведетъ къ столу; мать невѣсты, стоя на *кутѣ*, благословляетъ свою дочь образомъ и обходитъ всѣхъ кругомъ и кланяется. Собравшись, всѣ отправляются на подводахъ въ церковь, дорогой плачутъ, но пѣсенъ не поютъ.

Выходя изъ церкви, молодые держатся за руки. Подружки поютъ:

Ой радъ-радзеникъ Мироньва.
Што ў новой церкоўки побываў,

На новымъ ручничку постояў,
Дзѣвыньку за ручку подзержаў,
Золотые персцяньки помѣняў.

Молодой поютъ:

Стояла Гопынька подъ вянцёмъ,
Часала косыньку гребяньцомъ,
Подкинула грибянецъ подъ вянецъ
Подай, Василька, грибянецъ!
Яжъ табѣ, Гопынька, да ня молодзецъ.
Найми сабѣ молодца съ городца,
Подась грибянецъ съ-подъ вянца,
Русую косыньку расчасаць.
Ци ня было грибянцоў ў вóзи,
Ци ня было ковалёў ў дорóзи,
Русую косыньку расковаць,
Частымъ грибянцомъ расчасаць?

Молодому:

А ў садзи, а ў винаградзи,
Тамъ стоиць кроватка цясовая,
Тамъ ляжиць пярина пуховая.
На тэй пярини Василинька,
А душа его Гопынька ў голоўкахъ сядзиць,
Винную чарочку ў рукахъ дзяржиць,
Садовый яблучекъ да за пазушкой.
Ты ўстань, Василька, проснися!
На табѣ водзици, ты умыйся,
Шоўковой хусточкой вотрися,
Винной чарочкой похмялися,
Сахарнымъ кусочкомъ поживися.
Сахарный кусочекъ по душѣ пошоў,
А сладкій мядочикъ да по вустынькамъ.
Молодая Гопынька по обычаю пошла,
А душа моя Гопынька догадалася
Што зъ маей мамухной спозналася.

—

Іотомъ женихъ съ своей дружиной и другіе гости мужчины садятся на коней· ·
іодой ѣдетъ въ свой домъ, а молодая въ свой. Когда молодая въѣзжаетъ на
ръ, то мать ея выходитъ изъ хаты ей на встрѣчу съ образомъ, со свѣчей и
хлѣбомъ и солью. Подружки молодой въ это время поютъ:

Запали, мамухна, свѣчку,
Выйдзи дочкѣ на сустрѣчку!

—

Нѣсколько часовъ спустя, часто даже на разсвѣтѣ, молодой пріѣзжаетъ къ
ей женѣ, чтобы взять ее съ собою. Мать молодой встрѣчаетъ своего зятя съ
кой. Молодую ведутъ изъ хаты, на порогѣ она встрѣчается съ мужемъ. Сватья
іодруги при этомъ поютъ:

Хмѣль зъ оўсомъ сыплица,
А Гопынька съ Василькомъ сыйдуцца,
Отъ сахарнага дзѣреўца
Добрые отростки,
Отъ вумнаго бацюшки,
Отъ разумной мамухны
Вумны дзицятка.
Молодэй Василька!
Мы ня успѣли пѣсни спѣць,
А ёнъ намъ подарки шлецъ:
Пернички, бараначки,
Солодкіе попранички.

—

Што ў куци за зарево?
Василька ў куци зарева.
Съ правага рукаўка роры сыплюцца,
А съ лѣвага свѣчи цеплюцца
Чимъ тоя зарева мы тушицъ будзимъ
То пивомъ, то виномъ,
То горэлачкай.

Тоже самое поютъ и невѣстѣ:

По бору стежички да дорожички,
Тамъ ишла сустрѣча вяликая:
Сустрѣла Гопынька Василиньку,
Сѣли яны на горушечку,

Стали загадки загадывацъ:
Ци вѣдаишь, Василинька, што я вѣдаю?
Што объ Рожствѣ объ свяцѣ рожа цвѣла?
Хто тамъ быў Гопынька той и вѣдаицъ.
Я тамъ была и вянокъ вила,
Я ў тымъ вяночку винчалася
И табѣ молойцу засталася.
По бору стежички да дорожпчки,
Тамъ ишла сустрѣча вяликая:
Сустрѣў Василька Гапульку свою,
Сѣли яны на горушечки,
Стали загадки загадывацъ:
Ци вѣдаишь, Гапулька, што я вѣдаю?
Што объ Пятрѣ о святцѣ Дунай замерзъ?
Хто тамъ быў Василька, той и вѣдаицъ.
Я тамъ быў и коня поиў.
Мой конь пиў, копытомъ ледъ биў.

—

Когда мѣсятъ коровай:

А ў поли калина, калина!
Якъ собралася Гопынькина родзина
А привязли семь пудъ муки да на коровай
Хула *) табѣ, Божа! (2)
Солинъ будзицъ нашъ коровай
А ў поли калина, калина!
Якъ собралася Гопынькина родзина
А привязли семь пудъ масла да на коровай
Хула табѣ, Божа! (2)
Жиринъ будзицъ нашъ коровай.
А ў поли калина, калина!
Якъ собралася Гопынькина родзина
А привязли семь пудъ соли да на коровай
Хула табѣ Божа! (2)
Солинъ будицъ нашъ коровай.

*) Хвала.

А ў поли калина, калина!
Якъ собралася Гопынькина родзина
А привязли семь копъ яецъ да на каровай
Хула табѣ Божа (2)
Жовитъ будзиць нашъ каровай.

—

Подъ конецъ свадьбы сватъ влѣзаетъ на столбъ около печи. Ему туда подаютъ два пирога и рюмку водки, и сидя на столбѣ, онъ поетъ:

Домъ священный, пиръ вяселый!
Ёсць ў енымъ домѣ оцецъ и маци,
Сёстры и брацця.
Госцики созваные, собраные!
Дальніе пріѣзжіе,
Ближніе прихожіе:
Кого кобылка вязла,
Кого матка нисла,
Кого Богъ прилучиў.
Благословпци моладэй
Ў скрыпочку заиграць
И пѣсенки запѣць,
Семь годъ подъ грибомъ сидзѣў
И на ету свадьбу глядзѣў.

—

Сиротѣ-невѣстѣ поютъ:

Палагейкина мамухна
Просилася ў Бога,
Ў Духа Святога:
— А спусци мяне, Божухна,
— По золотымъ пруточку,
— По шоўковымъ шнурочку
— Съ неба на землю —
— Поглядзѣци дзицяци:
— Ци хараша яна прибрана?
— Ци на куцѣ яна посажена?—
Гдзѣ ўзялися три янгельки:
„Ня пущай яе, Божухна, съ неба на землю
„По шаўковымъ шнурочку,
„По золотымъ пруточку.
„Мы ўчара тамъ были,
„Подъ воконочкомъ стояли,
„И ў воконко глядзѣли:
„Яна ўбярена, какъ паненка,
„На куцѣ посажена,
„Якъ сиротка благословена.“

(Всѣ эти пѣсни записаны ученикомъ Витебской гимназіи Влад. Новицкимъ, въ 1868 г.)

Свадебныя пѣсни Витебскаго уѣзда (съ обрядомъ).

546

(*Старое Село*)

Когда пріѣдутъ на дворъ сваты:

Што за панове,
Што за сватове на дворъ?
По русску ходзюць,
По польску мовюць,
Гапульку просюць до сябе:
— Выйдзи, Гапулька,
— Выйдзи, дзицятка,
— Къ намъ на дворъ.
— Скажи, Гапулька,
— Скажи, дзицятка:
— Которы твой? —
„А хто въ атласѣ,
„Ў жоўтымъ поясѣ,
„Той сватъ мой.
„Конь вороненьки,
„Самъ молодзеньки Иванька".

(Зап. ученикъ Витебской гимназіи С. Станевскій.)

547

(*Тамъ же*)

Когда ѣдутъ выбирать невѣсту.

„Ай вы гуси мои шѣрые!
„Вы далека литали,
„Што вы чули, видзили?"
— Ай мы чули видзили:
— Шѣру вутку на мори.
— Якъ ина скора на мори,
— Такъ за ей трасникъ гонетца
— Пирадъ ей вода ллецца. —
„Ахъ вы сваты сватове!
„Вы далёка ѣздзили,
„Што вы чули, видзили?"
— Гапульки ў церкви.
— Якъ ина скора съ церкви,
— Тыкъ подъ ёй мосты гнуцца,
— Пирадъ ёй кубки ллюцца,
— А на ей вянки зіяюць
— А за ёй гусли играюць. —

(Зап. тотъ же).

548

(*Тамъ же*)

Когда засватаютъ невѣсту.

Ня дзиви Гапулька ни на кого!
Пріучила Иваньку молодого
Своими цихими походами,
Своими низкими уклонами.

—

Сястрици подружиньки?
Вы придзицика ко мнѣ,
Просиця ў бацюшки
Меня ў госцики къ сабѣ
Ў восударыни матушки
Во зялёны садъ погуляць.
Скучна, грусна молодой
Ў зялёномъ саду одной.
Якъ пойду я молода

И ў горницу на кровацъ,
Якъ ударусь молода
Бѣлой грудзью о кровацъ,
Якъ ўстану я молода,
Буду тосковаци.
Буду плакаць тосковаць,
Покуль милый ни ўзойдзець.
А якъ соўнышка ўзойдзець,
Тогды милый другъ придзець.

—

Што ў цябе, цяцерка, ножки коротки?
Якъ табѣ, цяцерка, по горамъ ходзици?
— Я на гору лётмя, а съ горы котмя.—
Якъ табѣ, Гапулька, съ чужимъ таткой жици?
— Я ўстану молода ранёсенька,
— Ўмыюсь молода бѣлёсенька,
— Ўклонюсь свекратку низёсенька. —

(Зап. тотъ же).

549

(*Тамъ же*)

Заручины.

Молодая Марынька
По городу ходила,
Съ красками говорила:
Милые мои краски
Я садзила, поливала,
Вянками звивала.
Одзинъ было звила,

И той ня зносила, (2)
Сястрамъ подарила:
Нихай сёстры носюць,
За мяне Бога просюць.
Хорошъ быў ўдаўся,
Сестрамъ остаўся. —

—

Лужкомъ биражкомъ
Рѣчка ишла,
Красная Марынька горою,
Говорила ина зъ водою:
Водзица моя вуница!

Якъ я ў дзѣўшкахъ бывала,
Чистую водзицу бирала,
Бѣлоя личика мывала,
Цяперъ ня буду бирацп,
Бѣла личика мываци.

(Зап. тотъ же.)

37*

550

(*Тамъ же*)

Когда сватъ даритъ сватьѣ:

Сплёў сватъ свацци лапци съ тоўстыхъ лыкъ,
А самъ ходзиць спусциўши носъ, якъ индыкъ,
А на мяне мой мужъ ворчиць:
А што ў мяне хвартухъ торчиць.
Ня дзивися, господару!
Гэта ў мяне отъ крухмалу.

Когда сватамъ даютъ ручники:

Выбичайця сватóчки,
Што коротки платочки,
Наша дзѣўка драшлива,
А поля ня уродлива.

Послѣ просватанья невѣсты.

Ай вумная, разумная Гапулька!
Ни угадала што зъ радосци чиниць,
Заставила щиры боры орацн,
Сама стала чорны мачикъ пахати:
Расци, чорны мачикъ, красны цвѣтъ,
И то моимъ и то любымъ госцёмъ на привѣтъ.

А я молодзенька заручона
А за того нидороста оддȁдзина.
А и гдзѣ жъ бы мнѣ нидороста подзѣць?
Повяду я нидороста ў чиста поля,
Привяжу я нидороста ко бярёзѣ,
Положу я нидоросту сѣна вязку,
А постаўлю нидоросту воды ражку.
Ни глядзѣла нидороста семъ нядзѣлякъ,
А на восьмой нядзѣли поглядзѣла:
Сѣна вязка ляжищь ўся цалёхонька,
Воды ражка стоиць ўся поўнёхонька.
Погляжу я на бярёзу ни лисцинки,
Погляжу я ў нидороста ни душинки.
Облилася бярёза ўся корою,
Ахъ и я молодзёшинька слязою.

(Зап. тотъ же).

551

(*Тамъ же*)

Въ субботу передъ свадьбой, сватъ взбирается на столбъ передъ печкой, держа въ рукахъ пару пироговъ, которыми онъ ударяетъ въ тактъ другъ о друга, произнося слѣдующую пѣсню или рацею:

Госцики собраныи, созваныи!
Кого кобылка привизла,
Кого матка принисла,
Позвольця намъ пѣсиньку начаць,
Ў скрыпки, ў дудки заиграць.
А Сваты Кузьма Дзимянъ,
Скуй намъ свадзибку!
Солучи, Божа, гэтыхъ дзѣтакъ:
Однаго роженаго,
Другога суженаго.

—

Сватьѣ.

А сваццюхна чубаха
А нямытая рубаха,
А ў корыци промыла,
Надъ цапухай сушила,
На свадзибку спяшила.

—

Свату.

Ай сваця, мой сваця,
Шкода табѣ дружкомъ быци,
Звиць табѣ лычную пугу
Выгоняць свинней зъ лугу.

(Зап. тотъ же.)

552

(*Тамъ же*)

— Ой вечиръ, вечиръ ни вичарись!
— Ѣдзь, мой миленьки, и ни казнись.
— Твоя вячора пыломъ запала,
— Пыломъ запала, зайшла за пана. —
„Жонычки мои ня праўда ваша:
„Моя вячора подъ накрышкой спала,
„Моя нявѣста ня йзашла за пана.
„Свяцй моя зоринька до свѣту,
„Покуль я къ нявѣсци заѣду.“
Тогда жь я табѣ, Данилка, свяцила,
Кали цябе мамухна радзила,
Хадзила по хаци, якъ пава,
Зродзила цябе якъ пана.

(Зап. мною отъ мѣщанки.)

553

(Тамъ же)

Жениху.

Рана рана соўнышка играла,
Ай раньши того я ўставаў,
Рана уставаў, коня сядлаў,
Коня сядлаў, сильна плакаў,
Ня такъ сильна плакаў,
Сильнѣй Бога просиў:
Ахъ Божа, Божа прошу на вяселля
На вяселля, на благаславення!
— Я самъ ня пойду, Анёла пошлю.—

(Зап. учен. Витебской гимназіи С. Станевскій.)

—

554

(Д. Васьковичи)

Поютъ жениху.

Дорожка широкая,
По той по дорожкѣ
Жоўты пясочки,
На тыхъ пясочкахъ
Три сады зялёныхъ.
А ў першимъ садзи
Цвяты зацвитали,
Ў другимъ же садзи
Пташки спивали,
А ў треццимъ садзи
Сынъ съ маткой говорицъ:

Сынокъ ты мой, сынокъ!
Кого табѣ жалчѣй:
Ци матки, ци жонки,
И ци твоей цещи?
А и цеща умрецъ —
Бязь цещи обойдуся,
А и жонка умрецъ —
Съ другой ожанюся,
А матка умрецъ —
Слезами заллюся.

(Зап. В. Ив. Безперчій.)

555

(Старое Село)

Когда пріѣдутъ въ гости къ свату.

Ў нашего свата
Да цясовая хата.

Вокругъ избы зелля,
А въ серодкѣ веселля,

Пріѣхали гồсци
Да изъ чужой волồсци.
Стали яны медъ, вино пиць,
Кубки объ столъ биць.

(Зап. учен. Витебской гимназіи С. Станевскій.)

556

(*Тамъ же*)

Невѣстѣ сиротѣ.

Чаго сядзишь ў посадзи?
Твойго татульки
Ў посадзи нѣтъ.
Твой татулька
За трима замками.
Первы замочикъ—
Жоўтъ пясочикъ,
Вторы замочикъ—
Зялёнъ дзярночикъ,
Треци замочикъ—
Сосновы доски.
Радъ бы я ўстаци
Порадыкъ даци,
Жоўтъ пясочикъ
Засыпаў вочки,
Зялёнъ дзярночикъ
Закрыў воконца,
Сосновыя доски
Сциснули мнѣ ножки,
Ня могу устаци.

До пріѣзда жениха.

А чаго ты, Гапулька, змарнѣла?
Ци ў цябе голоўка заболѣла?
Ў мяне болиць голоўка треци дзень,
Ня видзила Иваньки семъ нядзѣль.
А бы вы мнѣ голоўку звяжиця,
А бы вы мнѣ Иваньку покажиця.

Когда братъ расплетаетъ сестрѣ косу.

Распляци косў,
Чирвоны ростокъ
Пусци подъ мостокъ,
Чирвоная калинка Маринка.

—

А братъ сястрѣ татаринъ
Оддаецъ сястру даромъ,
А русую косыньку за пятакъ,
А бѣлое личинько пошло и такъ.

(Зап. тотъ-же).

557

(*Тамъ же*)

Когда невѣста сидитъ въ клѣти.

Пракракнула шѣра вутынька
Ў трысничку сидзя:

Ай змёрзла жъ я, ай окрѣпла жъ я
Ў трысничку сидзя,
На синяя мора глядзя.
Ай Божа жь мой,
Ай мощны мой
Коли гэта лѣта будзиць?
Проплакала Гапулюхна
Ў клѣтухны сидзя,
На бѣла ложа глядзя:
Ай Божа жь мой,
Ай мощны мой!
Коли гэта госци будуць?

Когда невѣсту приготовляютъ къ вѣнцу.

Куковала зязюля обнимая дзерева,
Тонкая, высокая, лисцикомъ широкая
Плакала Гапулька, обнимая мамухну:
Мамухна моя родная!
Ты жь казала: ня отдамъ.
На што жь ты пива варишь?
На што жь ты горэлку гонишь?
— Яжъ цябе подманивала,
Штобъ ты ня плакала
Голоўки ня трудзила,
Ясныхъ вочь ня сляпила
Бѣлыхъ рукъ ня ломала.

Когда женихъ ѣдетъ за невѣстой.

Ўзвиўся рой, поляцѣць хочиць
Ў щиръ боръ, ў солодки мёдъ.
Зладзиўся Иванька, ѣхать хочиць
А ў тую дорожку топтаную,
По свою Гапульку коханую,
А ў тую дорожку убойную,
По свою Гапульку любоўную.

(Зап. тотъ же).

558

(*Тамъ же*)

Цимошка воинъ быў,
Ѣздиць ёнъ поля воюя,
Другоя ѣздиць хорабруя,
Ня трецця Сципана дворъ
Ажъ вороцики замкнуты,
А сторожинька заснула.
Выхвациў молодзецъ востры мечъ,
Начаў по замку—замокъ прочъ.
Ня воюй, Цимошка, ня воюй,
Мы жь твою дзѣвыньку выдадзимъ,
За правую ручку вывидзимъ.
(Зап. тотъ же.)

559

(*Тамъ же*)

Ай бѣлиньки, кудравиньки Иванька!
А хто жъ яго бялёшинька умываў?
А хто жъ яго бѣлы кудзирки расчисаў?
Ўмывали бялёсинька сястрицы,
Расчасали бѣлы кудзирки брацитки.
А ў субботу ў вечири ўмывали,
А ў нядзѣлю ранёшинька часали,
И ў нядзѣлю ў вечири послали:
А и ѣдзь жа ты, Иваничка, да ня баўся!
Скрозь цемную, скрозь ночушку пробивайся,
И до своей Гапулюхны добивайся.
(Зап. тотъ же).

560

(*Тамъ же*)

Когда женихъ ѣдетъ въ церковь къ вѣнцу.

за лѣсымъ соўнийка играець,
ванька коника сидлаиць,
ў яго мамухна пытаиць:
ı што ты коника сидлаишь?
што табѣ до того?
Сидлаю я коника ни твойго,
Сидлаю я коника самъ свойго,
Поѣду я ў ночухну ночную,
По свою Гапульку вячную.

—

Подъ лѣсымъ соўнышка играиць,
Иванъ коника сидлаиць,
А выломиў три розги
И сцябнуў коника подъ ножки:
А ступай, моя кося, широка *),
Ещё моя дзѣвынька далёка.
(Зап. тотъ-же).

561

(*Витебскъ*)

Ой попе, попе бацька нашъ,
Отчини церкви, звинчай насъ;
А ня попе то насъ винчаиць,
Добрая годзина злучаиць.

(Зап. мною.)

562

(*Старое Село*)

По пріѣздѣ изъ церкви въ домъ невѣсти.

Напѣемъ (2) мы дзень до вечера,
Мы свою Гапульку ня разжалимъ.
Ты вырви, Гапулька, горку цыбульку,
Ты натри, Гапулька, сабѣ вочухны,
Ци ня пойдуць тогды слёзухны?
Гапулька цыбульку сыпсувала,
Дробныхъ слёзъ намъ ня показала.

—

Когда женихъ танцуетъ послѣ вѣнца, въ домѣ невѣсты.

А ўси госци хороши,
А ўси госци пригожи,
Луччи нѣту Иваньки:
Ў яго боцики козловы,
Ў яго панчёшки бялѣвые,
Ў яго подвязки шоўковы.
Ёнъ ботъ объ ботъ щоўкаиць,
Ко Марусиньки приступаць,
Штобъ боцика ни скривиць,
Штобъ панчёшекъ ни змараць,
Штобъ подвязокъ ни поцираць.

—

Когда невѣсту везутъ къ свекрови.

Ёлка и сосёнка зиму и лѣта зиляненьки,
Гапулькина мамка ўсю нядзѣльку смутненька
И кукобила и лялѣяла,—служки. нима.
Дась Богъ лѣцца, народзиць Богъ жицца—
Не съ кимъ жаць.

*) Скоро.

Ёлка и сосёнка зиму и лѣта зиляненьки
А Иванухны мамка ўсю нядзѣльку висяленька,
Ни кукобила, ни лялѣяла,—служка ёсь.
Дасъ Богъ лѣцца, народзиць Богъ жицца—
Ёсь съ кимъ жаць.

—

На другой день послѣ свадьбы.

знова лисцинька,
цы цябе вѣтры вѣюць:
ў даль далину,
опяць на клянину?
іулька дзицятка,
цы цябе татка даець:
Чи ў даль далину,
Чи ў чужіе людзи?
А я люду ня боюся,
Кажному покланюся,
И старому и малому
Свойму князю молодому.

—

Когда женихъ везетъ невѣсту къ себѣ домой.

'мъ по дубравѣ,
:о и за пылъ по дорози?
анька вокицца,
мухна дзивуцца.
Ня дзивуйся мамухна,
Я ня самъ воююся,
Воронъ конь подо мною
Господзь Богъ надо мною.

Когда гости ѣдутъ домой.

ѣдзимъ домоў, поѣдзимъ,
ли свою Мартуську прикажимъ,
икажимъ Мартуську сужиньку:
би жа ты яе дубцами,
Научай жа ты и слоўцами,
Отъ дубцоў ина дурнѣиць,
Отъ слоўцоў ина разумнѣиць.

—

Вумная разумная Мартусинька
Ставила старожиньку на броду,
Сама стала надъ вишинькой ў саду:
Откуль (2) красное соўнца ўзыйдзець,
Откуль (2) моя родынька ўзъѣдзиць,
Тогды мои убориньки привязуць,
Тогды мою голоўньку ўбяруць,
Тогды мяне молодзенькой назовуць.

—

Литаў солоўей кола саду,
Пытаў ў зязюли куды ў садъ ляцѣць.
Ты глупы солоўей, низразумны,
Пыдними вѣтычку—ўляци ў садокъ;
Подними и другую—ко мнѣ ў гнязло.
Ѣхаў сужинька кола двора,
Пытаў ў дзѣвиньки куды ў дворъ ѣхаць.
Ты глупы сужинька, молодэй разумъ:
Одчини вороты—ўзъѣдзь на дворъ
Одчини другіе—ко мнѣ ў царёмъ.
Ўзъѣхаў сужинька, по двору поѣзжаиць,
Къ вокошичку коника подворачиванць.
Ци ѣхаць, дзѣўнька, ци ждаць цябе?
Ты ня ѣдзь, сужинька, подажзди мяне.
Нашто моя мамухна разсердилась?
Ня даець полога бялёвога,
Ня даець скацирци крупчастыя.
Ты ходзи, дзѣўнька, мы поѣдзимъ,
Пираспимъ цёмную ночь бизъ полога,
Обѣдаимъ святы дзень бизъ скацирки,
Напьемся зилина вина бизъ кубочка.

Когда молодую ведутъ изъ клѣти.

Ў насъ сягодня новина,
А ў клѣци калина расцвила,
Пусцила квѣци по клѣци,
Чирвоный ростокъ подъ мостокъ.

Въ понедѣльникъ молодая обыкновенно идетъ по воду и тогда ей поютъ:

А ў понедзѣльникъ рано
Сине мора играла,
Гапулька воду брала,
Ў свой бокъ поглядала:
Ци ня ѣдзиць мой татка
И зъ родною маткой.

—

На другой день послѣ свадьбы.

Иваничка, оцецки сынъ, дай сыра!
Ай сватыньки лябедычки, ни маю,

Тольки маю два яблычка ў кишени,
Што моей Гапулюхны со похмѣлля,
Штобъ ня болѣла голоўхна зъ вяселля.

—

Когда зять съ молодой ѣдетъ къ тещѣ.

ца зяця ждала,
іами дворъ слала.
:олибъ моя змога,
Послала бъ я многа
А штобъ моя сила,
Ябъ яго позолоцила.

Когда невѣсту отправляютъ къ жениху послѣ вѣнчанья.

Стукнула, грукнула на дворѣ—
Поглядзи, мамухна, чи ня на мнѣ?
По табѣ, дочушка, по табѣ.
Готуй, маминька, коблучки,
И складай, мама, скриночки,
Добра ноць, мамка, добра ноць!
Я ужь, мамухна, ня твоя.

—

Ня слухай звонкихъ звонкоў, —
То цябе гусильки подманываюць,
Къ чужому, къ лихому примоўляюць
Отъ татки, отъ матки.
(Зап. тотъ же).

Приводимъ описаніе свадебнаго обряда *) въ Витебскомъ уѣздѣ (въ деревь, ближайшихъ къ Витебску):

Свадьба главнымъ образомъ состоитъ изъ двухъ частей: сватовъа и *веселля*. Еще задолго до свадьбы, невѣста съ женихомъ вариваются между собою и признаются одинъ другому въ своюбви; женихъ спрашиваетъ невѣсту позволенія—можноли прить сватовъ—и, если невѣста согласна, женихъ немедленно ихъ ісылаетъ. Эти сговоры обыкновенно происходятъ на кирмашѣ **). дѣли за 2 и даже иногда и болѣе женихъ присылаетъ къ нетѣ сватовъ, людей пожилыхъ, которые, переступая порогъ, кретея и, поклонясь всѣмъ въ домѣ живущимъ, садятся въ уголъ ъ образа. Потомъ старшій сватъ начинаетъ своё привѣтствіе:

———

) Свадьба бываетъ большею частью осенью.

**) Кирмашъ значитъ маленькая ярмарка во время храмоваго праздника.

„А, сваточки, пропала, пропала у насъ цялушка, ѣздзили мы и днемъ и ночью по селамъ и по городамъ и не можемъ допытацьца цялушки, пріѣхали къ табѣ: не заблудзилась ли яна къ вамъ. Были мы у однаго хозяина, тотъ сказаў, што въ другой дзеревнѣ, наконецъ пріѣхали къ табѣ“. Если сватъ разговорчивъ, то онъ отъ себя прибавляетъ разные каламбуры. „А, сватъ, не мели пустого, а спроси то, за чѣмъ вы пріѣхали, потому што скоро будетъ свѣтъ.“ „Мы приговорились къ одному концу: у насъ ёсць купецъ, а у васъ товаръ, покажи его“.

По окончаніи этого разговора, мать идетъ искать невѣсту, которая прячется гдѣ нибудь на сѣновалѣ, отыскиваетъ ее, одѣваетъ и приводитъ въ хату; здѣсь у нея спрашиваютъ: „ти пристала душа къ Василію Петровичу“. Невѣста на это ничего не отвѣчаетъ и проситъ сватовъ пріѣхать въ другой разъ и такимъ образомъ водитъ ихъ нѣсколько разъ за носъ, наконецъ, она соглашается. Сію же минуту послѣ соглашенія, мать печетъ яишницу и надѣваетъ сватамъ на шею ручники. Въ этотъ день сваты между собою условливаются о днѣ свадьбы и разныхъ расходахъ: условясь, они отправляются (когда были крѣпостные) упрашивать своего пана, потомъ къ попу—узнать цѣну за вѣнчаніе.

За недѣлю до свадьбы, бываютъ заручины, на которыхъ поютъ пѣсни, ѣдятъ баранки и пряники, всѣ безъ исключенія, малый и старый. Въ то же время дѣвушки поютъ пѣсни.

Въ субботу передъ свадьбой опять гуляютъ цѣлую ночь, къ этому времени пріѣзжаютъ сваты, т. е. родня жениха, два свата и двѣ сватьи и подкняжій, со стороны жениха. Съ самаго начала этого вечера пьютъ за здоровье жениха и всѣхъ родныхъ, послѣ чего невѣста даетъ ручники сватамъ и подкняжему. Сваты съ своей стороны даютъ водку; положивши на рюмку пряникъ, подаютъ невѣстѣ; та, взявъ пряникъ, прикушиваетъ водки. Женихъ впродолженіе этого времени сидитъ за столомъ; сваты выводятъ его изъ-за стола и подводятъ къ невѣстѣ, которой онъ подноситъ водку, бросивъ въ рюмку серебряную монету. Невѣста отпиваетъ нѣсколько капель и ставитъ рюмку на столъ. Старшая боярка подходитъ, выливаетъ водку на разостланный подъ столомъ платокъ такимъ образомъ, что монета остается въ платкѣ. Въ этотъ день невѣста даритъ жениху: штаны, рубашку и поясъ, женихъ съ своей стороны даритъ

черевики и чулки, и всё это кладутъ на *веку* *). Потомъ гуляютъ далеко за полночь, при чемъ поютъ пѣсни.

Ѣхаў Василь по мосту,
Выскочиў заинька зъ хворосту.
Стаў ў его Василь стрѣляци,
А ў яго заинька пытаци:
Зашто, Василь, мяне стрѣляишь?
Ци я табѣ дорожку пирабѣгъ?
Ци я табѣ коникоў потраў?
Ци я табѣ дзѣўку погубиў?
Перебѣгъ дорогу сѣрый волкъ,
Попужаў коникоў жарабецъ,
Погубили дзѣўку молойцы.
На штобъ яны погубили?
Сами за себя хоцѣли.

Гости разъѣзжаются только поздно ночью. Въ воскресенье поутру выѣзжаютъ: женихъ съ дружками и невѣста съ боярками изъ своихъ хатъ въ церковь. Послѣ вѣнца женихъ ѣдетъ верхомъ, дорогой обѣдаютъ въ корчмѣ; пообѣдавши продолжаютъ путь. Дорогою поютъ пѣсни:

Хвала табѣ, Божа,
Что попа обманили (2)
А дзешево заплатили: (2)
За нашу паненочку (2)
Мѣдную копѣечку, (2)
А за вашаго молодца (2)
Полтора золотца (2).

На рȍзстани невѣста съ женихомъ разстается и отправляются по своимъ дворамъ. Молодую дома отецъ встрѣчаетъ съ образомъ и хлѣбомъ съ сȍлью, ее сажаютъ за столъ и подаютъ кушанье.

Мяциця улуньку (2)
Съ конца до конца (2),
А наша Аленка ѣдетъ съ-подъ вѣнца.

---

*) Крышка отъ кубла, кадки, куда кладутъ крестьяне запасную одежду.

Молодой въ это время возвращается съ противоположнаго конца и стучитъ въ окно. Тесть встрѣчаетъ его съ образомъ, хлѣбомъ и солью, одѣтый въ вывороченную шубу, при чемъ спрашиваетъ у него: „Съ кѣмъ пріѣхалъ зятюшка?“—„Съ вѣчнымъ подаркомъ“.

А на дворѣ дождикъ каплиць (2)
Иваньки шапка мякнюць (2)
Попытайся ў яго:
Ци ня любиць ёнъ кого?
Ай ёнъ любиць (2)
Рыбку красноперку,
Дзѣвоньку чернобрыўку.
А идётъ же вячера (2),
Передъ кажнымъ—пяченье (2),
А не такъ передъ кажнымъ (2)—
Передъ нашей Маруткой (2)

Послѣ этого садятъ молодого за столъ и начинаютъ пить водку. Черезъ нѣсколько времени женихъ обращается къ невѣстѣ съ словами: „Марья Ивановна, прошу до себе. Коли ты жалѣишь и любишь мяне, придзи ко мнѣ.“ И это повторяется до 3-хъ разъ. Женихъ подходитъ къ столу и хочетъ взять её за руку, она отвѣчаетъ: „Чтожь ты мяне бярешь зъ голыми руками.“ Въ эту минуту сватъ набрасываетъ сзади на жениха и на плечо невѣсты шубу; молодые подаютъ одинъ другому руки и поютъ пѣсни.

На кимъ на кимъ пуховая шапка
Ой лялю *)
Ай на Ванюшкѣ пуховая шапка (2).
Чи ня Богъ яму даў? (2)
Ци ни царъ дароваў? (2)
Яго татка богатъ (2)
Яму шапку купиў (2).

—

А казали сваты богаты,
А и сваточки голыши,
По шуметнику ходзили,
Всё по дзенежкѣ сбирали,
Ай боярочкамъ давали.

*) Стихъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

:да боярочки угощаютъ сватовъ и дружку, и если они мало ›, то поютъ слѣдующія пѣсни:

ка голы,
ые богаты,
ш не имѣетъ денегъ,
ъ грошокъ ў мошнѣ.
и сабѣ мыла,

Памый своё рыла,
Кабъ жёнка любила,
Кабъ дзѣтки увознали,
Бацькай назвали.

—

нашъ дружко,
нашаго боку,
ами голова сбита,
ами борода сшита.
л дружку били,
печь подсадзили,
ии заколоцили,
мъ заставили
ми затравили.

Тю, тю, мои кошечки,
Съѣшця дружку до крошечки.
Кочергами копали,
Бороду ободрали,
Вѣцеръ повѣванць,
Барадой махаиць.
А кто идець смяецца,
Бородатый трясецца.

ю потомъ они ѣдутъ къ свекру. Дорогой поютъ пѣсни. ой сажаетъ самъ невѣсту въ телѣгу и садится съ нею ря- По пріѣздѣ молодой высаживаетъ молодую и ведетъ её подъ На порогѣ ихъ встрѣчаетъ свекровь и спрашиваетъ своего „Съ чѣмъ ты пріѣхалъ?“ Тотъ отвѣчаетъ: „съ добрымъ здо- ъ и веселымъ пожитьемъ.“ Здѣсь тоже пьютъ и гуляютъ и о сопровождается пѣснями. Молодыхъ отправляютъ спать всегда на разсвѣтѣ. Въ понедѣльникъ, около полудни пріѣз- къ свекру крестные отецъ и мать молодой. Молодыхъ по- ъ съ постели и приводятъ въ хату. На порогѣ ихъ встрѣ- различно: съ привѣтомъ и пѣснями хорошаго, веселаго со- ія, если молодая оказалась честною; въ противномъ же слу- угательными, неприличными. Тогда ставятъ на порогѣ бо- какъ только мать ее переступитъ, ей тотчасъ накидываютъ › хомутъ, продолжая пѣть тѣже пѣсни.

этотъ день гуляютъ у свекра и пьютъ водку, горькую или ›, обращая вниманіе на честность дѣвушки. Отъ свекра по- ь водку и брачную рубашку въ домъ отца молодой, гдѣ

ея старшая сестра беретъ рубашку и разсматриваетъ ее; если на ней слѣды невинности, тогда сестра вскакиваетъ на скамейку, положивъ рубашку на правую руку, пляшетъ и поетъ пѣсни тѣ, что поютъ въ домѣ жениха, въ честь дѣвушки честной:

Аленка добраго рода,
Снежниважила намъ роду.
Ай покрасила два двора:
Одзинъ дворочикъ свекраткинъ,
А другій дварокъ таткинъ.

—

Калинка наша Аленка!
Подъ калиной сядзѣла,
Ручкамъ калинку драгнула,
А на ее калинка канула,
На яе бѣлую кошулю.

—

Казали намъ Семенька гультай, —
Золотую сошеньку направляў,
Черную облогу раздзираў. (2)

—

Послѣ обѣда, а иногда и до обѣда повязываютъ молодую платкомъ и поютъ пѣсню.

Скурвывъ сынъ понедзѣльникъ
Отлучиў М. отъ дзѣвокъ,
А добрый нашъ вторыкъ
Посадиў М. нижи женокъ.
А въ понядзѣлыкъ рана
Плакала молодая,
Галоўка ня убрана
А няжалостлива мамка
Ня шлетъ гостей рано.
А повяжемъ молодку
Якъ бѣлу лебедку,
А ктожъ кого любицъ,
Тый таго поцалуицъ,
Ванька М. поцалуицъ.

При послѣднихъ стихахъ молодые дѣйствительно цѣлуются. Повязанную невѣсту садятъ на кубель, покрываютъ большимъ платкомъ, ставятъ ей въ колѣни миску съ медомъ, которымъ мажутъ ей губы и потомъ ее цѣлуютъ всѣ присутствующіе и кладутъ ей въ передникъ деньги. Гуляютъ далеко за полночь. Во вторникъ во время обѣда ѣдятъ коровай.

Этимъ полагается конецъ веселью. Въ четвергъ бываетъ перезовъ, т. е. свекоръ зоветъ къ себѣ мать и отца молодой, а потомъ отецъ молодой къ себѣ всю родню молодого.

Зап. ученикомъ Витебской Гимназіи П. Антиповымъ, въ 1867 году.

Свадебный обрядъ въ деревнѣ Бабчахъ. *)

Сватовство.

Отецъ парня, высмотрѣвши дѣвушку, подходящую подъ его мысли, совѣтуетъ сыну на ней жениться. Если эта дѣвушка понравилась и „Иванькѣ“, то отецъ сейчасъ же обращается къ кому-либо изъ своихъ пріятелей съ просьбой, чтобы тотъ взялъ на себя обязанность быть сватомъ. Если же невѣста сыну не нравится, то отецъ старается его уговорить, и если наконецъ Иванька и его убѣжденій не слушаетъ, то онъ предоставляетъ ему полную свободу въ выборѣ жены, но за то послѣ, при малѣйшихъ непріятностяхъ въ супружескихъ отношеніяхъ молодой четы, отецъ постоянно будетъ журить сына: зачѣмъ, дескать, его не послушалъ и не женился на дѣвушкѣ, которую онъ ему выбралъ.

Запасшись водкой, сватъ отправляется въ домъ къ родителямъ избранной дѣвушки. Тамъ его просятъ садиться. Завязывается разговоръ. Сватъ объявляетъ, что, молъ: „я пришоў ни бязъ дзѣла, хочу отобраць отъ васъ работницу Машу за Иваньку“. Отецъ и мать невѣсты говорятъ попеременно, обращаясь къ свату: „што жъ братокъ, и ня зачѣмъ, и жита ня дужа вяликая уродзила“ Сватъ: „Ды ня грашй, братокъ, Богу. Чи мы ни одного Бога людзи? Чи ня ни на однымъ полѣ живемъ?“ Отецъ: „Што жъ? треба, братокъ, и зъ бабой погукаць, дый чи сагласна и *яна*? гэта-жь яе вѣкъ, гэта-жь треба ей вѣкъ жиць; ня вѣдаю, якъ яна.“ Отецъ дочери: „Ну што-жь, чи думаешь сёлѣта кидаць татку, матку, чи пойдзешь ў людзи“. Дочь, ничего не говоря, убѣгаетъ въ „истопку“. Нѣсколько минутъ молчанія; потомъ сватъ обращается къ родителямъ съ вопросомъ: „Ну гдзѣ-жь ваша Маша подзѣлася“? Тогда мать отправляется къ дочери и начинаетъ ей говорить: „што-жь, дочушка, трапляюцца табѣ людзи; коли думаешь ицци—дзяцюкъ ладный и близка, и мы объ табѣ будземъ вѣдаць и ты объ насъ“. Все это время отецъ молча сидитъ с сватомъ. Сватъ опять спрашиваетъ у отца: „гдзѣ-жь наша Маша дзѣлася“? Отецъ: „ды тутъ негдзѣ.“ Уходитъ къ дочери и гово-

*) Лепельскаго уѣзда, Каменской волости, Бабчанскаго общества.

ритъ ей: „ну што-жь, дочушка, чи ты обдумала, чи не? Бо, вѣдома, здаецца можа нцци: яго и бацька добрый, и дзяды добрые, мы съ ними ни разу не заводзилися; ну зачимъ-жи табѣ останоўка? Ў цябе ёсць кожушокъ и сирмяжка, и падушка и дзяpушка. (одѣяло изъ „потрепья“; сшивается въ родѣ большаго мѣшка, и этимъ ночью накрывается мужъ съ женою) и кубелъ новый, и полаценце и ручнички“. Сватъ, обождавши приблизительно около четверти часа, входитъ тоже въ истопку и говоритъ: „а нехай-же васъ, я ужо жду, гдзѣ вы, гдзѣ вы! ну што-жь, чи нагукались вы, чи нарадзились?“ Мать: „ды такъ хто-жь вѣдаець, и сами не знаемъ, дзяцитка наша любоя: и ўсё стоўчець, и ўсе смелець и будзиць не нада, и молоциць пойдець на токъ, а мои ручки переймаець. Ну, што-жь мы знаемъ, тутъ-же пара родная! Ванька ёнъже ладный, сами вѣдаемъ, яце? ганьбы не маемъ николи. Не, сватокъ, яна еще маладая, нехай на живецца, пара́ будзець гэтаго хлѣба, пара́ будзець замужества. Але ужо коли людзи найшлися, коли и ты, сватокъ, уже такъ накасаўся на нашу дзицу, нихай сабѣ ужо съ Богомъ“. Всѣ встаютъ и хозяинъ проситъ свата въ свѣтлицу: „ну, сватокъ, прошу цябе ў татову хату“. Тамъ проситъ его сѣсть за столъ въ углу, а женѣ: „ты, баба, свое знай“. Она сейчасъ-же принимается за яичницу. За яичницею сватъ вынимаетъ изъ кармана водку и подчуетъ отца, мать и дочь. Потомъ проситъ руки у дочери для Иваньки, та протягиваетъ руку въ знакъ своего согласія.

Чрезъ нѣсколько дней родители спрашиваютъ свата: „што-жь, сватокъ, а Иванька чи хочець? Добра, што бацька яго просиў, але ёнъ-жа чи хочець“? На что сватъ отвѣчаетъ: „ды мяне-жь прасили и бацька, и матка, и Иванька“. Затѣмъ отецъ невѣсты проситъ свата придти чрезъ нѣсколько дней съ женихомъ. Между тѣмъ мать жениха обращается къ мужу со словами: „чаму-жь ты гэтому дзицатцѣ порадку не даешь, што ты ужо думаешь?“ (т. е. зачѣмъ не обручаешь). Отецъ жениха отправляется къ свату, сватъ объявляетъ ему, что уже все готово, и говоритъ, чтобы онъ послалъ сына къ родителямъ невѣсты. Отецъ возвращается домой, разсказываетъ все женѣ и спрашиваетъ сына: „ну што-жь, дзицятка, чи хочешь-жа ты Машу ўзяць“? Сынъ: „а што-жь, таточка, яна слаўная дзѣвка, и коли нами людзи не гордуюць, чаго-жъ и

намъ гордовацъ". И отправляется со сватомъ къ невѣстѣ. Тамъ отецъ невѣсты спрашиваетъ его, желаетъ-ли онъ жениться на его дочери. Женихъ, давши утвердительный отвѣтъ, называетъ уже отца невѣсты своимъ отцомъ, а мать ея—матерью. Его сажаютъ за столъ и назначаютъ день свадьбы. Обыкновенно это бываетъ въ субботу. Послѣ этого отправляются къ священнику съ пѣтухомъ и просятъ его, чтобы онъ въ воскресенье обвѣнчалъ молодыхъ людей.

„Заручены".

Пріѣзжаютъ отецъ жениха, женихъ и сватъ къ родителямъ невѣсты и привозятъ булку хлѣба, пирогъ, жареную баранью „печенку" и водку и все это ставятъ въ мѣшкѣ подъ образами. Отецъ невѣсты принимаетъ всѣхъ своихъ родственниковъ, сватовъ, кумовъ и пріятелей. Невѣста съ дѣвушками отправляется въ истопку и тамъ одѣваются. Женихъ долженъ пріѣхать съ музыкантами верхомъ, съ набросанными на плечи сермягами, которыя тянутся по землѣ. Музыканты настраиваютъ скрыпки еще за домомъ невѣсты и, лишь только въѣдутъ на дворъ, начинаютъ играть и очень сильно „гóйкацъ". Мать и отецъ невѣсты выходятъ на крыльцо, причемъ мать съ зажженною лучиною. Женихъ кланяется отцу и матери невѣсты въ поясъ и входитъ въ свѣтлицу, гдѣ также кланяется всѣмъ и старому и малому. Ему поютъ: „Намъ сягодня ды заручины Богъ даў". Между тѣмъ вводятъ невѣсту и поютъ:

Ляцѣли пташечки
На три стáдочки
Зязюля на передзѣ,
Пташечки сѣли,
Пѣсню запѣли,
А зязюля закуковала.
Ишли дзѣўки
Чиразъ сѣначки,
Маша на перадзѣ;
Дзѣвочки сѣли,
Пѣсню запѣли,
Маша заплакала...

Отецъ невѣсты садится за столъ, около себя сажаетъ жениха, а сватъ садится по другой сторонѣ жениха. Всѣ гости дѣлаютъ тоже, мать же невѣсты ходитъ по избѣ. Когда всѣ усядутся, хозяйка ставитъ на столъ мису. Отецъ невѣсты беретъ бутылку съ водкой и выливаетъ въ мису; тоже дѣлаетъ и отецъ жениха, съ тою только разницею, что долженъ налить въ 3 и 4 раза больше. Всѣмъ подаются ковши, которыми черпаютъ и пьютъ водку. Женихъ наполнивши свой ковшъ водкой, кладетъ въ него нѣсколько серебряныхъ монетъ и подаетъ его невѣстѣ; она немного отпиваетъ, оставленную водку выливаетъ на столъ и беретъ деньги, а другую съ платкомъ протягиваетъ въ сторону. Женихъ беретъ платокъ и сжимаетъ нѣсколько руку невѣсты. Затѣмъ невѣста съ дѣвками и парнями начинаетъ плясать. Немного спустя присоединяется къ танцующимъ и женихъ. А старики сидя за столомъ ѣдятъ и пьютъ цѣлую ночь. Хозяйка ставитъ на столъ уху изъ бураковаго разсолу или „ращины“, морковь съ говядиной и яичную кашу. Всѣ гости-старики садятся за большой столъ, а невѣста съ дружками садится за столъ, поставленный у печи. Пиръ продолжается часовъ 8. Къ концу ужина подаютъ отцу невѣсты ковшъ съ водой. Онъ встаетъ, кланяется гостямъ, ставитъ ковшъ съ водой и говоритъ: „на гэто-жь и васъ просили, а цяперь прошу васъ на нива!“ Тогда всѣ принимаются за ковшъ съ водою, пьютъ и разъѣзжаются, причемъ поютъ:

Заручили дзѣўку протпў панядзѣлку,
Богъ намъ даў.

Свадьба.

Въ субботу бываетъ дѣвичій вечеръ, на который сзываются всѣ родственники. На немъ цѣлый вечеръ танцуютъ, потомъ ужинаютъ и немножко отдыхаютъ. Но лишь только запоютъ первые пѣтухи, хозяинъ будитъ гостей и дружки начинаютъ одѣвать невѣсту. Одѣваютъ ее въ бѣлую рубашку, бѣлую юбку и все это прикрываютъ „катанкою“. Женихъ пріѣзжаетъ очень рано. На немъ бѣлая рубашка, новый кожухъ и бѣлая свитка; на шапкѣ красная ленточка. Его дружина вся верхомъ. За столъ сажаютъ его вмѣстѣ съ невѣстой. Онъ остается въ шапкѣ. Всѣ ѣдятъ, кромѣ нареченныхъ, которые должны отправиться къ

вѣнцу на-тощакъ. Музыканты, нанятые отцомъ невѣсты, играютъ въ концѣ стола. Потомъ какой-нибудь свѣдущій въ благословеніи крестьянинъ лѣзетъ на печь, держа въ одной рукѣ продолговатый пирогъ, а въ другой булочку хлѣба. Всѣ встаютъ, кромѣ нареченныхъ. Музыка перестаетъ играть. Водворяется тишина. Съ печи раздаются удары булки о булку и слова:

Счастливо дреўце,
На которомъ пташки сѣдаюць;
Счастливо то дзѣтатко,
Которога матка, бацька благослоўляець.
Всѣ вмѣстѣ: Богъ, Богъ, Богъ!
Голосъ съ печи: Которые ёсць бобылки
И ни маюць своей кобылки,
На плечахъ дроўцы носюць
И ў Бога доли просюць.
Бобылки: Богъ, Богъ, Богъ, Богъ!

На столѣ лежитъ большая булка хлѣба, а на ней маленькая и до нихъ впродолженіе всей свадьбы никто не имѣетъ права дотрогиваться. На свадебный пиръ каждый изъ гостей приноситъ не менѣе двухъ булокъ хлѣба. Передъ выѣздомъ къ вѣнцу отецъ беретъ кусокъ хлѣба, мать посыпаетъ его солью и, перекрестивши дочь, кладутъ противъ нареченныхъ и говорятъ имъ: „Благаслаўляю цябе, дочушка, хлѣбомъ-солью и добрымъ здароўемъ“. Всѣ женщины впродолженіе всего пира сидятъ за отдѣльнымъ столомъ у печи. Двое братьевъ невѣсты или, если ихъ нѣтъ, двое ея родственниковъ, неженатыхъ, помѣщаются на лавкѣ позади ея и расплетаютъ ей косы, причемъ они бываютъ только въ однихъ рубашкахъ. Невѣста обѣими руками держитъ свою голову и не позволяетъ расплетать волосъ. Расплетши косы, братья должны прыгать чрезъ столъ на полъ, и въ то время сватъ бьетъ ихъ кнутомъ. По окончаніи этой церемоніи, всѣ встаютъ и поютъ:

До дубу, зязюля, до дубу,
Часъ табѣ, Машинька, до шлюбу,
Чи ты своей мамульцѣ не люба —
Мяконька посцельки не слала,
Щиринька голоўку ни чисала.

Всѣ выходятъ изъ-за стола; нареченные кланяются всѣмъ въ поясъ, и имъ въ это время поютъ:

Корыся, Машинька, корыся,
Низинька ў ножки клонися.
И старóга и малóга не минай,
И ў Бога долючки добывай,
Старóга, малóга не минешь
И ў Бога долючки добудзешь.

Невѣста, выходя изъ дому, поверхъ катанки надѣваетъ теплый платокъ, голову же оставляетъ непокрытою. Она ѣдетъ къ вѣнцу на парѣ лошадей съ двумя дружками, а родственникъ ея правитъ лошадьми. За нею ѣдутъ 2 „откосника" верхомъ, а за ними тоже верхомъ женихъ съ дружиною. Когда невѣста выѣзжаетъ со двора, оставшіяся дома женщины поютъ ей:

Ай свѣтъ свитаець,
А зара занимаець,
Нашая Машинька съ двора зъѣзжаець.

Дорогой дружки невѣсты поютъ:

На горѣ царкоўка,
А ў ней свѣчки це[illegible]люцца,
Тамъ наша Маша Богу молицца.

Сначала ѣдутъ всѣ къ священнику; онъ спрашиваетъ: знаютъ-ли они молитвы и потомъ вѣнчаетъ. Отъ вѣнца молодая съ дружками и родственниками ѣдетъ къ своимъ родителямъ, а женихъ—съ дружиной--къ своимъ. Лишь только отъѣдутъ отъ церкви, дружки поютъ молодой:

Мы попа ошукали,
Дзёшева шлюбъ ўзяли.
А ня ў попа мы были,
А мы были ў Бога—
Да ў Духа Святóга.
Да молися Богу,
Да и Духу Святому.

(Ср. въ свадебн. Витеб. у.)

Отецъ и мать встрѣчаютъ молодую съ хлѣбомъ-солью и разстилаютъ передъ ней кожухъ. Дочь кланяется имъ и входитъ въ свѣтлицу. Ее сажаютъ на почетномъ мѣстѣ подъ образами, и начинается пирушка. Послѣ обѣда пляшутъ. Между тѣмъ женихъ съ дружиною пируютъ въ своемъ домѣ, а послѣ обѣда онъ съ дружиною и музыкантами „самъ девять" собирается ѣхать за молодою. Предъ отъѣздомъ всѣ идутъ въ истопку и становятся въ рядъ. Бабы поютъ имъ:

До раду, сватъ, до раду,
Собирайцесь ў одну громаду.

Потомъ возвращаются въ свѣтлицу, садятся за столъ и начинаютъ давать подарки жениху, причемъ кто-нибудь, взлѣзши на печь съ булками, благословляетъ его и невѣсту. Отправляются всѣ почти верхомъ. Отецъ молодаго не ѣдетъ: его мѣсто заступаетъ крестный отецъ. Въ одну телѣгу запряжена пара лошадей и на ней ѣдетъ сватъ со сватьею, чтобы привезти молодую; другая же телѣга идетъ пустая за „кубломъ“ молодой. Когда всѣ уже сядутъ на лошадей, отецъ молодаго выходитъ съ ковшомъ овса и посыпаетъ имъ всѣхъ лошадей и людей. Наконецъ уѣзжаютъ очень быстро. Во время ихъ отсутствія къ отцамъ новобрачныхъ собираются старыя женщины и начинается церемонія печенія коровая

При печеніи коровая присутствуютъ всѣ бабы и принимаютъ дѣятельное участіе. Самая же главная мастерица, надѣвъ чистый передникъ и засучивъ рукава, затягиваетъ пѣсню:

Сама жь я ни знаю,
Што ў гетымъ короваю:
Сями поль пшениченька,
Сями рѣкъ водзиченька,
Дзисяци короў масла,
Да яецъ полтораста.
Старшіе коровайници,
Залатые зарукаўницы!
Коровайницы пьяны,
Ўсё цѣсто покрали,
Ў кишени поховали.
Тамъ-же-шь имъ на бяду пойшло,
Ў кишани цѣста подойшло.

Ту же самую пѣсню поютъ при печеніи коровая и у невѣсты. Ваня долго, долго ожидаетъ у воротъ Маши, потому что ворота всѣ хозяинъ запираетъ. У калитки разряженная сноха. Ванька поетъ:

Ай сватку нашъ, сватку!
Пусцьжь насъ ў хатку,
А ужъ жъ мы померзли,
Да на лютымъ морози,
Да ў доўгой дорози.

Послѣ этой пѣсни отецъ Маши отворяетъ ворота и впускаетъ гостей. Между тѣмъ дружки Маши поютъ:

Сватъ ў хату лѣзиць,
Да ў печь поглядаиць:
Чи густа капуста?
Чи вяликъ горшекъ каши?
Чи поѣдаюць наши?

Ваня со своими входитъ въ свѣтлицу, сватъ его впереди. Всѣ останавливаются на порогѣ свѣтлицы и сватъ говоритъ:

Прiѣхали жь мы на тую квѣтку,
Што видзѣли мы на печи ў лѣтку.

Послѣ этой рѣчи свата, споха подходитъ къ Машѣ и цѣлуетъ ее. Ванька въ это время кланяется всѣмъ. Тутъ заиграетъ музыка, и начинается пляска. Немножко спустя подаютъ закуску, Машу съ Ваней сажаютъ въ почетномъ углу. За столомъ Ванька сидитъ въ фуражкѣ опущенной на глаза, Маша плачетъ. Закуска для бабъ подается на особомъ столѣ у печи. Онѣ ѣдятъ вареные кочаны капусты и потомъ разрѣзанные на 4 части и толокно; только нѣкоторыя блюда подаютъ имъ изъ-за общаго стола. Бабы за столомъ поютъ:

Хвала жь табѣ Божа
Што шаша удалося,
Пивамъ, медамъ ўзялося.
А горэлица сыцыцею,
А Маша молодзицею.

Къ концу закуски вносятъ „кубелъ“ Машинъ, ея мать открываетъ его, вынимаетъ оттуда холстъ и рѣжетъ его для свата и „откосниковъ“ полотенца „уцiральники“, которые они сейчасъ завязываютъ чрезъ плечо. На крышку кубла всѣ кладутъ подарки Машѣ и поютъ:

Сястрицы боярочки,
Кладзица подарочки
Дзяцюки молойчики,
Кладзиця чирвончики.
Дзяцючки молодые!
Кладзица золотые.
Жоночки лябёдочки!
Кладзица намёточки.
Дзядзечки лябедзечки!
Кладзица копеечки.

Всѣ приближаются къ сидящей за столомъ Машѣ и черезъ столъ кладутъ ей на крышку подарки, приговарывая:

Ты, Машенька, на гэта не ўважай,
Раненька ўставай,
Да й мужа разбужай.

Маша все плачетъ и вмѣстѣ съ Ванькою всѣмъ кланяется, сидя за столомъ. Потомъ всѣ встаютъ изъ-за общаго стола и 3 раза обходятъ тотъ столъ, за которымъ сидѣли бабы.

Затѣмъ всѣ садятся за столъ и „приданки“ поютъ:

По загорью синіе краски цвяцѣли,
А по застолью любые госци сядзѣли.
Цвѣўши, цвѣўши синіи краски спадуць,
Пиўши, ѣўши любыи госци поѣдуць.

Потомъ всѣ встають изъ-за стола. Маша вмѣстѣ съ Ванькою
эщаются съ родителями, причемъ кланяются въ поясъ и цѣлують
ь въ руки и лицо. Маша голоситъ:

А ў бору зязюлька кукуиць,
Маша мамульцѣ дзянькуиць:
Дзянькую, мамулька, за хлѣбъ за соль!
Ни пойду больше за твой столъ,
А хоць же буду ў госцину.
Навяжу ў хусту госциня.

Машѣ поютъ:

гроза зъ листкомъ
:ю восень говорила,
аша съ мамкой
:ю ночку говорила.
я бось, бярозка,
цябе ни покину,

Ня бось, матулька, ня бось, родная,
Я цябе ни покину,
Я на цябе на забуду,
Я къ табѣ ў госци буду,
Я съ табой сядзѣць буду,
Я съ табой говориць буду.

Дружки поютъ: *)

аша отъѣзжаиць,
атульку покидаець,
гарую надужую

Съ дзѣтками дробненькими,
Съ служками вѣрненькими.

Когда невѣста съѣзжаетъ со двора.

къ табѣ, зораночка,
ь соўнійкомъ разстацися,
ь мѣсяцемъ спознацися?
- А я такъ разстанусся,
я сякъ спознаюся:
учками обоўюся,
ожджами оболлюся.

— Якъ табѣ, матухна,
Зъ матухной разстацися,
Съ свякровой спознацися?
— А я такъ разстануся,
А я сякъ спознаюся:
Косками опущуся,
Слезками оболлюся.

---

*) Лучшій варіантъ этой пѣсни см. въ „жнивныхъ-ярныхъ".

Дорогой приданки поютъ:

Играй дудочка съ сёлъ до сёлъ,
Кабъ мой миленьки быў васёлъ.
Играй дудочка отъ села до села,
Кабъ моя Маша была васяла.

Когда молодые въѣзжаютъ на дворъ Ваньки, приданки поютъ:

Приданки на дворъ ѣдуць,
Курочки подъ печь бягуць,
Ня бойцися, курки, ня многа васъ треба:
Семь на снiдання, а восьмая па вячеру,
Дзевятую на прощання,
А дзисятую на отъѣзжання.
Одчини, мамулька, воконца!
Мы вяземъ табѣ нявѣстку якъ слонца.
Одчини, мамулька, новый дворъ!
Вяземъ табѣ нявѣстку якъ яворъ.
Одчини мамулька варшочакъ!
Вязёмъ табѣ нявѣстку съ кормочакъ.
Одчини, мамулька, новый тынъ!
Вязёмъ табѣ нявѣстку якъ твой сынъ.

Молодыхъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью и проводятъ ихъ чрезъ кожухъ, разостланный на порогѣ дома. Маша даетъ свекрови полотенце. Затѣмъ садятся за столъ, молодые на почетномъ мѣстѣ. Въ отсутствiи Ваньки коровай выносятъ изъ печи въ амбаръ, причемъ крестьяне стучатъ топоромъ объ косякъ двери, чтобы сдѣлать дверь шире, потому, что коровай не можетъ вылѣзти и поютъ:

Ахъ, мой Божа, да вяликъ дужа-жь нашъ коровай.

За столомъ приданки поютъ:

Приданки запоцѣли,
Гуляць захоцѣли.

Тогда начинается пляска. У отца Ваньки приданки стаются цѣлыя сутки. Утромъ на другой день онѣ молодыхъ ведутъ къ колодцу и поютъ:

Павядземъ молодую на воду,
Паглядзимъ на ходу:
Чи ни крывыя ножки,
Чи ни косые воченьки?

И тутъ же обливаютъ молодыхъ водою, держа надъ ихъ голоми кусокъ холсту. Потомъ всѣ возвращаются домой и приданки ютъ:

Приданки отъѣжджаюць,
Машеньку покидаюць.
Прошу жъ цябе, мой сваточакъ, съ поваги,
Кабъ ня было нашей Машиньки зниваги.
Кабъ ня была вячерочка подъ окномъ,
Кабъ ня была посцеличка подъ угломъ,
Кабъ ня были ей слезачки за воду,
Кабъ ня быў ей рукавокъ за ручничокъ.

Родня Ваньки отвѣчаетъ приданкамъ:

Нихай же яна хатку подмяцець,
Нихай же яна на вулку шумы ни нясець.
Нихай же яна на дворъ нясець
И ножками притопчиць.

Приданки поютъ:

Ай по новинькой святлицы
Разходзилися сястрыцы,
Лѣпшь намъ было, сястрица, ни родзицца,
Чимъ цяперь съ тобой расхадзицца.
Ня бійцяжъ яе дубцомъ,
А научайцежъ яе слоўцомъ.
Отъ дубца дурнѣиць
Отъ слоўца разумнѣиць.

—

Поѣдзимъ же, домовочки,
Съ гэтай няволячки:
Намъ дома лѣпшь будзиць,
Для коня оброкъ будзиць,
А для свата медокъ будзиць,
А для свацци горэлочка,
А для брата паненочка.

Послѣ этого приданки уѣзжаютъ домой. Пріѣзжая къ отцу Маши, гѣ поютъ:

Яково табѣ мамонька безъ дочки?
Нарастутъ на золавочкахъ козлячки.

Собранныя на свадьбу старухи прощаются съ хозяевами и поютъ

А на што-жь на вяселля звали?
Кабъ я вѣдала—не пойшла.
Чи ябъ дома работки ни знайшла?
Чи ябъ воўначку ни скубала?
Чи ябъ рукоядочку ни спрала?

После чего расходятся по домамъ.

563

А сватъ съ сваціяй
Поплеў лапци
Съ тоўстыхъ лыкъ.
Ходзиць, топчиць,
Храбруиць якъ индыкъ.

564

Соловейка на вылёци,
Сѣў жа-жь ёнъ на вороци,
Стаў жа ёнъ щабетаци (2),
Крылками махаци (2);
Крылками махаючи (2)
Пташичикъ сзываючи:
Пташачки ко мнѣ, ко мнѣ (2),
Паляту я съ вами
Съ добрыми солоўями.
Иваничка на выѣздзи (2)
Сѣў жа ёнъ за столикомъ (2)
Стаў жа ёнъ говорици, (2)
Хусточкой махаючи (2),
Брацяткоў ўзываючи:
Брацятки, ко мнѣ, ко мнѣ!
Поѣду я съ вами (2)
Съ родными брацятками.

565

Ляци, поляци, ясенъ соколъ ў чистый боръ.
А хоць поляту, хоць ни поляту—ни дбаю,
Мижъ ўсихъ лябядзёў свою пташку спознаю.
А ѣдзь, поѣдзь молодзый Иванька къ цясцятку.
А хоць поѣду ни поѣду,—ни дбаю,
Мижъ ўсихъ дзѣвачакъ свою Машеньку спознаю.

566

Ходзила лисочка по бору, (2)
Ды просилася ў соболя: (2)
А ты такій жа сякій соболю!
А выведзь жа мяне су бору,

А ужо мнѣ ў бору доѣла (2)
Объ шишки ножки поколола, (2)
Объ вересъ вочки высцебала,
Росицай хвосцикъ смочила.
Ходзила Машенька по двору (2),
Ды просилася ў Ваньки (2),
Ды сякій жа ты такой Ваничка, (2)
А вывезъ мяне отъ татки, (2)
А мнѣ ўже ў татки доѣла, (2)
На высокихъ ганкахъ ходзючи,
Золотые ключи носючи.

567

Ай восень, восень!
Кому на восимъ,
А ко мнѣ ни воднаго.
Стукнула, грукнула на дворѣ.
Поглядзи мамулька,
Чи ни по мнѣ?

568

Ай боромъ, боромъ, боромъ,
Лижала дорожка шнуромъ —
Ѣхало казакоў семъ полкоў,
На пирадочку Иванька.
Ёнъ назадъ хусточкой махаець,
Ёнъ свою дружинку сциханць.
Ай цихо, братцы, моўчице-шь,
Ни зязюлька ў бору кукуиць,
Ни соловей ў лозѣ щабечиць,
То моя дзѣвонька спиваиць,
Тонкую кошульку сшиваець,
Да при цёмной ночи, при свѣчи,
При ясной зарѣ на дворѣ.

569

Лётало стадо куропатъ по полю,
Вяли зязюлечку съ собою,
Ды приляцѣли къ зяленому садочку:
А тутъ табѣ, наша шѣрая зязюлька, остацися,
Съ намъ пташкамъ куропаткамъ растацися.
Шло-пошло короводъ дзѣвокъ зъ коморы,
Вяли повяли молодую съ собою,
Ды повели къ часовому столочку:
Знаць табѣ тутъ, Машухна, растацися,
И съ намъ дзѣўкамъ бояркамъ растацися.

570

Лётаў, лётаў соловейка вокола сада,
Пытаўся ў зязюли якъ ў садъ ляцѣць.
— Дурненькій соловейка, ниразумненькій!
Подыйми вѣшачку и ляци ў садъ,
Ляци ў садъ и клюй виноградъ
Сердцавиной до одной вѣточки,
Клюй со мной одну ягоду,
Пей со мной одну пѣсеньку.
Ѣздиў мальчишка коло воротъ,
Пытаўся у дзяўчонки куды на дворъ ўзъѣзжаць
— Дурнэй мальчишка, ниразумненькій:
Одними вороты ды ўзъѣздзь на дворъ,
Ўзъѣздзь на дворъ, съ коня долоў,
Съ коня долоў, ды цясцю здороў,
Цясцю здороў, а къ ей ў цяромъ,
Сядзь со мной на одной лавочкѣ,
Ѣшь со мной одной ложачкой,
Говори со мной ў одно слоўцо.

Записалъ обрядъ и пѣсни ученикъ 7 класса Витебской гимназіи
Владиславъ Пржисецкій.

Свадебныя пѣсни въ с. Дубровкахъ *)

571

На заручинахъ.

Ды ў мѣсяца два рожочьки востренькихъ:
Одзинъ рожочикъ зялину воду освяцну
Другій рожочикъ на небѣ звѣзды суличиў.
Ды ў Андрейка два брацитки родненькихъ:
Одзинъ брацитка яму коника сидлаиць,
Другій брацитка яго молодого навучаиць:
Якъ поѣдзимъ мой брацитка жаницьца,
Посадзюць табѣ три паненки на выборъ:

*) Лепельскаго уѣзда.

Одну паненку ў золоци—раненька,
А другую ў серабрѣ—раненька,
А треццію ў разуми — раненька.
Ни бяри тую што ў золоцѣ—раненька
Ни бяри тую што ў серабрѣ — раненька,
А бяри тую што ў разумѣ—раненька,
Мы на яе свое золото ўзложимъ,
А мы же ей свайго разума ня ўложимъ.

572

На заручинахъ.

А ни хилися, а ни ламися калинка,
Ни вяликая ў Халимонки дружинка,
Семсотъ козакоў, а прочь полякоў дли яго.
Ёнъ полемъ ѣдзиць, ажъ поля дрыжиць отъ яго,
Ёнъ лѣсомъ ѣдзиць, лѣсъ разлигаиць отъ яго,
Богъ тому даець кто дочку отдаець за яго.

573

А куды жъ ты млада Гапулька глядзѣла,
Што за такого непригожаго хоцѣла?
—Я глядзѣла ў шкляноя воконцо,
—А ёнъ ѣхау на чорнымъ кони якъ сонцо.

574

Когда невѣсту сажаютъ на посадъ.

цѣла шѣра зязюля циразъ садъ
ь рана раненька циразъ садъ,
часъ табѣ Гапулька на посадъ,
ъ рана раненька на посадъ.
штошъ табѣ зязюля до того?
ъ рана раненька до того.
Есць ў мамы ..... на тоя
Ахъ рана раненька на тоя,
Скажиць яна сѣсци я сяду,
Ахъ рана раненька я сяду,
Скажиць мнѣ склонициса, склонюся
Ахъ рана раненька, склонюся.

575

цзь жа, сядзь саловейка,
мыслися.
ўсѣ ў твоимъ садочьку
асачки ёсць.
Ўсѣ ў моимъ садочьку
Красачьки ёсць,
Тольки нѣтъ однаго
Божжа дзереўцо,

Сядзь жа, сядзь Гапулька,
Обмыслися:
Ци ўся ў твоей бясѣдзи
Сямейка ёсць?
Ўся ў моей бясѣдзи
Сямейка ёсць.
Тольки нѣтъ, тольки нѣтъ
Моей матухны.

Некаму жъ, некаму
На посадъ сядзиць,
Некаму жъ, некаму
Бога славиць.
Посадзиць на посадъ
Цябе матухна,
Богасловиць, богасловиць
Самъ Господзь Богъ.

576

Рада Божжа пролецила
Циразъ гэту рыдзельку ўмяценую,
Циразъ гэту бясѣду вcase.iую.
Радовайся сердзеченька....
Спраўляючи васеллійка....

Тогды мое сердзечко радовалося
Якъ мое дзицяця годовалося,
Тагды мое сердзечко ўлякнулос
Якъ мое дзицяця склонилося.

577

Когда невѣста сидитъ въ клѣти и женихъ съ дружиной подъѣзжаетъ къ до

Якъ застучели куты колесы
На двори,
Якъ заплакала млада Гапулька
Ў каморп
Выйдзи, выйдзи моя родная

Откажи.
Якъ я маю мое дзицяци
Отказаци.
Поѣхали князи бояры
Кабъ ўзяци.

578

Што за пановя, што за сватовя на дворп?
По польску мовюць, Гапульку просюць до сябе.
Ай выйдзи, выйдзи млада Гапулька ты до насъ,
Ци спознаншъ своего суженьку мижи насъ?
А хоць я выйду, хоць я ня выйду, ёнъ тутъ ёсь.
А што ў въ атласѣ, ў жоўтымъ поясѣ—дзевирка.
А што ў синимъ, на кони сивымъ—старшій сватъ.
А што ў злоци, ў козловымъ боци—суженька.

579

Ды ходзили два стрѣльчика по бору,
Ды забили сивого коня ў ламу.
Якъ зачула сива лосица ў бирагу,
Якъ ударила крутые роги объ дороги:

Нихай гэты крутые роги пропадуць,
Нихай жа мнѣ сиваго лося отдадуць.
Замкнулась млада Гапулька ў коморп,
Застучели кутые колы на дворп.
Якъ зачула родная мамка ў клѣци,
Якъ ударила золотые ключи объ скрыню:
Нихай гэты золотые ключи пропадуць,
Нихай яны мойго дзяцяци ни бяруць.

580

Когда расплетаютъ косу.

ни жарка горпць калинка,
ни жалка плачиць Гапулька,
жалѣнць своей матульки,
жалѣнць своей косаньки,
анька моя русая!
Ня одно ранынько спирала,
Русую косаньку чисала,
Ўчосы мое гладкіе,
Ўплёты мое густые.

581

Якъ пошоў виноградъ по загорійку,
Сцелючи лисцики по коренійку.
Якъ пошла Гапулька по застолійку,
Сцелючи обрусы тоненькія,
Ломючи рученьки бяленькіе,
Ронючи слёзачки дробненькіе.

582

Сядзимъ, мамка, повячеранмъ,
Тогды, мамка, подзѣлимся:
Табѣ, мамка, хатка каморка,
А мнѣ, малодзенькой, кубилъ, кароўка.

583

Наткоспичикъ ни вяличикъ
Поцалуй сястрѣ ў чиравичикъ.
— Якъ я маю цаловаци,
— Коли ня ўмѣю шановаци. —

584

Передъ отъѣздомъ въ церковь. Въ домѣ невѣсти:

За сяньми, сяньми
Три сады зяленыхъ.
Ай рана, рана—три сады зяленыхъ *).
Ў первымъ садочьку
Зязюля кукуиць,
Ў другимъ садочку
Солоўи щабечуць,
Ў трецщимъ садочьку
Гапулька плачиць.
Зязюля кукуиць
Ў гаи летучи,
Солоўи щабечуць
Ў сады летучи,
Гапулька плачиць
Отъ мамульки идучи.

585

Чаго сядзишъ,
Што думаишъ, Андрейка,
Хтожъ за табой
Наткосничкомъ поѣдзиць?
Твой брацитка,
Твой родненькій ня хочиць.
Якъ пойду я
Сама яго просици,
Якъ стану я
Дробные слезки роници.
А ѣць, поѣць
Мой брацитко ня ткажи,
Хоць ни за мною,
Дыкъ за русою косою.

586

А нѣтъ горшаго ката
Надъ родного брата,
Ёнъ косаньку звоиць,
Голоўку збузуиць.

587

Зародзи, Божа, братняго жита
По полю, по колосочьку,
Растрипаў мое русые коски
По плечь какъ по волосочьку.

588

Если невѣста сирота:

Лятуць, лятуць
Шѣрые гуси циразъ садъ.
Вядуць, вядуць сироточку на посадъ.
Сироточка по садочку ходзила,
Черную сцежку ўсю слезками змочила,

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, съ повт ніемъ послѣдняго.

Ды слоўцами ўсё мамухну будзила:
Ахъ ўстань, ўстань, моя матухна, ня ляжи,
А хоць-же-шъ одну мнѣ ноченьку поможи.
Радабъ я ўстаци къ свойму дзицяци,
Пораданьку даци;
Грабовы доски сциснули ножки—
Ни магу поварнуцца,
Жоўтый пясочекъ засыпаў носочикъ—
Ни магу продыхнуци,
Траўкой-мураўкой заросли вочьки—
Ни могу проглянуци.

589

Въ домѣ жениха:

За лѣсомъ, лѣсомъ
Соўнійка играицъ,
Ай рана, рана
Соўнійка играицъ,
А тамъ Андрейка
Коника сидлаицъ,
Ай рана, рана
Коника сидлаицъ.
Ни такъ сидлаицъ,
Якъ сильна плачицъ,
Ай рана, рана,
Якъ сильна плачицъ.
Пришла матулька
Яго пытаицъ.
Ай рана, рана
Яго пытаицъ:
Чаго мой сынку
Такъ сильно плачешь?
Ай рана, рана,
Такъ сильно плачешъ?
Якже матулька,
Якъ мнѣ ни плакацъ?
Ай рана, рана
Якъ мнѣ ни плакацъ.
Ўзяў нявѣсту
Повышы сябѣ,
Повышы сябѣ,
Пониже Бога.
Якъ шасницъ глазами,
Яжъ сулякнуся.
Ай рана, рана
Яжъ сулякнуся.
Якъ бразницъ ключьми,
Съ коня валюся,
Ай рана, рана
Съ коня валюся.
Ни плачь, мой сынку,
Ни плачь молодзенькій,
Ай рана, рана
Ни плачь молодзенькій.
Ў насъ побудзицъ,
Гэтого ня будзицъ,

Ай рана, рана
Гэтого ня будзиць
Тоўчучи мелючи,
Шаты пободзяиць.
Ай рана, рана
Шаты пободзяиць.
По воду ходзючи,
Ключи погубляиць,
Ай рана, рана
Ключи погубляиць.

590

Сядзиць зайка подъ ёлочкой вочки трець,
Идзець туды Андрейко зайку бьець.
За што про што, молодъ Андрейка, зайку бьешъ?
Ци я табѣ дороженьку пirabѣгъ,
Ци я табѣ ворона коня отпудзиў,
Ци я табѣ младу Гапульку отпудзиў?
Пирабѣгли дороженьки бигунцы,
Отпудзили младу Гапульку молойцы.

591

Ды ня конь копытомъ позвониў
.... по сянёмъ походзиў,
Роднаго брацитку побудзиў:
А ўстань, брацитка родненькій,
Выбирай коникоў ўпаристыхъ,
Выбирай сваточкоў мовистыхъ,
Выбирай дудачку игрульлю,
Выбирай свацицу ня голлю,
Ды й тамъ чужая сторона
Какъ намъ не было сорома.
Играй дудачка съ сёлъ до селъ
Кабъ мой брацитка быў вясёлъ.

592

Передъ отъѣздомъ въ церковь.

Колясомъ, соўпика, колясомъ!
Обсѣй, мамухна, насъ оўсомъ.

По возвращеніи изъ церкви—дорогою.

ı для Бога были,
ı Богу молилпсь,
ı хвала жъ табѣ, Божа!
то наша удалося,
то попа ошукали,
Нядорого за шлюбъ дали.
Ай попе, попе, бацька нашъ,
Повѣнчай же насъ ў добрый часъ!
Ци попъ, ци ня попъ винчаиць,
Святый Антоній злучаиць.

593

ъ домѣ молодой, передъ тѣмъ какъ ее увезутъ къ свекрови. Поютъ молодой.

ı поѣдзимъ,
ой брацитка, домоўки,
ı повяземъ
нвольницу зъ нявольки.
усцимъ мы яё
своей хатанцѣ по воли,
станимъ мы
ѣ на яё глядзѣци:
Ци будзиць яна
Нашей хатанцѣ радзѣци?
Ци будзиць яна
Нашу матухну шановаць.
Чисцинька пойду,
Скажуць: нявѣстка хваслива,
Циханька пойду,
Скажуць: нявѣстка лянива.

594

Поютъ молодой.

А свѣтъ свитаиць,
Зара займаиць,
Ахъ рана, рана—зара займаиць,
Млада Гапулька
Зъ двора зъизжаиць,
Ахъ рана, рана—зъ двора зъизжаиць.
Ў яё матулька
Ключи питаиць,
Ай рана, рана—ключи пытаиць.
Я й ни клюшница,
Я й ни вярница,
Ай рана, рана—яй ни вярница.
А я клюшница
Своему свекру,
Ай рана, рана—своему свекру.
Ды я вярница
Своей свякроуки,
Ахъ рана, рана—своей свякроўки.

595

Ни приданки ѣдуць—міщанки
Ни обрусы сцелюць—китайки,
Снимайци потрепничьки,
Сцялиця кужельничьки.
А гуляка наша сващица гуляка!
Заѣхала яна ў чужоя сяло гуляци,
Ды й не кого за ей молодой позваци.

596

Ай свату мой, свату!
Проси сваццю у хату.
А сваця ня вѣдала,
Ў хлѣў заѣхала,
Быку руку дала,
Съ казломъ виталася,
Ў барана пыталася:
Ци густа капуста?
Ци вяликъ горшокъ каши?
Ци поідаюць госци наши?

597

Ўдалые приданые,
Прошу васъ.
Ахъ пійця жъ вы,
Гуляйця жъ вы,
Якъ мы ў васъ!
Ды ёсць ў насъ
Бочичка вина,
Ўсё дли васъ.
Выпьимъ мы тую,
Знайдзимъ другую,
Ўсё дли васъ.

598

Ды вумная, разумная дзѣванька!
Поставила стороженьку на броду,
Сама сѣла подъ вишенькой ў саду.
Откуль, откуль ясноя сонца ўзойдзиць,
Оттуль, оттуль моя мамухна ўзъѣдзиць.

599

На другой день утромъ.

Пріѣхала маци
Глядзици дзицяци:
Ды ци хорошо спала?
Ды ци весело ўстала?
Спала яна хорошусенько,
Ўстала яна висялюсенька.
—
Братъ сястру домоў зовець:

Ѣдзь, брацитко, дзинъ здороў!
Мнѣй тутъ добра будзиць,
Нашимъ конямъ оброкъ будзиць!

—

Кациўся хмѣль подъ варотъ,
Часъ вамъ госця за вороты.
Ни пускайце госцей,
Ни давайци воли.

Наши бочьки ня ўдовачьки,
Гвоздомъ точуць, вядромъ носюць.
Ни пущайци госцей,
Ни давайци воли.

—

Кацилася шапка съ столу долоў,
Ѣщця, сваты, къ чорту домоў!

600

Да ни дамъ калинки ни кому,
Повязу калинку съ собою
Ды ў свекоркову комору,
Кину калинку ў пяринку,
Тутъ табѣ, калинка, развицьца,
А мнѣ, молодзѣ, разжицьца.
Тутъ табѣ, калинка, пропадаць,
А мнѣ, молодзѣ, вѣкъ віковаць.
Ды што гэта приданные блудзили,
Ды ў чистымъ поли дороживьку згубили,
Да згубили сивого коня подкову.
Ни жаль жа намъ сивого коня подковы,
Да жаль жа намъ своей сястрицы размовы,
Яна жъ ў насъ разумница бывала
И съ панами королями моўляла.

Зап. Л. П. Скляренко.

Свадебный обрядъ въ м. Чашникахъ *).

Свадебный обрядъ **) обнимаетъ періодъ времени отъ трехъ до четырехъ недѣль и распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) Заручины, 2) Вяновъ, 3) Шлюбовины, 4) Калинки и 5) Перезоўки.

*) Лепельскаго уѣзда.

**) Эти замѣтки о подробностяхъ этого обряда основаны на устномъ разсказѣ пѣвицы и по возможности удержаны ея тонъ рѣчи и образъ выраженія, съ устраненіемъ лишь бѣлорусскаго говора. Только первый отдѣлъ: заручины и заключенія распространены и измѣнены мною для большей ясности.

Заручины (или запоины).

Очень часто случается, что молодой человѣкъ (молойдзецъ, дзѣцюкъ) ужь за полгода до заручинъ коротко знакомъ съ своей будущей невѣстой и пользуется ея добрымъ расположеніемъ. Это разумѣется рѣдко ускользаетъ отъ наблюдательнаго глаза родителей, которые не торопясь подъ рукою собираютъ нужныя свѣдѣнія о характерѣ дѣвушки, о ея роднѣ, а главное о выгодности этой связи для ихъ сына, и если послѣ зрѣлаго размышленія рѣшатъ въ пользу послѣдняго обстоятельства, то назначаютъ день, берутъ съ собою молодца и. отправляются въ домъ его суженой для рѣшительныхъ переговоровъ. Но если женихъ круглый сирота или имѣетъ только мать, то онъ самъ беретъ починъ въ этомъ дѣлѣ и дѣлаетъ этотъ важный для него визитъ въ сопутствіи крестной матери и двухъ женатыхъ людей изъ круга родныхъ или добрыхъ знакомыхъ, нарочно приглашенныхъ имъ для этой цѣли. Если родители невѣсты, или (въ случаѣ сиротства) ея родственники согласны на этотъ бракъ, то отецъ ея и отецъ жениха даютъ другъ другу руки, невѣста и женихъ кладутъ свои руки на ихъ руки крестъ-на-крестъ, а невѣстина мать своей рукой обхватываетъ всѣ руки. Затѣмъ молодые обмѣняются перстнями, и родители невѣсты, а если она сирота, то близкіе ея родные „кланяются Богу“, а за ними и молодые (они становятся передъ образами не на голой землѣ, а на подостланномъ платкѣ). Потомъ пьютъ водку (которую долженъ принести съ собой женихъ) и закусываютъ колбасой домашняго изготовленія. Послѣ закуски отправляются къ священнику „погодзиць церкву“. Священникъ пишетъ „заповѣдь“ для оповѣщенія въ церкви и назначаетъ день свадьбы, примѣрно черезъ три недѣли.

Вянокъ.

На третьей недѣлѣ, въ четвергъ или въ субботу назначается вечерина или „Вянокъ“. Наканунѣ вечерины (вянка) приходитъ „маршалокъ“ въ домъ невѣсты и приноситъ для нея галунъ (галёнъ) и вѣнокъ золотой на тарелкѣ, покрытый платкомъ и передаетъ ихъ ея матери, за что и получаетъ отъ нея въ подарокъ платочекъ. Въ самый же день вѣнка утромъ „боярка“ (дѣвица) по-

друга невѣсты) убираетъ голову послѣдней подаренными галуномъ и вѣнкомъ и отправляется вмѣстѣ съ нею по мѣстечку просить къ себѣ на вечеръ всѣхъ своихъ сродственниковъ. Кто имѣетъ сыновей (молойцевъ) и дочекъ взрослыхъ, отправляетъ ихъ къ невѣстѣ, гдѣ ихъ щедро угощаютъ. Часа въ два или въ три „вечерники“ (неженатые молодые люди) отправляются по мѣстечку и снова приглашаютъ тѣхъ же самыхъ гостей. Передъ вечеромъ гости собираются опять и замужнія женщины „разчиняютъ“ коровай. Неженатыхъ оставляютъ ужинать. Потомъ ихъ отсылаютъ домой съ музыкантами. Жены остаются тутъ и начинаютъ мѣсить коровай изъ пшеничной муки. Изъ тѣста онѣ выкатываютъ разныя фигурки, напримѣръ: утокъ, гусей, лебедей, боченки, дѣлаютъ изъ того же тѣста большой обручъ и кладутъ его на дно изъ тѣста же, а по срединѣ натыкаютъ эти фигурки,—выходитъ коровай рогатый. Затѣмъ вытопятъ печь, часто за полночь, и испекутъ коровай. Тутъ приходятъ два свата съ княземъ и музыкантами. Сватовъ и жениха сажаютъ за „кутъ“, а молодую противъ печки. Дружко жениха (маршалокъ) беретъ панчохи (чулки) и башмаки, платокъ и нѣсколько серебряныхъ денегъ, кладетъ все это вмѣстѣ на тарелку и покрываетъ платкомъ. Затѣмъ всѣ отправляются домой, а молодой остается тутъ ночевать.

Шлюбовины (день свадьбы).

Назавтра княгиня встаетъ рано и вмѣстѣ съ бояркой отправляется къ знакомымъ звать ихъ „на шлюбъ“. Всѣ собираются въ домъ невѣсты. Тамъ ставятъ среди хаты дежу (квашню). Невѣста становится на колѣни передъ дежой, облокотясь на неё. Въ это время ей расплетаютъ косу. Начинаетъ это дѣло меньшой братъ невѣсты или вечерникъ. Потомъ сажаютъ невѣсту за столъ. Она плачетъ. Передъ ней ставится тарелка, куда всѣ гости кладутъ деньги. Затѣмъ отецъ и мать благословляютъ её деньгами, серебромъ или бумажками, а не мѣдью.

Надъ нею читаетъ (умѣлый) рацею. Собранные деньги берутъ ея подружки; а сама со всѣми гостями идетъ въ церковь. За ней вслѣдъ идетъ сватъ съ короваемъ. Послѣ вѣнчанья невѣста съ подругами и гостями отправляется въ свой домъ, а женихъ въ свой. Часъ или два спустя, молодой со сватами и со всей своей

компаніей идетъ къ невѣстѣ. Передъ дверями они останавливаются, чтобы выкупить невѣсту, и стоятъ тамъ до тѣхъ поръ, пока въ домѣ не посадятъ княгиню съ подружками за столъ и не дадутъ имъ объ этомъ знать. Тогда маршалокъ входитъ въ хату, даритъ боярокъ за выкупъ невѣсты и выпихиваетъ всѣхъ дѣвокъ поодиночкѣ къ жениху, стоящему за дверью, все спрашивая: „ци ваша?“ „Ня, ня наша!“ Напослѣдокъ выпихиваетъ къ нему невѣсту. Она проситъ всѣхъ въ хату.

Тутъ невѣстинъ отецъ беретъ жениха и невѣсту и садитъ ихъ на кутъ. За ними садятся всѣ. Ихъ угощаютъ водкой и поютъ пѣсни. Затѣмъ обѣдаютъ. Послѣ обѣда мать невѣсты беретъ образъ и благословляетъ молодыхъ. Вскорѣ пріѣзжаетъ и родня жениха, беретъ его, невѣсту и ея постель и садятъ её въ повозку и увозятъ въ домъ молодого, гдѣ его мать встрѣчаетъ ее съ хлѣбомъ и солью. Вслѣдъ за тѣмъ привозятъ ея сундукъ съ приданымъ. Молодая вынимаетъ изъ сундука скатерти и стелетъ ихъ по столамъ, а по стѣнамъ вѣшаетъ рушники. Гости садятся за столъ и ужинаютъ. За ужиномъ молодую уводятъ въ коморку или клѣть и тамъ надѣваютъ на неё сѣтку. Гости попируютъ, погуляютъ и разъѣдутся.

Сестра или мать молодого постелетъ постель чистой простыней и положитъ для молодой чистую бѣлую рубашку.

Калинки *).

На другой день приходитъ маршалокъ съ музыкантами. Онъ уходитъ въ клѣть и подымаетъ молодыхъ. Если молодая оказалась честною, то сватья (сестра жениха) беретъ ея рубашку, сверты-

---

*) Почему этотъ обрядъ называется „калинкою“ или „калинками“, т. е. какое отношеніе онъ имѣетъ къ ягодѣ калинѣ, я никакъ не могъ добиться отъ своей, впрочемъ, много-знающей пѣвицы. Она въ отвѣтъ на это твердила мнѣ только: „чаму я вѣдаю?“ Тогда я ухватился за словарь бѣлорусскаго языка г. Носовича, недавно изданный Академіей Наукъ — тамъ и помину нѣтъ объ этомъ мѣстномъ исключительномъ значеніи этого слова на Бѣлой Руси. Я обратился наконецъ къ незамѣнимому ни чѣмъ въ подобныхъ случаяхъ словарю Даля и вотъ, что я нашелъ тамъ во 2-мъ томѣ подъ словомъ калина:

„*Калину ломать*, свадебный обычай: на столѣ у молодыхъ окорокъ и штофъ вина, заткнутый пучкомъ калины съ алой лентой; молодыхъ подымаютъ и идетъ подчиваніе, обходятъ по домамъ родителей невѣсты, родичей, поѣзжанъ, а во-

ваетъ въ комокъ и пришпиливаетъ къ ней красную ленту. Молодая беретъ ручники, навязываетъ ихъ черезъ плечо двумъ подружкамъ. При выходѣ изъ клѣти, изъ родни жениха дѣвушки подбрасываютъ подъ ноги молодой (шумъ) соръ. Она даетъ деньги за очистку этого сора. Входя въ хату, она должна поклониться отцу и матери молодого въ ноги. Тутъ молодой съ маршалкомъ беретъ сладкую водку, отправляется къ тестю, гдѣ его съ кампаніей „частуюць обѣдомъ".

Перезоўки.

Весь рядъ свадебныхъ пиршествъ оканчивается на четвертый день „перезоўками". Они заключаются въ томъ, что родители молодого отправляютъ къ родителямъ молодой кого нибудь, обыкновенно двухъ, съ приглашеніемъ на обѣдъ. Тѣ приходятъ или пріѣзжаютъ, если невѣста взята изъ другого мѣстечка или села, отобѣдаютъ, посидятъ, погуторятъ и уйдутъ, пригласивъ въ свою очередь къ себѣ молодыхъ со всей ихъ родней. На слѣдующій за тѣмъ день трудовая жизнь сроднившихся семействъ входитъ въ обыкновенную свою колею.

601

До сватовства.

Ходзила лисынька по бору,
А просилася ў соболя:
Ты таки, ты сяки, соболю!
Вывидзи мяне сы бору,
А вже жь мнѣ ў бору доѣла,
Шишички голоўки отбили,
Росица вочиньки выѣла.

Ходзила дзѣвынька по сянѣхъ
А просилася ў сужиньки:
Ты таки, ты сяки сужинька!
Вывидзи мяне отъ бациньки,
А вже мнѣ у бациньки доѣла:
Зъ клѣци до клѣци ходзючи,
Золотые ключики носючи.

602

Заручины.

За ракой живецъ тамъ кума моя,
А ў кумы дзяўчина-та душа моя,

ротясь, дружка рушитъ оворокъ и, расщипавъ калину, разноситъ вино". Вѣроятно отъ калиноваго пучка первоначально въ Бѣлоруссіи названъ и этотъ обрядовый день свадьбы. Можетъ быть, этотъ обычай и до сихъ поръ еще существуетъ и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи именно такъ, какъ описанъ Далемъ. Жаль, что нашъ почтенный лексикографъ не указалъ мѣстности. Къ этому нужно еще прибавить, что если молодая оказалась нечестною, то „калинокъ" не празднуютъ.

Отдамъ я попу пшаницы копу,
Кабы попъ повинчаў зъ куминой дзѣўкой.
Я шпонки ня жала и шлюбу ня брала,
Бодай на ця, попинка, трасца напала,
Штобъ трасла поўтора гòда,
Якъ я дзѣўка сяжу молòда,
Штобъ трасла поўтора рóка,
Пущай табѣ, попинка, вылизиць вóка!...

603

Затужила дзѣвынька,
Што рапа зименька настала,
Сняжкомъ рутынька запала.
Но зъ чаго молодзѣ винкà звиць.
Зачаў жа тоя сужинька:
Ня тужи, ня бядуй, дзѣвынька!
Я ўчора на торгу побываў,
Я табѣ вяночикъ зторговаў,
Зъ руты зъ мяты зъ шалфею,
Зъ чирвоные калины,
Зъ солодкія малины.
Чирвона калинка—сужинька
Солодка малина—дзѣвынька.

604

Зялёная рутынька жоўты цвѣтъ!
Коли замужъ ня отдадуць пойду ў свѣтъ
Зялёная рутынька зилянѣиць,
Хто мяне ня возьмиць—сжалѣиць,
Зяленая рутынька руцицца
Хто мяне ня возьмиць—скруцицца.

605

Ў насъ сягодни заручиньки
Богъ намъ даў!
Золотые персцни на ручиньки,
Богъ намъ даў!
Бѣлые сыры колупаць будзимъ,
Богъ намъ даў!
Молодого зяця честоваць будзимъ,
Богъ намъ даў!
Ножъ уломійся
Зяць проявиўся,
Богъ намъ даў.

606

Знаць по вутынцѣ,
Знаць по шѣренькой
Што ина подстрѣлина:
Якъ полимъ ляцицъ, (2)
Такъ ина низюсинька,
Ў кусточку сядзиць, (2)
Такъ ина цихусинька.

Знаць по дзѣвынцѣ,
Знаць по душиньцѣ,
Што ина сироцинька:
По хаци ходзицъ,
Такъ ина цихусинька,
За столомъ сядзиць,
Такъ ина смутнюсинька.

607

Што за пташинька
Ўсё поля вылитала,
Крыльцомъ ни ўзмахнула
И пярца ни ўзронила?
Молодая дзѣвынька весь вечеръ сидзѣла.

Голоўеньки ни склонила
И слёзыньки ни ўзронила,
Слёзыньки ни ўзронила
И матыньки ни ўжалила.

608

Шѣрая зюзюлинька!
Вже твоё минаецца
Полевое полеванiйка
И лѣсовое кукованiйка.

Молодая дзѣвынька!
Вже твоё минаецца
Дзявоцкоя погулянiйка
Молодоя красованiйка.

(Всѣ 8 зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

609

Цемная ночинька ўже идзецъ
Молода дзѣвынька сватоў ждзецъ.
Богатый ня ѣдзицъ.
А биднячёкъ худачёкъ ня смѣицъ
Осмѣлься, худачёкъ, осмѣлься!
Богатому дураку насмѣйся.
Дамъ тебѣ, худачёкъ, рудничёкъ
Богатому дураку скулля ў бокъ.

(Зап. мною отъ той же.)

610

(М. Чашники)

Коровайныя.

Благослови маци
Свойму дзицяци
Короваю начаци!
Чія-то мятулька
По вулицы ходзиць
Сусѣдокъ просиць:
Сусѣдочки мое,
Ходзицежъ вы ко мнѣ,
Къ моему дзицяци
Короваю начаци!
Ручками бѣленькими,
Перстнями золотненькими.
На золоцѣ качали,
На серебрѣ сажали,
Шелковымъ помеломъ месци,
Золотой лопаткой несци.

611

Самъ Богъ коровай мѣсиць,
Прачистая свѣциць,
Ангели Божіи водў носюць
И ў Бога доли просюць:
Дай, Боже, долю
Нашему челядзину,
Счастливу годзину!
А съ субботы до надзѣли годзина
Собралася нявѣсцина ўся родзина,
Сняли связли семъ копъ яецъ,
Семъ копъ яецъ да на коровай.
Съ субботы до надзѣли годзина,
Собралася нявѣсцина ўся родзина,
Снясли связли семь фасокъ масла
Да на коровай.

612

Зъ сями поль пшеничанька,
Зъ восьми криницъ водзиченька,
Дзевяци короў масло,
А яецъ поўтораста,
Я и рогатъ и богатъ,
Ў малую дверь ня ўлѣзу,
Ў вяликую .....

613

(М. Коптевичи)

Ўдайся, ўдайся коровай!
Чамужъ яму ня удацьца?
Богатые ўчинили,
Пригожіе качали,
Пузатые сажали,
Росци, росци коровай!
Выше печи золотой
Выше столба мѣдзянаго,
Выше жениха молодого.

(Зап. учит. народн. училища г. Преображенскимъ.)

614

(*Чашники*)

Коровай мой румяны!
Ци боги цябе малевали?
Малевали мяне жонушки,
А качали мяне дзѣвычки,
А хорошіе ўчиняли,
А пригожіе мясили,
А богатые качали,
А пузатые сажали:

Росци, росци коровай,
Выше князя молодого!
Дайця мнѣ посошокъ подпирацца
А до клѣци добирацца.
А рогатъ я богатъ!
А ў малые дзвери ня ўлѣзу
А ў вяликіе, якъ шію.

—

Я была коровайничка,
Славная мѣщаночка,
Я ўмѣла коровай печи,
Штобъ яго ня поджегчи.

На злоцѣ качаци,
На серабрѣ сажаци,
Шоўковымъ помеломъ месци,
Золотой лопаткой несци.

615

Я была на короваи,
Тамъ мяне честовали:
Вниомъ зиляненькимъ,
Мядомъ солодзенькимъ.

Пшеничка моя,
Непогодынька твоя!
При дорозѣ стояла,
Погодыньки ждала.

(Обѣ зап. мною отъ М. Котвевичовны.)

616

(*М. Коптевичи*)

Зъ Могилева купцы ѣдуць,
Золотый обручь везуць (2),
На нашъ коровай кладуць
Семь фунтовъ шафрану,
Къ короваю приправу,
Ящё жъ къ тому дрожжей,

Кабъ ходзиў коровай бордзѣй.
Три сыры скрышили,
Коровай покрасили,
Намъ горѣлку давали,
Сырыми честовали.

(Зап. учит. народн. училища г. Преображенскимъ.)

617

(Чашники)

Въ день вѣнка. Поютъ сиротѣ.

Куковала зязюля ў садочку,
Прыклаўши голоўку къ листочку,
Чагожъ ты, зязюля, кукуишь?
Ци ў цябе, зязюля, дзѣтыкъ нима?
Плакала нявѣста ў святлицы,
Прыклаўши голоўку къ скамьицы:
Чагожъ ты зязюля такъ плачишь:
Ци ў цябѣ нявѣста бацьки нима?
Быў ў мяне бацинька — цяперъ нима.

618

— Ўчора рѣчинька быстрая шла,
— Сягодни рѣчинька цихо идзешь?
„Якъ жа мнѣ рѣчиньцѣ быстро ици,
„Коли на мяне калина схилилася,
„На Дунай вѣцйки спусцила?“
— Ўчора дзѣвынька весела была,
— Сягодни дзѣвынька смутненька?—
„Якъ жа мнѣ дзѣвынцѣ вясёлою быць?
„Обсѣла мяне дружина,
„Ўся сужинаго родзина,
„Зъ праваго боку сужинька,
„Зъ лѣваго боку свацинька,
„Напроцпў мяне дружина,
„Ўся сужинькова родзина.“

619

Зъ бору цёмная туча идзець,
Молода дзѣвынька пшёнку жнець,
Ци ни боишся ты, дзѣвынька,
Гэтые цёмныя тучиньки!
Ды чаго жъ я маю боядьца,
Ў гэтой тучинцѣ ўесь мой родъ:
Родная матынька напяродъ,
Ни водою мяне оболлець,
Долей-счасцимъ обошлець,
Ни водою мяне обмочиць,
Долей-счасцимъ обносиць.

620

Дѣвушки, отправляясь отъ невѣсты домой, дорогой поютъ:

Ў цябе кришталю пытаю:
Кого ты любишь, нихай бы я знала.

А я люблю оцецкую дочку.
А што ина ходзиць ў рутвяномъ вяночку.
На кого ты мой миленьки злучишь?
Што ты свою звонкую кобзынку псуешь?
А я злую на матку старую,
Што ня вялѣла худобыньки браци,
Тольки вялѣла богатэй шукаци.
Богатая по вулицы ходзиць,
Моя худобынька што возмиць, то зробиць.
Ў богатой волы ды коровы,
Ў моей худобыньки чёрнинькія крови,
Ў богатой волы поздыхаюць,
Ў моей худобыньки брови ня злинаюць.
Ў нашей дзѣвыньки широкіе рукавы,
Штобы было гдзѣ класць нявинные славы.

621

Шлюбовины.

Когда садятъ молодую на посадъ:

Ляцѣли гусыньки чиразъ садъ,
Звали княгиню на посадъ.
Благослови бацинька мнѣ сѣсци
На счастливымъ мѣсци!
Благослови сѣсци—я сяду,
Благослови ици—я пойду,
Ваше благословенство возьму,
Хоць бы ни дзеньгами,
Добрыми словами.

622

Вечернички панычи!
Чаго ходзиця по ночи:
Ци за русою косою?
Ци за родною сястрою?
Ни за русою косою,
Да за родною сястрою.

623

Вичарничикъ ни валичикъ!
Поцалуй сястрѣ ў чиравичикъ.
Якъ я маю цѣловаць,
Ня умѣла сястра шануваць,
Бѣлу кошульку ня мыла,
Мягку посцельку ня слала;
А вичарничикъ чирноброў!
Поцираў сястру между дроў,
Ёнъ искаў ня знайшоў,
Заплакаўши да пошоў.

(Обѣ зап. мною отъ той же.)

624

Когда расплетають косу.

Куковала зязюля на росѣ,
Плакала дзѣвынька по косѣ:
А косица моя русая!
Погулянния моё ранноя!
Ня одна ранейка гуляла,
Русыю косыньку чесала,
Бѣлоя личика умывала.
Чесала косыньку гребянцомъ,
Кинула гребенецъ подъ вянецъ,
Русую косыньку подъ чапецъ.

625

Поютъ сиротѣ.

Чія то матынка
Да просилася ў Бога:
Пусци мяне Божа
Зъ неба на землю
Дзицяци поглядзѣци
Ци хорошо приберена,
Ци высоко посажена.
Приберена якъ понятунька.
А посажена якъ сиротынька.
Станьцяжъ бояры ўси ў радъ!
Пойдзиць княгиня на выглядъ.
Ўси радочки обыйшла,
Нейдзѣ своей матыньки ня знайшла.
Яё головенька ў квѣцѣ,
Нима яё матки на свѣцѣ,
Яё голоўка ў вянку,
Нима яё матыньки ў танку.

626

Казала сорока: чи, чи, чи!
Сѣла ў дзѣвынки на плечи.
Гэта табѣ дзѣвынька за тоя:
Ня пляци косыньку ў троя,
Пляци косыньку ў чатыры рады
Живи ў бациньки чатыры годы.
Я ня буду плесць ни ра́ду,
Ня буду жицъ ў бацьки ни го́ду.

Заиграла скрыпочка, дудычка,
Ўзяла нашу дзѣвыньку думычка,
Што нихто дли яё ни сядзиць,
А ни брацитка, ни сястра,
Тольки одзинъ сужинька холойстрá.

627

Когда ѣдутъ послѣ шлюба къ молодой.

Сужинька зориньку попросиў:
Сяци моя зоринька до свѣту,
Покуль я къ тещи заѣду.
Тогды я табѣ сужинька свяцила,
Якъ цябе матынька родзила,
По цясовымъ сѣнямъ ходзила,
Ходзила ина, якъ пава,
Родзила цябе, якъ пана.

628

Пышинъ дружка пышинъ!
По нямѣцку прибраўся,
Путымъ подпиразаўся,
Обручомъ голова збита,
Лыкомъ голова сшита,
Шапка соболля,
Шубка короўя,
А боцики поросяччи.
Шапка брахнéць,
Шубка раўнéць,
А боцики заскрогочуць,
Якъ ѣсци захочуць.

(Всѣ 10 зап. мною отъ М. Коткевичовны).

629

(*М. Коптевичи*)

Матка сына родзила,
Мѣсицемъ обгородзила,
Зоркою подпиразала,
Дорожку указала:
Ѣдзь моё дзяцятко
По свою сужиную,
По мою родзёную!
Привязи нявѣсту дольную,
Съ натурою доброю.
Ўзяла норовы ў рукавы,
Кинула норовы за хлявы,
Добрую натуру ў рукавы.

(Зап. учит. народн. училища г. Преображенскимъ.)

630

(*М. Чашники*)

Когда пріѣдутъ за молодой.

До дому, сваты, до дому!
Кони поѣли солому,
Ды кола тыну крапивы,
Ды ўсю ячную мякину.
А ты матухна загребай жаръ,
Коли табѣ дочухны твоей жаль.
Выграбай матухна вонъ попилъ,
Мы твою дочку ўхопимъ,
Ды кидай матухна ў печъ дровы,
Вы бывайця ўсѣ здоровы.

631

Когда женихъ ѣдетъ къ молодой.

Ў дорози сужинька ў дорози,
Привязаў коника къ бярёзи,
Вырізаў зъ бярозы три розги,
Сцибануў коника подъ ножки.
Ступай мой кося широко—
Еще моя дзѣвынька далёко,
Ступай мой кося вузинько,
Ўже мая дзѣвынька близинька,
Ступай мой кося ступинькамъ,
Ўже мая дзѣвынька подъ вянкомъ.
Ступай мой кося ступою,
Вже моя дзѣвынька со мною.

Заразъ послѣ шлюбу нявѣсту вядуць ў домъ яе радзицилей: заплитаць косу. Госци выпьюць по чарцѣ горэлки и разойдуцца по дворамъ. Чиразъ часъ либа два пріѣзжанць сюды жанихъ со сватами и свацціями. Ихъ угощаюць обѣдымъ. Тутъ молодые должны ѣсць поочародна зъ одной ложки. Послѣ обѣда яны ўси отпраўляюцца ў дворъ къ жениху.

632

Когда пріѣдутъ за молодой послѣ шлюба.

Цёмна, цёмна на дворѣ,
Цямнѣй того за дворомъ.
Бояры вороты обняли,
Шапками золота нясучи,
Молодую дзѣваньку красючи.
Мнѣ молодзѣ однакова,
Моимъ дзѣткамъ ўсякога,
Мнѣ молодзѣ сахарный кусъ,
Моимъ дзѣткамъ капусты нѣтъ.

(Всѣ 3 зап. мною отъ М. Котжевичовны.)

633

(Тяпинская волость)

Политали два соловейки,
Ободвы рабиньки,
Побужали молоду Рипйнку
Зъ бѣлой ложи:
Ўстань, ўстань молода Рипйнка
Зъ бѣлой ложи,
Ўжо твой стары
На дворъ ўзъѣзжаицъ,
На дворъ ўзъѣзжаицъ,
Зъ коника зсидаицъ.
Я стараго зъ-малку ня любила,
Золой накормила,
Смолой напоила,
Кінимъ проводзила.
Кола новаго церима
Поросла трава зилина
А на тэй травѣ
Конь воронэй.
Для того коня
Молойчикъ молодой.
Росицей яго умываицъ
Ў яго праўдыньки пытаицъ:

ци маишь, косю,
ножкахъ моць?
поѣду зъ тобой
ѣ ўсю ноць.
къ ты молойчикъ молодой,
акорми мяне оброкомъ,
Напои мяне водою,
Поѣду на ўсю ночь зъ тобою,
Копытомъ дорожку пишучи,
Вочками мѣста свѣцючи,
Гриўкою дворъ покрашу,
Силкою дзѣвыньку привяжу.

ап. волостнымъ писаремъ г. Шимковичемъ. Сообщ. мир. поср. М. Ѳ. Сазоновымъ.)

634

Когда молодую отправляютъ къ свекрови.

дякую матынька за хлѣбъ-соль,
и пойду боли за твой столъ.
хуць жа приду ў госцины,
Што мяне матынька росцила,
Ў чужіе людзи пусцила.

635

Дзѣвынька зъ двора зъѣзжала,
Вяршокъ бярозки сорвала.
Стой моя бяроза безъ верха,
Живи моя матынька бизъ мяне.
Ци такъ жа будзиць якъ при мнѣ?
При мнѣ была хатычка мецина,
При мнѣ были ложички мытые,
При мнѣ была посцелька заслана,
При мнѣ было ў хаци прибрано.

636

Зарзали коники на броду,
Чули яны на сябѣ пригоду,
Што братъ за сястрой гонигца,
Вострою шабилькой грозицца.
Ты стой, швагеръ, ня уѣзжай,
Ты моей сястрицы ни увози!
Дамъ табѣ коника вронца,
Вярни мою сястрицу зъ-подъ вінца.
Дамъ табѣ шабильку ў злоци,
Вярни мою сястрицу при уноци,
Дамъ табѣ хустучку ў шоўку,

Вярни мою сястрицу ў вянку.
Мнѣ на твоемъ конику ня ѣзжацъ,
Мнѣ зъ твоей сястрицей выковацъ,
Мнѣ твоей хусточки ня носицъ,
Мнѣ зъ твоей сястрицей вѣкъ жицъ.

(Всѣ 3 зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

637

(*Тяпинская волость*)

Ходзила стада уточекъ по полю,
Вяли яны пирапелучку за собою,
Привяли яё къ вишнему садочку
. . . .
Тутъ табѣ пирапёлочка остацьця,
И зъ сизинькимъ голубочкомъ спознаться.
Ходзиў хороводъ дзѣвыкъ по двору,
Вяли яны къ цясовому столику
. . . .
Тутъ табѣ Марьичка остацьця
Зъ дзѣўками зъ товаришками разстацьця.
Зъ молодымъ Михейкомъ спознацьца.

(Зап. волостнымъ писаремъ Шимковичемъ. Сообщ. мир. поср. М. Ѳ. Сазоновичъ.)

638

Мать жениха въ ожиданіи его поётъ:

Хоць я ночиньку ня спала,
Я сабѣ нявѣстыньку дождала,
Хоць я другую ня буду,
Я сабѣ нявѣстку добуду.
Одчини, матынька, новы дворъ!
Вязу табѣ нявѣсту, якъ яворъ,
Одчини, матынька, воконца!
Вязу табѣ нявѣсту, якъ соўнца.
Попалила свѣчки огарки,
Дождалась нявѣсты коханки.

639

Когда молодую привезутъ къ свекрови сестра жениха поетъ:

Одчини матынька новы дворъ!
Вязу табѣ нявѣсту якъ яворъ,
Одчини матынька новую клѣць.
Вязу табѣ нявѣсту якъ мядзвѣдзь,
Одчини матынька воконца
Вязу табѣ нявѣсту, якъ соўнца.

640

[К]огда родня привезетъ сундукъ невѣсти, то родня жениха поетъ, принимая [...]арокъ.

Приданики на дворъ ѣдуць,
Куры подъ печь лѣзуць,
А ня бойцися куры и т. д.

641

Приданки прiѣхали:

[...]нашаго свата соломинна хата,
[...] клѣци, ни повѣци,
[...]йдзѣ рукъ погрѣци.
[...] мы же помёрзли
[...] лютымъ морози, (2)
Ў доўгай дорози.
Запалимъ мы сани,
Погрѣимся сами,
Запалимъ мы сѣни,
Погрѣимъ колѣни.

642

Когда приданокъ принимаютъ.

[...]иданочки милы!
[...]iѣхали за три мили:
[...] кудзелички прасци,
Ня пачиночки вици, (2)
Ды горалычку пици.

643

Поютъ сватамъ и сватьямъ.

[...] сваточки, вы голубочки,
[...]зьця домоў,
[...] ня черци васъ
Привязали ў насъ?
Ѣдзьця домоў!

644

Тѣ отвѣчаютъ:

Привязали черци
Къ калиновой жердзи.
— Ни поѣздзимъ!

645

или:

[...] сягодни домоў, ня сягодни!
[...] сéреду раниньька ўстаўши,
[...] рукѣ воўны счесаўши,
[...] починочку напраўши.
[...]сподыня гороху наварицъ,
А господаръ дорогу покажицъ.
Вотъ табѣ, свацiйка, дорога!
Ѣдзь ты, свацiйка, здорова.
Прiѣзжай, свацiйка, знова!

646

Если сватья молчитъ:

Нѣма свацця, нѣма!
Грѣцкую муку ѣла.
Грѣцкая мука сопка,
Ипрасѣла свацци глотка.
Дайця свацци кочана,
Штобъ яна пѣсню зачала.

647

Она отвѣчаетъ:

Што ваша за слава,
Што ня солина страва?
Ўчинпця славу
Посолпця страву.

648

Ды чаму ты свацiйка ня пяéшь? (2)
Ды ня пяéцца мнѣ па животцѣ,
Чужая кошуля на храбцѣ.
Якъ прiѣду я домоў
Чужую кошулю шусць долоў;
Чужую добрую за печки,
А свои рызiйки на плечки.
Ды чаму ты свацiйка ня пяешь? (2)
Ды ня пяецца мнѣ на душѣ,
Што я ў чужомъ кожусѣ,
Ды пришоўши домоў скинь долоў (2),
Ды скинуўши зъ плечь лѣзь на печь.
Ды своё рызiйка надзивай.

649

Въ домѣ молодаго послѣ шлюба:

Плакала молодая,
Ў свой бокъ поглядая:
Ў моей сторонѣ
И горы низкiе,
Тутъ горы высокiе
И воды далекiе.
Свякроў унимала,
Словами унимала:
Ня плачъ, молодая,
Мы горы понижiнмъ
И воды поблiжiнмъ.

650

Въ винномъ да колодзезѣ
Дзѣвонька воду брала,
Ды ў свой бокъ поглядала:
Ци ня выйдзиць моя родная,
Ци ня выйдзиць моя матынька?
Я тутъ ни съ кимъ ня знаюся,

кому уклоняюся,
тарому и малому,
ужиньку молодому.
новою свѣтлицею
ицъ верба зъ росицею.
:у тую вербу ломаци?
:у тую росу браци?
Сужиньку вербу ломаци,
А дзѣвыньки росу браци.
Вербою коня бици,
А изъ росицы вѣнчикъ вици.
На коники гарцуючи,
А ў вѣнчику танцуючи.

651

Когда привезутъ молодую въ домъ свекрови.

:ны, сваты, дурны!
заѣхали ў гумны.
а думали вороты,
но стали пирашлоты,
Яны думали, што дзѣўка,—
Рыпць свиння бѣлка.
Яны думали ребятки,
Ажно стали поросятки.

Сватья отвѣчаетъ:

А вы сучки ня брашиця!
Объ уголъ языкъ почашиця.

652

Дѣвки продолжаютъ пѣть:

шна свацця, пышна,
ёй шуба лисся.
:онадзѣлыкъ лису ловили,
зторникъ лупили,
:праду ў квасъ клали,
А ў чацверъ выймали,
Ў пятницу сушили,
А ў субботу пошили,
Ў нядзѣлю надзѣла
На свадьбу поспѣла.

653

Пріѣхала свацця на бóрову,
Привязала сову на гóлову,
Сова ку:ры подрала,
А свацця дзѣўку украла.
А вы жонычки, вы лябедычки!
Чаломъ вамъ!
Ци ня приляцѣла наша курычка
Вечёръ къ вамъ?
Хоць приляцѣла, хоць не приляцѣла
Ня скажимъ.
А мы яе между курычикъ

Посадзимъ.
Наша курочка рабушечка
Зъ хохломъ.
Ахъ вы жонычки вы лябёдычки,
Чаломъ вамъ!
Ци ня привезина наша дзѣвынька
Вячёръ къ вамъ?
Хочь привезина, хочь ня привезина
Ня скажимъ,
Мы яе между дзѣвычикъ
Посадзимъ.
Наша молодая дзѣвынька
Значнюсинька и зъ вянкомъ.

Калинка.

654

Когда поднимають молодыхъ (если невѣста честная).

Добрые наши морозы!
Не зморозили намъ рожи.
Пусцили квѣты по клѣци,
А зялёны листокъ подъ мостокъ,
Чирвону калину въ подолокъ.
Тутъ табѣ калина развицьца,
А мнѣ молодзѣ разжицьца.
Тутъ табѣ калина зъ вѣтками,
А мнѣ молодзѣ зъ дзѣтками.

655

Покраса наша дзѣвынька!
Покрасила три дворы:
Первый жа дворъ бацинькоў,
Другэй же дворъ свякраткинъ,
А трецци дворъ—дружину,
Ўсю суженаго родзину.

656

Калинка, дзѣвынька, калинка!
Подъ калинкою стояла,
Ручками калинку ломала,
А за ёи молойцы ходзили,
Ў яе калинки просили.
— А ня дамъ калинки никому,
Понясу калинку до дому *)
Ў свякраткину комору.
Тутъ табѣ, калина, развицьца,
Мнѣ молодзѣ разжицьца,
Тутъ табѣ калинка зъ вѣтками,
А мнѣ молодзѣ съ дзѣтками, **)
Тутъ табѣ, калинка, зимовацъ,
А мнѣ молодзѣ вѣковать.

(Всѣ 20 зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

---

*) Вар. Понясу калинку зъ собою.
**) Вар. Тутъ табѣ, калинка, пропадаць,
А мнѣ молодзѣ вѣкъ вѣковаць. (Дубровка.)

657

Если нечестная:

кой росла,	Ня дзѣўкою стала,
кою пришла,	Зъ ёлки звалилась,
кою спала,	На сукъ пробилась.

658

, бреду	Китайкою ўкрытъ,
ни ў воду,	Чернымъ идвабомъ
. мнѣ пирабрацьци	По краямъ ўшитъ.
сторону.	Вѣциръ повѣнць,
й сторонѣ	Китайка зашумиць,
лася мнѣ	Соўнца пригрѣиць,
нявѣста.	Макоўка зазвиниць.
ь бѣлъ шацёръ	

659

нявѣста	Ляжиць холóсты,
на мѣста.	Якъ собака безхвосты.
о мяне продаешь?	Ў головахъ кульбака,
ано ня пяешь?	При боку собака.
ıбѣ рано пѣць	А ў клѣци, клѣци
:яне ў нову клѣць,	Ды на бѣлой ложи
ı на кровать	Ляжиць женаты,
. . . .	Якъ панъ богаты,
. . . .	Ў головахъ подушка,
ци, клѣци.	При боку женушка.
овымъ мосту	

(Всѣ 3 зап. учителемъ народнаго училища г. Преображенскимъ.)

660

На перезовкахъ, когда гости въѣзжаютъ на дворъ:

ерезовочки	Подъ шапочку клали,
ıовымъ мостомъ,	Кабы ихъ людзи знали,
ломали,	Перезоўками звали.

661

Перезовочки сестры!
А ў ихъ носки (носы) вострьі
Перезовочки милы!
Пріѣхали за три мили
Ни кудзелечки прасци
Ни починочки вици,
Да горэлочку пици.

(Обѣ записаны мною отъ М. Коткевичовны.)

662

(*Могилевской г.*)

Когда расплетаютъ косу.

Кукувала зязюля ў гаечку,
Приложиўши голоўку къ листочку,
А къ ней птушишки прилитали
Ў яе зязюльки пытали:
„Чаго ты, зязюля, кукуишь,
„Чаго ты, сѣрая, гарунишь?"
— Свила я гняздзечко ў ляску,
— Снисла я ячки ў кустку,
— А хто жъ мое гняздзечко разорваў,
— А хто жъ мои ячки попобраў.
— Разорвали гняздзечко пастушки,
— Побрали ячки конюшки. —
Ой плакала Га́пулька ў коморкѣ,
Приложиўши голоўку къ болонкѣ:
— Купиў мнѣ станочикъ татынька,
— Спляли мнѣ вяночикъ дзѣвыньки,
— А хто жъ мой станочикъ поломаў?
— А хто жъ мой вяночикъ разорваў?
— Разломали станочикъ брацютки,
— Разорваў вяночикъ Иванька.—
(Сообщ. Е. Вл. Бржезовскою.)

663

(*Витебскаго у., д. Вороново*)

Кукуець зязюля ў гаёчку,
Ой рано, раненько ў гаёчку,
Приложа голоўку къ листочку,
Ой рано, раненько къ листочку,
Хто мое ячки побярець?
Ой рано, раненько побярець,

Хто мое гнѣздзечко порыецъ?
Ой рано, раненько порыецъ.
Побяруць яечки пастушики,
Ой рано, раненько пастушики,
Порыецъ гнѣздзечка конюшка,
Ой рано, раненько пастушики.
Плакала дзѣвынька ў святлицы,
О рано раненько ў святлицы,
Прилажа голоўку къ (о)кенницы,
Ой рано, раненько къ кенницы:
Хто мою косыньку расплящець?
Ой рано, раненько расплящець?
Хто мои ўплёты прыбярець?
Ой рано, раненько прыбярець.
Расплетуць косынку брацитыки,
Ой рано, раненько брацитыки,
Прибяруць ўплёты сястрицы,
Ой рано, раненько сястрицы.

(Зап. мною.)

Свадебный обрядъ и пѣсни въ Борисовскомъ уѣздѣ. *)

Сваты прiѣзжаютъ съ водкой въ домъ невѣсты и уговариваются съ ея родителями. Въ это время невѣста, обыкновенно, скрывается. Если родители соглашаются на предложенiе сватовъ, тогда приглашаютъ дочь и, только ради приличiя, спрашиваютъ ея согласiя. Она всегда покорна̀ ихъ волѣ. Вотъ обыкновенный отвѣтъ почти всѣхъ невѣстъ: „кали бацька и маци хочуць — дакъ пойду". Получивъ согласiе, сваты угощаютъ всѣхъ водкой, начиная съ невѣсты. На мѣстномъ нарѣчiи, этотъ обычай называется „дзѣвку запить". Если же, послѣ запоинъ, свадьба почему нибудь разстроится, родители невѣсты обязаны заплатить за водку. Наканунѣ „веселля" (свадьбы), которое почти всегда начинается въ воскресный день,—въ субботу къ невѣстѣ и жениху собираются гости. Одна изъ пѣсней показываетъ отношенiе невѣсты къ подругамъ: она кланяется въ ноги всѣмъ, не минуя ни стараго, ни малаго. Въ сборный вечеръ, девять дѣвицъ избираются въ коровайницы, между которыми одна получаетъ названiе старшей мастерицы. Въ это время, онѣ только дѣлаютъ растворъ изъ муки для коровая, ко-

*) Свадебные обычаи весьма различны. Въ одной и той же губернiи они совершаются не одинаково. Разскажу здѣсь коротко свои наблюденiя.

торый печется въ отсутствіи молодыхъ, когда они уѣзжаютъ въ церковь. Приступая къ дѣлу, старшая коровайница запѣваетъ:

Стаўце дзежу цесовую,
Несице воду криничную
Сыпьце муку пшеничную!

Прежде всего, ставится среди пола корзина, наполненная рожью; корзина покрывается шубой, а на шубу уже ставится квашня или дзежа. Муку просѣваютъ поочередно всѣ коровайницы; всѣ также должны сыпать ее въ квашню и лить воду для раствора. Разумѣется, больше другихъ тутъ участвуетъ старшая коровайница. Когда работа приходитъ къ концу, дѣвицы и парни становятся въ ряды около квашни и, какъ только старшая коровайница скажетъ: „да хвала табѣ Боже, что работу зробили коравай расчинили“ и возьметъ квашню, чтобы переставить ее въ другое мѣсто,—всѣ бросаются взять корзину. Завязывается упорная борьба: парни стараются отнять ее у дѣвицъ, чтобы забросить на печь, послѣднія употребляютъ всѣ усилія, чтобы не допустить этого и завладѣть ею самимъ, чтобы выкинуть за порогъ. Споръ оканчивается очень часто тѣмъ, что корзину разрываютъ на нѣсколько частей. Такой обычай установился вслѣдствіе понятія, что если парнямъ удастся забросить корзину на печь, дѣвицы не выйдутъ въ томъ году замужъ, и наоборотъ. Изъ приготовленнаго, такимъ образомъ, тѣста печется одинъ коровай, и чѣмъ онъ больше, тѣмъ лучше. Нарочно для него берется такое количество тѣста, чтобы едва можно было просунуть его черезъ устье печи, а вынимать назадъ только посредствомъ выломки нѣсколькихъ кирпичей изъ устья. Добрый коровай: „около зъ сыромъ, зъ масломъ, ў середзинѣ зъ добрымъ счасцьемъ“. Удачное испеченіе коровая предвѣщаетъ хорошее будущее хозяйство молодыхъ. На другой или на третій день послѣ свадьбы, коровай разрѣзаютъ на куски и молодые одѣляютъ имъ всѣхъ знакомыхъ, получая отъ нихъ за это деньги.

Сборный вечеръ проводится вообще довольно весело. Не рѣдко можно встрѣтить здѣсь и доморощеннаго музыканта-скрипача. Пѣсни и пляски продолжаются иногда цѣлую ночь. Чувства матери и дочери, передъ выходомъ послѣдней замуўжъ, весьма хорошо выражены въ двухъ нижеслѣдующихъ пѣсняхъ. Дочь свила себѣ изъ руты вѣнокъ и покатила его по столу, приговаривая: „катися, вѣночикъ, катися,

матульцѣ въ руки ввалися! прими, матушка, вѣночекъ.....“ — „Я теперь, дитятко, не приму, отъ жалости ручекъ не вздыму, а за слезамъ не увижу“, отвѣчаетъ растроганная мать. Вставши рано, въ день свадьбы, невѣста будитъ свою мать и проситъ собрать всю ея дружину: мужиковъ-игроковъ, дзѣвачекъ-спѣвачекъ и женщинъ-щебетухъ,—чтобы они разжалили ея сердце, чтобы она молодая дѣвчинка заплакала.

Въ Воскресенье довольно рано тоже собираются гости и, дѣйствительно, стараются разжалобить невѣсту. Если она сирота, то поютъ ей пѣсни содержанія подходящаго. Сама молодая никогда не принимаетъ участія въ пѣніи.

Самыя тяжелыя чувства испытываетъ невѣста въ то время, когда сажаютъ ее на пасадзѣ и расплетаютъ косу. Здѣсь опять ставятъ среди пола дзежу, съ тою только разницею, что въ нее кладутъ ржаной хлѣбъ съ солью, а поверхъ разстилаютъ шубу. Обычай этотъ соблюдается лишь тогда, если невѣста была безукоризненнаго поведенія, въ чемъ она всегда сознается; въ противномъ случаѣ, ее сажаютъ въ покуцѣ на платкѣ. Братъ выводитъ ее изъ другой комнаты, причемъ дружки поютъ:

„Повстанце, бояре, ўсѣ въ радъ
Садзяцъ маладую на посадъ“.

Потомъ отъ лица молодой, продолжаютъ:

„Низенько голоўку клонючи,
Мижи бояръ пана ойца ищучи.
Я ўсѣ бояры перейшла,
Свойго пана ойца не знайшла.
Кинуся, падуся объ скамью,
Свою головоньку разобью,
Свои слезочки разолью,
Свою родзинку разжалю,
Бѣдная моя голоўка ў вяночку—
Нѣть мойго пана ойца ў рядочку.
Бѣдная мая галоўка ў цвѣвѣ —
Нѣтъ мойго пана ойца на свѣцѣ.

Расплетаетъ невѣстѣ косу также братъ, а потомъ дружка и подружка поджигаютъ ей волосы со всѣхъ четырехъ сторонъ. Дружка держитъ свѣчу, а подруга, черезъ кольцо, продѣваетъ небольшія пряди волосъ и подставляетъ ихъ къ огню. Остальное не представляетъ ничего особеннаго. Невѣсту съ пѣснями усаживаютъ въ повозку и отправляютъ въ церковь. Послѣ брака, свадебный поѣздъ чаще отправляется въ домъ жениха.

Здѣсь представляется уже совершенно другая картина. Вторая половина свадебнаго обряда имѣетъ характеръ болѣе веселый. Невѣста уже не плачетъ,—напротивъ, является расторопною, бойкою личностію. Если приходится ѣхать около поля своей новой родни, она сыплетъ изъ стакана рожь, заранѣе взятую еще передъ отъѣздомъ въ церковь; потомъ, по пріѣздѣ къ дому жениха, выбрасываетъ на дворъ пять *обаранковъ*, связанныхъ красной ленточкой, тоже запасныхъ. Мать жениха разстилаетъ холстъ отъ стола до самаго крыльца и встрѣчаетъ молодую съ хлѣбомъ-солью. Войдя въ домъ невѣста снова разбрасываетъ рожь во всѣ стороны, обвязываетъ сватовъ полотенцемъ и садится за столъ, а за нею и всѣ гости. По окончаніи ужина, сватъ, который открывалъ запоины, выкупаетъ невѣсту деньгами и квартой водки: деньги даются дружкамъ, а водка свахѣ. Только уже послѣ этого выкупа женихъ можетъ сѣсть рядомъ съ своей невѣстой, но опять не просто: онъ долженъ перепрыгнуть съ своего мѣста черезъ столъ, и притомъ съ условіемъ—не задѣть ногами посуды. Гулянье оканчивается довольно интересно. На молодую надѣваютъ мётку (головной уборъ замужней женщины) и сейчасъ же, послѣ этого, всѣ начинаютъ прыгать кругомъ стола по лавкамъ и скамейкамъ, взявшись руками за длинное полотенце — женихъ и невѣста впереди всѣхъ. Такой своеобразный танецъ совершается три раза. На другой день утромъ, отецъ жениха угощаетъ гостей на гумнѣ. Среди тока ставится столъ съ водкой и закуской. Попойка, пѣсни, музыка и пляска продолжаются здѣсь долго.

664

Тамъ мижи горъ да коморочка
Тамъ свяцила ясна зорачка;
Тамъ не зорочка свяцила,
Молода дзѣвчина ходзила,
Зъ золотыми ключами,
Зъ восковыми свѣчами, —
Скрыночки одмыкала,
Подарочки выбирала,

А за ею молодою
Яе мамочка зъ сястрою:
Моя дочка̀, моя ро́дная!
Да не выбирай ўсѣ подарочки, (2)
Да й заставляй мнѣйшей сястрѣ.
Мамочка, моя ро́дная!
Покуль сястру подгодуеце (2)
Иншихъ подарочковъ наготуеце.

665

Да обсѣли, обсѣли
Нашую власцяночку,
Да грыби чащавики,
Старые моховики,
По бору бадзялися,
Да до насъ добралися;
Да въ бору черви вили,
Да ў насъ за столомъ сѣли,

666

Да сваточки голубики прошу васъ:
Пійце, гуляйце, весёлые будзьце ў насъ!
Да ёсць ў мяне боченка меду для васъ, —
Мёду ни станець, пива достанець для васъ.

667

Да соколъ вылетаиць,
Сваточки выѣзжаюць;
Соколъ на колочку,
Сваточки на конёчку.
Да татулька родненькій,
Пераѣдзь дорожачку,
Битую, топтаную,
Дзѣцяци коханому.

668

По загорейку ўсѣ красачки твицѣли
За столикомъ ўсѣ сваточки сядзѣли;
На сёмъ на томъ шапочка якъ одна,
На молодзенькомъ съ щираго соболя.
Яго матулька сорокъ ночекъ не спала,
Покуль гэтую шапку згадала;
Яго матулька сорокъ свѣчекъ спалила,
Покуль гэтую шапочку пошила.
То мѣсяцемъ, то золотомъ садзила,
Кабъ яму ўсю дорожку свѣцила.

669

Ой, выбѣгла молода дзѣвчинка зъ каморы,
Пала яна свой матульцѣ на ноги:
— Моя матулька, моя родная не давай!....—
„Моё дзѣцятко, мое родное: якъ не дацъ?
„Понаѣхали твое сваточки цябе ўзяць.“

670

Да свацицы-голубицы прошу васъ:
Остаецца мое дзѣцятко тутъ ў васъ,—
Хоць вы яё тоўчи, молоць застаўце,
Яна ў насъ тоўчи, молоць ўмѣець,
Тольки Яна ў госци просиць не смѣець.
Вы свацицы-голубицы, моўчице;
Лѣпѣй яё цихонька навучице,
Кабъ яна ў насъ раненько ўстала
Хату сѣны заметала,
Кабъ яна ў насъ на улицу смецця не несла.
Ёсць ў насъ рабая курочка разносиць,
Ёсць ў насъ благая сусѣдка развозиць.

—

Да барешь, блазне, бярешь, да умѣй шановаци,
Ни давай ни старому, ни малому обижаци,
Кабъ не была цёмная ночка подъ окномъ,
Кабъ не ўкрываў бѣлыхъ ножекъ подольцомъ
Кабъ не ўцирала слезокъ рукаўцомъ,
Кабъ не была повѣтка за хатку
Кабъ яна не была сусѣдка за матку.

671

Сборная суббота настала,
Дзѣвчинка дзѣвочекъ збирала:
Да въ одинъ радочекъ ставляла.
Ой, станьце, дзѣвочки ўсѣ въ радъ,
А я, молодзенька, мижи васъ,
Склоню я голоўку нижей васъ.
Корися, дзѣвчинка, корися,
Низенька ў ножки клонися,
Старого малого не минай
Низкіе поклоны ўсѣмъ давай.

672

Братъ сястру на посадъ вядзе,
Самъ сильненько плаче:
Тутъ моей сястрѣ сѣсци,
Тутъ моей родной сѣсци,
Да на гэтомъ мѣсцѣ,
Тутъ моя сястра сядзе,
Тутъ моя родная сядзе
Да на гэтомъ пасадзѣ.

673

Чуй, Боже, чуй,
Што сиротонька плаче,
Ци по бацьку, ци по матцѣ,
Ци по своей горкой долѣ?
Чуй, Боже, чуй!
Плачь, молода, плачь!
Плачь, не ўнимайся,
На таточку не сподзѣвайся.
Плачь, молода, плачь!

Плачь, молода, плачь.
Што не таточка выдае,
Ня вяликій пасагъ дае.
Плачь, молода, плачь!
Плачь, молода, плачь,
Што ёсць кому пици ѣсцы,
Да нѣтъ кому порадочку весци,
Плачь, молода, плачь!

674

Ой, зъ суботки зъ вечера
Свила дзѣвчинка вѣночекъ
Зъ руты зъ мяты тваточекъ,
Да покацила по столѣ,
По новянькомъ обрусѣ:
Кацися, вяночекъ, кацися,
Матульцѣ ў ручки ввалися!
Пріймн, матулька, вяночекъ
Зъ зеленой руты тваточекъ!
Я цяперь, дзѣцатко, не прыйму,
Зъ жалости ручки не вздыму,
А за слезами не увижду.—

675

Ты, калинка, развивайся,
Ты, дзѣвчинка, размысляйся!
Да уже жъ моё размыслёно,
Да уже-жъ моё раздумёно:
На украйну одъѣзжаю,
Ойца матку покидаю.
Коли жалка—дакъ вярнися,
Ойцу матцѣ поклонися.

Рада бъ была вернуцися,
Ня верницца мой вяночекъ.
Будземъ ѣхаць близко мѣста,
Купимъ вянокъ позлацистый.
Да хоць же ёнъ позлацистый,
Ня вернецца мой рутьяный,
Да хоць же ёнъ зъ щира злота,
Ня вернецца моя цнота.

(Зап. Н. А. Руберовскимъ).

Примѣчаніе пѣвицы.

„Ѣдзець малицъ на кирмашъ, увидзиць дзѣўку. Дакъ ёнъ яё пытаець: ци пойдзешь ты за мяне. Яна яму отвичаиць: дакъ я попытаю ў таты, ў мамы, коли тата скажець, дакъ пойду. Сватъ приходзиць ў домъ яё родзицелей и пытаець: мы чули ў цябе ёсть птушка; отдай намъ яё. А бацька кажиць: коли ваша, дакъ бярище собѣ. А што ты думаишь? (на дзѣўку) дай руки коли думаешь. Дакъ я не знаю, якъ тата. Гэто не мое дзѣло, якъ сабѣ хочешь, отвѣчаець тата. Сватъ! да скольки-жа мнѣ горэлки ўзяць? Возьми, сватъ, вядро. Ну, жонка! кого мы будземъ звацъ? Ўсю родню. Приносяць горэлку, собираецца родня. Молодая поклонница ў ноги матки, татки, ўсимъ. Бацька: што-жь цяперъ, сватъ, надо попа годзиць. Сватъ бярець пітуха и кварту горѣлки, вязець попу, такъ погодзиць попа. Чиразъ двѣ нядѣли ў субботу вечиромъ просяць къ сабѣ жонокъ коровай расчиниць. Тутъ поставяць сяродъ хаты дзежу, замѣсяць хлѣбъ, причемъ каждая баба должна рукой помѣшаць. Въ гэто время пѣюць:

676

Старшая коровайница,
Золотая зарукаўница!
Ня стыдно жъ ей даць
Коровай ўчиняць.
Дай Богъ нашему короваю
Ў дзежѣ споръ,
А ў печи подходъ.

677

До свѣта въ эту же ночь собираюцца дзѣўки, возьмуць нявѣсту, посадзяць на дзежу, а яна заплачиць:

Дзѣвочки сястрицы!
Ци были-жъ вы ў Бога?
Ци позволиў вамъ Богъ
Щеточку дзержаць,
Мнѣ голоўку чесаць,
Русу косу ўплетаць?

678

Дзѣвочки ей отказываюць:

Мы были ў Бога,
Ў Духа Святого,
Позволиў намъ Богъ
Щеточку дзержаць,
Табѣ голоўку чесаць,
Русу косу ўплетаць.

679

Яна:

Дзѣвочки, сястрицы!
Я сама ўчашуся,
Я сама ўплятуся.
Дзѣвочки сястрицы,
Ўся непраўда моя:
Ня чесаць голоўки,
Ня ўплетаць мнѣ косы.
Дзѣвочки, сястрицы!
Чашице слйзенько,
Пляцице тўженько.
Кабъ мой брацецъ родный,
Постояў надо мной,
Надо мной молодой,
Да надъ русою косой.
Брацетко родненькій!

Да не рушьце мяне,
Ни голоўки моей,
Да ни русой косы,
Ни дзѣвецкой красы.
Волоска не вырвице,
Голоску не утонице.
А мой же голосокъ,
Ёнъ и тоновъ и высокъ,
Ёнъ къ небу пошоў,
Ў Бога доли просиць.
Коли жъ доля моя,
Дакъ хвала жъ табѣ, Боже,
А бездоля моя,
Ни дай же мнѣ, Боже!

680

Невѣста проситъ благословенія у родни:

Святая недзѣлька,
Сырая земелька!
Благослови жъ мяне
На первомъ порозѣ,
Въ доўгой дорозѣ.
Первый ступочекъ
Ў Божій домочекъ, (2)

Подъ звонкій звоночекъ,
Подъ ясною свѣчкой,
На коберцѣ стаци,
Попа просици:
Попочекъ голубочекъ!
Надо табѣ дли коберца стати,
Пора дзѣтокъ звѣнчати.

681

Невѣста къ маткѣ:

Ня стой длѣ печи,
Надзѣвай кожушокъ,
Идзи зяця витаць,
И витаць и пытаць
Чи ня пьяница ёнъ?

Чи не шишъ *) ёнъ?
Коли жъ ёнъ пьяница,
За одну ночку пропьецъ,
Коли ёнъ шишъ,
На дорожкѣ забьецъ.

*) Разбойникъ.

682

Маменька родная,
Скоморохи идуць (2)
И медзвѣдзя вядуць,
А гэтый медвѣдзь.

Ёнъ же якъ глянець,
Такъ мое сердце извянець.
Ёнъ же якъ роўнець,
Мое серце улекнець.

683

Маменька родная!
Чужанинъ на дворѣ.
А гэтый чужанинъ—
Ёнъ мнѣ родны,

А яго рученька
Жарчѣй отъ огня,
Ў яго ноженьки
Цяжелѣй отъ каменя.

684

Маменька родная!
Да добра ночь табѣ,
А не той же добра ночь,
Што на одну ночь,
А той же добра ночь,
Што на ўвесь вѣкъ.
Маменька родная,
Не забывай мяне!
Коли жъ худа была,
Проклинай-жа мяне,

Коли добра была,
Вспоминай-жа мяне.
Маменька родная!
Я цябе просила,
Якъ Бога молила:
Ня отдавай мяне далеко
Ў большую семью.
Ты мяне соўсимъ не слыхала,
Отдала мяне ў вяликую сямы
Ў дринную хату.

685

Матка ей отказываетъ:

Дочушка моя!
Я чинила твою волю,
Будзець висѣць ногаичка
Надъ твоею головою,

Ногаечка дротованочка
Съ крюка не сбивая,
Шелковую хусточку
Отъ слезъ не усыхая.

686

Когда прiѣдутъ за молодой:

Ў дорозѣ Ехремка ў дорозѣ,
Подъ еллю стоючи.
Елка моя зяленая,
Голоўка моя бѣдная!

Што мои коники такъ стояць,
Ня пьюць, ня ѣдуць,
Тольки ржуць?
Зачула тоя Олинька:

Ня тужи, ня бѣдуй, Охремка!
Я твоихъ коникоў напою,
На ранней росѣ ў оўсѣ напасу,
На цихимъ Дунаѣ напою,
Ў садъ виноградъ погоню,
Ў новую стаенку заведу,
Червонымъ сукномъ покрыю,
Вѣцистымъ оўсомъ обсыплю,
Накладў сѣно по колѣно:
Ѣсцце, мои коники, сѣно, брóкъ
Вядпце мяне, коники, ў свой бокъ.

687

Зъ горы, зъ горушки,
Ня растрясици подушки!
А ў тэй подушки звѣрюшка,
Намъ тая звѣрюшка знадобна,
Ў зимнюю зимушку плацця працъ
Ў цеплое лѣцичко жито жаць.

683

Чаго ты, Химочка, змарнѣла?
Ци ў цябе голоўка болѣла?
Болѣла голоўка ўвесь дзень
Ня видѣла Халимона семь недзѣль.
Ци вы мнѣ голоўку свяжице,
Ци вы мнѣ Халимона покажице.
Связала голоўку рушличкомъ
Показала Халимонку подъ вянцомъ.

(Зап. мною отъ мѣщ. корчемницы.)

Свадебныя пѣсни и рацеи въ Дисненскомъ уѣздѣ.

689

Когда невѣсту сажаютъ на посадъ и всѣ родственники и гости дарятъ ее деньгами или холстомъ и пр.

Радуйся сердзечка мамчены
Справляя веселля Марилки.
— Тогда мое сердзечка радовалося,
Якъ мое дзицятко народзилося.
Цяперъ мое сердзечка улякнўлося,
Якъ мое дзицятка поклонилося.

690

Поютъ жениху.

Князь Хведорка коня сѣдлаиць,
Коня сѣдлаиць, такъ цихо плачець
Пришла матулька ды ў яго пытаецца:
Чаго Хведорка такъ сильно плачешь?
Мая матулька, моя родная!
Нашто пытаешь, коли не знаешь?
Бяру дзѣвочку повыше сябе,
На дворъ ўзъѣдзиць—шаты зашумяць,
На гоначекъ ступиць—черавички стукнуць,
Ў сѣни ўвойдзець—ключиками бразнець.
Ня бойся, Хведорко, ня бойся, дзицятка!
Я шаты ў яё пожичу.
Ў насъ походзиць—черавички зносиць,
Ў насъ побудзиць—ключики згубиць.

691

Поютъ сиротѣ.

Ды ў насъ сягодня воскресеніе,
Зачинаецца сиротское вяселля,
Сироточка по могилкѣ ходзила,
Чиразъ могилки черную сцежку убила,
Яна свою родную матульку будзила:
Ўстань, ўстань, родная матулька, до мяне!
Ня вѣкъ будзишь ты со мною вѣковаць
Да поможи ты гэтую ночку слуговаць.
—Рада-бы я уйци къ своему дзицяци.
Гробовые цвѣчки сциснули плечки,
Сырая земелька грудцы залегла.
Жолтые пясочки засыпали вочки.

692

Женихъ пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты со сватами и приданными. Его встрѣчаютъ пѣснями.

Ды выйдземъ мы ды послухаемъ:
Чы не чуваць, чы не гойкаюць?
Ды чуваць, чуваць, сваты!

Зялезные колы звинящь,
Ды сивы кони иржацъ.
Ды ўзъѣхаў Хведорка самъ дзесяцъ на дворъ,
Ды ўзышоў мѣсяць надъ избой,
Ды узвёзъ зораночку за собой,
Ды ня знаць мѣсяца за звѣздами,
Тольки знаць мѣсяцъ по заранцѣ.
Ды ня знаць Хведорки за сватами,
Ды знаць Хведорку по шапочцѣ.
На имъ шапочка, какъ жаръ горпць,
За нимъ сваточки, якъ макъ цвицицъ.

—

Молодой входитъ въ хату, впереди его идетъ сватъ и говоритъ: „Напроць Пана Бога и Духа Святаго, якъ насъ Панъ Богъ створиў, а якже створиў, такъ и приоздобіў. Солнце мѣсіонце: гвэзда зоранка, также нашего молодого золотыми вѣнками, молодыми сватами. Якъ ваша воевода млода въ чистомъ полѣ ленъ слала, чрезъ цемный лѣсъ голосъ подавала; якъ тольки нашъ князь услыхаў, двѣнадцать кони закладаў, питнацаць особъ подсылаў".

Сватъ отъ молодой отвѣчаетъ:

„А наша воевода вашихъ коній не потребовала, а на своихъ волахъ поѣзжала".

Сватъ молодого!

„Также нашъ князь млодый купиў вянокъ дрогій, ў Вильнѣ куплинъ, ў Вилійцѣ позлащенъ, ў Дзиснѣ ў косцёлѣ посвящонъ, до вашей воеводы младой присыланъ; а нашъ князь младый ни самъ подаваець, але намѣсьничка маець. Хоцѣў бы сглядзѣць, гдзѣ ваша воевода млода сидзиць. А ў печь позираиць, чы велпкъ горщокъ капусту и каши: чы поідающь сваты наши? Ня могу я згадаци, до кого гэтотъ вѣнокъ подаци; ажъ маешь на оку, якъ тую сороку, хоцѣў бы познаци, съ того мѣста младую ўзяци; также, мой сваце кохану, пріяцелю богданы, сядзишь сабѣ на куцѣ, дзержишъ персцинь на руцѣ и также вусамъ кивашъ, гдѣ добрыи мысли маишъ".

Сватъ отъ молодой отвѣчаетъ:

„По што, сватъ, пріѣзжаешь, по дровы, чы по лучину?"

Сватъ отъ молодого:

„Я пріѣхаў на тую квѣтку, што видзіу на кирмашу ў лѣтку, слава Богу маю ѣшки и одзѣшки и чатыры капусты дзешки и пятую буракоў“.

Сватъ отъ молодой:

„Наша воевода млода ходзила по садахъ виноградахъ. Разные квѣты щипала, вянки ўплитала, горы, долины копала и сребра шукала и свою голоўку ўшпиляла, вашихъ вѣнкоў не потребовала.

(Тутъ въ рукописи недостаетъ листка).

693

Вышоў N за воротушки,
Поклониўся своему татульку ў ножки:
Благослови мяне, татулька, до шлюбу выѣзжаю!
— Зъ Богомъ, зъ Богомъ, дзитятка!
Зъ Богомъ дзицятка съ ўсими святыми!
Тогды дорожка блаславлёна
И церковка отчинёна.
Церковка отчиненная,
И коплану назбераные.

694

Ў дорозѣ Хведорка, ў дорозѣ!
Некованный коникъ ў возѣ,
Ёсць у мяне ковальки ў дорозѣ,
Да подкуюць коника ў возѣ.
Ёсць ў моей дзѣвочки коральки,
Будуць моимъ коникамъ угнальки,
Ёсць ў моей дзѣвочки персцёнки,
Будуць моимъ коникамъ угнальки,
Есць ў моей дзѣвочки иступки,
Будуць моимъ коникамъ подушки.

695

Ды затужиўся Хведорка
Ў полдорожки ѣдучи,
Ды подъ бярозкой стоючи,
Што яго коники ня вязуць,

Ды задраўши голоўки тольки ржуць.
Ды ня тужи, Хведорка, я твоихъ коникоў напою,
Криничной водой напою,
До стаенки довяду,
Сѣна оброка поднясу.

696

По возвращеніи изъ церкви.

Отчиняй, мамка, новый дворъ,
Вязуць нявѣстку на выбóръ,
Отчиняй, мамка, клѣцечку,
Вязуць нявѣсту цвѣточку.
Отчиняй, мамка, вяршочекъ,
Вязуць нявѣсту съ варчочекъ,
Ды вязуць потвóръ на дворъ.
И што съ этого потвора будзиць,
Яна на цябе болотомъ кидать будзиць.

697

ь домѣ молодого. Молодая кланяется всѣмъ. Садятся за столъ. Всѣ родные ›рятъ невѣстѣ деньги и проч. При этомъ сватъ каждый разъ провозглашаетъ слѣдующее:

лизкіе, далекія
ужіе свои родные
ы дарыце!
атулька, матулька
оли зъ хлѣбомъ
долю и счаццемъ.

Цёцечки по рубельчику,
Дзядзечки по чирвончику,
Брацечки по талерчики,
Казали ў Хведорки родныхъ много,
Якъ пици, гуляци—ёсць кому,
А якъ дарици—дыкъ некому.

(Сообщ. г-жею Сингельскою).

Похороны (хаутуры) и дзяды.

(*Витебскій у.*)

Когда въ деревнѣ кто-нибудь умреть, то родственники умершаго просятъ сосѣдей и родныхъ помочь имъ сдѣлать досчатый гробъ, выкопать могилу и молиться по усопшемъ. Тѣло умершаго кладутъ на лавкѣ противъ дверей; при выносѣ тѣла изъ дому, на гробъ бросаютъ зерна ржи, а на то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, кладутъ хлѣбъ и соль. Это дѣлается съ тою цѣлію, чтобы умершій оставилъ своихъ домашнихъ съ хлѣбомъ-солью и въ подземельномъ мірѣ всегда молилъ бы Бога, да благословитъ онъ довольствомъ тотъ домъ, гдѣ онъ кончилъ земное свое существованіе. Когда провожаютъ тѣло на кладбище, всѣ жители выходятъ изъ хатъ и, остановясь въ воротахъ, крестятся. На поминки и въ домѣ самого бѣднаго пекутъ какіе нибудь блины, хоть изъ плохой муки. При этомъ главнымъ обрядомъ имѣется въ виду паръ, который обозначаетъ душу умершаго, возносящуюся на небо. Похороны называются литовскимъ (?) словомъ „хаўтуры". Похороны сопровождаются всегда голошеніемъ. Трудно представитъ образцы голошенія. Для примѣра приведемъ нѣсколько таковыхъ. Надо замѣтить, что слово „заводить голошеніе" какъ нельзя лучше выражаетъ напѣвъ ихъ, прерывающійся послѣ каждаго стиха всхлипываніемъ.

698

Плачъ по матери:

А моя жъ ты матушка!
А моя жъ ты зязюлечка!
Чаму жъ ты, чаму помёрла,
Свою дочку осироцила?
А кабъ ты видзила, знала,
И кая мяне доля споткала,
Ахъ ўстала жъ бы ты ўстала,
Радзиньку совѣтъ бѣдной бы дала;
Ахъ некому жъ мяне пожалѣци
Я й ў хаци, я й ў клѣци,
Слёзками, слезами плачу,
Ахъ счасцця доли да не бачу.

Въ концѣ припѣваютъ:

Чаму жъ ты со мной да не погукаишь?
Своей дочки да не разпытаешь?
Якъ яна живець да горуець? и т. д.
Ахъ трудненька жъ мнѣ трудненька будзець.
Ў чужой хаци жыць,
Ў чужой матушки быць.

699

Голошеніе по отцѣ:

Ахъ! татулька нашъ,
Ахъ сизый голубь насъ,
Ты жъ насъ годоваў,
Ты жъ насъ спогодаў,
А цяперъ покидаешь,
Ци ты жъ жалосци не маешь?
Хто жъ ў насъ цяперъ порадокъ завядзець,
Хто жъ насъ цяперъ да присцяражець.

700

Голошеніе матери надъ дочкою:

А моя жъ ты квѣточка, а моя жъ ты пташечка:
Куды жъ гэта я цябе наражаю?
Куды жъ гэта я цябе выпраўляю?
Ахъ ни ў церковку ни подъ вянецъ законенькій.
Ахъ на могилочку ў пясокъ сыренькій,
Хто жъ будзиць староспи моей пильновацъ?
Ахъ цымъ гэта табѣ першъ умирацп?
Ахъ цымъ гэта цябе мнѣ надо ховаци?

(Изъ лѣтописи приходской Петро-Павловской церкви заштатнаго города Суража за 1868 г. Сообщ. священникъ о. Шаровскій.)

701

(*Чашники*)

По матери:

Ахъ матынька ты моя родная,
Матынька моя милая!
Куды жъ ты прибралася ў якую дороженьку?
Коли мнѣ цябе дожидаци?
А хто жъ мнѣ бизъ цябе цяперъ порадзѣиць?
А съ кимъ мнѣ цяперъ поговорици?
Поклонься тамъ мойму батыньку,
Нихай ёнъ на мяне ня забываець.
Моя матынька родная!
Откуль мнѣ цябе поглядзѣци?

Ци ты соўнійкомъ ўзыйдзешь?
Ци ты вутынькой проплывешь?
Ци ты птушечкой пролецишь?
Ня маю я надзѣи, штобъ я пябе увидзѣла.
(Зап. мною отъ Козкевичовны.)

702

(*Тамъ же*)

По сынѣ:

Синочикъ мой маленьки!
Куды жа выражаешся? ў якую дороженьку?
Къ якой же дзѣвонькѣ ѣдзешь ў сваты?
А твоя жъ веселля не веселая,
А твоя сватьба не пріятная.
Скажи жъ мой сыночекъ:
Чимъ мнѣ цябе благословляць?
Ци цябе хлѣбомъ, ци цябе соллю?
Ци цябе счасцемъ, ци цябе долею?
Ци цябе вобразомъ, ци цябе грошми?
А тябѣ жъ гэто ничего тамъ не нада,
Только треба чатыре доски,
Чатыре доски да сажень земли.
(Зап. тотъ же.)

Похороны крестьянъ Станиславской волости Лепельскаго уѣзда.

Если умирающій оставляетъ послѣ себя семью и другого хозяина въ домѣ, то послѣдній благословляетъ хлѣбомъ-солью наслѣдника, а потомъ другихъ родственниковъ. По смерти, тѣло покойника, послѣ благословленія кладутъ въ досчатый гробъ, который ставятъ въ почетномъ углу избы и по обѣимъ сторонамъ его зажигаютъ восковыя свѣчи. Родственники, особенно женщины плачутъ, голосятъ надъ покойникомъ, высказывая при этомъ всѣ достоинства покойника, какъ имъ было легко жить на свѣтѣ, пока онъ былъ живъ и чего они опасаются теперь, чего должны ожидать оставшись безъ него. Тѣло умершаго, не далѣе, какъ на другой день послѣ смерти, ве-

зутъ для погребенія на ближайшее кладбище. Для этого закладываютъ лошадь въ телѣгу, кладутъ на ней гробъ съ покойникомъ и здѣсь родственники и сосѣди снова прощаются съ нимъ, цѣлуя его въ лицо, а хозяинъ, остающійся въ домѣ, цѣлуетъ копыта запряженной и другимъ своимъ лошадямъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ въ подобныхъ случаяхъ даже и прочему скоту цѣлуютъ копыта. Послѣ похоронъ гости и родственники приглашаются на поминки по умершемъ. Здѣсь сперва ѣдятъ кутью, приготовленную изъ ячменя съ медомъ. кашицу изъ гречневыхъ крупъ и пьютъ водку. Затѣмъ всѣ расходятся по домамъ.

(Зап. волостнымъ писаремъ Тишецкимъ. Сообщ. мировымъ посредникомъ М. Ѳ. Сазоновымъ.)

Примѣчаніе приходскаго учителя Н. Я. Никифоровскаго.

Повсемѣстно въ Витебской губерніи, лошадь, которая отвозитъ „нябощика" на кладбище, пользуется почетомъ и уваженіемъ, которое сказывается въ томъ, что ее ведутъ не за поводья, нарочно на эту пору отвязываемыя, а за полотенце, или поясъ, которые замѣняютъ поводья.

Въ Себежскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Рѣжицкимъ, этой лошади кланяются до земли.

Замѣчательно также, что подъ „нябощика" впрягаютъ именно ту лошадь, которую онъ преимущественно предъ другими любилъ при жизни.

Въ Себежскомъ и другихъ пограничныхъ съ нимъ уѣздахъ, во время проводовъ покойника на кладбище и именно, когда священникъ проходитъ ворота, послѣдняго осыпаютъ зернами непремѣнно овса или ячменя, чтобы больше никто изъ этого дому не умиралъ.

Въ теченіе шести недѣль въ окно, передъ которымъ лежалъ покойникъ, вывѣшивается полотенце для того, во первыхъ чтобы покойникъ, являясь иногда въ это время къ своему дому, могъ утереться, а во вторыхъ, какъ знакъ того, что объ немъ помнятъ. Это полотенце служитъ также примѣтой траура дома.

(*Витебскій у., бывш. Суражскій*)

Дзяды.

Празднество, посвященное воспоминанію усопшихъ предковъ, называется „дзядами“ или „дзѣдами“, и началомъ своимъ, быть можетъ, восходитъ къ язычеству. Въ настоящее же время оно выражаетъ прекрасную черту простолюдиновъ и служитъ признакомъ вѣры ихъ въ будущую судьбу загробной жизни. Дзяды, празднуемые осенью извѣстны подъ названіемъ Осянины и Змитроўка. Они празднуются обыкновенно въ субботу, по истеченіи трехъ недѣль Покрова Пресвятыя Богородицы. Начало вечера есть и начало празднества.

Предшествующій этому празднику день проходитъ въ заботахъ объ опрятности жилища и въ приготовленіи кушаньевъ. Обиліе вкусныхъ яствъ и тщательная опрятность въ домашней обстановкѣ душамъ отшедшихъ дзядовъ, говорятъ, доставляютъ особенное удовольствіе. Лишь только настанетъ вечеръ и все прибрано и готово, семейство и приглашенные гости, родственники или сосѣди, собираются въ жилую избу. Старикъ, глава семейства, зажигаетъ свѣчу, прикрѣпляетъ ее къ углу на кутѣ въ кіотѣ предъ иконою и начинаетъ молитву. По окончаніи ея, всѣ садятся около стола, уставленнаго кушаньями, посрединѣ котораго находится вино и пиво. Тотъ, кто читалъ молитву, при всеобщемъ вниманіи произноситъ слѣдующія слова:

Святые дзяды зовемъ васъ: ходзице до насъ!
Ёсць тутъ ўсё, што Богъ даў,
Чимъ тольки хата богата,
Просимъ васъ: ляцице до насъ!..

За симъ онъ наливаетъ рюмку водки, такъ, чтобы изъ нея пролилось на скатерть (это для дзядоў) и выпиваетъ; всѣ, старшіе и взрослые, пьютъ также, немного проливая. Ѣсть не начинаютъ до тѣхъ поръ, пока отъ каждаго кушанья не отольютъ и не отложатъ понемногу въ отдѣльный сосудъ, который затѣмъ и ставятъ на окошко. Приготовивши такимъ образомъ для дзядовъ, домашніе и приглашенные сами начинаютъ ѣсть и пить, но бесѣда не оживляется веселостью. Кажется, что какая-то грусть наполняетъ сердце каждаго. Старики, стоящіе сами на краю смерти, понятно.

бываютъ въ это время чувствительнѣе прочихъ. Разговоръ идетъ самый вялый, состоящій изъ однѣхъ лишь замѣчаній, то о несомнѣнномъ присутствіи отшедшихъ, то о ихъ житьѣ-бытьѣ и о настоящемъ, болѣе счастливомъ и покойномъ бытѣ. „Наши дзяды, говорятъ иногда старики, ня знали бяды, а ўнуки набралися муки". „Што-жъ робиць?" замѣчаетъ при этомъ хозяйка: „ня оттого зголѣли, што сладко пили и ѣли, а такъ Богъ даў". „Нада жиць, дзѣтки, продолжаетъ старикъ, якъ набяжиць". По окончаніи ужина встаютъ изъ-за стола, молятся Богу и расходятся, приговаривая: „Святые дзяды, лящице цяперъ до неба". Дѣти отвѣчаютъ: „Аминь".

(Изъ лѣтописи приходской Петро-Павловской церкви заштатнаго города Суража за 1868 г. Сообщ. священникомъ о. Шаровскимъ.)

Дѣды.

Подъ названіемъ „дѣды" почти повсемѣстно въ Витебской губерніи извѣстны праздники, уставленные въ память умершихъ. Свято почитая прочіе праздничные дни, крестьяне Витебской губерніи чтутъ въ особенности „дѣды". Эти праздники, между прочимъ, имѣютъ ту особенность, что они входятъ въ составъ дней, по которымъ составляется годичное распредѣленіе времени у Бѣлоруссa. Выраженія „ета було ў перпіи дѣды", „ни далёко ды Пятровскихъ дядовъ" часто слышатся при хронологическихъ разсказахъ. Какъ во всѣ дни поминовенія, такъ и въ „дѣды", въ каждомъ крестьянскомъ семействѣ непремѣнно приготовляются слѣдующія кушанья: а) „кутьтя" съ медовою сотою, б) блины, в) „сочни" (тонкія лепешки изъ хлѣбнаго тѣста), г) „кисель" и д) „каша". Всѣ эти кушанья, или покрайней мѣрѣ значительная ихъ часть, подаются за вечернимъ столомъ, составляющимъ все значеніе „дѣдовъ". Когда, послѣ молитвы и поминанія умершихъ родныхъ, вся семья усѣлась за столъ, хозяинъ беретъ чистую миску и отъ всякаго кушанья отдѣляетъ въ нее небольшую частицу и притомъ по стольку, сколько есть поминальныхъ родныхъ, произнося при этомъ имя каждаго порознь. „Пымяни, Госпыди, дзятьку Ивана! пошли ему́, Госпыди, ца́рства нибесныя й рай присвѣтлый!" говоритъ хозяинъ—и вся семья набожно крестится. Наложивъ всѣхъ кушаньевъ въ „миску" (а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поставивъ туда же и рюмку водки), хозяинъ ставитъ „миску" за окно, на нарочно

устроенный подоконникъ и, обращаясь къ семьѣ, говоритъ: „нихаї яны су святыми пыжпваютъ, а намъ зы · наша добро хлѣба соли засылаютъ!“ Послѣ этого пьютъ водку и ужинаютъ. Замѣчательно, что остатки кушаньевъ отъ такого поминальнаго стола тщательно собираются, а не оставляются на ночь, какъ это дѣлается въ коляды. На столѣ, покрытомъ скатертью, только оставляется на ночь хлѣбъ и соль. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мнѣ приходилось слышать увѣреніе крестьянъ, что въ „дѣды“ за вечёрею, равно какъ и за обѣдомъ при погребеніи „нябощика“, можно видѣть всѣхъ своихъ умершихъ родственниковъ, если смотрѣть на столъ, вынувши дверной косякъ изъ избы и затворивши при этомъ дверь. Но такое любопытство иногда стоитъ очень дорого. Если покойникъ при жизни имѣлъ какое либо неудовольствіе на наблюдателя, если и самъ наблюдатель во время смотра сдѣлаетъ какое нибудь движеніе (даже моргнетъ глазомъ), то одинъ изъ сидящихъ за столомъ покойниковъ, или же всѣ схватываютъ со стола чашку съ горячимъ кушаньемъ и заливаютъ имъ глаза неосторожному наблюдателю; послѣ чего онъ остается навсегда слѣпымъ. Быть можетъ, для избѣжанія такого несчастья для наблюдателя всѣ вечернія кушанья въ „дѣды“ подаются на столъ холодными.

Учитель Витебскаго приходскаго училища **Н. Я. Никифоровскій.**

(*Лепельскаю у.*, *д. Бабчъ*)

Дзяды.

„Дзяды“ у крестьянъ нашей мѣстности празднуются очень часто, но самые главные дзяды, дмитроўскіе—осенью. Въ субботу подъ вечеръ все семейство, въ которомъ празднуется „дзяды“, отправляется въ баню. Возвратившись домой, накрываютъ столъ скатертью и всѣ начинаютъ креститься передъ образомъ. За каждымъ крестнымъ знаменіемъ складываютъ вмѣстѣ руки на груди крестъ-накрестъ, причемъ ладони подкладываютъ подъ мышки, выпрямляя свой станъ. и такимъ образомъ начинаютъ молитву за усопшихъ—обыкновенно: anioł Pański. Затѣмъ хозяйка ставитъ на столъ *куцию*, т. е. кашу изъ ячной крупы, блины, сыръ, клёцки, уху съ говядиной, яичницу, пироги, масло, медъ. Хозяинъ первый беретъ ложку куцци и опрокидываетъ на столъ: „гэта нашимъ дзядамъ“

оритъ онъ и только затѣмъ всѣ начинаютъ ѣсть. По окончаніи іна хозяинъ наливаетъ водки въ ковшики и ставитъ ихъ на о, говоря опять: „гэта нашимъ дзядамъ“..

(Сообщ. ученикомъ Витебской гимназіи В. Пржисецкимъ.)

Рекрутскія пѣсни.

703

(*Лепельскаго у., м. Коптевичи*)

ва рѣчкой за Бойцомъ
лиць дзѣўка зъ молойцомъ,
пиць кудри гребянцомъ.
новыми воротами
яць столы засланы,
за тыми за столами
дзяць паны радами,
пуць письмы перами,
уць раду словами:
дзимъ-жа раду брaць,
го ў рекруты отдаць:
кого сыноў шесць,
му ўси пошли заўчесць,
кого сыноў пяць,
мъ ни водного не ўзяць,
кого сыны чатыры,
мъ ня вышли аршины,
кого сыноў тры,
мъ зъ хаты ўси пошли,
„А гдзѣ сыноў два,
„Тамъ ў хацѣ надобна.
„А ёсць ўдоўкинъ одзинъ сынъ,
„Хорошъ пригожъ курвинъ сынъ“.
Тамъ сястрица стояла,
Пошла брату сказала,
Братъ на тоя ня ўповаў
А съ дзѣвицей ночеваў,
Зъ ночь сапожекъ ня здзѣваў.
Ў нядзѣльку поранку,
Присылаюць хурманку,
Стукалъ грукалъ по двору,
Бѣлъ молойчикъ на гору,
Яго соцкій за ногу.
Скоры ноженьки скували,
Бѣлы рученьки звязали,
Зъѣхали со ґанка—
Прощай, милая коханка!

(Зап. учителемъ народнаго училища г. Преображенскимъ).

704

(*Городокскаго у., Куксинская в.*)

дзѣ пяць, тамъ ни ўзяць?
ѣ чатыре—не веляць (2)
дзѣ тры—уцякли (2).
А гдзѣ два—дома нѣтъ (2)
А ў ўдовки одзинъ (2)
И тотъ подходзиць подъ аршинъ.

Сестра ето дознала,
Брату вѣсци давала.
А братъ сястру ня ўважаў,
Съ красавицей ночеваў.
Пришли, яго поймали,
Назадъ ручки связали, (2)
Бѣлы ножки сковали (2).
Ўставили ў ставе́цъ,
Бѣлъ ўдалый молодецъ.
Стали яго раздѣвàць
Яго сердце заныкаць,
А послали за мыломъ,
Яго сердце заныло,
Якъ сказали: „забрый лобъ!"
Ёнъ объ земельку, якъ снопъ.
Безъ племени безъ роду (2)
Якъ бѣлъ камень ў воду (2).
Безъ матушки, безъ отца,
Якъ заблудшая оўца.

(Сообщ. М. П. Сахоровымъ).

705

(*Чашники*)

Ў нашего короля
Появилась новина;
Зовуць войта до двора.
На большую пораду.
„Порадзь, порадзь войтокъ
„Ты мой сизый голубокъ,
„Кого ў рекрута ўзяць?"
— Гдзѣ пяць—тамъ неўзяць,
— Гдзѣ чатыре—убѣжаць,
— Гдзѣ и тры—тамъ не брацъ,
— Гдзѣ два—не веляць.
— Ёсь за рѣчкой слободка
— На слободзѣ дзѣўка,
— А ў дѣўшки одзинъ сынъ.
— Той ў рекруты знадабинъ.—
Якъ малойца ўзяли
И рученьки звязали,
Поставили ў ставецъ,
Ёнъ хорошій молодзецъ.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

706

(*Борисовскій у.*)

Ой ў лузѣ, ў лузѣ стояла калина,
Стояла, стояла, стоючи завяла,
Ўсимъ нашимъ молойцамъ перемѣна дана,
А мнѣ молодому служицн самòму.
Ўзяли, ўзяли рученьки звязали
Ножки оковали, ў полицью подàли,
А зъ полици до цемницы,
А зъ цемницы до дзѣвицы:
Ахъ ты дзѣвица, ты моя зрадница!

Зрадзила мяне, мяне молодого;
Споцеряў коня, коня вороного,
Споцеряў сѣдло, сѣдло золотоя,
Споцеряў нагайку черную, якъ галку,
Споцеряў платочекъ зъ зеленаго шелку,
Я самъ молодзенькій зъ россійскаго полку.
(Зап. Н. А. Руберовскій).

707

(*Тамъ же*)

ўзяли молойца
отъ матки отъ ойца,
задъ руки завязали,
фурманушку послали.
дуць яго до пріему,
Ёнъ думае што до дому;
Вядуць яго до аршину,
Ёнъ думае за старшину.
Ой, якъ засну, дыкъ забуду
Якъ прочнуся, слезьми ллюся...
(Зап. тотъ же).

708

(*Чашники*)

оло сада зялёнаго
рожка ляжала,
при тэй-жа при дорозцѣ
венка стояла.
ў тэй-жа ў кузенцѣ
валй ковали,
ы куюць и гартуюць,
штабы жалѣзы.
иводзюць-жа дзѣцину
Парня молодого.
„Вы ковалй слесари
„Закуйця мальчишку".
Яму ноженьки зковали
И рученьки звязали.
Ты прощай матушка родна.
Хрестъ на сябѣ ўзложиў,
И сторонушку забыў.
(Зап. мною отъ М. Коткевичовны).

709

(*Витебскій у.*)

Ўставай, мая матушка, раненька,
Ой, топи-жь ты свѣцёлочку цеплинька,
Выправляй ты сыночка милинька.
Ой, ня плачь, мая матушка,
Не тужи-жь ты по мнѣ!
Якъ посадзюць мяне, матушка, на скамеечку,

Якъ и стануць мои русы волосы бросаць
Ой ня плачь и т. д.
Якъ и стануць мяне обмундировацъ,
Якъ стануць ружьёмъ надзѣляць,
Ой ня плачь и т. д.
Якъ и стануць мяне, матушка, ў полкъ опредѣляць,
Якъ и стануць мяне, матушка, съ полкомъ выпраўляць
Ой, заплачь мая матушка,
Потужи-жь ты по мнѣ.
Якъ пайдземъ ў зелены луги,
А ўси луга поскошены, а твои забложены.
Ой заплачь и т. д.
Якъ и пойдзешь ў чисто поле гулянь,
А ўси поля пооравы, паскарожены а твои забложены.
Ой, заплачъ, мая матушка,
Потужи-жъ ты па мнѣ!
(Зап. ученикомъ Витебской гимназіи В. Новицкимъ).

710

(*Борисовскій у.*)

Ой ў гаю, гаю цёмнымъ,
Зъ-подъ березиичку зяленаго.
Тамъ мосты ўсе мощены,
Ўсе мощены ды покощены;
По тыхъ мостахъ охвицеры йдуць,
Охвицеры йдуць барабанючи,
За ними сиротки сильно плачучи.
Были ў бацьки три сыны, три сыны Васили;
Которому сыну ў солдаты исци:
Чи бóльшему, чи среднему,
Чи самому опаслѣднему?
Ў бóльшаго сына дзѣтки дробны,
Ў средняго жена молодая,
Ў послѣдняго—зарученая.
Бóльшему сыну ў солдаты пойсци,—
Да по нимъ жена зануздилася,
Зануздилася, затужилася,

Дзѣтки дробные заплакали.
— Ня тужи, ня плачъ жана молодая,
Я свои дзѣтки по полкáхъ разошлю,
Цябе, молодзенькую, съ собой возьму.
Чи я ў цябе, бацька, ня косиў, ня ораў,
Што ты мяне, бацька, ў солдаты оддаў?
(Зап. Н. А. Рубѣровскимъ).

Солдатскія пѣсни.

711

(*Чашники*)

Посыхай калининка, тойчасъ морозъ будзиць.
Я морозу ня боюся, тойчасъ усыхнуся.
Ўбирайся молодой солдатъ, тойчасъ походъ будзиць.
Я походу не боюся, тойчасъ убяруся,
Въѣхаўши на вулицу усѣмъ уклонюся,
Хоць я молодъ солдатъ, о томъ не журуся,
Прощайце мои людзишки съ кѣмъ посвариўся,
Прикрапице дороженьку, штобъ яна ня пылила,
Развлажайце мою матушку, и штобъ яна ня тужила.
Хоць кропице ни кропице—усе пылиць будзиць.
Развлажайце, ня развозжайце—ўсе тужиць будзиць.
(Зап. мною отъ Коткевичовны).

712

(*Тамъ же*)

Развивайся бѣлая борозка,
Заўтра морозъ будзиць,
Прибирайся ўдоўчинъ сынъ,
Заўтра наборъ будзиць,
Я й набору ни боюся,
Скажуць—прибяруся,
Скажуць на коня садзицца,
Яжъ ужо сажуся

Поливай дожъ дороженьку
Кабъ ды ни курила,
Разводзиця матуленьку
Кабъ ды ни тужила.
Поливаў дожъ дороженьку,
Дороженька курыць,
Разводили матуленьку,
Матуленька тужиць.

Коли коли, сынуленьку,
Ко мнѣ ў госци будзишь?
Тогды тогды, матуленька,
Къ табѣ ў госци буду,
Якъ ў прудзи на камяни
Пшаниченька выросциць.
Росла росла пшаниченька,
Стала посыхаци,
Ждала ждала маци сына,
Стала покидаци.

(Зап. тотъ же).

713

(*Витебскаго у., с. Мишково*)

Межъ горъ да межъ горами
Прилежала дороженька
Очень широкая.
Што по той по дороженьки
Ишли ишли солдаты,
Парни молодые,
Ни женаты, холостые.
Выходзила матушка
Сынка перейmаци.
Ходзи мой сынокъ,
Я цябе помыю
Буйную голоўку,
Расчешу кудзерку
Частымъ грыбешкомъ.
Помой головушку
Кому маци хочешь,
Расчеши кудзерку
Кого больше знаешь;
Помыець головушку
Въ полѣ буйный дожжикъ,
Расчешуць кудзерочки
Сильны вѣцерочки,
Мнѣ мягка посцеля
Сыра маць земе́ля.
Цёпло одзѣялушко
Сѣрая шинелюшка;
Крутоя изголовушко
Въ бѣломъ полѣ камушекъ
На буйно̀й головушкѣ
Клынъ зъ облесками,
На бѣлой грудзинушкѣ
Ремни со ремнями,
Обліюся молодзецъ
Горючьми слезами.

(Зап. В. И. Безперчій).

714

(*Витебскаго у., с. Лужники*)

Рабина, рабина, рабина кудрявая,
Подъ той рабиной маць сына родзила,
Маць сына родзила, на войньку пусцила.
Ахъ маць мая матушка, маць мая родзимая,
Дай жа мнѣ матушка чатыре трубы мѣдзяные,
Въ одну трубу затрублю, зъ матушкой прощаюсь,
Ў другую затрублю сиродъ поля уѣхамши,
Ў треццю затрублю подъ войско уѣзжаючи,

Ў чатвертую затрублю сиродъ войска стоючи.
Ахъ ты мацъ мая, матушка, болядь мои ножиньки,
Болядь мои ножиньки отъ скорой походыньки,
Болядь мои плечики отъ цяжкаго ружейчика,
Болядь мои вочиньки отъ синяго пороху.
(Зап. мною отъ бывшей дворовой).

715

(*Тамъ же*)

Ў Москвѣ, ў Москвѣ на столицѣ
Часты барабаны барабанюць:
На выходъ солдатъ выбираюць.
Женатые идуць—сильно плачуць,
Холостые идуць—пѣсенки паюць.
„А цыцъ братцы ўсё ня плачьця!"
А якъ жа намъ ўсё ня плакаць?
Остались ў насъ жоны молодые,
Остались ў насъ дзѣтушки дробные,
Остались ў насъ хоромы новые,
Остались ў насъ кони вороные,
Остались ў насъ земли боровые.
Остались ў насъ луги зеляные.
Лугамъ зелянымъ косцы будуць,
Дзѣтушкамъ дробнымъ бацьки ня будзиць
Зямлямъ боровымъ пахи будуць,
Дзѣтушкамъ дробнымъ бацьки ня будзиць,
Конямъ воронымъ поѣзды будуць,
Дзѣтушкамъ дробнымъ бацьки ня будзиць,
Хоромамъ новымъ жильцы будуць,
Дзѣтушкамъ дробнымъ бацьки ня будзиць,
Жонамъ молодымъ мужья будуць,
Дзѣтушкамъ дробнымъ бацьки ня будзиць,
Жоны молодыя, пьюць, гуляюць,
Дзѣтушки дробныя слезы уцираюць,
Жоны молодыя по застолью,
Дзѣтушки дробныя по заугалля.

(Зап. тотъ же.)

716

(*Борисовскій у.*)

Засвистали поляченьки
Ў походъ ступаючи,
Заплакала Марусенька
Своимъ яснымъ вокомъ.
Не плачь, не плачь, Марусенька,
Мы возмемъ зъ собою,
Перевяземъ Дунай рѣчиньку,
Назовемъ сястрою,
Не сястрою, не родною—
Солдатской женою.
Маци сына выпраўляла
Ў вялику дорогу:
„О, ѣдзь, о, ѣдзь, мой сыночекъ.
Да не забавляйся
За чатыре недзѣлечки
Домой ворочайся“...
Богъ вѣдаиць, матулечка,
Якъ мнѣ повернуцься,
Мой конь добрый вороненькій
Ў воротахъ споткнуўся,
Гадуй мою Марусеньку
За рóдную дочку.
Ой не тая, мой сыночекъ,
Годзина повстала,
Кабъ чужая чуженица
За родную ўстала,
Шли шляхта на три трахта,
Москаль на чатыре,
Пыгалися дорожечки
До мѣста Кракова,
А зъ Кракова да Яркова
Шаленые мили,
Лежаць польскіе жоўнеры
По три, по чатыре,
Ляжиць, ляжиць панъ Косцюшко,
А жъ подъ бѣлымъ стогомъ;
Прійхожала, пріѣзжала
Жана молодая,
Китаечку подымала,
Лицо цѣловала:
„Ўстань, ўстань, панъ Косцюшко,
Полно воеваци,
Вяликую силу маюць,
Намъ яе не ўзяци.“

(Зап. Н. А. Руберовскимъ).

Духовныя пѣсни.

Слѣдующія духовныя пѣсни, какъ и пѣсни Велижскихъ братчиковъ, далеко не въ такой степени какъ предыдущія относятся къ произведеніямъ чисто-народной, безъискусственной поэзіи: онѣ почти всѣ возникли, сложились и обработались въ дошедшей до насъ формѣ подъ сильнымъ вліяніемъ богословской книжности церквей православной, уніатской и отчасти даже католической, — но тѣмъ не менѣе онѣ могутъ служить весьма важнымъ подспорьемъ при всестороннемъ изученіи внутренней, духовной, такъ сказать церковной жизни бѣлорусскаго народа. Ихъ отсутствіе въ сборникѣ образовало бы весьма замѣтный пробѣлъ.

Слѣдующее примѣчаніе, написанное по нашей просьбѣ бывшимъ профессоромъ Полоцкой семинаріи, старожиломъ здѣшней мѣстности, многоуважаемымъ сотрудникомъ нашимъ Семеномъ Кипріановичемъ Шимковичемъ, на судъ котораго представили означенныя пѣсни, достаточно можетъ, кажется, убѣдить читателя въ ихъ религіозно-бытовомъ значеніи въ средѣ бѣлорусовъ народа въ весьма недавнемъ прошломъ.

„Прочитавъ тетрадь съ духовными пѣснями и стихотвореніями, я вспомнилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ мнѣ часто приходилось слышать въ молодости моей, лѣтъ двадцать пять, тридцать тому назадъ, въ мѣстечкахъ Бѣшенковичи, Чашники (Витебской губерніи) и Смолянахъ (Могилевской губерніи): таковы: „Ахъ. мой Боже, вѣру табѣ“ и „Ишли три паненки Христа шукаци“. Пѣніе этихъ двухъ пѣсенъ, особенно первой. было очень употребительно въ народѣ (до возсоединенія уніатовъ съ православными) въ уніатскихъ церквахъ городовъ, мѣстечекъ и селъ: по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ её часто можно было слышать: послѣ обѣдни и вечерни всѣ присутствовавшіе во храмѣ мущины и женщины становились на колѣна и общимъ хоромъ пѣли ее. Эта пѣснь была припечатываема въ нѣкоторыхъ служебныхъ книгахъ уніатскихъ, но въ народномъ употребленіи подвергалась разнымъ измѣненіямъ, впрочемъ, незначительнымъ. Вторая была въ ходу, особенно у мѣщанъ и преимущественно у набожныхъ мѣщанокъ, которыя распѣвали её дома при благоговѣйномъ душевномъ настроеніи, особенно въ великопостные дни; извѣстна она была и многимъ крестьянамъ, или вѣрнѣе сказать крестьянкамъ. Напѣвъ этихъ пѣсенъ мнѣ и теперь помнится. Не знаю, поются ли онѣ обѣ и въ настоящее время гдѣ-нибудь, но первую изъ нихъ, лѣтъ 8 назадъ, я слышалъ въ м. Сиротино, во время храмоваго праздника отъ нищихъ, которые пѣли ее вмѣстѣ съ Лазаремъ, сидя при дорогѣ, и не очень

давно въ м. Придэжуйскѣ, тоже отъ нищихъ при костелѣ. Пѣсни: „Ишли три паненки“ (болѣе употребительный варіантъ) и „А у городзи Іерусалими стоиць косьцёлъ мурованый“, мнѣ случалось видѣть въ молодости переписанными (славянскимъ шрифтомъ) у нѣкоторыхъ грамотныхъ мѣщанокъ м. Бѣшенковичъ, вмѣстѣ со сномъ Пресвятой Богородицы, въ одну книжечку, которая хранилась бережно, какъ святыня; такія книжечки пріобрѣтались, впрочемъ, и нѣкоторыми неграмотными, какъ нѣкій талисманъ. Пѣсни: „Ишли жидове громадны“ я слышалъ отъ одного изъ моихъ товарищей, который любилъ передразнивать пѣніе велижскихъ мѣщанъ уніатовъ. Онъ же нерѣдко декламировалъ выдержки изъ помѣщенныхъ у васъ духовныхъ стихотвореній, слышанныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ.

„Мнѣ кажется, что эти стихотворенія въ настоящее время очень рѣдко, гдѣ можно слышать. Заботливость православныхъ священниковъ объ очищеніи религіозныхъ вѣрованій въ средѣ Бѣлорусовъ отъ разныхъ постороннихъ примѣсей и искаженій священно-историческихъ фактовъ замѣтно охладила въ немъ расположеніе къ этимъ благочестивымъ измышленіямъ досужей фантазіи.

„Собраніе пѣсенъ Велижскихъ братчиковъ у васъ довольно полное. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ, въ коихъ прославляется Рождество Христово, пѣлись или произносились, послѣ пѣнія собственно церковныхъ праздничныхъ пѣснопѣній, людьми, избранными изъ среды сопутствовавшихъ звѣздамъ. Эти звѣздоносцы ночью въ первый день Рождественскаго праздника имѣли обыкновеніе вносить звѣзду свою въ дома или, по крайней мѣрѣ, подносить къ домамъ христіанскимъ во всѣхъ почти городахъ и мѣстечкахъ Витебской губерніи. (Обыкновеніе это не очень давно уничтожено): волхвы сопутники „звѣзды“ нерѣдко перепивались и сокрушали самую звѣзду, особенно, если они въ такомъ веселомъ настроеніи сталкивались съ волхвами сопутниками звѣзды другого прихода. Жаль, что въ вашей тетради не помѣщена одна интересная пѣсня, въ которой изображается печальная участь виѳлеемскихъ младенцевъ, злоба Ирода и гибель послѣдняго. Она пѣвалась и какъ при ношеніи звѣзды, такъ и при ношеніи вертепа. Я не могу её припомнить, но думаю, что нѣкоторые изъ Витебскихъ мѣщанъ её знаютъ, потому

что нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ мѣщанинъ, не старикъ еще, пропѣлъ её мнѣ речитативомъ".

717

(*Городокскій у.*)

Якъ ў недзѣльку раненько
Ходзиў Богъ слѣдуючи;
Насъ грѣшныхъ спробуючи.
Ишла двѣўка, воду несла,
Спросиў Богъ руки, ноги умыць.
Дзѣўка Бога не узнала,
Гордо Богу отказала:
„Моя вода нячистая,
„Древомъ листомъ западала."
— Сама дзѣўка нячистая!
— Чаму воду пя очищала? —
Тогды дзѣўка Бога узнала,
Ў святые Его ноги упала.
— Полно дзѣўка ня уклоняйся,
— Идзи къ ўсимъ ксендзамъ сповѣдайся,
— Въ ўсихъ грѣхахъ признавайся. —
Душа въ цѣлѣ завихацься
Косци съ цѣломъ разставацься,
Ўси святые зъ мертвыхъ ўстали,
Косци съ цѣломъ собирали,
До гроба складали.
Мацъ наша родзима!
На што ты насъ породзила,
На Дунаѣ утопила?
Сабѣ грѣху прикупила.
(Сообщ. М. П. Сахаровымъ.)

718

(*Лепельскій у.*)

Ишоў Господзь дорогою,
Дорогою широкаю,
Пришоў Господзь къ колодзисю,
Къ колодзисю глубокому,
А тамъ дзѣўка воду брала, (2)
Грѣшны души пробовала. (2)
Богъ ў дзѣўки воды просиў: (2)
„Ты дай, дзѣўка, Богу воды." (2)

Дзѣўка Бога ни ўзнала,
Дзѣўка грубо отказала:
— Гэта вода нячистая.
— Зъ дуба стріла вылитала.
— Ў колодзись попадала.—
„Сама дзѣўка нячистая!
„Ты имъ сыноў породзила,
„Ўсихъ сюды потопила".
Дзѣўка Бога спужалася,
Пирадъ Богамъ крыжамъ пала.
„А ўстань, дзѣўка, ни пужайся,
„Идзи домоў прибираўся.
„Съ отцомъ зъ маців распрощайся,
„Идзи ў церкву сповидайся."
Стала дзѣўка сповидацьца
Стала цѣла распадацьца.
„Вотъ табѣ мамка нахуваннійка,
„Якъ намъ была годуваннійка."

(Зап. мною отъ М. Коткевичовны.)

719

(*Быховскій у.*)

Ишоў жа ишоў сиротынька,
Ишоў жа ишоў малинички,
Сустрѣў яго самъ Сусъ Христосъ.
„Куды жъ ты идзешь сыротынька,
„Куды жъ ты идзешь малинички?"
— Я иду, иду родной матушки шукаць.—
„Твоя мамка ў косцёли,
„Ляжиць яна на пристоли,
„Пилиною накрытая,
„Золотымъ гвоздомъ прибитая.
„Ти идзи, сынокъ, къ своей мачихи,
„Тамъ ў мачихи блины пякуць."
— Яны пякуць, дый мнѣ ня дадуць
— Обуваюць,—прибиваюць,
— Рубашку даюць проклинаюць:
— Богдай цѣла ня сносила
— Другей рубахи ня сносила. —
„Штошъ ты сынокъ будзишь ѣсци?"
— Росцець, мамка, полынь траўка,
— Буду, мамка, корень грысци.—
„Штошъ ты, сынокъ, будзишь пици?"
— Будуць, мамка, дожжи ици,
— Будуць, мамка, стрѣхи капаци,

— Буду мамка ету воду пици.—
„Идѣ-жъ ты, сынокъ, спацьки ляжишь?“
— А ў косцёлѣ па присцѣнѣ. —

(Зап. А. Фр. Лисовская).

720

(Тамъ же)

Якъ ў городзѣ Ерусалимѣ, Господзи помилуй!
Туды ишли пройшли три чарнушечки, алилуія!
Туды ишли пройшли три чарнушечки, Господзи помилуй!
Першая идзець—три свячи нясець,
Другая идзець—книжичку нясець,
Трецція идзець—золотъ хростъ нясець.
На ўстрѣчу имъ ды й самъ Господзь Богъ.
„Милые мои три чарнушечки!
„А идзѣ-жъ вы были, а идзѣ-жъ пробывали.“
— Были-жъ мы были да й ў городзѣ,
— Мы ў городзѣ ў Ерусалимѣ.—
„Што вы тамъ чули, што вы тамъ видзѣли?“
— Чули мы, чули, видзѣли,
— Якъ душа съ цѣломъ раставалася,
— Раставалася ўсё спиралася:
— Ай цѣла, на што рапа ѣла?
— Ай ты душа чаму ня цярпѣла?
— Ай ў субботу до ўсходу сонца,
— Ай ў нядзѣльку до Божій службы,
— Ай табѣ цѣла ў зямлѣ ляжаци,
— Ай мнѣ душѣ пирадъ Богомъ стояци,
— Пирадъ Богомъ стояци грѣхи отказаци.—

(Зап. того же.)

721

(Городокскій у.)

Процикала рѣка отъ самаго Христа
А по той-та рѣкѣ плыли плыли корабельки
А ў тыхъ-та корабелькахъ янгальки, апостальки.
„Гдѣ жъ вы были пробывали?“
— А мы жъ были, пробывали

„Гдѣ душа съ бялымъ цѣломъ разставалася,
„И разстаўшись душа не просцилася,
„И пройшоўши душа спокупилася,
„Ко бялому цѣлу ворощилася."
Ты просци цѣло бѣлоя мое,
Вотъ табѣ цѣло бѣлоя мое,
Жоўтыи пяски и гробовые доски,
А яжъ-то душа Богу согрѣшила,
И мнѣжъ-то, душѣ, идци туды,
Гдзѣ горацъ огни няугасимые,
Гдзѣ горпцъ смола неутолимая.
Вотъ и яжъ-то душа Богу согрѣшила,
Я подъ окошечкомъ подслухивала,
Мужа зъ жаной развѣнчивала.
Во й той-та грѣхъ, безконечный грѣхъ!
И по игрищамъ я похаживала,
Ў ладушецки похлопывала,
Во й тую сатану ўзвиселивала.
Во й той-та грѣхъ, безконечный грѣхъ!
Ў чревы я дзяцей замаривала.
Вотъ той-то грѣхъ, безконечный грѣхъ!
И коровокъ, и бурёшекъ я сызовывала,
Молоко ў ихъ отбиривала.
Подъ бѣлу берозу подливовала,
Корни яё усушивала.
Во й той-та грѣхъ, безконечный грѣхъ!
А яжъ-то душа хорошо ня ўсходзила,
Хорошо ня ўсходзила, смашно ня уѣла,
Во й той та грѣхъ, безконечный грѣхъ!

(Сообщ. М. П. Сахаровымъ.)

722

(Тамъ же)

Шли пастыри изъ Ерусалима,
Отъ поўночи до Максима.
Максимъ старый бородатый
Якъ спугаўся,—выскочиў зъ хаты.

Што вамъ дѣци за прокуда
Огонь горыць—вялнкоя цудо,
И янгальки спиваюць
На тулейкахъ мудро играюць.
Людзи кажуць, што панъ Христосъ народзиўся,
Христосъ народзиўся и пастухамъ объявиўся.
Побяжимъ до яго, привитаемъ маленькаго.
Прачистая поглядаиць,
Ажно идуць два лицвина,
И нясуць горшокъ боцвиння.
Ахъ вы дураки два лицвина!
Нашъ Христосъ ня ѣсь боцвиння,
Принясиця кашки зъ масломъ,
Чи блиначикоў на медовомъ сочку.
Съ одной стороны сопиць быча,
Съ другой быкъ и ослица.
Стоиць Гришка подъ вокномъ
Дяржиць горшокъ съ толокномъ.

(Сообщ. тотъ же.)

723

(*Тамъ же*)

Шли жидове громадове,
Взяли Христа новородове,
Яны били и плевали
И на крыжъ распинали,
Копьемъ сердце доставали,
Горючу кровь разливали.
Яго мацъ зъ Ерусалима,
Подъ крыжомъ стояла,
Слезьми Христа обмывала,
Его мацъ и умлѣла:
Сынку мой прелюбезный,
Сердцу мойму приболѣзный!
Церпѣў Христосъ вельки раны,
Што мы яго христіане.

(Сообщ. тотъ же.)

724

(*Тамъ же*)

Ишла паненька на круту гору —
Ой Езу, мой Езу, на круту гору!
Стрѣла паненка трое жидове:
Ти ня вы, жидове, Христа мучили?

Ой ня мы, паненка, Христа мучили, наши ойцове
На крижѣ распинали, гвоздзямъ руки прибивали,
Копьемъ сердце доставали, горючу кровь разливали.
Ўзышоўши паненка на круту гору,
Глянула паненка подъ ясну зару:
Подъ ясной зарой бѣлъ косцелъ стоиць,
Ў бѣлымъ косцёлѣ три гроба стояць.
Ў первымъ же гробѣ Господзь Богъ лежиць,
Ў вторымъ же гробѣ Інсусъ Христосъ,
Ў треццимъ же гробѣ Свента Марія.
Пирадъ Господомъ Богомъ ангели співаюць,
Пирадъ Інсусомъ Христомъ свѣчи пылаюць,
Пирадъ свентой Марьей рожа разцвѣла,
Разцвѣўши рожа до неба пошла,
Зъ неба жъ бѣлъ птахъ злецѣў, (2)
На бѣлъ косцель стаў,
Стаўши бѣлъ птахъ, сами звоны зазвонили,
Сами свѣчи запалились,
Сама яму служба услужилась,
И людзи уклонились.

(Сообщ. тотъ же.)

725

(*Витебскъ*)

Ишли три паненки
Христа шукаци,
Ой Езу, мой, Езу!
Христа шукаци.
Сустрѣла паненка
Да трехъ жидовёў,
Ой Езу мой, Езу!
Да трехъ жидовьёў.
„Ци ня вы жидове
Христа мучили?
Ой Езу мой, Езу!
Христа мучили.

— Ой ня мы паненки,—
Наши ойцоўя,
Ой Езу мой, Езу!
Наши ойцоўя.
Ты ўзыйдзи паненка
На круту гору,
Ой Езу мой, Езу!
На круту гору.
Ты ўзглянь паненька
Подъ ясну зару,
Ой Езу мой, Езу!
Подъ ясну зару.

ъ ясной ли зарой
косцелъ стоиць,
у мой, Езу!
косцелъ стоиць.
ымъ косцелѣ
робы стояць,
у мой, Езу!
робы стояць.
ершимъ гробѣ
Езусъ ляжиць,
у мой, Езу!
Езусъ ляжиць.
ругимъ жа гробѣ
и Яго.
у мой, Езу!
и Яго.
рещцимъ жа гробѣ
а Марія,
зу мой, Езу!
а Марія.
адъ Езусомъ
пылаюць,

Ой Езу мой, Езу!
Свѣчи пылаюць.
А пірадъ анёлкомъ
Пташки співаюць,
Ой Езу мой, Езу!
Пташки співаюць.
А пірадъ Маріей
Рожа расцвіла,
Ой Езу мой, Езу!
Рожа разцвіла.
А выляцѣў жа зъ рожи
Бѣлюсеньки птахъ,
Ой Езу мой, Езу!
Бѣлюсеньки птахъ.
Само яму чарство
Растварилася,
Ой Езу мой, Езу!
Растварилася.
Само яму небо
Расчиналася,
Ой Езу мой, Езу!
Расчиналася.

ною въ 1867 г. отъ бывшей дворовой (безграмотной) 60-ти лѣтней старухи.)

726

(*Витебскій у.*)

зи паненка
руту гору,
у мой, Езу
руту гору.
лянь жежь, паненка
ясну зару,
у мой Езу
ясну зару.
дъ ясной зарой
косцелъ стоиць,

А Езу мой Езу
Бѣлъ косцелъ стоиць.
А ў тымъ косцели
Три гробы стояць,
А Езу мой, Езу
Три гробы стояць.
Ў першимъ жа гробѣ
Свента Марія ляжиць,
А Езу мой, Езу
Свента Марія ляжиць.

А ў другимъ-жа гроби
А Iезу мой, Iезу,
Тамъ Христосъ ляжиць
А ў трецьцимъ гроби
Анёлы яго,
А Iезу мой, Iезу.
Анёлы яго.
Пирадъ Свентой Маріей
Ксяндзы спѣваюць.
А Iезу мой, Iезу,
Ксяндзы спѣваюць.
Пирадъ Iсусомъ Христомъ
Свѣчи пылаюць.
А Iезу мой, Iезу
Свѣча пылаюць.
Пирадъ Анёлкамъ
Роза разцвіла,
А Iезу мой, Iезу
Роза разцвіла.
Якъ выляцѣлъ зъ розы
Бѣлехонькій птахъ,
А Iезу мой, Iезу,
Бѣлехонькій птахъ.
Поляцѣу же той птахъ
До неба высоко,
А Iезу мой, Iезу.
До неба высоко.
Само жъ яму
Небо растворилось
А Iезу мой, Iезу,
Небо растворилось.
Сами звоны зазвонилися
А Iезу мой, Iезу
Сами звоны зазвонились.
Сами церкви отворились.
Сами яму свѣчи зацеплились.
А Iезу мой, Iезу
Сами жъ книги разложились
А Iезу мой, Iезу.
Сами жъ яму попы
На службу ўветали
А Iезу мой, Iезу,
А грѣшные же людзи.
Яму—низко уклонились,
А Iезу мой, Iезу
Яму низко уклонились.
А ня ёсць же то птахъ,
А ёсць Сынъ Божій
А Iезу мой, Iезу
Ёсць Сынъ Божій.

(Зап. учителемъ народнаго училища г. Коробовымъ.)

727

(*Тамъ же*)

А ў городзи въ Русалимѣ
Стоиць косцёлъ мурованый,
Мурованый, побѣляный.
А ў тымъ косцёлѣ стоиць престолъ,
А на престолѣ ляжиць Христосъ.
Пирадъ Христомъ Свента Марія,
Свента Марія сильна плачець,
Сильна плачець, цяжко ўздыхаець

А яе святцы пытаюцца:
„Чаго Свента Марія плачешь?“
Ой якъ же мнѣ не плакаци
Што Ісусъ Христосъ ў мертвыхъ ляжиць
Сами свѣчу загаслилися,
Сами двери зачинилися.
А ў городзи въ Русалимѣ
Стоиць косцёлъ мурованый,
Мурованый, побѣляный,
А ў тымъ касцёлѣ престолъ стоиць,
На престолѣ Христосъ ляжиць,
Прідъ Христосъ Свента Марія,
Свента Марія дужа рада.
А ея святцы пытаюцца:
„Чаго Свента Марія рада?“
О якъ же мнѣ радой не быць?
Што Ісусъ Христосъ зъ мертвыхъ ўстаў:
Сами свѣчи запалилиси,
Сами церкви расчинилиси,
Сами звоны зазвонили.

(Записана мною.)

728

(*Тамъ же*)

ѣ городзи ў Ерусалимѣ
иць косцёлъ мурованый.
тымъ косцелѣ три престола,
престолахъ три гроба стоиць,
першимъ гробѣ панъ Езусъ
ляжиць.
ругимъ гроби — матка его,
реццимъ гроби — анёлы яго.
я анёлы пыталиси:
о матка сильна плачешь?
же мнѣ не плакаци?
го сына распинали,
На кржестъ яго возвышали.
Яё анёлы пытаюць:
Чаго матка радуешься?
Якъ же мнѣ не радой быци?
Самъ сынъ Христосъ
Зъ мертвыхъ повстаў.
А на престолѣ стаў,
Ёнъ стоючи размоўляець,
Петра и Паўла призываеци!
Петра и Паўла, возьми ключи,
Возьми ключи замчистыя,
Отмкни пекло нявгасимоя,

Выпусць души нявинныя;
Одну душу не выпущай,
Которая согрѣшила,
Ойца съ матерью побранила,
Брата съ сястрой скровавила.
Ёсць же въ пеклѣ бритвы востры,
Ня выкупиць ни брать, сестры.

(Зап. тотъ же).

729

(*Тамъ же*)

Ахъ, мой Боже, вѣру табѣ!
А ўсе вѣру, што длѣ цябе,
Ўсю надзѣю Табѣ маю
За ўсе Бога выхваляю
Ты сотворпў, Ты откупиў,
Сынъ Божій посвяциў.
Ахъ мой, Боже зrрѣшиў Табѣ,
Скрось грѣхъ достаў пекло сабѣ.
Ахъ, мой Боже, ўсе каюся,
Пусци грѣхи, поправляюся.
Жиць, умираць велю табѣ.
Што ты ёсь добрый самъ сабѣ.
Для твоего сподобання,
Хочу ховаць приказання.
Слезы наши вылпваны
Щирымъ сердцемъ пререкаиы,
О, Марія матка Божа,
Пресвятая райска рожа!
Молися Богу за нами
Негодными грѣшниками!
Ўси святые зглянъце зъ неба!
Ваша ласка намъ потреба.
Ручки вочки къ нему взносимъ,
Отпущення грѣхоў просимъ.
Ўси святые зглянъце зъ неба,
Ваша ласка намъ потреба!
Цѣлуючи твои раны.
Спасицелю нашъ коханый!
Поколь будземъ за людьми жици
Ня будземъ Бога грѣшпци.
Слава Отцу и Сыну
И святому Духови.

(Зап. тотъ же).

730

(*Городокскій у.*)

Ой, Боже, вѣру Табѣ
И все вѣру ли и цябе
И все надѣюсь на цябе:
И за все выхваляю цябе;
Ты сотворпў, откупиў,
Ты насъ Божинька просвѣциў.
Чиразъ грѣхъ пекла достаў сабѣ;
Жаль мнѣ, Боже, согрѣшиў табѣ!
Гдзѣ ёсть людзи—нихай чесць и хвала будзи.

Табѣ, Божинька, клонюся,
Просцв грѣхи, поправлюся.
То разъ велю умираци,
На грѣхъ долѣ не дозволю,
Ли твоего подобання.
Хочу хуваць приказання.
Жиць и умираци велю табѣ,
Што ты ёсць добрый самъ сабѣ.
Цалую рапы, спасицелю нашъ пане;
Ручки вочки къ небу ўзносимъ,
Отпущення грѣхоў просимъ.
(Сообщ. М. П. Сахаровымъ).

Нижеслѣдующія 20 пѣсенъ записаны въ Велижѣ учителемъ Велижскаго уѣзднаго училища г. Обухомъ. Эти пѣсни пѣлись братчиками (членами церковнаго братства) во время хожденія ихъ на Святки по городу съ вертепомъ и въ другіе праздники. Какъ замѣтитъ читатель, происхожденія онѣ чисто-книжнаго, риторическаго.

731

Днесь Христосъ рождается,
Отъ Дѣвы пеленами повивается,
Во яслехъ полагается;
Пастыріе чудо проповѣдуютъ:
Видятъ Христа рожденнаго,
Во яслехъ положеннаго.
Ангели со человѣки ликуютъ:
Видятъ Христа рожденнаго,
Царя и Бога небеснаго.
Волсви Персіи Цари его познали:
Даютъ хвалу Богу нашему,
Во яслехъ положенному.
Призналъ его при яслехъ волъ и осéлъ,
Падши на землю на колѣна;
Чудна была та новина.
Веселися ты Христіанскій роде,
Ижъ Богъ на земли родися,
Сущимъ во тмѣ просвѣтися. Аминь.

732

Христосъ Спаситель,
Всѣмъ намъ вѣрнымъ просвѣтитель,
На земли нынѣ намъ рожденный,
Во яслехъ нынѣ намъ положенный,
Ему звѣзда послѣдовала,
Вертепъ мѣсто ему уготовало,
Отъ востока и до запада.
Три цари принесли ему дары:
Ливанъ, смирну, дающе злато ему.
Пришедши поклонишася Ему,
Яко Богу и предвѣчному Царю.
Вселенная вся веселится о томъ
Всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

733

Ангелъ пастыремъ предсталъ,
Нову радость намъ вѣщалъ.
Виѳлеемъ градъ блаженъ есть премного,
Въ немъ родися убого
Царь всея державы.
Сколь Господь хвалы высокъ,
Столь въ смиренствѣ щедръ, глубокъ.
На земли вмѣсто царскаго чертога
Избралъ вертепъ отъ мраза строга,
Вседержитель міра.
Чуденъ рождествомъ Твоимъ —
Достойно Тя блажимъ:
Дѣва ради первороженна,
Свела въ міръ преждереченна,
Дѣвство сохранивши.
Всё сіе теперь сбылось,
Что въ пророчествѣ чулось.
Аароновъ жезлъ вѣтвь прозябаетъ,
Чудно здѣ процвѣтаетъ,
Плодъ велій приноситъ.
Бога Отца чтемъ гласъ,

Яко научаетъ насъ.
Сей свѣтъ оболюбленный отъ вѣка
Посланъ для человѣка—
Вѣчную дать свободу. Аминь.

734

Горы сладости да каплютъ,
Се бо пришелъ еси отъ Юга.
Языцы побѣждайте и радуйтеся пророцы.
Патріарси играйте; человѣцы восплещите руками,
Крѣпкій, крѣпкій и великій князь,
Христосъ рождается отъ Дѣвы,
Христосъ Богъ нашъ. Аминь.

735

Видѣ Богъ, видѣ Творецъ,
Же міръ погибаетъ,
Архангела Гавріила
Въ Назаретъ посылаетъ.
Благовѣствуй въ Назаретѣ:
Слово стало во вертепѣ.
О прекрасный градѣ Виѳлееме!
Отверзе врата Эдема.
Незаходимое солнце изъ дѣвическихъ ложеснъ
Грядетъ, грядетъ, возсіяетъ и просвѣщаетъ міръ весь.
Звѣзда ясна возсіяла.
Путь царемъ тремъ показала.
Отъ востока тріе цари
Принесли Христу дары:
Ливанъ, смирну и злато ему принесоша
И пришедше въ храмину на колѣна упадоша.
Иродъ зѣло засмутися,
Же Христосъ царь народися.
Слуги своя посылаетъ—
Христа убити шукаетъ
Четыренадесять тысячъ дѣтей маленькихъ побилъ;
О, Ироде проклятый, Сына Божія не пощадилъ!

Маленькія казалъ дѣти бити, погубити.
Праведные Финики
И процвѣтутъ на вѣки.
Не плачь, Рахиль, по дѣтяхъ!
Перестань
Азъ-бо печальная мати.
Мушу я по нихъ рыдати.
Сердцѣ по немъ унываетъ,
Иродъ дѣтей забиваетъ;
Азъ-бо печальная мати
Имѣю рыдати.
Не плачь, не плачь и не рыдай по чадахъ малень
Узришь, узришь своя сыны
Въ Сіонѣ праведныхъ.
Иродъ пойде ажъ до ада,
Къ люцыферу на пораду.
Мы же съ того веселимся,
Христу Богу поклонимся. Аминь.

736

Пѣснь объ изгнаніи Адама изъ рая.

Вопль бысть презѣльный во предрайстей странѣ:
Плакася Адамъ изъ рая изгнанный.
О раю, раю сличная крайна!
Ахъ! бѣдна мнѣ нынѣ безъ тебя година!
О жено, жено, что еси сдѣла́ла!
Ты сама власно мя изъ рая изгнала.
Адамъ же сидѣ умильно плака́ше,
О раю прекрасный. отечество наше!
Гдѣ твоя одежда, Богомъ бывшая да́на?
Въ ра́ю всечестномъ лежитъ вся подрана.
Господь же пришедъ Адама глашаетъ:
Гдѣ еси Адаме? Къ себѣ призываетъ.
Адамъ же скрыся отъ наготы стыда.
Листіемъ прикрыся, не являше вида.
Господь глаголетъ: кто тебѣ возвести?

Адамъ-же рѣче: змій мя прельсти.
Господь прокля змія врага бытія;
Тогда змій началъ на чревѣ ходити.
Адаму повелѣно: въ потѣ хлѣбъ снѣдати.
Тогда Адамъ началъ землю работати.
Не во вѣки вражда Адаму Творца
Многомилостиве Боже и до конца. Аминь.

737

О покаяніи Адама.

Ахъ мнѣ окаянной жизни отчаянной!
Души моей бѣдной, во грѣсѣхъ упадлой!
Не знаю, что чинити, чѣмъ-же боронити?
Токмо молитвами, падши со слезами.
Къ Царю и Богу припадши подъ ногу,
Сице глаголати, милости прошати.
Помилуй мя, Боже, Отче всего свѣта.
Ты еси мой Творче, Ты еси создавый мя, Ты и помилуй мя.
Вырви мя изъ ада къ пресвѣтлому раю;
Ты самъ знаешь, Боже, же азъ Тя желаю.
Хвалятъ Тя вси небеса со Ангеловъ лики,
Со Отцомъ и Сыномъ на вѣчныя вѣки.

738

О страшномъ судѣ.

Придетъ часъ и Господь на облацѣхъ славно
Придетъ всѣхъ судити со славою явно.
Съ войскомъ Ангелъ и Архангелъ безчисленныхъ,
Святыхъ соборъ прославленныхъ.
Вострубитъ Архангелъ и мертвыи возстанутъ,
А предъ судомъ страшнымъ нагіи повстанутъ.
Тамъ убогій и скарбъ многій,
Тамъ владыки и калѣки —
Вси равно станутъ.
Царіе и князи безъ слугъ, безъ одежды,
Безъ скарбовъ, безъ помпы, безъ жадной надежды;

Станутъ наги, безъ поваги, безъ родины,
Безъ дружины сами собою.
Сидящему на престолѣ мусютъ отвѣтъ дати,
Якъ се справовали безъ Боскай благодати.
Ахъ, мой Боже, поможе
Бо шатана зла хитра здрада.
Бо тамъ на вымовы не зрятъ,
Ни на роды, а ни на персону, ни на
Прожне свары, хто што зробитъ,
Хто што створивъ, любъ благое, любъ тежъ злое,
Явно тамъ будетъ.
Вся тамъ дѣла наша открыются явно,
Грѣшнымъ на стыдъ вѣчный,
А вѣрнымъ въ славу.
Что тутъ скрыто, тамъ открыто;
Все явится, обличится
Тамъ предъ твоимъ свѣтомъ.
Якій тамъ стыдъ будитъ, якая срамота!
Гдѣ явно тамъ будетъ, злымъ злая работа.
Ни сказати, ни списати невозможно, бо не ложно тамъ ся то станетъ.

Потомъ Господь крикнетъ на злыхъ:
Отыдите, а проклятые люди до пекла идите!
Въ якомъ страсѣ и ужасѣ будутъ злыи,
Егда тыи слова услышатъ.
А напотымъ Господь лицемъ доброзрачнымъ воззритъ на святыхъ.
А голосомъ внятнымъ къ нимъ промовитъ,
И такъ мовитъ: мои друзи, мои слузи ко мнѣ пріидите!
Наслѣдуйте царство и вѣчную радость.
Якая тамъ будетъ въ той часъ святымъ радость.
Ни сказати, ни списати невозможно, бо не ложно тамъ ся то станетъ.

Милосердый Боже, даждь намъ поминати
Всегда судъ Твой страшный, а не согрѣшати.
Тутъ карай мя, тутъ смиряй мя!

Отверзи злыхъ, бо смѣхъ тамъ будетъ предъ цѣлымъ свѣтомъ.
Кровь твоя святая зъ рукъ, зъ ребръ, зъ ногъ пролитая.
Нехай будетъ тою злость наша омыта
Въ томъ надзѣю я имѣю,
Же очистить и услышитъ мене грѣшнаго.

739

Пѣснь Іисусу сладчайшему.

Іисусе мой прелюбезный, сердцу сладосте!
Едина въ скорбѣхъ утѣха моей радости!
Рцы души мой: твой самъ азъ спасеніе,
Очищеніе грѣховъ моихъ, въ раи веселіе.
Мнѣ-же Тебѣ благо Богу прилѣплятися,
А отъ Тебѣ милосердія надѣятися.
Никто-же мнѣ въ моихъ бѣдахъ грѣшному поможе
Аще не Ты, пресладкій Іисусе Боже.
Хотѣніе мнѣ едино—съ Тобою быти;
Даждь ми Тебе, Христе, въ сердцѣ всегда имѣти.
Изволь во мнѣ обитати, благъ мнѣ являйся.
Мною грѣшнымъ недостойнымъ не возгнушайся.
Аще въ болѣзни животъ мой у тебѣ Бога.
Ты моя крѣпость. Ты здравіе, Ты слава мѣста,
Радуюся азъ о Тебѣ и веселюся
И Тобою, милый Боже, всегда хвалюся.

740

Пѣснь Іисусу Христу.

На горѣ Кальварѣ
Христосъ распятъ за люди.
Стоитъ мати рыдаетъ.
Кому меня кидаешь? Ахъ, ахъ, ахъ!
Прибѣгъ Логвенъ слѣпы скотъ.
Пробилъ Христу сердце и бокъ. Ахъ, ахъ, ахъ!
Вышла зъ боку кровь и вода,
Логвенъ познал пана тогда.
Хоть умэнчонъ распятый. Ахъ, ахъ, ахъ!
Чуетъ, что плачетъ Мати. Ахъ, ахъ, ахъ!

Не задавай большій жалъ,
Возми меня въ свою печаль. Ахъ, ахъ, ахъ!
Знашли рызы и сударь. Ахъ, ахъ, ахъ!
Въ нихъ-же былъ безсмертный царь. Ахъ, ахъ, ахъ!
Чудо Логвинъ дознаетъ,
Христа паки познаетъ. Ахъ, ахъ, ахъ. Аминь!

741

Пѣснь къ Богородицѣ.

Все упованіе мое
На милосердіе Твое,
Мати Дѣво, возлагаю,
Во всемъ къТебѣ прибѣгаю.
Ибо къ Тебѣ прибѣгаю,
Надѣю въ Тя покладаю,
Скорую Тя помощницу,
Познаемъ предстательницу.
Нѣсть на земли человѣка
Отъ созданія вѣка,
Дабы, прося Тя помощь,
Отошелъ отъ Тебѣ тощь.
Азъ-же недостойный рабъ твой
Къ Тебѣ возсылаю гласъ свой;
Не презри мя Тя хвалящa,
Помощи Твоей просяща.
Ты бо въ бѣдахъ помощница,
О грѣшныхъ предстательница,
Крѣпкое упованіе, надѣющимся спасеніе.
Къ кому иному проструся,
Къ кому прибѣгши спасуся?
Токмо къ Тебѣ, Бога-Мати,
Ты власть имѣешь спасати.
Кая ми въ печали радость,
Кая ми горесть и сладость?
Аще не отъ Тя спасуся,
Въ градъ темный скоро вселюся.

На Тя токмо уповаю
И въ Тебѣ надѣю маю.
На Тя токмо надѣюся,
Въ Тебѣ единой хвалюся.
Кто-жъ насъ покрыетъ,
Аще не Ты амофоромъ.
Покрый крыломъ своимъ, Мати,
Даннымъ въ небѣ царствовати. Аминь.

742

Пѣснь Покрову Богородицы.

онитеся вѣки,
о человѣки
Росейской державы,
А восточной славы!
цимъ нынѣ
благостынѣ.
Се бо отъ востока
Заря безъ порока.
ирская дѣво
образп живо
На престолѣ славы стало.
Во храмѣ Покровскомъ,
тронѣ Сіонскомъ
нынѣшніе вѣки
Съ небесными лики
У Бога мѣсто свято, и чисто,
молися Сыну
Въ день и нощь вину,
Слѣпымъ даетъ зроки,
Бѣсовъ гонитъ мраки,
Хромыхъ, больныхъ
Творитъ свободныхъ.
Чудо даетъ вскори,
На земли и мори
Крыетъ омофоромъ
Со Архангельскимъ хоромъ
Ей служащихъ,
Слово славящихъ.
Молится о всѣхъ распятый.
Міра благодати,
Простираетъ руки,
Да избавитъ муки,
Всѣхъ вѣрныхъ въ Него.

743

Пѣснь Богородицѣ.

О всепѣтая Мати,
Пучина благодати,
Родшая всѣхъ святыхъ.
Святѣйшее Слово,
Грѣшнымъ спасеніе у нея готово.
О всепѣтая Мати,
Умильно Тя звати,

Нынѣшнее пріемли приношеніе:
Прилежное исполни наше прошеніе.
О всепѣтая Мати!
Со слезами Тя звати;
Отъ всякія насъ избави напасти,
Недопусти во гіенну впасти.
О всепѣтая Мати,
Отъ бѣдъ насъ избавляти
И грядущаго изми насъ мученія,
Преставленнымъ рабомъ, со времяни разлученія.
О всепѣтая Мати,
Даждь Сына познати,
О Тебѣ вопіющихъ пѣснь безпрестанно:
Непрестанно молися Христу Богу.
О всепѣтая Мати,
Не престань ублажати
Вопіющихъ пѣснь Ангельскую!
О всепѣтая Мати
Умильно Ти звати: Аллилуя, аллилуя, аллилуя!

744

Пѣснь Богородицѣ.

Вселенный свѣте! людемъ страннымъ
Совокупившеся-всѣмъ христіаномъ
Челомъ низко ударяйте,
Сердцемъ, устами выхваляйте
Матерь, Царицу и Владычицу,
На Почаевской застаешь горѣ,
Тамъ людемъ вѣрнымъ даешь вскорѣ,
Источникъ ласки творенной,
Православнымъ не временной, во времени данной чудами славно.

Царіе, Князіе великой славы,
Покорне свои кланяютъ главы,
Предъ образомъ монархинѣ,
Иже въ великой краинѣ
Насъ сохраняешь и выхваляешь.

Дала документъ, источникъ воды,
Же въ православномъ иже народѣ
Хотѣлъ помоцъ свою взяти
Надъ тымъ міромъ, Дѣво Мати.
Ратунекъ дала,
На той часъ стала
Кто не признаетъ и не даетъ вѣры,
Же въ Почаевскомъ есть монастырѣ
Пречистая Дѣво Мати
Сокровище благодати
Своей иконой,
Якъ войскомъ брани.
Гды на высокихъ, въ небѣ—крайнѣ,
Господа Отца славимъ во Сынѣ,
Бога Отца единаго, во Троицы Святой
Славимаго на вѣки вѣковъ. Аминь.

745

Пѣснь Святителю Николаю.

Кто хочетъ мѣти себѣ за патрона,
Тому на пути певная оброна
Николай.
На мори ратунекъ во скори, не дастъ утопати во глубину впасти морскую.
Ангелы пришествію Твоему дивятся
И человѣцы грѣшны завше молятся.
Помогай, помогай христіанскимъ ца́рямъ и всѣмъ господаремъ враговъ побѣдити,
Христіаномъ жити въ покою.
Помогай бѣсовскія полки разорити,
А насъ отъ напастей завше боронити,
Молимъ Тя, просимъ Тя со слезами.
Просимъ и руцы подносимъ
Избави злой руки,
Отъ вѣчныя заховай муки.
Василію Великому, Николае, дружка Іоанну Златоусту:
Молимъ Васъ, просимъ Васъ трехъ, Васъ чудотворцы!

Вашими молитвами побѣдимъ ногами Арія и Несторія.
Мрачныя страсти пречь отгоняешь,
Мечемъ плевелы прелесть посѣкаешь.
Отъ насъ отгоняешь бѣсовскія полки,
Ядущіе на вѣру нашу волки.
При второмъ пришествіи стой намъ за патрона,
Тогда на пути буди намъ оброна.
Предъ Богомъ, предъ Христомъ,
А мы заспѣваймо, честь хвалу отдаймо,
Якъ своему патрону,
Просяще оброну, на вѣки вѣковъ. Аминь.

746

Пѣснь Святителю Николаю.

Дивный во дѣлѣхъ Святитель Великій,
Явися міру предстатель толикій,
Николае Свѣтлѣйшій!
Во чудесѣхъ славнѣйшій,
Богъ Тя избравый!
Отъ сосецъ матернихъ Святитель теплѣйшій
Явися міру предстатель свѣтлѣйшій,
Вся-бо просящему на земли и мори
Да примемъ помощника и бѣ во скори!
Дивенъ во юности цвѣтуща прекрасно
Поемъ, поемъ непрестанно пѣснь велегласно.
Влей намъ Христова винограда
Для избавленія отъ ада.
Господь пріемлетъ помощника къ себѣ въ стадо,
Прими отъ насъ пѣніе смиренно молимся.
Да причтены стаду Твоему явимся.
Царіе и князи, патріарховъ лики
Непрестанно воспѣваютъ со человѣки.
Гроздь еси зрѣлый Христова винограда
Сочини насъ живущихъ духовнаго стада.

747

Пѣснь Святителю Николаю.

А кто, кто Николая любитъ,
А кто, кто Николаю служитъ,
Тому Святый Николай
На всякій часъ помогай. Николае!
А кто, кто къ нему прибѣгаетъ
На помощь къ себѣ призываетъ,
Той не будетъ ошуканъ
И грѣховъ не возметъ раны. Николае!
А кто, кто живетъ въ его дворѣ,
Николай на земли и мори
Изметъ его отъ напасти,
Не дастъ ему злѣ пропасти. Николае!
Пастыре словеснаго стада!
Изми насъ варваренпаго ада,
Хотящи насъ поглотити
И въ пещерахъ заградити. Николае!
Николай имя знаменито,
Побѣждай—тезоименито.
Побѣждаетъ Агарянъ,
Утѣшаетъ Христіанъ. Николае!
Побѣждаетъ враговъ нашихъ всюды,
Помощникъ намъ буди!
Мы Тя будемъ прославлять,
Имя Твое выхвалять. Николае!

748

Пѣснь Св. Мученику Стефану.

Страданія Мученика Стефана прославляймо!
Во тымпанѣхъ доброгласныхъ пѣснь ему воспѣваймо!
То о вѣрѣ съ фарисеемъ начаше ихъ стязати,
Они ему не можаху противъ мудрости стати.
Емше его, восхитивше приведоша на сонмище,
Ложные тамо свидѣтели сташа на соборище.
Аще убо разоритъ мѣсто сіе Назорей,

Даждь намъ отвѣтъ, о Стефане, рече Архіерей.
Фарисеи, садукеи воззрѣвше нань сидяще,
Видѣша лице его, яко солнце свѣтяще.
На высокимъ мѣстѣ Святый Стефанъ
Стояше отъ Авраама даже до Христа подробно повидоше.
Еще славно въ немъ на тронѣ Бога Отца сидяща.
Видѣвше-же лице его Якъ Ангела свѣтяща (2).
Ярахуся аки львове и зубамъ скрежетаху.
Окрутнымъ каменіемъ на Стефана метаху
Доколѣ вы, о Іудеи во дни слѣпы ходите
Богъ явися, воплотися, вы его не видите (2).
И здѣ Павелъ рызы своя юноши приношаху,
Горько зѣло каменіемъ на Стефана метаху.
Отпусти имъ, Боже Отче, рече архидіаконъ.
Поими духъ мой, Царю Христе, въ руцы на вѣки вѣковъ.

749

Пѣснь о Св. Великомученицѣ Варварѣ.

О коль благодати,
Агнице имати Варваро прекрасная (2).
Мучима за Христа,
Создателя иста
И мукъ не ужаснеся.
Бога въ Тройцы познала,
Три окна создала.
Отецъ не возлюбивъ (2).
Хотя запретити,
Муками страшити
Отъ Отца небеснаго (2).
Гласъ бысть тебѣ съ небесъ,
Дерзай, Варваро, днесь!
Врага побѣдиши.
Се женихъ твой грядетъ,
Мученицу зоветъ —
Христу возлюбленная.
Варваро днесь дерзай,
Бога въ Тройцы познай —
Въ чертогъ введенная.

Діогноръ проклятый,
Во адъ будетъ взятый,
На вѣчныя муки (2).
Гора разступися,
Мученица скрыся,
Онъ стыду наполнися.
Скоро тя достиже,
На землю поверже,
Ногами попташе (2).
Въ темницу введоша,
Стражемъ дадоша
Варвару прекрасную (2).
Изъ темницы взяша,
Къ столпу привязаше,
Ногтьми тѣло твое драша.
По земли влачи́ма,
За Христа мучи́ма,
Варваро прекрасная.
Биша твое ли́це,
Святая мучени́це,
За власы терзаша (2).
Сосцы отрѣзаху,
Свѣщами паляху,
Палицами біяху (2).
Отсѣчена глава,
Правовѣрныхъ слава,
За насъ помолися.
Царствуй тамъ со лики,
Со Христомъ на вѣки,
Варваро прекрасная. Аминь.

750

Пречистая Дѣво, Мати Русскаго краю!
На небеси и на земли Тя величаю,
Ты грѣшниковъ зъ тяжкой муки
Черезъ Твои спасаешь руки
Не дай пропасць!

Тебѣ вси Святые служатъ, Родице Бога,
И мы Тя грѣшніи славимъ яко мóга,
Цѣлымъ сердцемъ нехай мило
Тебѣ служитъ наше тѣло
Мати чистая!
Ктожъ невденченъ ласки Твоей, скажи который?
Зъ подкаменя для збавеня идеть до горы,
Темныхъ, хорыхъ и уломныхъ
Очищаешь тамъ притомныхъ
Прошу жъ и мяне!
Май въ бачности и въ милости вѣрнаго слугу,
Не давай мнѣ упадати въ великую тугу,
Скажи теперь: якъ бы знати
Что зъ грѣшникомъ будишь дѣлати?
Паня ласкàва!
Утекающихся къ Тебѣ во всякой потребѣ
Знаю, утвердишь всѣхъ насъ вѣрныхъ якъ въ небѣ,
Не выпускай жа на вѣки
Зъ Твоей Пресвятой опеки!
Мене грѣшнаго!
Подай руку въ тяжкой бѣдѣ и утрапеню,
Даруй мнѣ ласку просящу ко избавеню
Буди всѣмъ намъ оборона,
Просимъ Тя, Русска корона,
Яко царицу!
Зъ сыномъ Твоимъ возлюбленнымъ буди ласкàва,
Которому со Отцомъ, Духомъ да честь и слава
Во вѣкъ вѣковъ не престане
Доколѣ всего свѣта стане
Отъ всѣхъ слугъ Твоихъ!

751

(Лепельскій у.)

Пречистая Діво, Мати Русскаго краю!
На небесехъ и на земли Тя величаю
Ты грѣшниковъ съ тяжкой муки
Черезъ Свои збавь насъ руки

Не дай пропасти!
Тебѣ вси Святые служать Богородица
И мы грѣшные Тебѣ хвалимъ вси чистымъ сердцемъ
Мати Дѣво.
Вручаемъ Ти душу и тѣло
Мы всѣ грѣшные.
Ктожъ не вдячепъ ласки Твоей, скажи который?
Зъ подкаменя для збавеня идеть до горы
Темнымъ, хорымъ и уломнымъ
Очищаешь тамъ притомнымъ
Прошу и мяне!
Утекающихся до Тебе во всякой потреби,
Знаю, что Ты насъ грѣшныхъ утвердишь въ вѣрѣ
Яко въ небѣ!
Не выпущай жа на вѣки
Зъ Твоей пресвятой опеки
Мяне грѣшнаго!
Подай руку въ тяжкой бѣды и утрапеню,
Даруй ласку просящему мене къ избавеню,
Буди намъ всимъ оборона!
Просимъ Тя, Польска корона,
Яко царицу!
Зъ сыномъ Твоимъ намъ любимымъ буди ласкàва
Которому нехъ съ Тобою вся честь и слава
Во вѣки вѣковъ непрестанно
Поки всего свита стане
Отъ всихъ ихъ Твоихъ. Аминь.

п. Гаврiиломъ Преображенскимъ, учителемъ Коптевичевскаго народнаго училища).

752

Къ Пресвятѣй Дѣвѣ Богородицѣ.
Пречистая Дѣво, Мати Русскаго крáю,
Якъ на небѣ, такъ и на земли, Тя величаю,
Ты грѣшниковъ зъ тяжкой муки,
Чрезъ Твои спасаешь руки
Не давай пропасти.

Тебѣ вси святыи служатъ, о Мати Бога!
Тебе и мы грѣшніи славимъ всѝ, яко мо́га,
Цѣлымъ сердцемъ пнайже мило
Тебѣ служатъ душа и тѣло,
Мати чистая.
Ктожъ не вдяченъ ласки Твоей, скажи который?
Зъ подкаменя для збавленя идутъ до горы:
Темныхъ, хорыхъ и уломныхъ
Очищаешь тамо притомныхъ,
Прошу мене́.
Ма́й въ бачности и милости вѣрнаго слугу,
Не давай мнѣ упадаци въ велику тугу.
Скажи теперь абы зна́ти
Что съ грѣшникомъ будешь дѣлати,
Пане ласкава?
Утекающихся къ Тебѣ во всякой потребѣ,
Ты утвердишь всѣхъ насъ вѣрныхъ, поставишь въ небѣ,
Не выпускай же на вѣки
Зъ Твоей Пресвятой опеки
Мене и грѣшнаго,
Подай руку въ тяжкой бѣдѣ и утрапленю,
Даруй ласку мнѣ просящу ко избавленю,
Буди и всѣмъ намъ оборона.
Проситъ Тя царска коро́на
Яко Царицу.
Съ сыномъ Твоимъ возлюбленнымъ буди ласкава,
Которому съ Отцомъ, Духомъ всегда честь, слава
Во вѣкъ вѣковъ непрестанѣ,
Доколь всего свѣта станѣ
Отъ всѣхъ слугъ Твоихъ!

(Изъ „Молитвослова мірскаго“ Львовъ. 1864 года).

Г. А. Гезенъ въ своей статьѣ: „Русскія церковныя пѣсни, употреблявшіяся у римскихъ католиковъ въ половинѣ XVIII вѣка,*) сообщилъ публикѣ нѣсколько довольно занимательныхъ данныхъ касательно исторіи первообраза этой пѣсни, случайно имъ откры-

*) Напечат. въ „Современной Лѣтописи, № 13, 5 Апрѣля 1870 года.

ı. Такъ какъ эта статья, по улетучивающемуся свойству газетнаго ›тка, могла ускользнуть отъ вниманія многихъ читателей, то считаемъ не лишнимъ передать здѣсь вкратцѣ ея содержаніе. старомъ церковномъ календарѣ (такъ назыв. рубрицеллѣ) для іско-католическаго духовенства Могилевской епархіи на 1827 ъ, принадлежавшемъ, какъ сказано, настоятелю Моздокской ›кви. монаху Войшвиллу, г. Гезенъ нашелъ вложенный осьму-чной листокъ бумаги довольно толстой (какая употребляется 20 годовъ нашего столѣтія), на коемъ рукою того монаха была писана слѣдующая пѣсня:

Пречистая Дѣво, Мати Русскаго краю,
На небесахъ и на земли Тя величаю;
Ты грѣшниковъ съ тяжкой муки
Избавляешъ черезъ Твои руки,
Не дай пропасти!
Тебѣ всё Святые служутъ съ сердца радости
И мы грѣшни Тебе славимъ по возможности,
Душа, тѣло, наши силы
Тебе только возлюбилы
Мати чистая!
Полная есть чудесъ твоихъ вся вселенна,
Въ Острихъ Вратахъ града Вильно Богоявленна!
Слѣпыхъ, хромыхъ и всѣхъ больныхъ
Изцѣляешь тамъ притомныхъ,
Прашу и мене!
Защищаешь отъ пожаровъ, утопленія,
Отъ смертнаго изъ высоты упаденія
На всѣхъ войнахъ приключенныхъ
Хранишь своихъ возлюбленныхъ
Храни и мене!
Всѣмъ прибѣгающимъ къ Тебѣ во всякой потребѣ,
Помогаешь молитвами, владычица въ Небѣ,
Не выпускай же на вѣки
Съ пресвятой Твоей опеки
Меня грѣшнаго!
Подай руку въ тяжкой бѣдѣ и гоненіи,
Тожь приведи душу мою ко спасенію,

Буди намъ всѣмъ оборона,
Проситъ Тя Русская корона
Яко Царицы!
Съ сыномъ твоимъ Христомъ Богомъ будь намъ ласкава,
Коему съ Отцомъ и Духомъ вся честь и слава
Во вѣкъ вѣковъ не престанетъ,
Пока всего свѣта станетъ,
Отъ всѣмъ слугъ Твоихъ.
Аминь.

Не имѣвши ни какихъ данныхъ, которыя бы указали на распространеніе этой пѣсни, г. Гезенъ сначала счёлъ ее за произведеніе какого нибудь благочестиваго русскаго католика, не очень грамотнаго и написавшаго её для себя. — „Но намъ посчастливилось", продолжаетъ г. Гезенъ, „найти ту же пѣсню ещё въ другомъ сборникѣ *) подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Pieśni o najświętszey Maryi Pannie, które się spiewają przed Jej Cudownym Obrazem, koronami Watykańskiemi ukoronowanym od Ojca Ś. Benedykta XIII, w roku 1827 dnia 15 Serpnia u W. W. OO. Dominikanow, na Swiętey Górze Różancowey, nad miastem Podkamieniem Cetnerowskim. We Lwowie, w drukarni SSS. Trójcy. R. 1752. Городокъ Подкаменье находится въ Галиціи, сборникъ изданъ во Львовѣ въ 1752 году. Онъ содержитъ въ началѣ пять пѣсней въ честь Богородицы на польскомъ языкѣ, а затѣмъ нашу подъ названіемъ: Пѣснь шестая, о той же Пресвятой Маріи Дѣвѣ, русскимъ текстомъ сложенная нѣкіимъ благочестивымъ человѣкомъ **). Итакъ, эта пѣснь во всякомъ случаѣ должна быть древнѣе 1752 года, и вѣроятно сохранилась въ народѣ, если она была извѣстна моздокскому священнику въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія ***). Для сравненія считаемъ не лишнимъ привести и печатный текстъ, переложивъ его на русскій шрифтъ:

*) Въ Императорской публичной библіотекѣ при разборѣ нѣкоторыхъ польскихъ церковныхъ старинныхъ пѣсенъ, шкафъ LVII, полка I, № 150.

**) Piesn szósta, o teyze Najswietszey Maryi Pannie, Russkim textem od pewnego nabożnego złożona.

***) Наши варіанты, кажется, вполнѣ подтверждаютъ предположеніе г. Гезена и даютъ право думать, что эта пѣсня до сихъ поръ поется и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи.

Пречистая Дѣво, Мати русскаго краю,
На небеси и на земли Тя величаю,
Ты грѣшника з тяжкой муки
Черезъ твои збавляешь руки,
Не дай пропасти!
Тебѣ всѣ святыи служатъ, Родице Бога,
И мы грѣшны хвалимъ Тебе всѣ яко мога
Цѣлымъ сердцемъ нехай мило
Тебѣ служитъ наше тѣло,
Мати чистая!
Ктожъ не вдячный *) ласки твои скажи которы
Съ Ченстоховы **) для збавленія идутъ до горы,
Темныхъ, хорыхъ и уломныхъ
Очищаешь тамъ притомныхъ,
Прошу и мине.
Май въ бачности ***) и въ милости вѣрнаго слугу,
Не дай мене управляти въ велику тугу,
Сказы теперь кóлибъ знати,
Що съ грѣшнымъ будешь дѣлати,
Пани ласкава!
Утекающимся къ Тебѣ во всякой потребѣ,
Знаю що утвердишь насъ всѣхъ яко въ Небѣ,
Не выпускай же на вѣки
Зъ Твоей пресвятой опеки
Мене грѣшнаго.
Подай руку въ тяжкой бѣдѣ и утрапленью ****)
Даруй ласку просящому мнѣ ко збавленью,
Буди всѣхъ насъ оборона
Проситъ Тя польска корона
Яко царицы.
Съ сыномъ Твоимъ возлюбленнымъ буди ласкава,
Которому нехъ съ Тобою вся честь и слава
Во вѣкъ вѣковъ не престане.
Поки всего свѣта стане
Отъ всѣхъ слугъ Твоихъ.

*) Не благодарный.
**) Въ другой: съ Подаменья.
***) Бачить — глядѣть, блюсти. Бачность — блюденіе.
****) Гоненіе.

Сказки, сказанія и анекдоты.

753

(*Быховскій у.*)

Жила была сабѣ разъ одна мачиха; была у нихъ своя дочка и падчерица. Свою дочку ина дужа любила, а падчерицу била-пробивала, на цяжкую работу посылала. Проснулася разъ мачиха объ поўночи, проснулася, да и пиць захоцѣла: давай падчерицу биць будзиць--„ты такая, ды ты гэтакая, бяри ведры, идзи ў криницу, приняси мнѣ чистыя водзицы“. Ўскочила падчерица бѣдненькая, схапила ведры и побѣгла ў лѣсъ за водою. Пришла къ криницѣ, тольки нагнулася воды зачерпнуць, ажно якъ выскочиць оттуль косматый, рогатый, съ длиннымъ хвостомъ чортъ. Бѣдная дзѣўка такъ и обомлѣла, а чортъ прамёхонько къ ней: „Дзѣўка, дзѣўчина ци хочешь за мяне замужъ ицци.“ — „Якъ жа мнѣ за цябе замужъ ицци, коли ў мяне тонкой кошули нѣтъ.“ Чортъ нырнуў ў колодзезь, ды й нясяць оттуль тонкую ды бѣлую, якъ снѣгъ, сорочку. „Ну дзѣўка дзѣўчина, ци хочешь за мяне замужъ ицци?“ — „Якъ жа мнѣ за цябе замужъ ицци, коли у мяне красный сподницы нѣту“. Чортъ зноў нырь ў колодзець, глядзь цягниць красную мачину споднипу. „Ну, дзѣўка, дзѣўчина, ци пойдзешь за мяне замужъ?“ — „Якъ-жа мнѣ замужъ ицци за цябе, коли ў мяне ни шнуроўки, ни хвартуха нѣту.“ „Ну, кажиць чортъ, за гэтымъ дзѣло ня станиць.“ Опяць ў воду, ды й нясець ясную, якъ соўнца, шнуроўку, жоўтый, зяленый зъ витами хвартухъ. „Цяперъ дзѣўка дзѣўчина! ци ўсё, ци пойдзешь за мяне замужъ?“—„Якъ-жа мнѣ за цябе замужъ ицци, коли ў мяне ни панчохъ, ни черявикоў нѣту.“ Нячаго робиць, опяць чортъ ў воду лѣзиць, нясець бялёшенькіе панчошки, чорнёшенькіе козловые чиравички. „А цяперъ дзѣўка, дзѣўчина, ци пойдзешь за мяне замужъ?“ — „Якъ-жа мнѣ за цябе ицци, коли у мяне хустки ни бѣлаго, ни носова́ нѣту.“ Яще чортъ ў колодзець нырь, яще нясець тонкую носовую красную хустку. „Ну цяперъ, дзѣўка, дзѣўчина, ци пойдзешь за мяне замужъ?“ — „Якъ-жа мнѣ за цябе ицци, коли у мяне грошеў нѣту, ня съ чимъ свадьбу съиграць“. Полѣзъ яще чортъ ў колодзезь, ды й цягниць мошёнку поўнехунькую золотыхъ и сирабранныхъ грошей. Тымъ часомъ, покуль ёнъ зъ колодзезя ды ў колодзезь лазиў, поўночь даўно пройшла, на свѣтокъ забирацъ

[стал]о, а дзѣўка и запѣла: „Пѣйце куры рано, што мнѣ споткала, богатая, бодатая, на гроши богатая, чуръ мнѣ, чуръ!“ А тутъ оттуль были пѣтухи ў дзяреўни и запѣли. Чортъ якъ стояў, такъ и бубурдыхнуўся ў воду, ажно вода закипѣла, такъ и провалиўся. Дзѣўка схопила уборы да й гроши зъ мошной и побѣгла домоў ня оглядаючися, ажъ про ведры забыла. А ў хацѣ мачиха ждзецъ воды ня дождзецця, со злосци ажно спаць ня ложицця, устала ды й ўздула лучину. Тольки падчерица на порогъ, якъ кинецця яна къ ей съ полѣномъ: „Ахъ ты такая, ды ты гэтакая! идзѣ ты была, ды идзѣ до сихъ поръ ходзила?“ Тутъ стала падчерица разсказываць такъ и такъ, ды уборы и гроши показываць. Мачиха такъ и ахнула, увидзіўши красные, ды ясные, ды гроши золотые и биць забыла, ходзиць ды думаиць, якъ-бы тутъ ўсяго того хорошаго пригожаго для своей дочки достаць; ўвесь дзень якъ ня своя ходзила, насилу ночки дождалася; якъ тольки объ поўночи, разбудзила свою дочку, дала ей ведры ў руки, навучила, якъ чаго просиць, да й послала ў лѣсъ къ колодзезю. Пришла дзѣўка къ водзѣ, нагнулася—чортъ, якъ тутъ быў. „Дзѣўка, дзѣўчина, ци хочешь ты за мяне замужъ ицци“?—„Якъ-жа мнѣ за цябѣ ицци, коли ў мяне ни кошульки, ни сподницы, ни хвартуха, ни хустки нѣту, ни гроши на свадьбу? Такъ усё заразъ возьми ды й скажи.“ Чортъ скорёхонько ў воду ўскочиў, скорёхонько и оттуль лѣзиць. Лѣзиць, ажно пыхциць, стольки добра нясець. Вынесъ ўсё, пирядъ дзѣўкой положиў. „Ну, дзѣўка, дзѣўчина, ци пойдзешь за мяне замужъ? а яна стоиць, якъ дура и ня знаиць, што яму говориць: матка чаго просиць навучила, а якъ отъ чорта отчурацьця, ня сказала. Чортъ подождаў нямного ды згрёбъ дзѣўку за косу и поцягнуў къ сабѣ ў колодзезь. Такъ яна тамъ и пропала бизъ вѣсци.

(Зап. А. Фр. Лисовская).

754

(*Витебскій у.*)

Быў разъ дзѣдъ, а ў того дзѣда баранъ, вотъ и захоцѣў тытъ дзѣдъ зарѣзыць свойго барана; тольки што пычаў рѣзыць, трошки бокъ обыдраў, ажну баранъ ускочиў ды уцёкъ и схуваўся лисицы ў нору. Пришла лисица ў свою нору, ажны тамъ нѣхто сядзиць, спужалыся лисица и пытаицца: „хто тамъ“. А баранъ ей: „я баранъ,

бокъ обыдранъ, чатыри ноги, два роги, якъ дамъ рогами, дыкъ ты къ верху ногами". Лисица спужалася и пышла воўка просиць: „а воўчинька ты мой, а кумочикъ мой, ходзи, помоги моей бядзѣ, поглядзи, хто это ў мины ў норы сядзиць." Послухаў воўкъ лисy, пошоў зъ ей у нору выганяць барана; пришоў ды сарпъ. сарпъ, носымъ нюханцъ: „хто тамъ?" „Я тутъ баранъ, бокъ обыдранъ, чатыри ногй, два рогй, якъ дамъ рыгами, дыкъ ты кверху ныгами." Воўкъ спужаўся и уцёкъ; пошли яны съ лисицей ды къ мядзьвѣдзю, стали мядзьвѣдзя просиць: „мядзьвѣдзинька, бацинька, ходзи помоги нашей бядзѣ, поглядзи, хто ў лисициной норы сядзиць". Послухаў мядьзвѣдзь, пошоў зъ ими къ норы, пришоў и пытаиццa: „хто тамъ". А баранъ яму: „я баранъ, бокъ ободранъ" и т. д. Мядзьвѣдзь спужаўся и уцёкъ. Идуць яны, идуць кыла саду и видзюць ляцицъ пщолка; дывай яны ету пщолку просиць: „пщолычка, душычка, ходзи, поглядзи; хто ў лисициной норы сядзиць." Полицѣла съ ими пщолка, прилицѣла и пытаиць: „хто тамъ"? А баранъ ей: „я баранъ, бокъ ободранъ" и т. д., а пщолка, якъ ўлицѣла ў нору, якъ усѣла на барана, ды дывай яго кусаць за обыдранный бокъ, баранъ выскочиў и побѣгъ ўцикаць.

(Зап. тою же).

755

(*Минская г.*)

Да пошоў же-жъ сынокъ
Ў чужіе города;
Три сакеры за поясомъ,
А топоръ ў рукахъ;
Ажъ тамъ людзи
Бобъ молоцили.
Ёнъ прадъ ними стаўши,
Да шапочку зняўши:
„Дай же вамъ, Боже,
„Гэта добра много,—
„Три бочки мякины
„Да рѣшето бобу".
Яны яго били
Якъ не забили...

Сястра его Макрина,
Маци Василиха,
Научили сынка
На ўселяко лихо:
Сынку Мартынку,
Да чему ты дурный,
Чаму не разумный?
Треба было стаци,
Да шапочку зняци:
„Дай же вамъ, Боже,
„Гэта добра много,
„Кабъ не перенесци,
„Кабъ не перевезци,
„Возы поломици,
„Кони потомици“.
Да пошоў же-жъ сынокъ
Ў чужіе города,
Три сакеры за поясомъ,
А топоръ ў рукахъ.
Ажъ тамъ везуць
Мертвеца ховаци,
Ёнъ прадъ ними стаўши
Да шапочку зняўши:
„Дай же вамъ. Боже,
„Гэта добра много,
„Кабъ не перенесци,
„Кабъ не перевезци,
„Возы поломици
„Кони потомици“.
Яны яго били,
Якъ не забили...
Сястра яго Макрина
Маци Василиха,
Научили сынка
На ўселяко лихо:
Сынку Мартынку!
Да чаму ты дурный,

Чаму не разумный?
Треба было стаци,
Да шапочку зняци:
„Вѣчный вамъ покуй,
„Вѣчное одпочнене,
„И души збавенне!“
Да пошоў же-жъ сынокъ,
Ў чужіе города,—
Три сакеры за поясомъ,
А топоръ ў рукахъ.
Ажъ тамъ ѣдуць
Молоды до шлюбу.
Ёнъ прадъ ними стаўши,
Да шапочку зняўши:
„Вѣчный вамъ покуй
„Вѣчне одпочнене
„И души збавенне.“
Яны яго били,
Якъ не забили.
Сястра яго Макрина,
Маци Василиха
Научили сынка
На ўселяко лихо:
Сынку Мартынку!
Да чаму ты дурный,
Чаму не разумный?
Треба было стаци,
Да шапочку зняци:
„Дай же вамъ, Боже
„Счастливу годзину
„Вѣкъ вамъ долгій
„И долю вамъ добру.
Да пошоў же-жъ сынокъ.
Ў чужіе города,
Три сакеры за поясомъ,
А топоръ ў рукахъ.
Ажъ тамъ бажиць

Гань сабачая,
Ёнъ прадъ ними стаўши,
Да шапочку зняўши:
„Дай же-жъ вамъ, Боже,
„Счастливу годзину,
„Вѣкъ вамъ долгій
„И долю вамъ добру“.
Яны яго грызли,
Якъ не загрызли...

Сястра яго Макрина,
Маци Василиха
Научили сынка
На ўселяко лихо:
Сынку Мартынку
Да чаму ты дурный,
Чаму не разумный?
Треба было кій ўзяць
Того сяго по зубамъ:
„Ня ходзице по ночамъ,
„Ня страшице людзей!“

Да пошоў же-жъ сынокъ
Ў чужіе города,
Три сакеры за поясомъ,
А топоръ ў рукахъ.
Ажъ тамъ идуць
Ксендзы съ дьяками.
Ёнъ кій ў руки ўзявши,
Того сяго по зубамъ:
„Ня ходзице по ночамъ,
„Ня страшице людзей!“
Яны яго били,
На смерть и забили.

(Зап. Н. А. Руберовскій).

р. въ нашей книгѣ: „Русскія народныя пѣсни“ стр. 279, № 34 *пропѣтый* ь въ Твери хоромъ городскихъ извощиковъ, и у Кирши Данилова: «Древнія ійск. стихотворенія» изд. 1818 г., стр. 390, пѣсни подъ заглавіемъ; Дурень.— ь вар. и въ сказкахъ Аѳанасьева. Въ бѣлорусской формѣ эта сказка намъ

знакома еще въ двухъ варіантахъ: одинъ напечатанъ въ книжкѣ М. А. Дмитріева „Опытъ собранія пѣсенъ и сказокъ крестьянъ сѣверо-западнаго края.“ Гродно 1869 г., стр. 143—49; другой записанный нами отъ М. Котвевичовны (Ча... Послѣдній считаемъ нелишнимъ приложить здѣсь въ сокращенномъ видѣ:

Была ў мяне сестра Марина
А маць Василиха,
Научила мяне на ўсякая лиха.
Якъ пошоў сынъ Косьмилька
До Кіёва града,
Три сякиры за поясъ
И топоръ ў рукахъ.
Пришоў сынка Косьмилька
Къ попу на токъ,
Поповы паробки
Тамъ бобъ молоцюць:
„Дай жа вамъ Божа
Вялики умолотъ,
Семъ бочакъ мякины
И рашато бобу“.
Тамъ яго били,
Якъ ня забили.
„Чаму ты дурень,
Чаму няразуменъ?
Табѣ было стаўши,
Ды шапочку зняўши:
„Дай жа вамъ Божа
Вялики умолотъ;
Ни звесци, ни снесци.“
Пошоў сынка Косьмилька
До Кіёва града и т. д.
Вязуць нябощика хороницъ.
Ёнъ тамъ стаўши,
Ды шапочку зняўши:
„Дай жа вамъ Божа
Вялики умолотъ
Ни звесци, ни снесци,
Кони потомици
И возы поломици“.
Тамъ яго били,
Якъ ня забили.

По возвращеніи злополучнаго домой, мать и сестра его поучают, что ему слѣдовало вотъ какъ сказать въ этомъ случаѣ:

Дай жа вамъ Божа
Вѣчнаго одпочнення,
Няхай ёнъ со святыми почиванць,
А намъ хлѣба соли засыланць.
Пошоў сынка Косьмилька и т.
Ажъ вязуць молодыхъ винчацъ
Енъ тамъ стаўши и т. д.

Онъ опять домой, тамъ получаетъ такого рода наставленіе, что слѣдуетъ сказать въ такомъ случаѣ:

„Дай жа вамъ Божа
Долю и счасцця
Годзину счастливу
Кабы вы вѣкъ жили
Ды ня смуцились.

Касьминька опять отправляется въ путь, ему встрѣчаются охотники съ гончими, онъ со всей вѣжливостью и брякнулъ:

Дай вамъ Божа
Долю и счасцця
Кабъ счастливы были
Ни чаго ни зловили.

Его бьютъ,—онъ къ матери, та опять: тебѣ бы слѣдовало сказать:

Дай жа вамъ Божа счасцця!
Кабы вы поймали,
Возами возили.

Далѣе этотъ вар. сходится съ Минскимъ; въ иныхъ мѣстахъ эти qui proquo продолжаютъ до громадныхъ размѣровъ. Интересно совпаденіе именъ лицъ и мѣста дѣйствія приведеннаго сейчасъ разночтенія со спискомъ М. А. Дмитріева, начинающаго такъ:

Якъ пошоў Касьминка,
Пошоў веселинка
До города Кіева
Три сякиры за поясъ и т. д.

Далѣе:

Сестра его Макрина,
Маци Василиха и т. д.

756

(*Витебскій, б. Суражскій*)

Сидзѣла разъ позна ў пятницу баба пыдъ вокномъ и прала. Чуиць-нехто ў вокно стукаицця, отхутала ина вокно, глядзицъ: баба старынькая, сморщеная, якъ сучокъ стоицъ и пытаицця у яе: „Што ты, молодзицця, такъ позна прадзешь?"—„Якъ жа мнѣ не прасць, коли ў мяне дзѣтки малыи ни пособюць—самэй нада".—„Ну, коли жъ ты такая пильная, на жъ табѣ сто вирацёнъ, кабъ жа ты мнѣ ихъ къ заўтраму ўси напрала". Якъ сказала гэто баба, такъ и подзѣлася нивись куды, якъ скрозь донную провалилась. Спужалася молодзиця, видзицъ, што нѐшто неладно, думала, думала, што ей дзѣлаць? ды й придумала, ни стала руцнёў прасць, а ўзяла, ды по однэй ниточки на кажныи вирицяно намотала, такъ ўси сто вирацёнъ до дня и замотала. До свѣту зноў старуха приходзиць и пытаицца: „а што, молодзиця, чи позапрала мнѣ мои вирацёны?" Молодзиця показала ей вирацёны и сказала ей ста-

руха: Разумная ты, молодзиця, што такъ сдѣлаць догадалася, ни сдѣлай ты гэтого, а отдай мнѣ голы и вирацёны, абъ цибе саму якъ голая вирицяно скруцила ды ссушила. Я святая пятница. Глядзи, борони цибе Боже, ни разу ў пятницу ни прадзи.

(Зап. А. Фр. Лисовская.)

757

(*Тамъ же*)

Послаў разъ Богъ святыхъ угодничкоў своихъ Пятницу ды Субботу поглядзѣць, што на свѣцѣ робиццця ды дзѣиццця. Вотъ и пошли святые угодники рано ранёхонька, ище сонца куды ня ўсходзила. Идуць яны, идуць, ажно имъ на дорозѣ дзирявушка попалася; заглянули яны ў першую хату, ажно, глянь, дзѣўка большая, пригожая, здоровая ужу и ўстала и помылася и почесалася и Богу помолилася и короў подоила, хату подмела, печку затопила ды й, покуль горшки варуцця, сѣла на пирадку и прадзець. Подзивилися угоднички на працавитую дзѣўку и пошли дальши, прошли дзяреўню, вышли на поле, ў поли яще пусцёхонька, ни души, тольки на однэй ниўки молодзець молодэй, пригожій, ужо знаць, даўно орець, зъ яго и зъ коня ажно ужо потъ ліецца; подзивилися зноў угоднички на молойца. „И коли ета ёнъ тольки успѣў выспацьца и уже стольки наораў?“ Подзивилися, подзивилися ды й пошли дальше. Ишли яны ишли, ужо и сонца узыйшло, по дорогѣ стали людзи попадацьця, то съ сохами, то съ боронами, глядзяць, зноў дзяревушка стоиць. Стали яны ў хаты заглядываць, да ужо мало идзѣ людзи видны, развѣ старухи. Мужики на поляхъ, бабы на городы, тольки глядзяць, ў водной хаткѣ дзѣўка большая, тоўстая, тольки што ище вочи продзёрла, сядзиць на полу ды зиваиць, ды поцягиваицця, коса ўся ў перій, ажно глядзѣць проциўно. Поглядзѣли святые угоднички, подзивувалися ды й пошли дальше. Пройшли дзяреўню и вышли на поля, глядзяць подъ кустомъ ляжиць молодзець, ляжиць ды й спиць, ажно храпиць на ўсю гылову. Коля яго кобылка ў сохѣ стоиць, траўку щиплець, знаць якъ выѣхали, такъ ничого и ня робили и ниўка ня почината. Поглядзѣли, поглядзѣли святые угоднички, плюнули ды й пошли дальше. Пришли яны къ Господу Богу, и спрашиваюць у ихъ Богъ: „ну, што, мои угоднички, Пятница ды Суббота, што вы тамъ добраго на зямли ви-

дзѣли, што чуяли?“ И стали угоднички разсказываць про дзѣвокъ ды про молойцеў и говруць Господу: „вотъ, Боже, по нашему, жаниць ды добраго молойца ды й съ добрэй дзѣўкой, а ляниваго съ лянивэй: были бы дзвѣ пары якъ разъ, одзинъ ў одного.“ А Господзь, возьми, ды й скажи имъ такъ: „дураки вы дураки, якъ я погляжу, коли бъ я такъ дзѣлаў, ды й такъ злучаў, якъ вы говрица, людзи и про мяне и про васъ бы забыли. Рыбацяги бъ ўсё сами поподзѣлали и Богъ бы имъ николи ня понадобиўся, а лянивый ды глупый и подаўна на Бога ня ўспомнюць, а вотъ якъ злучу я разумнаго зъ глупей, а глупую ды й зъ разумнымъ и пойдуць яны у мяне бжкаць ды бжкаць. Поглядзиць, поглядзиць разумный мужикъ на глупую жонку, во и скажиць: „Божинька мой Божинька, лучше бъ я ци утопиўся, ци удавиўся, чымъ я зъ тобой ожениўся. Прибьець разумный мужикъ глупую жонку, станиць ина плакаць ды причитываць: „послухай-ка якъ Божинька, ды Божинька, што слоўцо скажець и Божиньку успомянець и святыхъ угодничкоў назовець, а сдзѣлай я по вашему, по глупому, людзямъ бы ня Богъ, ня Святыи ня нада были.“ Вотъ за етымъ-то за самымъ и ня годзицця прасць ў пятницу, а то, нароўный часъ, нагды Пятница подгадзиць и дасць прадзёхи дурака мужика.

(Зап. тою же.)

758

(Витебскаго у., д. Вымно)

Три брата кладъ нашли и поровну раздѣлили.

Разъ троя браттиў выкопали дужа большой кладъ. Во якъ увидили яны дужа многа грошій, дыкъ ўсякыму хочицца зувлудаць кладымъ; али ня можно. Тогды кажуть браття, што „надо бъ було выпить“ и пыслали меньшиго братеника ў корчму зы горѣлкый. Во й пошевъ ёнъ зы горѣлкый. Ўзявъ ёнъ горѣлки ды й идетъ. А браття тымъ часымъ сгыворились яго ўбить. Дыкъ ёнъ жа ня тоя: ўзявъ ды въ горѣлку отруты пылаживъ. Якъ принесъ ёнъ горѣлку, браттики и забили яго; тогды стали яны тую горѣлку пить. Якъ выпили, дыкъ и самы пыотрутились. А кладымъ ни вдинъ ни зувлыдавъ...

(Зап. учитель нар. училища Н. Я. Никифоровскій.)

759

(*Тамъ же*)

Мать и три дочери.

Здаецца, што годовъ семъ. . . ннѣ! тогды... тогды й було мнѣ семъ годовъ!.. якъ разъ семъ!.. Матка нябощица кызала, якъ ета одна мыладуха ишла съ трыймя дочушкыми... Ти то, нѣ: шесь, шесь годовъ тогды мнѣ було!.. Во кали шесь!.. Дыкъ прійшла ина во ряки; а ни мосту, а ни кымяли! тольки кладычка черизъ рѣчку. Ўзила ина перши-на-перши „быльмачку" ды й пынисла. Тольки й кажить: „а ти будишь ты носить минё такъ старинькую, якъ я тибе ношу сяньни, малинькую?"—„Буду, мамычка, буду!"—„Лгешь!.." ды й чибурахъ іё ў воду и утопила!.. Тогды й сиредній тоя самыя кажить. „Авой, мамычка, буду!"—„Илгешь!" бувтыхъ и іё ў воду... Якъ узилажъ жъ ина третьтію точкў, ды якъ скызала нна: „ти будишь ты носить мине такъ старинькыю, якъ я тибе ношу сяньни малинькыю?" дыкъ ина ўсю праўду рыскызала. „Нѣ, мамухна! й ди мнѣ носить тибе старинькыю: ў мине свои дзѣтки будуть; мнѣ надо будить ихъ носить!" „Якъ скызала ина ўсю праўду, дыкъ матка ничего ей й ня здѣлыла, й пиринисла ны кладки...

(Зап. тотъ же.)

760

(*Тамъ же*)

Разсказъ о сотвореніи болотъ.

Перши-на́-перши була́ одна тольки выда; на ей кой-коли́ ходзивъ Богъ. Вотъ тольки разъ ёнъ идзетъ ажны видить: плуветь выдынэй пузыръ. Во й кажить Богъ: „стой!" Пузыръ остановився́. Кажить Богъ: „лопни!" Пузыръ лопнувъ, зъ яго выскычивъ чертъ и кажить: „што табѣ на́до, Божухна?" Тогды Богъ кажить: „на́да бъ було здѣлыть што пытвирдѣй, а то нявдо́ба ходить". Во и ставъ Богъ съ чертымъ міркувацца, якъ ета зробить на́до. Тады ўздумывъ Богъ, што ў водзи ляжить кувалыкъ зямли и кажить черту: „дыстанька ты тую зямлю!" Чертъ якъ бувтыхнить! ажны черизъ три дны прыскочивъ; ныбравъ чертъ по́лынъ по́дылъ зямли ды й ще зы щаку ныпихавъ. Тады Богъ ставъ раскидывыть тую землю пы водзѣ. Куды ни сыпнеть станить зимля, и разсыпывъ ўсю землю

съ пыдылá. А што вылаживъ чертъ зы щакў, про тоя змовчивъ Богу ни скызавъ. Тогды Богъ кажить: „што бъ пы зямлѣ пырасли дзярёвы и трыва“. Во якъ стали ростить пы зямлѣ дзярёвы и трывы и у черта зы щакой стали рось дьяревы и трáва. Раздула черту ротъ ня можно ямў ни пить, ни ѣсь. Однача довга кряпився чёртъ. Тогды видитъ, што ни въ мыгату... а тутъ и Богъ идетъ... Пустився чертъ убiгать,—ды якъ плыванеть, ды якъ кирханеть— такъ усё и повыкырхавъ зъ рóту. Куды тольки пливавъ чертъ тамъ и стала выдиная земля съ диривями и травой. Дыкъ во якъ болоты!..

(Зап. тотъ же.)

761

(*Витебскiй, б. Суражскiй у.*)

Якъ сотвориў Господзь Богъ нашъ свѣтъ, дыкъ ўся вода была ў водномъ мѣсци; вотъ и собраў Господзь ўсихъ птушекъ и сказаў имъ: „Птушечки мое, работнички мое! соберицеся вы ўси на ўси и рознясиця вы воду гэту ды й по ўсяму свѣту, разоллиця вы яе ў рѣчки бягучiи, въ озири стоючiи, ў криницы холодныи. И собралиси ўси птушки и стали носиць воду: носили, носили, покуль ўсю разносили. Одна тольки каня ня послухалася Господа Бога, ня носила воды, за то и прокляў Господзь каню, сказаў ей такъ: „Ты воды ня носила, ня могишь и напиццa, ни ў рѣчки бягучей, ня ў возиру стоючимъ, ня ў криницы холоднэй и ждзи ты развѣ дождзя койго залнўного“. И стала съ тыхъ поръ просиць каня пиць: хочу пиць, пиць, пиць и ждаць дождзю. Напиццa же дыкъ ни ў якэй водзѣ ня можець, а тольки якъ дождзь идзець, дыкъ яна разинець ротъ и словиць капли.

(Зап. А. Фр. Лисовская.)

762

(*Чашники*)

Панъ. Гэй, мужикъ! Зъ якого ты сяла?
Мужикъ. Зъ някрытага, паночекъ!
П. Хто твое сяло дзержыць?
М. Крукп, ды лотаки.
П. Дуракъ ты, мужикъ. А хто ў твоемъ сялѣ бóльшiй?
М. Паночекъ! Ёсь у насъ Аўдзей, бóльшiй зъ ўсихъ людзей.

П. Дуракъ, мужикъ! Кого вы боицеся?

М. Паночекъ! Ёсь у пана собака, якъ идземъ, ўси кiи бярemъ.

П. Мужикъ! Чи много у васъ такихъ дуракоў?

М. Три кадзи буракоў, а чатвертая капусты.

П. Мужикъ! Ты дурень.

М. Паночекъ! разумныхъ по разумныхъ послали, а мяне по цябе.

(Зап. мною отъ М. Коткевичовия.)

763

(*Витебскiй у., б. Суражскiй*)

Ѣхаў разъ панъ богатый чиразъ дзяреўню, сустрѣў мужика i пытаицъ ў яго:

„Чiа гэта дзяреўня?"

— Божжая, ды мiрская. —

„А кто у васъ тутъ набóльшiй?"

— А вонъ ель дли церкви, ина ў насъ найбольшая: зъ ўсяго околодку видна.—

„А хто жъ у васъ наистаршiй?"

— А ёсь ў насъ баба, дыкъ ей скоро сто годоў будзицъ.—

„Ай, мужикъ, нешто ты дужа разуменъ, глядзи, кабъ ня сунуў я табѣ ў зубы."

— За што жъ такъ ў зубы, якъ собаку, лучши жъ ў руку, якъ чаловѣку и выставиў руку.—

Панъ ўзяў, ды й насыпаў яму цѣлую руку грошi.

(Зап. А. Фр. Лисовская.)

764

Па дорозѣ ѣхаў панъ, на ўстрѣчу яму мужикъ. Ёнъ яму и говорйцъ: на бокъ, длинный носъ! (мужикъ отвороциў рукой носъ на сторону). Поѣзжай, панъ!

Панъ. Чiй ты?

Мужикъ. Бацькинъ и маткинъ.

П. Я ня то спрашиваю, а хто ў васъ бóльшiй?

М. Есь ў нашей дзереўнѣ дзѣўка Маланья, та ўсихъ насъ больша.

П. Ды я о не томъ спрашиваю, а хто такiй, кого вы боицеся?

М. Есь ў дворѣ на ланцугѣ мядзвѣдзь, таго ўси мы боимся.

П. Ня о томъ спрашиваю, кого вы слухаеце.

М. Ў нашей дзереўнѣ Сидоръ играицъ на дудзѣ: якъ заграицъ, дыкъ мы ўси яго слухаимъ.

П. Скажи ты мнѣ: коли у васъ Вяликъ дзень?

М. Вясной, коли хлѣба нема, тады дужа вяликъ дзень.

И такъ яны разъѣхались. Назаутра зноў устракаюцца. Мужикъ вязець дрова, панъ яго пытаиць: Што ты вязешь? „Солому, моспаня!" „Икая жъ гэта салома, гэта жъ дровы."—„А на што пытаишь, коли самъ знаишь?

П. Дыкъ ты гэта вѣрно вчерашній!

М. Якой вчерашній! Матка казала, што мнѣ уже годъ двадцать.

(Сообщ. г-жею Догель.)

765

(*Чашники*)

Пришоў самъ Богъ къ жиду. Ёнъ кажиць, чаго ты человѣкъ пришоў?—„Я ня человѣкъ, яжъ Богъ." „Ахъ! на, це, це Богъ! Коли ты Богъ, дыкъ одгадай, што ў мяне подъ загнетомъ, подъ корытомъ. — Свиння съ поросятами! — На! узнаў Богъ, вотъ ты Богъ! Жидъ открыў корыта, а зъ подъ яго поросяты. — Жохъ, жохъ! а свиння — чухъ, чухъ! тогды жидъ увѣриў и паў крыжемъ пирадъ имъ.

766

(*Тамъ же*)

Разъ Іезусъ Кристусъ ишоў по вулицы и захоцѣлося яму дужа пиць, ёнъ ўзяў ды й зайшоў къ жиду ў хату и просиць ў яго напицьца. Увидзіў жидъ Іезуса и думаиць: дывай-ка по(г)ляджу, ци праўду гэта людзи кажуць, што ёнъ ўсе ўпиродъ вѣдаиць, што зъ человѣкомъ коли будзиць? ўзяў ёнъ посадзиў подъ корыто свою Рохлю зъ дзѣтками, а самъ пытаитцца у Іезуса: Панъ Іезусе! ци ня вѣдаишь хто гэта тамъ ляжиць подъ корытомъ? А Іезусъ яму кажиць: свиння зъ поросятками „Не! кажиць жидъ, ня праўду ты сказаў". А Іезусъ яму кажиць: „открый карыто ды й по(г)лядзи самъ". Тольки жидъ открыў корыто, глядзь — а тамъ и зыпраўду ляжиць свиння зъ поросятыми. Зъ той поры жиды свинины и ня ядуць.

(Зап. мною отъ М. Котkевичовны).

ДОПОЛНЕНІЯ

Хресцины.

(*Лепельскаго у., д. Бабчъ*)

Отецъ новорожденнаго приглашаетъ гостей на крестины. Гости приносятъ блины, кашу, говядину жареную и идутъ прямо къ родильницѣ, которая обыкновенно изъ каждаго кушанья понемножку попробуетъ или по крайней мѣрѣ прикоснется къ нимъ губами и затѣмъ отсылаетъ все къ хозяину. Въ церковь младенца не повезутъ раньше 4-го или 5-го часа послѣ обѣда, т. е. до вечерень. Предъ выѣздомъ въ церковь всѣ садятся за столъ и обѣдаютъ. Во время обѣда повивальная бабка у кровати больной завертываетъ въ рубашку отца младенца, подноситъ его матери, которая, поцѣловавъ и перекрестивъ его, передаетъ обратно бабкѣ, а та кумѣ, кума куму, а послѣдній опять повивальной бабкѣ, которая ужъ выноситъ его на дворъ и передаетъ наконецъ кумѣ, которая вмѣстѣ съ кумомъ везутъ его въ церковь. Изъ церкви возвращаются обыкновенно ужъ вечеромъ. Тутъ наступаетъ новый періодъ *хресцинъ*. Лишь только послышатъ, что кумъ уже возвращается, они немедленно выходятъ за двери и спрашиваютъ: какое имя получилъ младенецъ? Кума съ кумомъ входятъ въ свѣтлицу, прямо къ родильницѣ и отдаютъ ей младенца со словами:

Нихай жа Богъ годуиць
И долю готуиць.

Затѣмъ всѣ гости отправляются въ истопку. Тамъ повивальная бабка ихъ встрѣчаетъ, держа въ одной рукѣ ряжку съ водой, а въ другой вѣничекъ, и плещетъ всѣмъ въ глаза воду. Кумъ обыкновенно бросаетъ ей тутъ въ ряжку нѣсколько копѣекъ. Потомъ всѣ садятся за столъ—кумъ и кума подъ образами. Бабка пьетъ къ больной, которая, отпивъ немного, передаетъ рюмку кумѣ; послѣдняя *припиваетъ* тоже къ родильницѣ и передаетъ рюмку куму. Тотъ, выпивши за здоровье родильницы, бросаетъ въ рюмку полтин-

ікъ или нѣсколько серебряныхъ монетъ, и наливши ее снова вод-
ой подноситъ ее послѣдней. Она выливаетъ водку и прячетъ деньги
въ свою очередь отрѣзываетъ кусокъ холста куму, на штаны.
атѣмъ всѣ принимаются за обѣдъ. Во время стола поютъ пѣсни:

Ў нашего Ваньки виноградъ на дворѣ,
Виноградъ на дворѣ, хресбинки ў хацѣ,
Посадзиў кумочку ды на самомъ куцѣ,
Частуицъ, вяльбуицъ ня людзёмъ—сабѣ.
Пи же, моя кумочка, ды ня ўсе выпивай,
Къ заўтраму горэлку на похмѣлля остаўляй.

Ту же самую пѣсню поютъ и куму, замѣняя только слова кумѣ,
умка къ кумочку, кумъ.

—

Другая:

А хто гэта ды по сѣночкамъ ходзиць?
Иванька свою жоночку кличиць:
Ходзи, ходзи ко мнѣ, моя Ганочка, ко мнѣ!
А ў мяне ды посцелька бѣлинькая.

—

А ў нядзѣлечку поранюсенька што ў неби зазвинѣла
А ў неби звиняць, а ў неби звиняць,
А ў неби звиняць, Самъ Богъ идзець,
Господь Богъ идзець и долячку нясець,
Долячку нясець гэтому дзицяцѣ.
И пытанцця ў Прачистой,
Што яму за долю даць:
Чи збажовую, чи грошовую
Чи тую вѣнчастую?
И збожовую, и грошовую,
И тую вѣнчастую.

—

й кумъ кумѣ радъ
ы повёў куму ў садъ.

Ай кумицися и любицися
И любиця жъ мяне.

—

. коси кумокъ мяту
ы накрый бабѣ хату,

А коси кумокъ сѣна
Ды накрый кумѣ сѣна.

—

Ишоў по гђродзѣ,
А кума вулицой:

Кумъ обярнуўся пятухомъ,
А кума курицей.

—

На другой день, на похмѣлье, опять собираются гости. Ихъ подчують обѣдомъ. Они пьютъ, ѣдятъ и поютъ снова пѣсни, въ родѣ слѣдующей:

Ўчора, бабка, учора, любка,
На хресбинкахъ была;

Сягодня бабка, сягодня любка
На хмяльки пришла.

—

Послѣ обѣда повивальную бабку обвиваютъ холстомъ или ситцемъ и даютъ ей медовую водку, и она, проплясавъ нѣсколько, подчуетъ ею всѣхъ гостей. Затѣмъ мужчины вносятъ борону, и посадивъ на нее бабку, тащатъ ее въ кабакъ, гдѣ она должна подчивать всѣхъ водкой.

Въ то время, когда бабку обвертываютъ въ холстъ или ситецъ, ей поютъ:

Чи хорошо, бабка,
Чи хорошо, любка?
Приходзила къ ўнучцѣ своей.
Чи ходзила часта,
Чи носила сладца
Ды ўнучцѣ своей?

Ахъ ты бабка, ахъ ты любка!
Тоўчи, молоць ня дужа,
А на номёточки досужа.
Тоўчи, молоць—хухъ ця мнѣ,
А на номёточки дыкъ дайця мнѣ.

—

Третій день хресбинъ называется „Муравинками". Приглашаютъ повивальную бабку. Она моетъ младенца и воду выливаетъ подъ печь, гдѣ куры сидятъ. Если же младенецъ очень плачетъ, то она беретъ его на руки и подноситъ къ кочерыжнику, т. е. къ тому углу хаты, гдѣ стоятъ ухваты, лопаты, помело, кочерга и, набравъ въ ротъ воды, обливаетъ плачущаго. Бабку опять подчуютъ водкой. Гости пируютъ еще, посидятъ, погомонятъ и наконецъ побредутъ во-свояси.

(Зап. ученикомъ 7-го класса Витебской гимназіи В. Пржисецкимъ).

Къ № 193

(*Витебскаго у., д. Вороново*)

Вар. къ толочанскимъ.

Ой на морэ дзѣвынька бѣль бѣлила,
Ой на морэ красная бѣль бѣлила.
Приплывала къ дзѣвынцѣ два чалоночка,
Приплывала къ красной два чалоночка.
А ў тыхъ чалоночкахъ два козака (2).
Ай Богъ помочь дзѣвынька бѣль-бѣлици,
Ай Богъ помочь красная бѣль-бѣлици!
Ай споили дзѣвыньку, споили,
Ай споили красную, споили,
Ў лотычки спатиньки положили (2),
Лоточку отъ бережку отпыхнули (2).
Очнулася дзѣвынька сяродъ моря,
Очнулася красная сяродъ моря,
Заплакала дзѣвынька сильнюшенька
Заплакала красная сильнюшенька:
Ой ни мамка дзѣвыньку выдавала,
Ой ни мамка красную выдавала.
Ай ни татка дзѣвыньку благослоўляў,
Ай ни татка красную благослоўляў,
Ни сястрычки ў боярычкахъ сидзѣли, (2)
Ни брацитки косыньку расплятали, (2)
Ни цётычки ў поѣздъ поѣзджали, (2)
Выдавала дзѣвыньку цёмная ночка, (2)
Выдавала красную цёмная ночка, (2)
Благослоўляў дзѣвыньку ясёнъ мѣсяцъ, (2)
Благослоўляў красную ясёнъ мѣсяцъ, (2).
Сидзѣли ў бояркахъ дробны звѣзды, (2)
Расплятали косыньку буйны вятры (2),
Поѣзжала ў поѣздзѣ красна сонце (2)

(Зап. мною отъ дворовой).

Купальская.

(*Борисовскій у.*)

Сегодня ў насъ Купала!
То, то, то! *)
Самъ Богъ огонь раскладаў,
То, то, то!
Ўсѣхъ святыхъ къ сабѣ зваў,
То, то, то!
Толька нѣту Илли съ Пятромъ,
То, то, то!
Пошоў Илля кола жита
То, то, то!

Чьё жита хорошое?
То, то, то!
Апанаса найлѣпшое.
То, то, то!
Панасъ будзе пива варыць,
То, то, то!
Панасъ будзе горэлку гнаць,
То, то, то!
Дочку замужъ оддаваць
То, то, то!

(Зап. Марцинкевичемъ).

Канунъ Ивана Купала 23 іюня.

Обряды, обычаи и суевѣрія, относящіяся къ празднованію Купалы, изложены въ книгѣ г. Безсонова: „Бѣлорусскія пѣсни" (стр. 61 — 68). Намъ только остается пополнить его статью нѣкоторыми данными, до него недошедшими.

Мѣстомъ для празднованія Купалы и въ Витебской губерніи Леп. у. выбираютъ преимущественно около ржаннаго поля, на межѣ, *житную змѣну*. На Купалу выходятъ всѣ, дома остаются только очень старые старики, малыя ребята да хворые. Въ этотъ день хозяйки съ утра заготовляютъ разныя кушанья для закуски вечеромъ въ чистомъ полѣ, варятъ кулагу, непремѣнное лакомство купальскаго пиршества. Какъ только солнышко закатится за лѣсъ и пастухъ пригонитъ домой стадо, хозяйка тотчасъ выходитъ изъ хаты, взявъ съ собой нѣсколько пучковъ крапивы и дѣдовника, разорветъ ихъ и кинетъ передъ порогомъ хлѣва, для того, чтобы вѣдьма не отнимала молока у коровъ, и затѣмъ только впускаютъ ихъ въ хлѣвъ.

---

*) Поразительно тожество этого припѣва съ припѣвомъ исторической нѣмецкой свято-Ивановской пѣсни:

Herrn Sanct Johann,
To, to,
Frisch und froh,
Herrn Sanct Johann!

(См. Uhlands Schriften 3 Band, стр. 399—401).

въ Могилевской губерніи этотъ обрядъ совершаютъ нѣсколько иначе: въ пучокъ дѣдовника ввязываютъ *громничную свѣчу* и прикрѣпляютъ его къ верхней перекладинѣ воротъ и на другой день освидѣтельствуютъ этотъ пучокъ. Если свѣча сгрызена—значитъ *змѣя* *) была, если же она цѣла—значитъ змѣя прошла мимо. Подоивши коровъ хозяйки съ своими семьями повечеряютъ. Тотчасъ послѣ вечера начинаются сборы въ поле. Хозяйка, подтрунивая надъ мужемъ, говоритъ: „сыскивай горэлки, а моя кулага зварена". Вся деревня высыпаетъ на улицу. Ловкіе *молойцы* (парни) возьмутъ заранѣе приготовленныя густо-обмазанныя дегтемъ или смолою, колеса, зажигаютъ ихъ въ срединѣ, въ ступицѣ, и вздѣваютъ на длинные шесты; взваливши эти шесты высоко на плечо, они открываютъ шествіе. За ними шумною ватагой идутъ дѣвушки съ узелками, коробами, горшками, бабы съ кулагою, мужчины съ нужнымъ запасомъ горѣлки. Дорогой поютъ пѣсни. Пришедши въ поле къ назначенному, съ утру обгороженному мѣсту, вся процессія обходитъ вокругъ ржанаго поля, все не переставая пѣть, а какъ дойдутъ до межи другого хозяина, такъ усядутся на травкѣ. *Колесоносцы* втыкаютъ свои шесты, увѣнчанные огненными колесами крѣпко въ землю и живо зажигаютъ, уже заблаговременно сложенные пастухами костры. Тутъ-то начинается скаканіе, плясаніе молодежи вокругъ этихъ горящихъ костровъ, прыганье черезъ нихъ попарно: дзяцюкъ (молойдзецъ) съ дзѣукой. Въ иныхъ мѣстахъ молойцы перескакиваютъ черезъ огонь верхами на жеребцахъ, для предохраненія ихъ и всего табуна деревени отъ порчи и преслѣдованія злаго духа. Часто на межѣ сходится населеніе нѣсколькихъ деревень. Тогда шумъ и веселье увеличивается, образуются цѣлыя группы шестовъ съ горящими колесами вокругъ здѣсь-итамъ пылающихъ костровъ. Мужчины и бабы сидятъ кучками, калякаютъ, любуются затѣями, веселостью, играми и пѣснями молодежи, подпѣваютъ и сами, да потягиваютъ гарэлочки. Дѣвушки же, напрыгавшись и наплясавшись до упаду подъ звуки дуды и скрыпки, разсыпаются по лѣсу или полю для отысканія вѣщихъ, цѣлительныхъ травъ, которыя на другой день освящаютъ въ церкви или костелѣ. Обыкновенно этихъ травъ набираютъ до 9-ти сортовъ,

*) Вѣдьма.

какъ напр: *мядуницы*, *купелля* или *купальницы*, *росички*, *буковицы*, *братки* (*Иванъ да Марья*), *расходника*, *звонца*, *васильковъ*, *пижмы*. Въ теченіе года ихъ берегутъ какъ святыню. Ими обкуриваютъ дѣтей отъ болѣзни и призора, т. е. дурнаго глаза, онѣ спасаютъ отъ грозы и другихъ напастей. Въ иныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи дѣвушки дѣлаютъ изъ травъ и полевыхъ цвѣтковъ вѣнки и пускаютъ ихъ по рѣкѣ: куда вѣнокъ поплыветъ, въ ту сторону значитъ выйти замужъ. Гадаютъ дѣвушки по свято-янскимъ травамъ и на другой ладъ. „Ёсць трава *трепутникъ* (придорожникъ, Polygonum aviculare, спорьмъ. (Слов. Даля). разсказывала мнѣ пѣвица Лепельск. у., на ей листъ доўгой, круглой, расцець на высоко, Ле ўси дзѣўки копаюць. Якъ ае принясуць домоў, дакъ кладуць на ночь подъ головы: хто сосниццa, тотъ и мужъ. Коли трепутникъ копаюць, дзѣўки скажуць:

Ты бабочка, ты голубочка!
Ты при дорозѣ сидзишь,
Ты ўсё чуишь и видзишь.
Скажи мнѣ праўду,
За кого яжъ замужъ пойду?

Разсказъ о томъ, какъ солдатъ проучилъ смерть.

...Разговоръ нашъ, между прочимъ, зашелъ и объ оспѣ, отъ которой во многихъ мѣстностяхъ (въ Полотскомъ уѣздѣ по преимуществу) нашей губерніи перемерла чуть-ли не большая половина малолѣтокъ за одно лишь первое полугодіе 1868 года. Одинъ изъ собесѣдниковъ, Халимонъ Ивановъ, замѣтилъ, что въ данной мѣстности, пока что, про оспу не слышно, и что она придетъ погостить сюда развѣ въ „прибудущемъ“ году. Высказавши такую новость, онъ улыбнулся и добавилъ: „смерть гуляетъ теперь по бѣлу свѣту да губитъ народъ, пока какой-нибудь смѣлый солдатъ не засадитъ ее въ табакерку съ табакомъ, какъ это было сдѣлалъ уже одинъ“. . . . Я попросилъ Халимона Иванова разсказать мнѣ эту забавную продѣлку солдата, и разказчикъ началъ:

„Однажды умеръ солдатъ . . . еще при жизни онъ такъ чест-
о и вѣрно служилъ, что, будучи извѣстенъ Государю, почти
сегда стоялъ у него на часахъ. Когда этотъ солдатъ явился „на
отъ свѣтъ“, Богъ велѣлъ поставить его у Себя на часахъ. И вотъ
ѣрный часовой никого не пропускалъ прямо къ Богу, а всегда
амъ докладывалъ Ему о нуждахъ приходящихъ.

„Между прочими просителями приходитъ однажды смерть и,
о обыкновенію, хочетъ прямо пройти къ Богу, но часовой оста-
овилъ ее и сказалъ, что „нонича“ не тѣ времена, когда прихо-
ящіе могли безпокоить Бога; скажи мнѣ, что̀ тебѣ нужно, а я
ередамъ твои слова Богу . . . — Скажи, служивый, Богу, что
теперь гуляю и попроси у Него работы для меня, говоритъ
мерть.

„Отправился часовой къ Богу и доложилъ Ему о смерти.—
Скажи ей, отвѣчаетъ Богъ, пусть идетъ въ міръ на 3 года морить
ередовой народъ! — Возвратившись къ смерти солдатъ передаетъ
й Божіе приказаніе уже въ слѣдующемъ видѣ: „ступай въ міръ
а 3 года глодать середовой дубъ — это значитъ средняго рос-
а. . . .“ Удивилась смерть такому распоряженію; но ослушаться
е могла, потому что оно Божіе—и отправилась на работу.

„Ровно 3 года трудилась смерть надъ несподручною ей рабо-
ой, по окончаніи которой тощая, измученная приходитъ къ Богу
, по прежнему, хочетъ прямо пробраться къ Нему. Солдатъ за-
ородилъ ей ружьемъ дорогу. — Самъ, говоритъ, пойду къ Богу и
кажу, что̀ тебѣ нужно! —

— „Попроси ты, служивый, Господа: пусть дастъ мнѣ работу
олегче; отъ этой-то я сильно измучилась“.

„Хорошо, сказалъ солдатъ и пошелъ къ Богу съ докладомъ.—
Пусть смерть опять идетъ въ міръ на 3 года морить малыхъ дѣ-
ей; да пусть получше моритъ, а то вотъ за 3 года она ничего
е сдѣлала: вѣрно разбаловалась, добавилъ Богъ и выправилъ
олдата.

„Возвратившись къ смерти, солдатъ сказалъ ей: Богъ сердитъ
а тебя, что такъ мало грызла середовой дубъ и прощаетъ твою
ѣность только потому, что ты стара. Теперь же снова посылаетъ
ебя въ міръ на 3 года глодать малый дубокъ.

„Три года со всѣмъ усердіемъ грызла смерть молодой дубъ и отъ такой работы, чуть живая, едва передвигая ноги, является къ Богу. Не смотря на настойчивое запрещеніе солдата, смерть начала ломиться въ дверь и при этомъ подняла такой визгъ и вой, что заслышалъ Самъ Богъ и поспѣшилъ на шумъ. Завидѣвши смерть, Богъ напустился на нее за то, что въ 6 лѣтъ въ мірѣ не было ни одного мертвеца. Но когда послѣдняя представила Ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ,

То виноватъ
Сталъ солдатъ,—

и Богъ обратилъ на него весь свой гнѣвъ. — „За то, что ты не исполнялъ въ точности моихъ приказаній, за то, что напрасно мучилъ смерть столько времени — будешь носить ее теперь на своихъ плечахъ по міру ровно 3 года: пусть она моритъ народъ“— сказалъ Богъ.

„Покорился несчастный своей участи: взвалилъ на плеча вонючія кости и пошелъ разносить по бѣлу свѣту лютую смерть... Привыкши „заживать табачекъ“, солдатъ часто вынималъ изъ кармана рожекъ съ тертухой и этими порошками услаждалъ горечь своего положенія....

„Долго присматривалась смерть къ тому, что̀ дѣлалъ солдатъ, а наконецъ не вытерпѣла и спросила: — „что̀ это ты, служивый, дѣлаешь?“

„—А что жъ?! Мнѣ придется носить тебя 3 года. Вотъ я и нюхаю этотъ порошокъ для того, чтобы подкрѣплять себя и набирать силы“—отвѣтилъ солдатъ.

„—Служивенькій! Не въ службу а въ дружбу: дай мнѣ понюхать этого самаго порошка. Ты видишь, что я чуть жива — авось-либо и я поправлюсь отъ него“, взмолилась смерть.

— „Оно точно — тебѣ нужно нюхать этотъ порошокъ и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Но только не скоро будетъ тебѣ польза, если ты будешь нюхать его такъ, какъ нюхаю я. Коли хочешь скоро поправиться, такъ полѣзай лучше въ рожокъ—тамъ вдоволь нанюхаешься и чрезъ 3 дня будешь здоровехонька. Я, пожалуй, готовъ тебѣ помочь!..“ сказалъ солдатъ.

„Скрючившись, сжавшись, полѣзла смерть въ рожокъ съ табакомъ и, какъ только совершенно убралась туда, солдатъ заткнулъ

рожекъ . . . и 3 года носилъ въ немъ смерть!... Когда, наконецъ, солдатъ открылъ рожокъ, то нашелъ смерть при послѣднемъ издыханіи, такъ что она сама не могла вылѣзти изъ рожка и только щепочками солдатъ ее вытащилъ...

„Такъ вотъ какъ проучилъ смерть вѣрный солдатъ!.. и теперь вотъ она будетъ гулять, пока не отыщется подобный ему смѣльчакъ, который запретъ ее въ рожокъ съ табакомъ!"... закончилъ разсказчикъ.

1868 г. Іюля 21 дня, Воск.

Разсказалъ Халимонъ Ивановъ, староста Веляшковской церкви деревни Цыколово, Витебскаго уѣзда. Записалъ Никифоровскій.

Лѣченье отъ зубной боли.

I.

Принимаясь лѣчить себя нижеуказаннымъ средствомъ, нужно какъ можно тщательнѣе скрыть отъ всѣхъ даже свое намѣреніе,— это прежде всего. Затѣмъ, рано, до восхода солнца, подойти къ рябинѣ и отломить сучекъ съ листьями, но такъ, чтобы его потомъ можно было бы приложить къ прежнему мѣсту. Отломаннымъ сучкомъ нужно ковырять около больнаго зуба, послѣ чего сучекъ нужно приставить къ отломанному мѣсту и сказать. „рябинушка кудрявая! не буду я тебя ни ломать, ни рубить, ни кроить: пусть только будетъ такъ нѣмъ мой зубъ, какъ нѣма ты!" Все это нужно, дѣлать осторожно, чтобы никто не видалъ и словъ не слышалъ.

Разсказъ старухи изъ деревни Заборовье, Полотскаго уѣзда, 1868 г. февраля 29 д. Записалъ Никифоровскій.

II.

Нужно идти въ лѣсъ до солнечнаго всхода; и на пути позаботиться о томъ, чтобы ни съ кѣмъ не встрѣчаться; но если нѣтъ возможности избѣжать встрѣчи, то, по крайней мѣрѣ, нужно стараться, чтобы съ встрѣчнымъ не сказать ни одного слова и даже не смотрѣть на него.—Въ лѣсу нужно отыскать такое рябиновое дерево, первый сучекъ котораго касался бы верхней части головы

въ томъ случаѣ, если больной сталъ къ дереву полнымъ своимъ ростомъ. Когда такое дерево отыскано, слѣдуетъ стать къ нему спиною, и, черезъ голову, рукою, сломать этотъ сучекъ, ни на одно мгновеніе не мѣняя своего положенія, ковырять отломанною частью около больнаго зуба. Покончивши, сохраняя въ то же время прежнее положеніе, отломанный сучекъ слѣдуетъ приложить по возможности аккуратно къ тому мѣсту, отъ котораго онъ отломанъ и подержать нѣкоторое время; наконецъ, отнявъ сучекъ бросить его въ ближайшую и непремѣнно бѣгучую воду.

Запис. Никифоровскій. 7 іюня 1870 г. въ Дриссенскомъ уѣздѣ.

Бѣлорусскія примѣты.

(Витебск. г.)

I.

«Въ сороки»—память 40 мучениковъ—9 марта.

Съ 9 марта до лѣта должно пройти непремѣнно 40 морозовъ. Въ „сороки" приготовляютъ 40 хлѣбныхъ шариковъ и, съѣдая по одному въ каждый морозъ, вычисляютъ такимъ образомъ время наступленія лѣта.

II.

«Въ сороки» же.

Чтобы лѣтомъ счастливо находить птичьи гнѣзда, нужно до разсвѣта взять съ сосѣдняго двора нѣсколько щенъ, но такъ, чтобы этого никто не видалъ и не зналъ о намѣреніи даже.

III.

Въ Великій Четвергъ.

Для той же цѣли, т. е. чтобы лѣтомъ счастливо находить птичьи гнѣзда, нужно до разсвѣта вымести комнату и вынести соръ непремѣнно съ зажмуренными глазами.

IV.

При хлѣбѣ.

Если хлѣбный мякишъ пристаетъ къ ножу въ то время, когда имъ разрѣзывается хлѣбъ, то въ наступающее лѣто нужно ожидать урожая; если же на оборотъ—неурожая.

V.

При хлѣбѣ же.

Хлѣбъ, растрескавшійся во время печенья, неизбѣжно предвѣщаетъ въ домѣ покойника.

VI.

При хлѣбѣ же.

Тотъ кусокъ хлѣба, которымъ мы приманиваемъ къ себѣ собаку не нужно ѣсть, а непремѣнно слѣдуетъ отдать собакѣ, потому что отъ этого хлѣба выростаетъ въ горлѣ вередъ.

VII.

Относительно вшей.

Наибольшее число вшей, находящееся въ передней части головы, означаетъ, что горе этого человѣка еще впереди; на затылкѣ — горе уже прожито, на маковкѣ — горе переживается въ данное время.

VIII.

При пѣніи курицы.

Когда курица поетъ, т. е. растягиваетъ свой голосъ, на подобіе пѣтушьяго пѣнья, то это предвѣщаетъ въ домѣ какое-нибудь большое несчастье, или даже смерть одного изъ членовъ семейства.— Чтобы узнать приблизительно родъ могущаго послѣдовать несчастья, курицею измѣриваютъ разстояніе отъ кутнаго мѣста до порога, переворачивая послѣднюю, какъ аршинъ или другую единицу мѣры. Когда къ порогу останется голова — послѣдуетъ въ домѣ смерть, если же хвостъ—другое несчастье, въ родѣ, разумѣется, смерти. Однако—приходится ли къ порогу хвостъ или голова, на томъ же порогѣ отрубаютъ топоромъ или то или другое.

IX.

Относительно крысъ.

Появленіе въ домѣ крысъ въ большомъ количествѣ предвѣщаетъ что живущіе въ немъ скоро выйдутъ. Въ иныхъ случаяхъ примѣчаютъ, что должна послѣдовать смерть одного изъ жильцовъ.

X.

Когда собака вырываетъ въ разныхъ мѣстахъ двора небольшія ямы и при этомъ иногда воетъ, дому обѣщается покойникъ и чѣмъ больше ямочекъ и воя, тѣмъ скорѣе.

XI.

Во время ли щипанья лучины, или же когда лучина горитъ, часто отскакиваютъ небольшія тросочки отъ лучины. Если въ одинъ вечеръ такихъ тросочекъ отдѣлится до десяти, то это значитъ, что изъ семейства придется отдѣлиться какому нибудь члену. Но если двѣ тросочки падутъ одна на другую крестообразно, то неизбѣжно одинъ членъ отдѣлится отъ семейства смертію.

Всѣ 11 №№ записаны учителемъ Витебскаго приходскаго училища Н. Я. Никифоровскимъ.

—

Кто въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье уснетъ не разувшись, того ни гады, ни змѣи кусать не будутъ.

—

Когда мышь поѣстъ свенцоннаго, то она обращается въ летучую.

—

Когда во время топки печи слышится трескъ дровъ, то это значитъ, что разорвало одного злостника рода человѣческаго (колдуна).

—

Когда имѣешь при себѣ деньги въ то время, когда кукушка закукуетъ въ первый разъ, то будешь имѣть ихъ во весь годъ.

—

Если въ домѣ заведется много мышей — знакъ какого-либо несчастья.

Кошка сидитъ передъ зеркаломъ—свадьба.

—

Если свадебному поѣзду дорогу перебѣжитъ заяцъ, кошка или перейдетъ женщина, то супружество будетъ неблагопріятное.

—

Въ день вѣнчанія ясная погода—счастливая жизнь, дождь — богатство, громъ—несчастіе.

—

У кого меньше сгоритъ вѣнчальная свѣча, тотъ будетъ долгочнѣе.

—

Упавшее во время обмѣна вѣнчальное кольцо предвѣщаетъ ерть.

—

Если мущина нечаянно наступитъ женщинѣ на ноги—кумовство.

Всѣ записаны въ Витебскомъ уѣздѣ учителемъ народной школы г. Кобовымъ.

Крестинная.

1

(Полотскій у.)

Якъ пріѣдуць кумы и посадзимъ за столъ першій разъ, постаиъ хлѣба-соли и поемъ имъ:

Кумка на куцѣ сѣла,
Три пѣсеньки спѣла:
Одну родзинную,
А другую хразьбинную,
А трецію вясельную.
А дай же намъ, Боже,
Гэтаго дзицяци,
Хрезьбинки соскакаци,
И вясельля дожидаци.
Судзиў Боже подъ хрястомъ,
Судзи жъ Боже и подъ вянцомъ

(Зап. со словъ старухи А. Як. Зейнъ).

На новый годъ.

2

(Слуцкій у.)

Ой лѣсѣ, лѣсѣ
На вересѣ

Тамъ слышенъ:
Панычекъ, панычёкъ.
Панычекъ Ланычёкъ
Коникъ пасе,
Зъ конемъ говдрицъ:
Да ѣшь, конь,
Шелковую траву,
Да пей, конь,
Студзенную воду:
Поѣдзишь. конь
На полеване,
На сохволянне,
Своей дзвоцѣ
На залицаннс.
Ой тому добро,
Чей-то сынъ ѣдзе,
Тому наилѣпше
Чей-то зять будзе.
Чрезъ мѣсто ѣдзе,--
Мѣсто дзивуе,
Черезъ село ѣдзе,
Село чапкуе.
О тожь тебѣ, Левичекъ пѣсенка!
Спѣли на ново лѣто,
На ново лѣто,
На буйно жито,
Да съ колосочка,
Да жито бочка.
Коштарици,
Кожнаго дарици,
Не многа треба:
Съ поўзолотого.

(Зап. И. П. Татлинымъ).

3

(Лепельскій у.)

Ня курь, ня вѣй мяцелица — Колядо!
Ни замѣвай сцежки дорожки — Колядо!
Я къ таткѣ госци ѣду — Колядо!
Ды вяночки ую — Колядо!
Отъ татки ѣду ды развиваю — Колядо!
Што по красочцѣ раскидаю — Колядо!
Што красочка, то слезочка — Колядо!

(Зап. ученикомъ 7 кл. Витебской гимназіи Вл. Пржисецкимъ).

4

(Тамъ же)

ила свиння по лядў,
зсыпала Колядў.
. Праскоўка, ни ляжи.
зи Коляду побяри.
ля наша доля!

Ни такая якъ людская.
Людзи пьюць и гулююць,
Яны хорошо ходзюць.
А мы ня пьемъ, ня гуляимъ
И ни чого ни маимъ.

(Зап. тотъ же).

5

(Бобруйскій у.)

Щёдеръ, щёдеръ! чи дома?
— Дома, дома, самъ на куцѣ сидзиць.
Ёнъ сидзиць въ сапожкахъ козловыхъ,
Въ шапочцѣ замшовой.
На яго шапочкѣ три китайки,
Три китайки золотыи,
Двѣ паненки молодыи,
Будзимъ пиць и гуляць,
Будзимъ дзѣвокъ вѣнчать.

(Зап. А. В. Вахрамѣевою).

6

(*Тамъ же*)

Святый вечоръ добрымъ людзямъ!
Щедрую, щедрую, Коляду чую.
На дворѣ медвѣдзя коромина,
Дзѣвичча цыцка якъ смородзина.
— Возьму чичу (?), отрѣжу цыцу,
Повѣшу цыцу на крутой горѣ.
Собаки брешутъ прилегаючи,
А вороны кричатъ налетаючи,
Дзѣўка плачиць, прилегаючи.

(Зап. тою же).

7

(*Тамъ же*)

Въ лѣску, въ лѣску
На жолтымъ песку,
Тамъ стояла церкоўка, —
Святый вечоръ!
Съ четырмя вуглами,
А съ петермя вокнами, —
Святый вечоръ!
Въ той церкоўцѣ
Ясенъ мѣсяцъ, —
Святый вечоръ!
Енъ съ своей жаной,
Съ ясной зарой, —
Святый вечоръ!
Ясныи звѣздочки,
То яго дзѣточки, —
Святый вечоръ.

На святкахъ, наканунѣ Новаго года, въ то время, когда въ Сѣверо-Западномъ Краѣ большею частью бываетъ страшная грязь, такъ какъ зима еще не окончательно установилась, небольшая кучка людей идетъ вдоль деревни, направляясь къ жилищу своего пана. Тамъ у пана докладываютъ, что пришла „Коза". Дѣти, если они есть въ домѣ, чрезвычайно рады появленію деревенскихъ ряженныхъ, извѣстныхъ подъ этимъ именемъ, и просятъ скорѣе ихъ впустить. Входитъ въ залу нѣсколько человѣкъ въ обыкновенныхъ своихъ костюмахъ, т. е. овчинныхъ кожухахъ, одинъ или двое изъ нихъ со скрипкой, а иногда и съ барабаномъ. Но самую „Козу" едва ли можно было бы назвать такъ, если бы заранѣе ее не окрестили этимъ именемъ. Она въ такомъ же ко-

, только вывороченномъ на изнанку. Во все время предста-
ı коза ходитъ на четверинкахъ. Къ ея головѣ, закутанной и
ıытой, незатѣйливою маской, приставлены коровьи рога. За-
тъ музыка—и вся честная компанія начинаетъ пѣть „Козу“,
ıемъ *Коза* переминается съ ноги на ногу, будто пляшетъ.
ıончаніи пѣсни, *Козѣ* дарятъ деньги, и она со всею своею
й отправляется дальше къ другимъ панамъ, если они есть
сѣдствѣ, или же къ своимъ зажиточнымъ односельчанамъ,
ı снова пѣть, плясать и получать гостинцы.

(Зап. тою же).

8

(Тамъ же)

го коза,
го сѣра!
ı ты бувалá?“
ı Турецкой землѣ.—
ı ты робила?“
ıодки брала.—
у дáвала?“
оўнерамъ, жоўнерамъ,
ıодзѣямъ, злодзѣямъ.—
ъ цябе били?“
ıбцами, дубцами.—
ми?“ — Березовыми.—
ı й ты уцекала?“
ıрезниками.—*)

„Якъ ты плакала?“
— Я уцекала березниками,
— А все плакала, мигагала.
— Березниками уцекала.
— Черезъ то сельцо перебѣгала.
— Я и голодомъ перемирала.
— А ў томъ сельцѣ
— Лихіе стрѣльце
— Собиралися,
— Раховалися:
— Козыньку убиць,
— Шкуру злупиць
— И дуду пошиць. —

(Зап. тою же).

ı колядная забава какъ и сама пѣсня очень древняго про-
ıденія и была, по всему видимому, весьма распространена на
й Руси. Она до сихъ поръ, какъ намъ извѣстно, еще суще-
тъ, кромѣ Минской, и въ Могилевской губерніи, и вѣроятно,
другихъ бѣлорусскихъ мѣстностяхъ. Вотъ что говоритъ объ
ıабавѣ Ромуальдъ Зенкевичъ въ своей книгѣ: „Piosenki gminne
Pinskiego“, Kowno 1851 г., стр. 37—44:

---

*) Вар.: березенкою.

„Утромъ, въ день Новаго года, когда еще не утихли подъ окнами колядныя, продолжавшіяся во всю ночь, пѣсни, является тутъ колядная коза. П. М. Вишневскій въ своей „Исторіи польской литературы“ въ 1-мъ томѣ на 275 стр., говоря о баснѣ и апологѣ, доказываетъ, что Поляки, Словаки и Сербы, со временъ глубокой древности, въ образѣ ободранной до половины козы, посредствомъ хитрости съѣденной волкомъ, изображали нищету угнетенныхъ простолюдиновъ. Очень можетъ быть, что современная намъ колядная коза уже не знаетъ объ этой аллегоріи и что она является въ дома совершенно съ иною цѣлью, но это для насъ все равно; наше дѣло только сказать, что одинъ изъ деревенскихъ парней, который побойче и ловче, передѣвается козой, убранною лентами и колокольчиками, и во главѣ пѣсенниковъ и музыкантовъ, подходитъ къ дверямъ и окнамъ домовъ, комическою пляской привѣтствуетъ хозяевъ и уморительными жестами ловко поддѣлывается подъ смыслъ слѣдующей пѣсни, которую при этомъ крестьяне поютъ съ аккомпаниментомъ скрипки:

Го го го, Кóзынька,
Го го го, сѣра,
Го го го, бѣла,
Ой, разходися,
Розвеселися,
По всему дому,
По весёлому!
Ой, поклонися
Сему господарю
И женѣ его,
И дѣткомъ его, и т. д. *).

Въ иныхъ мѣстахъ Руси ходятъ съ козой не во время святокъ, а на масляницѣ.

„Въ русскихъ поселеніяхъ Подляскаго воеводства по берегамъ Буга,“ пишетъ К. Вл. Войцицкій, въ своемъ сборникѣ: Piesni ludu Biało-Chrobatów, Mazurów i Rusi znad Bugu etc. Warszawa 1836. Tom 1, стр. 260—261, „подъ конецъ масляницы одинъ изъ рѣзвѣйшихъ парней наряжается козою и, сопутствуемый товарищами,

*) Продолженіе этой пѣсни см. въ книгѣ: «Бѣлорусскія пѣсни» (стр. 78 № 124), изданной г. Безсоновымъ, перепечатавшимъ ее изъ названнаго у насъ въ текстѣ сборника, безъ явныхъ указаній на источникъ. Ибо какъ № (35-I), подставленный подъ этой пѣснею,—какъ и другіе №№ подъ другими,—хотя правда намекаютъ на что-то, но пока остаются для читателя таинственными іероглифами, разоблаченія которыхъ неизвѣстно гдѣ искать. Въ предисловіи издатель не предупреждаетъ возможности недоумѣнія читателя на этотъ счетъ.

еодѣтыми стариками, цыганами и жидами, отправляется по селу ѣшать народъ и заходитъ на панскій дворъ. Въ то время, да парень, прыгая, представляетъ козу, спутники его поютъ омъ:

Го! го! го! го!
Козо небого!
Вельможны панъ тебе,
Панъ проси до себе.
А дае тиби червоны золоты,
Хоць на чоботы.

***

А козо скачы,
Покиль тва сила:
Шобы сія коза неокозила!
А коза скаче
По пустыхъ борахъ
И по озёрахъ.
И по тыхъ печахъ по малованыхъ,
И по подлогахъ по мурованыхъ,
Спозри на грады,
Чи не ма здрады?
— Ой! есть тамъ здрада,
Старая баба:
Пироги пече,
Солому сѣче,
А сино смажы,
Пироги мажы.

Гаданья на Колядкахъ.

) Бяруць напярстокъ соли, напярстокъ муки и напярстокъ ы и пякуць пиранялку (якъ блинъ круглый); одну половину дуць, другу кладуць подъ головы. Хто присньцца, той и будь мужъ.

) Первый блинъ, якой мацъ зпячець на *Богату Коляду*, на илля (т. е. наканунѣ Новаго года), дочка возьмиць, пойдзиць крыжевую дорогу, тамъ яго зъѣсць и слухаиць, гдзѣ собаки решуць: ў тую сторону выйдци замужъ.

3) Вымяцуць хату и вынясуць шумъ смяцця—соръ—на крыжевую дорогу и слухаюць, гдзѣ собаки забрешуць?

4) Ў вячоръ пирадъ Рождествомъ (наканунѣ Рождества) дзѣўки тынъ личуць *), приговаривая: „ци тынъ, ци тынища, ци тынъ, ци тынища." Коли выйдзець цотъ,—то замужъ выйдци, коли лишка (нечотъ), такъ нѣтъ.

5) Якъ нарождаицца мѣсиць, дзѣвица увидзѣў яго ў первый разъ, дакъ зъ подъ пяты зъ подъ правой возьмиць земли и говорыць:

Молодзикъ молодой,
Твой рогъ золотой!
Соснися мнѣ той,
Хто будзець мой.

И увяжець гэту зямлю ў рукаў или платокъ, и когды спаць кладзецца, положиць яе подъ подушку.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь кстати дословную выписку изъ письма одного молодаго крестьянина Дисненскаго уѣзда (окончившаго курсъ ученія въ сельскомъ училищѣ) къ священнику У., къ которому мы обратились съ просьбой о сообщеніи намъ этнографическихъ данныхъ его уѣзда:

„Мнѣ еще извѣстно: предъ крещеніемъ, на кутью всякой хозяинъ долженъ вечеромъ взять всякаго сбожжа на полмисокъ, ходя крестить меломъ увесь свой домъ, и когда сядутъ ужинать, прежде начинаетъ хозяинъ, беретъ кутью ложкой три раза, положитъ на окно и говоритъ:

Морозъ, морозъ, ходзи кутью ѣсць!
По межахъ не ходзи,
Гороховъ не морози
И бобоў не морози.

Тогда зоветъ другой разъ:

Морозъ, морозъ, князю!
Ходзи кутью ѣсць разомъ.

„Назавтра встанутъ рано утромъ, дѣластъ хозяинъ кресты: кто идетъ куда первый разъ, хотя бы въ амбаръ — несетъ крестъ и положитъ его въ амбарѣ.

*) т. е. считаютъ колья въ плетнѣ.

когда сѣно беретъ на кутью къ столу, то даетъ только овеч-
и коровамъ. Почему нельзя давать всѣмъ?—Потому что, го-
ъ въ народѣ, овечка и корова, когда родился Господь нашъ
ь Христосъ, пришли къ яслямъ, отдали честь, т. е. не ру-
Христа, а лошадь и прочіе выбросили нашего Господа вонъ
левъ."

Волочебники.

(Слуцкій у.)

9

ила ў бабки
коробушка.
тосъ воскресе, Сынъ Божій *).
несли куры
іецъ лецъ,
ишли до бабы
годъ госци,
школьнички
юльнички.
вала бабка
сѣмъ по ячку,
дной сироцѣ
ю лусту.
пошли
какиваючи,

А бѣдная сирота
Поплакиваючи.
Да вернися, сирота,
Тебя панъ кличе,
Да даруе ёнъ тобѣ
Коня воронаго.
Сирота бере,
Да не дзякуе.
Да вернися, сирота,
Тебе панъ кличе,
Да даруе ёнъ тобѣ
Сѣдло золотое.
Сирота бере,
Да не дзякуе.

10

же мы ходзили,
же мы бывали.
тосъ воскресе, Сынъ Божій.
акого чуда
зѣ не видали.
ў нашего пана,

Нашего господара,
Посередъ двора
Высокая гора.
Да на той горѣ
Садъ-виноградъ.
Палецьли на садъ

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Райскіи пташки.
Сходзилася шура
Да буря
Садъ-виноградъ
Да поломала,
Райскіи пташки
Да отогнала,
Да зажуриўся
Панъ-господаръ;
Да яго жена,
Да разваживала:
Да не журися,
Пане-господара,
Садъ-виноградъ
Поприсаживаймо,
Райскіи пташки
Поприваживаемо,
На здоровіе
Пана-господара
И съ жаною
И съ дзѣтками.

(Сообщ. И. П. Татлинымъ).

11

(*Бобруйскій у.*)

Шли гули волочовнички *)
Волочовнички добрые молойцы,
Шли яны да дорогою,
Сустрѣкали яны Господа Бога,
Яны сустрѣли и ўклонилися. (2)
Господу Богу помолиўшися
Зашли яны къ бабцѣ старушки,
Яны зашли ўклонилися.
Дарила пхъ бабка по яичку,
Одной спроцѣ не зосталося,
Дае́ яму бабка курку рабушку.
Сирота не бере́ и зъ хаты нейдзе́.
Дае́ яму бабка пирогъ хлѣба,
Пирогъ хлѣба и кварту горэлки.
А сирота не бере́ и зъ хаты нейдзе́.
Дала ему бабка красную панну,
Сирота пошоў подскакуючи
Подскакуючи, подзякуючи.

(Зап. А. В. Вахрамѣева).

Слѣдующій варіантъ поётся дѣвушкамъ и молодымъ людямъ:

---

*) За всякимъ стихомъ повторяется: „Христосъ воскресъ Сыне Божій.“

12

(*Тамъ же*)

Шли гули волочовнички,
Шли яны да дорогою,
Пыталися славнаго сёла,
Честпаго двора.
Зайшли яны къ честному мужу:
Чи дома, дома, честный мужъ?
Ёнъ дома, дома, да не кажецца,
Въ червонны боты обуваецца,
До церкоўки собираецца,
Черезъ яго дворъ да Дунай цечé,
На этомъ Дунаѣ да биты пали,
Все дубовые, все дубовые,
У яго вороты мулеваные,
А подворотнички яго рыбьи косточки.
Черезъ гэтотъ мостъ
Ѣхала карета мулеваная,
А въ гэтой карецѣ красная панна,
А въ гэтой карецѣ сидзиць
Красная панна съ паничами,
А мы думали, што спо̀жа,
Ажъ Матка Божжа,
Яна сустрѣкала волочовникоў,
Волочовникоў добрыхъ молойцоў.
А въ лѣсѣ, въ лѣсѣ да на вересѣ,
Тамъ Иванька да коники пасé,
Яму дзѣвочка обѣдъ несé:
Сядземъ мы Иванька пообѣдаимъ,
Скажу тобѣ дзивное дзиво,
Што въ Святомъ Рожствѣ
Да рожа цвѣла.
Я-жъ тамъ сама была,
Все ее щипала,
И щипала вѣнки вила,
Вѣнки вила, на голоўку клала,

На голоўку клала,
Злóтничкамъ давала:
Вы злóтнички, вы работнички!
Скуйце мнѣ три надобычки,
Первый надобокъ—золотый кубокъ,
А другой надобокъ—шелковая хуста,
Трецци надобокъ—золотый персцень.
Въ золотымъ кубку—умывацися,
Шелковой хустой—уцирацися
Серебряный перстень—вѣнчацися.
А въ лѣсѣ, въ лѣсѣ да на вересѣ
Тамъ дзѣвочка да вóлы пасé,
А ей Ванька да обѣдъ несé:
Сядзь! мы, дзѣвочка, пообѣдаемъ,
А скажу тобѣ дзивное дзиво:
А въ Святомъ Петрѣ да Дунай замерзъ,
Я-жъ самъ тамъ быў да коня поиў
Конь воду пиў, копытомъ лёдъ биў.

(Зап. та же).

Свадебныя пѣсни Городокскаго уѣзда.

Заручины.

18

Зялёна по лугамъ трава,
Хуць яна зялена,
Косиць будзимъ
На копяхъ на снўпахъ
Возиць будзимъ,
Ў пуню ў трисцепь
Валиць будзимъ.

Молодзенька княгинька ў бацьки
Хоць яна молодзенька,
Будзимъ заручаць,
Горкой горэлкой
Будзимъ запивадь,
Звонкими гуслями
Будзимъ заигривадь!

14

Чарочка моя!
Мидзяная моя!
По столу чарочка
Похаживала,
Ўсихъ госцей
Припаивала,
Одного госцёчка
Ни упаивала.
Ня пьець ёнъ вина
Бизъ солодкаго мядочка.

15

Поляцѣли пчолки на бродъ на мёдъ
Ли яго!
Ай пчолки идуць—мядокъ нясуць
Ли яго!
Будзимѣ мы горэлку сыцинь,
Будзимъ женишка поиць.

16

Вышла княгинька за новы воротки,
Жалобно заплакала,
Ў ей матухна, у ей родная
Выпыталася:
Дочўшка моя, родная моя,
Чаго жь ты заплакала?
Матухна моя, родная моя,
Якъ жа мнѣ не плакаци?
Ты мяне замужъ даешь,
Про долю ня вѣдаешь.
Якъ дасць Богъ долю,
Якъ дасць Богъ счасцца —
Хула табѣ Божа!
Ни дасць Богъ доли,
Ни дасць Богъ счасцця.
Ой Божа мой, Божа!
Нихто мнѣ ни поможиць,
И ручикъ ни подложиць,
Поможиць-ни поможиць,
Ранняя уставанийка,
Поздняя укладанийка.

17

Ў суботу на нядзѣлю
Голубы налящѣли.
Княгинька ни ўвознала,
Ў мамки попытала:
„Мамухна моя, родная моя!
Штожь гэта за голубы,
Штожь гэта за сизые?
Бѣлъ кужыль поклычали,
Горошикъ разсыпали.
Дочухна моя, родная моя!
Нще жь ты дурненька!
Бѣлъ кужыль—косы твои,
Горошикъ—слёзы твои,
Голубы—сваты твои!

18

Бярозка зъ листкомъ
Ўсё лѣто шумѣла:
Лисцийко моё, вѣццийко моё!
Ты мяне покидаешь.
Бярозка моя, бѣлая моя!
Я цябе ни покину,
Ў восинь спаду—
На вясну опяць буду,
Вѣццийкомъ махаць буду.
Княгинька зъ матухной
Ўсю ночку ни спали,
Ўсю ночку говорили:
Дочушка моя, родная моя!
Ты мяне покидаешь.
Мамухна моя, родная моя!
Я цябе ни покину,
Хоць замужъ зайду.
А ў госци ѣздзиць буду,
Съ тобой говорыць буду!

(Сравн. въ жнивн. ярныхъ).

19

А хто жъ тамъ на конику
Ў бѣлинькимъ носо́вику,
По двору поѣзжаиць,
Княгиньку выкликаиць:
Княгинька, душа мая!
Прохутай вокошичка
Трошачку, пямножечка,
Покажи лицо свое,
Бѣлоя румяноя,
Красное бумажное!

20

Ишла княгинька горой, горой,
Логомъ садъ садзила,
Зъ родной мамкой говорила:
А мамухна моя, родная!
Поливай мой зялёный садъ.
Ни поливай садъ водой,
Поливай мой садъ сытой!
Отъ водзицы садъ блѣднѣиць,
Отъ сытицы зилянѣиць.
„Дзиця моё княгинька!
Коли удасца жиллё твоё
Призабудзишь на зялёный садъ
А ни удасца жиллё твоё,
Сама поллешь зялёный садъ
То тоскою, то бядою
То горючимъ слезамъ!

21

Досыць калина, досыць малина,
Ў лбзи стояци.
И такъ калину, и такъ малину
Пташки обклювали.
Ни такъ жа пташки —
Якъ соловейки,
Ни такъ жа соловейки —
Якъ шѣры зязюльки.
Ни такъ зязюльки—
Якъ виробейки,
Ни такъ виробейки —
Якъ синіе синицы.

Досыць княгинька, досыць лябёдка,
У дзѣўкахъ сядзѣци,
Итакъ княгиньку, итакъ лябёдку
Уси людзи обсудзили.
Ни такъ людзи—
Якъ ближніе сусѣдзи,
Ни такъ сусѣдзи—
Якъ же подружки,
Ни такъ подружки —
Якъ родные сяструшки!

22

Хвалилася рабининка за ракой:
„Нихто мяне ня высикиць за водой.“
Похвалиўся на рабининку лютъ морозъ:
„Ой я цябе рабининка зморожу,
Твоё суччійко, твоё вѣцційко обломлю,
Твои красные ягоды обсыплю!“
Хвалилася княгинька ў татки:
„Нихто мяне отъ мамухны ни отымиць!“
Похвалиўся женишокъ на княгиньку:
„А я цябе, княгинька, отманю,
Таткину волю, мамкину нѣгу отгоню!“

23

Ляцѣў соколя
Чиразъ три боры,
У чацвёртымъ борочку
Сѣў на дубочку.
А ў яго зязюля
Пыталася:
„Што табѣ, соколя,
Ўподобила:
Ци дубьё, ци ялиё,
Ци бѣлая бяроза?“
Ничого, соколя,
Ни уподобила,
Ни дубьё ни ялиё,
Ни бѣла бяроза,
Ўподобила соколю,
Шѣра зязюля.
Ѣхаў женишокъ
Чиразъ три сялы,
У чацвёртымъ сялочку
Стаў на дворочку,
А ў яго дзѣвычки
Пыталися:
Што табѣ, жанишокъ,
Ўподобила:
Ци е пиўцо, ци винцо,
Ци солодкій медъ?
Ништо мнѣ молойцу
Ни уподобила,
Ўподобила мнѣ молойцу
Молодая княгинька.

24

Ой зумная разумная княгинька
Ня вѣдала, што зъ вумнồсци дзѣлаци,

Заставила щиры боры копати,
А сама пошла чёрный мачикъ пахаци.
„О дай Божа штобъ мой мачикъ красинъ быў!
Ой дай Божа штобъ мой жанишокъ вясёлъ быў.“

25

Ягода въ ягодой по бору росли,
Росли яны сокацилися,
Своцюцца—не раскоцюцца.
Женишокъ съ княгинькой
По домамъ росли;
Росли яны, соходзилися,
Сыйдуцца—не разыйдуцца.

26

Передъ шлюбомъ, когда садятъ на посадъ.

Гдзѣ княгинька сядзиць,
Тамо луны ходзюць;
Отъ золота сцѣны щепуцца,
Отъ сирабра лаўки ломяцца,
Отъ ботъ яе мостъ горпць.

27

Послѣ заручинъ, на вечери.

Ни дзиви, княгинька, ни на кого,
Привучила жинишка молодого:
Своей рожею пригожею,
Своей красатой дзявоцкою,
Цихими своими походами,
Низкими своими поклонами,
Цихими походами ў таночку,
Низкими поклонами у цирамочі
Своимъ сирдзечкомъ покорнымъ

28

Ходзила козынька по ламу,
За ёй шѣрый воўкъ у сляду:
Постой козынька хуць ходзи—ни ходзи,
Быць табѣ козынька зъѣдзяной,
Валяцьца рогамъ по лугамъ,
Цигацьца кишкамъ по пяскамъ...
Ходзила княгинька по саду,
А за ей женишокъ у сляду...
Хуць ходзи-ни ходзи, княгинька,
Быць табѣ, княгинька, за мной!...
Цигацьца випкамъ подъ лаўкамъ,
Валяцьца истушкамъ подъ подушкамъ.

29

Послѣ шлюба, когда женихъ ѣдетъ съ поѣздомъ въ домъ къ молодой.

Ѣхаў женишокъ на кони,
Якъ яму на ўстрѣчу заиньна:
„Дайця мнѣ стралў, я яго забью!“
Постой женишокъ, ни страляй!
Ни я табѣ дорожку пирабиў,
Ни я твоихъ коникоў попўдзиў,
Ни я твою княгиньку погудзиў;
Пирабиў дорожку сивы воўкъ,
Попудзили коникоў мядзвѣдзи,
Погудзили княгиньку сусѣдзи!

30

На дворѣ невѣсты.

Ўзыйшоў мѣсяцъ надъ избой,
Ўзвеў зориньку за собой:
„Вотъ табѣ Божинька полуношница,
А мнѣ, мѣсяцу, полусвѣтница!
Ўзъѣхаў жанишокъ на бацькинъ дворъ,
Ёнъ ўзвёзъ княгиньку за собой:
„Вотъ табѣ, татынька, разувальница.
Вотъ табѣ, мамухна, посцельница,
Табѣ, брацицъ, жартоўница,
А вамъ, сястрицы, косоплётница,
А мнѣ, молойцу, молода жена!

31

Бояры пышные, гарные вы мои!
Чуиця видзиця—да ни кажиця,
Што моя разлука по полю ѣдзиць.
Бояры пышные, гарные вы мои!
Чуиця видзиця—да ни кажиця,
Што моя разлука у хату лѣзиць.

32

Въ домѣ невѣсты.

Боярычки подманычки вы мои
Зрадзили подманили вы мяне,
Казали—пойдземъ ў зялёный садъ гуляци,
Казали—будзимъ цвятки щипаци;
Сабѣ звили зъ руты, зъ мяты, зъ лилеи,
А мнѣ звили зъ колкаго ялёнцу.
Ялёнецъ косицъ,
Голоўку клоницъ
Божа мой!...

33

Ой зима моя, ой холодная!
Чаго рана наставала?
Што жъ я за рано, што жъ я за поздно,
Коли моя пора прійшла!
Листочикъ падзецъ, травицу кладзецъ.
А ўжа жъ лихая пора прійшла.
А ты, княгинька, а ты молода!
Чаго рано замужъ пойшла.
„Што жъ я за рано, што жъ я за поздно?
Коли моя пора прійшла!
Татухна дасць, жанишокъ бярецъ
Ўжо моя пора прійшла!“

34

Когда выкупаютъ невѣсту.

Ранинька соўнійка ўсходзила,
Княгинька бацькины клѣтки отмыкала,
Чистое сирабро вынимала.
„Княгинька дзитятка, ня ўсё бяри!“
Татухна мой роднинькій, многа надо,
Я пойду ў хату богатую, ў сямью великую,
Мнѣ надо дзивяроў пожаниць,

Мнѣ надо золовокъ повыдаць;
Дзивяроў пожаню—спмья будзиць,
Золовокъ повыдамъ—госци будуць.
То моя сямейка
Госцiйки моп любимые!
Мнѣ жь молодзѣ честь, слава!

35

Куды, куды, солоўюшка, поляцишь?
„Полячу я чиразъ поля ў садокъ,
Тамъ мяне ўси пташки ўлюбили,
Промежъ сябе ў сирадочку садзили,
И красными ягодами кормили,
Солодкой сыцицей поили,
И шѣрую зязюльку ўдарйли."
„Куды, куды, женишокъ, поѣдзишь?"
Я поѣду чиразъ городъ да й ў сяло,
А тамъ мяне ўси дзѣвачки ўлюбили,
Промижъ сябе ў сяродку садзили,
И пьяными напитками поили,
Сахарными закусками кормили,
И красную княгинихну ўдарйли?

36

Княгинька по городу ходзила,
Съ краскамъ говорила:
А милые мои краски!
Мнѣ васъ ни щипаци,
Вяночки ни звиваци.
Одзинъ была звила
И того ни зносйла.
Повѣшала ў новой клѣци,
На жалѣзнымъ пробои,
На таткинымъ походзи,
На мамкинымъ погдядзи.
А мой татка пойдзиць,
На мой вѣнчикъ гляниць,
Про мяне ўспомянець,
Моя мамка гляниць,
Слезинька заплачиць.
Ай Божа мой, Божа!
Гдзѣ жъ моё дзитятка?
Ци ў бору ў брусницахъ,
Ци ў лози ў калйни?
— Кали ў бору ў брусницахъ,
Дыкъ бы борочки шумѣли,
А ў лози у калйни,
Дыкъ бы лясочки звянѣли!

37

Стояла княгинька подъ вянцомъ,
Чисала голоўку грибянцомъ.
Ўронила грибянецъ подъ вянецъ.
„Подай женишокъ грибянецъ!“
А яжъ табѣ, княгинька, ни молодзецъ,
Ёсць ў цябе коло боку подружка,
Подасць грибянець ў руки.

38

Въ домѣ невѣсты за столомъ.

Ляцѣли гусыньки да ни гогали,
Тольки одна гусынька ды й загогала...
Чуиць ина зимухну студзёную,
Чуиць ина морозы траскучіе,
Чуиць ина замяцѣли поўзучіе...
Сядзѣли дзѣвыньки ды ни плакали,
Тольки одна княгинька заплакала...
Чуиць ина свикратка журавливаго,
Чуиць ина свякроўку worкливую,
Чуиць ина дзиварoу нирасмѣшникоў,
Чуиць ина золовокъ колотовокъ.

39

А ўчора рѣчинька быстра шла,
Сягодни рѣчинька циха идзешь.
„Осѣў жа мяне бѣлый снѣгъ,
Поврxу наросъ—лютъ морозъ.“
Ўчора княгинька вясёла была,
А сягодни цихинька?
Чагожъ ина цихинька?
Затымъ ина цихинька.
Што кола ие чужйна,
Женихова дружйна!

40

Когда невѣсту ведутъ въ домъ жениха.

Якъ ў городзи на черназеми
Выросла канаплинка,
На той коноплинцы
Зязюля кукoвала.
Княгинькина мамка
Раниньки ўставала,
Бѣлинька ўмывалася,
Сухонька ўципалася,
На ганокъ выходзила
Зязюлю слухала,
Шѣрую проклинала:
Богдай зязюля,
Богдай шѣрая
Вѣкъ вякомъ ни кукувала!
Откукувала, отщибитала
Мнѣ вѣрную служку,
Родную дочушку,
Раннію ўставанійцу,
Позднюю ўкладанійцу.

Якъ у горо́дзи на чирназеми
Выросла коноцелька,
На тэй конопельцы
Зязюля кукoвала.
Женишкова мамка
Ранинька ўставала,
Бѣлинька ўмывалася,
На ганокъ выходзила,
Зязюлю выслуха́ла,
Шѣрую поздраўляла:
Богдай, зязюля.
Богдай, шѣрая.
Вѣкъ вякомъ кукувала!
Прикукувала, прищибитала
Мнѣ вѣрную служку
Княгиньку нявѣхну,
Раннюю ўставанійцу
Позднюю ўкладанійцу!

41

Кланялася дуброука
Зялёному дубу:
„Спасибо дубочикъ
За стоянійка!
Я ў цябе, дубочикъ,
Настоялася,
Суччійкамъ, вѣнційкамъ
Намахалася!“

Кланялася княгинька
Родному татку:
„Спасибо татухна
За гулянийка!
Я у цябе, мой татухна,
Нагулялася,
Ў будзинъ дзень ў спрабри
Ў святый дзень ў золоци!

42

Со двора княгинька зъѣжала.
Вярхушку ў бярозки сорвала!
Стой, моя бярозка, бизъ макушки,
Живи, моя матухна, бизъ дочушки.

Мы будзимъ, матухна, вячерядь,
Повячеряўши дзялицца:
Табѣ, матухна, кублочки
А мнѣ, матухна, трубочки.
Пошла матухна ў хату—дочки нѣтъ!
Пошла матухна ў клѣць—кубла нѣтъ!
Вышла за вороты—только слѣдъ!
Гдзѣ сивые коники заржали,
Туды мою дочушку помчали,
Куды гэта травухна прилажóна
Туды моя дочушка повязёна!

43

Цёмная мгла
Къ зямлѣ прилигла,
Наша княгинька
Ракóй працикла.
За ей брахалка
Сцежкамъ, дорожкамъ,
Крутымъ биражкамъ.
„Постой сястрица,
Поговоримъ съ тобой!“
— Неколи мнѣ стоядь,
Неколи говоридь;
Коника ни ўдзиржаць,
Жинишка ни ўеднáць.—
Постой, брахалка,
Постой, родинынькій,
Поговоримъ съ тобой!
Коника ўдзиржала,
Женишка ўеднáла!

44

На двори дожжокъ каплиць,
А ў женишка шапка мякниць,
Попытай-ка ў яго:
Ци ня любиць ёнъ кого?
Ой любиць, ёнъ любиць
Рыбку краснокрылку,
Княгиньку чирнобрыўку.

45

Скрипучая дзираўцо
Жанишокъ ў таткп!
Приѣхаў къ воротамъ,
Стукнуў ботомъ:
Отопри, татухна, вороцики!
Ўжо жъ мои коники
Пирабѣгалися,
А ўжо жъ моя княгинька

Пираплакалася,
А я молодзецъ
Пиразабся!
Моя дудочка
Ипрайгралася,
Маи свацдюхны
Ипраиѣлися!

46

Шѣрый гусь ляцоць-кричиць.
„Ни кричи, шѣрый гусь, пидалёка уляцишь
На чужое возеро къ чужимъ лябёдкамъ,
Чужіе лябёдки—яны и бьюць, и клюють,
Воды пиць ни даюць, зъ возира вонъ гонюць!"
Ай ни плачъ княгинька, пидалёка идзешь,
Къ чужому бацюшки, къ чужой матушки,
Чужій бацюшка ни жалѣиць,
Чужая матушка немилослива!

47

Когда невѣсту вводятъ въ домъ жениха.

Ци ня цесанъ царёмъ, ци ня цёсанъ?
Ня цёсанъ царемъ. ня цёсанъ,
Тольки хорошо намощенъ.
Ни хорошъ, ни пригожъ жанишокъ,
Тольки хорашо суражонъ.
Ци ня стыдно табѣ, женишекъ,
Ў поли стояци бязъ стрѣлки,
На цясцёвомъ дворѣ бязъ дудки?
Дайця мнѣ стралу калянную,
Пробью я сцяну дзирвяную,
Повяду княгиньку зъ цирамў,
Постаўлю зъ сабой ў раду!

48

Поѣзжане домоў ѣдуць,
Княгиньку тутъ кидаюць,
Женишку ў прикази:
Ня бійця дубцами,
Навучайця слоўцами,
Ня бійця вяровками,
Навучайця говоркамъ,
Отъ дубцоў дурнѣиць,
Отъ слоўцоў разумнѣиць!

49

Ў панадзѣлыкъ рана
Заплакала молодая,
Што свякроўка лихая:
Якъ мнѣ къ ней пристаць
И работки попытаць?
Пойду я на рынокъ,
Куплю стаканъ мёду,
Свякроў привитаю,
Работки попытаю:
Свякроўка моя мамка!
Покажи мнѣ работку
Ўсю свою заботку!

50

А што жъ то за зелiйка,
Синее коренiйка
Ў горо́дзи расло, расло.
Чиразъ тынъ хилилася,
Вѣточки зносилися,
Ягодка скацилася,
Ў бороздку завалилася.
Што жъ то за дзѣтухна,
Княгинька ў татки?
А ў татки расла, расла,
А ў мамки кохалася,
Жанишку досталася!
Жанишокъ вяликъ, вяликъ,
Княгинька малёшинька.
Съ женишкомъ, роднёшинька!

51

Ай звонка, звонка сосонка!
Ни яжъ то звонка—стрыжень мой.
Я боромъ шла шумѣла,
Я дорогой шла звинѣла,
Ай славенъ, славенъ женишокъ!
Ни яжъ то славенъ—татка мой.
Пусциў славухну на ўвесь свѣтъ,
Ожаниў молойца на ўвесь вѣкъ!

52

На другой день, когда подымають молодыхъ.

Добрая пора настала,
Княгинька по мамку прислала.
Чирвонная рожухна—жоўтый цвѣтъ,
А штожъ моей матухны доўга нѣтъ?
Послалабъ послоў—ня смѣю,
Послалабъ письмо—ня умѣю.
Ябъ сама пошла—боюся.
Ў поли сторожа стояла,
Тая бъ мяне сторожа поймала,
По русой косынькѣ спознала.
Была гэта косынька подъ вѣнцомъ,
Стояла гэта косынька надъ вѣнцомъ.

53

А ў садзи ў виноградзи
Тамъ цясовая кроватка стоиць,
Тамъ жанишокъ съ пахмѣлля ляжиць,
Пирадъ имъ княгинька стоиць,
Винную чарку ў рукахъ дзяржиць,
Садовой яблочекъ на тарелочкѣ,
Ўстань, жанишокъ, пробудзися!
Ты выпій чарочку, похмялися!
Садовой яблочекъ на закусочку;
Кабъ твоя голоўка ни болѣла,
Рециво сардзечка ни злобила?

54

Казали ни хорошъ, ни пригожъ,
Ажнуль ёнъ пригожухонякъ и хорошухонякъ,
Тольки бъ яму при горадзи жици,
Тольки бъ яму суды судзици,
Жанѣ яго пирасуживаци,
Дзѣткамъ яго пирапйсываци
Слугамъ яго пирачитываци!

55

ваты ў хату лѣзуць,
Куры падъ клѣць лѣзуць.
я бойцися, курки,
Нямножко васъ надо:
емъ сотъ на вячеру
А восьмая на пячення,
Дзивятая на снидання
Дзисятая на отъѣзжання,
А гуська на закуску,
Индычка на затычку.

(Записаны всѣ Н. К. Шимковичемъ и сообщ. С. К. Шимковичемъ).

Свадебныя пѣсни Городокскаго у., Езерищинской и Куксинской волостей.

56

(Заручины).

Съ-подъ высокога циряма
Росла травынька зялена,
На той травоньки конь воронэй,
А на конику сидзѣльца.
На сидзѣльцу Сопронька
И ёнъ зъ коникомъ говорнў:
„Завязи мяне на гору
Ко высокаму циряму,
Гдзѣ бояре мяды пьюць,
Тамъ боярочны вянки вьюць.
Молоды свацюхны пѣсни пѣюць,
Тамъ намъ Гапульку отдадуць“.

57

Раннька соўнпнька ўсходзило,
А ранѣе того Гапулька ўставала,
Ближнимъ сосѣдзямъ докучала,
Ситы, рашоты доставала,
Мамкину волю разсівала,
Свякровину няволю къ сабѣ брала.
Мамкина волинька минуицца,
Свякроўкина няволя со мной будзиць.

58

Ляцѣў со́колъ чаразъ три луга,
Ляцѣў ды сѣў на дубу.
А ў яго зязюля пыталаси:
„Штошъ табѣ, соколе, спадобалося?
„Ци дубъ, ци яллё, ци бѣлая бярёза?“
— Ничого соколю не сподобалося,

— Сподобалася только шѣрая зязюлька.—
Ѣхаў Сопронька чиразъ три сялы,
На чатвертымъ сялѣ стаў на дворѣ,
А ў яго бояре пытаюцця:
„Што табѣ, Сопронька сподобалося:
„Ци пиво, ци вино, ци солодкій мёдъ?“
— Ничего Сопроньку ня сподобалося.
— Сподобалася Сопроньку молодая Гапулька.—

(Всѣ 3 зап. св. Н. К. Шимковичемъ и сооб. С. К. Шимковичемъ. Дальше всѣ пѣсни безъ подписи изъ этого же источника).

59

(Куксинская волость)

Зъ чистаго поля вѣтры вѣюць,
Зъ Новаго города госци ѣдуць.
Ай выйдзи Елисаветка перейми госцей:
Гэто твои госци любимыи.
Ай возьми коника за броточку,
Ай ведзи коника ў стаинку,
Дай конику сѣна, броку.
Ай возьми Сцепаньку за рученьку,
Ведзи Сцепаньку за цесовый столъ,
Дай ўсе Сцепаньки вина зелена.
Конь воронэй не ѣсць, не пьецъ,
Князь маладэй не покушанць.
Конь воронэй дорожку чуицъ,
Князь молодэй женицця.

60

Хто тамъ ў насъ ў церами цихо говорицъ?
Систра брата навучаицъ:
Поѣдзишь ты брахалька жаницися,
Ѣдзь, ты ѣдзь Сопронька, ня стой!
Ў цябе конючикъ чужій, ня свой.
Ня станови коника подъ рабиной,
Рабина дзерево ня счасливая:
Зъ-подъ комля рабину водой мыиць,

Посиродъ рабины черви точуць,
А зъ макушки рабины птицы клююць.
Останови коничка подъ ягорой,
Ягоро дзеревцо счасливоя,
Зъ-подъ комля ягора сытой мыиць,
Посеродъ ягора пчолки бруюць,
А зъ макушки солоўи пяюць.

61

(*Тамъ же*)

Тонка, тонка сосенка!
За́ то я тонка, што ў бору.
Служиў Иванюшка ў короля
И выслужиў коня, якъ орла,
Сѣў на коня, якъ жоўперъ,
Ўзяў Сцяпутку за коўнеръ.
„Стой, Сцяпутка, ня дрожи".
— Ня ў тыи руки попала
— Штобъ я дрожала,
— А ў тыи руки попала,
— Штобъ цихохонько стояла.—

62

Черазъ боръ зелененьки
Бѣжиць коникъ вороненьки,
А за нимъ погонь бѣжиць—
Молодзеньки Якубка.
„Тацюшинька, душа моя!
„Перейми коня мойго,
„Коня мойго вороного,
„Мяне князя молодого".
— Я-жъ-бы рада переняць,
— Да боюся отца и маць,
— Будуць людзи гукаць.—
„Тацюшинька, душа моя!
„Ты ня бойся никого.
„Ты ня бойся никого,
„Опричь Господа Бога,
„Опричь Господа Бога,
„Меня князя моладога".

(Обѣ сообщ. Шт. Смотр. М. П. Сахаровымъ).

63

Въ домѣ невѣсты передъ пріѣздомъ жениха.

Соколъ, соколъ на вылёци,
Красно соўнце на выкаци,
Андрейка на выѣздзи,
Сестры яго проводзили
И зъ имъ говорили:
Андрейка, нашъ брацецъ!
Поѣдзишь жанищися

Кола саду зяленаго,
Кола пиру вяселаго,
Выйдзиць къ табѣ танокъ дзѣвокъ,
Выйдзиць и други танокъ:
Одзинъ танокъ ў золоци,
Други танокъ ў серебри.
Ты на золото ня галься
А на сирабро ня квапься.
Твоя дзѣўка знакомая,
На ей сукня зяленая,
На голоўки пярловъ вѣнчикъ,
На ручиньки золотъ пярсцень.
Подумай, Ганутка, сама сабѣ:
Ци будзиць волюхна, якъ ў татки была?
Ци будзиць нѣгухна, якъ ў мамки была?
Ци будзиць Андрейка гуляць пускаць,
Хоць пусциць да не ранниньна,
Дасць погуляць да нямножечка,
Нада успѣваць посцельку слаць
Съ Андрейкомъ, съ Андрейкомъ спаць.

64

Когда невѣста сидитъ въ клѣти.

Дзиўная бяроза на пригорку стояла
И ўсихъ пташечекъ собрала.
Мижи тыхъ пташечекъ зязюлька
Слезно жалосно кукуиць,
Ажны зяленая траўка къ зямлѣ прилегаиць,
Разовыи цвяточки ў поли разцвѣтаюць.
Дзиўная комора серодъ рыночку стояла,
Ўсихъ дзѣвочекъ собрала.
Мижи тыхъ дзѣвочекъ Гапулька
Сильна жалосна плачиць.
Хоць жа плачь, ня плачь, Гапулька,
Быць табѣ, Гапулька, за мною,
Слыць табѣ, Гапулька,
Вѣкъ моей жаною!

65

Въ домѣ невѣсты передъ пріѣздомъ жениха.

Вы сусѣдзи, вы злодзѣи,
Якую корысць радосць сполучили,
Што мяне зъ милымъ дружкомъ разлучили?
А я зъ милымъ дружкомъ говорила,
Про едзиное словечко забыла.
Я ў погонь за имъ бѣжала, ня догнала;
Громкимъ голосомъ кричала,
Другъ ня ўслышаў;
Шалковой хусткой махала,
Другъ ня увидзѣў;
Золотымъ пярсцнёмъ кацила,
Ня докоцила.
Пойду я молодзенька
Ў городочекъ,
Куплю я молодзенька
Листъ бумаги.
Спишу я яго лицо
На бумагу,
Положу я яго лицо
Подъ посцельку:
Я и спацяньки ложуся,
Нагляжуся,
Серодъ ночиньки проснуся,
Притарнуся,
Ко бялу свѣту ўставаю,
Вспоминаю:
Ци высока зорька
На ўсходзи?
Ци далека мой миленькій
Ў дорози?
Ай высока ясна зорка
На ўсходзи,
Ай далека мой миленькій
Ў дорози.

66

Когда пріѣзжаетъ женихъ.

Ци ня соромъ табѣ, Андрейка,
Ў поли стояць бязъ стрѣлки
На цясцевымъ дворѣ бязъ дзѣўки?
Дайце мнѣ стралу мѣдзяну,
Я пробью стяну каменну,
Вывиду Ганутку зъ церяму,
Постаўлю зъ собою ў раду:
Наперодъ погляжу—пригоженька,
А назадъ погляжу—становенька.
Ня многа надо обраду:
Саянъ-сарафанъ по пяты,

Золотые сярожки ў вушки,
Буйные кра́люхны къ шіюхны
Козловые чиравички на ножки.

67

Когда ѣдутъ въ церковь.

За сѣнями, сѣнями зялёнъ садъ.
Нихто ў тымъ садзѣ ня биваиць,
Одна только Гапулька гуляиць:
Синіи васильки сѣяла,
А чарвоную рожу садзила,
Корогодъ дзѣвочекъ водзила,
Гибкіи лавочки мосцила,
Цясовыи столики становила
И стадо голубоў приучила.
Тогды приѣхаў Сопронька самъ-дзесятъ,
Пустиў коника ў зяленъ садъ.
Синіи васильки потоптаў,
Чарвоную рожу сорваў,
Гибкіи лавочки поломаў,
Корогодъ дзѣвачекъ разогнаў,
Стадо голубоў пострѣляў,
Молодую Гапульку сабѣ ўзяў.

68

Когда ѣдутъ изъ церкви.

Ня куй, Сопронька, боцики,
Подкуй, Сопронька, коника,
Ня полемъ поѣдзишь — борами.
Будуць борочки шумѣци,
Будуць подкоўки звянѣци,
Будуць бояре глядзѣци:
Ци ня панъ тамъ ѣдзиць Сопронька?
Ци ня паню вязець Гапульку?
Ой панъ тамъ ѣдзиць Сопронька,
Ой паню вязець Гапульку.

69

После вѣнца, въ домѣ молодой.

Ня мѣла Гапулька вѣраньки:
Ци мой, ци ня мой Сопронька?
Тогды яна вѣраньку понела,
Якъ Сопроньку за ручку ўзяла,
За таткинъ столокъ завела,
Посадзила яго на куцѣ,
Якъ золоты пярсцень на руцѣ,
Якъ золотому пярсценьку змѣны нѣтъ,
Дыкъ молодому Сопроньку зганы нѣтъ.

70

Въ домѣ молодаго.

(*Куксинская волость*)

Не куй, Сцепанька, ножичекъ,
Подкуй, Сцепанька, коника,
Ня полемъ поѣдзешь, а дорожкаю,
Дорожкай будуць борочки шумѣць,
Ай выйдуць людзи глядзѣць:
Панъ ѣдзиць Сцепанька,
Ти паню везець Елизаветку?
Ай панъ нашъ ѣдзиць Сцепанька
И паню вязець Елизаветку.

71

Сянни рѣчинька быстра ишла,
На завтра рѣченька смутненька,
Прициснуў яе лютъ морозъ.
Сянни Тацюшка весела была,
На завтра Тацюшка смутненька,
Обнела яё чужина,
А ўся Якубкина родзина.

72

А хто ў насъ хороши, а хто ў насъ пригожи?
Ай люли, люли, ай люлешиньки *)!
Якубка хороши, Якубка пригожи,
Ёнъ коники имаецъ, а коникъ играецъ;
На коня садзицця, коникъ веселицця,
Ёнъ по лугамъ ѣдзицъ—луга зеленѣюць
Ёнъ кола саду ѣдзицъ, а садъ разцвѣтаицъ,
По вулицѣ ѣдзицъ, а вулица стогнецъ,
На дворъ ўзъѣзжаицъ, Тацюшичка выбѣгаицъ:
Ай панъ мой хороши, ай панъ мой пригожи!
А я цябе ждала, посцеленьку клала,
Посцеленька бѣленька, а я молодзенька.

73

Ѣхаў Якубка чиразъ боръ,
Яго кудзерки чиразъ дворъ.
Людзи кажуць „сынъ попоў!"
А Тацюшка кажицъ: „соколъ мой!
Прилетай-жа ко мнѣ ў мой дворъ,
На мою вечерку сладкую,
На мою перину мягкую,
Вечеря смашная ў пе́чи,
А перина мягкая ў клѣци."

(Всѣ 3 сообщ. Шт. Смотр. М. П. Сахаровымъ).

74

Когда молодая съѣзжаетъ со двора.

Зъ двору Гапулька зъѣзжала,
Вярхушку бярозы сорвала.
— Росци, моя бяроза, безъ вярхушки,
— Живи, моя мамухна, безъ дочўшки.
— Ци такъ табѣ будзицъ, мамухна, безъ мяне?
— Ци будуць сватови ѣзжаци?
— Ци будуць медъ вино возици?
— Ци будуць цябе, мамухна, поици?—

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

75

Гдзѣ родзилася, ня была,
Туды мяне мамухна отдала.
„Ѣдзь, моя дочушка, бязъ кубла,
„Ты мою кудзельку ня скубла."
— Чему жъ мяне, мамухна, ня будзила
— Ябъ твою кудзельку скруцила,
— Напрялабъ просцень зъ бирясцень,
— Намотала бъ ўюшку зъ кадушку.—
Пошла матка ў клѣць — кубла нѣтъ,
Пошла матка ў хату—дочки нѣтъ,
Выйшла за ворóты — тольки слѣдъ.
„Куды гэта травушка приложóна,
„Туды моя дочўшка увязёна;
„Куды сивы конички заржали,
„Туды мою дочушку умчали".

76

На другой день, въ домѣ молодой.

Выкацили, выкацили дубовую бочку,
Выманили, выманили отцовскую дочку,
Лихо матки ў грудзи, отдала дочку ў людзи,
Кóльнуло матки ў пятки, искому вымесци хатки.

77

Свадебныя припѣвки во время танцевъ.

А ў печи перапечи,
На припечку жаръ, жаръ,
Любилися, кохалися,
Разстацися жаль, жаль!

78

А гдзѣ жъ тая крыничинька,
Што голубъ купаўся?
А гдзѣ жъ тая дзяўчиночка,
Што я залицаўся?
А ўжожъ тая крыниченька
Даўно замуцона,
А ужо-жъ тая дзяўчиночка
Даўно заручона.

79

А што ў цябе дзяйчиночка,
Якъ ў вутки носокъ?
Кола рѣчки ходзила,
Жировала пясокъ.

80

ць, цячець ручаечикъ
ленаго саду,
ць, бяжиць мальчишичка
зѣўцѣ на пораду:
ай, порай, дзяўчиначка,
родная маци:

Ци мнѣ цяперь жанициса,
Ци восени ждаци?“
— Я жъ табѣ, мальчишичка,
И раю, и ни раю,
Бо я зъ табой пью, гуляю,
А другога маю.

81

умаишь, мальчишичка,
я табѣ рада?
табѣ, мальчишичка,
кая здрада.

Ты думаишь, мальчишичка,
Што я цябе люблю,
А я цябе, мальчишичка,
Ды на вѣкъ згублю.

82

я худа, хуць я худа,
мой бацька богатъ:
купиў мнѣ башмачочки,
запятки скрыпяць.
я выйду на вулицу,

Ўсе мальчишки глядзяць.
А глядзице, ня глядзице,
Ды ня вы мнѣ купили,
Мнѣ татулька купиў,
Кабъ Пятрулька любиў.

83

Во время танцевъ молодежи, старухи, сидя за столомъ, поютъ.

нашего свата
гая хата,
колы убито,
остомъ накрыто.
хатой рожа,
хацѣ пригожа,
хатой мята,
та богата:
ирогоў печки збиты,
ами покрыты,
ое подстрѣшишка,
ередзинѣ вяселика!

А у нашей свацци
Дзиўное вяселле:
Пятухъ ѣсци варицъ,
Гусакъ отливаиць,
Индыкъ на столъ носиць,
Силязéнь госцей просиць:
Ой сватку, мой сватку!
Ходзи ко мнѣ ў хатку,
Попивай мойго пива,
Поглядзи мойго дзива.
Мнѣ пива ня дзива,
Горѣлка ня звярина.

84

Пѣсни на привозъ невѣсты къ свекрови.

Отчини, свякроўка, воконца
Вязуць табѣ нявѣсту якъ соўнца.
Ой выдзи, мамухна, поглядзи!
Кого мы табѣ привязли?
Привязли скрыни, нярины
И молодую княгиню.

85

А нявѣстухна моя!
Пирамѣнухна моя!
А туды-сюды пошлю,
Напиродъ сама пойду,
А нявѣста за мною,
Якъ громъ за молоньею.

86

А госцики любовыи просимъ васъ:
И пійце вы и гуляйце, якъ мы у васъ!
А ваша зязюля тутъ ў насъ.
Хоць вы яе тоўчи, молоць загадайце,
Тольки яе ў крыўдоньку ни ўдайце,
Хоць вы яе за водзицей пошлице,
Да тольки жъ ей ўсю праўду кажице.

87

А сваццюхна лябедухна, ня тужи!
А мыжъ яе ня ў наймитки наймали.
Якъ будзиць нашу хатаньку помитаць,
Ня нада нашей шуманьки раскидаць,
Да нада за угломъ ножанькой притаптаць.

88

Ѣдзь, ѣдзь, Сопронька, да ня стой!
Ў цибе конючикъ чужій, ня свой.
Ня станови коника подъ рабиной:
Рабина—дзеревцо несчастливоя;
Зъ-подъ комля рабину водой мыець,
Посеродъ рабины черви точуць,
А зъ макушки рабины птицы клююць.
Останови конічка подъ ягорой,
Ягора—дзеревцо счастливоя:

Зъ-подъ комля ягора сытой мыець,
Посеродъ ягоры пчелки бруюць
А зъ макушки солоўи пяюць.

89

ни мои, кони вороные!
дзѣйцесь на силу,
привязеце кинягиню?
надзѣемся на силу,
ивяземъ кинягиню
дъ тую гору крутую,
Подъ тую церкоў святую.
„Попе, попе, бацько нашъ,
Вѣнчай свадебку ў добрый часъ!"
Ня попъ свадьбу вѣнчаець,
Добрая годзина злучаець.

90

Куковала зязюлька ў борочку,
Прихинуўши голоўку къ листочку,
Куковаўши казала: „Боже мой, Боже!
Кто мои яечки поберець?
А кто мое гнѣздечко разрыець?
Поберуць яечки конюшки,
Разрыюць гнѣздечко пастушки".
Плакала Марьюшка за столомъ сѣдзя,
На подружекъ гледзя.
Ахъ, хто мою косыньку расплецець?
Расплетуць косыньку браценьки.

91

А хто тамъ за сянéмъ постукаиць,
Андрейка коника тамъ сидлаиць,
Андрейка коника навучаиць.
Кося мой вороненькій, ня выдай мяне,
Ня выдай мяне на чужой сторонѣ,
Пирискочь чиразъ трое воротъ.
Первыя вороты отъ роднаго татки,
Другія вороты ў чистое поле,
Трецци вороты къ цясцю на дворъ.

Цещухна мамухна по сѣнямъ ходзиць,
Бѣлаго лебидзя на рукахъ носиць,
Красную ягодку ў кубочку,
Бѣленькій лебидзекъ—Андреюхна.
Красная ягодка—Гапухна.

92

Поцише вы, сваты, зъ горы!
Не растресице перины,
Не выпусцице звѣрины.
Ўсю ночь безъ шапокъ стояли,
Покўль гэту звѣрину поймали.
Отломнў три розги бярозки,
Сиканўў коня подъ ножки,
Бѣгиць конь мой рысь-рысью,
Къ мойму татки съ корысью,
А къ мамкѣ съ радостью.

(Всѣ записаны учителемъ народнаго училища г. Коробовымъ).

Свадебныя пѣсни Себежскаго уѣзда.

93

На заручинахъ.—Когда невѣста пьетъ за здоровье будущихъ родственниковъ, подружки поютъ:

Сватки любимые!
Насъ поглядзиця,
Сами сябе покажиця.
Наша нявѣста
Ня кривая, ня хромая,
Тонка, прама,
Звонка ткала
Бѣла бялява,
Вамъ дары спраўляла.
Погосциця, мои госцики!
Погосцице побясѣдуйця!
Ў моего бацюшки пива варена,
Зяляна вина понакурена,
Да вы пиця зяляно вино,
Пиця пиво пьяноя.

94

Отправляясь въ поле съ двумя подругами, невѣста поетъ:

А мы пойдземъ, сястрицы, ўдоль по улушки,
Мы походзимъ погуляимъ, покрасуимся.
Накрасуйся, моя буйная головынька,
Находзицесь, мои скорыи ножиньки,
Примахайцесь, мои бѣлыи руценьки.

Мы пройдземъ далече во чиста поля,
Мы крикнимце, сястрицы, громкимъ голосомъ,
Пу̀сцимъ гулы по зяленымъ лісамъ,
Отголосоцки по подзямельямъ.

95

Возвращаясь съ поля.

Воро́цимцесь, сястрицы, со цяста поля,
Оттуль вѣюць вѣтры буйные, холодные,
Сорываюць со головушки золотъ вянецъ,
Накладываюць на голоўшку заботушку,
На раціво́ сердзецушка зазнобушку.
Была одна коса, да двѣ волюшки,
А цяперь двѣ косы ды одна волюшка,
Одна волюшка ды и тая нявольная.
Вы идзице, сястрицы, цюхохонька,
Ўкладзице ўсё слядо́чки поцясцехонька,
А я буду поливаць ихъ горяцымъ слезамъ,
Ўкрываць злой круцынушкой.
Ци ня судзиць Богъ идци къ майму бацюшку,
Къ тому, кого нѣтъ въ живыхъ.
Гэтому дзиву дзивоваўся:
Кали гэта краса красовалася,
На родзимой сторонушки осталася.

96

Въ деревнѣ, подходя къ первому дому.

Вы ня гницесь, сяни новыи,
Пиракладоцки дубовыи,
Ни княгиня тутъ идзе, ни боярыня,
Тутъ идзе бѣдная горюша съ горацимъ слизамъ.
Пошибая свои бѣлыи руценьки,
Прижимая къ рециву сердзецушку.
Отопритка, моя родзимая цетанька,
Ня томи мяне горюшу молодзелиньку.
И такъ я, горюша, утомилася.
Ты хваци мяне за буйную голоўшку,

Науци мяне горюшу уму разуму,
Ума разума многа нада:
Ицци мнѣ ў чужи людзи.

97

Приглашая на свадьбу.

Приходзице мои сусѣдзи приближённыя.
Приходзице на смиренную бясѣдушку!
Ни я васъ прошу, просиць бацюшка
Ко мнѣ молодой на кручинушку.

98

Когда дружко обуетъ невѣсту.

Спасибо табѣ, друженька,
Вѣрны служинька,
Што прибулъ горюшу
Цѣлехонька —
На Божи свѣтъ ступиць,
Къ Божжиму дому,
Къ золотому красту̂ пойци,
Къ вяпцу суженому.

99

Передъ вѣнцомъ. Причитанье невѣсты.

Пираймп мяне, жалобная мамонька,
Обхваци мяне за буйную голоу̂шку.
Да прицисни къ рецивому сярдзечку!
Навуци мяне горюшу уму разуму,
Много нада горюшѣ ума разума.
Ня дали горюшѣ подняцьца на скоры ноги,
Ня дали собрацца со ўсею силою.

100

Ня сядзи-тка, мой разумный татанька,
Подъ косятымъ подъ вокошеўкомъ,
Бяри-тка оганецку Божжу искру,
Затапи-тка свяцу воску ярога—
Помолицьца мнѣ Присвятой Богародзицы
Ды святому Христову Воскресеньицу.
Цымъ Господзь надзѣля, цымъ обрадуя?
Бослави-тка, мой кормилицъ, родный татанька,
Выйци мнѣ на широкую вулицку,

Походзиць мнѣ, погуляць, покрасовацьца
Со сястрицамъ со лябедушкамъ,
Съ милымъ подружкамъ.
Бославице, мои братци соловенки,
На широкую выцци мнѣ вулицу!

101

Обращаясь къ будущей свекрови:

Ты прощай, моя милая,
Прощай, дорогая!
Я тогды съ тобой прощуся,
Коли розойдуся,
Якъ заря ў поли погасниць,
Ўси людзи позаснуць,
А я одна бѣдная бяднёшенька остаюсь,
Слизами оболлюсь.
Запущу я алу ленту
За краспая воконца,
Хто за ленту подзернецъ,
А я догадаюсь,
Къ воконцу бросаюсь.

102

Во время надѣла жениха родителями.

Ягода на бору росла,
Другая на другомъ росла,
Ягода съ ягодой сокацилися,
Иванъ съ Аннушкой сохвацилися.
Ванюша ў Аннушки стаў спрашиваць:
— Анюта, душа моя, дзѣ ты была?—
„Ванюша, милый мой, ў саду была."
— Анюта, душа моя, што ты тамъ дзѣлала?—
„Ванюша, милый мой, ягоды збирала."
— Анюта, душа моя, ў што ты збирала?—
„Ванюша, милый мой, ў твою шапочку."
— Анюта, душа моя, ты кому брала?—
„Ванюша, милый мой, твойму бацюшку."

103

Послѣ надѣла.

Соўнышка цёплоя по залѣсью шло,
Аннушка по застоллю шла,
Стукнула-брякнула золотымъ кольцомъ.
— Татынька родный мой,
— Я ня служка табѣ!
— Маманька родная,
— Я ня едная табѣ!
— Служенька едная
— Чужой матушки,
— Чужу бацюшку. —

104

Когда молодая въѣзжаетъ на дворъ свекрови.

Кацицца-валицца молода на дворъ,
И съ кубломъ и съ добромъ со ўсимъ поѣздомъ.
— Выходзи свякроў горбатая,
— Пираймай нявѣсту богатую,
— Выходзи свякроў сопливая,
— Пираймай нявѣсту счасливую. —

—

Спасиба мой радзимый татанька,
За твои за вялпкія падзѣлы!
Мнѣ ня дорого твоё злато-серебро,
А дорого твоё благословеньице.

(Всѣ записаны учителемъ народнаго училища г. Коробовымъ)

Объясненіе непонятныхъ словъ встрѣчающихся въ сборникѣ *).

А.

Абы — союзъ желат.: лишь бы, только бы. Сл. г. Носов. стр. 1. Нужно прибавить: дабы, чтобы. Слово весьма древнее, употреб. и въ Супр. рукоп. и въ Сл. о П. И.

Адамашка, и. с. ж.—шелковая матерія съ узорами. Сл. г. Носов. стр. 3. — Ср. польск. adamaszek, малор. — едамашка.

Ажъ — союзъ 1) а, но, вотъ, 2) даже Слов. г. Носов. стр. 3.

Ай—союзъ раздѣлит.: или, аль.

Аксамитъ, у, с. м.—бархатъ. Ср. польск. aksamit и axamit. Это слово весьма древнее и встрѣчается уже въ Словѣ о П. Игоревомъ.

Але,—союзъ: но, же. Ср. польск. alè и лит. alè въ томъ же знач.

Альбо—союзъ: или.

* **Аляксѣй**, — день Алексѣя Человѣка Божія 17-го Марта.

* **Анѣлъ**, с. м.—ангелъ (съ польск.)

Ани — союзъ 1) при отрицаніи: даже и, 2) при повтореніи: ни, ниже. Слов. г. Носов. стр. 6. Польск. ani употребляется въ тѣхъ же знач.

Апанасъ, а, с. м. - имя отъ крещенія — Аѳанасій. Слов. г. Носов. стр. 6.

* **Аракъ**,—с. м. умен.—арачекъ—ракъ, рачекъ.

Арудъ (тъ), с. м. — хлѣбный закромъ. засѣка. Слов. г. Носов. стр. 8. Ср. Литовск. arodas и arudas—дощаная перегородка.

Аўгиння, и, с. ж. соб. отъ крещенія **Евгенія**. Слов. г. Носов. стр. 2, только подъ сл. **Авгиння**.

Аўдокей (Авдокей), день св. муч. Евдокія 1-го марта.

Аўдотка (Авдотка) — умен. Авдоцця (Аўдоцця—Евдокія), Дуня, Дуняшка.

Б.

Бабка, и, с. ж. — десятокъ или болѣе хлѣбныхъ или льняныхъ сноповъ, поставленныхъ въ кучу, а иногда покрытыхъ однимъ изъ нихъ, колосьями внизъ. Слов. г. Носов. стр. 10. Почти въ одинаковомъ значеніи

---

*) Пособіями при составленіи этого словарика мнѣ служили: а) Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія И. Носовича; б) Бѣлорусскія пѣсни П. Безсонова, (изданіе Общества Любителей Россійской Словесности); в) Толковый Словарь Даля; г) Словарь Польск. Линде; д) Словарь Церковно-Славянскаго языка Востокова; е) словарь польско-россійскій Бартошевича; ж) слово о Полку Игоревомъ, съ объясненіями Дубенскаго, изд. Имп. Общества Исторіи и Древностей при Моск. университетѣ; з) *Глоссаръ* Шлейхера, приложенный къ его «Litaüsches Lesebuch,» Prag. 1857.

слово это употребляется въ Костромской и Тверской губерніяхъ, съ тою только разницей, что въ первой подъ сл. *бабка* подразумѣвается только восемь сноповъ льна, приставленныхъ на полосѣ къ такому же числу, для сушки. См. Опытъ област. словаря Академіи.

Бавиць, бавлю, бавишь—гл. д.—задерживать, въ ожиданіи. Слов. г. Носов. стр. 11.—Ср. польск. bawic, bawic sie, и малор. бавити.

Бавицьца, бавлюся.—гл. возв.—медлить, мѣшкать. Тамъ же.

Бавэлна, ы. с. ж. — хлопчатая бумага вата. Въ Слов. г. Носов. стр. 11 это слово значится въ формѣ: бавolна.—Ср. польск. bawelna, нѣм. baumwolle, лат. bombax.

Бавэлняный—прил. хлопчатобумажный, ваточный.

Бадзяцьца, гл. общ. 1) бродить, волочиться, 2) вертѣться. Слов. г. Носов. стр. 11.

* **Байдакъ**, с. м.—особаго устройства барка на Днѣпрѣ.

Бараболя, и, с. ж. - картофель.

* **Бардзо** и барзо—скоро. Ср. ц. слав. *бързо*, бръзый — скорый, быстрый: «всядемъ братіе на своя бръзыя комони.» Сл. о П. Игоревѣ. Апост. XIV в. Іак. I. 19—«борзъ на оуслышание». Отсюда безъ сомнѣнія и наши современныя слова: борзописецъ и *борзая* (собака).

Барждѣй (и просто: бардзѣй), парѣч. сравн. ст. - поскорѣй, ни мало не медля. Слов. г. Носов. стр. 15.

Барылка (барылица), с. ж. умен. отъ барыла—порядочный боченокъ.—Ср. польск.: baryla, barela, barelka. Линде.

Бачиць, гл. д.—видѣть.

Безголоўя (е), я (и безголовье) с. ср. 1) бѣда, несчастье, 2) болѣзнь, смерть.

Бервено, а, с. ср.—мн. бервення—бревно.

Бизунъ, а, с. м. 1) бичь, ременная плеть, 2) голякъ, бѣднякъ. Слов. г. Носов. стр. 25.—Ср. польск.: bizon, bizun.

Биросцень (т. е. берестень), еня—с. м.—большой горшокъ, оплетенный берестою.

Блазенъ, зна, с. м. 1) малолѣтній, 2) глупый, дуракъ. Слов. г. Носов. стр. 26.—Ср. польск. blazen.

Бо—союзъ: потому что, ибо.

Богатыръ, с. м.—богатый и уважаемый человѣкъ. Слов. г. Носов. стр. 28.

Богдай и **бодай**, 1) межд. (дай Богъ) о, чтобъ!.. 2) союзъ желат. — чтобы, лучше бы.

Боженька с. м. уменьш. и ласк. слово: Богъ.

Божкаць, гл. ср. — плакать и стонать, съ частымъ призываніемъ Бога. Слов. г. Носов. стр. 29.

Божухна, я, с. м. употреб. въ зват. пад.—Боже!

Болбочиць гл. ср.—бормотать.

Болонка, и, с. ж. (умен.—болоночка)—стекло въ оконной рамѣ. Ср. польск.: blona, blonka, bloneczka.

Борисъ, с. м.—день св. муч. Бориса и Глѣба, 2-го мая.

Боскій, прил. сокр. отъ ***божскій***.

Боханъ, **боханецъ**, с. м. 1) Коровай, 2) коврига. Ср. польск. bochen — chleb, bochenek, bochonok — szczególney chleb okrągly agruby; морав.—bochnu, bochynek, чешск.—bochnjk, obchnjcék. Линде Слов.

Боярка, и, с. ж. — *подневѣстница*, т. е. подружка, избираемая невѣстою для присутствованія при брачномъ пиршествѣ. Слов. Носов. стр. 444.

Бразнуць (брязнуць), однокр. гл. ср. - брязкаць, кромѣ общаго: 1) удариться, упасть, 2) треснуть, ударить.

Бразь (брязь) отгл. частица, означ.: 1) мгновенное паденіе со звукомъ, 2) мгновенный ударъ по чему либо или чѣмъ либо звонкимъ.

* **Братки**, с. соб. м.—цвѣтокъ, извѣстный на Руси подъ именемъ *Иванъ да Марья*, имѣющ. на одномъ стеблѣ два цвѣта, фіолетовый и желтый. Въ Слов. г. Носов. подъ сл.: братъ-сестра, стр. 33. — Ср. польск. *brat siostra*.

Братовая, вой—въ знач. с.—Жена брата. Слов. г. Носов. стр. 32.

Братухна, ы. с. м. увелич., говорится при укорѣ брату или равному.

Брахорка, с. ласк.—отъ сл. братъ.

Брехаць, шу, брешишь, гл. ср.—лаять, ругаться, лгать, клеветать. Слов. г. Носов. стр. 33.

Броваръ, с. м.—пивоваръ.

Броварня, и, с. ж.—пивоварня. Ср. нѣм.: brauen, brauer, brauerei.

Броиць, сов. озброиць, гл. ср.—шалить, неприлично поступать. Слов. г. Носов. стр. 34.

Брониць, гл. д.—оборонять, избавлять: боронь Боже!

Брылёкъ, лька; умен. отъ брыль.

Брылечка, и, с. ж. въ Слов. г. Носов. стр. 36: брыль, я, с. м. — Круглая шляпа съ широкими полями.
Брысць, брысци, гл. ср.—брести.
Будовацъ, дую, сов. збудовацъ, гл. д.— строить. Слов. г. Носов. стр. 37.
Буйный, прил. — роскошный, крупный, изобильный, тучный.

На ново лѣто,
На *буйно* жито!—Ср. польск.

bujno въ этомъ же значеніи.
Букота, уменьш. *букотка*, с. ж.—печеный хлѣбъ. Слов. г. Носов. стр. 38.
Булка, и, с. ж.—въ Слов. г. Носов. стр. 38 объясняется такъ: «ржаной хлѣбъ небольшой» *).
Бѣль, с. ж.—суровыя нитки.

В.

Вага, и, с. ж.—1) уваженіе, сила, важность. Слов. г. Носов. стр. 42.
Вага, и, с. ж. — 1) вѣсъ, 2) ловкость. Тамъ же.
Важиць, гл. д. — вѣсить, опредѣлить, смѣть. Тамъ же.
Важкій,—прил.—тяжкій. Тамъ же.
Вандривацъ, рую и **мандровацъ**, гл. ср.— странствовать, бродить.—Ср. польск. wandrować, нѣмецк. wandern.
Ваша, и, мѣст. личн., 2-го л. ед. ч.; говорится изъ вѣжливости одному лицу—ты, твоя милость. Слов. г. Носов. стр. 44.
Вже, нар.—уже. Тоже и по малор.
Ве(я)лизный, прилаг.—великій.
Великодне, я, с. ср.—праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова. Слов. г. Носов. стр. 48.
Великодній, прил. относящійся къ великодню. Тамъ же.
Ве(я)ликъ - дзень, велика-дня (прочіе падежи имѣютъ какъ Великодне) с. м.—первый день праздника Воскрес. Христова. Слов. г. Носов. стр. 48.
Ве(я)личко, а, с. ср. умен. слово Великодне. Придзець святое величко съ краснымъ яичкомъ. Тамъ же.
Ве(я)льбиць, бю; гл. д. хвалить, величать.
Вельми, нар.—весьма, очень.
Ве(я)селля(е), я, с. ср.—сватьба, умен.— *веселлико*.
Ве(я)сельный, прил.—свадебный.
(На) **вересѣ**, напр.: у лѣсѣ на вересѣ— на вьрсѣ, на пригоркѣ (Бѣлорусск. пѣсни г. Безсон. стр. 19).
Ве(я)ршокъ, шка, с. м. умен. сл. верхъ— оконце, прорубленное подъ потолкомъ для выпуска чада.
Вершъ, а, с. м.—стихъ. Ср. польск. wiersz, лат. versus.
* **Ве(я)черникъ** и умен. **вечеричекъ**, с. м.—меньшой братъ невѣсты. Вечеромъ наканунѣ свадьбы онъ долженъ первый начать дѣло расплетенія косы сестрѣ.
Ве(я)чера, ы, с. ж.—ужинъ.
Ве(я)черацъ, гл. ср.—ужинать.
Видэлка, и, с. ж.—вилка.
Винный, прил. виноватый.
Виншовацъ, виншую, сов. повиншовацъ, гл. д.—поздравлять съ чѣмъ, высказать благожеланія кому. Ср. польск. winszowac, нѣм. wünschen.
Витацъ, сов. привитацъ, гл. д. привѣтствовать.
Витацьца, гл. вз. — кланяться, здороваться съ кѣмъ. Слов. г. Носов. стр. 58.
Власно, нар. 1) славно, какъ бы, 2) только, единственно, собственно.
Власцянка, с. ж. крестьянка.
Выбачацъ, сов. выбачиць, гл. д. 1) прощать, 2) въ знач. ср — извинять. Слов. г. Носов. стр. 72.
Вызволиць, г. д. освободить, выручить, помочь въ бѣдѣ.
Вырай, я, с. м., въ Слов. г. Носов. стр. 93: «вырый, я, с. м. (отъ вырь—поворотъ, 1) перелетная птица, возвращающаяся изъ теплыхъ краевъ въ началѣ весны; 2) Мѣста южныя, теплыя, куда перелетныя птицы стремятся, предчувствуя зиму.»
Вырь и **виръ**, у, с. м. 1) водоворотъ въ рѣкѣ или въ озерѣ, 2) быстрота рѣ-

*) Но, насколько намъ извѣстно, этимъ словомъ по всей Витебской губерніи обозначаютъ вообще всякій испеченный кругообразный хлѣбъ, именно то, что на общепринятомъ русскомъ языкѣ называется *короваемъ*. Послѣднимъ же словомъ витебскіе и даже могилевскіе и минскіе бѣлоруссы чествуютъ исключительно тотъ изукрашенный разными затѣями пшеничный хлѣбъ, который наканунѣ вѣнчанія съ разными церемоніями и пѣснями печется въ честь и усладу бракосочетающихся въ ихъ же домахъ. Достаточнымъ подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить не малое количество пѣсенъ и обрядовъ, напечатанныхъ въ предлежащемъ сборникѣ.

ки и т. д. Слов. г. Носов. стр. 58.

Вогнище *), а, с. ср —огнище, пепелище.

Войтъ, а, с. м.—Староста деревенскій. Ср. нѣм. vogt. По мнѣнію Магера послѣднее слово взято съ латинск. advocatus.

Войтокъ, с. м.—умен. отъ сл. войтъ.

Войтовичъ, с. м.—сынъ войта.

Войтовна, с. ж.—дочь войта.

* **Волна**, с. ж.—шерсть.

Волоцуга, с. общ.—бродяга.

Волочебникъ, волочобникъ и волочовникъ,

* **Вронъ**, с. м.—воронъ.

* **Вусны**, с. ср. мн.—уста, ротъ.

Вѣкъ-вѣкомъ, въ знач. нарѣч.—всегда, безконечно. (Слов. г. Носов. стр. 105), а при отрицаніи—никогда.

Вѣко, а, с. ср.—крышка отъ деревяннаго сосуда, какъ напр, отъ кубла, квашни. Слов. г. Носов. стр. 105.

Вѣшачка, с. ж.—вѣточка.

Вязь, и, с. ж. 1) болото, топь. Слов. г. Носов. стр. 106. 2) связь.

Вякаць, сов. завякаць, однокр. вякаць, гл. ср.—болтать, хныкать, докучать. Слов. г. Носов. стр. 106.

Г.

Гагаўка, и, с. ж.—щекотуха, трещотка.

Гагаць, гл. ср.—гоготать.

Гаекъ и гаечекъ, чка, с. м. умен. отъ сл. гай.

Гай, ю, с. м.—чаща, роща; въ томъ же значеніи это слово употребл. и въ малор. Ср. польск. gaj, нѣм. hain.

Гайкнуць, однокр., сов.: гайкаць, гл. ср.—вдохнуть, охнуть.

* **Галинка**, и, с. ж. — вѣтвь, сукъ, отрасль, отпрыскъ. Ср. польск. gałąska.

Галицьца, сов. вгалицьца, погалицьца, гл. взвр.—съ алчностью желать, стремиться къ чему, льститься, зариться на что. Слов. г. Носов. стр. 108. Ср. польск. galic na co.

Гандлеваць, гл. ср.—торговать.

Ганна, ы, с. 1) имя отъ крещенія: Анна, 2) во мн. Ганны—праздникъ Успенія св. Анны, Матери Пресвятой Богородицы, 25 іюля. Слов. г. Носов. стр. 109. Въ значен. праздника употребл. въ Витебск. и въ нн. губ. и въ ед. ч.

Ганокъ, (въ эт. сл. г произносится какъ g), с. м.—крыльцо. Ср. польск. ganek, ganeczek, нѣм. gang.

Ганьба, ы, с. ж.—поношеніе.

Гапечка, Гапуля, Гопынка, умен. имя отъ крещенія, умен. отъ и. *Агафія.*

Гартоваць, ую, гл. д.—калить. Слов. г. Носов. стр. 111. Ср. польск. hart—закалъ, закалка, hartowac, нѣм. härten, hart machen.

Гаўрилка, умен. соб. им. отъ крещен. Гаврила, Гаврилка.

Гейцы, указ. мѣст. мн.—эти.

Годзина, с. ж.—часъ.

Годзиць, жу, дзишь, гл. д. 1) Мирить двѣ противныя стороны, 2) склонять къ миру, 3) сов. — згодзиць, договдзиць, погодзиць — договаривать.(Слов. г. Носов. стр. 115), заключать условіе съ кѣмъ либо.

Годоваць, дую, гл. д.—кормить, воспитывать.

Голосоваць, суешь, гл. ср.—причитывать по покойнику, выть, вопить.

Голосно, нар.—громко.

* **Горбачъ**, с. м.—шестъ для поднятія навоза.

* **Гордзѣць** (съ кѣмъ), гл. ср. — пренебрегать.

Гордовонька и гордовица, с. ж. По объясненію г. Безсонова (Бѣлор. пѣсни стр. 27): гибкое, тростниковое растеніе, которое идетъ на чубуки (горда, орда).

Горнушечка, с. ж. и горнушечекъ, чка— с. м.—горшокъ, горшечекъ.

Городъ, с. м.—огородъ.

---

*) Бѣлорусское нарѣчіе весьма любитъ почти безъ исключенія ставить придыханіе *в*: а) передъ всѣми тѣми словами, которыя начинаются какою либо твердою гласною: *а*, *о*, *у*, напр.: в-ангелъ, в-окно, в-око, в-олово, в-осень в-отруби и т. д.; в-ужинъ, в-улица, в-ухо и т. д.; б) для избѣжанія hiatus'а, какъ въ началѣ, такъ и въ срединѣ слова, напр.: ни в-одного, на-в-учиць и проч.; г) и наоборотъ: подчасъ замѣнять эту придыхательную букву—сродственною гласною *у* въ началѣ словъ, какъ-то: у-дова, у-нукъ, у-стацъ и предлогъ *въ* у садъ, у садзѣ, у хацѣ. Такъ какъ всѣ слова такого рода значеніемъ своимъ нисколько не отличаются отъ великорусскихъ, то мы сочли излишнимъ (за исключеніемъ весьма немногихъ) ихъ приводить и объяснять.

Горытница, горетница, с. ж. (отъ сл. горы(е)тникъ), горестница, горемыка, несчастная.
Горытный, прил. — горестный, несчастный.
Господарный, прил.—хозяйливый, распорядительный.
Господаръ, с. м. — владѣтель, властитель, хозяинъ вообще.
Господыня, с. ж. — хозяйка, домоправительница.
* **Готоўенька,** с. ж.—по словарю Даля: готовики - жимолостная ягода.

А ў поли готоўенька
Зъ вѣтромъ говорила:
Нихай по мнѣ трава расцець,
Штобъ я ня чарнѣла. № 403.

* **Грабиць,** гл.—д. загребать, сгребать.
Грацъ, гл. д.—играть.
Громница, (по слов. г. Носовича только во мн. *громницы:* праздникъ Срѣтенія Господня.
Громничный, прилаг. — относящійся къ празднику Громницы.
Гроши, ей, с. м., употребл. во мн. — деньги.
Груба, ы, с. ж. — большая комнатная печь, особенно топимая изъ сѣней.
Грубка, и, с. ж., умен. слова: *груба* — *голандская печь.*
Гукаць, гл. д.—1) кликать, 2) ср. говорить.
Гукъ, с. м. 1) гулъ, стукъ, 2) говоръ.
Гультай, с. м.—лѣнтяй.

Д.

Да *) союзъ 1) и, 2) но.
Дакъ и **дыкъ,**—союзъ—то, такъ.
Дали Богъ, божба: ей Богу.
Для, предл. видоизмѣняющійся такъ: длѣ, дли, ля, лѣ, ли, возлѣ, подлѣ.
Дахъ, с. м. — кровля, крышка. Ср. польск. dach, нѣм. dach.
Дбаць, гл. ср. — бдѣть, бодрствовать, обращать вниманіе, думать. Слов. г. Носов. стр. 127.
Дзѣньковаць, кую, гл. ср.—благодарить. Ср. польск. dziekowac, нѣм. danken, лит. dėkà—благодарность и dėkavoju.
Дзеруга, и, с. ж. умен.: дзеружка—покрывало изъ толстой ткани.
Дзивятушка, с. ж. и дзевятникъ с. м.—девятая недѣля по Пасхѣ, особенно Пятница этой недѣли. Слов. г. Носовича, стр. 129.
Дзѣвоцкій, прил.—дѣвическій, дѣвичій.
Дзѣдоўе и **дзѣдовникъ,** с. м. (отъ дзида колючка), растеніе cardauus, репейникъ. Слов. г. Носов. стр. 133.
Дзѣўка, с. ж. - дѣвка.
Дз(ѣ)щюкъ, с. м. 1) молодой парень, дѣтина, 2) работникъ. Слов. г. Носов. стр. 133.
Добродзѣй, с. м.—добродзѣйка с. ж.—благодѣтельница.
Добродзѣйство, с. ср.—1) благодѣяніе, 2)—собпр.—честнóе собраніе. Слов. г. Носов. стр. 135.
Долеваць, гл. ср.—имѣть долю, пользоваться долей, участью.
Домоў, нар.—домой.
* **Доня, донька,** умен. отъ сл. дочкà.
Доступиць,—сов. доступаць, гл. ср. — касаться до чего.
Досыць и досиць, нар.—довольно, будетъ.
Дочка, с. ж.—дòчка.
Дочухна, с. ж., умен. сл. дочкà, говорится болѣе укорительно.
Дружина, с. ж. - (на свадьбахъ) поѣздъ или свита жениха или невѣсты.
Дуже, нар.—крѣпко, очень.
Душокъ, шка, шку, с. м. умен. слово: **духъ,** въ значеніи.

Е.

Едвабный, прил.—шелковый, отъ сущ. едвабъ, перешедш. цѣликомъ съ польск. jedwab; ср. чешск. hedwabj. Линде Слов.
Еднаць, сов. поеднаць, гл. д.—мирить.
Енъ, мѣстоим.—онъ, ж. яна, ена и ина, ср.—яно, (о въ концѣ произн. какъ а), мн.—яны и ены.
Еўня, ёвня, с. ж.—овинъ. Ср. лит jauje.
Ежгуръ, с. м.—какая-то рыба, по объясненію однихъ—ежъ, по увѣренію другихъ—пискарь (?).

Ж.

Жадный, мѣстоим.—1) каждый; 2) при отрицаніи—ни одинъ.
Жарота и жаркота, с. ж.—жара.
Жартъ, у, с. м.—шутка.

---

*) Часто это слово принимаетъ за собой *й* и перемѣняетъ свою гласную на **ы,** т. е. *дай* и *дый.*

Жартоваць, тую, гл. ср. 1) играть между собою, шалить, 2) неприлично шалить. Слов. г. Носов. стр. 153.

Жбанъ, с. м.—кувшинъ глиняный или мѣдный, съ довольно широкимъ горломъ. Тамъ же.

Жебровацъ, рую, гл. д.—просить милостыни, особенно съ просительнымъ письмомъ. Тамъ же.

Женоцкій, прил. 1) свойственный женщинѣ, 2) относящійся къ женѣ.

Жилле, с. ср.—житье.

Жироваць, рую, гл. д.—кормить до сыта, откармливать. Слов. г. Носов. стр. 156.

Жито, с. ср.—рожь вообще въ колосѣ и въ зернѣ.

Жичливый, прил.—усердный, доброжелательный. Слов. г. Носов. стр. 157.

Жлукциць и злукциць, чу, сов. пожлукциць — бучить, **золить.** По объясненію г. Безсонова это слово произошло отъ соед. словъ **зъ** и **лужъ,** нѣм. lauge.

Жменя, и, с. ж. (начало: жати, жьмя)—горсть; умен.—жменька.

Жнея, и, с. ж.—жница.

Жнивный, прил.—жатвенный, относящійся къ жатвѣ.

Жниво и жнивò, а, с. ср.—жатва и время жатвы.

Жоўнеръ, с. м.—солдатъ (съ польск.)

Жупанъ, с. м.—кафтанъ изъ цвѣтнаго сукна.

Журавиночка, с. ж. умен. отъ сл. журавина—клюковка.

Журицьца, гл. общ.—скорбѣть, предаваться печали. Слов. г. Носов. стр. 158.

З.

* **Забложный,** прил. (отъ сл. облога или заблога—запущенная нива), къ запущенной нивѣ относящійся.

* **Забротаць,** (т. е. заобротаць), гл. д.—зануздать.

* **Завше**—нар. всегда.

Завихацьца, сов. отъ гл. возвр. вихацьца — заколебаться. Слов. г. Носов. стр. 162.

Загадываць (кѣмъ) сов. загадаць: **повелѣвать, управлять.** Тамъ же, стр. 163.

Задуноуя(е), я, с. ж.—часть города Витебска, за рѣчкой Дунайкой — **Задуновье.**

Заживать, сов. зажить, гл. д.—употреблять.

Закурицьца, гл. д.—завертѣться, закружиться.

Залицацьца, гл. общ.—дѣлать любезности, стараться понравиться дѣвицѣ, лично присватоваться. Слов. г. Носов. стр. 173.

Замужжа(е), а, с. ср. — замужье, умен. **замужжико.**

Замчистый (напр. ключь), прилаг.—устроенный съ надежнымъ огражденіемъ. Слов. г. Носов. стр. 176.

Замѣсъ, у, с. м. — замѣшиваніе хлѣбнаго тѣста.

Занудзицьца, джуся, дзишься, сов. отъ гл. возвр. нудзицьца — печалиться, горевать, тосковать. Слов. г. Носов. стр. 342.

Запалиць, гл. д.—зажигать. Слов. г. Носовича стр. 179.

Зарукаўница, с. ж.—женщина, у которой рукава обшиты золотомъ, т. е. позументами.

Заручины, инъ, с. ж. употребл. во мн. ч.—обрученіе, рукобитье.

Заставацьца, гл. общ.—оставаться.

Зацинаць, сов. зацяць, гл. д. 1) зарубать, 2) часто сѣчь розгами. Слов. г. Носов. стр. 192.

* **Защепочка,** с. ж.—задвижечка, крючечекъ.

Збожже, с. ср.—всякій хлѣбъ въ зернахъ и въ посѣвѣ.

* **Звонъ,** с. м.—колоколъ.

Звонецъ, нца, с. м. растеніе въ родѣ бубенчиковъ. Слов. г. Носов. стр. 199.

Зводзиць, жу, дзишь, гл. ср. 1) сплетничать, клеветать, 2) въ знач. д.—совращать съ пути. Слов. г. Носов. стр. 199.

Зволиць, гл. ср. — соизволять, давать согласіе. Тамъ же.

Здаецца, гл. безл.—кажется, сдается.

Здрада, с. ж.—измѣна.

Зе(я)лепуха, с. ж.—недозрѣлая ягода.

Зёлка, и, с. ж.—трава и цвѣтокъ.

Зёлки, локъ, с. ж., употребляется во множ.—связка разныхъ травъ съ кореньями и цвѣтами, приносимыми въ церковь для освященія.

Зелѣзо и **залѣзо,** с. ср.—желѣзо.

Зернуць и зырнуць, однократн. гл. **зерицъ**—посматривать.

* **Зловаць,** злую, злуешь; гл. ср.—злиться. «На кого ты миленькій злуешь?»

Злотникъ, с. м. золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Змицёръ, д. Св. Дмитрія 26-го октября.

Змога, с. ж.—возможность, сила.

Змѣя, и, с. ж.—колдунья, вѣдьма.

Зневага, и, с. ж.—поношеніе, безславіе

Зневажаць, сов. зневажиць, гл. д.—поносить, ругать.

* **Золокъ**, с. м.—разсвѣтъ.

Золотоўка и золотовка, с. ж. — монета въ 15 к. с. Слов. г. Носов. стр. 218.

Зорочка, с. ж. смягч. сл. — заря.

Зрѣлка, с. ж.—зрѣлая ягода, противоп. — зеленуха.

Зубиць, гл. д.—острить, точить серпъ.

Зубковаць, гл. д.—вышивать рубчиками.

Зъ предл. 1) изъ, 2) съ, когда стоитъ передъ мягкими, 3) съ род. пад. Слов. г. Носов. стр. 220.

Зязюля, умен. зязюлька, с. ж. — кукушка.

И.

Идзѣ, послѣ гласной предыдущаго слова—йдзѣ, нарѣч.—гдѣ.

Илля 1) имя отъ крещенія Илья, 2) день св. пророка Ильи, празднуемый 20-го іюля. Слов. г. Носов., стр. 224.

Имаць, гл. д.—брать.

Што пѣсенъ ня пяешь?
Аль твоя соха ня орець?
Аль твое руки ня имуць?

Иншій, прл.—иный, другій.

Имосць (форма вѣжливости относящ. къ особѣ ж. пола)—ея милость, здоровье.

Истопка и стопка, с. ж.—изба, избушка. Слов. г. Носов. стр. 616.

Истужка, стужка, с. ж.—стяжка, лента.

Исци, гл. ср.—идти.

К.

Кабъ, кабы и кобъ, союзъ 1) когда бы, если-бы; 2) чтобы, 3) пусть-бы. Слов. г. Носов. стр. 226.

Кадзь, с. ж.—кадка.

Кадукъ, с. м. 1) черная немощь, утинъ, родимецъ, падучая, 2) чортъ, бѣсъ, дьяволъ, пострѣлъ. См. объясненіе этого слова въ книгѣ «Бѣлорусскія пѣсни» ч. I, стр. 59.

Казаць, гл. д.—говорить.

Казуся, умен. им. отъ крещенія — Казиміръ.

Калита, с. ж.—кожаная, четвероугольная сума съ крышкою, перевѣшиваемая черезъ плечо и особенно употребляемая при сватовствѣ. Слов. г. Носов. стр. 228.

Канаць, кончаться, умереть.

Канунъ и канонъ, с. м. — кутья, разведенная водою съ медомъ, употребляемая при поминовеніи. Слов. г. Носов. стр. 229.

***Каня**, (канюхъ) м. полевой коршунъ (не городской), который болѣе питается гадами, Milvus; онъ же канюкъ. Слов. Даля.

***Каплонъ и каплунъ**, с. м.—кладенный, холощенный пѣтухъ. Слов. Даля.

Карпанный, прл. начиненный, напр., пирогъ.

Катанка и котанка, с. ж.—душегрѣйка, фуфайка, подложенная кошечьимъ или заячьимъ мѣхомъ, употребляемая еврейками. Слов. г. Носов. стр. 249. Изъ многихъ мѣстъ нашего сборника однако видно, что эта одежда въ сильномъ ходу и у крестьянокъ.

Катъ, с. м. 1) палачъ, мучитель, кровопійца, 2) чортъ, дьяволъ.

Каука, с. ж.—птица: сивая ворона.

Кватэрочка, с. ж. — 1) оконное стекло, 2) форточка.

Квапицьця, гл. общ.—съ завистью смотрѣть на что, желать воспользоваться чужимъ.

Квѣтъ и квятъ, с. м. — цвѣтъ, умен. кветки, кветочки.

Келишекъ, с. м. — рюмка. Ср. польск. kielich, kieliszek и верх.—нѣм. kelich, отъ лат. calix. Сл. Линде.

Кіекъ, с. умен. отъ сл. кій.

Кій, с. м.—палка.

Кирмашъ, с. м. — ярмарка, храмовой праздникъ и сходка къ нему. Ср. польск. kiermasz, передѣланное съ областн. нѣм. kirmess и kermess; послѣднее — есть искаженіе общеупотребит. нѣм. kirchmesse, сложившееся съ двухъ словъ: kirche (церковь) и messe (обѣдня).

Клычиць, сов. склычиць, гл. д. 1) клочиць, 2) перемѣшивать, приводить въ безпорядокъ. Слов. г. Носов. стр. 238.

Коберецъ, с. м.—коврикъ, на которомъ женихъ и невѣста становятся передъ налоемъ при бракосочетаніи.

Коваль, с. м. кузнецъ (древнее: ковачь, отъ ковати).

Ковалиха, с. ж.—кузнечиха.

Кожный, мѣстоим.—каждый.

Коко, с. ср.—яйцо.

Колесы, простая телѣжка.

Коли, нар.—когда.

Коло, кыля, куло, воколо, нар.—близь, подлѣ, возлѣ, около.

Колопень, с. ж. (перестановка) коноиель.

Колы, с. м.—**колесы**.

***Комаръ**, с. м.—каменный сводъ.

Коминъ, с. м.—печная труба.

Коморщикъ и коморникъ, с. м.—землемѣръ.

Комяга, с. ж. 1) выдолбленное толстое дерево, употребляемое вмѣсто лодки, 2) деревянный жолобъ для водопою. Слов. г. Носов. стр. 244.—Почти въ такомъ значеніи это слово употребляется во Влад. и Тверск. губ. См. опытъ обл. слов. Академіи.

Копа, с. м.—извѣстное число предметовъ, а именно 60. Тамъ же, стр. 145.

***Корина**, с. ж.—коринѳскій изюмъ, мелкій и при томъ безъ зеренъ. Слов. Даля.

Корунки, с. ж. употреб. во множ. — простыя кружева.

Косникъ, с. м. — ленточка вплетенная въ косу.

***Косоплетница**, с. ж. подруга невѣсты, помогающая ей при заплетеніи косъ.

Кося, ласкательное слово—**конь**, которому оно большей части служитъ зв. падежомъ.

Коўнеръ и ковнеръ, с. м.—воротникъ.

Коханка, с. ж.—любовница, милая, любимая женщина.

Кохання(е), с. ср.—любовь, привязанность.

Коханокъ, с. м.—любовникъ, любимецъ.

Кохаць, гл. д.—любить.

Кохацьца, гл. взаим. — любить другъ друга, любиться.

Кошуля, с. ж.—рубаха тонкая.

Коштовацъ, гл. д.—отвѣдывать.

Кпиць, кпю, гл. ср.—шутить, обманывать шутя. Слов. г. Носов. стр. 251.

Крамна, с. ж.—край страны.

Крама, с. ж.—лавка.

Краска, с. ж. 1) цвѣтокъ, цвѣты, 2) красильное вещество, окраска, 3) цвѣтъ (color, краски: зеленая, черная и пр.). Слов. г. Носов. стр. 251. 4) цвѣтъ ржи.

Кришталь, с. м.—хрусталь.

Кружковый, прл.—относящійся къ холсту, тканному кружками.

Кружолка, с. ж. - круглый отрѣзокъ, округленная дощечка.

Крукъ, с. м.—1) крюкъ, 2) вѣшалка, 3) воронъ.

Круль, с. м.—**король**.

Крупень и крупеня, с. ж.—простой, деревенскій супъ изъ крупъ.

Кручастый, эпитетъ къ разнымъ шелковымъ матеріямъ, то что въ русскихъ пѣсняхъ называется хрущатымъ, камка, напр. хрущатая.

Крыжъ, с. м.—крестъ.

Крыжевой, прл.—1) крестный, 2) накрестъ лежащій, напр. **крыжевая** дорога—перекрестокъ. Слов. г. Носов. стр. 250.

Ксёнзъ, с. м.—1) римско-католическій священникъ и вообще католическій монахъ, 2) православный священникъ (употреб.—въ послѣднемъ значеніи — шляхтою и помѣщиками). Слов. г. Носов. стр. 257.

Кубелъ, с. м. — большой ушатъ съ крышкою для храненія одежи, особенно женской, у простолюдиновъ. Тамъ же.

Кужельначекъ,

* **Кугакалка**, с. об.—ребенокъ.

Кукобиць, сов. — **выкукобиць**, гл. д.—воспитывать, няньчить, лелѣять. Слов. г. Носов. стр. 268. (Это слово въ ходу и въ Орловск. губ.—см. Опытъ област. слов. Академіи).

Кукольникъ, кукольнички, с. м. — родъ волочебниковъ, ходившихъ на Св. Недѣли (въ прежнія времена) по деревнѣ для собиранія подачекъ, съ пѣснями, возя за собою особаго устройства ящикъ съ куклами.

Кульбака, с. ж.—сѣдло.

Куля, с. ж. — пуля (ср. нѣм. kugel, — шаръ).

* **Купальница**, с. ж. 1) жабникъ, лютикъ, растеніе Ranunculus, 2) огонь въ полѣ, костеръ. Слов. Даля.

Купальнійка, с. ж.—купальскій костеръ.

Выйдзи жь на вулицу,
Развядзи купальнійку.

Купалля и купалле—тоже, что купальница.

Купчевацъ, гл. ср.—купечествовать, заниматься торговлей.

* **Курта**, с. ж.—съ польск. kurta, kurteczka,—дворняшка. См. Слов. Линде.

Кутъ, с. м. — 1) уголъ внутри избы, 2) передній уголъ въ избѣ подъ образами. Слов. г. Носов. стр. 271 (ошибочно напечатано 261). Почти въ этомъ же значеніи слово **кутъ** употребляется во многихъ великорусскихъ губерніяхъ (см. Опытъ област. словаря Академіи) и, съ нѣкоторыми

видоизмѣненіями, въ большинствѣ славянскихъ нарѣчій (см. Корнесловъ Шимкевича, стр. 123).
Кутый, прл.—кованный.
Кщення, (по слов. г. Носов. Кщенне праздникъ Богоявленія.

Л.

Лазня, с. ж.—баня, умен.—лазенька.
Ланцугъ, с. м.—цѣпь желѣзная.
Лата, с. ж.—заплата.
Латакъ, с. м.—лата, латвина, жердина или рѣшетина на кровлю. Слов. Даля.
Латушка и латушечка, с. ж. отъ слова **латка**—небольшой глиняный сосудъ, мисочка съ загнутыми внутрь краями.
Слов. г. Носов. стр. 266.
Лебедзь, с. м.—лебедь.
Лебедзька, с. ж.—лебедь-самка.
Лемешъ, с. м.—лемехъ, сошникъ.
Лешка (отъ: леха), с. ж.—грядка.
Липоўка, с. ж. — кадка (выдолбленная изъ одного дерева) для меда.
Листъ, с. м.—письмо (мн.—листы).
Личыць, сов. полічицъ—гл. д.—считать.
Лишка, с. ж.—нечетъ.
Лугъ, с. м. — сверхъ общеизвѣстнаго своего значенія, въ малороссійскомъ, какъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи употребляется въ смыслѣ лѣса: оттого лугъ называется въ пѣсняхъ темнымъ. См. Украинскія народныя пѣсни М. А. Максимовича. М. 1834 г. Ч. I, въ выноскѣ.
Луска, с. ж. 1) шелуха, 2) чешуя рыбья. Слов. г. Носов. стр. 273.
Луста, с. ж.—ломоть хлѣба.
Лутъ, с. м.—лыко молодой липы. Тамъ же.
Лѣпшій, прл.—лучшій.
Лѣпи, нар.—лучше.
Любка, с. общ. — возлюбленникъ, возлюбленница.
Люлька, с. ж. 1) трубка, 2) колыбелька.
Лядо, мн. ляды — поле, очищенное отъ заросли лѣса для сѣва. Слов. г. Носов., стр. 275.
Лялька, с. ж.—1) кукла, 2) дитя.

М.

***Магерка,** с. ж.—по опредѣленію Даля: валеная бѣлая шапка, тулья безъ полей; еломокъ.
Малеванный, прл.,—разрисованный, расписанный.
Малюшка, с. ж.—мелкая рыба.
***Маницца** - гл. возвр.—обѣщаться.
Маркоточка или **мокотрочка,** с. ж. умен. слова **макоцеръ,** — глиняный поставецъ. Ср. Малор.: макитра.
Марнѣць, гл. ср. (съ польск.) — проходить, переставать, кончаться, исчезать, приходить въ нищету, оскудѣвать.
Марудно, нарѣч. — копотно, медленно, неповоротливо, мѣшкотно.
Мацей, умен. - Мацейка - имя отъ крещенія - Матвѣй.
Маршалокъ (на свадьбахъ) дружко.
Мезенный и мезинный, прл.—мезенный.
Мезенка, с. ж.—меньшая дочь.
Млыня, с. ж., и млынъ, м.—мельница.
Мнѣйшій, превосход. ст. отъ прилаг. **малый.**
Мокрица и **мокруха,** с. ж.—растеніе.
Молодзикъ, с. м. — молодой мѣсяцъ, новолуніе.
Моспаня, с. ж.—ея милость, барыня.
Мосци пани, — ваша милость — форма вѣжливости при обращеніи къ лицамъ.
Моцаръ, с. м. съ польск. mocarz—владыко, властелинъ.
Муръ, с. м. мурро.
Мусиць, гл. ср. 1) долженствовать, быть принужденну, 2) должно быть.
Мѣсто, с. ср. 1) рынокъ, 2) городъ. Въ послѣд. знач. ср. польское: miasto.
Мѣскій, прл.—городской.
Мѣсцечко и **мѣстэчко,** с. ср.—городъ и мѣстечко. 2) рынокъ.
Мѣшань и **мѣшень,** с. ж. смѣсь разныхъ сѣмянъ для корма разныхъ животныхъ. Слов. г. Носовича, стр. 297.
Мѣшкання(е), с. ср.—1) временное пребываніе, 2) мѣстожительство.
Мѣшкаць, гл. ср.—жить, пребывать.

Н.

***Мяркиваццца** и мерковаццца, гл. взаимн. — посовѣтоваться, подумать о чемъ сообща. Ср. великор. **мерекать** что или о чемъ, думать, гадать, смекать, соображать, придумывать, и т. д. См. Слов. Даля.

***Набиць**, гл. д.—побить, поколотить.
Надворьейка, с. ж., умен. отъ слова: надворье—погода, чистый воздухъ.
Надзѣя, с. ж.—надежда.
Надкосникъ, с. м.—меньшой братъ невѣсты, обязанный расплетать ей косу.

Макасацьца, гл. возвр.—навязаться.
Налѣцця(е), с. ср. 1) будущій годъ, 2) посѣвъ ржи на зиму. Слов. г. Носов. стр. 311.

Наметка, с. ж.—головная женская повязка, изъ тонкаго холста, аршина въ четыре. Тамъ же.

Напрейка, умен. имени соб.—**Онуфрій**.
Нарочъ, с. м.—лемехъ, сошникъ. Слов. г. Носов. стр. 317.

Нахуванійка, с. ж.—холя.
Нацинна, с. ж.—ботва.
Небоpакъ, с. м.—бѣднякъ.

Не(я)бога, с. общ. (зв. небоже)—пріятель, любезный.
Не(я)бощикъ, с. м.—покойникъ.
Не(я)вѣхна. с. ж.—невѣста.

Недбалица. с. общ.—нерадивецъ,—вида.
Не(я)дзѣля. с. ж.—воскресенье.
Не(я)долужный, прл.—нездоровый. Слов. г. Носов. стр. 330.

Нейдзѣ, нар.—негдѣ.
Нема и нима, гл. безл.—нѣтъ.
Нехай,—пускай, пусть.

Николи, нар.—никогда.
Норовъ, мн. норовы, 1) нравъ, обычай, 2) своенравіе. Слов. г. Носов. стр. 312.
***Носиво**, с. ср.—верхнее платье холщевое.

***Ночвы**, с. ж., употребляется только во мн. большое корыто для мытья бѣлья.
***Ночоўка**, умен. пребыд.

Нуда, с. ж. 1) нечистота въ тѣлѣ и въ головѣ, 2) нищета, голодъ.
Нудзиць, гл. д. 1) понуждать, 2) гл. ср. скучать.

О.

Обаранна, с. ж.—крендель, витушка.
Обачиць, сов. гл. ср. бачиць—видѣть.
Обадва и обыдва, числ.—оба. Въ этомъ же смыслѣ обадва употребляется въ Псковск. и Тверск. губ.,—по аналогіи очень близко сюда подходитъ и нѣм. allebeide.

Обора, с. ж.—тонкая веревка въ родѣ бичевки, прикрѣпляемая къ лаптямъ, 2) скотный дворъ. Слов. г. Носов., стр. 351.

Оброкъ, с. м.—дача овса лошади, или самый овесъ даваемый лошадямъ. Слов. г. Носов. стр. 352. Часто для избѣжанія зіянія употреб. и форма **брокъ**, напр. сѣно броку. Ср. Литовск. abrakas—сѣчка перемѣшанная съ овсомъ для корму лошадямъ.

Обротка, с. ж., умен. слово **оброць**—пеньковый недоуздокъ. Слов. г. Носов., стр. 252.—Въ Арханг., Казанск., Пск. и Ярославск. губ. оброть и обротка означаетъ мочальную или веревочную узду.

Обрусъ, с. м.—скатерть. Ср. Слав. оуброусъ (Слов. церковно-славянскій Востокова), польск.: obrus, литов. abrazas.

Обѣцаць, сов. отъ гл. обѣцоваць—обѣщать. Слов. г. Носов. стр. 236.

Одарка, с. ж. имя отъ крещенія—Дарья.

Одрынецъ, и одринецъ, нца, с. м. 1) сарай для сѣна, 2) конюшня. Слов. г. Носов., стр. 360.

Од(т)чиняць, гл.—отворять.

Окпицьця,—гл. возвр.—обмануться.

Опануцьца, гл. возр.—очутиться далеко.

Опонтанный, прл.—обезумѣвшій. Слов. г. Носов. стр. 365.

Оралля(е)—тоже, что **раллё**, с. ср.—1) вспаханное поле, 2) пахота, ораніе. Слов. г. Носов., стр. 554.

Орѣхоўя(е)—с. ср.—орѣховое дерево, орѣшина.

***Ославицьца**, гл. возвр.—отозваться.

Осудникъ и умен.

Осудничекъ, чка, с. м.—осудитель, любящій осуждать другихъ. Слов. г. Носов. стр. 370.

Осѣць, умен. осѣтка, с. ж.—овинъ съ печкой, гдѣ сушатъ хлѣбъ и молотятъ.

Отказываць, сов. **отказаць**, гл. ср.—отвѣчать.

Ошукаць, гл. д.—обмануть въ торгѣ, мѣнѣ, расчетѣ, надуть.

П.

Падло, с. ж. — 1) издохшее животное, 2) испорченная говядина, 3) слово ругательное.

Пала, с. ж.—свая.

Паненка, с. ж. 1) дѣвица вообще, 2) дочь господина и всякая благородная дѣвица (барышня). Слов. г. Носов., стр. 391.

Пани, с. ж.—госпожа, барыня.

Паничъ, с. м. 1) сынъ пана, господина, 2) всякій благородный неженатый, 3) всякій юноша чисто одѣтый. Слов. г. Носов. стр. 391.

Панна, с. ж.—всякая вообще возрастная дѣвица. Тамъ же.

Пановаць, гл. ср.—1) жить побарски, 2) владѣть, управлять. Тамъ же.

Панчоха, с. ж., чулокъ, умен. панчошка.

Панъ, часто во мн. употребляется и панове, с. м. 1) баринъ, господинъ, 2) говорится изъ вѣжливости вмѣсто мѣстоименія 2-го лица, 3) всякій благородный человѣкъ. — Тамъ же, стр. 392.

Пани, с. ж.—1) барыня, госпожа, 2) говорится изъ вѣжливости вмѣсто ты, 3) хозяйка дома вообще. Тамъ же.

***Папаръ**, с. м.—невспаханное поле:

Папера, с. ж.,—бумага.

Пасъ, с. м.—поясъ, кушакъ.

Пасциць и паствиць, гл. д. 1) пасти, 2) стеречь.

Паўлюкъ, умен. имена отъ крещенія—Павелъ.

***Пахмурница** — что гуляетъ по ночамъ пасмурнымъ.

***Паша**, с. ж.—подножный кормъ.

***Пашница**,—все, что пашется и сѣется.

Певный, прл. вѣрный, достовѣрный.

Перазацьца, гл. возр. опоясываться.

Перазъ и **перезъ**,—предл. черезъ.

Перейма и **пирайма**, с. ж. 1) встрѣча, 2) переемъ, 3) выкупъ.

Переймаць и **пирaймаць**, гл. д. — перенимать, ловить бѣгущее, 2) выходить навстрѣчу.

Перепечка и **перепечка**, с. ж.—лепешка.

Перепиваць, гл. д.—передавать что по очереди при питьѣ водки. Слов. г. Носов.

Переплетъ, и **переплютъ**, с. м.—два высокіе вблизи гумна столба, соединенные между собою поперечны и жердями, на которые развѣшиваютъ для просушки разный промокшій немолоченный хлѣбъ. Слов. г. Носов. стр. 407.

***Пересадынка**, с. ж.—пересадинка.

Перепрашиваць, гл. д.—просить прощенія, извиненія.

Перничекъ, умен. сл. перникъ, с. м.—пряникъ.

Першій, числ.—первый.

Пивница и пиўниця, с. ж. 1) пивоварная, 2) пивной подвалъ. Слов. г. Носов. стр. 414.

Пивушечка, с. ж.- любящая водку, пьяница.

Пилипъ, имя отъ крещенія,—Филиппъ.

Пильно, нар. 1) очень, непремѣнно, 2) настоятельно, строго, 3) прилежно. Слов. г. Носов. стр. 414.

Пильновацъ (сов.припильноваць)—1) стеречь, беречь, 2) присматривать за кѣмъ. Тамъ же.

Пи(е)рамыслиць, гл. д.—найти способъ переправить благополучно кого либо съ одного берега рѣки на другой, или вообще выручать.

***Пи(е)радокъ**, с. м.—скамья переносная въ крестьянскихъ хатахъ.

Пасклюнокъ, с. м.—цыпленокъ

Пи(е)трачекъ, умен. соб. им.—Петрокъ, Петръ.

Плывъ и **плынъ**, с. м., употребляется какъ нар.: ў **плынъ пущу**,—вплавь.

Плысци, гл. ср.—плыть.

Плотъ, с. м.—бревенчатая изгородь. Слов. г. Носов. стр. 412.

Побрання(е), с. ср. 1) сочетаніе бракомъ, 2) снятіе съ поля льна и конопли. Слов. г. Носов. стр. 422.

Повага, с. ж. 1) уваженіе, 2) важность.

***Повилица**, с. ж.—павилик(ц)а, растеніе cuscuta, повилика, повойница. Слов. Даля.

Повѣтка, с. ж.—умен. слово **повѣць**.

Повѣць, с. ж.—навѣсъ.

Погадаць, гл. ср.—судить о другихъ по себѣ. Тамъ же.

Поглядъ, с. м - взглядъ.

Подкасацьца, гл. возвр.—подбирать, подгибать полы своей одежи. Слов. г. Носов., стр. 442.

***Подлавя(е)**, с. ср. пустое мѣсто подъ лавкой, скамейкой.

***Подманычка**, с. ж.—обманъ.

Подморгаць, гл. ср.—подмигнуть.

Подпечча(е), с. ср. пустое мѣсто подъ печью для хозяйственныхъ надобностей.

Поеднацьца, гл., возвр.—помириться.

Пожиткования(е), с. ср.—употребленіе.

Позычаць (сов. позычиць) гл. д.—одолжать, взять въ долгъ.

Покуль, 1) нар. вопр.: по коихъ поръ? 2) союзъ: пока, покуда.

Покутъ, с. м. и **покута**, с. ж.—1) покаяніе, 2) эпитимья, 3) всякое наказаніе. Слов. г. Носов. стр. 460.

Покуць, с. ж.—почетное мѣсто въ углу подъ образомъ за столомъ. Слов. г. Носов.

Половый, прл. 1) невѣяпный, пополамъ съ мякиной. Слов. г. Носов. стр. 462. 2) какъ эпитетъ вола: племяный, на племя, также **пловый.**

Полевання(е), с. ср.—разъѣздъ по полю для подвиговъ.

Полки, с. ж.—только во мн.—пеленки.

Пологъ, с. м.—занавѣсь вокругъ постели. Слов. г. Носов. стр. 462.

Полынуцьци, гл.—полетѣть (?).

Поляндвица, с. ж.—филейная часть борова.

***Помежаночка**, с. ж., женщина, дѣвушка живущая на межѣ, т. е. близко къ деревнѣ,—сосѣдка (?).

Попилъ, с. м.—пепелъ.

Попраночекъ, с. м.—пряникъ.

Порада, с. ж.—совѣтъ.

Породзення(е), с. ср.—порожденіе, происхожденіе.

Посагъ, с. м., и **посага**, с. ж.—приданное.

Посадъ, с. м.—мѣсто, на которомъ сажаютъ невѣсту.

Поселушечка, с. ж., любящая пошляться по селу безъ дѣла,—баклушница, бездѣльница.

Посморгаць, 1) гл. ср. пошаркать, подергать, пообрывать что во множествѣ, 2) дергать съ шумомъ.

Посморгаць, гл. д. выдергивать. Слов. г. Носов., стр- 595.

Постатница, с. ж.—жница, занимающая постаць.

Постацяночка, с. ж. умен. отъ предыдущаго слова.

Постаць, с. ж.—пространство, занимаемое жницами на нивѣ поперегъ полосъ. Слов. т. Носов. стр. 482.

Постаць, с. ж.—полоса съ дозрѣвшею рож Тамъ же.

Потаиь, с. ж.—потачка.

Потрепничекъ—полотенцо, концы котораго растрепаны и связаны въ узоръ.

Потваръ, с. м. и потвара, с. ж. 1) баловство, поблажка, 2) общ.—упрямецъ.

Потылица, с. ж.,—затылокъ.

Почопка, с. ж.—перевязь, дужка у ведра.

Праженный, прл.,—жареный на сковородѣ.

Праца, с. ж.—трудъ.

Праць, гл. д.—прать, перу, перишь.

Прачистая—день Успенія.

Прачистая Меньшая—Рождество Богородицы.

***Прибрамочка**—калитка (отъ сл. брама—ворота).

Привитаць, гл. ср.—привѣтствовать.

Пригадаць, гл. ср.—придумывать, прінскивать.

Пригарнуць, гл. д.—прижать, приласкать.

Пригода, с. ж.—1) выгода, помощь, 2) нечаянное, непріятное обстоятельство, происшествіе. Слов. г. Носов. стр. 499.

Пригонница, с. ж.—работница, выгнанная на барщину. Тамъ же.

Пригонятый (пригонщикъ), прл., употребляемое вмѣсто сущ.—наблюдающій надъ барщинною работою, побуждающій къ работѣ. Тамъ же.

Приданка, с. ж.—подруга невѣсты, собирающая подарки въ ея пользу на свадьбѣ и помогающая ей шить приданное. Тамъ же, стр. 500.

Приздобиць (сов. отъ гл. здобиць)—приукрасить, прибрать хорошими уборами, напр., невѣсту къ вѣнцу.

Прилегаць, гл. ср.—подступать, ложиться (говорится о болѣзненномъ положеніи). Слов. г. Носов. стр. 503.

Прилука, с. ж.—случай.

Примыльничекъ, чка.

***Присвятокъ**, с. м.—канунъ **свята**, т. е. праздника.

Прихилицьца, гл. возвр.—приклониться къ кому, присоединиться.

Прицяремокъ, с. м.—пристройка къ терему или при теремѣ.

Прожній, прл.—**порожній** (съ польск.)

Пронуда, с. общ. 1) проказникъ,-ница, утѣшное дитя, 2) смѣтливый,-ая, 3) необыкновенное явленіе. Слов. г. Носов. стр. 524.

***Просцень**, с. м. починокъ, початокъ, т. е. веретено пряжи.

Чаму-жъ мяне, мамухна, ня будзила?
Ябъ твою кудзельку скруцила,
Напралабъ просцень зъ биросцень,
Наматалабъ уюшку зъ подушку. (Въ слов. г. Носов. въ эт. знач. нѣтъ).

Прохутаць, гл. д.—закрывать.
Прудникъ, с. м.—мельникъ.
Псуваць, псую, гл. д.—портить.
Птахъ, с. м. — лѣсная птица. Слов. г. Носов. стр. 537.

Птушка, с. ж.—птица. Тамъ же.
Пуга, с. ж. — 1) пеньковый хлыстъ. 2) плеть, кнутъ. Слов. г. Носов. стр. 537. Умен.--**пужка**.
Пудзиць, гл. д.—пугать. Въ этомъ же знач. слово **пудить** въ Вятск. г. см. Доп. къ Обл. Слов.

Пушонъ, прл. усѣч.—хлѣбъ пушонъ, пухомъ запорошенъ: съ мякиною, которая должна бы отвѣваться пухомъ. Обычный хлѣбъ Бѣлоруссіи. Г. Безсонова: Бѣлорусскія пѣсни ч. I, стр. 143).

***Пура**, с. ж.—(мѣра сыпучихъ веществъ: четверть.
***Пыжина и пижма**, с. ж.—растеніе: дикая рябина, жолтая, — полевая, рябинникъ, глистникъ и т. д. См. Словарь Даля.

***Пылата**, с. ж.—жаръ.
Пытаць, гл. д. - спрашивать.

Пя(е)кота, с. ж.—жаръ, зной.
Пя(е)люшки, с. ж. употреб. во множ.—пеленки.

Пя(е)рунъ, с. м.—громовый ударъ; польск. piórun, литовск. perkunas; употребл. теперь только въ означен. смыслѣ.

Пяцьдесятки, с. ж.—монета въ 50 коп.—полтинникъ.

***Пяцельникъ**, с. м.—или пецельникъ,—негодяй, сорванецъ,висѣльникъ (брань). Слов. Даля.

Пяценка, с. ж. · Св.-мученица Параскевія, именуемая Пятницею передъ днемъ св. Петра.

Р.

Рада, с. ж.—совѣтъ.
Радзиць, гл. ср.—совѣтоваться.
Разважаць, гл. ср.—раздумывать, размышлять.

Размова, с. ж.—разногласіе.
Разомъ, нар. 1) вмѣстѣ, заодно, 2) вдругъ.

Раиць, гл. ср.—тоже, что и радзиць—совѣтовать (корень **рад-**).

Раллё, с. ср.—взоранное поле, 2) пахота, ораніе.
Раме, с. ср. (во мн.—**рамёна**)—плечо.
Рамéнь, с. м.—ремень.
***Росходзины**, с. ж. во мн.—разставаніе, прощаніе.
***Расчиняць**, гл. д. — растворять, напр. хлѣбъ, пироги.
Рата, с. ж. - условленная, арендная сумма, годовая плата. Слов. г. Носов. стр. 567.
Ратоваць и ретоваць, гл. д.—1) ретиво поспѣшить на помощь въ бѣдѣ, 2) скоро, поспѣшно помогать. Слов. г. Носов. стр. 562. — Ср. нѣм. retten.
Раховаць, гл. д.—считать. ср. польск. rachować, нѣм. rechnen.
Роўноваць, гл. д.—1) уравнивать, дѣлать равнымъ что, 2) ставить въ уровень съ кѣмъ либо. Слов. г. Носов. стр. 563.
***Расчина**, с. ж.—1) растворъ, 2) уха изъ бураковъ и разсола.
Рзаць, гл. ср.—ржаць. Употребляется и форма: иржаць. См. Слов. г. Носов. стр. 225.
Риза, с. ж.—ряса, мѣстами и платье.

Риззё, с. ср.—лохмотье, ветошь. Слов. г. Носов. стр. 562.

Ризiйка и **ризка**, умен. ризочка, с. ж.. рубашечка или холстъ, приносимый воспріемницей для принятія младенца отъ купели. Слов. г. Носов. стр. 562.
Рипинка и Грипинка, имя отъ крещенія (умен.)—Аграфена.
Робиць, гл. д.—работать.
Родзенный, прл.—родный.
Родзина, с. ж.—1) мѣсто рожденія, родина, 2) родственники, родные, родня.
***Розынка**, с. ж.—изюмина.
Рожа, с. ж.—роза.
Рожоный, прл.—родный.
Рожонъ, с. м. - копыль, заостренный шестъ, колъ,—острый торчекъ, тычекъ, рогъ. Слов. Даля.
Розумъ, с. м.—разумъ.
Рокъ, с. м.—годъ.
Роса, умен. **росица и росичка**, с. ж.—растеніе очень рѣдкое и низенькое Alchimilla vulgaris. Слов. г. Носов. стр. 566.
Рудый, прл. темнорыжій. грязнокрасный. Тамъ же, стр. 568.
Рузалька, умен. им. соб. **Рузалія**.
Руно, с. ср. 1) шерсть, снятая въ овцы, 2) пушистая зелень на засѣянномъ полѣ. Слов. г. Носов. стр. 568.

Рунь, с. ж.—перье, листье зеленаго на корнѣ хлѣба. Тамъ же.
*__Рута__, с. ж. растен. Ruta graveolens. Слов. Даля. Ср. нѣм. Raute.
Рутвянный, прл. относящійся, принадлежащій рутѣ, или изъ руты сдѣланный.
Руцня, с. ж.—горсть вытрепанной и очищенной пеньки. Слов. г. Носов. стр. 569.
Рушиць, гл. д.—трогать.
*__Рыжовый__, прл. — рисовый, изъ рисовыхъ крупъ.
*__Рыдзелька__, с. ж.—небольшой заступъ.

С.

Сакера и сѣкера, с. ж.—топоръ, сѣкира.
Свадзебный, прл.—свадебный.
Сварицьца, гл. возв.—ссориться.
Свекорка, с. м. смягч. слова: **свекоръ**.
Свекратокъ, с. м. свекорь.
Свентый, прл. святой (съ польскаго).
Свенцонное, въ знач. с. ср.—пасхальныя, освященныя кушанья.
Святковаць, гл. д. 1) праздновать, чтить, 2) въ знач. средн.—вообщ. праздновать. Слов. г. Носов. стр. 576.
Свято, с. ср.—праздникъ.
Свацця, с. ж.—сваться, умен. **свашка**, **свашечка**.
Селѣто, нар.—этого года.
Середзина, с. ж. крестецъ.
*__Семка__, с. м. 1) имя отъ крещенія Симеонъ, 2) день. Преподобнаго Симеона, на 7 недѣлѣ послѣ Пасхи.
*__Сивецъ__, **мн. сиўцы**—лошадь сивой масти.
Сивка-воронка, с. ж.—птица—coracias.
Скарбъ, с. м.—имущество, казна.
Скарбовый, прл.—относящійся къ имуществу, казнѣ.
Скондъ, нар. (съ польск.): откуда.
Скубаць, сов. наскубаць, гл. д.—дергать, щипать. Слов. г. Носов. стр. 588.
Скула, с. ж.—чирей.
Скуцець, с. м.—кусокъ полотна, холста, въ нѣсколько аршинъ.
Скрыня, с. ж.—большой сундукъ.
*__Слугиваць__, гл. ср.—служить, быть слугою, отправлять должность слуги.
Сличный, прл.—прекрасный, отличный.
Смага, с. ж. 1) сухость губъ или накипь на губахъ отъ жару, трудовъ, болѣзни, 2) жажда. Слов. г. Носов. стр. 593.
Смаковаць. гл. д.—отвѣдывать для узнанія вкуса, пробовать. Ср. польск. smakować, нѣм. schmecken, литовск. smakas.
Смакъ, с. м.—вкусъ (ср. нѣм. geschmak).
Смачный, прл. вкусный (ср. нѣм. schmakhaft).
Снѣдання(е), с. ср.—завтраканіе и завтракъ. Слов. г. Носов. стр. 598.
Снѣдаць, сов. поснѣдаць, гл. ср.—завтракать. Тамъ же.
*__Сойка__, с. ж., умен. союшка (нач. **соя**—лѣсная птица съ хохолкомъ и голубымъ перомъ, изъ роду воронъ—Corvus glandarius. Слов. Даля.
Солодкій, прл.—сладкій.
Сокотаць, гл. ср.—кричать по куриному (кудахтать). Слов. г. Носов. стр. 599.
Сороки, с. м. употреб. во мн.—день 40 мучениковъ, празднуемый 9-го марта.
Сопронька, с. м. ум. им. отъ крещенія—**Софроній**.
Сорокоўка, с. ж. сорокъ грошей или двугривенный.
Соромъ, с. м.—стыдъ, срамъ.
Сопкій, прл.—разсыпчатый.
Сочиць, гл. д.—подстерегать, искать. Слов. г. Носов. стр. 602.
Сподобаць, гл. д.—полюбить, удостоить.
Сподобацьца, гл. возвр.—нравиться.
Сподзѣвацьца, гл. общ.—надѣяться, ожидать.
Спожа, с. ж.—1) госпожа, 2) праздникъ Успенія Божей Матери. Слов. г. Носов., стр. 605.
Споткацьця, и взаим.—встрѣчаться.
Ставецъ, с. м.—глиняный сосудъ.
Стадникъ, с. м.—пастухъ, человѣкъ, имѣющій надзоръ за стадомъ.
Стайня, и стайна, с. ж.—конюшня, умен. стаенка.
Станивенькій, прл. отъ сущ. **станъ**, т. е. порядочный, хорошъ, красивъ станомъ.
* **Станокъ**, с. м.—станъ, верхн. половина жен. рубахи, а нижняя—постань. Слов. Даля.
Статокъ, с. м. соб. — домашній крупный скотъ. Слов. г. Носов. стр. 614.
Стодола, с. ж. — 1) сарай при самомъ заѣзжемъ домѣ, 2) обширный скотный дворъ, хлѣвъ. Тамъ же.
* **Стодоленька**, с ж. (умен. предыд. слова) — житница, овинъ безъ печки. (Бѣлорусскія пѣсни, ч. I, стр. 23).

к.—потолокъ.
ж.—см. *истопка.*
:. м.—ступенька, подставка, (Бѣлор. пѣсни г. Безсонова,). 75).
. ж.—1) стража, 2) осторож-

ж.—въ гумнѣ пазуха (про- ;ъ), гдѣ складывается хлѣбъ хъ. Слов. г. Носов., стр. 616.
ж.—всякое вообще сварен- анье. Тамъ же. Ср. лит. strovà.
:. ж.—крапива.
, с. ж.—пестрота.

й, пестрый, разношерстный.
иен. слово *страва.*
с. ж.—какая-то птица.
жняца, с. м. — 1) стержень трая струя въ рѣкѣ, 2) серд- въ смолистомъ деревѣ или ый сукъ. Слов. г. Носов.,

-с. ж.—ружье.
, с. ж.—ружье.
с. ж. — 1) кровля, 2) край Слов. г. Носов., стр. 619.
. ж. — орарь, эпитрахиль.
м. — шагъ; ступя(е)нькомъ шагомъ.

р. употреб. во множ.—пара Слов. г. Носов. стр. 611.
с. ж. сосудъ, посудинка. Носов., стр. 621.
м.—женихъ, суженый.

. д. — 1) сучить, 2) махать, жаць свѣчи. Слов. г. Носов.,

. ж.—умен. слова *сукня.*
.—суконня, потомъ просто Бѣлорусск. пѣсни стр. 12).
ж. умен. — *суничка* — ягода ка.
грл.—земляничный.
ж. употребл. во множ.— ліяніе недоброжелательнаго лов. г. Носов., стр. 624.

ар.—совсѣмъ.
ць, гл. д.—встрѣчать.
. д.—казнить смертью.
гл. д.—испортить.
(мѣстами жирокваша), с. ж. окваша.
л. д.—разводить водою, сы-

ср. — довольство, сытость. Носов., стр. 630.
янна, нар.—сегодня, нынче.

Т.

Тадоръ, им. отъ крещенія – Θедоръ.
Тадора, с. ж. им. отъ крещенія — Θедора.
Тата, с. м.—отецъ, умен. и ласкат. — *татуля, татулька, татулечка,* татка, *татухна.*
Тацянка, имя отъ крещенія (умен.) — Татьяна.
Ти, переходитъ въ *ци,* чи, союзъ вопросит. 1) ли, 2) или, либо, 3) развѣ, 4) если. Слов. г. Носов., стр. 688. — Слово это весьма древнее и встрѣчается уже въ XI вѣкѣ. См. Слов. церковно-слав. яз. Востокова.
Торба, с. ж. — 1) котомка, нищенская сума. Слов. г. Носов., стр. 137.—Ср. лит. *terba, tarba, tarbas*—торба.
Трасця, с. ж.—лихорадка.
Треба, нар.—нужно.
Треска, с. ж.—щепка.
Трисцѣнъ, с. м.—сарай, составленный изъ трехъ стѣнъ, а 4-ою примыкаетъ къ стѣнѣ другихъ строеній. Слов. г. Носов., стр. 640.

Троха, умен. *трошка,* нар. — немного, немножко.
* **Тросциць,** гл. д.—огороживать тростьемъ.
Труциць, гл. д.—отравлять.
Труна, с. ж.—гробъ. Ср. польск. truna; это слово, по мнѣнію г. Котляревскаго (см. его соч. о погребальн. обычаяхъ языч. Славянъ, стр. 24) испорченное среднелатин. *tumba.*
Трымаць, гл. д.—держать.
Тудою, нар.—тамъ.
Турилка, д. б. имя собств. умен. отъ *Кириллъ.*
Тыдзень, с. ж.—недѣля.
Тыдневый, прл.—недѣльный.
Тыниць, гл.—обносить, огораживать тыномъ.

У.

Ў—предл. *въ.*
Ўвесь и ўесь, ўсё, ўсего, ўси и проч.
Увознаць, гл. д.—узнать.
Удаваццца до кого—ухаживать за кѣмъ.
Удова, умен. *удовка,* с. ж.—вдова, вдовица.
Уеднаць, гл. д.—помирить кого, съ кѣмъ.
Уклониццца, сов. уклоницца, гл. взвр.— нагибаться, поклониться.
Уклонъ, с. м.—поклонъ, привѣтствіе.

Улекацьця, сов. глагола: лекацьца, — испугаться.

Умерци, сов. глаг. ср. умираць—умереть.

Уплёты, с. м., употребл. только во мн.,— ленточки, вплетаемыя въ косу.

Учинокъ, с. м.—поступокъ.

Ф.

Фаска, с. ж.—небольшая кадка, посудина.

Фарбовацъ, гл. д. — красить. Ср. русское простонар. и солд. — ***фабрить***, съ нѣм. farben.

Фурманка, см. хурманка.

Х.

Халаць, гл. д.—хватать, брать тайкомъ, воровски. Слов. г. Носов., стр. 676.

Хата, с. ж.—изба.

Хаўтуры, с. употреб. только во мн. — похороны; мѣстные бѣлорусскіе священники это слово запмствовали изъ жмудскаго языка, ***Хавтурасъ***. Г. же Котляревскій (въ своей книгѣ: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, стр. 24) считаетъ это слово заимствованнымъ изъ Шкипетарскаго.

Хвѐдоръ, имя отъ крещенія — Ѳедоръ.

Хвеня, с. ж. имя (умен.) отъ крещенія— ***Ѳедосья***.

Хвороба, с. ж.—болѣзнь.

Хворосць, с. ж. болѣзненное состояніе.

Хмара, с. ж.—тучи.

Хмызъ, с. м.—камышъ.

* **Ходаки**, 1) родъ сапоговъ, сшитыхъ безъ подошвъ, 2) ступни, босовики. См. Слов. Даля.

Ходоска, с. ж.—имя отъ крещенія (ум н.) —Ѳедосья.

Ховаць (произносится и хуваць), гл. д.—прятать, сохранять, -сов. поховаць, — погребать. Слов. г. Носов., стр. 681.

Холероваць, гл. ср. — сердиться, выходить изъ себя, браниться.

Хороводъ, с. м.—толпа, гурьба.

Хортъ, с. м.—гончая собака. Это слово въ ходу въ Арх. и Пск. гг. См. Опытъ Област. Слов. Академіи и Русскія народныя пѣсни, собранныя П. Шейномъ, стр. 389. — Я. Гриммъ (въ св. книгѣ Geschichte der deutschen Sprache, I B. стр. 27) сближаетъ чешск. chrt. польск. chart. лит. Kurtas, латышск. Kurts, эст. hurts.

Хресбины и хрезьбины.

Хрестъ, с. м.—крестъ.

Хресциць, гл. д.—крестить.

Хоўрычка, имя отъ крещенія (умен.) отъ ***Ховра—Февронья***.

Худо̀ба, с. ж.—домашнее имущество.

Худоба́, с. ж.—бѣдное состояніе.

* **Худобочка**, с. ж.—бѣдненькая.

* **Худодоля**, с. ж.—бездольная, несчастная, безталанная.

Хурманка, с. ж.—подвода.

Хуста, с. ж. — платокъ, умен. хустка, хусточка.

Хутко, нар.—скоро, быстро.

Ц.

Цаца, с. ж.—игрушка, забава.

Цвекъ, умен. цвечекъ, чки, цвечки, см. гвоздь.

Цвиръ, с. м., умен. — цвирочекъ, — песокъ, песочекъ.

Цебе, **тебя** (род. и вин. п. отъ мѣстоим. ***ты***).

Цекаво, нар.—удивительно.

Цекавосць, с. ж. 1) любопытство, 2) примѣчательность, вниманіе, 3) диво, удивительное.

Цемный, прл.—темный.

Цеперъ, нар.—теперь.

Ця(я)пло, с. ср.—огонь.

Церпливо, нар.—терпѣливо.

Церпливосць, с. ж.—терпѣливость.

Церци, гл. д.—тереть.

Цесць, с. м.—тесть.

Цетка, с. ж.—тетка.

Цецерукъ, с. м.—тетеревъ.

Цеща, с. ж.—теща.

Ци (см. ***ти***).

Цижарный, прл.—тяжелый.

Цинаць, гл. д.—1) рубиць, 2) сѣчь розгами.

Цихій, прл.—тихій.

Цнота, с. ж.—цѣломудріе, честность.

Цотъ, с. м.—четъ.

Цукерка, с. ж.—конфетка.

Цурка, с. ж.—дочка.

Цукъ, отгл. частица означ. 1) мгновенное паденіе, 2) быстрое хватаніе.

Цыбуля, с. ж.—лукъ, отъ лат. cebula, нѣм. Zwibel.

Цынкоўный, прл.—цинковый.

Ч.

или **чаборъ**, с. м. — растеніе ...eja hortensis—богородичная трав-...

...**ъ!**—здравствуй!

, вопр. нар.—отчего? почему?

гл. д.—трогать, зацѣплять.

с. ж.—сковородникъ, родъ ух- для сковороды.

пень, с. м.—горшечный черепокъ

вацъ, гл. д.—потчивать.

:. м.—время.

гл. д.—ожидать, поджидать.

инъ, с. м. - челядинецъ, домашній ...вѣкъ.

а, с. ж. - наемная годовая ра-...ница.

икъ, с. м. — наемникъ, годовой ...тникъ.

оный, прл.—красный.

ъ, умен. **черевичекъ**,—с. м. - баш-...ь, башмачекъ.

, гл. ср.—идти скоро.

(чея) чіе, чіи мѣстоим. вопр.— чья, чье, чьи.

, умен. чеботокъ, чеботочекъ, с. сапогъ, сапожекъ, сапожечекъ.

на, с. ж.—чужбина, чужая ст... ..., чужіе люди.

, гл. ср.—чувствовать себя луч- болѣе въ силахъ.

Ш.

с. ж.—сабля.

ный, прл. — бѣшеный, назойли- , злой.

й, с. м.—щелуха.

щь, гл. д. 1) уважать, почитать, ...ерегать въ чистотѣ, 3) щадить.— польск. szanować. нѣм. schonen.

чи, дѣеприч. гл. **шановаць**—прося ...неніе передъ кѣмъ. Слов. г. Но- стр. 705.

ць, однокр. **шаснуць**, гл. д. — ме-, бросать съ шумомъ.

с. ж. — богатая одежда. Ср. ...ск. szata.

на, с. ж.—свояченица.

ъ, с. м.—шуринъ.

и **швецъ**, с. м.—сапожникъ.

нна, с. ж.—послѣдняя пятница ...дъ Ильинымъ днемъ.

Шклянка, с. ж. — 1) вообще стекло, 2) стаканъ.

Шклянный прл.—стеклянный.

Шкода, с. ж. — 1) вредъ, потеря, убы- токъ, 2) въ знач. безличн.—жаль. Ср. польск. *szkoda*, нѣм. *schaden*, *schade*.

Шлейцы, с. ж. (умен.)—шлеи.

Шлюбовацъ, гл. д.—сочетать бракомъ.

Шлюбъ, с. м. — вѣнчаніе, бракъ (съ польск.)

Шмаровацъ, гл. д. — мазать, подма- зывать, марать, пятнать. Слов. г. Носов., стр. 714.

Шнитка, с. ж. — снить, растеніе Aego- podium podagraria, дяглица, купырь болотный. Слов. Даля.

* **Шосникъ**, с. м.—Св. Шосникъ—Воз- несеніе.

Шпакъ, с. м., (умен.) шпачекъ — скво- рецъ.

Шротъ, с. м. — дробь, дробинка, кру- пина.

Шпарко, нар.—быстро, очень скоро.

Штоники, с. м. во мн.—штаны, брюки.

Шукаць, гл. д. —искать.

Шулы, с. ж. -- 1) колода, 2) столбъ съ пазами въ строеніи или въ огородѣ.

Шума и шумъ,—соръ.

Шуметникъ, с. м.—мѣсто, куда сбрасы- ваютъ соръ.

Шусць! и шусь! междометіе означаю- щее сильное движеніе или дѣйствіе съ шумомъ. Слов. г. Носов., стр. 719.

Щ.

Щирый, прл.—искренній, прямодушный, усердный, чистый, открытый.

Щура, с. ж. и щуръ с. м.—мышь.

Ѣ.

Ѣмя(е), с. ср.—употребленіе въ пищу яденіе. Слов. г. Носов., стр. 723.

Ѣсць, ѣмъ, яси, ѣсць, ядзимъ, ядзицё, и ясцё, ядуць, ѣў, ѣўши — ѣсть, ку- шать.

Ѣсциньки и ѣсцьки — ласк. отъ предыду- щаго слова.

Ѣхаць, ѣду, ѣдзешь, пов.: ѣдзь, ѣдзьце.

Ю.

Юрій, с. м.—Св. Георгій.
Юшка, с. ж.—ушица, сокъ изъ чего-либо вареннаго.

Я.

Ягаўка, с. ж.—сучка.
Я(е)гомосць—его милость, его здоровье—форма деликатнаго обращенія къ лицамъ.
Якій, якая, якое и якоя—вопр. мѣстоим. какой?
Яково, нар.—каково.
Якочиць, гл. ср. плакать на-взрыдъ.
Якъ, нар.—1) какъ, 2) союзъ—нежели.
Якъ шію и якъ шіець (выраженіе быстроты),—какъ шьютъ, бросаются, летятъ, какъ стрѣлы или иглы. См. Бѣлор. пѣсни, ч. I.
Яленéцъ и еленецъ, с. м.—можжевельникъ и можжевеловыя ягоды.
Я(е)ловица, с. ж.—можжевельникъ.
Яновъ, прл. притяж. отъ имя *Янъ*.
Яночка, им. отъ крещенія (умен.) Иваничка.
Янъ, имя отъ крещенія—Иванъ.
Янъ Сцяцель (съ польск.)—день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи,—Иванъ Головорѣзъ.
Яръ, с. м.—яровые хлѣба.
Ярный, прл. отъ *яръ*.
Ярынечка, умен. слова *ярыня*—яровой хлѣбецъ.
Ярычный, прл.—все относящееся къ яровому хлѣбу.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Къ №№ 66 и 67. Ср. въ нашей кн. „Русскія народныя пѣсни“ въ отд. дѣтск. №№ 73, 74 и 75, и „Дѣтск. пѣсни“ г. П. Безсонова.

2. Къ № 85. По заведенному изстари обычаю, существующему, по увѣренію туземцевъ, и по сю пору чуть ли не во всей Бѣлороссіи слуги и работники нанимаются къ сельскимъ хозяевамъ не иначе, какъ отъ колядъ до колядъ. На другой же день Рождества Христова получивъ расчетъ и *коляду* (ковригу хлѣба фунтовъ въ 20, колбасы, окорокъ ветчины, солонину и пр.) отъ своихъ хозяевъ, вся челядь вдругъ и повсюду, не стѣсняясь ничѣмъ, ихъ покидаетъ, чтобы на свободѣ исключительно предаться разгульному веселью и ничего-недѣланью. Этотъ весьма странный обычай ставитъ въ страшно-затруднительное положеніе всѣхъ хозяевъ. См. объ этомъ подробнѣе въ соч. св. Бермана: „Календарь по народнымъ преданіямъ въ Воложинскомъ приходѣ Виленской губерніи Ошмянск. уѣзда“, стр. 17—18.

3. Къ № 102. Эта пѣсня, какъ видно, къ сожалѣнію, есть только небольшой осколокъ того прекраснаго цѣлаго, которое подъ названіемъ „женитьбы Царешки“ приводится въ статьѣ „Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію“, помѣщенной въ „Этнографическомъ Сборникѣ“ Импер. Русск. Геогр. Общества, вып. III 1858 г. стр. 168—69.

4. Къ №№ 123 и 125. Ср. въ книгѣ г. М. Семевскаго: „Торопецъ, уѣздный городъ Псковской губерніи“, СПб. 1864 г. стр. 79, № 78 и стр. 63, № 29.

5. Къ № 126. Ср. въ нашей книгѣ: „Русскія народныя пѣсни“, отд. масляничн. № 2, стр. 407.

6. Къ № 132.

„На горѣ *купоросъ* росъ“.

Купоросъ тутъ есть ничто иное, разумѣется, какъ кипарисъ, слово, которое въ народѣ почти вездѣ употребляется въ формѣ *купарисъ*. Гласная же во второмъ слогѣ здѣсь измѣнилась въ силу воздѣйствія на нее гласной послѣдующей. О такомъ уподобленіи гласныхъ см. сочиненіе Потто „Dozzelung“, стр. 4.

7. № 187 въ исправленномъ видѣ:

У насъ сегодня толока
Щука рыба волокла
А на дворѣ да ни рано.

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).

Господарь соловей,
Ворочайся живѣй!
Господынка вутка
Ворочайся хутка!
Наварила буракоў,
Насыпала чирвякоў.
Наварила каши,
Насыпала сажи.
А на дворѣ да ни рано.

8. Къ № 231.

Кабъ змія *заломоў* ни ломала,
Ў жицѣ коренья не копала.

„Заломъ—закрута, завертка, завитокъ, завязь въ хлѣбѣ на корню, скрученный знахаремъ пучекъ колосьевъ, на порчу или на пагубу хозяину нивѣ; только знахарь можетъ вырвать заломъ“. Словарь Даля.

Уроженецъ Витебск. губ. и уѣзда (быв. Суражск.), г. Н—скій сообщилъ намъ о заломѣ слѣдующія, небезъинтересныя данныя:

Заломъ, по увѣренію крестьянъ, исключительно дѣлается надъ стеблями ржи (почти уже созрѣвшей) такъ:

Какой нибудь недобрый человѣкъ, преимущественно знахарь, почему либо озлобленный противъ своего ближняго, отправляется ночью на ниву послѣдняго, гдѣ онъ, захвативъ горстью нѣсколько

стеблей, скручиваетъ ихъ довольно плотно, не вырывая изъ земли, въ одинъ пучекъ, который онъ надламываетъ такимъ образомъ, что висящіе колосья остаются въ направленіи къ сѣверу. Заломъ, по непоколебимому вѣрованію нашихъ крестьянъ, таитъ въ себѣ большую губительную силу: отъ простаго прикосновенія къ нему разслабляется рука и все тѣло, является колтунъ; беременныя женщины выкидываютъ и вообще приключаются многіе другіе случаи, исходъ которыхъ всегда — смерть. Зерна изъ колосьевъ залома даютъ какой-то фантастическій плодъ, а употребляемый въ пищу — производитъ холеру.

При такомъ вѣрованіи въ могучую силу залома весьма естественно, что вся деревня впадаетъ въ страхъ и трепетъ при одномъ только извѣстіи о немъ, тѣмъ болѣе, что онъ, по убѣжденію всѣхъ, съ одинаковою силой дѣйствуетъ и на скотъ. Понятно по этому, что все населеніе изо всѣхъ силъ старается какъ можно скорѣе сжить такую бѣду и на заподозрѣннаго виновника ея смотритъ съ особеннымъ негодованіемъ. Вырывать, уничтожить заломъ можетъ исключительно только знахарь.

Во многихъ мѣстахъ Смоленской и другихъ губерній для этого приглашается на мѣсто появившейся напасти только священникъ, который по прочтеніи молитвы разрываетъ заломъ и окропляетъ святою водой всю ниву, начиная съ того мѣста, гдѣ была закрута. Затѣмъ и нѣкоторые хозяева сосѣднихъ полей приглашаютъ батюшку для освященія и окропленія святою водой и ихъ нивы.

Вѣрованіе въ заломъ, подъ различными только названіями (см. выше выписку изъ слов. Даля) довольно распространено и въ Великороссіи. Оно, какъ видно изъ Областнаго Словаря и дополненій къ нему, существуетъ кромѣ названной и въ губерніяхъ Тверской, Псковской и Курской. Если у крестьянина последней губ. (Судж. у.) случится на нивѣ заломъ, то онъ обыкновенно обращается къ сосѣду или знакомому съ такими характеристичными словами: „У меня *закрута* въ полѣ, не знаешь ли знахаря-ворожея, чтобы ее открутить“? (Опытъ Областн. Словаря изд. Втор. Отд. Академіи Наукъ, стр. 63). Въ дополненіе къ сказанному см. „Сказанія русскаго народа Сахарова“, изд. 3-е, т. 1, стр. 53, № 8; „хлѣбная завязка“.

9. Къ №№ 216, 217 и 218. Ср. въ изд. въ 1859 г. въ Саратовѣ г. Д. Мордовцевымъ „Малорусскомъ Сборникѣ“ стр. 234 пѣсню, зап. въ Кіевѣ г. Н. Костомаровымъ, подъ заглавіемъ: „Братъ зъ сестрою“. Сходство этой легенды съ нашими варіантами поразительное, за исключеніемъ только начальныхъ 10—12 стиховъ, служащихъ какъ бы введеніемъ (въ №№ 216 и 217). Въ главныхъ чертахъ содержаніе этой пѣсни распространено во множество варіантовъ у другихъ славянскихъ народовъ и у нѣмцевъ (см. Wendische Lieder Гаупта и Смоляра ч. 1 стр. 329), но нигдѣ тамъ не упоминается о превращеніи брата и сестры въ цвѣтокъ.

10. Къ № 219 и 220. Ср. въ Сборникѣ Метлинскаго: „Народныя южнорусскія пѣсни“ стр. 311.

11. № 268 въ исправленномъ видѣ:

Разгорися вячернія зорка пирадъ ранею,
Разгорися!
Расходзися наша господынка пирадъ жнейками,
Расходзися!
Одмыкай-жа высокіе цирамы золотыми ключьми,
Одмыкай-жа!
Выбирай-жа тонкіе обрусы голанцкіе,
Выбирай-жа!
Засцилай-жа тонкими обрусми чисовые столы,
Засцилай-жа!
Наливай-жа зяленымъ виномъ золотые кубки,
Наливай-жа!
Да й витай-жа першую жнейку постацяночку,
Да й витай-жа!
Выпи, выпи першая жнейка постацяночка,
Выпи, выпи!

12. Къ стр. тома 460, оттисковъ же 176. Описанный обрядъ (завиванія бороды) совершается не только во многихъ мѣстахъ Великой и Малой Руси, но и въ Германіи, Швеціи, остальной Европы и въ другихъ частяхъ свѣта. См. Аѳанасьева: „Поэтическія возрѣнія Славянъ на природу“, т. I, стр. 141 и 697—8; „Сборн. народныхъ южнорусск. пѣсенъ“ Метлинскаго, стр. 325 — 327,

Этногр. Сборн. вып. 1, ст. м. Александровка (Черниговск. губ.) св. Базилевича—стр. 334; Мангардта: Die Korndämonen, стр. 12 и 22 и наконецъ статья Бастіана: Der Baum in vergleichender Ethnologie въ Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft Лацаруса и Штейнталя, т. 5. Изъ послѣдней статьи стр. 300, позволимъ себѣ выписать здѣсь нѣсколько интересныхъ строкъ: „Какъ при жатвѣ ржанаго поля оставляютъ отдѣльный снопъ недожатымъ для того, чтобы дать послѣднее убѣжище житной тетки, прогнанной изъ своей обширной территоріи, до сихъ поръ ею занимаемой, такъ точно при культивированіи лѣсныхъ пространствъ въ Остъ-Индіи обыкновенно оставляютъ пару пней для демоновъ, лишившихся доселѣшнихъ своихъ обиталищъ, сосредоточивая, такъ сказать, этимъ міръ духовъ на болѣе тѣсномъ пространствѣ“ и т. д.

13. Къ 341 стр., оттисковъ 57. Хороводная и святочная игра ящуръ или ящеръ существуетъ и въ Россіи. См. въ нашей книгѣ въ отд. „святочныя игрища“, стр. 386, № 7.

14. № 395 предлагаемъ въ слѣдующемъ исправленномъ видѣ:

Ай гóра, гóра шаўцова доля
Што дзѣўки ня любяць!
Одна любила и загадала
Чаровичиньки шици.
„Поши жа ты мнѣ чаровичиньки
Зъ комаровой скурки“. } 2
— „Коли я буду чаровички шици
Зъ комаровой скурки
Напрадзи жа мнѣ тониплькой дратоўки
Тонѣй пауцинки“. } 2
— Коли я буду дратоўки прасци
Тонѣй пауцинки,
А соши жа мнѣ тонку кошульку
Бязъ нитки, бязъ иголки“. } 2
— „Коли я буду кошульку шици
Бязъ нитки, бязъ иголки,
А улови ты мнѣ бѣлу рыбинку
Бязъ сѣци, бязъ чаўночка“. } 2
— „Коли я буду рыбку ловици
Бязъ сѣци! бязъ чаўночка,

А зготуй ты мнѣ бѣлу рыбиньку,
Штобъ яна была живусинька".
— „Коли я буду рыбку варицп
Штобъ яна была живусинька,
А бяры жъ ты бѣлу рыбу,
Штобъ яна была цалюсинька".

Видно не конченная; далѣе пѣвица не могла ничего припомнить. Ср. в нашей книгѣ: «Русскія народныя пѣсни», отд. «плясовыя», стр. 231 — 233 № 85 и 86.

15. Къ №№ 610—616. *Коровайныя* пѣсни, распѣваемыя на свадьбахъ при довольно сложной церемоніи печенія коровая входятъ важнымъ элементомъ въ составъ свадебнаго обряда какъ у сельскаго населенія другихъ мѣстностей Бѣлороссіи (см. Зенкевича: Piosnki gminne ludu pinskiego, стр. 67—64; „Этнографич. взглядъ на Виленск. губ." въ „Этногр. Сборникѣ" вып. III, стр. 242—547, №№ X—XXIII), такъ и у Малоруссовъ и Червоноруссовъ (см. Сборн. Метлинскаго „Народныя южнорусскія пѣсни" стр. 160—166; Этногр. Сборникъ 1858, вып. III, стр. 11 — 12; Этнограф. Сборн. 1853, вып. I, ст. свящ. Иваницы: „Домашній бытъ Малоросса", стр. 352—353 и Сборникъ Войцицкаго: Piesni ludu т. II, стр. 134 — 135, 142, 145 — 146). Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ церемоніяхъ и пѣсняхъ бросаются въ глаза еще свѣжіе, весьма крупные слѣды религіознаго культа, видимо состоявшаго въ тѣсной связи съ культомъ земледѣльческимъ.

16. Къ №№ 662 и 663. Ср. въ Сборн. Метлинскаго „Народн. южнор. пѣсни" стр. 204.

17. № 722 относится собственно къ „Колядньмъ". Ср. вар. къ нему въ Сборн. Р. Зенкевича: Piosenki etc. Kowno 1851, стр. 6—10. Послѣдній варіантъ вообще полнѣе нашего, только въ немъ недостаетъ курьезнаго начала:

„Шли пастыри изъ Ерусалима
Отъ поўночи до Максима",

а начинается прямо съ третьяго, по нашему списку, стиха:

Максимъ стары бородаты
Изпужався и т. д.,

такъ-что остается непонятнымъ, чего испугался онъ?

18. Къ №№ 723, 724 и 725. Ср. такъ же стр. 232—234.

Замѣтка къ жнивнымъ (спорышевымъ) пѣснямъ.

Едва ли у какого либо изъ славянскихъ народовъ сохранилось до нашего времени столько обычаевъ, обрядовъ, суевѣрій и пѣсенъ, относящихся къ земледѣльческому быту и напоминающихъ собою глубокую миѳологическую древность, какъ у забитыхъ, многострадальныхъ Бѣлоруссовъ. Ихъ поэзію безошибочно можно назвать земледѣльческою, *аграрною*. Причины этой сохранности, этой долговѣчности нужно искать не столько въ историческихъ, сколько въ территоріальныхъ и экономическихъ условіяхъ Бѣлорусскаго народа. Бѣлоруссъ—исключительно пахарь, и до послѣдняго времени, т. е. до начала проведенія желѣзнодорожныхъ линій въ западныхъ губерніяхъ,—кромѣ хлѣбопашества, онъ почти и не зналъ никакихъ другихъ источниковъ обезпеченія своего существованія; а извѣстно, что изъ всѣхъ сословій самое устойчивое, самое консервативное во всемъ, это—сословіе земледѣльческое. Оно всегда и повсюду обыкновенно тѣмъ упорнѣе держится завѣтовъ своихъ предковъ, тѣмъ ревнивѣе хранитъ въ возможной неприкосновенности ихъ преданія и вѣрованія, чѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе попытка окружающихъ его народностей оторвать его отъ нихъ и навязать ему свое убѣжденіе, свое міровоззрѣніе, свои традиціи. Не тоже ли самое мы видимъ въ исторіи Бѣлоруссіи? Стоитъ только вспомнить, какимъ страшнымъ колебаніямъ въ теченіе послѣднихъ вѣковъ подвергались коренныя національныя основы Бѣлорусскаго народа со стороны Литвы, Польши и папства, и живучесть обрядовой ея поэзіи съ весьма плотною миѳическою под-

кладкой, прочность и нерасшатанность ея аграрныхъ обычаевъ разъясняется само собою. Дальнѣйшій ходъ историческихъ судебъ прикрѣпилъ Бѣлорусса къ землѣ такими тяжелыми, будто заколдованными цѣпями, высвободиться изъ-подъ которыхъ не было никакой возможности. Отсюда ясно, почему мы въ Бѣлоруссіи почти не встрѣчаемъ купеческаго, ремесленнаго, мѣщанскаго сословія въ средѣ христіанскаго населенія. Этого бы паны не допустили—на то у нихъ были Евреи. На долю же раба крестьянина осталось одно вѣчное, безвыходное занятіе — хлѣбопашество. На немъ то поэтому естественно сосредоточились всѣ его помыслы и стремленія; оно послужило основаніемъ его міросозерцанію, складу его понятій и источникомъ всѣхъ его радостей и печалей, всѣхъ его упованій и надеждъ. „Самая жизнь земледѣльческая, говоритъ нашъ почтенный археологъ и этнографъ Снѣгиревъ, сближающая человѣка съ природою, для него то благопріятною, то враждебною и призывающею его къ общенію съ подобными себѣ, есть обильный источникъ вѣрованій и обычаевъ, поэтому работы и праздники земледѣльческіе соединены съ таинственными обрядами, обѣтами, жертвами и гаданіями, освящаются именами с. покровителей земледѣльческихъ работъ и разнаго рода жита и овощей' составляющихъ вещественное богатство поселянина. Оно выражается въ старинной пословицѣ: „всякаго жита по лопатѣ". Чѣмъ болѣе было у поселянина язычника разнаго рода хлѣба и овощей, тѣмъ болѣе боговъ, покровительствующихъ онымъ; — чествованіе сихъ покровителей есть и источникъ празднествъ земледѣльческихъ и сельскихъ" *). Эти слова, высказанныя лѣтъ 35 тому русскимъ ученымъ, вполнѣ подтверждаются всѣми археологическими и этнографическими изслѣдованіями нашего времени; въ доказательство чего, намъ кажется, достаточно будетъ привести подходящее сюда мнѣніе знаменитаго ученаго путешественника, этнографа и лингвиста, профессора Берлинскаго университета, Адольфа Бастіана. „Начало свое, говоритъ онъ, мистеріи берутъ изъ обрядовъ земледѣльческихъ; эти обряды представляютъ нѣкоторымъ образомъ простѣйшую форму, обратившуюся въ законъ церемо-

*) См. «Русскіе простонар. празд.» вып. IV. М. 1839, стр. 89—99.

ніальной религіи, которая могла сложиться въ систему только при переходѣ номадной жизни къ осѣдлости" *).

Земледѣліе преимущественно послужило многимъ народамъ древняго и новаго міра началомъ и краеугольнымъ камнемъ религіознаго, миѳологическаго культа. Взглянемъ, напримѣръ, хоть въ миѳологію древнихъ Римлянъ: тамъ мы видимъ, что возникновеніе и существованіе большинства ихъ боговъ обусловливается земледѣліемъ: „Сея (Seia) завѣдывала посѣвами, пока они находились подъ землею, Сегета принимала ихъ подъ свою опеку уже по выходѣ ихъ изъ почвы, Тутилина покровительствовала собраннымъ съ полей колосьямъ, Надотъ—завязи стеблей, Волатина—шелухѣ колосьевъ, Пателина—раскрывшимся лепесткамъ, Гастелина—ости колосьевъ; далѣе Флора берегла колосья въ цвѣту, Ранцина радѣла о жатвѣ, сборѣ" **). Тоже самое явленіе мы встрѣчаемъ, какъ у другихъ народовъ древности, такъ и въ уцѣлѣвшихъ, довольно значительныхъ обломкахъ вѣрованій современныхъ намъ Бѣлоруссовъ. Изъ этихъ обломковъ весьма прозрачно видно, что во времена язычества чуть ли не каждое движеніе впередъ процесса роста злаковъ: прозябеніе, всходы, созрѣваніе и пр., каждая полевая работа, какъ наприм. пахота, сѣвба, жатва и пр.—все это находилось подъ особымъ попеченіемъ какого либо божества. Старая истина, что народъ весьма медленно и неохотно разстается съ своими суевѣрными понятіями и религіозными убѣжденіями, вкоренившимися въ него въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, — вполнѣ оправдалась и тутъ. Въ Бѣлоруссіи, при введеніи христіанства вся масса коснѣвшаго въ язычествѣ народа, весьма поверхностно затронутая его высокими истинами, для избѣжанія нареканій и преслѣдованій со стороны своихъ новыхъ духовныхъ пастырей, ухитрилась, какъ видно, подвести свои старыя вѣрованія подъ новыя заглавія, пріурочивъ ихъ только къ святымъ и угодникамъ непривычной, непонятной ей религіи. Вотъ почему изъ-подъ весьма неглубокаго, довольно зыбкаго наслоенія христіанскихъ понятій въ Бѣлорусскомъ народномъ творчествѣ выглядываетъ цѣлый крѣпкій кряжъ языческихъ представленій. Богъ, Божія Матерь, Апо-

*) См. А. Бастіана въ: Der Mensch in der Geschichte, Т. III, стр. 58.
**) Тамъ же, стр. 36.

столы, святые мученики и угодники Божіи, даже многія отвлеченныя понятія христіанской церкви въ обрядовой поэзіи Бѣлоруса облечены плотью и кровью и имѣютъ весьма опредѣленныя, рѣзко очерченныя обязанности въ дѣлѣ обработыванія его полей и благоустройства его хозяйственныхъ и семейныхъ обстоятельствъ. Всѣ эти высшіе, неизмѣнные, безсмертные радѣтели его земнаго благополучія изображены имъ не только со всѣми добродѣтелями и слабостями простыхъ смертныхъ, но даже снабжены довольно крупнымъ оттѣнкомъ крѣпостничества и патріархальнаго панства.

Наприм. изъ отд. Купальск.

Самъ Богъ мёды сыциць,
Илля пиво варыць,
Самъ Богъ сына жениць
А Илля дочкў выдаець и т. д. № 230.

или: Сегодня ў насъ Купала. То, то, то
Самъ Богъ огонь расклаў,
Ўсихъ святыхъ къ себѣ созваў;
Только нѣту Илли съ Пятромъ,
Пошоў Илля коло жита. № 232.

Изъ отд. Свадебн.

или: Самъ Богъ коровай мѣсиць,
Прачистая свѣциць и т. д. № 611
или: Коровай мой румяны!
Ци боги цябе малевали? № 614

Изъ отд. жнивныхъ:

или: Будземъ сестра жито жаць
И ў жицѣ Бога искаць.
Нашли Бога зъ барылычкой,
Зъ красной горэлычкой и т. д, № 274

Въ слѣдующемъ затѣмъ №, изъ Леп. у. зап. мною, повторяется тоже самое.

—

Изъ отд. Волочебныхъ.

Прачистая да и Большая
Житцо посвянцала, засѣвала,
Да и Меньшая, дыкъ лѣпшая Паненочка,

Пиредъ Богомъ кланялася:
А я жъ, Боже, не гуляла,
Житцо пахала, ў грань погоняла,
Ў грань погоняла, яро збирала. № 142

Божія Матерь ѣдетъ по владѣніямъ пана Григорки въ каретѣ:

....ѣхала карета
Мулеванная, вызлочанная.
Хто же ў той карецѣ? Сама Госпóжа,
Сама Госпóжа, Матка Божжа,
Матка Божжа и Прачистая.
Яна пріѣзжала, сама привитала,
Да на конечку, да на буляненькомъ.
А святый Юрій за повозничка,
Святая Микола за помощничка.

Она встрѣчаетъ волочевничковъ:

Сустрѣўши, уклонились,
Уклониўшися, помолилися.
Волочовнички, бѣлые молойцы!
Чи не видзѣли, чи не бачили,
Бога своего, сына моего?
— Да одзинъ каже: я же не бачеў,
Да другой каже: я не видзѣў,
А трецци каже: я самъ тамъ быў:
Да и сидзиць Боже ў честного мужа,
Ў честного мужа, пана Григорки и т. д. № 147
Прачистая Маць по пахацѣ ѣдзець:
Возьми конями да ўсё вороными,
Тремя слугами да ўсё вѣрными:
Святы Ягорья на козлахъ сядзиць,
Святы Илля на запяткахъ стоиць,
А святы Микола посрадзи Яе. и т. д. № 141.

О должностяхъ святыхъ, апостоловъ и *святъ* (праздниковъ) достаточно привести слѣдуюшіе примѣры;

Святый Юріи, боски (Божій) ключникъ!
Да идзи ў поле, да ў чистоя!
Ӧдомкни замлю, пусци росў,

Пусци росу на гэту васну,
Дай мокраю, дай цёплаю,
На гэтотъ свѣтъ, на ўсяки цвѣтъ,
На людъ васелый, на урожае.
Святы Борисъ ляды палицъ,
Землю грѣицъ, жито сѣицъ,
Святы Микола, старая особа:
Горохъ сѣицъ, по полю ходзицъ,
По полю ходзицъ, житца глядзицъ:
Гдзѣ вымокла, тамъ подсушицъ,
Гдзѣ высохла, тамъ подмочицъ и т. д. № 142.

—

Святая Сёмка, позна сѣўба, грецку сѣицъ,—
Святая Троица по вулицы стучицъ-гручицъ,
Гнойки *) возицъ, попаръ орецъ.

Тамъ же.

—

Дзисятуха красў давала,
А пяцынка красў здымала.
Святый Иванъ кбску правицъ;
Святы Покроў! покры землю
Жоўтымъ зярномъ, молодымъ сняжкомъ,
Воду лёдомъ, пчёлу мёдомъ
Святы Змицёръ, ёнъ на ўсё хицёръ,—
Солоды солодзицъ, нивы робицъ,
Сыноў жаницъ, дочекъ выдавацъ.

Тамъ же.

—

Святый Юрій коровъ пасетъ, пригоняетъ ихъ домой, загоняетъ въ хлѣвъ и охраняетъ ихъ отъ *гада бѣгучаго*, отъ *змѣя летучаго*.

Тоже самое дѣластъ Микола съ конями и пр. пр. пр.

—

Можно ли, послѣ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ, далеко еще неисчерпанныхъ, сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти олицетворенныя понятія суть ничто иное, какъ весьма яркое отраженіе язы-

*) Навозъ.

ческихъ боговъ, замаскированныхъ подъ религіозными именами, освященными христіанскою церковью. Тутъ остается пока необъяснимымъ только то замѣчательное обстоятельство, какимъ образомъ спаслись отъ этого замаскированія и сохранились до нашихъ дней подъ собственнымъ своимъ именемъ такіе замѣчательные боги, какъ Коледа и Купала? Но въ ожиданіи разрѣшенія этого вопроса, намъ приходится присоединить къ этимъ богамъ еще одного, доселѣ неизвѣстнаго, какимъ-то чудомъ спасшагося отъ общаго крушенія и уцѣлѣвшаго подъ собственною кличкой. Это богъ жатвы. Имя ему Рай. Этотъ богъ, какъ видно, глубокой миѳической древности, сколько намъ извѣстно, является впервые въ русской литературѣ на страницахъ нашего бѣлорусскаго сборника, и намъ бы слѣдовало дать ему надлежащее освѣщеніе, обставить его хоть сколько нибудь данными изъ сравнительной миѳологіи индо-германскихъ народовъ. Но живя въ провинціи и не владѣя научными пособіями, необходимыми для основательнаго, всесторонняго изслѣдованія новой миѳологической особы, мы передаемъ новое миѳологическое открытіе, сдѣланное нами случайно, по чужой инниціативѣ, въ руки болѣе ученыхъ, болѣе компетентныхъ судей, прибавляя отъ себя только краткую исторію этого открытія, если пока его можно назвать таковымъ, и нѣкоторыя необходимыя указанія, намъ болѣе сподручныя.

Въ 1869 г. многоуважаемый сотрудникъ нашъ, бывшій профессоръ Витебской Семинаріи, С. К. Шимковичъ доставилъ намъ двѣ тетради пѣсенъ, нарочно записанныхъ для насъ братомъ его, свящ. Н. К. Шимковичемъ. Тамъ между прочимъ была и пѣсня № 361 нашего сборника „Ходзиў Рай по вулицѣ“, съ выноской внизу: „Рай— богъ жатвы“, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Не позволяя себѣ никогда на основаніи содержанія какой либо отдѣльной, нигдѣ не повторяемой, извѣстной только одной мѣстности, пѣсни, строить свои заключенія до тѣхъ поръ, пока случай или розысканія не доставятъ намъ достаточнаго для этого количества варіантовъ изъ разныхъ мѣстностей, мы, понятно, и на этотъ разъ не могли придать особеннаго значенія единичному факту, ни чѣмъ не подкрѣпленному. Мы его приняли только, какъ говорится, къ соображенію, какъ указаніе на то, чего слѣдуетъ искать. Но

вскорѣ, перебирая отдѣлъ жнивныхъ пѣсенъ, подъ названіемъ „Спорышевыхъ“ (нами записаннымъ отъ М. Коткевичовны изъ Лепельскаго у.), мы остановились на № 357 и были поражены сходствомъ его съ Шимковичевскимъ, за исключеніемъ только одного названія Спорышъ. Въ томъ же году, черезъ посредство того же г. Шимковича, мы получили еще варіантъ, записанный въ Городокскомъ уѣздѣ, его братомъ (№ 358 нашего сборника). Затѣмъ въ 1871 г-жа Смигельская обязательно доставила намъ (№ 360 и 363) и наконецъ въ 1872 мы получили еще два варіанта (№ 359 и 366, а также № 362).

Имя Рай упоминается въ вышеозначенныхъ варіантахъ въ отдѣлѣ „дожинночныхъ пѣсенъ“, названныхъ у насъ „Спорышовыми“, названіе, подъ которымъ онѣ существуютъ въ мѣстечкѣ Чашникахъ и его окрестностяхъ. Эти пѣсни обыкновенно распѣваются жницами въ послѣдній день „Дожинокъ“, при торжественной процессіи несенія послѣдняго снопа вмѣстѣ съ вѣнкомъ на хозяйскій или панскій дворъ (см. стр. 460 *). *Спорышовыми* вѣроятно онѣ названы оттого, что значительнѣйшая часть вѣнка состоитъ изъ *спорышей*, т. е. стеблей съ колосомъ-двойчаткой, какъ предзнаменованіе всякаго обилія и плодородія. Слово *спорышъ*, происходя отъ глагольнаго корня: *спор* — (*спориться*, спорый, спорить и пр.) совпадаетъ съ греч. speiro—сѣю, sporos—сѣятель. Терминъ *споры* до сихъ поръ существуетъ въ ботаникѣ и зоологіи и значитъ зародышевыя клѣтки, крупинки размноженія, стало быть—плодотворное начало. Что же касается до этимологіи слова Рай, то оно пока скрывается во мракѣ. но если искать его корня въ санскритѣ, то въ Словарѣ Бётлинга стр. 43 подъ словомъ *рай* (rai) мы найдемъ: Besetz, Habe, Gut, Kostbarkeit — владѣніе, имущество, добро, драгоцѣнность **). Случайное ли это совпаденіе съ бѣлорусскимъ словомъ, или оно состоитъ съ нимъ въ болѣе тѣсной этимологической связи—рѣшить не намъ; но всѣ приведенныя у насъ разночтенія вполнѣ, кажется, оправдываютъ его санскритское значеніе. Кромѣ разобраннаго выше названія Спорыша, въ 358 № слово *рай* замѣняется уже словомъ

---

*) Стр. оттисковъ 176.

**) Этимъ указаніемъ мы обязаны молодому санскритологу В. Ѳ. Миллеру.

добро. „Ишло добро дорогою“. При этомъ слѣдуетъ вспомнить, что *добро* по бѣлорусски значитъ: всякій посѣянный хлѣбъ и наконецъ въ 263 № эти всѣ качества сливаются въ наименованіе самаго источника всяческихъ благъ и преуспѣяній. „Ишоў богъ дорогою“. И тутъ невольно приходитъ на память, что всѣ сорты хлѣбныхъ растеній въ Бѣлороссіи обозначаются еще словомъ *Збожже* т. е. зъ Божья, отъ Бога, Богомъ данное, даръ Божій.

Въ 366 № представленіе о святости и многознаменательности жатвеннаго вѣнка нѣсколько будто ослабляется. Это уже не самъ Богъ увѣнчанный торжественно идетъ къ хозяину нивы, какъ бы съ поздравленіемъ; но только молодыя жнейки несутъ къ послѣднему оброненную богомъ корону, несомнѣнный символъ изобилія и плодородія.

Ходзилъ Богъ по полю
Поцерялъ корону.
Наши жнейкп жали,
Корону подняли,
Хозяину на руки подали и т. д. № 360.

Что же касается до содержанія спорышовыхъ пѣсенъ, то оно во всѣхъ варіантахъ существенно сходно, только въ № 357 оно выразилось нѣсколько полнѣе.

Рай, Добро, Спорышъ, или наконецъ Богъ, олицетворяемый на этотъ разъ избранною жницей, увѣнчанною его короной (вѣнкомъ), во главѣ своихъ сотрудницъ-жницъ, проходитъ дорогой, или улицей широкою, по муравѣ зеленой вдоль деревни. Хозяинъ или хозяйка, у кого празднуются „дожинки“, приготовившись подобающимъ образомъ къ принятію желаннаго гостя, выходитъ къ нему на встрѣчу съ усерднѣйшею просьбой:

Ходзи, Раекъ, ко мнѣ ў дворъ. №№ 360 и 362.
или: А прошу, Раю, къ себѣ ў хату. № 361.
или: Ко мнѣ, Добро, ў мое гумно. № 358.
или: Ходзи, Спорышъ, ко мнѣ на дворъ. № 357.

Продолжаемъ словами послѣдняго варіанта, какъ полнѣйшаго:

Ко мнѣ на дворъ за чисовъ столъ.
Ў меня столы позасцилаwы,
Кубки впномъ поналиваны,

Сядзь, Спорышъ, на покуцѣ,
На покуцѣ, на ѕ́олоцѣ,
Пи, Спорышъ, зялено вино.

Далѣе этотъ варіантъ оканчивается мольбой хозяяна къ безсмертному гостю о прибыли и удачѣ во всемъ его хозяйствѣ:

Споры, Божа, ў моемъ гумнѣ,
Ў моемъ гумнѣ, ў моемъ дворѣ:
На тоху вмолотъ, а въ дзяжи подходъ,
А въ печи ростъ, а на столѣ сыццё!

Этою или подобною мольбой оканчивались вѣроятно и другіе варіанты. А что тутъ слово *Боже* относится къ засѣдающему за столомъ *спорышу* подтверждается, во первыхъ, слѣдующими стихами изъ № 359:

Нихто Рая ня просиць,
Просиць Яго мой Потапочка:
Мое гумно высокоя,
Пираплеты высокіе,
Ёсь гдзѣ *Богу* посядзѣци,
Мойго *добро* поглядзѣци!
Одного житнаго,
А другого ярычнаго,
А трецдяго пшаничнаго. (№ 358).

А во вторыхъ еще болѣе подтверждается № 363 (изъ Вилен. губ.), который мы здѣсь и приводимъ цѣликомъ:

Ишоў Богъ дорогою,
А за нимъ нашъ панъ идзецъ,
Ў рукахъ шапочку нясецъ
И до себѣ Бога просиць:
Да ко мнѣ, Боже, да ко мнѣ!
Да зъ густыми снопами
Да зъ частыми копами.
Ў мяне гумно вяликоя,

---

*) Кстати послѣдніе четыре стиха могутъ служить доказательствомъ, что *добро* (какъ и збожье, збожже) есть родовое понятіе хлѣбныхъ растеній какъ на корню, такъ и въ зернѣ.

Пираплоты высокіе,
Ёсь гдзѣ снопы стаўляци
Ёсь гдзѣ скирты класци.

—

Изъ всѣхъ изложенныхъ данныхъ вытекаетъ слѣдующее:

1) Упоминаемый въ дожиночныхъ спорышовыхъ пѣсняхъ *Рай* несомнѣнно есть названіе бога жатвы въ ея окончательномъ результатѣ.

2) Атрибуты Рая: вѣнокъ изъ спѣлыхъ колосьевъ ржи, спорышей и полевыхъ цвѣтовъ.

3) Людямъ онъ является въ олицетворенномъ образѣ цвѣтущей молодости и безпорочной жизни дѣвицы.

4) Его задача — *спѣть прибыль*, *споръ*, *преуспѣяніе* въ результатахъ земледѣльческаго труда.

5) Существованіе бога Рая указываетъ на то, что существовали подъ своими собственными именами и другіе земледѣльческіе боги, иначе не для чего было выдѣлять одного изъ нихъ особеннымъ отличительнымъ именемъ.

6) Если *Рай*, *Раекъ*, *Спорышъ* и т. д. сохранился въ памяти сельскаго населенія Витебской и Виленской губерніяхъ, то имѣемъ достаточное основаніе предполагать, что онъ существуетъ и понынѣ въ пограничныхъ, въ этнографическомъ отношеніи весьма сходныхъ съ предыдущими, Могилевской и Минской губерніяхъ, откуда по сіе время, къ сожалѣнію, почти не имѣется въ литературѣ жнивныхъ пѣсенъ и обрядовъ.

Вообще до сихъ поръ у насъ еще очень мало сдѣлано относительно собиранія обрядовъ, обычаевъ, пѣсенъ, суевѣрій и проч. характеризующихъ земледѣльческій бытъ русскаго народа вообще и бѣлорусскаго племени въ особенности. Въ губернскихъ вѣдомостяхъ и памятныхъ книжкахъ статистическихъ комитетовъ разныхъ губерній, въ иныхъ старыхъ журналахъ, пожалуй, еще можно было бы отыскать и по этой части кое-какой матеріалъ, но добраться до него весьма трудно; онъ почти не существуетъ для большинства публики и имъ могутъ пользоваться только счастливые жители столицъ. Прежніе же собиратели этнографическихъ данныхъ непосредственно изъ устъ народа и издававшіе свои труды отдѣльно, мало, какъ видно, обращали вниманіе на этотъ

предметъ, чѣмъ и дали возможность погибнуть безвозвратно многимъ драгоцѣннымъ для науки фактамъ. И нашъ сборникъ, вслѣдствіе ограниченности нашихъ средствъ и служебныхъ обязанностей, не позволявшихъ вóвремя и на мѣстѣ наблюдать и подмѣчать, какъ бы хотѣлось, явленія внутренняго быта сельскаго населенія, съ грустью мы должны сознаться, далеко не отличается желанною полнотой, но онъ на это и не претендуетъ. Во всякомъ случаѣ, со стороны аграрной, обрядовой поэзіи, онъ, смѣемъ думать, можетъ, по крайней мѣрѣ, служить компасомъ для того, кто, при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, отважился бы пуститься на этнографическіе поиски въ постоянно разными наносами заваливающіяся шахты самобытной народной жизни, гдѣ еще можно открыть не мало драгоцѣнныхъ рудъ богатой пра-древней миѳологической залежи.

Нѣкоторыя выдающіяся черты Бѣлорусскаго нарѣчія.

Отличительныя свойства гласныхъ буквъ.

А иногда переходитъ: 1) въ *ы*, напр. въ словѣ да—ды, 2) въ *я* (союзъ против.) „*я* пыталися славнаго мужа" (Минск. губ. Бобр. уѣзд.) № 147.

Е 1) безъ ударенія переходитъ:

а) послѣ шипящихъ ж, ч, ш, щ въ *а*, напр. жанá, чалóмъ, чамý, шасты (т. е. жена, челомъ, чему, шестой).

б) послѣ свист. *з, с*—въ *я*, напр. зямля́, зялёны, сястрá и проч. (т. е. земля, зеленый, сестра).

в) послѣ губныхъ: б, в, м, п (*ф* отсутствуетъ) — тоже въ *я*, напр. бяруць, вядзець, мяне, пярловы, пялюшки (т. е. берутъ, ведетъ, меня, перловый, пелюшки, т. е. пеленки *).

2) Въ глагольныхъ окончаніяхъ изъявит. наклон. настоящ. врем. ед. ч., 2-го и 3-го лица *е* никогда не произносится какъ *ё*, а постоянно какъ *е* въ словѣ *день*, или какъ *ѣ* въ словѣ *нѣтъ*, стало быть: идзешь, идзець, кладзешь, кладзець, продаешь, продаець и проч., идёшь, идётъ, кладёшь, кладётъ, продаёшь, продаётъ и проч.

---

*) Впрочемъ, во всѣхъ приведенныхъ и подобныхъ случаяхъ часто въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ (особливо Витебск. и Могил. губ.), даже одпѣми и тѣми же лицами *е* выговаривается рѣшительно какъ *и*. Это явленіе встрѣчаемъ и въ областныхъ говорахъ русскаго языка. Тутъ, какъ и вездѣ, произношеніе, необуздываемое грамотностью, находится въ колебательномъ состояніи.

Точно также и въ концѣ род. и дат. пад. личн. мѣстоим. ж. р. ед. ч. Эта гласная произносится всегда какъ *е* въ словѣ ель, т. е.: яе (јаје) *).

3) Е произносится какъ ё:

а) въ предл. и дат. п. им. сущ. мн. ч., напр.: ў грудзёхъ, по сѣнёхъ, людзёмъ и проч. (въ грудяхъ, по сѣняхъ, людямъ и проч.).

б) въ предл. пад. личн. мѣстоим. ед. чис. м. и ср. р.: объ ёмъ (о немъ).

в) въ глагольн. окончаніяхъ мн. ч. изъяв. накл. наст., а иногда и буд. вр., если удареніе на послѣднемъ слогѣ, напр. живицё, ляжицё, горицё, засницё, отдасцё и проч. (живете, лежите, горите. заснете, отдадите и проч.).

г) въ началѣ сущ. глаг. ед. ч. наст. вр.: ёсць, ёсь, ё (т. е. — есть). Впрочемъ, во многихъ мѣстностяхъ Минской губерніи это слово, въ сокращенной формѣ, произносится и какъ *е* въ началѣ слова *ель* т. е. *е* (је).

И въ началѣ слова переходитъ въ й, если она слѣдуетъ за словомъ, оканчивающимся какою либо гласною, напр.: „туды йшла паненка“, „Купала на Йвана“ и проч.

Эта гласная часто прибавляется къ началу словъ, чтобы облегчить произношеніе нѣсколькихъ согласныхъ сподрядъ, наприм.: ильнуць (льнуть), ирвацъ (рвать), иржа (ржа), ишла (шла), ирзаць (ржать) и проч.

Полугласная *ь*, служащая между прочимъ слогораздѣлителемъ въ нѣкоторыхъ именахъ собственныхъ въ производственныхъ окончаніяхъ и косвенныхъ падежахъ обыкновенно улетучивается, оставляя на мѣсто себя удвоенную предыдущую согласную. Такимъ образомъ вмѣсто: Илья, жилье, житье, вставанье, ручья, улья — побѣлорусски (Витеб. и Могил. губ.) является: Илля, жиллё, жиццё, уставанне (я), ручча, улля и проч.

---

*) Поэтому почтительнѣйше прошу своихъ благосклонныхъ читателей считать за ошибку всѣ тѣ мѣста, гдѣ это слово въ нашемъ сборникѣ изображено въ формѣ: *яё*.

О безъ ударенія всегда произносится широко, какъ *а*, совершенно какъ и по русски въ этомъ случаѣ *).

У, кромѣ своей, такъ сказать, прямой службы гласности, всегда послѣ гласныхъ замѣняетъ собою согласныхъ *л* и *в*, образуя такимъ образомъ цѣлый рядъ двоегласныхъ, столь нетерпимыхъ въ языкѣ русскомъ. Такъ эта гласная собою замѣняетъ:

1) *л*.

а) въ серединномъ слогѣ им. сущ. муж. р.: шоўкъ, стоўпъ и пр. (шолкъ, столпъ и проч.).

б) въ серединномъ же слогѣ им. прил. м. р.: поўны (полный).

в) въ глагольныхъ окончаніяхъ муж. р. ед. ч. прошед. вр., напр.: даў, паў, быў, ѣў, пиў, поиў и проч. (далъ, палъ, былъ, ѣлъ, пилъ, поилъ и проч.

2) *в*.

а) въ серединномъ слогѣ им. сущ. жен. р. обоихъ числъ, напр.: дзѣўка, лаўка, праўда, криўда, голоўка, траўка, дзѣўки, лаўка и проч. (дѣвка, лавка, правда, кривда, головка, травка и проч.).

б) въ концѣ слога им. сущ. какъ напр.: броў, кроў, свякроў и проч. (бровь, кровь, свекровь и проч.).

в) въ концѣ же слога род. п. им. сущ. мн. ч. муж. и ср. р., напр.: столоў, волоў, паноў, рублёў, жидовьёў, соловьёў и проч. (т. е. столовъ, воловъ, пановъ, рублевъ, жидовьевъ, соловьевъ и проч.).

г) въ серединномъ слогѣ именъ прилагательныхъ и нарѣчій отъ нихъ произошедшихъ, напр.: слаўны, слаўно, даўны, даўно и проч. (славный, славно, давный, давно и проч.).

д) въ серединномъ слогѣ дѣепричастій прошед. вр., напр.: паўши, даўши, пиўши и проч. (павши, давши, пивши и проч.).

е) предлогъ *въ*, какъ въ отдѣльности, такъ и слитно съ глаго-

---

*) Потому не трудно будетъ въ нашемъ сборникѣ замѣнить въ этихъ случаяхъ фонетику этимологіей, за исключеніемъ только тѣхъ піесъ, которыя заимствованы у другихъ собирателей, держащихся фонетическаго способа (какъ напр. у Я. Чечота).

лами, напр.: ў хацѣ, ўздыхнець, (въ хатѣ, вздыхнетъ, т. е, вздохнетъ) и проч. *).

Ѣ безъ ударенія произносится:

а) въ срединѣ и въ концѣ слова какъ *і*: цвіла, видзіў, співаючи и проч. (цвѣла, видѣлъ, спѣваючи и пр.).

б) послѣ *р* какъ *а*, напр.: рашато́, рака́, на раку́, страла́, стралѐцъ и проч. (рѣшето, рѣка, на рѣку, стрѣла, стрѣлецъ) и проч.

г) въ началѣ слога, какъ *я*, напр.: яду́ць, яси (ѣдятъ, ѣшь).

Замѣчательно, что во многихъ мѣстностяхъ Витебской и Могилевской губ. *ѣ* въ глаголѣ *ѣсть* распадается на два слога: *ѣяць* и *іяць*, удерживая это двоегласіе во всѣхъ видоизмѣненіяхъ спряженія.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ СВОЙСТВА СОГЛАСНЫХЪ.

В часто замѣняется гласною ў. См. выше.

Г всегда выговаривается какъ лат. или нѣм. h, напр. слова: голова, говорила, гора и пр. — должно читать hолова, hоворила, hора и проч. — Исключеніе здѣсь составляетъ только два слова: ганокъ—крыльцо (съ нѣм. Gang) и вильгоць (съ польск. wilgoć)—влага, сырость.

Д и **Т** передъ іотированными гласными: *е*, *ѣ*, *і*, *и*, *я*, *ю* и полугласною ь постоянно смягчаются, первая черезъ *з*: дзень, дзѣло, дзиўны, мядзвѣдзь, а вторая посредствомъ *ц*: цётка, цѣло, цяжело и проч.

Гортанныя: г, к, х передъ *ѣ*, въ дат. и предлож. пад. ед. чис., переходятъ (какъ и въ церковно-славян.) въ свистящія з, ц, с, напр.: къ нозѣ, на нозѣ, къ лаўцѣ, на лаўцѣ, къ стрѣсѣ, на стрѣсѣ, ў кожусѣ и проч.

---

*) Во всѣхъ исчисленныхъ случаяхъ, и вообще гдѣ гласная *у* служитъ намѣстникомъ другихъ буквъ, она, по принятому нами способу написанія бѣлорусскихъ словъ, должна имѣть надъ собою краткій знакъ ˘.

Р не терпитъ за собою ни мягкихъ гласныхъ, ни полугласной *ь*, поэтому Бѣлоруссъ, особенно Витебской и Могилевской губ., вмѣсто словъ: рядъ, врядъ, царя, порядокъ, рюмка, горѣлка, рѣка и пр. произноситъ: радъ, врадъ, цара, порадокъ, румка, горэлка (и горэўка), рака и проч.

С въ словахъ, взятыхъ непосредственно съ польскаго языка, переходитъ въ *ш*, какъ напр. *шабля*, *шабелька* (сабля, сабелька), *шклянка*, *шкляръ* (стклянка, стекольщикъ), *криштальь* (хрусталь) и проч.

Всѣ сущ. сред. и муж. во мн. ч. им. пад. всегда оканчиваются на *ы*, или *и*, а не на *а*, какъ напр.:

а) дровы, вороты, колесы, ведры и проч., а не дрова, ворота, колеса, ведра.

б) годы, домы, боки, береги, луги, рукавы, волосы,—а не года, дома, бока, берега, луга, рукава, волоса и проч.

Нѣкоторыя существительныя получаютъ во множественномъ числѣ наращеніе, какъ и по русски, но ихъ гораздо меньше числомъ. Напр.: кумы и кумо́вья, сваты и свато́вья, браты и брацця, а сыны, но не сыноўя, хозяины, но не хозяева.

Примѣчаніе. Говоръ д. Велишковичъ и мѣстечка Усвята (Витебск. у.) съ ихъ окрестностями, по сообщеніямъ гг. Никифоровскаго и Потоцкаго, отступаетъ отъ вышеизложенныхъ правилъ въ слѣдующихъ пунктахъ:

а) въ обѣихъ мѣстностяхъ о безъ ударенія переходитъ въ *ы*; напр.: *вы*лачебники, *двыра*, пышла, у гылывахъ, у гыспыдахъ и пр., предлоги по, ко, во, со — являются въ формѣ ны, кы, вы, сы и проч. Есть случаи, гдѣ даже *а* переходитъ въ *ы*, напр. *ны* — на, *сыма*—сама и проч.

б) Велишковичевскій говоръ не допускаетъ двоегласія, поэтому *л* и *в* не переходитъ въ ў, глаголы же въ един. ч. м. р. прошед. вр. изъяв. принимаютъ *въ*, т. е. ходивъ, говоривъ, а не ходзиў, говориў.

в) *д* не смягчается вовсе, а *т* передъ мягкими гласными остается безъ перемѣны, какъ и порусски, въ концѣ же неопредѣлен. и изъяв. наклон. 3 л. наст. вр. обоихъ числъ принимаетъ *ть*. — Тоже самое и въ Усвятскомъ говорѣ.

ПАДЕЖИ.

Звательный падежъ въ ед. ч. имѣетъ особое окончаніе на *у*, во мн. муж. р. часто получаетъ нарощеніе: (о) ве, и вооб гораздо болѣе въ ходу, чѣмъ въ русскомъ языкѣ.

Примѣры:

Пане Иване!

—

Ой попе, попе, бацька нашъ!
Отчини церкву, звінчай насъ. № 561.

—

Ой дубе, мой дубе! № 271. Дисн. у.

—

Благослови маци,
Своиму дзицяци
Коровай начаци! № 610. Леп. у.

—

Дзень добры, пане господару! № 139.

—

Ой сынку, мой сынку!
Ждзи колядъ Васильку! № 438.

—

Ой сватку, нашъ сватку!
Пусцижь насъ ў хатку!

—

Ой бору, мой бору!
Што ты, бору, ня шумёнъ? № 248. Леп. у.

—

Ой двору мой, двору мой!
Чаму, двору, ня мяцёно? Тамъ же.

—

Ой косю (конь), мой косю!
Штожъ ты ня веселъ? № 438.

—

Вы мужове, панове! № 209.

—

Творительный падежъ жен. р. ед. ч. всегда почти употребляется въ сокращенной формѣ, наприм.: зъ дочкой, сястрой, улицей, школой и проч.

Существительныя женскаго же рода, кончающіяся на: ба, ма, на, та, ра, въ этомъ падежѣ принимаютъ окончаніе *эй* (которое подъ часъ слышится какъ *ый* (напр.: зъ бабэй (ый), зъ брамэй, съ шубэй, зъ Ришинэй, (Аграфеной), съ Хоўрэй (Θевроньей) и проч.

Во множественномъ числѣ именительный вмѣсто ы имѣетъ иногда *е* (я), когда вставляется слогъ ов, напр.:

Што за панове, што за святове на двори. № 578.

—

Шли жидо́ве громадо́ве (и т. д.) № 723.

—

Въ дательномъ иногда слышатся слѣды языка церковно-славянскаго:

Господарь! будзимъ говорицъ,
Што почёмъ копачомъ
Мы будзимъ плацицъ?
А старымъ копачомъ
Мы дадзимъ горбачомъ (и т. д.) № 190.

Попадается дательный самостоятельный:

Придзи мой миленьки
Людземъ наругнися. № 388.

—

Предложный падежъ, вмѣсто русскаго дательнаго, напр.:

Удариў козу по зубахъ.

—

Наша воевода млода ходзила по садахъ виноградахъ. № 692.

—

По межахъ ходзицъ.

—

Ня ходзи по сѣнёхъ. № 57.

ОСОБЕННОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХЪ.

Полныя окончанія прилаг. м. р. (въ Витеб. и Могил. губ.) большею частью на ы и и, а не на й, какъ по русски: поўны стаканъ, дурны розумъ, сини жупанъ, добры панъ и проч. Полное оконча-

ніе ср. р. ед. ч. всегда бываетъ на *я*, напр.: твердая, добрая, холодная, синея и проч.—Во множ. числѣ прилаг. женск. и сред. оканчиваются чаще всего на *е* или *и* (весьма рѣдко на *я*), напр.: бѣлые или бѣлыи руки, сломанные или сломанныи ведры и проч.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ муж. и ср. р. нѣтъ ни какой разницы отъ русскихъ, если не считать замѣны предложнаго падежа (въ ед. ч.) творительнымъ, что̀ встрѣчается чуть ли не во всѣхъ областныхъ говорахъ Великороссіи. Въ женскомъ же родѣ (ед. ч.) имена прилагательныя принимаютъ окончаніе: для род. п. *ые*, для дат., творит. и предложн.—*эй*.

Сравнительная степень почти всегда оканчивается на ѣй, напр.: добрѣй, цемнѣй, высшѣй, нижѣй, горячѣй, мягчѣй, ширэй и пр.

Превосходная степень, какъ и сравнительная отличаются, въ звуковомъ отношеніи, отъ тѣхъ же степеней русскаго языка тѣмъ, что допускаютъ *ѣ* и послѣ шипящихъ, напр.: мягч*ѣ*йши, легчѣйши, нижѣйши, крѣпчѣйши и пр.; часто прибавляютъ частичку *най*, напр.: найбольши, наймягчѣйши и проч.

—

Примѣры склоненія существительныхъ жен. р. на ба, на, ма, га, ка, ха, вмѣстѣ съ прилагательными:

И. Старая баба	Хворая рипина	Старая брама
Р. Старые бабы	Хворые рипины	Старые брамы
Д. Старэй бабѣ	Хворэй рипинѣ	Старэй брамѣ
В. Старую бабу	Хворую рипину	Старую браму
Т. Старэй бабэй	Хворэй рипинэй	Старэй брамэй
Пр. О старэй бабѣ.	Объ хворэй рипинѣ.	О старэй брамѣ.

—

И. Малая нога	Новая лаўка	Вумная мачиха
Р. Малые ноги	Новые лаўки	Вумные мачихи
Д. Малэй нозѣ	Новэй лаўцѣ	Вумней мачисѣ
В. Малую ногў	Новую лаўку	Вумную мачиху
Т. Малэй ногой	Новэй лаўкой	Вумнэй мачихой
Пр. О малѣй нозѣ.	На новэй лаўцѣ.	О вумнэй мачисѣ.

—

Ня сячи, ня рубай
Молоды кудрявы
Да зелен*ме* ёлки. № 447.

—

Ци ня боишься ты, дзѣвынка,
Гэт*ые* зеленые тученьки? № 619.

—

Якъ наѣхали госци
Съ чуж*іе* волосци.

—

Я ткала китайки зялёные
И слала до матки родзённые.

—

Склоненіе личнаго мѣстоименія 1-го лица един. ч. отличается отъ велико-русскаго только въ род. п.: *мяне* и мене; винит. сходенъ разумѣется съ род., творительный же—по рѣшительной нелюбви бѣлорусскаго нарѣчія къ полнымъ окончаніямъ, здѣсь какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, сокращается въ *ой*, т е. мной; 2-е лицо ед. ч. разнится отъ русскаго въ тѣхъ же падежахъ—род. и вин.—цябе, цебе и въ дат. табѣ, цебѣ и *тобѣ*, творит.—тобой.

3-е лиц. ед. ч. склоняется такъ: Множ. ч.

И. Ёнъ	Яно	Яна (ёна)	Яны, ёны,
Р. Яго	—	Яе	
Д. Яму	—	Ей, ёй	прочіе же падежи, какъ
В. Яго	—	Яе	
Т. Имъ	—	Ей	и въ велико-русскомъ.
Пр. Объ ёмъ.	—	Объ ей.	

Возвратн. мѣстоим. род. и вин. сябе,—предл. о сябѣ.

—

Склоненія притяжательныхъ мѣстоименій отличаются отъ велико-русскихъ тѣмъ, что во всѣхъ косвенныхъ падежахъ ед. ч. мужеск. и ср. родовъ употребляется форма сокращенная, т. е. мойго, мойму твойго, твойму, свойго, свойму, а во множественномъ принимаетъ окончаніе *е* вмѣсто *и*, т. е. мое, твое, свое.

СКЛОНЕНІЕ МѢСТОИМЕНІЙ.

Мѣстоименія указательныя муж. и ср. род.—гэтотъ, гэто—склоняются какъ и велико-русскія—этотъ, это; только творит. пад. будетъ гэтымъ, а не гэтимъ, — женскаго же рода: гэта, ета, склоняется въ ед. ч. такъ:

		Ед. ч.		Множ. ч.
И. Гэта	И. Той	Тоя	Тоя	Тые
Р. Гэтые	Р. Того	Тые	Того	Тыхъ
Д. Гэтэй	Д. Тому	Тэй	Тому	Тымъ
В. Гэтую	В. Того	Тую	Того	Тыхъ
Т. Гэтэй	Т. Тымъ	Тэй	Тымъ	Тыми
Пр. О гэтэй.	Пр. О томъ.	О тэй.	О томъ.	О тыхъ.

—

Вопросит. мѣстоим. *кто* произносится какъ и по велико-русски: хто,—твор. кимъ.

Что, произносится всегда што, род.—чаго, дат. чаму, тв. чимъ пр. о чемъ.

—

Якій	Якоя	Якая	Якіе
Якого	—	Якіе (я)	Якихъ
Якому	—	Якей	Якимъ
Якого	—	Якую	Якихъ
Якимъ	—	Якей	Якими
О якомъ.	—	Объ якей.	Объ якихъ

—

	Ед. ч.		Мн. ч.
Чей	Чея	Чеё	Чіе
Чеего	Чее	Чеего	Чіихъ
Чеему	Чей	Чеему	Чіимъ
Чеего	Чею	Чее	Чіихъ
Чеимъ	Чей	Чеимъ	Чіими
О чеемъ	Чей	Чеемъ	О чіихъ

Опред. мѣстоим. весь, все, вся, всѣ, всякій, всякая, всякое, всякіе, произносятся: ўесь, ўсе, ўся, ўси (ѣ), ўсяки, ўсякая, ўсякоя, ўсякіе и склоняются, какъ и по велико-русски.

Изъ неопредѣленныхъ мѣстоимѣній въ живой бѣлорусской рѣчи весьма употребительно: нѣйкій (нѣкій) ая, оя, іе.

ОСОБЕННОСТИ СПРЯЖЕНІЯ.

Всѣ глаголы въ неопредѣленномъ накл. оканчиваются на *цъ* и *ци*: ходзиць, говориць, лежаць, сѣдзѣць, и пр. и исцы, плысци, брысци, и пр., а въ изъявит. настоящ. врем. 3. лиц. ед. и мн. ч. только на *цъ* напр. ходзиць, ходзюць, идзець, идуць, спиць, спяць и пр. — Въ Минской же губ., какъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Витебской и Могилевской въ этомъ случаѣ глаголы оканчиваются (въ ед. только числѣ): на *е*, а послѣ шипящихъ и на: *а*.

Енъ пашеньки не паша,
Со мной молодой не пляша.

—

Чы хто стрѣху разрывая;
Чы хатыньку верне? № 99.

—

Коли Богъ судзя и вамъ ета будзя. № 175.

—

Ёнъ не здержа коника,
Енъ ня здержа вороного. № 179.

—

Всѣ глаголы на-дзѣць,-дзиць удерживаютъ коренную *д* и въ 1-мъ лиц. изъявит. накл. ед. ч. настоящ. вр., напр: гляджу, виджу, сѣджу, ходжу и проч.

Отъ глаголовъ лиць, шиць, виць—настоящее изъявит. накл. будетъ: ллю, ллешъ и т. д., обращая в въ л, ллёмъ, и т. д. шію, шіемъ и т. д. ўю, ўешъ и т. д. отъ пиць, биць—будетъ: пью, бью; въ повелительномъ же наклоненіи всѣ эти глаголы принимаютъ окончаніе не -ей, какъ по велико-русски, а -и (ій) т. е. ли, лице, ши, шице, ви, вице (я), пи, пице (я), би, бице (я). Также глаголы выць, рыць, мыць, пыць удерживаютъ свою коренную гласную во всѣхъ видоизмѣненіяхъ спряженія: выю, выишь, выиць, выимъ, выице, выюць, выў, выўши, вый; мыю, мыишь, мыиць, мыимъ, мыицё, мыюць, мыў, мыўши, мый и проч.

Въ прошедшемъ времени, какъ было замѣчено выше, изъявит. наклон. ед. ч. м. р. всѣ глаголы, вмѣсто лъ, оканчиваются на ў съ предъидущею гласной. Эта же гласная ў замѣняетъ въ дѣепричастіи прошедшаго времени—в: даўши, ѣўши и проч.

Глаголъ мѣць (имѣть) спрягается такъ: я маю, ты маешь д., я мѣў, мѣла и т. д., дѣеприч. мѣўши, повел. мѣй, мѣйце.

Глаголъ *даць* спрягается слѣдующимъ образомъ: я даю, ты ёнъ, яна, яно даець и т. д., я дамъ, ты даси, ёнъ дасць и мы дадзимъ, вы дасцё, яны дадуць и т. д.

—

Ѣсць: я ѣмъ, ты яси и т. д., пов. ѣжь.

Въ глаголѣ ѣхаць замѣчательно повелительное наклоненіе и числ. ѣдзь, ѣдзьце. Эту форму (разумѣется безъ смягченія ч *з*) мы встрѣчаемъ въ лѣтописи Нестора и, во многихъ мѣ сѣвернаго края, особенно въ Архангельской губерніи.

НѢКОТОРЫЯ СИНТАКСИЧЕСКІЯ ОСОБЕННОСТИ.

Сравнительная степень а) посредствомъ предлоговъ: яна с за яго.

—

Якъ яго рученьки
Жарчѣй *отъ* огня,

—

У яго ноженьки
Цяжелѣй *отъ* каменя

—

б) Посредствомъ союза съ отрицаніемъ:
Лѣпи сѣвба раняя,
Нячимъ тая поздняя. № 216.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Передавая составленный мною сборникъ бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ на судъ ученыхъ спеціалистовъ и публики, считаю своею священною обязанностью отдать имъ въ немъ подробный и правдивый отчетъ, изъ котораго они могли бы видѣть какъ побудительныя причины, его породившія, такъ и ходъ его развитія, его цѣль, однимъ словомъ — всю его исторію.

Собираніемъ памятниковъ народнаго творчества я началъ заниматься давно, но до 1865 года не имѣлъ случая по возможности собирать народныя пѣсни бѣлорусскія. Въ 1865 году я получилъ отъ тогдашняго попечителя Виленскаго учебнаго округа, многоуважаемаго И. П. Корнилова, предложеніе занять мѣсто учителя нѣмецкаго языка въ Витебской гимназіи и переселился на службу въ Сѣверо-западный край. Но первые полтора года пребыванія въ Витебскѣ, занятый службою въ мужской и женской гимназіяхъ, и не будучи знакомъ ни съ живымъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, ни съ литературой бѣлорусской этнографіи, ни съ польскимъ языкомъ, азбукой котораго изданы довольно почтенные сборники бѣлорусскихъ пѣсенъ, я не рѣшался взяться на новомъ поприщѣ за знакомое мнѣ дѣло собиранія народныхъ пѣсень. Чистой бѣлорусской рѣчи не слыхать въ Витебскѣ въ той средѣ, въ которой мнѣ приходилось жить и служить; для разъѣздовъ же по деревнямъ и селамъ въ каникулярное время, средства мои были слишкомъ ограниченны. Тѣмъ не менѣе, въ исходѣ втораго года жизни моей въ Витебскѣ я сдѣлалъ попытку приняться за любимое дѣло — на новой почвѣ. Рискуя быть осмѣяннымъ, являться чудакомъ

въ глазахъ весьма разнокалибернаго и разноплеменнаго общест почти меня незнавшаго, я сталъ всѣмъ и каждому въ кругу своихъ новыхъ знакомыхъ изъ мѣстныхъ жителей разсказывать о задуманномъ мною предпріятіи и вызывать ихъ къ содѣйствію. Вскорѣ объ этомъ, какъ водится, пошла по городу разноголосная молва. Первые заинтересовались этимъ нѣкоторые ученики старшихъ классовъ гимназіи; они усердно завербовали для меня сотрудниковъ изъ среды своихъ знакомыхъ и общими силами доставили мнѣ порядочное количество пѣсенъ, духовныхъ стиховъ и обрядовъ, №№ до 150. Въ то же время я и самъ не дремалъ, не сидѣлъ сложа руки, загребая ими только время отъ времени то, что доставятъ другіе. Черезъ прислугу и знакомыхъ отъискивалъ я толковыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, которые за положенное вознагражденіе значительно обогатили мое собраніе. Этимъ-то путемъ я познакомился съ старожиломъ Витебской губерніи, старикомъ солдатомъ Тарасомъ, пропѣвшимъ и продиктовавшимъ мнѣ волочобныя пѣсни подъ №№ 140 и 141, со старухой нянькой Ариной и нѣкоторыми другими и, наконецъ, съ замѣчательнѣйшею въ своемъ родѣ пѣвицей Коткевичовной изъ мѣстечка Чашниковъ, отъ которой въ первые два присѣста я записалъ болѣе 100 №№ пѣсенъ и обрядовъ.

Считаю долгомъ сказать объ этой основательницѣ моего сборника нѣсколько словъ:

Марья Васильевна Котковичовна была, когда я ее зазналъ, женщина лѣтъ 38, съ довольно крупными, рѣзкими чертами лица. Дочь уніатскаго священника, она была весьма набожна и постоянно шопотомъ молилась, даже въ паузахъ между пѣніемъ и разсказомъ; знала порядочно польскую грамоту, о русской же почти понятія не имѣла. Въ ранней молодости она потеряла родителей; жила не долго замужемъ, овдовѣла и поступила во дворъ ключницей къ какому-то пану, гдѣ пробыла, кажется, не долго. Затѣмъ она приписалась сперва къ Чашниковскому, потомъ къ Витебскому мѣщанскому обществу, живя то въ кухаркахъ, то въ нянькахъ у разныхъ господъ. Нрава она была весьма сердитаго, строптиваго. Говорила языкомъ не только смѣшаннымъ изъ русскихъ, бѣлорусскихъ и польскихъ словъ и формъ; но часто одну и ту же

фразу, одно и то же слово произносила на разные лады: то наприм.: „нѣтъ пальца на ногѣ“, — то: „нема пальца на позѣ“, то „пришёдши“, то: „пришоўши“, то: „якъ“, то: „какъ“ и т. п. „Край нашъ забра́нный“, говаривала она, „а языкъ нашъ мѣша́нный“. Но её стоило, бывало, только разсердить или настроить на праздничный ладъ,—отъ горэлки она никогда не отказывалась, — какъ рѣчь ея тотчасъ принимала совершенно иной, чисто бѣлорусскій складъ и съ неимовѣрною быстротой изливалась въ такихъ непривычныхъ для моего слуха звукахъ, что мнѣ казалось, будто слышу совсѣмъ другое лицо, и удивлялся я, бывало, только тому, откуда у нея что̀ берется, а записывать тутъ не только мнѣ, но и самому опытному борзописцу было бы не въ мочь. Въ душѣ была она пропитана духомъ бѣлорусской народности, а между тѣмъ очень кичилась своимъ происхожденіемъ отъ шляхетскаго рода и какъ-будто гнушалась простымъ народомъ, крестьянствомъ. Она сначала все потчивала меня старинными романсами и отлитыми въ полубѣлорусской формѣ русскими пѣснями, и долго не могла взять въ толкъ, что̀ меня такъ плѣняютъ собственно бѣлорусскія пѣсни? „Чаму пану такъ сподобались наши про́стые пѣсни, мужицкіе? Русскіе лѣпша, красивѣе“. Послѣдніе два года жизни она служила у меня въ домѣ и оказалась честнѣйшею женщиной. Ей-то рѣшительно я обязанъ главнымъ остовомъ предлежащаго труда; отъ нея преимущественно пріобрѣлъ я тѣ элементарныя практическія свѣдѣнія о языкѣ и бытѣ бѣлорусскаго народа, безъ которыхъ мнѣ весьма бы мудрено было добросовѣстно вести далѣе свой трудъ. При ея практической помощи я часто провѣрялъ и исправлялъ, гдѣ слѣдовало, недомолвки и искаженія въ массѣ присылавшихся мнѣ матеріаловъ. Отъ нея записалъ я №№ до 400 пѣсенъ, обрядовъ и проч., изъ которыхъ около трехъ сотенъ вошли въ настоящее изданіе, а остальные растерялись во время витебскихъ пожаровъ и моихъ перекочовокъ съ квартиры на квартиру.

Всѣ эти матеріалы, записанные лично мною, послужили для меня съ одной стороны надежною элементарною школой въ дѣлѣ изученія языка и быта бѣлоруссовъ, а съ другой — вѣрнымъ мѣриломъ при необходимой провѣркѣ тѣхъ этнографическихъ данныхъ, которыя въ послѣдствіи были мнѣ доставлены другими. Матеріа-

лами изъ послѣдняго источника съ спокойною совѣстью я позволялъ себѣ воспользоваться только тогда, когда въ подлежащемъ отдѣлѣ моего собранія оказывались подобныя, подходящія по содержанію или формѣ №№, записанные лично мною. Достаточнымъ доказательствомъ этому главному правилу всѣхъ моихъ собирательскихъ работъ могутъ служить всѣ мои сборники, какъ великорусскіе, такъ и предлежащій бѣлорусскій. Въ нихъ нѣтъ ни одного значительнаго отдѣла, въ которомъ бы я не былъ вкладчикомъ.

О моей собирательской затѣѣ вскорѣ узналъ и помощникъ Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, имѣвшій постоянное свое пребываніе въ Витебскѣ, честнѣйшій А. К. Серно-Соловьевичъ. Относясь всегда съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ моимъ трудамъ, онъ самъ вызвался посодѣйствовать мнѣ въ моемъ предпріятіи своимъ офиціальнымъ вліяніемъ посредствомъ учителей сельскихъ школъ и предложилъ мнѣ написать на этотъ конецъ программу, въ которой было бы ясно изложено: для чего, что̀ и ка̀къ собирать? Я такъ и сдѣлалъ. Но по своей непрактичности въ дѣлахъ житейскихъ и напечаталъ свою программу, подъ заглавіемъ „Просьба" *),

---

*) Просьба эта была слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь!"

„Однимъ изъ главныхъ пособій при изученіи быта, исторіи, языка, религіозныхъ и другихъ вѣрованій народа, современные, какъ европейскіе, такъ и отечественные ученые, признаютъ его исконные обычаи, обрядовую сторону его жизни въ ея знаменательныхъ моментахъ, остатки самобытнаго творчества его фантазіи, т. е. пѣсни, сказки, легенды, загадки и т. д., которыми онъ какъ въ минуты досуга, такъ и при тяжелой работѣ отводитъ себѣ душу. Поэтому и у насъ въ Россіи, въ послѣднее время, остатки эти стали весьма тщательно собирать, преимущественно наши ученыя общества, какъ напр. Московское исторіи и древностей, Общество Географическое и Академія Наукъ. Результатомъ ихъ дѣятельности было изданіе въ свѣтъ нѣсколькихъ сборниковъ; но все это едвали обнимаетъ тысячную долю того, въ чемъ выражается какъ внѣшняя, такъ и внутренняя жизнь народа, всего того, что̀ такъ крѣпко хранится въ его памяти, что̀ милліонами голосовъ изъ конца въ конецъ оглашаетъ всѣ уголки и закоулки нашей необъятной Руси. Поэтому, чтобы изучить духовную, задушевную жизнь народа, наблюдайте его, въ особенности въ его торжественныя минуты, *въ праздники*, когда онъ беззавѣтно отдается веселью, когда у него вся душа на распашку. Тутъ онъ высказывается весь.

въ числѣ 600 экземпляровъ, изъ которыхъ 400 тотчасъ же доставилъ А. К. Онъ немедленно при полуофиціальномъ письмѣ отправилъ по 200 экземпляровъ директорамъ народныхъ училищъ Могилевской и Витебской губерній, для разсылки учителямъ под-

---

«Однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ къ сближенію людей и народовъ и однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ къ познанію внѣшней и внутренней жизни каждаго народа», говоритъ знаменитый нашъ археологъ Снѣгиревъ, «служатъ его праздники съ относящимися къ нимъ суевѣрьями, обрядами, хороводами, пѣснями и играми. Вмѣстѣ съ первыми вѣрованіями возникши въ колыбели человѣчества, по откровенію самой природы, при образованіи перваго общества, они выражаютъ въ себѣ древній бытъ народа, климатъ той страны, гдѣ онъ жилъ, его понятія объ астрономіи, естествовѣдѣніи, нравственности, его вѣрованія, исторію и поэзію. Какъ вѣрованіе проникаетъ цѣлую жизнь народа, то и гражданскія постановленія и семейные обычаи связываются тѣснѣйшимъ союзомъ съ миѳами и повѣрьями, съ его преданіями и сказаніями, съ колыбельными пѣснями его младенчества, къ коему сердце невольно обращается во всѣхъ возрастахъ человѣка.» Изъ всѣхъ же родовъ народной поэзіи пѣсня въ особенности играетъ важную роль въ жизни русскаго крестьянина, она сопутствуетъ ему отъ колыбели до могилы. Ей онъ повѣряетъ, въ ней высказываетъ всѣ свои завѣтныя думы, всѣ сокровенныя движенія своей души. Поэтому, она такъ разнообразна, такъ богата варіянтами. Свадебныя пѣсни, напримѣръ, въ Великороссіи, почти въ каждой деревнѣ иныя. Не менѣе того изумительна ихъ общая распространенность въ народѣ: ихъ поетъ и старъ и малъ. Нѣтъ почти парня, мужика, дѣвки, бабы, которые бы не были въ состояніи спѣть вамъ за одинъ присѣстъ отъ 20 до 50 и даже до 100 пѣсенъ. Отсюда ясно, что ученыя общества одни, безъ дружнаго содѣйствія частныхъ лицъ, немного сдѣлаютъ. А кто же изъ частныхъ лицъ ближе къ простому народу, чаще приходитъ съ нимъ въ столкновеніе, какъ не гг. помѣщики и помѣщицы, живущіе постоянно въ своихъ усадьбахъ, сельское духовенство, мировые дѣятели, штатные смотрители, уѣздные, приходскіе и сельскіе учителя? Стало быть, въ нихъ теперь *преимущественно* вся надежда въ дѣлѣ собиранія памятниковъ поэзіи народа и остатковъ его старины. Я сказалъ *преимущественно*, потому что, по моему, всякій образованный, даже просто грамотный коренной мѣстный житель, начиная съ ученика сельской школы, писаря, семинариста, гимназиста, до помѣщика, кончившаго курсъ наукъ въ университетѣ, лучше и вѣрнѣе соберетъ названные остатки своей родной мѣстности, чѣмъ самый ученый заѣзжій собиратель, потому что первые поставлены въ гораздо выгоднѣйшія условія, чѣмъ послѣдній, и могутъ исподоволь и вовремя накопить обильные и надежные запасы для передачи въ вѣдѣніе науки. Этимъ дѣломъ нужно поторопиться. Всеобщее распространеніе грамотности въ народѣ, новый способъ землевладѣнія, введеніе земства и новые суды скоро, можетъ быть, изгладятъ изъ его памяти и слѣды его старинныхъ

вѣдомственныхъ имъ сельскихъ школъ, съ тѣмъ, чтобы эти господа доставили въ его канцелярію требуемые матеріалы, буде таковые у нихъ окажутся, къ концу іюня мѣсяца. Но вскорѣ затѣмъ, а именно въ маѣ того же 1868 года, А. К. былъ переведенъ

обычаевъ, его самородной поэзіи. Не забудьте притомъ, что дѣла много, а дѣятелей весьма мало, особенно въ нашемъ краѣ.

„Поэтому, приступая къ собиранію памятниковъ народной поэзіи и старины въ здѣшнемъ краѣ, я обращаюсь къ Вамъ, Милостивый Государь, съ покорнѣйшею просьбою о посильномъ Вашемъ содѣйствіи мнѣ въ моемъ крохоборномъ, муравейномъ трудѣ доставленіемъ тѣхъ матеріаловъ народной поэзіи и старины, которыми, вѣроятно, изобилуетъ Ваша мѣстность. Этимъ содѣйствіемъ Вы окажете услугу не мнѣ, незнаемому и невѣдомому Вамъ человѣку, который не имѣетъ ни малѣйшаго правъ на Вашъ трудъ, но черезъ меня русскому обществу, которое въ правѣ ожидать посильнаго сотрудничества своихъ сочленовъ въ общемъ дѣлѣ преуспѣянія наукъ, въ разъясненіи темныхъ сторонъ исторической, вѣковой жизни какой-либо части великаго народа.

Что̀ записывать?

„Записывать нужно рѣшительно все, въ чемъ выражается завѣтная жизнь народа, въ словѣ-ли, въ обрядѣ, въ обычаѣ старины и т. д. Мое уже дѣло будетъ разсортировать ожидаемый матеріалъ, разобрать, что̀ годно и что̀ негодно для обнародованія. Преимущественно же нужно имѣть въ виду слѣдующее:

А. Краткое описаніе праздниковъ

а) семейныхъ:

1) Крестины или кресбины
2) Свадьбы или веселья
3) Имянины
4) Похороны.

} съ приложеніемъ относящихся къ нимъ пѣсенъ.

б) Церковныхъ (если они отличаются какою либо особенностью).

в) Общественныхъ:

1) Осенины
2) Дѣды
3) Прикладины или окладины
4) Навозныя толоки
5) Дожинки или обжинки
6) Досѣвки
7) Коляды
8) Празднованіе наканунѣ Ивана Купалы

} съ приложеніемъ относящихся къ нимъ пѣсенъ.

В. Повѣрья, суевѣрья, примѣты, преданья, легенды, сказки, заговоры, загадки, разные обряды, названіе разныхъ мѣстъ и урочищъ. Описаніе разныхъ игръ и забавъ.

въ Петербургъ помощникомъ Петербургскаго Учебнаго Округа, а въ іюнѣ архивъ упраздненной помощнической канцеляріи переведенъ былъ въ Вильну, — и слѣдъ моей просьбы совершенно исчезъ для меня. Только одну, правда, довольно объемистую тетрадь сельскаго

В. Пѣсни, кромѣ названныхъ, слѣдующихъ родовъ: волочебныя, бесѣдныя, плясовыя, шуточныя, хороводныя (съ описаніемъ тѣлодвиженій и дѣйствій хороводниковъ и плясуновъ. Въ хороводѣ и пляскѣ часто выражается цѣлая драма), колыбельныя, дѣтскія, духовные стихи, распѣваемые слѣпцами при церквахъ, на площадяхъ и т. д., рекрутскія, историческія о разныхъ герояхъ, знаменитыхъ людяхъ и проч.

Какъ записывать?

„Относительно тѣхъ предметовъ, гдѣ требуется описаніе фактовъ, собственное изложеніе, этотъ вопросъ не имѣетъ мѣста: тутъ никто никому не указъ: всякій пишетъ, какъ знаетъ и умѣетъ, тѣмъ же тономъ и способомъ, какимъ бы онъ разсказалъ это самое своему короткому пріятелю; стало быть, чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Также точно легко разрѣшается этотъ вопросъ относительно прозаическихъ произведеній народной словесности: легенды, сказки и т. д. Касательно же пѣсенъ разрѣшеніе этого вопроса становится нѣсколько труднѣе и нуждается въ указаніяхъ опыта. Поэтому, для лицъ не искусившихся въ этомъ дѣлѣ, я бы предложилъ слѣдующій пріемъ: пѣвца или пѣвицу заставить продиктовать себѣ всю пѣсню, а тамъ, гдѣ они собьются, что весьма часто случается, слѣдуетъ предложить имъ пропѣть нѣсколько предъидущихъ стиховъ. Тутъ они обыкновенно скоро нападаютъ на связь и продолженіе. Записавши, такимъ образомъ, всю пѣсню, нужно попросить ихъ снова пропѣть ее сначала до конца, безъ перерывовъ со стороны записывателя. Ему остается только, чутко слѣдя по записанной имъ пѣснѣ, за пѣніемъ пѣвца или пѣвицы, отмѣчать тѣ слова и стихи, которые въ пѣснѣ повторяются раза по два и болѣе, исправлять тѣ ошибки и недомолвки, которыя неминуемо окажутся, по причинѣ сбивчивости сказателя. Разница всегда будетъ немалая, потому что неразвитой человѣкъ рѣдко въ состояніи отчетливо и полно передать словами, говоркомъ, поемую имъ пѣсню. Онъ ее поетъ полубезсознательно, почти какъ птица въ лѣсу. Она живетъ въ его памяти преимущественно силою однообразнаго мотива.

„Далѣе требуется, чтобы непремѣнно было обозначено: къ которому роду относится какая либо пѣсня, напр., къ хороводнымъ ли, свадебнымъ и т. д., кѣмъ, отъ кого, когда и гдѣ она записана. Сохраненіе же мѣстнаго говора, во всѣхъ его мельчайшихъ оттѣнкахъ современною наукой ставится непремѣннымъ условіемъ при записываніи всякаго рода произведеній устной народной словесности.

Отъ кого записывать?

„Преимущественно отъ деревенскихъ бабъ и старухъ. Въ ихъ устахъ

учителя Преображенскаго получилъ я, и то совершенно случайнымъ образомъ, изъ дирекціи народныхъ школъ Витебской губерніи. Изъ оставшихся же въ моемъ распоряженіи двухъ сотенъ экземпляровъ „Просьбы", я усердно раздавалъ, кому только могъ, безъ всякаго разсчета, направо и налѣво, понимающимъ дѣло и не совсѣмъ его понимающимъ. Все это принесло весьма мало результатовъ: изъ 600 экземпляровъ, разосланныхъ офиціально и розданныхъ мною частнымъ образомъ, едва 10 произвели плодотворное желанное дѣйствіе. Отъ штатныхъ смотрителей училищъ Витебской губерніи, которые получили мою просьбу полуофиціальнымъ путемъ черезъ директора училищъ, только двое вскорѣ откликнулись дѣломъ, а именно: гг. Сахаровъ и Обухъ. Однако я не унывалъ. Крѣпко памятуя слова Евангельскія: „ищите и обрящете", я сталъ усердно

эти произведенія сохраняются свѣжѣе, неприкосновеннѣе, потому что онѣ рѣдко, или почти никогда не оставляютъ своей родной берлоги, стало быть, менѣе подвергаются вліянію чужестороннихъ элементовъ и вреднымъ осадкамъ полуграмотной цивилизаціи. Впрочемъ, бываютъ изъ мужиковъ большіе мастера на пѣсни и прибаутки, знахари своего дѣла, они въ деревнѣ пользуются особымъ почетомъ, авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ. Они обыкновенно весьма ревниво и свято хранятъ отъ всякой посторонней примѣси старинный ладъ и складъ, завѣщанные имъ отъ предковъ, пѣсни, сказанія и изреченія житейской мудрости. Все записанное отъ такихъ деревенскихъ людей имѣетъ особенную цѣнность для науки. Свадебный обрядъ и пѣсни слѣдуетъ записывать отъ распорядителей этого обряда: отъ дружка, свахъ, сватовъ и дѣвушекъ. Хороводныя, плясовыя и бесѣдныя — отъ лучшихъ запѣвалъ.

„Эти руководящія указанія, мнѣ кажется, достаточно могутъ облегчить исполненіе моей всепокорнѣйшей просьбы всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя отзовутся на мой вызовъ. Льщу себя надеждой, что онъ не останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

„Не мало говорятъ и пишутъ теперь объ обрусеніи здѣшняго края, искони русскаго. Неужели же изученіе старины, быта и языка здѣшняго простаго, сельскаго, православнаго люда, его міросозерцанія, его отношеній къ другимъ сословіямъ, его понятій о Богѣ, о родинѣ и т. д. не есть обрусеніе края, не есть русское дѣло? Неужели для общества болѣе близкое знакомство съ сущностью духа народа не есть уже одно изъ важнѣйшихъ и надежнѣйшихъ средствъ къ улучшенію его судьбы, къ дальнѣйшему веденію его по пути истиннаго прогресса?

„Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ Вашимъ слугою

Шейнъ."

искать, и мои розыски оказались не напрасными. Нашлись и такіе люди, которые съ живымъ сочувствіемъ отозвались на мое приглашеніе и сдѣлались въ послѣдствіи самыми дѣятельными моими сотрудниками. Къ нимъ причисляю обязательнѣйшихъ госпожъ: А. Ф. Лисовскую, Л. П. Скляренко, А. В. Вахромѣеву,—многоуважаемаго С. К. Шимковича, бывшихъ учениковъ гимназіи—Антипова, Безперчаго, Станевскаго, Пржисецкаго и др., и въ особенности, бывшаго сельскаго, а теперь приходскаго учителя Витебскаго училища, многоуважаемаго Н. Я. Никифорскаго. Онъ своимъ зрѣлымъ воззрѣніемъ на окружающую среду и своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ этнографическимъ розысканіямъ рѣзко выдается изъ цѣлаго сонма сельскихъ и другихъ учителей разныхъ наименованій. Я твердо увѣренъ, что такихъ честныхъ дѣльныхъ людей не мало на Бѣлой Руси. Нужно только умѣючи ихъ отыскивать.

Дружными усиліями всѣхъ названныхъ и другихъ неназванныхъ ревностныхъ моихъ сотрудниковъ, мое собраніе бѣлорусскихъ пѣсенъ, обрядовъ и проч. все болѣе и болѣе расширялось, и дошло наконецъ до такихъ почтенныхъ размѣровъ, для которыхъ предѣлы одного тома оказались уже тѣсными. Волей-неволей я вынужденъ былъ нѣкоторые отдѣлы подрѣзать, пообкруглить, не нарушая однако тѣмъ ихъ внутренней межъ собою связи и цѣльности всего предлежащаго труда. Изъ этихъ урѣзовъ и обкругленій составился почти цѣлый другой томъ, который при первой возможности надѣюсь издать, въ видѣ дополненія къ настоящему.

Въ расположеніи по отдѣламъ помѣщенныхъ здѣсь матеріаловъ, я нашелъ нужнымъ держаться порядка смѣшаннаго: біографическаго и, такъ сказать, *календарнаго*, т. е. согласнаго съ послѣдовательнымъ размѣщеніемъ праздниковъ въ теченіе гражданскаго года. Оба эти порядка сливаются, впрочемъ, весьма удобно и гармонично въ одну общую картину бытовой народной жизни. Такъ напримѣръ: часть лирико-обрядовая начинается „колыбельными" и „дѣтскими", продолжается „колядными" (распѣваемыми преимущественно отроками и парнями), „маслячными", „волочебными", „петровскими" и т. д., и оканчиваются „похоронными", сопутствующими послѣднему акту круготеченія трудовой жизни бѣлорусскаго крестьянина. Всѣ почти эти отдѣлы обставлены необхо-

димыми описаніями обрядовъ, обычаевъ и проч. къ нимъ относящимися и ихъ объясняющими. Въ остальной же ме́ньшей части сборника правильный строй въ расположеніи нѣсколько нарушенъ. Однако, и въ теперешнемъ расположеніи тѣмъ не менѣе эта часть представляетъ не мало интереснаго для читателя спеціалиста. Очень жаль, что рекрутскихъ и солдатскихъ пѣсенъ у меня такъ мало. Имѣю основаніе думать, что онѣ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ еще существуютъ въ порядочномъ количествѣ, но добыть ихъ весьма трудно. За рекрутскими и солдатскими слѣдуютъ не безъ-интересные духовные стихи и пѣсни, а за послѣдними собственно эпическій отдѣлъ: Сказки, сказанія, анекдоты и проч., и въ заключеніе: „дополненія“ ко всѣмъ отдѣламъ.

За достовѣрность и подлинность всѣхъ названныхъ здѣсь матеріаловъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ погрѣшностей со стороны звуковаго ихъ изображенія, я вполнѣ ручаюсь. Они всѣ записаны на мѣстахъ лицами разныхъ возрастовъ, половъ, сословій и образованій, хотя правда по моей просьбѣ, но тѣмъ не менѣе съ искреннею любовью къ своей народности, безъ всякой тѣни задней мысли поддѣлаться подъ народный ладъ и складъ. Да многіе изъ этихъ лицъ если и захотѣли бы того, то не съумѣли бы; впрочемъ имъ это никогда и въ голову придти не могло. Вокругъ нихъ раздавалась такая богатая обрядовая поэзія, заготовленная творческимъ народнымъ геніемъ предъидущихъ поколѣній, что только давай Богъ руки успѣвать записывать хоть самую малѣйшую долю всего ими слышаннаго. Кромѣ того, я всегда имѣлъ широкую возможность варіанты доставленные мнѣ однимъ какимъ-либо лицомъ, изъ одной какой-либо опредѣленной мѣстности, провѣрять сходными или подобными изъ записанныхъ мною, изъ доставленныхъ другими лицами изъ разныхъ бѣлорусскихъ мѣстностей, и со всѣми бывшими въ моемъ распоряженіи печатными бѣлорусскими сборниками, изданными русскими и поляками. Подлинность многихъ пѣсенъ подтверждается еще паралельными варіантами изъ двухъ, обязательно уступленныхъ мнѣ Н. А. Руберовскимъ и г-жею Л. П. Скляренко небольшихъ сборничковъ, составленныхъ ими con amore, совершенно помимо моей иниціативы. Къ тому же не мѣшаетъ прибавить, что г-жа Скларенко никогда не думала (какъ мнѣ достовѣрно извѣстно) обнародовать свой

трудъ. Большая часть этихъ сборничковъ вошла въ составъ предлежащаго труда, и любознательный читатель имѣетъ полную возможность провѣрить сказанное.

Та же разнородность состава моихъ сотрудниковъ, не только незнакомыхъ между собою (я говорю о большей части изъ нихъ), но не имѣющихъ никакого понятія другъ о другѣ, можетъ служить, кажется, вполнѣ достаточнымъ ручательствомъ за вѣрность основныхъ началъ принятаго мною бѣлорусскаго правописанія. Какъ русскіе, такъ и поляки, какъ православные священники, такъ и католики, какъ ученики уѣздныхъ училищъ, гимназій, семинарій, такъ и ученицы духовныхъ училищъ, дамы высшаго и средняго круга и пр.—всѣ они въ записанныхъ ими матеріалахъ, обязательно мнѣ доставленныхъ, смягчаютъ *д* черезъ *з* и *т* черезъ *ц*, *ць* передъ йотированными гласными и послѣ нихъ, *лъ*, *в* — замѣняютъ ў и т. д. И поэтому, не владѣя громадною эрудиціей многоуважаемаго П. А. Безсонова, которая его уполномочиваетъ производить реформы въ бѣлорусской орѳографіи, я не считалъ себя въ правѣ уклониться отъ того способа изображенія характерныхъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія, который употребляется почти всѣми моими туземными сотрудниками, и обязанъ былъ сохранить его ненарушимо до тѣхъ поръ, пока счастливый случай не доставитъ мнѣ возможности побывать самому среди народа во всѣхъ главныхъ пунктахъ коренной Бѣлоруссіи и провѣрить собственнымъ слухомъ то, въ чемъ могли ошибиться туземцы. Опытъ мнѣ показалъ, что мѣстные жители не всегда достаточно чутки къ роднымъ звукамъ своего языка.

Настоящее количество всѣхъ нумеровъ этого сборника заходитъ за 1000, хотя занумерованныхъ менѣе. Всѣ нумера обставлены указаніями: кѣмъ и гдѣ они записаны, или изъ какихъ печатныхъ источниковъ позаимствованы — послѣднихъ, впрочемъ, весьма не много: десятка два, три не болѣе.

Прежде чѣмъ окончу этотъ отчетъ, считаю дѣломъ совѣсти оговориться въ слѣдующемъ: на 734 стр. этой книги, въ выноскѣ, говоря о томъ, что въ Бѣлорусскомъ Сборникѣ г. Безсонова для читателя остаются загадочными №№, значущіеся подъ пѣснями, я прибавляю: въ предисловіи издатель не предупреждаетъ недоумѣ-

нія читателя на этотъ счетъ." Это не совсѣмъ вѣрно. Въ „объясненіи къ изданію", стр. LIX, издатель именно обѣщаетъ указать въ заключеніи изданія (т. е. въ слѣдующемъ томѣ) „живое мѣсто каждаго образца, откуда онъ взятъ". Дорожа больше всего провѣркою разныхъ отдѣловъ своего собранія съ однородными матеріалами у другихъ собирателей, я въ Сборникѣ г. Безсонова устремилъ все свое вниманіе преимущественно на его текстъ, недосмотрѣвши много интересныхъ его „объясненій" и, между прочимъ, приведенное выше его обѣщаніе, въ чемъ и прошу извиненія у ученаго издателя. Впрочемъ и самъ почтенный П. А. согласится, что и самое обѣщаніе, какъ-бы оно искренно ни было, едва ли устраняетъ возможность недоумѣнія читателя на счетъ значенія вышеназванной нумераціи, которая безспорно разъяснится въ послѣднемъ томѣ его изданія. Ну а если какія-либо непредвидѣнныя обстоятельства задержатъ какъ-нибудь и надолго выходъ въ свѣтъ приготовленнаго даже къ печати тома — гдѣ тогда заинтересованному дѣломъ читателю искать разгадки все-таки непонятной для него нумераціи?

Въ заключеніе считаю пріятнѣйшимъ долгомъ заявить здѣсь искреннѣйшую мою благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя словомъ и дѣломъ содѣйствовали при составленіи этого Сборника.

П. Шейнъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БѢЛОРУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Весѣдныя пѣсни.

Весѣдныя пѣсни.

Разгульныя пѣсни.

Застольныя.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Поправки собирателя и опечатки.

Страница тома.	Страница оттиска.	Строка.	Напечатано:	Читай:
286	2	5 сн.	телицу	целицу
291	7	4 св.	яё	яе
			вездѣ нужно читать яе, т. е. е, какъ нѣм. je, а не ё	
294	10	6 и 7 св.	кутецъ, скутецъ	куцецъ, скуцецъ
		—	кутецъ	куцецъ
317	33	7 сн.	жоруў	жороў
—	—	11 —	заорейка	запрейка
326	42	9 сн.	прецизу	прециў
328	44	7 св.	гостинчики	госцинички
330	46	14 сн.	гостинчики	госцинички
—	—	7 сп.	по бѣляеўому	по бѣлявому
331	47	1 св.	мидзяного	мизенаго
333	49	6 сн.	показаицъ	показывацць
336	52	3 сн.	подъ	надъ
438	54	14 св.	солнца	соунца
341	57	6 сн. во 2 ст.	канку	жонку
353	69	15 св. во 2 ст.	малая мястечко	малоя мясцечко
354	70	14 сн.	чауникъ	чоўнокъ
358	71	6 св.	тѣмъ же	тою
361	77	14 сн.	бораднымъ	борзымъ
362	78	9 сн.	А намъ-жа	А пашъ-жа
367	83	9 св.	господарь	господаръ
—	—	11 св.	Причина	Причини
—	—	16 св.	на похацѣ	па попохацѣ
368	84	15 сн.	зъ новыми	зъ повымъ

Страница тома.	Страница оттиска.	Строка.	Напечатано:	Читай:
369	85	5 св.	запасаў	запасаваў
—	—	10 св.	отъ нариву	отъ норовy
371	86	15 св.	лечлѣиица	лелѣвица
372	87	4 св.	дрова	дровы
373	88	5 св.	жóну	жаноў
—	—	6 св.	вял:ная	вяленоя
—	—	18 св.	цепляю	цеплаю
–	—	7 сн.	шастаць	шастанць
374	90	6 св.	комаръ	попаръ
—	—	16 св.	По паръ	Попаръ
377	93	9 св.	хороша	хороша
—	—	10 св.	село	мѣстечко
—	—	14 сн.	нядокошные	нядокушные
—	—	15 сн.	Девять	Дзевяць
378	94	8 св.	этомъ	гэтомъ
382	98	15 и 14 сн.	Самъ	Сама
383	99	8 св.	Колѣ	Коле
384	100	10 св.	кивали	ковали
—	—	3 и 4 сн.	толе	то лѣ
385	101	16 св.	Да на томъ	Да на той
389	105	2 св.	паша	наша
392	108	1 сн.	А тымъ	На тымъ
393	109	2 св.	стрѣла	стрѣлу
394	110	6 сн.	козливы баты	козловы боты
397	113	9 св.	кирпня	корина
—	—	15 св.	ясепъ	ясенъ
398	114	13 сн.	ня чула	ня чули
399	115	7 св.	перецень	персцень
400	116	15 сн.	Солоўви	Солоўи
401	117	5 сн.	16 N	165 N
—	—	1 сн.	Очанулась	Очхнулся
405	121	12 св.	быкъ просцень	дыкъ просцень
419	135	14 св.	Богъ суддая	Богъ судзэя
—	—	2 сн.	жойтымъ	жоўтымъ
422	138	3 сн.	пищи	пици
425	141	8 сн.	пирогомъ	порогомъ
427	143	7 сн.	25 Іюня	23 Іюня
432	148	7 сн.	А ракъ	Аракъ
435	151	8 св.	Да и не	Да и что
—	—	9 сн.	Гдзѣ жь ты	Гдзѣ жь ты была
444	160	1 св.	маце	маци
449	165	10 св.	тужици	тушици
461	177	2 сн.	за	зъ

Страница тома.	Страница оттиска.	Строка.	Напечатано:	Читай:
471	187	2 сн.	Ай папи	Ай пане
481	197	2 сн.	Ты	То
490	206	11 сн.	Какъ	Кабъ
492	208	9 сн.	Цяцяночка	Тацяночка
497	213	6 св.	па богасе	па богацце
499	215	13 св.	дождзу	дожджу
505	221		Ў вобрѣ, ў вобрѣ,	Ў бобрѣ, ў бобрѣ,
508	224	5 сн.	На галоўньки	На галоўеньки
510	226	1 св.	брисць	брысць
—	—	2 сн.	спради	прасци
515	231	9 сн.	разводюць	разводзюць
516	232	5 сн.	тихій	цихій
—	—	11 св.	молодѣ	молодзѣ
517	233	13 св.	стухать	стукаць
518	234	3 св.	хрустынька	хустынька
—	—	14 св.	дѣўка	дзѣўка
—	—	9 сн.	По зеленькимъ	По зелененькимъ
519	235	17 сн.	Зъ надъ	Зъ подъ
520	236	11 св.	въ замкѣ	въ замужствѣ
—	—	11 сн.	Толкованіе	Толкованіе сна
523	239	4 св.	ли	ни
526	242	2 сн.	пацирила	поцирала
535	251	16 сн.	у хозяина	хозяина
540	256	6 сн.	дворючику	дворочику
549	265	9 св.	пять	десять
551	267	10 св.	6	5
559	275	3 сн.	шлеўцеў	шлейцеў
560	276	11 св.	стряпенулася	страпенулася
575	291	10 сн.	роры	розы
581	297	11 св.	цапухай	сопухай
—	—	13 сн.	казнись	поздпись
589	305	10 св.	па мнѣ	по мнѣ
594	310	10 св.	драгнула	дрыгнула
—	—	16 св.	скурвывъ	курпывъ
—	—	14 сн.	нижи	мижи
605	321	5 св.	Прожу	Прошу
612	328	12 св.	Наткосничкомъ	Надкосничкомъ
627	343	3 св.	злучишь	злушшь
—	—	11 св.	крови	брови
629	345	3 св.	Сяци	Свяци
634	350	6 сн.	пропущено: И виды близкіе	
639	355	7 сн.	начинается	пазначается
645	361	4 сн.	рутьяный	рутвяный

Страница тома.	Страница оттиска.	Строка.	Напечатано:	Читай:
647	363	6 сн.	звѣнчати	вѣнчати
649	365	15 св.	рушничкомъ	рушничкомъ
653	369	11 св.	вярчочекъ	вяршочекъ
654	370	15 св.	обрядомъ	образомъ
655	371	3 св.	насъ	нашъ
660	376	3 сн.	яичной	ячной
669	385	14 св.	бѣлоруссовъ	бѣлорусскаго
670	386	9 св.	громадины	громадове
672	388	7 св.	имъ	семь
675	391	4 св.	тулейкахъ	жулейкахъ
676	392	7 сн.	жидовеў	жидовьеў
678	394	16 св.	уветали	увитали
696	412	7 св.	Зъ подкаменя	Зъ подкаменя
698	414	5 св.	няйже	пяйже
701	417	18 св.	Сказы	Скажи
702	418	14 сн.	зъ витами	квитами
712	428	13 св.	точку	дочку
—	—	8 св.	быльмачку	быльшачку
717	433	1 сн.	сѣна	сѣни
720	435	2 сн.	To, to	So, so
722	437	10 св.	Спорымъ	Спорышъ
732	447	9 сн.	дерeви	деревни
736	451	1 св.	шумъ смяцця	шумъ, смяцця
752	467	1 сн.	надъ	подъ
757	472	9 сн.	разовыя	розовые
768	483	8 сн.	вокошеўкомъ	вокошечкомъ

Выпускъ шестой, 1864, подъ ред. Н. В. Калачова и В. В. Стасова. Ц. 2 р. 50 к.

Изслѣдованія, описанія и матеріалы: Югозападная часть Томской губерніи. — Артели въ древней и нынѣшней Россіи. — Лѣсопромышленность по Унжѣ и строеніе гусянокъ. - Этнографія Европейской Турціи, съ картою.— Монгольскія сказки. — Великорусскія загадки. — Сборникъ Олонецкихъ словъ.—Библіографическій указатель.

Смѣсь: О скопцахъ.—Суевѣрные обряды при постройкѣ дома въ Подольской губерніи.—Бѣломорскія преданія.—Черемисы Красноуфимскаго уѣзда.—Средне-Вилюйскій улусъ.

Въ приложеніи: О собираніи предметовъ для Этнографическаго Музея Общества.—Программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Записки Общества по Отдѣленію Этнографіи:

Томъ первый, 1867, подъ ред. В. И. Ламанскаго. Ц. 2 р

Этнографическіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю. — Бѣлорусскія пословицы.—Скопческая секта въ Симбирской губерніи. — О скопцахъ Перемышльскаго и Лихвинскаго уѣздовъ. — О Лето-Славянскомъ языкѣ. — О матеріалахъ для объясненія народнаго юридическаго быта.— Что сдѣлано у насъ по обычному праву. — Памятники русской народной рѣчи и словесности. - Свадьба на Угорской Руси.—Преданія о кладахъ, съ замѣткою и чертежемъ.

Томъ второй, 1869, подъ ред. Л. Н. Майкова. Ц. 2 р. 50 к.

Понятія крестьянъ Орловской губерніи о природѣ физической и духовной.—О русскихъ жителяхъ береговъ рѣки Оягн. О Ярилѣ.- Сербскія пословицы.—Галицкія и Угорскія пословицы и поговорки.—Бѣлорусскія пословицы и загадки.—Народныя увеселенія въ Иркутской губерніи.- Круговыя игры и пѣсни въ селѣ Ушаковскомъ, Шадринскаго уѣзда.—Великорусскія заклинанія.—Мурманскій и Терскій берегъ по Книгѣ Большаго Чертежа.—Народные юридическіе обычаи въ Малороссіи. — Географическія и этнографическія свѣдѣнія о древней Россіи изъ разсказовъ Итальянцевъ.

Въ приложеніи: Указатель сочиненій о коренныхъ жителяхъ Прибалтійскаго края.

Томъ третій, 1873, подъ ред. Л. Н. Майкова, Ц. 2 р. 50 к.

Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи.—О Куцо-Влахахъ. — Мѣстныя названія Славянскихъ предѣловъ Адріатики. — О племенномъ составѣ населенія въ княжествѣ Сербскомъ, съ картою.—Очерки частнаго быта Евреевъ. — Этнографическія наблюденія на Олонецкомъ юговостокѣ.- Памятники Олонецкаго народнаго творчества.

Томъ четвертый, 1871, подъ ред. А. И. Савельева. Ц. 3 р. 50 к.

Роспѣвцы секты людей Божіихъ. — Этнографическая карта Привислянскихъ губерній, съ объяснительною къ ней запиской - Остатки языка Полабскихъ Славянъ. — Деревня Княжая Гора, Лугскаго уѣзда. — Курилы. — Юридическій бытъ Болгаръ.—Областная карта трехъ автокефальныхъ Славянскихъ церквей на Балканскомъ полуостровѣ, съ объясненіемъ къ ней·

Томъ пятый, 1873, подъ наблюд. О. Ѳ. Миллера и П. А. Гильтебрандта. Ц. 2 р. 50 к.

Календарь по народнымъ преданіямъ въ Воложинскомъ приходѣ, Ошмянскаго уѣзда.—Сборникъ Бѣлорусскихъ пѣсенъ И. Носовича.—Такой же—П. Шейна.

Труды Этнографическо-Статистической Экспедиціи въ Западно-Русскій край. Юго-Западный Отдѣлъ:

Томъ первый (въ двухъ выпускахъ), 1872, подъ наблюд. П. А. Гильтебрандта. Ц. 2 р.

Вѣрованія и суевѣрія.—Загадки и пословицы.—Колдовство (документы процессы и изслѣдованіе).—Указатель.

Томъ третій, 1872, подъ наблюд. Н. И. Костомарова. Ц. 2 р. 50 к.

Народный календарь или дневникъ, съ относящимися къ нему пѣснями, изъ которыхъ значительная часть сопровождается нотами.

Томъ пятый, 1873, подъ наблюд. Н. И. Костомарова. Ц. 3 р.

Пѣсни любовныя, семейныя, бытовыя и шуточныя.

Томъ шестой, 1872, подъ наблюд. П. А. Гильтебрандта. Ц. 2 р.

Народные юридическіе обычаи по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ: Очеркъ волостнаго суда и обычаевъ.—Систематическій сборникъ уголовныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ.—Систематическій сборникъ гражданскихъ рѣшеній волостныхъ судовъ.—Указатель.

Томъ седьмой (въ двухъ выпускахъ, съ тремя картинами), 1872, подъ наблюд. П. А. Гильтебрандта Ц. 3 р. 50 к.

Евреи.—Поляки.—Племена немалорусскаго происхожденія.—Малоруссы (статистика, сельскій бытъ, языкъ).—Указатель.

Печатаются:

Записки по Этнографіи, томъ шестой.

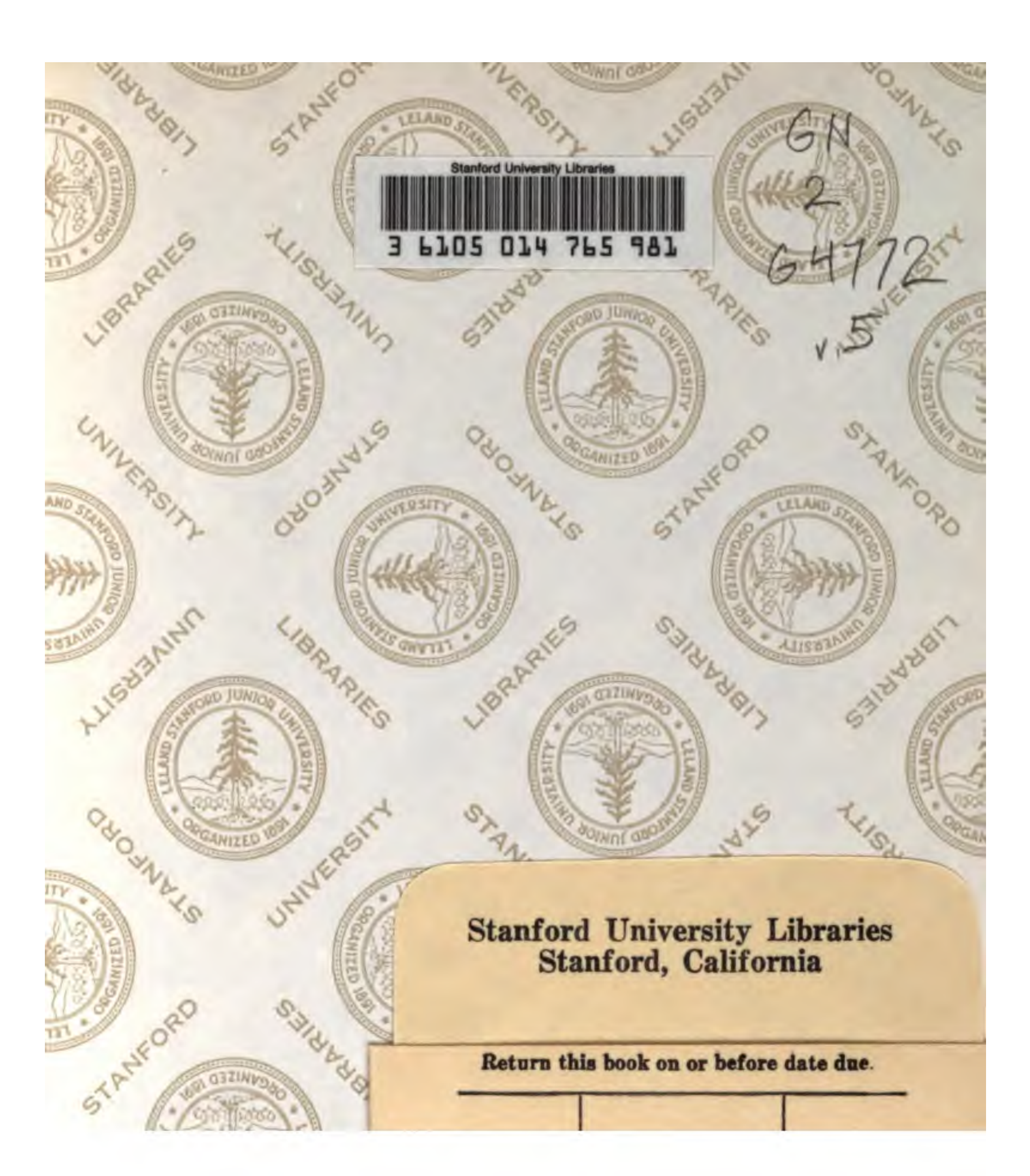
Труды Этн.-Стат. Экспедиціи въ Западно-Русскій край. Юго-Западный Отдѣлъ:

Вторые выпуски I-го и VII-го томовъ.

Второй томъ (Сказки миѳическія и бытовыя).

Четвертый томъ (Пѣсни обрядовыя).

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891



Stanford University Libraries
3 6105 014 765 981
GN
2
G4772
v.5
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.